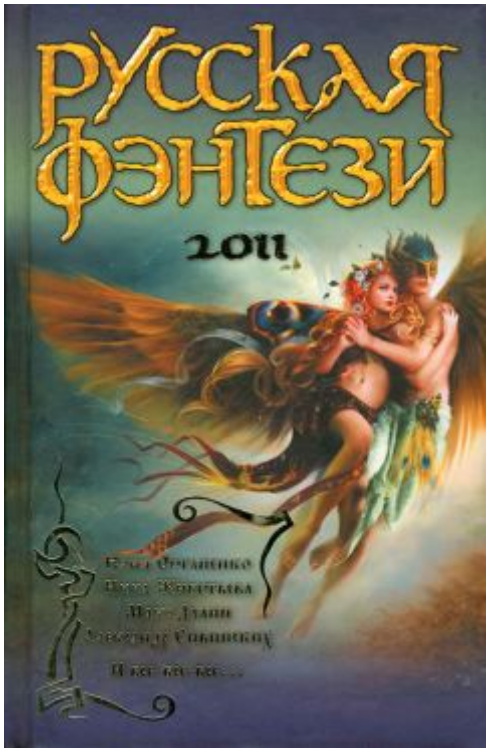

"Лора Андронова - Русская фэнтези 2011"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Русская фэнтези 2011

Лора Андронова

ТЕМНЫМИ ТРОПАМИ[1]

Земля легко сыпалась сквозь пальцы, не пачкая кожу, оставаясь висеть в воздухе серым облачком. Сняв верхний слой, Пит поднялся, посмотрел на часы. Отряхнул джинсы и медленно, как учил дедушка, провел рукой над могилой. Та отозвалась — глухо, недовольно, не желая отпускать постояльца.

— Темными тропами, светлыми путями, выйди из сумерек, разорви цепи, — забубнил мальчишка, не отрывая взгляда от исчерканного листа школьной тетради.

Почва чуть шевельнулась. Пит со страхом посмотрел вниз и перевернул шпаргалку на другую сторону.

— Черное марево отмети прахом…

По земле, все расширяясь, пробежала трещина. В открывшемся провале смутно мелькнуло что-то блестящее, багровое, заметалось, ища выход. Зашуршал гравий.

— Солнцу ушедшему поклонись снова, — скороговоркой закончил Пит и юркнул за ближайшее дерево.

Ночное небо расколола алая молния, и на секунду сделалось совершенно светло. Стали видны кресты и статуи, торжественные склепы и деревянные скамьи, стал виден далекий лес и церквушка, словно спиной повернувшаяся к одинокой, развороченной могиле без надгробия.

Едва Пит успел прижаться к шершавому, пахнувшему смолой, стволу, как кладбище тряхнуло, закаркали вороны, разноголосо завыли окрестные псы, и из земли потянулась рука, схватилась за пучок травы.

— Господи, господи, — зажмурившись, шептал паренек. Потом вспомнил, что дед говорил про молитвы, и оборвал себя. Глаза же решился открыть, только когда карканье и вой прекратились.

Вокруг снова было темно и тихо. Мигая, разгорался фонарь, ветер гонял по дорожке обертку от мороженого. Возле распахнутой безымянной могилы, покачиваясь, стоял высокий, сутуловатый человек в довоенном костюме и новеньких, но испачканных глиной ботинках.

Неуверенно тряхнув головой, он сделал шаг, потом другой, и вдруг стал заваливаться набок, на жесткие, аккуратно подстриженные кусты. Упасть он не успел: тонкие мальчишеские руки обхватили воскресшего за плечи.

— Дедушка, — сказал Пит. Уткнулся носом в знакомый с детства пиджак и заплакал.

Старик пришел в себя на полпути к шоссе. Провел ладонью по лицу, чихнул, достал из кармана клетчатый платок и трубно высморкался. Осмотрелся, бормоча что-то неразборчивое, хмурый взгляд остановился на Пите.

— Ты что, малец, себе позволяешь?!

— Деда…

— Какой я тебе деда!

Мальчик виновато шмыгнул:

— Георг Петрович…

— Всю жизнь Георг Петрович был и после смерти остался!

— Я хотел как лучше.

— Он хотел! Посмотрите на него! Великий Хотетель! Мало ли чего ты хотел! — Старик инквизиторски воззрился на внука. — Сколько дней прошло?

— Шесть, все как учил.

Георг фыркнул.

— Все как учил! — передразнил он. — Надо же, какой прилежный!

— У меня тут записано. — Пит робко помахал листочком с каракулями. — Слово в слово.

— Подумать только! — восхитился дед. — Записано! Слово в слово! Собственной ручкой! А у тебя записано, чем грозит скорое оживление?

Пит кивнул, нахохлившись.

— А поразмышлять не пробовал на эту тему? Пораскинуть мозгами? Воображение подключить — хотя бы на четверть мощности?

— Но ведь…

Тот не слушал.

— Десять лет потратил! С колыбели, можно сказать, вдалбливал, рассказывал, расписывал, объяснял что да как. И все зря! Ничего в башке не задержалось: пустота сплошная, плесень, паутина и мухи жужжат. Дурень — одно слово. Чем венчается наше гордое фамильное древо?

Внук шмыгнул носом, не решаясь ответить.

— Сморчком! Хлюпенькой поганкой! Да, не видать больше нашему роду славы Бессердечного Боба и Алекса Ненасытного!

Георг посмотрел по сторонам и решительно зашагал через шоссе. Пит вцепился ему в локоть, не смея отстать и на сантиметр. Дорог он очень боялся, даже таких — тихих, пустынных. Особенно таких.

— Мне было страшно.

— Веская причина, что ни говори! Ты когда замерзнешь зимой — подожги город. Очень, говорят, согревает.

Пит крепче сжал дедову руку.

— Я скучал.

В остром стариковском взгляде на мгновение мелькнула теплота — и тут же растворилась в рассветной прохладе.

— Надо же, — пробурчал он. — Как трогательно. Идем домой, будем думать, что делать дальше.

* * *

Квартира встретила их запахом борща, свежего хлеба и тонким, едва уловимым ароматом свечей.

Скинув ботинки и вымыв руки, Георг уселся за стол. С усмешкой отодвинул раскрытый на середине *Codex Gigas.*

— Неплохо бы поесть, — заметил он.

Пит просиял и засуетился.

— Вот супчик, сметанка, хлебушек — все как ты любишь.

— Что к чаю?

— Эклеры, шоколадные.

— С поминок остались, что ли?

— Не, новые купил.

Дед милостиво кивнул.

— Неплохо, — зачерпнул ложку свекольной гущи, с удовольствием принюхался. — Эй, а ты-то что к сладкому тянешься? Живо положи на место. Не заслужил.

Эклер вернулся на блюдо, и Пит вздохнул — одновременно расстроенно и довольно. Пусть ворчит, пусть ругается — только чтобы был рядом, не оставлял одного. Он хотел это сказать вслух, но не сказал — побоялся.

— Встань тут. — Георг показал горбушкой на место возле книжного шкафа. — Так. Теперь отвечай: ты у нас кто?

— Пит Янсон.

— Мило. И все?

— Не-некромант, — заикаясь, проговорил мальчишка.

Корешки фолиантов за его спиной переливались всеми оттенками потускневшего от времени золота.

— Чудесно! Хоть это ты помнишь. В чем состоит твоя первейшая обязанность согласно Своду?

Пит переступил с ноги на ногу, чувствуя, как слабеют колени.

— Присматривать за кладбищами города… Упокаивать… Развоплощать… В особых случаях — вызывать духов.

— М-м? Неужели? А не говорилось ли там чего насчет воскрешения скончавшихся родственников? Например, что это — особо рекомендованная процедура для юных некромантов?

— Возвращать недавно умерших к жизни строго запрещено, — еле слышно отозвался Пит.

Отставив пустую тарелку, Георг придвинул к себе кружку с чаем и эклеры.

— Я старый человек, — сказал он печально. — Такой старый, что уже даже покойный. Склероз меня донимает, жуть как. Не подскажешь, к чему такие строгости?

— Воскрешенный будет использовать жизненную силу некроманта и в результате…

Георг шумно заглотил третий эклер.

— Да-да? В результате?

— Выживет тот, кто сильнее. Второй угаснет, — отозвался Пит, морщась от головной боли. Ноги ослабели настолько, что ему пришлось опереться о стул.

Не обращая внимания на побелевшего внука, Георг задумчиво прихлебнул чаю.

— Что-то мне это все напоминает. Только вот — что? Проклятый маразм!

Он потянулся, посмотрел в потолок, полистал *Codex*.

— Ах, точно! Ты оживил меня, и теперь один из нас определенно угаснет. — Дед бросил косой взгляд на дрожавшего Пита. — И не нужно быть особым пророком, чтобы понять кто.

Георг поднялся, сгреб бледного до синевы парнишку в охапку и отнес на диван. Подложил подушку, укрыл пледом. Вернулся к столу, быстро собрал тарелки, поправил сбившуюся скатерть. Пит следил за ним сквозь пелену слабости и тошноты, лежавшая под щекой рука была холодной, как камень, зубы отбивали дробь.

Потом дед сел на краешек дивана и сказал:

— Не делай так больше.

Его сухая рука коснулась лба мальчика, и тот потерял сознание.

Очнулся Пит на следующий вечер. Слабость прошла, он чувствовал себя так хорошо, что это могло означать только плохое. Отбросив одеяло, парнишка вскочил, заметался по квартире. Деда не было.

Натянув кроссовки, он выбежал на улицу, пересек двор и припустил по тротуару. До Приморского кладбища было две остановки на пятнадцатом, но Пит не ездил на автобусах. Не то чтобы боялся, нет. Просто не ездил.

У ворот мальчишка на минуту притормозил отдышаться и снова понесся — между строгих

клумб, по присыпанным песком дорожкам.

Одинокая могила без надгробия снова стала аккуратным холмиком с едва заметной вмятиной от отсутствовавшей таблички. Все было по-прежнему, кроме зловещего вида черного пса с горящими глазами. Помахивая облезлым хвостом, кобель прогуливался по истоптанной траве, охраняя.

— Хорошая собачка, — неуверенно сказал Пит.

Пес зевнул, демонстрируя великолепные клыки. Из пасти повеяло мерзлым смрадом — первым признаком нежити.

— Кис-кис, — еще неувереннее произнес мальчик и был вознагражден низким, неприятным рычанием.

Пит смутно помнил, что некромант может приручить баргеста, даже помнил страницу в книжке с витиеватой гравюрой, но кроме обрывочной фразы «…падок на сырое мясо…» в голове ничего не находилось. Осторожно пятясь от щерившегося пса, он выскочил за кладбищенскую ограду и побежал к ближайшему магазину.

В гастрономе сырого мяса не оказалось, и Пит свалил в тележку целый набор из колбас, сосисок, сарделек и копченостей всех видов. Кассирша глянула на изможденного русоволосого мальчишку с удивлением, присмотрелась внимательнее, вздрогнула.

— Спасибо, тетя Даша, — сказал Пит, рассовывая сдачу по карманам.

Сгреб покупки в пакет и поспешил обратно к кладбищу.

Возле могилы он вывалил все на землю, достал перочинный ножик и принялся кромсать мясные изделия. Порезал палец, зашипел.

— Кушать подано, ваше собачество, — сказал Пит, разложив копчености на пакете.

Баргест равнодушно принюхался, потянулся. Снова повел носом, одним прыжком очутился возле колбасы, но, проигнорировав угощение, скакнул к застывшему от ужаса мальчишке.

— Славный песик, — произнес тот дрожащим голосом.

Ледяное дыхание коснулось его шеи, он зажмурился и вдруг почувствовал, как собачий язык лижет его окровавленную ладонь. Открыв один глаз, Пит увидел, что адский пес сидит у его ног и умильно виляет костистым, похожим на грязноватую метлу, хвостом.

— Рядом! — важно приказал мальчик, и баргест покорно затрусил следом за ним.

Через пару часов, когда совсем стемнело, Пит был готов к ритуалу. Он встал над могилой, протянул руки и заговорил:

— Темными тропами, светлыми путями…

…На этот раз воскрешенный очнулся в квартире. Пошевелился, поморгал — и обнаружил, что сидит за кухонным столом. Пит стоял у плиты и деловито жарил котлеты, у его ног юлил баргест, выпрашивая мясные обрезки.

— Ах ты, предатель, — пробормотал Георг и профилактически шлепнул пса по тощему заду.

Тот заворчал и спрятался под раковину, обиженно кося оттуда огненным черным глазом.

— Дедушка! — обрадовался Пит. — Сейчас будем кушать!

— Кушать?! Я уже сыт по горло — тобой и твоими фокусами!

— Погоди…

— Когда ты уже успокоишься? Тебе вчерашнего дня было мало? Чуть коньки не откинул!

Пит выключил газ и вытер руки каким-то вышитым куском черной парчи.

— Я все предусмотрел!

— Думаешь, мне так весело скакать туда-сюда из гроба в гроб? Дай мне покой!

— Дед, ну послушай!

Старик вилкой подцепил котлету прямо со сковородки и сказал:

— Послушаю, отчего бы не послушать. Благо — время позволяет. Еще пара часиков есть до того, как ты свалишься замертво.

— Не свалюсь! Я по аптекам прошелся, по магазинам, — затараторил Пит. — Накупил всякого, должно помочь.

Жестом фокусника он вытащил из-под стола корзинку, доверху набитую пучками трав, лекарствами, упаковками витаминов, пачками кофе, банками с тонизирующими напитками. Часть коробочек была раскрыта, плитки шоколада ополовинены.

— Что это? — близоруко прищурился Георг. — Маралий корень?

— И он тоже. Бодрящее, поднимающее тонус, укрепляющее жизненную силу… Я уже принял всего по чуть-чуть.

— Ты бы еще стены в оранжевый цвет выкрасил.

Пит вскинулся.

— А что? Помогает?

— Ага. Не хуже остальных твоих… снадобий. Примерно как лечить перелом, обматывая руку нарядной ленточкой: толку никакого, зато хоть приятно.

— Но, может…

— Не может. От этого нет спасения. Сейчас вот покушаю — и пойду обратно, помирать. — Он потянулся к горчице. — Не понимаю, на что ты надеялся? Найти абсолютный оживлятор и прославиться в веках? Пит Путеводный — звучит неплохо.

Некоторое время стояло молчание. Георг терзал пятую котлету, Пит сидел на табурете, невидяще глядя на чирикавших за окном воробьев. Слабость подступала волнами — то

накатывала, то отпускала. Цокая когтями по линолеуму, к нему подошел пес, положил голову на колени.

— Не понимаю, как ты мог умереть так внезапно? — неожиданно зло и сердито заговорил паренек. — Ты же был здоров.

Взгляд Георга был пустым, непроницаемым.

— Старость, понимаешь ли. Сердце поизносилось, легкие. А уж печень… Про маразм я, кажется, уже упоминал?

— Неправда! Ты еще крепкий, бодрый!

— Был бодрый, — поправил дед, вставая.

— Ты не имел права оставлять меня одного!

— Скотина я эгоистичная, — покаянно согласился Георг.

С далеко не старческой быстротой он выпорхнул из кухни и, прежде чем Пит успел опомниться, заклинил дверь снаружи шваброй и стулом.

— Деда, пусти!

— Как же. А то еще побежишь меня снова выкапывать.

— Деда, пусти!

— Как же. А то еще побежишь меня снова выкапывать.

Загремели ключи, и Пит остался наедине с похрапывавшим псом.

Выбраться из квартиры пареньку удалось только под утро. Защелкнув на шее баргеста новый ошейник с поводком, он побрел к кладбищу, гадая, что на этот раз изобрел дед, чтобы помешать ему воскресить себя.

Возле безымянной могилы Пит остановился и какое-то время топтался на месте, беспомощно озираясь, не в силах поверить в произошедшее.

Земля была по-прежнему разворочена, гроб распахнут. Георга в могиле не оказалось.

Пит бросился к сараю, обшарил полки и обнаружил, что пропала лопата и несколько веревок. На дощатом полу валялась пуговица — коричневая, старомодная. Он сел возле нее на корточки, сдерживая глупые детские слезы.

Где теперь искать деда? В лесу? В море? На пляже? В чужой, неизвестной могиле? Ерундовая задача для опытного некроманта, непосильная — для подростка.

— Я стану опытным, обещаю! Стану известным, стану настоящим мастером! — прошептал он. — Я найду тебя и сделаю так, чтобы мы оба могли жить.

Скакавший рядом баргест положил ему лапы на плечо и лизнул в мокрую щеку. Пит сжал пуговицу в кулаке и поднялся.

Topreading.ru

— Идем, — сказал он. — Надо придумать тебе имя.

* * *

Волны шуршали галькой возле пещерки на маленьком острове, где гостили только чайки. Завалив вход, Георг отбросил лопату и улегся на камни, отсчитывая последние удары сердца. Под голову он пристроил табличку, снятую перед ритуалом с могилы внука, несколько дней назад. Четкая надпись *«Пит Янсон, 20 апреля 2000 — 1 марта 2010»* — в темноте не была видна, но она и так огнем горела в его памяти.

«Парню рано было в землю, — в который раз подумал дед. — Слишком рано. Пусть поживет еще, глядишь — и правда прославит род. Интересно, поймет ли он когда-нибудь, что произошло, вспомнит ли? Чертов автобус. Чертов. Автобус».

Георг закрыл глаза и увидел русоволосого мальчишку, ведущего на поводке здоровенного лохматого пса. Они шли вперед — небыстро, поглядывая по сторонам — темными тропами, светлыми путями.

Артем Белоглазов

ПО ГРИБЫ[2]

Аз

— Молчит, — скрипнул в сенях простуженный мужской голос. Затем, громче и визгливей, скрипнула входная дверь; с дребезгом упала щеколда. Бухая сапожищами, вошедший остановился на пороге и с кряхтеньем принялся разуваться.

— А-а? — вскинулся с табурета хозяин, который сидел, уронив на кухонный стол крупные заскорузлые руки, и бессмысленно глядел перед собой карими, навыкате, глазами.

— Молчит, говорю, — с легкой одышкой буркнули из прихожей. — Уж я его, гада, и так и сяк мурыжил… К столбу привязал. Обертывал, как велели. Молчит, собака. И половик изодрал — диво, какой прыткий. Насилу щепой угомонил: запалил, ох и воняет! Нет больше щепы-то, одну дали. Меленькая, тонкая… тьфу! Натерпелся я, Фрол. Изгалялись, знаешь как? Ты не знаешь… Дали одну. Ремень дали. И половик. А этот гад в клочья его. Зашить бы, сгодится. Колька, значит, остерегал, чтоб не выбрасывал. Как выбросишь — сладу не будет. Бает, ну… плотник бает, Колька Чумак, — вилами хорошо. Страсть они вил робеют, если непользованные. Пошел вон, Обормот!

На кухню, обиженно мявкнув, влетел упитанный трехцветный котяра. По поверью, такие приносят удачу в дом. Обормот не приносил ничего, даже мышей. Зато жрать был горазд. Фрол обыкновенно брал кота на рыбалку и в гости. На рыбалку — потому что скучно, а в гости — потому как просили. «Фролушка, — прижав сухие ладошки к впалой груди, тянула Аркадьевна, соседка справа. — Голубчик! На минуточку! Чай стынет. Васеньке я сарделек отварила. Заходите. Чем богаты, тем и рады». Обормот, на людях — Василий, не всякое подношение принимал. Чуть что не так — нос воротит. Фыркает. «Брезгуешь, падла?! — ярился позже хозяин. — Омлетом гнушаешься, сукин кот? На шапку обдеру!» Обормот шипел и прятался под диван.

В открытое настежь окно с рассохшимися рамами врывались косые лучи полуденного майского солнца. Резвились зайчиками. В волосах безучастного Фрола вспыхивали, окрашиваясь

золотом, седые прядки. Костром пламенела алая рубашка, старенькая, но чистая. Искрились стеклянные дверцы буфета. По подоконнику деловито скакал воробушек, склевывая с разостланных внахлест газет черные, похожие на жучков, семечки. Газеты сюда положил Илья, семечки высыпал тоже он, для просушки. Василий, не удостоив наглую птицу взглядом, прошествовал к мойке, где шмякнулся набок в середину теплого желтого пятна и довольно заурчал.

На огороде, радуясь солнышку, весне и случившемуся дождю, зеленели клейкими молодыми листочками кусты смородины и малины. Высоченные, обширные, переплетенные вкривь и вкось до полной неузнаваемости. Меж неухоженных грядок, да и на них, буйствовали сорняки. Земля жирно блестела. По размякшим комьям, важно наклонив клювастые головы, расхаживали две вороны. Резким точным движением цепляли червей. Колыхалось на растянутой от сарая до бани проволоке белье.

— Да-а… — вздохнул Илья, пристраиваясь напротив хозяина. На клеенку в оранжевых подсолнухах, выгоревшую и исцарапанную, упала широкая тень: такие плечи молотобойцу под стать. — Ливануло под вечер. Грязища… Цельный час, считай, обстирывался. Штаны выше колен измарал, сапоги — вон, до сих пор сохнут. Я уж в твоих. Кыш! — гаркнул, шугая воробья. — Ворюга!

Кот вздрогнул и беспокойно повел ушами: слово будило нехорошие воспоминания. Однако уловив, что ворюгой назвали кого-то другого, Обормот успокоился и презрительно зыркнул на вошедшего. Ишь, гостенек, явственно выражал весь его облик. Распоряжается тут. Хоть бы молока налил. С голоду сдохнешь. Не молодой — понимать должен.

Гость не внял. Протянув лапу к буфету, он извлек заткнутую пробкой бутыль, взболтнул мутное содержимое и ловко опрокинул в рот.

— Для сугреву, — пояснил оплывшему на табурете хозяину. — Фуфайка-то мокрая, зараза. И семечки вот, — он кивнул на подоконник, — в карманах лежали. Из твоего мне только обувка впору. Ладно, в сыром покуда. Не сахарный.

Василий затосковал.

— Пошел, значит, по грибы. Полный короб, значит. — Утерев окладистую, с проседью бороду, Илья вернул бутыль на полку. — Забористый у Чумака самогон, Елизарыч. Распробовал. Пил я вчера, пил… До гула, до звона. И пошел. Гуляй, ретивое! Ум напрочь отшибло. Ноги кренделя выписывают, язык до пупа веревочкой, а сам… не помню. Иначе б нипочем не решился. Ужас… Ужас ведь кромешный. Намучился хужей псяки на живодерне. Ради тебя, Елизарыч! Все стерпел. Дали его, и щепу с половиком. Для укороту. Принес, ага. А он молчит… — Шумно сморкнувшись в кулак, Илья с немым укором воззрился на Фрола. — Слышь, кум, ты бы это… сказал чего.

Фрол ткнулся небритой щекой в клеенку и захрапел.

Буки

В сарае пахло лежалым сеном; пыль щекотала ноздри, и Илья, не сдержавшись, чихнул.

— Здоровей видали, — хмыкнули из угла.

— Поговори ужо! — Илья с размаху сунул вилами в темноту. До стены, правда, оставалось шагов пять, но жест вышел угрожающим.

В ответ мерзко захихикали:

— Вилы-то как есть магазинные. Иди, иди давай. Не доводи до греха.

Илья попятился и, злобно пришептывая, не смея обернуться к углу спиной, задом выскользнул из низкой щелястой двери. «Ох ты, едрит твою коромыслом!» — Позабыв нагнуться, он чувствительно приложился затылком. Быстро накинув петлю, щелкнул замком и, переведя дух, отер потный лоб.

— Каленое, бестолочь, — глумились вослед. — Железо каленое надобно. В кузне кованое.

— Замолчь! — сорвался на крик Илья. — Махом оберну!

— Ну, попробуй, попробуй, — возразили со смешком. — Глянь-ка, махом. Хоробрый выискался. Остолоп, вахлак, дубина! Обернет он, тю. Чем обернешь-то? Рваньем своим?

Илья тяжело оперся на вилы, новенькие, с нашлепкой ценника. Брехня… не боится. Или боится, да не ахти. Кованое… в кузне… С ума двинуться. А прыгнул бы? Сыромять порвет и… Мороз продрал по хребтине, превращая в обледенелого снеговика. Вилы заместо метлы сойдут. Метлой разве оборонишься? Растает снеговик. В зрачках лесного сполохи кувыркаются, ровно огонь в печи. Опалит и шкуру сдерет. Когтями.

Ледяные кристаллики крови царапали вены.

Илья поспешно сграбастал дырявый половичок, который висел на покривившемся от старости заборчике, и, нацепив на вбитый повыше притолоки гвоздь, зашкандыбал по мощенной кирпичом дорожке. Сердце ребра в груди пересчитывало, колени подгибались, затылок ныл свежей шишкой. Виски ломило. Мысли оттого носились, словно наскипидаренные. На забор лучше не перевешивать, а ну как не успею обратно? Пусть над дверью, надежнее. Откину на сторону и зайду.

— Пужать вздумал. Вилами! — с издевкой неслось от сарая. — Пуганые! Какие вилы счас делают? Срамота! А лопаты? Да они ж от щелчка гнутся. Запулю щелбан, вдогон — второй. И Фролу твому. Принес он. Из урману. Столковался! Узлом вкруг столба завяжу, крышу подпирать. Сымай половичок, ирод! По-хорошему сымай. Срок знаешь? Отмерено сколь? Повесил он. Тр-ряпье крашеное. Сказать, что дальше будет? Или сказали уже? Я вас, дуроломов, через пень колоду…

Фрол спал третий день кряду, грузное его тело квашней растеклось по дивану. Он не двигался, мочился под себя, на подстеленный брезент, который нашелся в сенях. Сначала Илья думал клеенку со стола употребить, да гоняя мерзавца Василия — тот орал, требуя кормежки, — заметил кусок брезента. Уж на что Илью Господь силой не обидел, и то замаялся приятеля тащить. То, что Фрол жив, определялось лишь по слабому дыханию и естественным отправлениям. Тут хоть через пень, хоть через колоду… Все едино. На кой ляд тогда в урман таскался? Судьбу искушать? Половичок того и жди расползется, штопаешь его, штопаешь…

— Вы, тупицы, цыганочку на раз-два плясать станете и в пояс кланяться!

Илья заткнул уши пальцами и, ежась, будто на студеном ветру, позорно припустил к дому — лисой от гончих.

У входа в сарай сиротливо торчали воткнутые в землю вилы. Метла без снеговика.

Веди

Жил Фрол бобылем. Любовь мимо прошла, дети не родил***и***сь, отец с матерью давно на погосте — цветы, оградка, часовня у ворот. Ни сестер, ни братьев Бог не дал. Врагов Фрол не нажил, друзей не завел. Без году полвека скоротал, не жаловался. Бычка растил — так продал год тому, а корову и подавно.

Никогошеньки у него не было, разве котов держал. Да кум еще из ближней деревни, Илья, гостевал порой. Когда-то работали вместе, сроднились. Коты, правда, мёрли. По шесть-восемь лет жили и мёрли, а то и чаще. Травились, пропадали, собаки рвали. По-разному.

Обормота, подкидыша блохастого, Фрол из пипетки выпаивал, слепенького. Вырос кот, заматерел: толстый, лохматый. Пользы никакой, а приятно. На рыбалку бегать повадился: сядет рядом, уставится на поплавок и смотрит не мигая. Нравилось ему.

Вскоре и польза обнаружилась.

Своеобразная.

Глаголь

Казалось бы — удача. Счастьюшко привалило: черпай ведрами и в закрома лей.

Хрен с уксусом.

Рог изобилия только в сказках. А на деле… Дрянцо ущербное, с изъяном. Кормит, слов нет, и поит. А про запас? Не хочу есть! — сытый. Чайник хочу, у старого эмаль откололась. Рубаху новую, шелковую. Удочку раздвижную, с катушкой. Курева вдосталь. У холодильника мотор барахлит, менять денег нет. Наволочка до дыр протерлась. Окна бы покрасить — облупились. На кухне рамы вставить прочные, а то гнилье какое-то. Забор выправить — падает. То есть столбушки, жерди, штакетины. Гвозди, мать вашу.

На что?! Без работы сижу. Карман пуст.

Поумнел Фрол — понял. Допрежь не разумел. Счастье прямо с неба грохнулось, манной. Чего ж не взять? Дают — бери, бьют — беги. Фрол взял.

«Елизарыч, а, Елизарыч, — басил зампредседателя Степан. — Заворачивай, покалякаем. Шея вот не гнется, продуло, видать. У меня холодец свиной, грудинка, пельмени со сметанкой. Кисель жена варила. Настоечки дерябнем клюквенной. Ваське — потрошков от пуза».

Фрол заворачивал. Жалко, что ли?

Уж и забыл, когда у плиты стоял, готовил. Кто гость дорогой? — Фрол. Кто званый? — опять Фрол. Пожалте, просим. Это для Василия. Котище-то у тебя! Мне б такого.

Уплетали за обе щеки. Вдвоем. Пока кот трескает, и хозяин вволю перекусит. Хлеб да соль, как говорится. Хлебом сыты, хлебом и пьяны. Подносили стопочку, не без того. Угощали щедро, вдругорядь и пощедрее. Сыром в масле Обормот с Фролом катались. Обормот-то и после не жаловался, а вот Фрол…

Избаловался Василий: блажить принялся, характер проявлять. Ему — Васенька! родненький! А он понюхает, понюхает, морду скривит — и за порог. Страшно подумать, дорогущую финскую

колбасу жевал и выплевывал; окорочок, ежели подгорел, не трогал; на сало фыркал, перченое, мол. Звиняйте, перченое не ем. Скотина пушистая.

Фрол, конечно, очень расстраивался, что деньгами нельзя, и презентами нельзя, и вообще — ничем. Не впрок. Пробовал поначалу-то. А толку? Договорился с Ванькой-трактористом огород вспахать, так лучше б сразу в урман пошел, на болотище, там сговариваться. С коробом, ну. Здрасьте, наше вам, как живется-можется? Придумали, то есть, словечко — по грибы. Грибов в том лесу отродясь не водилось.

Когда старики намекнули, мол, котофей твой приблудный — по всем мастям… Смекаешь? И приметы перечислили, включая голубой и зеленый глаза. Стало быть, выкормил животину, по праву владеешь. Законный хозяин. Фрол слушал, наклонив лобастую голову. Года два ему, шамкали деды, щупая Обормота корявыми дланями и заглядывая в пасть. В самую силу вошел. Давай уже, Фрол Елизарыч, м***о***чи нет. Артрит, подлый, замучил. И позвонки, слышь, хрустят? И в боку колет, и сердечко пошаливает. Магарыч? — уважим, от и до. Ешь, сколь влезет, пей, доколь не лопнешь. Но учти, с котом на пару.

Когда старики намекнули, мол, котофей твой приблудный — по всем мастям… Смекаешь? И приметы перечислили, включая голубой и зеленый глаза. Стало быть, выкормил животину, по праву владеешь. Законный хозяин. Фрол слушал, наклонив лобастую голову. Года два ему, шамкали деды, щупая Обормота корявыми дланями и заглядывая в пасть. В самую силу вошел. Давай уже, Фрол Елизарыч, м***о***чи нет. Артрит, подлый, замучил. И позвонки, слышь, хрустят? И в боку колет, и сердечко пошаливает. Магарыч? — уважим, от и до. Ешь, сколь влезет, пей, доколь не лопнешь. Но учти, с котом на пару.

Впервой-то Фрол купился. Михалычеву подагру враз починили; хилый Никодим сиял блаженной улыбкой, от грыжи избавившись; баба Надя клюку в чулан сунула, молодухой скакала. Прочие очередь занимали, на неделю вперед: врачевание шло строго по порядку — человек в день, и точка.

Не бедствовали, в общем, Фрол с Обормотом. Напротив.

Недолго счастье длилось.

Как Василий норов показал, да выперли обоих из хаты, не дав и пирога куснуть… сообразил Фрол, что к чему. Сильно ему это не понравилось, осерчал Фрол, и когда назавтра полдеревни — очередь очередью, а здоровье важнее — со своими хворями приперлось, условие выставил. Цену, понятно, не ломил. Люди близкие, родня почти, соседушки. На шапку там, обувку справную, по мелочи разное. Старые хрычи охали, хватались за больные места и дружно отказывали. Бранились сквозь редкие зубы, тряся бороденками. И не вздумай, балбесина! Платить ему. Нашел дураков.

— А покладистей кого сыщу, — упорствовал Фрол. — Скареды!

— Ищи, ищи, — ворчали кощеи, крутя пальцами у виска.

Елизарыч насупился и на другой день с Обормотом под мышкой направился к колченогому Ваньке. Давешним летом Иван улетел на мотоцикле под откос, правую ногу ниже колена приголубило люлькой. Двойной перелом большой берцовой кости со смещением — записали в районной больнице. Лечили Ивана как могли, а могли они неважно. Поэтому Фрол курил сейчас с Ванькой на крылечке и вяло торговался.

Предмет торга, Василий, возлежал под чахлой березкой; в ее куцей тени и совершалась сделка.

Неподалеку кружил, не решаясь погнать кота, Цыган — ублюдок терьера и овчарки. Год назад пес опрокинулся вместе с люлькой и с тех пор подрастерял бойцовые качества. Ванька держал Цыгана из жалости, в память о верной службе.

— Вспашешь да заборонишь, — толковал Фрол. — Опосля чекушку разопьем.

— Ну… — уклончиво разводил мослами Ванька. — Трактор ить не мой. Колхозный.

— Во! — напирал продавец. — Не твой. Стал-быть, можно. Не считается.

— Ну… — Иван затягивался крепким самосадом и кашлял с надрывом. — А вдруг?

Фрол чесал в затылке, и торг начинался по новой. Обормот насмешливо щурился на Цыгана; собака ожесточенно выкусывала репьи из хвоста, делая вид, что никого здесь и в помине нет. Двое рядились.

В итоге, устав препираться, ударили по рукам. Ни Иван, ни Фрол не очень-то верили в стариковские побасенки. В целительную силу Обормота верили, но в то, что задаром потребно — сомневались. Нашаромыжку? Щей похлебать, калачом заесть? Что ли, лопухи они?

Впрочем, коту шваркнули в миску полбанки тушенки и наблюдали — съест ли? Василий не оплошал, подмел вчистую. Не зря ж его Фрол с утра не кормил. Ну и сами за столом посидели. Чай, положено. Чай, по правилам-то и трактор с рук сойдет. Сравнили тоже — участок под картошку перелопатить или раз пожрать вкусно. С собой не дадут. Наворачивай, что поднесли. Сблюешь — твоя забота, меру знать надо.

Назавтра молодцеватый, бодрый, ничуть не хромающий Ванька выгнал со двора трактор, а час спустя перевернулся на ровном месте, измяв кабину в гармошку и сломав левую ногу.

На полувспаханном огороде завелись крысы.

Добро

В воскресенье, к обеду, в гости нежданно-негаданно нагрянул Илья. Когда еще обещался, а тут — нате, собственной персоной.

— Отпуск, значит, — загремел он с порога, едва поздоровавшись. — Готовь удочки, по заре на рыбалку… Эй, хозяин? Дома ли? Отстань, Обормот.

Никто не ответил; кот, урча, путался в ногах, выпрашивая еду. Подбегал к вылизанной до блеска миске, смотрел выжидающе. Илья заглянул в комнаты, покричал на улице; заметив на соседнем участке бабульку с граблями, поинтересовался — Елизарыча не видала?

— Видала, — подумав, согласилась бабка. — Дрова он колол, с утречка. Поддатый, соколик.

— Чего? — не расслышал Илья.

— Поддатый, говорю. Вишь, над баней дымок?

Илья задрал подбородок: из трубы курились белесые клубы.

Фрол обнаружился в предбаннике, где лежал, скрючившись, на лавке. В воздухе плавал едкий слоистый туман, глаза щипало; матюкаясь с загибом в душу-бога-черта и легион присных его, Илья распахнул дверь, подпер кочергой и проверил дымоход: заслонка чуть выдвинута, а

вытяжка в самой бане… мать честная! Вытащив затычку, он в сердцах жахнул тряпьем об пол.

— Что ж ты? Угоришь ни зазря!

Кум засопел и перевалился на живот. Ухватив приятеля за шиворот, Илья сволок его с лавки и потащил к выходу; Фрол мычал и норовил сверзиться на карачки.

То ли пьяный, то ли сомлел дюже? Илья не понимал, что случилось с кумом. Спиртным от него не пахло, угореть не долж***о***н: печь в бане не чадила, дым скопился из-за перекрытой вытяжки. Фрол вел себя как дитя: потерянно мыкался по дому, тянул в рот что ни попадя, изъяснялся невнятно — скорее мычал, чем говорил.

Закралась у Ильи скверная мысль, да гнал он ее, словно чумную собаку. К чему напасть кликать?

— Елизарыч, есть хочешь? А я хочу. Садись-ка, нечего слоняться.

Наспех сварганив обед, Илья вскипятил чайник, поел и основательно взялся за кума. Переменил тому замызганную одежду, вымыл лицо, руки и, силком накормив жаренными с тушенкой макаронами, отвел в зал, где попытался выспросить. С тем же успехом можно было допытаться правды у сипло мякавшего Василия, который, почуяв запах мясного, выл не переставая и заткнулся, лишь получив законную долю.

На Фрола внезапно напала икота — может, с жирного, может, с макарон. Кто ведает-то? Илья безрезультатно обшарил несколько отделений в шкафу, разыскивая что-нибудь от несварения, как вдруг на глаза попались сложенные стопочкой деньги. Много денег.

Дикое подозрение обожгло крутым кипятком. Цокая когтями, чумная собака вошла в дом, раззявила смрадную пасть.

— Рехнулся?! За Обормота плату брать? Экие деньжищи! — Илья влепил икающему Фролу увесистую оплеуху. Тот упал; рыдая, елозил по полу, скреб ногтями истертый линолеум.

Зато богатый, осклабилась беда, злорадно щерясь. Фрол плакал, вздрагивая дородным телом. Илья удрученно вздыхал: жалость брала за горло, стискивала удушьем. Был мужик и сплыл, только название осталось. Не мужик — размазня бестолковая. Ну да слезами делу не поможешь.

— Будя, будя, — успокаивал он кума, поднимая на ноги. — Хуже дитяти неразумного. Эк тебя, олуха, угораздило.

Фрол повозился и вскоре затих, посапывая. Илья уложил его на диван, накрыв байковым одеялом, а сам уже хотел идти узнавать по дворам, что стряслось, как в окно робко постучали.

Илья бросил взгляд на часы — натикало четверть пятого, — подоткнул Фролу сползшее с края одеяло и пошел открывать.

— Ба! Николай. Тебе чего?

У крыльца, теребя картуз и уставясь в землю, мялся Коля Чумак, здешний плотник. Изрытое оспинами лицо выражало смущение, пышные усы уныло обвисли. Николая знали везде, спроси первого встречного — и то знает. Плотничал Чумак справно: кому баньку срубить, кому сарай поставить, кому — избу. Не всем кирпич люб, не каждому по карману.

— Виноватиться пришел, — отрывисто сказал Николай. Поднял глаза. — Ты выслушай! — заголосил, отпрянув.

— Проходи. — Илья посторонился, каменея лицом.

История оказалась незатейливой, как и все, что творится по дурости, от великого ума.

У Николая, как и обычно по субботам, гостил племяш из города, Димка. Женился еще когда, двоих детей настрогал, а навещает дядьку-то, в хозяйстве помогает — чин чинарем. Сирота он, родителей в малолетстве лишился, кроме дядьки родных и нет. Парень хороший, башковитый, да с дурной компанией связался. С ними, гавриками, и прикатил. Две машины бездельников: набиты, что огурцы семечками, и баба грудастая. Из-за нее, шалашовки, свара и приключилась.

Димка перед дружбанами баней похвалялся, настоящей, деревенской. Те и загорелись. Племянник дядьке наказал веники заготовить, истопить как следует и встречать. Он, Чумак, устроил все наилучшим образом, а эти паршивцы сразу квасить начали. Стол под навесом поставили, ящики с пойлом принесли, шашлыки жарят — смеются: природа-матушка располагает. Ну и набубенились до зарезу. Какая, в задницу, баня! Сморит — и дух вон.

А девка, охальница, раздевается при народе без стеснения, мол, кто со мной париться? Гости залетные лыка не вяжут, так она: Дима, потри мне спинку? Племянничек бараном на прелести ее вылупился, потру, блеет, и ест негодницу поедом.

Тут главный в компании распрочухался. Куда, ревет, намылилась, сучка?! Выцарапывает из-под одежки пистолет и айда шмалять в белый свет, как в копеечку. Баба визжит, что твоя порося, да не будь дура — юрк в предбанник. А Димка не успел, зацепило. Колдыри орут, бегают, пушку у вожака отнимают. Он самого шустрого и хлопнул. Эта публика залпом протрезвела, бледные, губы трясутся. За аптечкой полезли — бинты, йод, перекись. Жгуты смастрячили: кровь останавливать.

— А я — к Фролу. Бегом, — завершил рассказ плотник.

— Ты что, гнида? — Илья свирепо раздул ноздри. — Мертвого? Сбрендил?!

— Племяша… — Николай запинался и клацал зубами. — Лечить то есть. Ему плечо разворотило. А гаврик… жив еще был. Я Димку! по правилам! Стол от харчей ломился… Ели они! Сына нет… Он мне как родной! — выкрикнул с надрывом. — Рубец… через полчаса неприметный рубец…

— При чужих? — Илья толкнул Чумака пятерней в лицо. — Удавлю, мразь!

Николай сжался, поскуливая.

— Видели они? — подытожил Илья.

Чумак мелко закивал.

— У-у, чалдон! Погодить бы тебе, уехали бы… Дальше что?

— Шустрик посинел, кровью харкает, — промямлил, деревенея языком, плотник. — Того смотри преставится. Ну… старшой Фролу ворох налички сунул, из бумажника вытряхнул и по карманам распихал. Елизарыч — на дыбы, отказывается. Так ему вдвое сверху набавили, а

затем в шею вытурили: не ерепенься, дятел, по понятиям разрулили.

— Отобрали? Обормота отобрали?! Но как…

— Да ведь ели они! И кота Фрол принес!

Илья сжимал и разжимал кулаки, с трудом усмиряя позыв садануть горе-лекарю в челюсть.

— Я упреждал — нельзя. Подряд — нельзя! Расплачиваться — нельзя! Разве слушают? — Николай горестно всплеснул руками.

— Вразрез закона спроворили? И как, вылечили?

— Шут знает. Встал гаврик, нормальный вроде, только кожа землистая и в мурашках, будто в полынье купался. Холодно, говорит, пацаны. Мерзну. Ахнул стакан — порозовел чуток. Гоп-компания манатки сгребла — и ходу: попрыгали в легковушки, сорвались в момент. Торопились, психовали, Димку забыли и эту курву, Людку. Девка-то в бане тихарилась, а Димку я придержал. Выбег он — пылища на дороге, вонь, обочина колесами изрыта. Не догнать. И плечо щупает, не верит. Я ему: проспись, балда, права от лева не отличаешь.

В кухне с просительной миной на физиономии нарисовался Обормот, унюхал разлитое между людьми напряжение и завернул оглобли.

— Что Фрол? — Николай прятал глаза, с напускным вниманием изучая рисунок на обоях.

— Спит.

— Плох?

— Хуже ребенка.

— Если ходит… — Чумак осекся. — А он… соображает?

— Нет. В уме повредился.

— Паршиво…

— Или в больницу его? — неуверенно предложил Илья. — В город?

— Забудь, бесполезно. Надо… м-м… в общем, надо тебе…

— Почему бесполезно?

— Митяй-пасечник гутарил, — Чумак понизил голос, — в овраге, аккурат за топью, две машины вчера с моста навернулись. Взорвались, как по телику кажут, и сгорели. По грибы Митяй настропалился, увидел этакое дело — сей же час в штаны наклал. Вот тебе и суд.

Илья отрешенно барабанил пальцами по колену. В тишине, звенящей комарами, с перебоями тарахтел холодильник.

— Грибы? — Пальцы растопырились крючьями. — Откуда в урмане…

— Да не те грибы! — Чумак аж подскочил с табурета. — Вот и тебе — туда дорога.

— К лесным, значит? — Илья облизнул сухие губы.

— На поклон, — зачастил Николай. — Просить. Небось не звери.

— Так и не люди. Пропаду… — Илья осуждающе глядел на плотника.

— Не… — выпершил Чумак. — Ни в боже мой. Виноват, признаю. А пойти — не обессудь. — Он встал и, меряя шагами тесную кухню, бубнил, путаясь и спотыкаясь. — Самолично. Доброй волей. На страх и риск.

Илья вяло наблюдал за его метаниями. В комнате грохнула дверь, послышалось косноязычное «а-уу».

— Фрол? — обмирая, спросил Чумак.

— Он, — подтвердил Илья.

— Ты поспеши. Не учудил бы чего.

— Сгину ведь ни за грош.

Чумак с хрустом сплел пальцы; левое веко дергалось, на лбу обозначились складки.

— Это… — прохрипел Николай и умолк, судорожно сглатывая. В душе его будто происходила некая борьба. Илья ждал.

— Навеселе иди, — хмуро сказал Чумак. — Меньше забоишься. А помрешь — не поймешь.

— Где ума набрался? Советовать. — Илья сурово зыркнул на плотника из-под кустистых бровей.

— Лукич сказывал. Дед Лукич, а не Захар. Он… — Николай запнулся, коря себя за несдержанность. — Знает он. Я… научу. Что говорить, как отвечать. Но ты сам. Сам, понял?! Я… н-не… Выпить есть у тебя, ну… у Фрола? Нет? Ты обожди, я мигом.

— Где ума набрался? Советовать. — Илья сурово зыркнул на плотника из-под кустистых бровей.

— Лукич сказывал. Дед Лукич, а не Захар. Он… — Николай запнулся, коря себя за несдержанность. — Знает он. Я… научу. Что говорить, как отвечать. Но ты сам. Сам, понял?! Я… н-не… Выпить есть у тебя, ну… у Фрола? Нет? Ты обожди, я мигом.

Николай обернулся действительно мигом. Посидел, собираясь с мыслями, и оттарабанил как на духу кучу заковыристых премудростей, из которых Илья запомнил, дай бог, штук десять.

— Ты время-то не канитель, — предупредил напоследок Чумак. — До ночи чтоб. Ночью гаплык.

— А сейчас?

— Сейчас всяко получше, авось свезет, — огорошил плотник.

— Дык, может… завтра?

— Как хошь. Фрол-то не мне кум. — Чумак топтался в сенях, грюкая щеколдой. — Ежели

принесешь, разговорить старайся, не то проку шиш. И это, утром выпускай — привяжешь. До того не трожь, по темноте-то. Никуда не денется.

Перед уходом Илья разогрел остатки макарон и, кое-как впихнув ужин в апатичного, пускающего слюни Фрола, запер того в комнате. Эхма, тяпнуть не закусывая — и с божьей помощью… Сердце ныло горьким предчувствием. Не буди лихо… Илья откупорил бутыль с первачом, достал из буфета посуду. Ну, с почином.

Рюмку — для храбрости, рюмку — на удачу, третью — чтоб держаться твердо, пятую и шестую — еще за что-то, седьмую — для верности. На посошок опять же.

И остатнюю — ради беспамятства. Ну ее, память, к лешему. Не спи потом, мучайся.

Короб на плечо и вперед. Не чаяли, вражьи дети? Здрасьте!

Вы куражиться? Так у меня кураж в крови играет. Потягаемся?

Есть

Дождь зарядил поздним вечером, проливной, яростный. Крупные капли щелкали по фуфайке, пропитывая влагой, знобкими ручейками стекали за шиворот; под ногами отчаянно хлюпало. Илья с чавканьем выдирал сапоги из хляби и шаг за шагом брел краем леса. Наугад. К дороге.

Хмель еще гулял в голове, чугунной, неповоротливой, и Илья слабо понимал, где он и что он. Вроде живой, вроде возвращается. Урман позади, кошмар тоже. Ливень стегал кнутом, подгоняя: быстрее, быстрее. Кожа зудела, словно болотный гнус забрался-таки под одежду и кусал не переставая. Бросало в жар. Илья обморочно всхлипывал, переставляя неподъемные, налитые страшной тяжестью ноги, с которых срывались и падали огромные комья грязи. Усталость довлела такая, будто он мельничный жернов на горбу волочил.

В вышине ухал филин, провожая желтыми глазами смельчака, идущего прочь из гибельного урмана. Небо, обложенное тучами, не давало ни лучика света. За глухой облачной пеленой прятался бледный серпик месяца и хрупкие льдинки звезд, но внизу царила густая темень. Подобранная на болоте гнилушка давно перестала светить, и теперь Илья шел, чутко вслушиваясь в ночные шорохи, ловя в них звуки далекой деревни. В воскресенье спать поздно ложатся, особенно молодежь.

Наконец черными копешками на пути встали низкие холмы, слева размытыми пятнами белели силуэты редких березок. Отсюда уж рукой подать.

Дождь не утихал; остановившись, Илья подставил разгоряченное лицо невидимым струям, жадно хватая воду ртом. Переведя дыхание, снова зачавкал по бездорожью. За спиной, оттягивая плечи, висел короб. Лямки больно врезались в грудь, и приятное осознание сделанного теплом наполняло душу. Илья с натугой завел руку назад, поправил укрывающий короб половичок и, шумно сопя, полез вверх по склону.

Он не ошибся с направлением: было слышно, как за околицей воют собаки.

Живете

— Наше вам, — бросил от порога Илья. Подойдя едва ли не вплотную, расстелил половичок. Сел, вилы зубьями к потолку направил. Было не по себе, очень хотелось чихнуть.

Topreading.ru

— Грозишься, короед? — с ленцой ругнулись из угла. — Завтра неделя. Гуляй, пока добрый. Или грехи отмаливай. Цыганочку танцевать могёшь? Готовься.

Илья молчал, в углу тоже помалкивали. За семь дней разговоров пообвыклись, до обидных слов не лаялись, и чудн***о*** поверить — насмешничали друг над другом. Привыкнув к сумраку, Илья различил знакомую малорослую фигуру, привязанную к столбу. Лесной не двигался, только глаза мерцали на темном, выразительном лице. Сверкали зелеными плошками, тускнея и вновь разгораясь, иногда — до пронзительно-голубого. На человека он глядел со слабым интересом, с опаской косился на вилы, но в целом был на удивление спокоен.

— Умолять станешь? — наконец спросил он. — В ноги падать?

— Выкуси. — Илья скрутил кукиш и ткнул в постную харю.

Недомерок засмеялся, обнажив мелкие зубы:

— Смел, да не съел!

— И ты не съешь.

Тот опять прыснул:

— Что я? Других нет? Кончилась твоя маета.

— Не свисти, далёко еще.

— Завтра, с рассветом.

— Тогда и празднуй.

Минуты текли неспешно. В сенной трухе, попискивая, шныряли крысы.

— Чуют, разбойники, — обронил Илья.

Лесной аж поперхнулся. Вздыбил пеструю шерстку; зрачки его расширились, из вертикальных делаясь круглыми.

— Хитришь, — утвердительно произнес он.

Илья усмехнулся, оглаживая бороду.

— Чего сел? Сел-то чего?! — Любопытство пробирало коротышку до печенок. — Задумал что?

— Учить буду.

— Кого? — всполошился пленник.

— Тебя. Азбуке.

Лесной озадаченно моргнул.

— Повторяй: аз — долговяз, буки — к докуке, веди…

— Забалтываешь? Пошто?

Topreading.ru

— Да погоди ты. — Илья проворно выудил из-за пазухи мешочек и, высыпав на ладонь что-то невесомое, мягкое, дунул в угол. Часть пушинок вспыхнула травяным цветом — ишь, глазастый, струхнул Илья, — однако прочие… Запах паленого шибанул в нос, и волей-неволей Илья чихнул.

— Шерсть?! — удивился лесной, тщетно пытаясь отряхнуться. — И кто тебе присоветовал? Лукич присоветовал? Зажился дед, пора ему… Ну давай, чего уж, обертывай. Посмотрим, кто кого сдюжит. Мало шерсти-то, ненадолго хва…

Илья поднялся, наклонился к оцепеневшему врагу, заглядывая в стеклянные глаза.

— Может, и мало: Обормота хрен удержишь, царапается, стервец, — и перерезал ремни. Наскоро обвязав чресла половиком, уперся в стену, вилы наперевес ухватил.

— …тит, — договорили отмершие губы. Неуловимо быстрым, кошачьим движением пленник очутился рядом. — Ослобонил? — надвинулся, выпуская когти. — Ну и зря.

Илья без замаха ударил вилами.

— Чего ты? Чего?! — взвизгнул, отпрыгивая, лесной.

— Каленые, — жестко сказал Илья. — Беда у меня. Чистый зарез.

— А кто не бедовал? — Из разорванного бока лесного струилась кровь. — Зря ты…

Охая и бранясь, он принялся зализывать бок, не спуская с человека светящихся буркал: раны постепенно затягивались. Потом опустился на корточки, точно к прыжку изготовился.

Охая и бранясь, он принялся зализывать бок, не спуская с человека светящихся буркал: раны постепенно затягивались. Потом опустился на корточки, точно к прыжку изготовился.

— Лукич-то, а? — клекотнул горлом. — Пес старый. Из кузни, да?

— Сам проболтался, третьего дня. Запамятовал?

— Я?..

— Ты! — расхохотался Илья прямо в растерянную морду.

Острые ушки того поникли, рожица сморщилась.

— Не говори, слышь?.. Не говори никому.

— Мое дело. Рот не огород, не затворишь ворот.

— Загрызу, — тоскливо произнес лесной. — Обоих. В урман утащу.

— Погодь в урман-то. Одолей сперва.

Коротышка насупился, глянул исподлобья.

— Гад ты. Ослобонил, да? Хитришь?

— Столковаться хочу.

— А как же укорот? Кому службу служить, а кому в лес итить? Чья взяла?

— Тьфу, — плюнул Илья, сподручнее беря вилы. — Ничья пока. Обломать? Вишь, свободен ты. Да не сам, и не в условленный срок. Помог я тебе, сегодня уйдешь.

— Помог он, — скривился лесной. — Просили тебя? Баш на баш? Тю!

— Не для себя ж стараюсь! — вспылил Илья. — Для кума! Лежит ведь, не дышит почти.

— Лежит, — жутко оскалясь, прошипел лесной. — Плати, дурак, за чужой пятак. Зачем супротив рассудка переть? Какого рожна обычаи нарушать?! — В гневно звучащий голос вплелось рычание хищного зверя, и свист ветра, и грохот стремнины. Глаза бешено пылали. Илья вжался в стену, мечтая оказаться за тридевять земель отсюда.

— Мертвого подняли! — Коготь обличающе уперся Илье в грудь и тут же отдернулся, словно обжегшись. — Он второй раз помер, а души не имеет. Уяснил, с кого возместится?

— Силой вынудили, — угрюмо ответил Илья. — Отняли, значит, кота…

— И что? Ваше дело. Мыслишь, ты мне, я — тебе? Вздор! Не стану подмену искать. Окочурится твой Фрол, а тебя — в урман!

— Вздор? Не желаешь миром разойтись?! — Илья засопел и, налившись дурной кровью, сатанея от ярости, принялся гвоздить вилами налево и направо.

Земля

Под утро ему приснился странный сон.

Он и Фрол в лесу. Очень светлом, с высокими, до кучерявых облаков, соснами. Облака плывут себе, пухлые, мягкие, играют золотистыми и перламутровыми бликами. Ни дать ни взять — лебеди по лазурной реке. Сосны безмятежно простирают разлапистые ветви, остро и свежо пахнет смолой, пружинит под шагами хвойный ковер. В кронах на разные лады перекликаются птицы, и ветер роняет порой с высоты клейкие продолговатые шишки и сизоватые хвоинки.

Илья в упоении раскидывает руки и замирает; сдвоенная иголочка, медленно кружась, опускается на ладонь. Мощные стволы сосен с коричневато-янтарной корой обступают надежными, родными стенами. Поодаль лес обрывается заболоченным лугом, с ним мирно соседствует ельник-черничник; вблизи — мшистые кочки. По лугу, среди упругой, жесткой травы, опустившись на четвереньки, ползает Фрол.

— Нашел! — кричит он, вскакивая, и бежит назад, что-то прижимая к груди.

Ельник, болото и луг исчезают. Вокруг привычный сосновый лес. Илья вскидывает голову к голубому потолку неба, смотрит на яичный желток солнца, на плавные изгибы облаков и с неизъяснимой отчетливостью понимает — он дома.

— Вылитый Обормот! — Фрол сияет надраенным до блеска самоваром. — И мурло такое же, наглое.

В руках у него трехцветный котенок. Острая мордочка на тоненькой шейке — копия Обормота в младенчестве. Котенок тычется носом, попискивает и сучит лапками.

— А где Василий? — недоумевая, спрашивает Илья.

— Василий мышей ловит, кончились его именины.

— Обормотушка. — Илья хочет погладить котенка, но почему-то никак не может дотянуться.

— В осоке нашел! — ликует товарищ, поднимая детеныша к солнцу.

Внезапно Фрол становится меньше ростом, обрастает шерстью, рыжеватой, с белыми и черными подпалинами, уши вытягиваются — на них видны длинные кисточки. Сузив ярко-зеленые глазищи, Фрол провозглашает:

— Земля-то обильна: всякого зверья здесь навалом.

Иже

От Лукича, который, по словам лесного, отжил свой век, Илья ничего путного не добился.

«Ась?» — переспрашивал дед, прикладывая морщинистую ладонь к уху, и сворачивал беседу, куда Макар телят не гонял. Венчики комковатого пуха, окружавшие лысину, и сама лысина, и обрюзгшее лицо, и крючковатый нос, и набрякшие веки лучились благостным спокойствием. Безуспешные попытки Ильи направить разговор в нужное русло оканчивались неизбежным «ась?». «Туговат на ухо, — шамкал дед, наводя тень на плетень и подслеповато щурясь. — Ты, что ли, Колька? Матвеевны внук?»

«Есть квас, да не про вас» — аршинными буквами читалось на покатом лбу. Иди-ка, хлопчик. Хлопчиками дед величал едва ли не полдеревни. Многие годились ему в праправнуки.

Другой бы начхал, отступился, тем более что Фрол полегоньку выздоравливал: глядел уже осмысленно, ложку мимо рта не проносил, нужду справлял не в постель, а как положено. Но упрямый Илья клещом вцепился в Чумака. Тот долго отнекивался, хмыкал в вислые усы, теребил плохо выбритый подбородок и, скорбно вздыхая, качал головой. Илья настаивал. Тогда Чумак свел его с тезкой, внуком Матвеевны, дряхлым и согбенным.

— Расскажи ему, дядь Коль, — попросил Чумак. — Про кота. Нехай знает.

— На что? — заартачился престарелый внук.

— Он лесного объегорил.

— Сам?! — Дядя Коля вытаращился на Илью, точно на заморскую диковину.

— Ну… я подсказал. Фрол-то загибался совсем, а я это… то есть виноватый я. Совесть мучила.

Старик поскреб в затылке, достал кисет, трубку, насыпал в нее табаку, затем степенно откашлялся и, раздувая впалые щеки и завивая дым колечками, пустился в воспоминания. Баял складно, будто воочию зрел. Тоже, поди, зажился, как и Лукич.

— Того кота выпросил на болотищах пастух из Дертычей, Савелием звали. Девяносто зим прокуковал, в следующую помирать надумал. Да безносая нейдет, а худо старику — хоть в петлю лезь: кости ломит, внутрях кавардак, пропадом человек пропадает. Он и собрался: чистое надел, долги отдал, на образа перекрестился. Как заведено. Прощевайте, говорит, люди добрые, пойду со смертушкой поздоровкаюсь. Зла не держите. Тут ему кто-то короб и сунул. Может, вернется? Не сожрут старого. А подфартит — и одарят? Не с пустым, выходит, брюхом.

Когда, спрашиваешь? Давно… не упомнить даже. В тайне историю-то хранили, секрет

наследникам передавали. С котом. Известное дело, не утерпели, растрепали с годами.

Чесали языками… похож он был, на *тех.* Повадками. Не похож, от зависти врали. Окрасом только… глазами, и зубы мелкие, без единого клыка.

Долго мурлыка жил, да не вечно. Дети от него народились — беспородные, дикие, сплошь мальчики; в руки не давались, все в лес сбежать норовили. Однако силу имели. Невеликую, спору нет, мельчал дар. С каждым поколением. Оттого и правила измыслили.

Сложить два и два — немудрено. Илья складывал: что сам знал, что увидел-услышал, что на ухо шепнули, что украдкой выведал.

Да слишком гладко получалось. Стели соломку — и падай с разбега.

Не стелили. Не падали. Опричь чересчур самонадеянных и тех, кого нужда погнала. На чужой каравай клюв не разевали. Концы с концами вяжутся? И ладно. А в урман — ни ногой. Господь с вами! Благодарим покорно! Ни молодые-ранние, ни старые-хворые.

Тишком-молчком жили, довольствуясь тем, что имели. И вроде не трусливого десятка, и претензии, если копнуть, найдутся, и мечты с упованиями — вот-де образуется, заживем о-го-го как. И мы не лыком шиты, не гребнем драны. Ан нет.

И, что странно, не советовались: если кто счастье пытал, то наособицу. Нет бы всем миром навалиться. Впрочем, дело хозяйское. Коля Чумак шибко веселился, когда Илья насчет этого полюбопытствовал. До слез хохотал. Отсмеялся и драться полез.

Воровала мышь сыр из мышеловки, хвост прищемила, тут ей и каюк настал. Ешь солому? — Иди к лесному. Бери пирог, дуй со всех ног. Без загвоздки не обошлось. Был, был подвох. Еще какой!

Ну дали, ну принес. Попробуй теперь укороти. Как — не подскажут. Ни ваши, ни наши. Ремень, щепа и половик в наличии — геройствуй. Ремнем — вязать, это, пожалуй, ясно. А что к угловому столбу — никто не намекнет. Щепа и половик для чего? Ну, употреби как-нибудь. Чем еще обуздывать? Как душеньке угодно, так и… А сроку — неделя.

Одолел? Проси — сбудется.

Не смог? Судьба-недоля — хлебнешь горя. Утащат лесные. Не себе просил, не для себя радел? И их уволокут. Помогал кто — тоже к ногтю. Спокон веку заведено давним уговором.

Вот он, подвох! Волчья яма. Этак чохом — в западню! Ловитесь, человеки, большие и маленькие.

Вдобавок кто сказал, что из урмана воротишься? Кого отпустили — те помалкивали. Ну а те, кому достался шиш да маленько, ничего уже рассказать не могли. Сгибли, и вся недолга.

Как повезет.

Люди

Везло немногим.

Ходили они пришибленные, дни считая, да жаловались на судьбу и дурость собственную. Подлинных «счастливчиков» — тех, кто лесного обломал и сокровенное затребовал, мало было,

меньше, чем пальцев на руках. Остальные горемыки исчезали в положенное время, кто с любимыми, кто с друзьями, а кто и целыми семьями.

Везунчиков не любили — истово, как и подобает неудачникам, в конце концов понуждая уехать. Срывались те с насиженного места в огромный тревожный мир, в новую жизнь. Скатертью дорога, зубоскалили сельчане, свободней будет. Дома и скарб покупали, конечно, за бесценок, а то и вовсе за спасибо. Но нет-нет да и поглядывали в сторону болотищ, хмурили брови с затаенной мукой, шевелили губами, а потом вдруг, отважась, брал кто-нибудь короб и, надев бахилы, тайком брел в сумрак корявых елей и сосен.

По грибы.

За счастьем.

Ушедших не ждали.

Макс Далин

ЗЕЛЕНАЯ КРОВЬ[3]

…Стояли звери около двери,
В них стреляли, они умирали…

Стишок маленького мальчика, записанный Стругацкими

Пес

Запах был вокруг, и Рамон очнулся от запаха.

Раньше, чем он открыл глаза, все это рухнуло на ноздри. Дикая боль, большая беда, кромешный ужас, а не запах. Старыми неопрятными ранами отовсюду несло, запекшейся кровью, выделениями усталых больных тел, теряющих силу, прокисшей пищей, мочой — причем мочой бойцов разного возраста и ранга, неузнаваемой и недоброй химией, ржавым железом, пробитой электропроводкой — и отчего-то особенно сильно кошкой.

Кошка-то при чем, мутно подумал Рамон, с трудом выкарабкиваясь из какой-то тяжелой душной ваты. Кошка тут совершенно ни к чему. Это даже оскорбительно как-то, почти смешно — плен и вдруг кошка.

Глупо.

Захотелось убедиться в собственном обонянии, захотелось облизнуть нос, и Рамон облизнул. Шершавый сухой язык царапнул мочку носа, тоже шершавую, сухую и горячую. Совсем мне плохо, подумал Рамон. Пить хочется. Как пить хочется.

И открыл глаза.

Глаза резанул белый искусственный свет. Над головой горела убойной мощи лампа без всякого подобия колпака или абажура. Голова, которая и так тяжело ныла, разболелась сильнее. Рамону хотелось лежать, но он сел и встряхнулся.

Тело гудело, как палками битое. А вокруг была клетка. Стальная ржавая решетка, цементный пол. Голый цемент и ржавое железо. Пять шагов вдоль, три — поперек. Вольер. Дверца, сваренная из кусков стальной арматуры, заперта на магнитный замок с пятью штифтами — такое Рамон уже видел.

Пустая клетка. В ней — только помятое ведро, пропахшее хлоркой, но даже через хлорку пронюхиваются следы многих, кто сидел в этой клетке до Рамона. Хотя, похоже, не все мочились в это ведро, многие нервно метили углы — просто от безысходности, надо полагать. По запаху очевидно.

Справа, за решеткой — глухая стена. И сзади — стена. Впереди — дико освещенный коридор. А слева, решетка к решетке, еще один вольер. И в том, в соседнем — миска с водой. Полная миска воды, литра два. Рамон опять облизнул свой несчастный нос.

Младшей Ипостаси до воды ни за что не добраться. Никак. Разве попробовать Старшей?

Рамон старательно сосредоточился и мысленно рванулся в другую форму, рассудочно, как никогда. Младшая Ипостась не желала отступать, вокруг был кошмар, сплошной кошмар, сплошная опасность — инстинкт подсказывал, что сейчас нужна физическая сила, мускулы и нервы, а не хрупкое тело и универсальные голосовые связки. Если бы не жажда, от которой хотелось лечь и скулить, перекинуться бы не вышло вообще. Из-за жажды получилось с третьей попытки.

И Рамон сразу дернулся к решетке, чтобы протянуть сквозь нее руку — но тут глаза Старшей Ипостаси заметили то, что Младшая проигнорировала. Рядом с миской спала кошка.

Бред — кошка. Кот, конечно. Северная рысь. Крупный, тяжелый пятнистый зверь свернулся на брошенном на цемент куске войлока пушистым клубком, дремал так вальяжно и спокойно, будто его шкуру и не покрывали рубцы разной величины и давности. Рамон заметил на шее кота, выше ключицы, сгусток запекшейся крови, а на его плече отчетливо виднелась тщательно зализанная рана.

Кот показался Рамону меньше и легче него самого, но сложно предвиделось, как бы обернулись дела, если дошло бы до драки. От кота припахивало доминантом, чужими смертями. С ним стоило считаться хотя бы из вежливости. *Не каждый бы принял это во внимание*, подумал Рамон, *но я-то и есть не каждый. Я приму. Я буду корректен, очень корректен. Я был при исполнении — и в сущности, я до сих пор при исполнении. Я буду вести себя как подобает.*

Рамон вздохнул и облизал губы — язык Старшей Ипостаси до носа не доставал. Хотел гавкнуть, спохватился, негромко окликнул:

— Эй, кот!

Ухо с кисточкой дернулось, но и только.

— Эй! Кот! Ты слышишь! — гаркнул Рамон в полный голос.

Из клубка высунулась лапа, потянулась и растопырилась, обнажив длинные желтоватые лезвия когтей, тут же ушедшие обратно в мех, как в ножны. Потом раскрылись глаза, две янтарные пуговицы — и страшная клыкастая розовая пасть в длинном вкусном зевке. *Все показал,* подумал Рамон. *Все оружие продемонстрировал. Мило как…*

Что с кошки возьмешь.

— Послушай, кот, — сказал Рамон с нервным вздохом. — Я очень пить хочу. Очень. Дай мне попить.

Кот выпрямился и принялся тянуться. Сперва он потянул спину, потом — передние лапы, потом — по одной — задние, и уже потом, когда потянулся как следует, перекинулся, не торопясь, плавным, текучим движением. И гибкое тело Старшей Ипостаси кота уселось на пол с совершенно не изменившейся ленивой хищной грацией.

Кот, выразительно не замечая Рамона или делая вид, что не замечает, рассеянно облизнул ладонь и расправил пальцами пышные бакенбарды.

Рамон бессознательно скульнул от жажды и ожидания. Кот вскинул на него золотистые глаза с фальшивым удивлением.

— Кот… — Голос Рамона снова чуть не сорвался в скулеж и был удержан в приличных рамках только усилием воли. — Я так пить хочу! Я мог бы сам взять — когда ты спал.

На скуластом лице кота мелькнула тень надменной улыбки.

— Вежливый бобик, надо же… жажда мучает, да? — мурлыкнул он и скользнул взглядом по миске с водой. — Что, обколотый, да, бобик?

Нос Рамона сморщился сам собой, а верхняя губа вздернулась над клыками. Но он все-таки желал быть корректным, а потому вдохнул внутрь свое раздражение и сказал всего лишь хмуро:

— Меня подстрелили капсулой, наверное, со снотворным. Или с чем-то вроде, — и показал кожу на боку: синяк с красной меткой в середине. — Внутри все сухо, совсем сухо, даже больно… Тебе что, воды жалко?

Кот в продолжение этой речи внимательно разглядывал темное пятнышко на бетоне с непроницаемым выражением, начесывая бакенбарды влажными пальцами. Потом мягко улегся на пол и снова потянулся.

— Вот что, — изрек наконец. — Морду от решетки, бобик.

Рамон зарычал.

— Не заводись. — Кот даже не счел нужным фыркнуть. — Просто — морду от решетки. Я поставлю миску.

Рамон сглотнул до боли в горле и сел на корточки, прижимаясь спиной к прутьям клетки с противоположной стороны и не сводя с воды глаз. Кот усмехнулся, неуловимо, еле заметно, как всегда усмехаются кошки, и развалившись по полу животом, подтолкнул миску к решетке с Рамоновой стороны.

Рамон дернулся к воде едва ли не быстрее, чем кот успел убраться подальше. Потащил было миску к себе — но она не проходила между прутьями. Пришлось черпать воду горстями и хлебать из пригоршни. Кот, поджавшись в комок, обнимая колени, следил за каждым движением Рамона.

Topreading.ru

Как это прекрасно — вода! Как мы это не ценим, когда кругом полно воды! Когда можно съесть миску овсянки с мясом, напиться вволю и валяться на пузе, играть костью, точить зубы, ни о чем не думая! И как худо, когда собственный язык превращается в наждак, а все внутри огнем горит…

Рамон с наслаждением облизал мокрую ладонь и посмотрел на кота нежно.

— Ты — славный зверь, — сказал прочувствованно. — От тебя хорошо пахнет, я уже привык.

Глаза кота сузились в щелочки.

— Забавный бобик, — пробормотал он. — Ну, пахнет от тебя тоже, положим, неплохо. Но это не помешает мне тебя убить, если что. Имей в виду.

Рамон не столько оскорбился, сколько удивился.

— Не знаю, убьешь или нет, — сказал он дружелюбно, не в силах отвлечься от вкуса воды, припахивающей котом, долго стоявшей в алюминиевой миске, тепловатой, но прекрасной, — только не понимаю — зачем тебе пытаться?

Кот задумчиво рассматривал собственную руку — длинный свежий шрам с тыльной стороны. Потом проговорил не спеша:

— Да ты что, еще не понял, где находишься, бобик?

Рамон снова принюхался. Теперь, когда жажда ушла, голова прояснилась, кроме запахов пришли звуки — такие же скверные, как и запахи. Вдалеке, будто за стеной, кто-то скулил, как больной щенок — скулеж моментами переходил в подвывание, а потом снова в скулеж. С другой стороны лаяли, вернее, взлаивали истерическим фальцетом, а потом кто-то расхохотался пронзительно и безумно, и смех оборвался визгом.

Сумасшедший дом какой-то, подумал Рамон, а вслух сказал:

— Приют для бродяг? Да?

Кот искоса взглянул на него. В громадных раскосых глазах впервые мелькнула капелька тепла.

— Бедный бобик, — протянул он с каким-то даже сожалением. — Ты домашний, да?

— Я служебный, — сказал Рамон. — Я из Службы Безопасности.

Кот вздохнул.

— Хоть об этом-то молчи, дурачок, — сказал он совсем тихо.

Его тон не особенно Рамону нравился. Не представлялось возможным хорошенько понюхать кота, а надо бы как следует нос ему обнюхать, виски, руки на сгибах локтей — а еще дельно бы весь низ нормально обнюхать. Из-за недостатка обонятельных данных Рамон чувствовал себя несколько скованно в суждениях. Кошачий запах, пропитывающий клетку, казался слишком абстрактным, в нем было слишком много усталости, злости и застарелой боли — а важные подробности как-то сгладились, нивелировались. Но если судить по этому общему запаху, кот родился не раньше Рамона. А может, и позже. А младший не должен так…

Распоряжаться? Командовать? А если он пытается предупредить? Откуда коту знать Кодекс

Стаи? Они же анархисты, коты. И эгоисты. И нет у них ни совести, ни моральных устоев.

Рамон снова вспомнил, что собирался быть корректным. Хотел спросить, что кот имеет в виду, — но тут где-то далеко хлопнула тяжелая дверь. Те, сумасшедшие, подняли такой гам, что в общем лае, вое и стонах Рамон не мог ничего разобрать.

Кот на миг насторожился, сжав кисти рук между коленями, — но тут же развалился на своем войлоке в истомной расслабленной позе. Рамон не понял, что это значит: то ли ложная тревога, то ли не тревога для кота, то ли он демонстрирует нечто, непонятное для Рамона, не мыслящего жизни без Кодекса Стайной Чести, но очевидное для других — во всяком случае, поведение кота заставило сосредоточиться и напрячься.

— Что это? — спросил Рамон вполголоса.

— Ничего у них не бери, ничего не ешь, ничего не пей, — еле слышно шепнул кот, щурясь. — Молчи, молчи, молчи.

Рамон замолчал и сел в угол, окруженный глухими стенами. Он слышал голоса своих сородичей, но уж не голоса чужой Стаи — в них не было никакой общности, это само в уши лезло. Он никак не мог уловить смысла — только в одном из голосов слышалась такая безнадежная тоскливая боль, что у Рамона сердце заныло.

— Что это? — спросил Рамон вполголоса.

— Ничего у них не бери, ничего не ешь, ничего не пей, — еле слышно шепнул кот, щурясь. — Молчи, молчи, молчи.

Рамон замолчал и сел в угол, окруженный глухими стенами. Он слышал голоса своих сородичей, но уж не голоса чужой Стаи — в них не было никакой общности, это само в уши лезло. Он никак не мог уловить смысла — только в одном из голосов слышалась такая безнадежная тоскливая боль, что у Рамона сердце заныло.

Что же с бедолагой делают, подумал Рамон, и мышцы на хребте напряглись, будто поднимали шерсть. *И кто эти «они»? Неужели же…*

В ноздри хлынул запах человека.

Этого Рамону особенно обнюхивать было ни к чему. Немолод, нечист, полупьян — и спиртное пьет так часто, что весь пропитался дрянными запахами перегара и разваливающегося тела. В несвежей одежде, от которой стиральным порошком не пахнет почти совсем, а дезодорантом абсолютно не пахнет. Для человека это совсем нехорошо. С душой тоже нехорошо — гниет душа в грязи. Шаги сопровождает металлический лязг — тележка? Рамон все это тщательно изучил раньше, чем человек ввалился в видимый отрезок коридора, таща свою тележку за собой.

Рассматривать уже не хотелось. Все ясно.

Между тем человек подкатил тележку, на которой обнаружились бачки, пахнущие вроде бы дешевыми собачьими консервами, к клетке кота. Кот лежал вверх спиной, поджав ноги и руки под живот, не сменив Ипостась, не шевелясь, даже, кажется, не дыша — совсем на человека не реагируя.

Человек пнул решетку котовой клетки сапогом. Кот по-прежнему не шелохнулся.

— Ты! — гаркнул человек и снова пнул. — Ты, нечистая сила! Оборотень, мать твою… кысь-кысь! Подох, что ли…

Рамон нервно зевнул и случайно щелкнул зубами. Человек повернулся к нему:

— Что, тварь, ищейка, твою мать? Не сладко?

Глумливый тон Рамона оскорбил до глубины души. Он зарычал сквозь зубы — и человек дребезжаще захихикал:

— Что, бесово отродье, не любишь? Вот, этот-то сдох — и ты сдохнешь, если еще пасть разевать будешь… на хозяев…

У Рамона от ярости скулы свело. Кто тут Хозяин?! Вот этот, что ли?! Младшая Ипостась в глубине души кинулась на решетку, захлебываясь лаем и злобой, — но Старшая, управляющая сейчас плотским естеством Рамона, осталась сидеть на месте, вздрагивая верхней губой, сжимая кулаки и молча.

Человек между тем откатил в сторону тележку, вытащил палку, лежавшую между бачками, нагнулся и ткнул кота.

Рамон и помыслить не мог, что чья-то Старшая Ипостась способна на такую чудовищную скорость реакции. Он почти не уследил, как тело кота развернулось стремительной пружиной, взлетело в воздух — и человек заорал, а невидимые псы завыли и залаяли пуще прежнего.

Рамон оторопел. Он только смотрел, как человек, подвывая и вопя, зажимает щеку и шею, бросив палку и забыв про все на свете, а кот удобно устроился на войлоке и не спеша вылизывает куски рваной кровавой плоти из-под отчищенных длинных когтей, которые почти не изменила трансформация.

Шок. Просто шок.

Человек скверно ругался и плакал, а струйки крови текли между грязных узловатых пальцев.

— Гадина! — вопил он, грохоча сапогом по решетке и одновременно пытаясь вытереть разорванную щеку рукавом. — Оборотень поганый! Я ж тебя кормлю, адово ты отродье! А ты, твою мать…

— А я, — безмятежно промурлыкал кот, покосившись на окаменевшего Рамона, — я голоден, я не могу больше эту баланду жрать, у меня желудок болит, меня рвет. И я хочу на волю. И я вас всех ненавижу. Всех.

— Ну погоди, — скрежетнул человек. Его рукав вымок насквозь и пальцы слиплись от крови. — Я тебе еще припомню, тварь.

И побрел туда, откуда пришел, волоча за собой тележку. Псы будто взбесились, учуяв кровь — от их безумного концерта Рамона замутило. Ему хотелось скулить и метаться; он позавидовал котовой безмятежности и спросил сипло:

— Ты… что, просто так его подрал?

Кот облизнул губы и внимательно оглядел когти, странно смотревшиеся на тонких пальцах Старшей Ипостаси. Потом сказал, кратко, негромко и совершенно убийственно:

— Люди — отрава.

Рамон подошел поближе к решетке, пытаясь уложить в голове страшное слово. Ну, не все люди хороши, положим. Конечно, всем поголовно людям и рядом не встать с его Хозяином и даже вообще с любым Хозяином. Но все-таки с некоторыми людьми приятно находиться рядом. Вот Огюстер, человеческий вожак, когда встречался с Рамоном, по службе или случайно, всегда улыбался, протягивал руку понюхать, говорил: «Здорово, Рамон, славная, славная зверюга!» Или капитан Тео, непосредственный начальник, хоть с маленькой буквы, но все же хозяин, говорил, бывало: «А, Рамон, дружище! Хочешь печеньица? Хочешь, знаю…» — на что Рамон отворачивал нос и отвечал сурово и печально: «Для чутья вредно», — но печенье брал… шоколадное Тео приносил, не что-нибудь… Люди из Службы Безопасности Рамона любили, он точно знал, что любили… и он им доверял и служил, отвечая любовью на любовь… а тут «отрава»…

И ведь он сказал именно «люди», а не «мертвяки».

«Отрава». Тут уж не важно, кто сказал: кот, пес… хоть козел. Самое сильное словцо для всех двоесущных. Не как у людей «дерьмо», к примеру, потому что дерьмо — предмет простой, безопасный и подчас необходимый. Запах отбить, к примеру. И прекрасный носитель обонятельной информации, к тому же достоверный и подробный. А отрава — это изощренная подлость, это ложь, предательство, бессовестность вместе. Это ведь значит — ты доверяешь еде, а она тебя убивает.

Таким словом всуе не бросаются.

— Почему — «отрава»? — спросил Рамон.

Кот помолчал, думая о чем-то, очевидно, тоскливом и неприятном. Потом медленно проговорил:

— С крысой можно играть, да? Перед тем как задушишь?

Вопрос слегка сбил Рамона с толку:

— Зачем? Хочешь съесть — задушил и ешь.

— А не с крысой? — Кот его будто не слышал. — Со мной можно играть, перед тем как убить? С тобой?

— Нас будут убивать? — тихо спросил Рамон. — Люди же собак и кошек не едят…

— Не едят. — Рамону опять померещилась неуловимая кошачья усмешка. — Поиграют, убьют и бросят. Люди, бобик, — отрава, а ты жизни не знаешь.

— Меня коллеги будут искать, — сказал Рамон не столько коту, сколько самому себе. — И Хозяин. А когда найдет — и тебя выпустит отсюда. Мой Хозяин кошек тоже любит. У нас в доме живет одна кошка…

Кот разлегся на грязной подстилке, как на шикарном ковре, оперся подбородком на скрещенные руки. Его усмешка стала чуть заметнее — и много саркастичнее.

— Никакой Хозяин *тут* не найдет, — сказал он. — Ты не знаешь, а я знаю. Я знаю, *чье* это место. Любое настоящее живое существо даже близко подойти по доброй воле побрезгует. Я

видел, *что* тут такое. Чуешь мертвечинку, а, бобик? И вообще… только собака будет так верить в сказки о Хозяевах, которые все могут и всегда помогают. Смешно.

— Никакой Хозяин *тут* не найдет, — сказал он. — Ты не знаешь, а я знаю. Я знаю, *чье* это место. Любое настоящее живое существо даже близко подойти по доброй воле побрезгует. Я видел, *что* тут такое. Чуешь мертвечинку, а, бобик? И вообще… только собака будет так верить в сказки о Хозяевах, которые все могут и всегда помогают. Смешно.

Жестоко сказал. Тяжелая тоска будто только и ждала момента навалиться на Рамона всей своей душной тушей. У него даже горло дернулось — ах, как поодаль скулил какой-то замученный пес! И Рамон бы стал. Скулить, подвывать, оплакивать этот кошмар несвободы и жестокости. Очень хотелось.

Только передумал — вовремя вспомнилась важная и хорошая вещь.

Рамон уже хотел сказать коту, даже ухмыльнулся и открыл рот, но дверь стукнула снова, и запах, самый отвратительный из всего, что Рамону доводилось обонять, самый знакомый из угрожающих запахов, вполз в ноздри, вызвав мгновенный спазм гортани.

И сразу стало очень тихо. Лай, гам, скулеж — все умолкло. Запах и это ощущение вползающей внутрь хищной тянущей мерзости надавили на всех одновременно, втиснули звуки обратно в глотку, заставили сжаться в комок, дрожать от отвращения и ждать, когда минет эта тошная волна.

Рамон очень и очень хорошо их всех понимал. Никто из двоесущных не выносит мертвяков; многие не выносят до обморока. Сам Рамон со своим переутонченным чутьем на движущуюся падаль щенком тоже не выносил их почти до бесчувствия, но он был служебный пес, отлично натасканный на ликвидацию и обученный ментальным приемам, позволяющим закрыть сознание от вторжений. Он тщательно, как учили, выстроил защиту внутри своей головы. Запах мертвяка добирался через бедные ноздри до самого мозга, но гнусной силе его было не попасть в душу Рамона — пес чуял между ходячим трупом и собой невидимую стену и только старался не сбивать дыхания.

Конечно, ноздри до самой гортани, как всегда в таких случаях, огнем горели, но разум был ясен, а сердце наполняла та отвага и рассчитанная ненависть, к которой Рамон уже привык во время операций по зачистке.

Вот коту было плохо.

Кот забился в угол и сжался в комочек, шипя, обхватив голову руками. Когда Рамон это увидел, внутри него загорелась настоящая ярость. Он даже перекидываться не стал: встал в полный рост, скрестил руки на груди, изобразил как смог человеческое брезгливое презрение, чтобы мертвяк лучше понял. Стал ждать — и ждал не больше минуты.

Подошедший мертвяк был подтянутый и холеный. На отличный костюм он небрежно накинул синий рабочий халат — как плащ. На доведение трупной своей морды до светского лоска, вероятно, целое состояние потратил, так люди говорят, когда имеют в виду, что очень много денег заплачено. Несколько людей из обслуживающего персонала, чей запах за вонью мертвого Рамон почти не заметил, смотрели на тварь почтительно и подобострастно, как люди смотрят на начальство.

Люди — как всегда, подумал Рамон. Им и в голову не приходит, что их босс уже давно без души. Они не чуют. Люди ничего не чуют. Им вся эта парфюмерия, химия, жвачки,

одеколончики нюх отбивают начисто. И что глаза у трупа пустые и мутные — люди тоже не видят. А после работы у них голова болит или подташнивает, или раздражает все вокруг — но они думают, что это от пива или от дурной погоды. Так что мертвяк может ими питаться совершенно безнаказанно. Люди вообще не замечают, когда их убивают медленно.

Для них он — специалист по дрессировке двоесущных, не иначе. Они думают, мы его слушаемся. Они же, как говорит Тео, «простые люди». А для многих «простых людей» мы — оборотни, монстры, зеленая кровь, хотя кровь у нас такая же красная, как у них самих, а говорится это так, для красного словца. Как про аристократов говорят «голубая кровь» — неправда, но красиво. Так вот, мы — оборотни, Хозяева — ведьмаки, чуть ли не лесные демоны в них вселились, посредники — фанатики и дураки, зато мертвяки — отличные ребята, свои в доску и всегда при деньгах. Смешно, но факт наличия денег в чужом кармане, даже если этими деньгами не собираются делиться, вызывает у многих людей уважение.

А Служба Безопасности, СБ — это хуже жандармерии, сволочи, которые мешают умным мужикам дела делать, измываются над невинными почем зря, в чужую жизнь лезут и со всякой нечистью возятся. Жандармы, те, по их мнению, все-таки арестовывают за дело, а ликвидаторы из Безопасности — просто так. Для развлечения. К тому же часто убивают без суда — вообще кошмар. А я — эта самая нечисть у ликвидаторов на побегушках. Простые люди верят в нечисть.

Но их босс вовсе не нечисть. Он деньги платит. И ничего плохого как будто не делает. Они даже экспертам не поверят — какой же он мертвяк, если у него сердце бьется и руки теплые и все такое! Для людей же гнилая душа не пахнет… Многие люди даже думают, что «мертвяк» — это просто ругательство. Что на самом деле нельзя дышать и ходить без души. Не могут в это поверить, потому что не чувствуют…

Все это промелькнуло в голове Рамона за какой-то миг — и он встретился взглядом с мертвяком. Тянущая боль волной прошла вдоль позвоночника, и сердце заныло.

— Ишь ты! — Мертвяк растянул губы в стороны, изображая человеческую улыбку. — Это, значит, тот самый пес, да, Ник?

Ник, мужик громадный, с красной небритой мордой и брюхом, какое из всех тварей земных бывает только у людей и только от пива, загоготал и радостно сообщил:

— Точно, господин Битер. Шлялся вокруг комплекса, все вынюхивал, ребята его подстрелили и сюда привезли. Породистый, стерва. Не боится, смотрите-ка…

Мертвяк окинул Рамона оценивающим взглядом.

— Ах ты, какая славная собачка… Скажи ребятам. Ник, даю им по полкуска премии и ставлю по бутылке. Он действительно породистый… породистая ищейка эсбэшная… Сегодня вечером выставим против него Рыжую, смешно будет. Ты его… *покорми,* не забудь, — распорядился он, не торопясь. Люди вокруг него расплылись в улыбочках.

Я тебя порву, подумал Рамон. *Как тряпку, в клочья порву, видит Небо. И ты больше никогда не встанешь — знаешь, что не встанешь, сам боишься. Потому и ненавидишь нас, что боишься. Потому и мучаешь. Понимаешь, что никакой кол, нож, разрывная пуля ликвидатора или могильный заступ так чисто, как наши клыки, тебя не уложит.*

Он чуть не высказал все это вслух, но вспомнил слова кота: «Молчи, молчи, молчи», — и промолчал, только показал клыки и стиснул кулаки, врезав когти в ладони.

— Хорошие зубки, — констатировал мертвяк под одобрительные смешки. — Как сахарок. Если сегодня выживет, я придумаю, кому его показать… Ник, открой-ка мне кота.

— Хорошие зубки, — констатировал мертвяк под одобрительные смешки. — Как сахарок. Если сегодня выживет, я придумаю, кому его показать… Ник, открой-ка мне кота.

Рамон в настоящем ужасе услышал, как щелкнуло магнитное реле, и увидел, как кот вжимается в угол спиной и беззвучно шипит навстречу мертвяку — безнадежная отчаянная отвага. А мертвяк преспокойно входит в вольер и протягивает руку к самому лицу кота, будто хочет погладить, приговаривая тем слащавым и холодным тоном, который обычно сопровождает у тварей кормежку живыми:

— Кисонька… это кто ж коготки-то выпускает на людей, а? Кто ж это у нас царапается? У кого давно неприятностей не было, а, киска?

Кот вжался в решетку изо всех сил — Рамон подумал, что у него на спине должны остаться синяки от решетки, и эта мысль сама собой выдернула Младшую Ипостась. Он кинулся на прутья клетки, уже не сдерживая себя, и от души вылаял ту злобу, которая перетекала через край.

Когда он гавкнул первый раз, мертвяк шарахнулся так, что не удержался на ногах. Кот, видимо, почуяв поддержку и собрав все силы, перекинулся и ринулся вперед. Будь ему хоть чуточку легче — когти прошлись бы по шее мертвяка, но ему было слишком плохо. Не успел буквально на пару секунд.

Ник и еще один служитель с глазами мясника выволокли мертвяка из вольера чуть ли не за шиворот, а какой-то мелкий бесцветный третий захлопнул дверь клетки. Двое заколотили палками по решетке Рамона с воплями: «А ну фу! Заткнись, ублюдок!» Теперь по крайней мере никто из них не смеялся — Рамон гулко гавкнул еще пару раз и отошел в глубину клетки.

— Если бы эта паршивая кошка не приносила деньги, я бы из нее подушку набил, — процедил мертвяк, отряхиваясь. — Теперь к нему без электрошокера подходить нельзя. Надо было такого пса пока в отдельный бокс поместить, чтобы рысь с толку не сбивал. Но ничего, сегодня вечером эту шавку научат кошкам задницы вылизывать…

Его свита снова оживилась. Мертвяк пошел прочь, люди — следом. Некоторые оборачивались, чтобы потрясти кулаком. Рамон даже не зарычал в ответ от безмерного презрения.

Мертвяк не может оскорбить живого.

Тем временем кот подошел к решетке и сунул свой маленький плоский нос и пышные усы в клетку Рамона. Намек вышел исключительной прозрачности — Рамон понял и подбежал, виляя хвостом. Они впервые основательно, не спеша, обнюхались — уже как товарищи.

Кот оказался не очень здоров, полуголоден и чрезвычайно утомлен, но от него все-таки пахло чистым зверем, чистым, теплым зверем — и Рамон, втягивая этот чудесный запах, ощутил волну нежности, поднимающуюся со дна души. От избытка чувств и понимания он даже лизнул кота в глаз. Тот сморщился, отстранился и вернулся в Старшую Ипостась.

Рамон последовал его примеру — они оба просунули руки сквозь решетку и переплели пальцы, прижались друг к другу, насколько вышло, и легонько стукнулись лбами. Им обоим очень хотелось согреться.

— Мы выберемся отсюда, — сказал Рамон, ткнув кота носом в щеку.

— Да перестань ты тыкаться, — сказал кот устало. — Лучше погладь меня за ухом, осторожно… бобик…

Рамон высвободил руку и погладил пышную бакенбарду цвета соломы. Кот подался вперед и тихонько заурчал. *Все-таки он младше,* подумал Рамон. *Я — главный. А кот — младше, легче, меньше ростом, и вот какие тонкие косточки… как у детеныша… Но отважный боец, сильный, молодчина, может уже считать себя в моей Стае…*

В нашей Стае.

В нашей с Локкером Стае.

В Стае Локкера.

Рамон приподнял голову кота за подбородок. Кот томно приоткрыл сощуренные глаза, продолжая урчать.

— Мы с тобой — Стая, да? — спросил Рамон. — Стая, да, боец?

Кот нахмурился и высвободился классическим строптивым движением, мягко шлепнув Рамона по носу.

— Ну какая мы Стая, бобик? — усмехнулся он. — Какая Стая из пса с котом? Брось глупости болтать.

Но Рамон чуял, что сказано это от кошачьего упрямства и из принципа.

— Ладно, ладно, — сказал примирительно. Они оба уже осознали, что факт Стаи — дело решенное. Кот даже потихоньку начинал ощущаться ментально. Но тут Рамон вспомнил слова мертвяка, которые поразили его и заставили задуматься, спросил:

— Кот… тот, дохлый, сказал — «выстави его против Рыжей». Кто это — Рыжая? Как это — «выстави»?

Кот вздохнул.

— Да я ведь об этом уже битый час толкую, бобик. Собачьи бои — вот у них тут что. Собачьи бои — и тотализатор. И тебе драться уже нынче. Тебе принесут еду и воду — но в них будет наркотик, стимулятор, чтобы ты взбесился и боли не чувствовал. И не думал. Не ешь и не пей, если хочешь, чтобы Старшая Ипостась уцелела — а то она умрет раньше тебя. Я дам тебе своей еды… Твое счастье, что эта дрянь по первому разу хорошо работает только через желудок, а то они б тебя давно накололи…

Рамон содрогнулся.

— А ты? Откуда у тебя еда без отравы? И зачем им ты — ты же не пес…

Кот привалился головой к плечу Рамона мирным доверительным движением, которого его еще никогда не удостаивали кошки.

— Я, чтоб ты знал, и без наркоты порву любого пса… Ну, почти любого. Они это знают, держат меня для эффектных драк, выставляют против самых бешеных идиотов… вот и все. Хотя… есть

и еще кое-что, но тебе, бобик, это знать ни к чему.

— Я — Рамон.

— А… я — Мэллу… но какая разница? Мы с тобой все равно умрем здесь. Только хочется умереть хорошо, разумно умереть, чтобы Старшая Ипостась свободной ушла на новые круги — а не как придушенная мышь…

Рамон дружески понюхал кота в ухо, отчего тот только поморщился.

— Все не так плохо, — сказал пес. — Я, значит, хорошо унюхал, прав был, тут вправду мертвяки, поэтому Хозяин, может быть, и не сможет сюда зайти. Допустим. Вряд ли, но допустим. Только в Службе Безопасности тоже станут меня разыскивать… правда. И еще есть Локкер. Он мой старый друг, и у нас надежный союз, он меня где угодно услышит. Он — вернее людей. Я тоже давно хотел сказать.

Мэллу приподнял брови.

— Он пес, этот Локкер?

Рамон ухмыльнулся.

— Нет. Но это не важно. Тебе было бы смешно, наверное, если б ты узнал, что он за зверь — но он совершенно надежный товарищ. И я на него полагаюсь. На него всегда можно было положиться.

Мэллу зевнул.

— Спокойно… — мурлыкнул он. — Хорошо, когда спокойно. Я согрелся. Я поспать хочу. И ты поспи, бо… Рамон. Спать — лучшее, что тут можно делать. Только смени Ипостась, а то Старшая тебя простудит, если будешь лежать на бетоне в этом теле.

Рамон кивнул. Мэллу отошел от решетки, перекинулся, свернулся в пушистый клубок и задремал почти сразу же. Рамон невольно позавидовал кошкам, способным спать где угодно, сколько угодно и так уютно. Некоторое время он наблюдал, как Мэллу тихонько дышит, чуть подергивая ухом на резкие звуки. Потом перекинулся, долго устраивался, кружился, топтался на жестком холодном полу — наконец, улегся, положил голову на лапы и задумался.

И сквозь звуки и запахи неволи, угрозы и смерти мало-помалу просочился солнечный день из далекого-далекого прошлого…

Ветеринар, чужой Хозяин Бруно, открыл заднюю дверцу, и Рамон с Баськой выскочили на землю. Настроение у них было отличное — кто ж не любит ездить в машине! Можно сидеть, прижав к стеклу носы, смотреть, как все мелькает — дома, деревья, коровы, другие машины, которые попадаются по дороге, — нюхать воздух, который попадает в салон через окно и пахнет лесом, маслом, бензином, плоской желтой штучкой, которая болтается на зеркальце заднего вида, железом, искусственной кожей, дезодорантом ветеринара…

Бруно — хороший дядька, как все, кто в Лиге работает. Уколы, правда, делать неприятно, даже Младшей Ипостаси — и то неприятно, хотя все знают — надо терпеть, а то чуму подцепишь. Так Бруно ведь тоже знает — собаки не любят уколов. Старается справиться побыстрее, а

чтобы было легче, дает Баське кусочки сыра, а Рамону — шоколадное печенье. Рамон это печенье просто обожает. Когда жуешь печенье, про уколы как-то даже забываешь… А потом их выпускали играть во дворик клиники — а там заборчики для прыганья, лесенки, трубы, в которых можно ползать. Вообще весело.

А в город и обратно ездили на машине. Жалко, конечно, что у их Хозяина Хольвина оказались какие-то жутко важные дела в лесу, и он не смог поехать с ними, но даже несмотря на это было весело. Щенки, к примеру, видели, как какой-то пижон вез большую южную кошку, и очень душевно их обгавкали. А что кошка сделает — она же в другую сторону уехала! Уморища!

Встретили ветеринара Хозяин Хольвин, папа Джейсор и мама. Баська, натурально, сразу принялась вокруг мамы скакать — соскучилась, а Рамон только прижался к своему Хозяину на минутку, дал маме себя понюхать и сразу побежал от машины. Надо же узнать, какие тут новости пришли без них с сестрой.

Но он еще слышал, как ветеринар маме говорил:

— Хорошие у тебя дети, Ида. Прививки отлично перенесли, здоровенькие и сообразительные. Особенно кобелек.

Да, я хороший, с удовольствием подумал Рамон. *И у меня чутье. Я, когда в прятки играли, ему восемь раз ботинок нашел, и даже три раза — ключи. А Баська ключи совсем не нашла. От них ведь железом пахнет даже больше, чем руками, а в прятки в клинике вообще сложно играть. Там повсюду всякими лекарствами несет, будто специально, чтобы с толку сбить.*

Но меня не собьешь, подумал Рамон и ухмыльнулся. *У меня отличное чутье. Даже старый Трезор хвалил, не то что ветеринар. Вот сейчас, к примеру, пахнет чужим зверем.*

Откуда у нас тут чужой зверь? С ума сойти как интересно.

Рамон принюхался. Нос Старшей Ипостаси не хотел расширяться, как полагается, но уж такой удивительный и сильный запах Рамон разнюхал на все сто. Зверь был еще тут. В саду был.

Рамон перемахнул через калитку прежде, чем мама успела на него гавкнуть. Сам знаю, что собакам в сад нельзя. Но я же в Старшей Ипостаси все-таки. И потом — я еще щенок. Я ничего не понимаю. Я маленький. Хозяева вот, к примеру, не сердятся. Улыбаются. Значит, можно.

Так в случае чего и скажу. И потом — надо же на зверя посмотреть. В жизни такого не нюхал.

Чужак, оказывается, тоже был в Старшей Ипостаси: для разговора удобно, а что он за зверь — непонятно. И он оказался не старше Рамона. И он сидел на траве в тени и жевал веточку.

Тогда Рамон принялся его разглядывать. Сущая невидаль.

А чужак не испугался — тоже стал разглядывать Рамона, будто Рамон невесть какое диво. Чужак был худенький и бледный, с длинной шеей, с длинными ногами, с вытянутым личиком, которое портили выдающиеся скулы, крупный горбатый нос и тяжелый подбородок, а украшали девчоночьи темные глаза в длинных загнутых ресницах. И его русые волосы лежали на плечах гривкой — как ему только мама позволяет? Так его блохи съедят… И потом, шкура у чужака была странная — куртка в бахроме, штаны в бахроме. А на ногах — высокие сапоги, с каблуками. Почти у всех зверей, которых Рамон видел, в Старшей Ипостаси на ногах получаются мягкие такие мокасины — у собак гладкие, у кошек мохнатые. Разве что у коз сапоги, но чтоб такие…

Рамон подошел, чтобы его обнюхать. Чужак возражать не стал, но сам не нюхался особенно и вообще был жутко церемонный, был какой-то медленный для настоящего щенка, что ли… А пахло от него совсем не щенком. Каким-то чудным существом — и что, кошкой?! Ой, правда кошкой! Ну-ка, ну-ка — так и есть: и шея, и за ушами кошкой пахнет. Кошка ему уши вылизывала! Обалдеть!

— Ты что, кошкин сын, что ли? — удивился Рамон. — Вот уж не похож на котенка!

Чужак пожал плечами.

— Я и не котенок, — сказал он. — Просто тетя Манефа со мной дружит. Она меня кормила.

Ишь, как он про кошку, подумал Рамон. *Кошка его кормила. Нет, до щенка ему далеко.*

— От тебя еще молоком пахнет, — сказал Рамон высокомерно. — Ты чего, молоко пьешь? Ты маленький?

— Пью. — Голос у чужака был спокойный, но не такой кроткий, как выражение лица. — Меня Хольвин угостил. А ты бы не стал?

— Стал бы, — сознался Рамон. — Вкусно. А почему у тебя затылок молоком пахнет? Ты что, голову, что ли, туда макал?

— Нет, — сказал чужак. — Не макал. Я не знаю почему. Что у тебя за манера так обнюхиваться? Что ты так узнаёшь?

— Все. — Рамон опять почувствовал себя круче и старше. — Я, например, знаю, почему ты такой тощий. Ты мяса давно не ел. От тебя совсем мясом не пахнет. И кровью… почти не пахнет. Только чуть-чуть… и странно как-то. Тебя чего, ранили?

— Это не меня, — сказал чужак грустно.

— Лучше бы Хозяин тебе мяса дал, — сказал Рамон.

— Я мяса не ем, — сказал чужак.

Рамон поразился так, что еще раз хорошенько чужака обнюхал. Просто для проверки — ведь наверняка врет. Не может настоящий зверь жить без мяса. Ноги протянешь.

Не козел же он, в конце концов! Вот уж чем от него точно не пахло — знаем мы, как пахнут козлята…

А чужак отстранялся и косился, будто ему не нравилось, что его нюхают. И мясом от него вообще не пахло.

— Что же ты ешь? — спросил Рамон, склонив голову набок. — Одно молоко, что ли? Как сосунок? Или одну траву, что ли?

— Нет. Вот еще. Я ем веточки.

— В смысле — грызешь?

— Ну, в смысле — сначала грызу, а потом съедаю. Ты мясо тоже сначала грызешь?

— Кости… но веточки… Ты что, хочешь сказать, что ты палки глотаешь?!

— Веточки, а не палки, — теперь у чужака сделался снисходительный вид. Рамон понял почему: потому что Рамон никак не возьмет в толк то, что этот тип считает простой вещью. — Самые вкусные — ивовые. Молоденькие. Еще вот ольха… или, знаешь, свежие сосновые иголки, еще светленькие… а еще — вот это дерево. Яблоня.

— В смысле — грызешь?

— Ну, в смысле — сначала грызу, а потом съедаю. Ты мясо тоже сначала грызешь?

— Кости… но веточки… Ты что, хочешь сказать, что ты палки глотаешь?!

— Веточки, а не палки, — теперь у чужака сделался снисходительный вид. Рамон понял почему: потому что Рамон никак не возьмет в толк то, что этот тип считает простой вещью. — Самые вкусные — ивовые. Молоденькие. Еще вот ольха… или, знаешь, свежие сосновые иголки, еще светленькие… а еще — вот это дерево. Яблоня.

Самое дикое, подумал Рамон, *что не похоже на вранье. Так можно говорить только о еде. Но ведь невозможно…*

— Как можно сосну грызть?! — пробормотал он потрясенно. — Она же колется! В нос! И горькая!

Чужак пожал плечами.

— Я же не спрашиваю, как можно мясо есть, — сказал он безумную вещь. — Мертвое. Вонючее. В крови. Которое раньше было живое.

У него на секундочку сделался такой неприязненный вид, что Рамон зарычал.

— Не кусайся, — сказал чужак. Миролюбиво.

— Почему? — сказал Рамон. — Ты драться не любишь?

— Не люблю. Я умею, ты не думай, меня папа учил. Просто не люблю. Мне папа говорил, драться можно только в двух случаях: когда нападают и из-за девочки. Но девочки я тут не вижу, а если ты нападешь… это будет нехорошо. Папа говорил: если нападают, надо убить. Или попытаться убить. А то тебя убьют.

Рамон задумчиво почесал бок и выкусил блоху. Чужак был серьезный парень. Но странный.

— Чего драться из-за девочки? — спросил Рамон с любопытством.

— Осенью. Девочкам сильные нравятся, — пояснил чужак.

Рамон усмехнулся. Сильные нравятся… тоже новость. С сильными бороться интересно. А просто смотреть какой девочкам интерес?

— А играть? — спросил он.

Чужак улыбнулся. У него были крупные передние зубы и совсем не было клыков.

— Хочешь играть? Давай. В пятнашки. Или — бодаться. Кто сильнее.

— Как это — бодаться?

— Это лучше — когда перекинемся, — сказал чужак.

Рамону стало интересно. Это уже была совсем новая игра, в новую игру всегда забавно поиграть. Он перекинулся кубарем, чужак — осторожно и не спеша. И стал таким зверем, что Рамон помимо воли заскакал вокруг, заливаясь лаем.

А чужак смотрел на него сверху вниз девчоночьими темными глазами в длинных ресницах, стоя на тонких длинных ногах, нагнув горбоносую голову с крохотными рожками, встряхивая коротенькой светлой гривкой. Рамон был городской щенок — он еще никогда в жизни не видел лосят…

Задремавшего Рамона разбудил запах сырого мяса.

Он еще глаза не успел открыть, как струя этого запаха выбила слюну из-под языка и сжала желудок голодным спазмом. *Сколько ж я уже не ел,* подумал Рамон. *Вторые сутки голоден — только воду хлебал. Мясо!*

Он открыл глаза, встряхнулся и сел. Мэллу, в Старшей Ипостаси, обхватив руками колени, сидел напротив и презрительно смотрел на него из-за решетки. Человек в пропотевшем ватнике, чья душа еще жила, но уже начала загнивать, ухмыляясь, стоял около клетки. Он держал в одной руке электрошокер, а в другой — большую миску, наполненную кусками сырого мяса, политого сырым яйцом.

Рамон бессознательно вильнул хвостом.

— Вот и умница, — ухмыльнулся человек еще шире, показывая желтые испорченные зубы. — На, лопай.

Он открыл маленькую дверцу у самого пола клетки, не сводя с Рамона глаз и напряженно ухмыляясь, и втолкнул миску внутрь. Миска проехалась по полу до самого носа Рамона — и он остановил ее лапой. Человек плеснул в другую миску воды из ведра, втолкнул и ее тоже, расплескивая воду, скривился в странной гримасе и ушел.

Рамон облизался — и тут же услышал ледяной голос Мэллу:

— Бобик, забыл, что тебе говорили?

От голоса растерялся и обернулся, капая на бетон с языка.

Верхняя губа кота дрогнула, не столько злобно, сколько пренебрежительно.

— Понюхай это мясо, дурак. Хорошенько понюхай, если у тебя есть какие-нибудь ноздри.

Рамон понюхал. Мясо восхитительно пахло, так пахло, что у Рамона голова закружилась — но тончайшее обоняние ищейки уловило еле заметный оттенок незнакомого химического запаха, который сознанию хотелось игнорировать изо всех сил.

Рамон заскулил, топчась на месте, и беспомощно взглянул на кота.

— Отрава, — сказал Мэллу. — Стимулятор, бобик. Чуешь?

Младшей Ипостаси было невыносимо плохо. Младшая Ипостась хотела забыть обо всем и впиться зубами в кусок мяса, она не могла думать о будущем, когда ее мучил голод. Рамону пришлось радикально с ней бороться — он перекинулся и отошел от миски.

— Ничего, — мурлыкнул Мэллу одобрительно. — Еще ничего. Еще есть какие-то мозги… а то вы же все безмозглые, псы. Вам лишь бы брюхо набить.

— Я же на службе, — хмуро сказал Рамон. — Я легко могу не есть… Просто я очень голодный сейчас, а это — мясо…

— Конечно, — сказал Мэллу. — В этой клетке до тебя жил один барбос… Я ему говорю — не жри, дурак, издохнешь, а он мне — заткнись, мол, кошка. Урод. Ну и все. Два боя выжил, только выл и на решетку кидался. А потом сдох — от заражения крови, наверное. Он не вылизывался, забывал. Спятил. Вонял напоследок, как падаль…

Рамон встал на четвереньки, опустил нос и понюхал бетонный пол.

— Я не чувствую.

— Давно, — сказал Мэллу безмятежно. — Потом его унесли жечь, а тут все вымыли хлоркой.

Рамон кивнул. Потом облизнулся и спросил:

— Что ж мне делать? Я же с голоду помру. У меня даже болит в животе… ты говорил, что мне надо будет драться — какой же я боец, голодный? Меня сытый с ног собьет.

Кот поднял миску, стоящую в углу своей клетки. Рамон потянулся носом. В миске лежали коричневые катышки дешевого корма для животных.

— На, погрызи, — усмехнулся Мэллу, поднося миску к решетке. — Я все равно столько съесть не могу… этой дряни. Обветривается.

Рамон, отгоняя от мыслей запах мяса, взял катышек двумя пальцами. Жесткий. Пахнет костной мукой, аптечными витаминами, жиром…

— Давай-давай, — фыркнул кот. — Привыкай. Только запить не забудь — а то заворот кишок будет.

Рамон зачерпнул горсть катышков, сунул один в рот и принялся жевать. Голод придал суррогатной жратве какой-то намек на вкус — проглотив один комок, Рамон набил рот остальными.

Мэллу задумчиво наблюдал.

Рамон съел довольно много, но не наелся, только почувствовал, как раздулся живот, будто его набили песком. Хотел попить, смыть привкус суррогатного жира с клыков — но наклонившись к воде, учуял тонкий и острый химический запах.

— Кот, — сказал с тоской. — Я пить не могу. Тут тоже… это…

Мэллу уже привычно подтолкнул ему свою миску.

— Смешные вы все-таки, — сказал он, глядя, как Рамон черпает воду пригоршней. — Смешные… Хорошо, что ты еще не жалкий. Слушай, если нажрался. За тобой придут через

час. Отдыхай.

— Я никуда не пойду, — оскалился Рамон. — Я тут порву кого-нибудь.

— Лучше иди, — сказал Мэллу. — Они будут тебя шокерами в клетку на колесах загонять. Это больно.

Рамон вздохнул и сел.

— Молодец, — сказал кот. — Глупо выпендриваться зря. Надо думать, если хочешь пожить подольше. Слушай дальше. Драться тяжело. Там, в зале, всегда полно мертвяков или наполовину мертвяков. Не обращай внимания. Перекинься, как только клетку откроют. И постарайся сразу убить.

— Нашего товарища по несчастью?

— Да, дурак, да. Нашего полоумного товарища, обожравшегося наркотой. Иначе он тебя убьет. Не жди, не рычи, не лай, не нюхайся — я знаю, вы, полудурки, все так делаете. Будешь ждать — он кинется, и привет.

Слышать это было так дико, что хотелось по-щенячьи скулить с тоски. Кот понял и боднул его в плечо через решетку.

— Ты ведь не боишься, дурень, да? Жалеешь здешних бобиков? Жалеешь?

— Они мне ничего не сделали…

— Так сделают. — Мэллу снова боднулся. — Забудь свои дурацкие собачьи правила. Хочешь жить — забудь. Я бы никогда в жизни не стал так с тобой ласкаться, но ты мертвяка отогнал, когда он меня жрал, поэтому я тебе начистоту говорю, как своему. Ты — ничего, я не хочу, чтоб тебя притащили за ноги в кровище, а завтра, если не сдохнешь, вмазали морфием в сердце. Мне, знаешь, тоже приятно пару лишних дней чуять зверя рядом, живого зверя, а не отравленное чучело…

Рамон кивнул. Он пытался привести в порядок и душу, и мысли. Так что, когда пришли люди с клеткой на колесиках, палками и шокерами, мысли Рамона и его душа были уже в полном порядке.

В состоянии спокойной готовности к чему угодно.

Он чувствовал себя не одиноким, а членом Стаи. Это хорошо и правильно. Это возвращало покой и уверенность в себе, даже если Стая в данном случае — кот-мерзавец.

И Рамон перекинулся, когда увидел людей. Стоял и смотрел, как они подгоняли клетку, как возились с замком — не рычал и не кидался. Берег силы и самообладание.

— Смотрите-ка, — заметил тот, с желтыми зубами и напряженной ухмылкой. — Жрать не стал. Даже не притронулся.

— С котом стакнулся, оборотень поганый, — расхохотался тот самый жирный красномордый Ник, который утром сопровождал мертвяка. — Гордый, скотина. Ничо, еще пожалеет.

Рамон перешел в передвижную клетку. *Я тебе это припомню,* думал он с тихой холодной злобой. *Думаешь, можно терзать живых существ безнаказанно, да еще и в компании*

ходячего трупа? Ну-ну. Душа-то вот-вот загниет, а дальше — известно, куда приходят. Ты-то еще не знаешь, а я чую.

Я — оборотень — чую.

Клетку повезли по длинному коридору между клеток. Здешние псы бесновались, учуяв и увидев Рамона — чистенького новичка, а ему дико было смотреть на вздыбленные загривки и глаза, налитые кровью и бессмысленной злобой. Он и не смотрел. Его не бесил, а ужасал их запах — запах страданий, старых ран и безумия. *Я — из Службы Безопасности*, думал Рамон. *Я должен выбраться отсюда и рассказать. И я должен поступить со здешними людьми по справедливости — а по справедливости они тоже должны мучиться, как эти бедолаги.*

Он очень не хотел смотреть. Но когда кто-то распахнул дверь, окованную железом, из-за которой пахнуло относительно чистым воздухом, пылью и средством для натирания пола — Рамон случайно поднял глаза и встретился-таки взглядом со слезящимися глазами молодого пса сторожевой породы, одно ухо которого стояло торчком над располосованной мордой, а другое было разорвано в клочья.

И решил, что это зрелище надлежит накрепко запомнить. И за это надлежит расплатиться.

Зал, предназначенный для боев, тоже находился в подвале — но не в том подвале, где держали бойцов, а как-то напротив. Клетку втащили по пандусу наверх, провезли по короткому коридору, который чудесно пах уличным сквозняком, — и снова спустили вниз. Проволокли по страшному тоннелю, цементному и обшарпанному, воняющему кровью, мочой и рваными ранами. Втолкнули в тесную конурку с металлической дверью. За дверью и обнаружилось…

Клетку выкатили. Рамон огляделся. Зал был не слишком велик и полон битком. Он насквозь пропитался запахом мертвечины, так что Рамон даже не мог сообразить, откуда несет сильнее. От этого мерзкого запаха першило в горле и шерсть вставала дыбом, а внутри носа горело так, будто воздух превратился в сплошной огонь. Рамон чихал и кашлял, пытаясь оценить обстановку; на то, чтобы сосредоточиться, понадобилась пара минут.

Круглая арена с дощатым покрытием в бурых пятнах была огорожена металлической сеткой в три приблизительно человеческих роста. За сеткой виднелись напряженные человеческие хари.

— Слышь, шавка, — сказал воняющий тухлым служитель, ткнув Рамона палкой в бок сквозь прутья подвижной клетки. — По сетке ток пущен, не вздумай кидаться.

Рамон даже не огрызнулся. На его уши свалился механический голос:

— Первый сегодняшний бой. Справа — кобель, ищейка, черной масти, кличка Жандарм. Слева — сука, северная сторожевая, чепраковой масти, кличка Рыжая. Оба — оборотни. Делайте ставки, господа.

Хари завыли и заревели. В их реве Рамон не разбирал ни одного членораздельного слова. Вдалеке — на другой стороне арены — хлопнула дверца.

Рамон не столько увидел, сколько учуял. И осознал то, что все это время как-то само собой пролетало мимо ушей и никак не могло уложиться в голове.

Теперь, когда вокруг души выстроилась сколько-нибудь годная защита, он мог чуять что-то, помимо мертвечины. Пахло неопрятными ранами и псиной. Пахло пыльной шерстью, слезящимися глазами, давней усталостью. Пахло болью и не рассуждающей злобой. И сквозь все это пробивался тонкий запах суки, любви, союза, родного.

Рамон в ужасе заметался по клетке. Он понял, он оценил всю подлость замысла мертвяка, всю человеческую подлость — теперь он был всей душой согласен с определением кота — Отрава. Потому что невозможно было драться с сукой, насмерть драться с сукой. Невозможно было нарушить святейший закон собак — Кодекс Стаи, растворенный в крови, впитанный с молоком матери.

Рамон помнил предупреждение кота — только те циничные слова и помешали ему сейчас перекинуться и заорать через весь зал: «Сестра, одумайся, мы одной крови!» Но мысленный призыв был так отчаянно силен, что Рыжая ощутила: в ответ кинулась на решетку и хрипло, яростно залаяла.

Рамон смотрел, как она беснуется, и ощущал смертельный леденящий стыд.

Ударил гонг — и дверца клетки поднялась, а служители шарахнулись назад, за собственную стальную дверь. Вероятно, Рамону надлежало бы рвануться из клетки навстречу противнику — но он не видел противника и медлил, непонятно на что надеясь.

Только когда Рыжая — крупная, косматая, с черной полосой по спине и черной оскаленной мордой, на которой горели воспаленные полубезумные глаза, — кинулась вперед и в три прыжка долетела до клетки Рамона, только тогда выскочил и он. Он ухмылялся и вилял хвостом, ему до сердечных спазм хотелось, чтобы Рыжая опомнилась, увидев эти попытки быть любезным и верным долгу.

Она не опомнилась. Рамон отскочил в сторону быстрее, чем за мгновение — но клыки Рыжей лязгнули в полусантиметре от его плеча. Дыхание Рыжей пахло химией и болью. Рамон прыгнул боком и поскакал по арене, как скакал бы, играя с подругой — уворачиваясь, а не нападая. Хари в зале орали и улюлюкали. Кто-то швырнул в Рамона банкой с недопитым пивом: «Фас, куси! Трус поганый!» — банка ударила его в бок и на миг отвлекла.

В этот миг Рыжая налетела на него, рванув клыками за шею. Рамон еле устоял на ногах — и только из-за этого они оба не врезались в сетку под током.

Рыжая хотела вцепиться и терзать — и будь Рамон хоть немного легче и мельче, ей бы это вполне удалось. Но Рамон был крупнее — и здоровее, несмотря на капсулу со снотворным и голодные сутки, проведенные взаперти. Кроме того, он мог действовать рассудочно — а разум Рыжей заметно мутился.

Рамон улучил момент — и стряхнул Рыжую с себя.

Она остановилась, глядя исподлобья, глухо рыча и облизывая окровавленную морду. Рамон снова ухмыльнулся, чувствуя, как кровь жжет плечо. Рыжая снова бросилась.

Рамон понимал, что она ненавидит его со страстной убийственной силой. Что для нее он — воплощение зла, до которого можно дотянуться и отомстить, хотя бы условно. И еще, когда Рыжая бросилась на него, скалясь в яростной усмешке, он понял — она считает его добычей, поставила на нем крест, собирается добить.

И встретил ее толчком плеча, усиленным всей массой тела.

Рыжая щелкнула клыками в воздухе и взвизгнула от боли и неожиданности. И Рамон резко подался вперед и еще раз изо всех сил толкнул ее грудью.

Рыжая завалилась на бок. Хари вопили и выли.

Рамон перекинулся в рывке, прижал Рыжую к скобленому дереву пола в пятнах крови — руками — и навалился на нее всем телом.

— Успокойся, а ну успокойся! — рявкнул он ей в самое ухо. — Приди в себя, дуреха!

По телу Рыжей прошла дрожь.

Рамон зарылся лицом в шкуру, воняющую старой болью:

— Ну перестань. Приди в себя. Слышишь?

Рыжая принюхалась. Потянулась носом к шее Рамона, потом прикоснулась к виску. Ее губы все еще подрагивали, но Рамон понял, что она уже не может не нюхать.

Потом она всхлипнула. Старшая Ипостась Рыжей проступила сквозь Младшую постепенно и с мучительной болью — Рыжая завизжала, перекидываясь.

Рамон, еще прижимая к полу ее руки, провел носом по ее щеке.

Что-то тяжелое стукнуло его в спину между лопаток, но значения это уже не имело. Рыжая оскалилась перед самым носом Рамона, хрипло прорычала сквозь клыки:

— Ну, добивай, чего ждешь! Сбил с ног — добивай!

— Кодекс, — сказал Рамон. Кровь все текла, и его тошнило. Он не слышал воплей сверху. — Ты помнишь Кодекс?

— Нет здесь Кодекса, нет! — огрызнулась Рыжая. Ее осунувшееся лицо казалось серым в мертвом свете, а глаза отсвечивали зеленым. Она все еще напрягала мускулы, но уже устала. — Только смерть!

Рамон прижал нос к ее виску и разнюхал ускользающий нежный щенячий запах, еле заметный под слоем боли и грязи. Тело Рыжей, натянутое, как струна, расслабилось.

— Ты хорошо пахнешь, — сказал Рамон ласково. — Кодекс есть везде, где есть мы. Мы не мертвые… и не люди.

Он уже успокоился, как успокаивался всегда, чувствуя собственную правоту. Разжал кулаки и встал на колени, еще успел увидеть, как Рыжая тоже начала подниматься с пола — и тут выше лопатки впилось горячее острие и стала темнота…

Лось

Локкер отправился в путь затемно.

Ирис провожала его. Они молчали, но Локкер душой чувствовал тепло ее грусти. Она понимала, все понимала. По-другому никогда не бывает — любящие прощаются и расходятся,

чтобы долго не встречаться, любящие прощаются и расходятся… порой — навсегда. Ирис была готова каждый год провожать возлюбленного, а потом думать о нем в долгих скитаниях и надеяться на новую встречу.

Она была не готова лишь к тому, что возлюбленный покинет ее сейчас, осенью, в пору счастья, всего через месяц после заключения союза любви и крови. Это ее печалило.

Это и его печалило. Локкер оборачивался, видел прекрасную горбоносую голову ее Младшей Ипостаси, ее встревоженные уши и ее глаза, повлажневшие от нежности и грусти. Он тоже все понимал. Он любил впервые, его сердце еще не окрепло в разлуках. Он боялся оставить подругу, с которой собирался странствовать вместе всю долгую зиму, а весной, перед летними путями, взглянуть на своих первенцев…

Вообще-то, может быть, и первенца. Хотя и желалось думать, что будут двойняшки, что все у них получится, как издревле велось у Блуждающего Народа.

Но…

Они перекинулись у кромки леса. Дальше простирались бурые поля, затянутые холодным туманом; над полями низко нависли тяжелые серые небеса. Вдоль полей мокрой лентой расстелилось шоссе. Ирис остановилась — Локкер понял, что она боится и брезгует идти дальше.

Взялись за руки. Ирис потерлась щекой о щеку Локкера. Локкер по-человечески прижался губами к ее переносице между бровей — и Ирис рассмеялась. Он тихо порадовался, что позабавил подругу глупой шалостью.

— Вернешься до снега? — спросила Ирис, поднимая чудесные глаза цвета самого темного агата, нимало не измененные трансформом. — Я не двинусь с места без тебя.

— Хочу вернуться, — сказал Локкер. — Слушай меня внутри. Слышишь, как хочу.

Ирис усмехнулась.

— Ревнуешь.

— Почему, нет, я же верю тебе, — возразил Локкер, но тут же фыркнул и отвернулся в сторону. — Ревную, — сознался, косясь и виновато улыбаясь. — Последний был достойным противником. Немножко ревную.

Ирис ответила нежным мечтательным взглядом. Последний был такого же роста и почти такого же телосложения, как и Локкер. И удар Локкера принял, пригнув голову к самой земле, не отступив ни на шаг. На несколько бесконечных секунд они просто замерли, будто сросшиеся скрещенными в фехтовальном парировании рогами — и уж потом стало понятно, что Локкер сильнее. И Локкер, вместо того чтобы толкать вперед, гнул голову соперника к земле, ниже и ниже, вдавливая его морду носом, скулой, ухом в мох, истоптанный до болотной грязи…

— Глупости говоришь. — Ирис, улыбаясь, все еще видя внутренним оком неудачника, отряхивающего грязь с головы, прильнула к Локкеру всем телом. — Я буду матерью твоих детей, а ты говоришь глупости, Победитель Трех Турниров. На сотни километров вокруг нет никого сильнее и отважнее тебя. И не дождаться мне новой травы, если лгу.

— Нет, нет, нет, не смей так говорить! Не бросайся страшными клятвами. Глупо — так, всуе.

— Во-первых, не всуе, а по делу… А во-вторых — что, Зеленый услышит?

— О, нелепая, нелепая девочка… дорогая нелепая девочка…

Они касались друг друга, впитывая родной запах, запоминая родной голос, но большая часть того, что нужно было сказать, говорилась молча. *Ты останешься на этом берегу реки, только не переходи к Медвежьему хутору, только не отдаляйся от кромки болота. А ты не задерживайся в городе — нам нечего делать в городе, это опасно, это противно, если бы не твой старый друг, попавший в беду, я умоляла бы тебя не ходить туда… Милая, милая, люблю, люблю — еще в Десяти Турнирах сражался бы за тебя, не хочу оставить тебя, но ему плохо, очень плохо, и никто ему не поможет без меня… Я знаю, Локкер, я чую, я слышу — наши души теперь одно, я согласна с тобой, ибо мы из Народа Бойцов за Честь…*

И уже потом, с трудом заставив себя выпустить ее руки, усилием воли приказав себе не оборачиваться, чтобы еще раз взглянуть на нее, Локкер перекинулся снова и быстро пошел вдоль шоссе, туда, где, судя по белым стрелкам на синих табличках, располагался незнакомый ему город.

Этим ранним утром, когда шоссе было еще совсем пустынным, когда вокруг стояла тишина, нарушаемая только чистыми звуками живого мира, и ледок ранних заморозков сахарно хрустел под копытами — этим утром Локкер все еще жил лесом, любовью и сражениями. Он нес рога гордо, как пару боевых мечей. Они стоили того, его рога — ими любовались первые красавицы здешних мест — и ОНА… прекраснейшая из всех, мечта достойнейших, Ирис…

Победитель Трех Турниров — сказала ОНА.

Младшая Ипостась не приспособлена для человеческих улыбок — но в душе Локкер улыбался. Он вспоминал осенние серенады и призывные кличи. Ночные костры, белый мох, на котором брусника красна, как капельки крови. Громадные, холодные звезды в шелковой черной реке. И ту поляну, окруженную черными елями в седых лишайниках, с утоптанной копытами травой — Ристалище, где три лосихи стояли и смотрели на поединки в свою честь.

Поклон-прицел, еще поклон. Выбрать точный угол удара — атака и защита вместе. Бросить себя вперед — живой таран в полтонны весом, сплошная любовь, гордость и отвага. В последний миг встретиться взглядом с соперником, уничтожить веселым презрением. Потом рога скрестятся клинками, с треском, будто ты сейчас на куски рассыплешься от этого удара — но копыта вросли в податливую землю, и ты стоишь тысячелетним валуном, нет силы, чтобы тебя сдвинуть… страха не существует, а на боль ты плевать хотел! А потом он подается назад, ты поддаешь рогами еще, напираешь, в струну вытягивая мышцы, — и он снова подается, он отступает…

Это всего лишь турнирный противник. Неудачник, потерявший треть правого рога после твоего особенно изощренного удара, но выживший. Чужак, посягнувший на ЕЕ честь, на ЕЕ жизнь, будет убит. Вот о чем говорит это зрелище ЕЙ.

Ты победил троих, а больше не нашлось желающих — и подошел к НЕЙ, госпоже любви и красоты. И ОНА начала слышать твою душу и твои мысли даже раньше, чем союз был завершен, и к ней пришла любовь…

ОНА оценила. Твои рога отшвырнут в сторону волка, а копыто раздробит череп медведю… и проницательный разум Старшей Ипостаси придумает, как, в самом дурном случае, поступить с

человеком.

Нет врага более подлого и жестокого, чем человек.

И сейчас ты направляешься прямо к нему в логово.

Так подумал Локкер, когда повстречал первый автомобиль. Сначала — этот раздражающий гул, шум мотора, шуршание колес, какие-то стуки… потом — ослепительный свет фар и мерзкий запах, ударивший в ноздри, тошнотворная вонь перегорелого бензина. И кто-то внутри этой вонючей, громыхающей, железной коробки завопил: «Лось! Лось!»

Никогда не видели живого лося.

Наверное, прикидывают, каково мое мясо на вкус, подумал Локкер с отвращением. Лучше бы идти на двух ногах — людям сравнительно реже хочется убить того, кто похож на них внешне. Но короткий шаг и короткое дыхание Старшей Ипостаси не приспособлено к долгим переходам.

Ладно, рискну.

Чем светлее становилось, тем больше машин появлялось на шоссе. Локкер шел по обочине навстречу движению; автомобили гудели на него и мигали фарами, один тяжелый грузовик резко вильнул в сторону — и Локкер перемахнул через канаву, отделяющую шоссе от поля, чтобы не попасть под колеса.

Я действую людям на нервы, думал он. Они видят чуждое им живое существо, и многим из них хочется просто его убить. Или по крайней мере напугать. Может, они сами меня боятся.

Только мне от этого не легче.

Ближе к полудню Локкер вспомнил о том, что хорошо бы перекусить. Любовь не способствует набиванию брюха, сражения — тоже. Локкер в последнее время кормился от случая к случаю, Ирис смеялась, что любовный недуг оставил от него одну шкуру на костях. Но в полях нечего было съесть — овощи люди давно убрали, а жухлая трава не представляла ни малейшего интереса. Добравшись до зарослей вербы и краснотала, растущих вдоль дороги, Локкер отщипнул веточку — но она была неприятна на вкус, будто вся насквозь пропиталась бензиновыми парами. Локкер печально вздохнул и решил не обращать на голод внимания. Перешел с шага на рысь.

Мутный солнечный свет еле просачивался через тяжелую гряду облаков, когда Локкер подошел к синей табличке, обозначающей въезд в населенный пункт — деревню Горбыли.

Шоссе делило деревню надвое. По обе его стороны стояли жилища людей, деревянные дома, выцветшие и потемневшие от времени и непогод, огороженные покосившимися заборами. Над штакетниками и ржавой сеткой, прибитой к столбам, виднелись плодовые деревья. Листья на них уже пожелтели и начали облетать, но ветки и кора, как Локкер знал точно, еще сохраняли совсем летний вкус.

Локкер опечалился. Он любил и сами яблоки, и яблоневые ветки, но не сомневался, что попробовать их здесь, чтобы чуточку утолить голод, не удастся.

Люди терпеть не могут, когда лоси портят яблони. А люди, населяющие деревню — хмурые и серые лицами, в ватниках и высоких сапогах, — и без того показывали, насколько не рады

видеть его тут. «Смотрите-ка! Лось, растак! Ишь, из леса приволокся…»

Маленький ребенок, девочка лет пяти, в грязной оранжевой куртейке, неровно стриженная, с личиком и руками, красными от холода, восхищенно смотрела на него между рейками забора, потом протянула надкушенное яблоко. Локкер бы съел, он испытал настоящую признательность — но стоило ему нагнуться за угощением, как толстая женщина выскочила на крыльцо и пронзительно закричала:

Люди терпеть не могут, когда лоси портят яблони. А люди, населяющие деревню — хмурые и серые лицами, в ватниках и высоких сапогах, — и без того показывали, насколько не рады видеть его тут. «Смотрите-ка! Лось, растак! Ишь, из леса приволокся…»

Маленький ребенок, девочка лет пяти, в грязной оранжевой куртейке, неровно стриженная, с личиком и руками, красными от холода, восхищенно смотрела на него между рейками забора, потом протянула надкушенное яблоко. Локкер бы съел, он испытал настоящую признательность — но стоило ему нагнуться за угощением, как толстая женщина выскочила на крыльцо и пронзительно закричала:

— Дура, а ну пошла домой! Джем, взять его, взять!

Откуда-то из-за дома выскочил тощий кривоногий пес и с лаем кинулся на забор. Локкер пошел прочь. Он неплохо относился к собакам — недаром же Рамон был его старым и лучшим товарищем — и умел их понимать, но здешний бедолага, пестрый полукровка с глупой мордой, вряд ли даже умел перекидываться. Старшая Ипостась его души, похоже, просто не повзрослела — а может, это был какой-то умственный изъян, мешающий его главной сути приподняться над Зверем.

Но, как бы то ни было, пес оставался псом — и все деревенские псы забрехали из солидарности со своим собратом. Маленькая шавка, грязно-белая, с неопрятно свалявшейся шерстью, сунулась Локкеру почти под ноги, пытаясь укусить, но ему стоило только резко обернуться, как собаку унесло куда-то в глубь ближайшего двора. Неприятная Стая — не было среди этих собак двоесущных.

Несколько мужчин на автобусной остановке обсуждали Локкера с откровенным гастрономическим восхищением. Давнее правило — с горожанами, как говорят, бывает по-всякому, но для жителей деревни любые жители леса четко делятся на съедобных и несъедобных. Локкер знал, что для этих людей он — еда, особенно в нынешние непростые времена. Невольно ускорил шаги — и вдруг попал в струю потрясающего запаха, теплого знакомого запаха свежего хлеба.

В маленьком домишке, похожем на вагончик, снятый с колес, расположился магазин, и, судя по запаху, там продавали хлеб. Когда Локкер гостил у Хозяина, у Хольвина, его всегда угощали хлебом. Хлебом и молоком — лучшая человеческая еда.

Локкер подошел поближе к магазину, задумавшись, почти проигнорировав кинувшихся врассыпную старух. *Что я тут делаю,* подумал он. *Просто голоден — и что из того? Люди в таких местах не дают хлеба просто так, за него берут деньги. Где я возьму деньги?*

Ощущение опасности вывело его из задумчивости. К магазину бежал человек с охотничьим ружьем, а с ним еще несколько безоружных. Локкер перекинулся, повернувшись к людям лицом.

Бегущие разочарованно замедлили шаг. Вопреки общим предрассудкам убитый двоесущный

иногда все же остается в той Ипостаси, которую застигла смерть. Местные жители, как Локкер и ожидал, знали об этом — может быть, потому, что им уже случалось такое видеть. Так что не было у людей настоящей уверенности в том, что убийство принесет ожидаемые шкуру и мясо, и их совершенно не устраивал потенциальный труп почти такого же существа, как они сами, прямо посреди поселка. Старшую Ипостась двоесущных люди едят только в крайних случаях — в тех, когда и себе подобных ели бы.

Владелец ружья выругался в злобной досаде и крикнул:

— Убирайся в свой лес, гадина! Ишь, расплодились, зеленая кровь, чтоб вы сдохли! Оборотень поганый… — Но он просто разочаровался. Может, надеялся сделать запас мяса на зиму.

Локкер чуть пожал плечами и побрел прочь. Собаки все лаяли, а запах хлеба унес порыв ветра.

Он перекидывался, подходя к населенным пунктам, проходил их на двух ногах и вновь возвращался в Младшую Ипостась, когда человеческие дома оставались позади. Шел очень быстро, больше нигде не останавливаясь и не замедляя шаг. Хотел добраться до города засветло — шестьдесят километров, сказал Хольвин.

Шестьдесят километров — не самый короткий и легкий, но, в сущности, нормальный дневной переход.

Но смены Ипостаси и нервное напряжение отняли очень много сил, и к тому же Локкер был голоден. Засветло он не успел — нынче уже довольно рано темнело.

Когда над темным шоссе появились целые гирлянды фонарей, а вдали замаячило широко разлившееся море острого желтого огня, Локкер понял, что здесь нужно перекинуться в последний раз. Что делать в городе зверю?

А что вообще делать в городе двоесущному?

Локкер уже собирался перекинуться, но не успел — на него с откровенным восторгом уставились два лохматых молодых человека, ждущих на пустой автобусной остановке рядом с собственными рюкзаками:

— Нет, ну ничего себе! Смотри, Берни, лось!

— Крутой лосяра… сохатый… Ох, и рога же… Не боится, здорово!

Они разом схватились за рюкзаки, но в движениях этих людей ничего угрожающего не было. Локкер подошел поближе и увидал, как названный Берни достал из кармашка на рюкзаке плоскую серебристую коробочку с круглым стеклянным глазом. Знакомая вещица — фотоаппарат. Такое уже случалось видеть, у Хольвина, у его товарищей из Лиги. Всем известно, зачем человеку это надо.

Хочет изображение Локкера себе. На память. Лестно.

Локкер улыбнулся про себя и остановился в живописной позе Победителя Трех Турниров, высоко вскинув голову, красиво развернув рога. Гостям из Лиги так очень нравилось.

Щелкнуло. Вспыхнул и снова вспыхнул яркий свет.

— Вот чудной зверь! Прямо тебе позирует, ручной, что ли?

— Жаль вечер, света мало… лось, лось подойди под фонарь, а?

Они не отнимут много времени, подумал Локкер и вошел в желтый холодный луч. Фотограф восхищенно ахнул и щелкнул еще несколько раз; его приятель наконец нашел в рюкзаке то, что искал — мятую бумажную пачку с печеньем, уже на две трети пустую.

— Эй, лосяра! Красавец! Ты печенье ешь? — и сделал несколько шагов вперед.

— Ты полегче все-таки, — сказал Берни, опуская фотоаппарат. — У них осенью гон, они того, бывает, бесятся ни с того ни с сего…

Его тон, встревоженный, но не перепуганный, вытащил Локкерову Старшую Ипостась. Берни еще раз щелкнул и вспыхнул, делая изображение смены сущностей. Его товарищ присвистнул:

— Ничего себе, а?! Перевертыш! Лось-перевертыш! Ах ты, зеленая кровь…

— Ты печенья-то дай ему, — сказал Берни и улыбнулся. — А то показываешь и не даешь… я б на его месте обиделся.

— Спасибо, — сказал Локкер смущенно. — Я голодный.

Товарищ Берни еще более смущенно протянул пачку, не подходя особенно близко:

— Держи, трескай…

Локкер взял. Берни щелкнул и это.

— Тебе спасибо, лосяра… классные кадры, народ обзавидуется. Знаешь, я лосей-перевертышей только по телевизору видел разок, и то, говорили, что уникальный, мол, фильм. Даже не мечтал сделать такие фотки…

Локкер взял. Берни щелкнул и это.

— Тебе спасибо, лосяра… классные кадры, народ обзавидуется. Знаешь, я лосей-перевертышей только по телевизору видел разок, и то, говорили, что уникальный, мол, фильм. Даже не мечтал сделать такие фотки…

Локкер улыбнулся. Печенье было сладкое, пахло ванилью. Чтобы накормить лося, потребовалось бы пачек тридцать такого печенья, но для того, чтобы лось набрался спокойствия и храбрости для путешествия по городу, хватило и тех кусочков, которые остались у людей с фотоаппаратом.

Людям явно хотелось его потрогать, но они не посмели, а Локкер по застенчивости своей натуры не стал предлагать. Но когда подошел автобус, и людям, и зверю было одинаково жаль расстаться.

Новым знакомым Локкера все-таки надо было ехать, они долго ждали — и им пришлось втащить внутрь рюкзаки. Потом автобус поехал, а они махали в маленькое окошко. Локкер проводил их взглядом и пошел дальше. У него потеплело на сердце.

Эти молодые мужчины не были Хозяевами, конечно. Но что-то от Хозяев в них чувствовалось — может, веселая отвага? Или любопытство? Приятная встреча.

Потом Локкер шел по шоссе до тех пор, пока на него не рявкнул человек в сером, с металлическими бляшками, перепоясанный кобурой:

— Эй, хиппи! Тебе говорю, длинный — куда прешься по проезжей части?! Под колеса захотел?!

Локкер виновато улыбнулся, чуть пожав плечами. Этот человек тоже не враг. Он всего лишь не хочет, чтобы с Локкером случилась беда. Следует выполнить то, что он требует — перейти на полосу асфальта, приподнятую над шоссе и огороженную поребриком.

Вообще-то доброжелатель не обязан быть вежливым. Хиппи — это бранное слово? Раньше никто не называл Локкера так.

Локкер послушался серого, поднялся на поребрик и пошел дальше. Город постепенно оказался не впереди, а вокруг. Локкер впервые очутился в этом странном месте, впервые видел его своими глазами — не так уж это было и приятно.

Очень много шума. Чуткие уши Локкера различали целую реку резких звуков; он никак не мог разобраться, какие из звуков опасны, а к каким нужно притерпеться, потому нервничал. От резкого металлического скрежета шарахнулся в сторону, подумав, что так может скрежетать только смертельная угроза — а оказалось, что ничего особенного: два вагончика на стальных колесах едут по рельсам, как электричка-коротышка, скрежещут на поворотах. Всюду только и слышишь гул машин, шелест колес по асфальту, скрип, вой неживого металла, свист электричества, протяжные звенящие стоны мертвой материи, движимой электрическим ветром… всюду горят холодные пронзительные огни, бездушный свет лезет в глаза, режет мозг. По серым ячейкам электрических сот с уханьем проносятся ослепительные световые волны, дико-красные, жутко-синие… тяжело дышать от бензиновых паров.

Локкер мотал головой, пытаясь избавиться от ноющей боли в висках, и брел в отчаянии, почти наугад. Красные круги загораживали путь, чтобы множество машин могло промчаться мимо по своей асфальтовой реке; зеленые круги изображали память о живом, память о лесе и лете — открывали дорогу. Локкер шел вместе с людьми, которые куда-то торопились, громко говорили и пили из жестяных банок что-то с запахом таким резким, что хотелось отвернуться и чихнуть. Многие пускали изо рта ядовитый дым. Ожидая, пока можно будет перейти дорогу, Локкер стоял рядом с молодыми мужчинами, вдыхающими эту едкую вонь — кто-то выдохнул струю дыма в его сторону и рассмеялся, когда Локкер поспешно отпрянул.

От города хотелось спрятаться. Убежать в какое-нибудь тихое, уютное место, лечь на пожухлую траву среди высоких кустов, полежать, поджав под себя колени, подумать в покое… Локкер невольно оглядывался в поисках такого места, но не мог его найти. С огромных светящихся полотнищ, стоящих на бетонных ногах, громадные буквы вопили в самые глаза: «Не пропустите грандиозную распродажу!», «Вы будете счастливы с нами!», «Не теряйте времени, покупайте телевизор нового поколения!» — Локкер не помнил, что такое телевизор, и не знал, что такое распродажа. Рядом с буквами изгибались нарисованные человеческие женщины — их нагие тела не были прикрыты ни шкурой, ни одеждой; везде мелькали голые, в позах гона, освещенные теплым светом, оранжевые и розовые, рядом с яркой всякой всячиной. На узких полосках земли, не закованной в асфальт, росли скорченные полумертвые деревья. Всюду выли машины, всюду толпились люди, всюду грохотал и ослеплял светом город; из дверей очень светлого и очень большого магазина взревела оглушительная человеческая музыка. Локкер потихоньку выбивался из сил; вдобавок моросил дождь, Старшей Ипостаси было холодно.

Его поманил темный двор: из широкой арки потянуло прохладным ветром и запахом дремлющих растений. Локкер вошел. Во дворе оказалось сумеречно и пустынно; горела пара

желтых фонарей и маленькие фонарики над входами в дом. Здесь стояло много машин, но их тупорылые туши, темные и неподвижные, не выглядели так отвратительно, как движущиеся автомобили на улице. К тому же в заросшее деревьями пространство уличный шум доходил глухо и не так болезненно. Локкер успокоился. Около арки рос большой куст ольхи. Локкер непроизвольно отломил веточку и стал ее жевать.

И тут все его тело содрогнулось от неожиданной тянущей боли, а свежий ветерок моментально насквозь пропитался мертвечиной. Женщина-труп, чья отвратительная вонь смешивалась с таким же отвратительным запахом человеческой химии, одетая в лисьи шкурки и в шапке из лисьей шкурки, шла к Локкеру, растягивая в улыбке резиновые губы.

Локкер в ужасе кинулся обратно на улицу. Люди с фотоаппаратом забылись. Локкер впервые видел ходячего мертвеца так близко — это оказалось куда хуже и волков, и медведей, и людей. Он сразу вспомнил все, что знал о Службе Безопасности, и окончательно осознал, почему лесные звери называют город страшным местом. Понял и еще одну важную вещь.

Рамон не просто попал в дрянную историю. Он попал в смертельную западню. Страх Рамона, который передавался Локкеру во сне, пах мертвецами.

Моего друга-пса, моего лучшего друга могут просто выпить. Высосать, как корявые древесные грибы высасывают жизнь из березы. Вот что звало меня сюда, в этот город, будь он проклят.

Локкер собрался с силами. Не годится паниковать и шарахаться бесцельно и испуганно, как потерянный лосенок. Надо думать.

Надо было заставить себя поехать с Хольвином на машине. Хотя с этим-то уже ничего не поделаешь. Теперь надо искать кого-нибудь, кто может подсказать и объяснить.

Искать пришлось недолго. У ярко освещенного входа в магазинчик с надписью «24 часа», на мокром лоскуте картона сидел грязный пятнистый барбос непонятной породы. Одно его ухо торчало вверх, второе лихо загибалось вперед, как козырек кепки; на ухмыляющейся обаятельной морде было написано: «Люди добрые, помогите бедному голодному зверю, кто чем может!» Молодая женщина, вышедшая из магазина, бросила псу сосиску. Попрошайка хамкнул ее на лету, проглотил и дружелюбно завилял хвостом.

Локкер только головой мотнул. Для умирающего с голоду пес был слишком упитанный.

В обстановке бедняжка тоже ориентировался неплохо для истощенного. Унюхав Локкера, он склонил голову набок и уставился, дурашливо приоткрыв пасть. Локкер подумал, что пес сейчас будет брехать, но тот перекинулся.

Прохожие с бранью отскочили в стороны. Пожилая женщина с большой сумкой, собиравшаяся было войти в магазин, с сердцем плюнула и повернула обратно. Плотный юноша замахнулся кулаком: «Пшел, гадина!» — хотя буквально только что присутствие собаки решительно никому не мешало.

Пес со смущенной ухмылкой на чумазой поцарапанной физиономии подошел к Локкеру и робко потянулся носом. Локкер подал руки и нагнулся, чтобы пес, в Старшей Ипостаси существо невысокое, дотянулся до его носа и висков. Кругом принялись браниться уж слишком свирепо; пес почесал за ухом и сказал:

— Пошли отсюда, чудо-юдо. А то они драться начнут.

— Почему?

Пес быстрым шагом направился в переулок, поминутно оглядываясь, идет ли Локкер за ним. Локкер шел. Он по-прежнему недоумевал, но его новый знакомый продолжил разговор только в паре кварталов от магазина, на темной пустынной улочке.

— Ты откуда, такой удивительный? — спросил пес, обходя Локкера вокруг и снова принюхиваясь. — Вкусно пахнешь… то есть не в смысле «вкусно», конечно, а приятно. Чисто-чисто-чисто.

— Если сравнить лес с городом, то в лесу чисто-чисто, — сказал Локкер.

— Ты из леса забрел! — восхитился пес и забегал кругами. — Елки-палки! Обалдеть! Нет, ну обалдеть! Нет, ну никто ж не поверит, если рассказать! Лесной, надо же! А ты — кто?

Локкер невольно улыбнулся.

— Лось.

Пес снова замер, уставившись, склонившись и раскрыв рот.

— Ё… их же не бывает! Они же только в анекдотах…

Локкер удержался от обидного смешка и снова нагнулся, чтобы оказаться с псом нос к носу — собаки так лучше понимают. От собеседника сильно пахло псиной, но такие запахи Локкера уже давно не смущали. Он повторил:

— Послушай, почему люди так рассердились, когда ты перекинулся? Ты же им нравишься, они тебя даже кормят…

— Да… — пробормотал пес задумчиво. — Да… Не надо было Ипостась менять, это да… Меня теперь из этого магазина, как пить дать, выгонят… опять искать надо, где приютиться… Хотя… Может, Глициния и заступится… почти что Хозяйка… ничего. С людьми жить, знаешь ли, лось, — пес хихикнул, — лось! Так вот. Не у всех же настоящие Хозяева. Да Хозяев вообще немного совсем… А обычные люди обычно не любят, когда наш брат им показывает… второе Я, врубаешься? Люди больше любят глупых. Вот сидит дурачок и кушать хочет. Им и приятно — они снисходят, понимаешь. На высоте положения себя чувствуют. Вот и кормят. А теперь — все, лафа кончилась.

— В Старшей Ипостаси же удобнее общаться, — сказал Локкер. — Люди ведь только слова понимают…

Пес снова хихикнул и мелко зевнул.

— Да, точно. Вот и в анекдотах лоси такие, точно. Да какому человеку надо с тобой общаться, чудо? Человеку надо добреньким себя почувствовать, сильным, снисходительным. Человек, когда в дом берет собаку, он же себе игрушку берет или дополнительный замок на дверь. Кому надо болтать с игрушкой или с замком? Ты, между прочим, знаешь, что простые люди чаще всего себе маленьких берут? Совсем несмышленышей, которые себя не сознают, оборачиваться не умеют… знаешь?

— Как же человек научит звереныша перекидываться? — Локкер был глубоко поражен услышанным, так глубоко, что спина холодела. — Люди же по-другому чувствуют…

— Вот же чащоба! — нервно хохотнул пес. — Так ведь они и не учат! Кто так попал — тот пропал. Раб. Ему над Зверем не подняться, бздец. На всю жизнь дурачок. Калека… Хотя, чтоб ты знал, те, кто не оборачивается, живут меньше. Лет десять живут, максимум пятнадцать. Младшая Ипостась, если она без Старшей, изнашивается бы-ыстро…

Пес говорил много и скоро, будто хотел высказаться за долгое вынужденное молчание. Его суетливые нервные движения сказали Локкеру даже больше, чем слова: он чувствовал себя неприкаянным без Стаи и Хозяина, этот пес, он не мог даже поболтать лишний раз. Локкер торопился, но не мог перебить этого зверя из-за обыкновенной, уже установившейся, живой связи.

— Но ты очень умен, — сказал он даже. — Значит, ты не жил в доме у людей?

— Да нет, жил, — очень подвижные рыжеватые бровки пса печально приподнялись, обрисовав морщинки на лбу. — Только я жил уже большой. Уже самостоятельный был такой щенок. Маманя ж моя в подвале ощенилась, несчастная была сука, не повезло ей в жизни. Не Стая, а так, недоразумение… но я все-таки получил какое-никакое воспитание… настоящее, а не от людей.

— А где твоя Стая?

— А Зеленый знает… Давно дело было. Маманю мою застрелили, облава была на бездомных собак. Нас трое было — так где брат с сестрой, я понятия не имею. Их увезли куда-то, а скоро я их и слышать перестал в голове… может, убили, может, сами померли, может, где-то очень далеко — не знаю я. А меня вот подобрали. Я симпатичный был щенок, говорят…

— Ты сбежал?

— Да ладно. Какая собака сбежит? А Кодекс? Ты что?.. Выгнали меня.

— За что?!

Пес встряхнулся.

— Хватит уже. Что это мы все обо мне да обо мне… Ты ж ко мне зачем-то подошел, так говори давай зачем. Что тебе, лесному, надо тут?

Локкер помедлил, припоминая точно, и медленно, четко сказал:

— Я ищу Северное управление Службы Безопасности. Ты не знаешь, как туда пройти?

— Хорошее место, — кивнул пес. — Кормят. Слушай.

Дождь припустил сильнее, и пес встряхнулся… Лось приготовился слушать и запоминать.

Человек

Патрулирование затянулось.

Не просто объезжали свой район — сначала искали следы пропавшего пса, искали, искали, искали… Время от времени Сапфир или Весна начинали волноваться, тогда Феликс останавливал автомобиль, собак выпускали побегать и понюхать. Они бегали и нюхали, но это был их район, здесь Рамон постоянно ходил с патрульными, им пахло везде и нигде. Моросил дождь и еще больше сбивал с толку. Потом Сапфир учуял свежий след мертвяка, все отложили для погони и ликвидации, потом вызвали экспертов и труповозку, ждали, оформляли протокол, связывались с управлением — а думали о том, что товарища своего так и не нашли…

Потом объехали все сомнительные места. Заглянули в непотребную пивнушку на углу, но на этот раз там буянили сравнительно живые. Дали собакам пробежаться вдоль темной аллейки, но там обнаружились только обжимающиеся парочки.

Уже ближе к вечеру позвонили из жандармерии, вызвали на самоубийство — прыжок с высоты. Место происшествия псы обнюхивали долго и тщательно, следы смотрелись сомнительно. С лестничной площадки, рядом с квартирой самоубийцы и вниз, Сапфир отследил старый, двух-трехдневной давности, запах мертвяка; дом взяли на заметку, расписались в акте осмотра, напомнили жандармам, что информация о всех контактах самоубийцы должна быть непременно отправлена в СБ…

Потом объехали все сомнительные места. Заглянули в непотребную пивнушку на углу, но на этот раз там буянили сравнительно живые. Дали собакам пробежаться вдоль темной аллейки, но там обнаружились только обжимающиеся парочки.

Уже ближе к вечеру позвонили из жандармерии, вызвали на самоубийство — прыжок с высоты. Место происшествия псы обнюхивали долго и тщательно, следы смотрелись сомнительно. С лестничной площадки, рядом с квартирой самоубийцы и вниз, Сапфир отследил старый, двух-трехдневной давности, запах мертвяка; дом взяли на заметку, расписались в акте осмотра, напомнили жандармам, что информация о всех контактах самоубийцы должна быть непременно отправлена в СБ…

Вернулись, когда уже не осталось сил на печальные мысли. Начинало темнеть. Собаки лежали под сиденьями автомобиля, положив морды на лапы — им не хотелось притворяться людьми, они устали. Ликвидаторы тоже устали до тошноты; Феликс нарушал устав, смоля в приоткрытое окно сигарету за сигаретой, Рональд бездумно смотрел на проплывающий мимо автомобиля город, медленно и розово расцветающий фонарями, вспыхивающий неоном. Дождь к вечеру усилился. Яркие огни отражались в мокром асфальте, как в паркете.

Капитан Тео, проводник Рамона, следователь-аналитик СБ, машинально чесал Сапфира за ухом и думал, что не стоило отпускать Рамона одного. Вообще не стоит отпускать псов одних — даже когда они уверяют, что это вроде прогулки: сбегать и нюхнуть, просто для очистки совести.

Ищейки не могут его учуять. Либо он убежал из квадрата патрулирования — увлекся преследованием или его увел интересный запах, либо его подстрелили и увезли на машине. Как бы то ни было, потерян пес.

Еще один пес потерян. Самые уязвимые сотрудники СБ и самые необходимые — ищейки. Без них вообще невозможно выйти на след мертвяка или определить степень поражения человека этой заразой. Они первые бросаются в бой, кидаются на вооруженных гадов, в выломанные двери во время облав, без страха и сомнения. И в них же стреляют, прыскают слезоточивым или перечным газом, бьют током чуть ли не все подозреваемые. Их боятся, «оборотней из инквизиции», как вообще боятся почти всех двоесущных. Как бесов в старину.

Если в СБ обращаются по самым экстремальным делам, от ужаса или в депрессии, когда больше никто помочь не может, если ликвидаторов все-таки признают, хоть боятся, и называют инквизиторами — то псов СБ ненавидят безоговорочно.

А журналисты сплошь и рядом раздувают страсти и пишут о «собаках-убийцах»…

Феликс припарковал автомобиль опергруппы на стоянке около управления. Дождь уже лил как из ведра, люди натянули на форменные береты капюшоны. Рональд повел собак на псарню. Они шли понуро, даже близкий ужин их не воодушевлял, только при виде тети Гортензии, открывшей дверь на звонок, вяло завиляли хвостами, больше из вежливости.

— Я домой пойду, господин капитан? — спросил Феликс, снова вытащив пачку сигарет. — Что уж теперь…

— Иди, — хмуро сказал Тео. — Иди-иди, не жди. Мне нужно позвонить.

Дверь в управление оказалась не заперта, несмотря на то, что приемные часы давно закончились. В дежурной части толпились и галдели простые граждане; между ними мелькал голубой комбинезон медика. Арнольд, сегодняшний дежурный по району, возвышался над ними, как монумент. Голосила женщина.

— В чем дело? — спросил Тео, подходя, и тут же отвлек огонь на себя.

Женщина, немолодая, с увядшим осунувшимся лицом, бешеным, красным и мокрым от слез, с растрепавшимися волосами, кинулась к нему и затрясла кулаками перед его лицом:

— Убийца! Ты командуешь тут, да?! Чтоб вы все передохли, погань, инквизиторы адовы!

Тео мягко, насколько смог, отстранил ее руки, спросил у Арнольда через ее плечо:

— Кого у нее ликвиднули?

— Сына убили, сына! — выкрикнула женщина и зарыдала. Ярость на ее лице не смягчилась от слез. Пожилой мужчина и другая женщина, помоложе, обняли ее с двух сторон, но объятия эти выглядели как попытка жесткого задержания. Девица, ярко накрашенная и злая, с розовым родимым пятном на щеке и стеклянной звездочкой страза в крыле носа выпалила:

— Пес порвал, прямо на глазах! Гильберт был не мертвяк, ясно?! Сами вы…

Гражданские завопили вразнобой. Все лица одинаково выражали страх и злость, будто их владельцы хотели разорвать Тео с Арнольдом и врачом заодно в клочья, но боялись их оружия или будущего наказания за убийство. Друг на друга они не смотрели.

— Жалобу собираются писать, — сказал Арнольд безнадежно.

— Может, все-таки выпьем успокоительного и отдохнем? — устало сказал женщине медик, и Тео понял, что эту реплику он повторяет уже не второй и даже не десятый раз. Накрашенная девица ругнулась сквозь зубы. Женщина продолжала рыдать, сипло, уже без слез. Тео тронул медика за плечо:

— Старый?

— Ткани деструктурировались за полторы минуты. На глазах развалился, — сказал медик. — Разумеется, старый. Вы чувствуете? Никто не может слушать, никто не может думать.

Родственники, соседи, все уже… под вопросом… Ее племянник покончил с собой две недели назад, ему только что исполнилось четырнадцать лет…

— Чья группа ликвидировала?

— Норма. Он ушел с отчетом к полковнику, сейчас выйдет, — сказал Арнольд. — Нам бы только десять минут еще продержаться… Нашли Рамона?

— Нет. — Тео увидел, что Норм и шеф экспертов торопливо спускаются с лестницы к стекляшке дежурного. — Пропал Рамон. Не знаю, что делать. Пойду посреднику позвоню. Вы уже продержались.

Увидев Норма, женщина запричитала с новой силой. Ее лицо выражало откровенную, неистовую ярость, Тео порадовался, что у нее нет оружия. Особенность всех таких случаев — чувства родственников и знакомых ликвидированных мертвяков сродни не скорби и тоске по дорогому человеку, а бешенству наркоманов, у которых отняли дозу. В такие моменты люди не помнят, что все контакты с мертвяком причиняли сильную боль, что жизнь стала омерзительной — их несет состояние, похожее на ломки, тем более сильное, чем сильнее поражена душа.

Норм походя пожал Тео руку. Можно ничего не спрашивать: у его ищейки была сегодня сложная ликвидация, и он, похоже, понял, что лучшую ищейку Тео так и не нашли. Тео поднялся наверх, к своему кабинету.

Прошел мимо диспетчерской службы. Из-за двери доносились девичьи голоса:

— …нет, этим занимается жандармерия… Нет, госпожа, этим занимается жандармерия…

— …здравствуйте, Служба Безопасности, чем я могу вам помочь?..

— …и давно вы страдаете депрессиями?..

— …обратитесь, пожалуйста, к своему участковому врачу…

— …здравствуйте, Служба Безопасности, чем я могу вам помочь?..

— …и давно вы страдаете депрессиями?..

— …обратитесь, пожалуйста, к своему участковому врачу…

— …да, Служба Безопасности, чем я могу вам помочь?..

Вот у кого, кроме собак, собачья работа, подумал Тео, отпирая кабинет. Все ипохондрики, все параноики, все обозленные соседи с манией свести счеты посредством доноса… Телефоны сутками не замолкают, но, как правило, о настоящих мертвяках граждане сообщают очень редко, больше — о собственных галлюцинациях. Слишком тонкая материя, рядом с мертвяком люди привыкают к постоянному оттоку энергии, делаются от него зависимы, помалкивают… Все всплывает только после ликвидации, самоубийства кого-то из жертв или внезапной вспышки немотивированной злобы, убийства, насилия…

Включил свет. Подвинул к себе телефон. Как не хочется, благие небеса, как не хочется… Сейчас будет всего…

Третий гудок. Четвертый. Пятый. Ты что, спишь, что ли? Или ушел в хлев, на псарню, в лес?

Без телефона, конечно. Посредники в лес с электроникой не ходят. И в синтетике по возможности не ходят. И с оружием не ходят…

— Посредник юго-западной области слушает, — холодно отозвались из трубки. Прямо так и тянет общаться, услышав. Прелесть, какие мы любезные.

— Хольвин, это Тео. Мы Рамона потеряли…

— Я знаю.

Любопытно.

— Откуда?

— Рамон ушел вчера вечером. Ночью попал в беду. А ты мне только сейчас звонишь.

— Бес сумеречный, да откуда ты знаешь? Может, заодно знаешь, жив ли? И что вообще случилось? И почему ты знаешь, а мы…

— Тео, я завтра с утра буду в городе. Хотел быть раньше, но в лесу проблемы. Пока к вам пошел мой лось, он в курсе, он мне и рассказал. Этот лось и Рамон — друзья детства, у них надежный ментальный контакт. Лось считает, что пес жив. Встречай, он знает адрес управления. Он все расскажет.

— Лось?! Хорошо, что у нас слоны не живут… Хольвин, послушай…

— Тео, у меня нет времени. Ты плохо поступил и с псом, и со мной, но отчитывать тебя тоже нет времени. Я сказал, лось должен вот-вот подойти, по моим расчетам, — он знает лучше меня и, может быть, за ночь что-нибудь изменится. А я приеду часам к семи-восьми, сорвусь, как только успокоятся Хранители. Завтра побеседуем.

— Что это за…

— Все, отбой.

Замечательно. Великолепно.

Посредники, разумеется, легко общаются с любыми живыми тварями из леса. С двоесущными лосями, к примеру. Лига Посредников для того и существует, чтобы общаться с животными, и с дикими в том числе. Хольвин, кроме прочего, еще и Хозяин, особая порода. Возможно, подумал Тео, Хольвин прав, утверждая, что у Тео тоже есть кое-какие задатки Хозяина, но пока дальше служебных собак это не шло.

И потому неизвестно, получится ли побеседовать с лосем по душам… Ментальный контакт? У хищника и травоядного? У таких разных видов? Не знаю, не слыхал… поглядим.

Тео закрыл кабинет и спустился вниз. Прошел к выходу через опустевший холл. Арнольд играл в какую-то игру на телефоне, оторвался от нее, кивнул.

Тео вышел на улицу, захлопнув за собой дверь так, что щелкнул замок.

В лицо тут же хлестнул холодный ветер. Вечер, мокрый, дождливый, мглистый, тяжело лежал

на городе. Сырая темень давила на виски. Фонарь у входа освещал скомканный грязный газон и темные лохмотья палой листвы. Резкий электрический свет втыкался в мозг иголками и что-то мелко моросило сверху.

Паршиво, когда листья уже начали опадать, а снега еще и не предвидится, подумал Тео. *Скорей бы кончалась осень, пусть лучше зима, чем эта нервотрепка. Слякоть, грязища, промозгло… Где тут искать лосей? И что делать лосям в городе?*

И тут взгляд Тео зацепился за странную фигуру, которой, кажется, было совсем не место в такой обстановке. Высоченный, может, даже двухметрового роста, худой долговязый парень с большими темными глазами и крупным горбатым носом на бледном лице, с мокрыми длинными волосами, в мокрой замшевой куртке с бахромой — этакий пижон — стоял под фонарем у стены управления привалившись к ней плечом, и жевал березовый прутик. Так подался навстречу Тео, что стало очень понятно: ждал, и ждал лично его.

— Вы хотели что-то сказать? — спросил Тео, подходя. Замшу под дождем испортите, хотел добавить он, но тут вдруг сообразил, что это у парня не пижонский наряд, а трансформированная шкура. А живой шкуре дождь не грозит.

Сложно сказать, как приходит способность моментально узнавать любого зверя в человеческом обличье, даже в сумерках, но она, как правило, приходит, если любить трансформов и общаться с ними достаточно долго. Наверное, потому что у всех двоесущных, вне зависимости от вида, даже у диких псов, волков и медведей, взгляд нечеловечески чист. Может быть зол, хитер — особенно у кошачьих — льстив, глуповат… но никогда не бывает тупым или сальным. Да и сами глаза от человеческих отличаются, как правило, — даже если зубов не видно, а по зубам почти всегда видно. Шкура иногда имитирует одежду очень здорово, но ни расстегнуть, ни снять ее зверь, разумеется, не может, это тоже отчасти заметно…

А зверь-то не хищный, подумал Тео. Попросту — вот и Хольвинов визитер. Добро пожаловать.

— Ты — Тео, да? — спросил трансформ. — Мне тебя… обдумывали.

Обыкновенное «ты» любого двоесущного любому человеку. Тео усмехнулся. Обдумывали… вот как. Хольвин, похоже, говорил правду о ментальном контакте. Редкое дело.

— Твой товарищ обдумывал? — спросил он, привычно, как псу, протягивая незнакомцу руку понюхать. — И что ты хочешь?

Нюхать лось не стал. Печально взглянул сверху вниз.

— Я Рамона ищу. Он мой друг, я скучаю и беспокоюсь. Хольвин говорил, что Рамон работал с тобой, а значит, должен был тебе сообщить, куда пошел. Сообщил?..

— Ты ведь лось, правильно? Я только что звонил Хольвину и он сказал, что ты хочешь со мной поговорить о Рамоне…

Лось кивнул и бросил измусоленный прутик.

— Да. Хочу. Но ты не ответил.

— Это служебная информация, милый, — сказал Тео. — А ты у нас зверь штатский, к тому же еще и дикий. Как я могу тебе рассказывать?

— А как ты мог отпустить его одного? — тихо спросил лось. Не враждебно, но с горьким глубоким укором, от которого у Тео заныло сердце. — Ты же его знаешь. Он отважный до безрассудства. Зная, что его дело кому-то необходимо, он не щадит себя. Зачем ты его отпустил?

— Он хотел проверить одно место, относительно которого у нас никаких подозрений не было, — сказал Тео. — Я не думал, что там можно разнюхать что-то серьезное, и просто разрешил ему побегать вокруг, — добавил он и понял, что оправдывается.

— Да, — кивнул лось, сломал веточку какого-то кустарника, растущего на газоне у входа в управление, и надкусил ее. — Я знаю. Ты сказал, что он — молодчина, хороший пес, что если что-нибудь обнаружится, это будет просто прекрасно, ты сказал, что вы все в него верите… поэтому он был готов умереть, чтобы оправдать доверие своих друзей-людей. Таковы все они, собаки. Ты наверняка все это знаешь. Почему же ты позволил ему уйти одному и почему вы его больше не ищете?

И несмотря на то, что человеку как будто смешно стыдиться зверя, Тео почувствовал, что просто сгорает от стыда. Лось смотрел на него влажными темными глазами, внимательно и скорбно — и от этого взгляда впору было сквозь землю провалиться.

— Ты где остановился? — спросил Тео.

— Здесь.

— То есть как… здесь?..

— Ну да. Здесь. До этого я шел, а тут остановился.

Ах, ну разумеется, подумал Тео. Это же трансформ, не используй человеческие идиомы, болван.

— Пойдем под крышу, холодно, — сказал он ласково. — Как я понимаю, этот прутик — твой единственный обед на сегодня, да? Что ты ешь?

— Веточки, — сказал лось. — Но ты не беспокойся. Я все понимаю. Я понимаю, что в городе нельзя. Я могу есть человеческую еду.

— Пирожки будешь? — Тео подтолкнул лося к входу. — С брусникой, не с мясом, не думай.

— Я не думаю про мясо, — сказал лось и пошел. — Ты умный, и еще я тебя хорошо чувствую. Но ты лучше дай мне хлеба. Просто хлеба. Очень хочется.

Нет, не поеду домой сегодня, подумал Тео. *Перебьюсь. Что мне там делать, одному — сегодня точно никто из девочек не зайдет, никто не звонил. И лося будет негде разместить… трансформы же любят спать в виде зверя… И послушаем, что он знает. Так ли много, как Хольвин думает.*

— Хлеба так хлеба, — сказал он вслух и улыбнулся. — Ну давай пойдем.

Лось кивнул и встряхнулся — что очень смешно выглядит у всех трансформов в человеческом облике. Тео отстранился от брызг с его волос.

— Прости, — сказал лось. — Я давно тут стою. Сейчас сильный дождь прошел, только

короткий.

— Да не извиняйся, нормально, — сказал Тео и нажал кнопку селектора на двери управления. — Да я это, снова я, — сказал в динамик раньше, чем Арнольд уставно осведомился о цели визита. — Захлопнул вот… Открывай, мне надо подняться к себе. У меня тут лось обозначился…

Дверь открылась мгновенно. Арнольд, видимо, еле удержался, чтобы не выскочить навстречу.

— Надо же! — закричал он через весь холл. — Никогда не видел лосей в городе!

Парочка ликвидаторов, сдавших дежурство, тоже притормозила взглянуть на такое диво. Лось, кажется, слегка смутился от такого внимания к своей особе — он ускорил шаги, звонко стуча по плиткам пола сапогами, не тише, чем стучал бы копытами, и привлекая к себе еще больше взглядов. У лестницы он остановился и вопросительно взглянул на Тео.

— Сейчас, сейчас, — сказал Тео. — Я насчет ужина, — и обратился уже к Арнольду: — Слушай, Налль, пока я гостя устраиваю… ты не в курсе, буфетчица не ушла?

— Вроде нет…

— Сделай доброе дело, пошли кого-нибудь из диспетчеров, пусть принесет в комнату отдыха хлеба, молока… ну еще чего-нибудь такого… типа веточек.

Арнольд прыснул и кивнул.

— Пойдем, старина, — сказал Тео лосю. Пса бы он потрепал по спине, но не знал, как на это отреагирует дикий зверь.

Лось пошел. От него исходило мягкое живое тепло вместе с запахом мокрой чистой шерсти и леса. Напряжен и встревожен, недоверчив, но пытается расслабиться, подумал Тео и очередной раз удивился неожиданному пониманию состояния едва знакомого зверя. А лось обернулся и встретился с Тео взглядом.

— Я опять тебя чувствую… внутри, — сказал он. — Ты учишься быть Хозяином?

Тео вздохнул.

— У меня маловато способностей, — ответил грустно. — Мне просто пришлось много работать с собаками. С твоим другом Рамоном вот… Славные псы ребята… Заходи сюда.

Лось вошел в распахнутую дверь — Тео померещилась мгновенная заминка, вроде страха перед ловушкой, но все равно вошел и огляделся так же тщательно, как псы обнюхиваются. Тео усмехнулся. Даже человеку беглое обследование этого места подсказало бы, что тут то и дело бывают двоесущные собаки и остаются надолго: обивка дивана и кресел хранила запах псины и собачьи шерстинки. Запах и шерсть оставили отнюдь не служебные псы — они предпочитали отдыхать на псарне, где уютнее и ближе к кухне. Зато тут частенько устраивали пожить бездомного бродягу, прежде чем удастся найти ему кров и Хозяина или Стаю — в управлении обосновалось слишком много людей, обожающих собак. Длинные глубокие полосы содранной краски на дверном косяке говорили о том, что некогда в этом помещении точила когти случайная кошка. Среди ликвидаторов попадались люди с задатками Хозяев, как Тео, и сильнее, чем Тео, так что попавший в беду трансформ всегда мог рассчитывать на помощь и приют не только в отделениях Лиги Посредников или в ветеринарной клинике, но и здесь.

Правда, лосей, как и лесных животных вообще, тут, как правило, не бывало. Лесные животные избегали города и ничего не знали про СБ.

Лось покосился на фотообои, изображающие лето и берег лесного озера, и неловко сел в кресло, с трудом разместив свои длинные ноги. Его долговязая фигура казалась неуклюжей и неестественной в небольшой комнатушке с нарисованным лесом — он был создан для настоящего леса, для простора и воли, а не для того, чтобы ютиться в городской каморке.

— Неудобно тебе? — спросил Тео.

— Нет, я привык… я же гостил у Хольвина, у него в доме тоже был, — рассеянно сказал лось, прислушиваясь. — У Хольвина тоже есть такие… мебель. У него камин. Я огонь люблю. А тут тоже очень тепло. Спасибо.

В комнату впорхнула темноволосая девчушка из диспетчерской службы с пластиковым пакетом в руках. Как-то ее зовут так нежненько… Лобелия? Лилия?

— Ой, солнышко! — пискнула в восторге при виде лося. — Какой зверь чудесный! Шикарные же ресницы у вас, у оленей… Да какой же ты громадный, дружище… только не перекидывайся, милый, а то под тобой пол провалится! Хочешь кушать? Смотри.

Лось серьезно посмотрел, как она вынимает из пакета на стол буханку свежего хлеба, пачку крупной соли, коробки с молоком, прозрачный контейнер с пирожками и большой букет зеленого салата. Потом потянулся к хлебу, лицом, как потянулся бы мордой — девушка разломила буханку, посолила и протянула ему.

— Где ж вы так разжились? — спросил Тео, наблюдая, как лось ест хлеб. — В нашем буфете салата отродясь не бывало…

— Да меня девчонки отпустили в круглосуточный сбегать. Лоси у нас в городе — гости нечастые… и никто не знает толком, что вы любите, вот так, красавец. Вы, кажется, траву почти не едите…

— Да меня девчонки отпустили в круглосуточный сбегать. Лоси у нас в городе — гости нечастые… и никто не знает толком, что вы любите, вот так, красавец. Вы, кажется, траву почти не едите…

— Я все ем, — сказал лось. — Я ужасно голодный. Ты мне очень помогла. Я тоже хотел бы вам помочь… наверное, я смогу.

— Многие считают, что Рамон… — Тео чуть замялся. — Что совсем пропал твой пес. Завтра Хольвин приедет, обещал, но если начистоту, то даже и от Хольвина пользы мало. А то место, которое Рамон ходил нюхать, мы уже триста раз обшарили — нет его там и не было. Наши собаки считают, что Рамона застрелили, а труп спрятали или уничтожили… ты прости, но надо ко всему быть готовым.

Девочка посмотрела на него укоризненно. Лось отщипнул половину салатного букета, съел и сказал со спокойной уверенностью:

— Собаки ошибаются. Им простительно, они же не Стая Рамона, просто коллеги. Вот его Стая знает, я разговаривал кое с кем. Баська знает, Ида с Джейсором, Тай… и я знаю. Он точно жив. И ему точно очень тяжело и плохо. А с сегодняшнего вечера еще и больно. Мне кажется, там, поблизости, мертвяки… те, что ходят…

— Два вопроса. — Тео уже чувствовал настоящий интерес. — Первый — почему тут ты, а не Баська или Тай. Пес бы, наверное, искал более эффективно…

— Я ему ближе сестры и брата, — сказал лось, чуть пожав плечами. — Я ему товарищ. У них связь крови, а меня он сам выбрал в компаньоны, мы чаще общались мыслями. Я знаю, ты думаешь, такому зверю, как я, никогда хищника не понять — но я многое чувствую. Я иначе, чем он, но не меньше чувствую.

— Второй вопрос. Что ты, собственно, можешь сообщить? Конкретно?.. Слушай, Лобелия, шла бы ты работать, а?

Девочка сделала вид, что не услышала. Лось задумался; потом неторопливо проговорил:

— Я знаю, как выглядит то место, которое Рамон видел снаружи, перед тем как его заперли.

— Заперли?!

— Он в помещении за замком. Я чувствую несвободу.

— Замечательно! А еще?

— Там много хищных зверей. Собаки, но не Стая. Рысь. Кажется, я слышал волка. Но Рамон с ними не обнюхивался.

— Лобелия, вали отсюда! — рявкнул Тео.

— Я — Лилия… — шепотом поправила девчонка, не двинувшись с места.

— Какая разница… Ладно. Понял. Значит, маловато у нас времени, дружище. Кажется, я знаю, о чем ты говоришь, — и очень мне это не нравится. Как я понимаю, ночью ты ориентироваться не можешь?

— Не могу, — сказал лось печально. — Я дневной. Ночью я почти не вижу.

— Ясно. Значит, завтра с утра все дела побоку — и будем искать место, которое Рамон видел снаружи. Если найдем — есть шанс застать его в живых.

— Капитан Тео, — взмолилась девчонка, — ну скажите, пожалуйста, о чем вы? Все так плохо?

— Лучше, чем смерть, — сказал Тео, избегая взгляда лося. — Собачьи бои.

— Как это? — спросил лось. — Собаки же ритуально не сражаются. Если и дерутся, то так, по пустяковым поводам… я бы это боями не назвал.

— Не о таких драках и речь, — сказал Тео мрачно. — Я имею в виду развлеченьице для полумертвых: стравить двух псов, или пса с волком, предположим, и делать ставки на победителя. На выжившего. Нервы они свои гнилые так щекочут, понимаешь? Или еще вариант — пес и человек. Тоже своего рода…

— Человек псу не спарринг-партнер, — сказал лось. — А волку тем более. Вряд ли кто-нибудь может этого не понять. У нас даже Старшая Ипостась сильнее человека на порядок.

— Да. — У Тео дернулась щека. — Но ты, милый, забываешь: у человека может быть нож, устройство для электрошока, меч, пистолет, наконец. А зверя можно накачать наркотой, чтобы

двигался помедленнее. О поединках с человеком в равных условиях никто и не говорит. Дело ведь не в том, кто сильнее, а в том, чтобы заплативший деньги крутым себя почувствовал. И шкуру постелил в гостиной…

Лось положил кусок хлеба на стол. Тео отчетливо почувствовал, как внутри зверя с лязгом упали металлические створы, закрывающие душу для доверительных контактов. Мускулы лося напряглись, а бледное лицо с горбатым носом стало еще бледнее и превратилось в маску куда более неподвижную, чем лосиная морда. Вот этого еще не хватало.

— Ты же сам понимаешь, — начал Тео, но лось холодно перебил:

— Я все понимаю.

Тео подумал, что встать и уйти, чтобы отправиться на поиски друга в одиночку, лосю мешает только абсолютное незнакомство с городом и желание дождаться приезда Хольвина. Все осторожное общение, все симпатии, на которые лесной зверь пошел, как на компромисс, через внутренний протест — все рушилось.

Дикарь, подумал Тео грустно. *Лес с городом не мирится. Горожане сами виноваты, да, но ведь не все же горожане — грязные подонки, в конце-то концов! Только как ему объяснить…*

На помощь неожиданно пришла Лилия, которая и не подумала убраться к себе в диспетчерскую. И повела она себя самым невероятным образом: обошла стол, присела на корточки рядом с креслом и принялась гладить руки лося. Тот покосился с ледяным презрением, но Лилию это не смутило.

— Гады, — сказала она с неожиданной страстной силой. — Гады, ненавижу мертвяков! Я вместе с тобой туда пойду, мы с тобой по стенкам размажем эту дрянь. Хорошо у вас в лесу, чисто — а у нас вот завелись паразиты, никак не очистимся, ненавижу…

Лицо лося чуть оттаяло. Лилия взяла его руку и прижала к своей груди.

— Веришь, что я — как ты? Вот послушай.

Тео поразился: лось улыбнулся бледной тенью улыбки.

— Ты — Хозяйка?

— Ну что ты, зверь дорогой, какая же я Хозяйка! Я из дома сбежала, у меня отчим полумертвый, а ты говоришь… Я просто живых очень люблю, а в городе сложно живым, тяжело, все полудохлые, все норовят себя убить или других… Попроси господина капитана, чтоб мне остаться. Я с вами пойду, мы вместе будем драться.

Лось вопросительно взглянул на Тео.

— Конечно, пусть остается, — согласился Тео поспешно. *Интересные задатки у девчонки,* думал он. *Мало кто может вот так с диким зверем. У лося же звериная суть была уже на подходе; двоесущные — создания непредсказуемые, как граната без чеки, в любой момент могут рвануть… а взбешенный лось не так уж безопаснее волка. Отчаянная девчонка. Неужели вправду Хозяйка?*

А Лилия тем временем уже уселась на ручку кресла, перебирала лосю волосы. Зверь смотрел на нее искоса, но вполне дружелюбно, а она ворковала:

— Я вот все думаю — как это лось умудрился подружиться с собакой… Ты жил в доме у Хольвина, да? Я его видела пару раз, знаю, что он — посредник между городом и лесом в северной области и настоящий Хозяин, но не разговаривала с ним никогда… он твой друг?

— Да, — сказал лось.

— Вы в лесу познакомились, да?

— Нет, — сказал лось с улыбкой, похожей на человеческую ностальгическую улыбку. — Я сам пришел к его дому. Я был совсем маленьким, а попал в большую беду… и Хольвин меня приютил.

— Хочешь молока? — Лилия налила молока в пластиковый стаканчик.

— Хочу. Все любят молоко… даже самые храбрые хищники. И все любят, когда их гладят, потому что это напоминает детство… мать напоминает. Не знаю, как у людей, а для нас это серьезно… мне Хольвин тогда тоже молока предложил… когда было очень страшно и грустно.

Лось взял стакан и понюхал, потом отпил глоточек и поставил.

— Что-то не так? — спросила Лилия.

— Не знаю. Оно не пахнет живым и на вкус неживое. То было другое. — Лось грустно улыбнулся.

— Расскажешь?

— Я не умею рассказывать долго. И лучше бы спать в эту ночь. Когда спишь — лучше слышно Рамона.

— Ну хотя бы коротко?

Тео вышел. Лось снова доверял людям, не стоило разрушать эту хрупкую, трудно устанавливаемую связь. Девочка должна войти в состав опергруппы; нужно сказать ее коллегам, чтоб справлялись без нее… ишь ты, диспетчерша! И дело намечается серьезное…

Хорошо бы только убедить высшее начальство, что убийство двоесущных для забавы — дело серьезное. Впрочем, лось намекнул на мертвяков — это повод. А ребята пусть пока отдыхают…

Хозяин

Локкер очнулся от тревожного сна.

Серый и мутный предутренний свет сочился в окно, прикрытое зеленой шторой, и всю комнатушку красил в зеленое — только не в такое, как трава, а в болезненную зелень лишайников на сухой ели. За окном слабо грохотал едва проснувшийся город. В комнатушке было тепло и душно; на диване прикорнула Лилия, молоденькая Хозяйка, не знающая, что она — Хозяйка, смешное существо, взлохмаченное, глазастое и на тоненьких ножках, как олененок. Тео не было. Нехорошо.

Не то чтобы Локкеру особенно хотелось видеть Тео. Конечно, он живой — других в Службе Безопасности быть и не может, — и даже время от времени от него шло настоящее тепло… но

он был слишком нервный и жестокий для Хозяина. Слишком нацелен на уничтожение, сильнее, чем на сохранение жизни — такие вещи здорово чувствуются. Будто важнее уничтожить банду мертвяков, устроивших где-то там незаконный притон, чем спасти Рамона. Неприятно. Но…

Он знает город. И все-таки с оговорками, но — друг.

Локкер тронул Лилию за плечо.

Она, как все люди, просыпалась слишком долго, жмурилась, зевала и терла глаза кулаками. Потом стащила со спинки дивана китель, с трудом попала в рукава и сказала:

— Ну и мятая же я! Ужас… Псиной пахну, да?

— Ты сейчас пахнешь приятнее, чем вчера, — сказал Локкер. — Мы химии не любим. А псина — нормальный запах. Рамон, к примеру, всегда так пахнет.

Лилия прыснула.

— Хорошо, что у тебя на лице нет краски, — сказал Локкер. — Я видел человеческих женщин, у которых на лице, как у горных коз перед боем — слой грязи, только разноцветной и пахнет неживым. Зачем себя раскрашивать?

Лилия уже хохотала, уткнувшись носом в ладони. Потом подняла на Локкера веселые, совсем не сонные глаза.

— Пойдем кофе пить.

— Давай Тео найдем, — сказал Локкер. — Еда потом. Сначала узнаем, приехал ли Хольвин.

Ему очень хотелось видеть Хольвина. Подойти, положить голову на плечо, сказать, что все еще исправится, почувствовать себя в команде… Лилия неопределенно покрутила рукой в воздухе.

— Рано еще. Хольвин же за городом живет…

— У него машина. Она ездит быстро.

— Ладно, пойдем.

Вышли из комнаты отдыха. Прошли по длинному тусклому коридору, где Локкеру не нравилось и где сновали туда-сюда неприятные люди, которые кого-то разыскивали. Потом Лилия открыла дверь, и за дверью оказался крохотный закуток с жалюзи на узком окне, со столом для компьютера и грязным потеком на стене и части потолка. У компьютера обнаружился Тео с усталой и сосредоточенной миной. Может быть, он не спал или чуть-чуть подремал в компьютерном кресле.

— Хольвин еще не приехал? — спросил Локкер.

— Звонил, — сказал Тео. — Он как всегда. Ничего не объяснил, злится, раздражается. Сказал, что задержится… Лось, тебе Рамон снился?

— Да. Он жив, но ранен, — сказал Локкер, вспоминая, видел ли хоть раз Хольвина злым или раздраженным. Как всегда?

— Хорошо бы успеть до вечера. Иди сюда.

Локкер подошел. Лилия просунулась к нему под мышку, чтобы тоже видеть. Тео развернул к ним монитор.

— Вот карта Северного района. Это тебе говорит что-нибудь?

Локкер внимательно посмотрел на экран, на кубики и брусочки, подписанные цифрами, на полоски с названиями улиц — и кивнул.

— Да. Это карта. Это город. Дома. Я понимаю. Мне Рамон рассказывал.

Тео вздохнул.

— Эх… я же не об этом. Ты можешь прикинуть по карте, где может находиться место… ну, то место, которое тебе снится?

Локкер удивился.

— Рамон же совсем не так это видел, — пояснил он терпеливо. — Он же видел все настоящее. Дома настоящие. Кусты акации. Стену, такую красную, грязную. Железную будку, на которой рожицы нарисованы. Он там все нюхал. Если попросить какую-нибудь собаку понюхать — я могу сравнить, что она скажет и что Рамон думал…

Тео снова вздохнул и почесал голову двумя руками. Локкер почувствовал, что у человека от долгого сидения и рассматривания все тело затекло, и Тео тут же непроизвольно потянулся.

— Ты устал, — сказал Локкер сочувственно.

— Наплевать, — буркнул Тео мрачно. — Я просто счастлив, что нам теперь, не знаю, сколько времени, кататься по району и разыскивать эту твою стену с рожицами, грязную будку и дурацкую акацию. Шик-модерн! На это месяц уйдет!

— Это на будке были рожицы, — сказал Локкер убито.

— Один черт. — Тео махнул рукой. — Лилия, ну что ты тут торчишь? Хоть бы кофе принесла и плюшку какую-нибудь рабочему человеку.

И пустил по столу несколько монет. Лилия их поймала и ушла, а Тео снова вперился в экран и глубоко задумался. Локкер примостился на обшарпанном стуле рядом, стараясь не шуметь и не мешать ему думать.

Локкера ситуация тоже не радовала. Когда он шел в город, к сослуживцам Рамона, то представлял это совсем иначе: все будет в порядке, стоит лишь описать место, где твари держат взаперти его друга. Лосю ведь надо только сказать: «На восточном краю оврага, там, где коряга похожа на горбатую кикимору» или «На берегу в ельнике, рядом со старым пожарищем» — и он сразу поймет, какое место ты имеешь в виду. А тут — не живой мир, а сотни и сотни одинаковых серых домов, грязных стен, размалеванных железных будок, чахлых акаций…

Когда Тео и Лилия пили кофе, горький отвар со странным запахом, Локкер жевал пирожок с грибами, прекрасно пахнущий почти настоящим лесом, и пытался не впасть в отчаяние. Но получалось плохо.

Особенно плохо стало, когда собрались ликвидаторы и принялись спорить. Названия улиц и районов города Локкеру ничего не говорили, а люди, обсуждавшие с Тео план будущих действий, ему совсем не нравились. В них не было даже той малой тени Хозяина, которая чувствовалась в Тео, они бесцеремонно глазели на Локкера, громко говорили — и от двоих пахло тлеющим ядом.

Рамон когда-то Локкеру говорил, что люди из Службы Безопасности не должны оглушать себя наркотическими веществами, потому что это — самый верный путь постепенно убить душу. Но этот запрет, похоже, соблюдался не всеми. Если бы не Лилия, притулившаяся рядом и поглаживающая его руку, Локкеру было бы совсем плохо, но Лилию никто не слушал.

Грохот города за окнами уже давно слился в один тупой угрожающий гул. Локкеру казалось, что он так притерпелся к этим звукам, что не отличает один от другого — но вдруг из этой вязкой звуковой каши ярко выделился шум знакомых колес и гул знакомого мотора, и скрип тормозов одного-единственного автомобиля на свете.

Локкер встал, и на него все посмотрели.

— Приехал Хольвин, — сказал Локкер. — Я пойду к нему.

— Откуда ты знаешь? — спросил рыжий кудлатый ликвидатор.

Лучше бы Тео обсуждал положение с собаками, а не с людьми, подумал Локкер. Собаки сообразительнее. В этот момент на столе захрипел селектор: «Капитан Тео, приехал господин посредник и хочет вас видеть».

Локкер быстро спустился в холл, а за ним — Тео, Лилия и какие-то люди без имен. Хольвин стоял около стекляшки дежурного; у Локкера сразу стало легче на сердце.

Хозяин был хмур и небрит, одет в лесные сапоги, брезентовые штаны и старый ватник, в котором учил щенков — от одежды чудесно пахло его домом и лесом. К его ногам прижался Шаграт, новый телохранитель, ровесник Рамона, его родич и приятель. Вокруг, ухмыляясь и стуча хвостами, расселись несколько служебных псов.

А на руках у Хозяина, спрятав на его груди нос, обхватив его шею лапами, сидел маленький пушистый рысенок. На этого-то рысенка и уставился вопросительно Тео, спросив вместо приветствия:

— Хольвин, что это за страшный зверь?

— Во-первых, доброе утро, — сказал Хозяин.

— Доброе утро, — фыркнул Тео. — Мы тебя часов в семь ждали, — но протянул руку и Хозяин ее пожал. Рысенок вздохнул и крепче ухватился за его шею. — В нашем районе творится Небо знает что, дохлый криминал, трупаки — а ты развлекаешься?! — продолжал Тео возмущенно. — Откуда котенок?

— Скинь обороты, — сказал Хозяин.

Тео дунул на собственный нос и воздел руки. Хозяин дожидался. Тео дунул еще раз и сказал спокойно:

— Группа собралась. Нам очень нужен твой совет. Твой лось мается тут со вчерашнего вечера, он вправду на ментальной связи с псом. Мы же действительно ждали… а этот зверек — трансформ?

— Ненавижу это слово. — Хозяин погладил по голове сжавшегося в комок рысенка, улыбнулся и кивнул Локкеру, отчего лосю сразу стало тепло внутри, и повернулся к Тео. — Сделай милость, не называй двоесущных так. Они не механизмы, а живые существа, не стоит применять к ним дурную урбанистическую терминологию.

— Хорошо. Двоесущный?

— Тео, — сказал Хозяин тихо, но с такой жаркой энергией под словами, что все псы повернули к нему головы, — этот маленький зверь — особый случай. Я сам сегодня с наслаждением ликвидировал бы кое-кого, хоть это и не в моей компетенции. Ты ведь прав насчет дохлого криминала в вашем районе. Его бы убили сегодня утром, этого котенка, если бы не случай и не добрый человек.

Вокруг начали собираться и люди. Тео озабоченно спросил:

— Им питались мертвяки?

— Нет, — сказал Хозяин. — Живые, так сказать. Не знаю только, долго ли такие души проживут.

— Ты что, — спросил Тео погасшим голосом, — сунулся в чужую квартиру? К живым? В частное жилище без ордера?

— Да, я сунулся, — сказал Хозяин чрезвычайно ровно. — Я сунулся, я предъявил удостоверение посредника, я в силу своих особых полномочий конфисковал у владельца квартиры охотничью лицензию… забрал оружие и ребенка. Ты считаешь это нарушением закона?

— Так. — Тео сел на окошечко дежурного, скрестив руки на груди. — Здорово. Теперь жалоб не оберешься. Мы и так Небо знает в каком положении, а тут еще будут вопить, что посредники чинят произвол. Ведь не Лиге же твоей разбираться, а нам… еще и в жандармерию напишут, наверное… Что там случилось?

Хозяин принялся сосредоточенно чесать рысенка за ухом. Все присутствующие собаки придвинулись ближе к его ногам, будто собирались от чего-то его защищать. Локкер подумал и тоже подошел ближе.

— Ты не ответил, — напомнил Тео.

— Он еще очень маленький, — сказал Хозяин. — И некий полудохлый охотничек в начале лета убил его мать, а его забрал в город. Чтобы поразвлекать свою самку и детенышей. Имя и адрес интересуют?

— Жену и детей, — сказал Тео. — Покорректнее чуток.

— Семью упыря.

— Поменьше эмоций.

— Это факты, а не эмоции.

— Хольвин, я прошу…

— Упыри держали его в вольере. Кормили чем попало — так что у него болит желудок. Он прелестный и теплый, упырям хотелось его тискать, он защищался. Тогда они остригли ему когти вместе с верхними фалангами пальцев. На руках и на ногах — делал кто-то из тех ветеринаров, которые по объявлениям в газетах кого угодно убьют, кастрируют и искалечат. По меркам леса отсутствие когтей — это тяжкие увечья, как ты знаешь…

— Хольвин!

— Сегодня он прокусил упырихе ладонь. Они вызвали «Скорую». А из него решили сделать шапку для старшего упыренка.

— Хольвин…

— Довольно, Тео. Ему повезло, что девчонка из «Скорой» позвонила в Лигу. Просто пожалела живое существо, вот и позвонила. Не должна была. А теперь скажи, существует ли закон, карающий чем-нибудь серьезным издевательство над ребенком, которого сделали сиротой и калекой? Плюс покушение на убийство.

Оперативники и ликвидаторы шептались. Лилия шмыгнула носом. Тео помолчал, буркнул мрачно:

— Выпить бы…

— Даже не думай, — сказал Хозяин. — Ты не ответил.

Тео поднял больные глаза.

— Хольвин… Мы максимум можем оштрафовать их за жестокое обращение с животным… на полторы сотни. При том условии, что они не станут поднимать шум по поводу твоего вторжения… Запиши мне адрес, поглядим.

— Интересно, что было бы, если бы кто-нибудь подстрелил упыриху, а упыренку отрезал бы пальцы и мучил бы в комнате, где на полу — кожа его матери…

— Интересно, что было бы, если бы кто-нибудь подстрелил упыриху, а упыренку отрезал бы пальцы и мучил бы в комнате, где на полу — кожа его матери…

— Хольвин, не перегибай, пожалуйста, ты же знаешь, что люди есть люди…

— Гниды они, а не люди. Глисты мира. Город лядов. Прости, Тео, но я с некоторых пор этот ваш город ненавижу. И закон заодно вместе с так называемой человеческой цивилизацией. Мудрейшие отцы народа делают все, чтобы остатки живого в человеке умерли окончательно. Почему измываться для забавы над беззащитным существом считается нормальным? Мертвяки милее зверей горожанам?

— Двоесущных боятся, — мрачно сказал Тео. — Ты же знаешь не хуже меня. Поэтому и отрицают упорно наличие разума у них. Зверей боятся, мертвяков — нет. И потом, звери с давних времен — просто расходный материал…

Локкер не выдержал и спросил:

— Почему? Разве людям не больно, когда их душами питаются? Мертвяку же нужно все время кормиться, он все новых и новых пожирает…

Хозяин потрепал его по плечу. Тео сглотнул.

— Милый ты мой зверюга, — сказал он уныло, — они давно привыкли, что их душами кто-нибудь да питается. Ведь родители питаются, учителя питаются, коллеги жрут почем зря — да и сами они друг друга жрут, аж хруст стоит… В детстве — больно, если кто не родился уже нечувствительным, такое тоже бывает. Потом некоторых так скручивает от боли, что они бегут в лес, во всяком случае за город, кое-кто даже становится Хозяевами… но большинство привыкает. И даже начинают прикидывать, как бы от больного места — от души то бишь — наконец избавиться и начать кушать других поаппетитнее. Ты разве не замечал — они же все в собственной злобе и тоске, как в коросте. Отчего, как думаешь?

— Не знаю, — сказал лось. — Я мало общался с людьми…

— Любопытно, Тео, — сказал Хозяин, — кто, по-твоему, виноват в предельной дурости закона, а? Это инстинктивное поведение у отцов нации или оно считается разумом новой формации?

— Это, знаешь ли, еще не дурость, — вспыхнул Тео. — Вот когда Городской Совет, или, еще лучше, Совет Президента, все-таки примет закон насчет гражданских прав для мертвяков, тогда действительно будет дурость. А ведь к тому все идет. Я в курсе, что ты ящик не смотришь. Напрасно, знаешь ли. Там то и дело выступает какой-нибудь высокоученый дядя и распространяется о том, что душа — предмет темный, исследованию не подлежит, а посему вред от людей, избавившихся от собственной души, научно не доказан. За зверей так никто из телемальчиков не вступится. Они же звери, а посему по меркам человеческим твари опасные и непредсказуемые, к тому же они денег не платят. А мертвяки — они просто альтернативно организованные граждане со странной аурой. В сущности, почти такие же граждане, как и все прочие, только часто посостоятельнее. Нас уже, знаешь ли, называют инквизиторами, охотниками на ведьм… в просвещенный нынешний век… А ваша Лига, как всегда, помалкивает. Вы же выше этого кабака телевизионного, лешаки, не пачкаетесь…

— Я приму к сведению, — сказал Хольвин. — Надо будет кое с кем поговорить… насчет телевизионного кабака.

Тем временем Лилия подошла к Хозяину поближе и осторожно погладила рысенка по спине. Тот обернулся, сердито посмотрел на нее раскосыми золотистыми глазами и зашипел.

— Не трогайте, барышня, — сказал Хозяин неприязненно. — Не навязывайте ему себя.

Локкер почувствовал, что Хольвин невольно ждет грубого ответа, Хольвин не любил человеческих женщин и не доверял им, но Лилия покраснела и потупилась.

— Я думала… — пролепетала она сквозь смущение, — господин Тео, можно, я скажу?..

— Говори, — сказал Тео и пожал плечами с видом полнейшего безразличия.

— Я только хотела… то есть, может, малыш захочет со мной посидеть, пока вы разыскиваете пса… Ведь может быть опасно брать на операцию такого крохотного зверя, да?

Хозяин усмехнулся. Рысенок смотрел на Лилию презрительно. Тео, судя по выражению его лица, ждал, подтвердятся ли его предположения насчет неожиданных способностей обычной диспетчерши.

— Так ведь там будет полно собак, — сказала Лилия увереннее, обращаясь вроде бы к Хозяину, но рысенок начал слушать очень внимательно. — Зачем рыси собаки? Если мы захотим, то и потом с ними познакомимся, правда? Выйдем — и понюхаем. А пока господин Хольвин и лось уничтожают ходячих мертвецов и отпускают собак на волю, мы выпьем молочка, съедим что-нибудь и будем играть.

Рысенок серьезно взглянул на Хозяина.

— Вы, барышня, с таким страшным зверем не справитесь, — сказал Хольвин уже совершенно для него. — Он вас съест.

— А я и не стану с ним бороться. — Лилия улыбнулась; рысенок решил-таки обнюхать ее руки. — Конечно, съест, если захочет, такой сильный и храбрый. Только, может быть, такой зверь больше любит крольчатину? Господин капитан, позвоните, чтобы нам дали собачий паек, мы оттуда все вкусное выберем, а потом пойдем со всеми знакомиться…

Рысенок внимательно обнюхал ее ладошку — и потерся о запястье подбородком. Лилия протянула руки, и Хольвин отдал ей зверька. Рысенок был, вероятно, тяжеловат для Лилии, но она улыбнулась и дала ему устроиться поудобнее — он обхватил ее шею искалеченными лапами и принялся с любопытством обнюхивать ее волосы и ухо. От девушки отчетливо несло живым теплом Хозяйки; даже угрюмые ликвидаторы без всякого чутья каким-то образом это учуяли. Мрачный человек с зашитым рубцом на лбу неумело ухмыльнулся, как сторожевой пес.

Больше Лилию никто не одергивал. Уже не только Тео, Локкер и неизвестно как зовущийся рысенок, но даже и Хольвин убедился, что Лилия вполне Хозяйка, только совсем юная. А раз так, то ни к чему подвергать превратностям войны маленького бедолагу — куда спокойнее оставить его в тылу, под надежной защитой.

И можно вплотную заняться Рамоном. У него, конечно, больше шансов постоять за себя, чем у беспомощного одинокого малыша, но и он, похоже, не может справиться сам…

Все устроилось в четверть часа. Рысенок напился молока, съел кусочек сырого мяса и теперь спал на том же самом диване, где провел ночь Локкер. А автомобиль подали, и группа ликвидаторов курила у подъезда, и Лилия пошла поискать восходящую звезду сыска, ищейку-самородка, юного гения по имени Гарик, на которого возлагались некоторые надежды в нынешних поисках. «Свистни ушастого», — сказал капитан Тео.

Гарика ликвидаторы несколько месяцев назад подобрали на улице. Сперва хотели пристроить беспризорника в приют и дать объявление, что щенок отдается в хорошие руки, но вскоре выяснилось — нюх у щенка великолепный, редкостный для дворняжки. В боевых операциях Гарик еще не участвовал, по молодости и неопытности, но уже учился и делал поражающие успехи. Тео подумал, что его интуитивное чутье в таком необычном деле может оказаться перспективнее, чем тренированная хватка породистых ищеек — щенка решили попробовать в розыскной работе.

Пока Гарик любил без памяти всех, кто работал в управлении, не думая выбирать себе Хозяина, а потому, за неимением другого жилища, пока обитал в самом управлении. Приучить юного бродяжку ночевать в комнате отдыха не получилось — спал он где придется, поэтому следовало проверить все его любимые места. Лилия заглянула в буфет, потом — в дежурную часть. Дежурный сообщил, что видел Гарика в диспетчерской.

Там он и обнаружился.

Уморительный в своей Старшей Ипостаси не менее, чем в Младшей, щенок-подросток, услышав, как открывается дверь, подбежал и остановился напротив, склонив голову набок и раздувая ноздри тонкого острого носика. Крупные веснушки покрывали его бледную рожицу, в круглых глазах отчетливо читалось детское удивление. Действительно, ушастый — большие его уши торчали между взлохмаченных пегих волос — черных, русых и рыжеватых прядями.

В довершение впечатления на его трансформированную шкуру в черных, белых и рыжих пятнах был наброшен форменный китель, а на голове красовался лихо заломленный форменный берет с Путеводной Звездой. Гарик держал в руках дамскую сумочку — и не выпустил ее, даже ткнувшись носом в щеку Лилии.

Она улыбалась, глядя, как он суетится вокруг, и ждала, когда можно будет заговорить. Всякий, кому доводилось общаться с собаками, знает, что разговаривать с ними можно, только когда они обонятельно изучат объект беседы. Потом погладила Гарика по голове.

— Ах! — потрясенно тявкнул Гарик, весь подрагивая от волнения, когда процедура приветствия наконец завершилась. — Ты пахнешь… ах, удивительно пахнешь! Лесным зверем, да? Неужели же лесным зверем?!

— У нас в гостях лось, — сказала Лилия. — Я знаю, что ты не видел и не чуял лосей раньше. Сегодня ты будешь работать вместе с ним. Рамона поедете искать. Пойдем?

— Гулять? — Гарик ухмыльнулся, подавшись вперед всем телом, будто готов был завилять хвостом даже в Старшей Ипостаси, у которой хвоста нет. Зачастил: — Пойдем погуляем. И поговорим. И я понюхаю. Я знаю Рамона, о нем знаю. Мне так жалко, что вчера не получилось! Он славный, славный парень, мы так играли, ах, ты бы видела! Пойдем! Пойдем еще поищем! — сбросил китель с плеч на спинку стула, кинул берет на стол и дернулся к дверям.

— Эй, Гарик! — крикнула Лобелия, полная девушка, одна из тех, с кем щенок играл до прихода Лилии. — Сумку-то отдай! Куда потащил!

Гарик обернулся. Его лицо сделалось умильно-лукавым.

— Я отдам. А ты мне отдай плюшечку. Мы договорились. Я ее выиграл.

Вокруг снова начали смеяться. Лобелия подошла, выхватила сумочку из рук Гарика и раскрыла ее.

— Не выиграл. Ты назвал не все. Тут еще трамвайный билет. Ты его не назвал. Не учуял — значит проиграл.

Рыжеватые бровки Гарика приподнялись драматическим домиком.

— Я сказал! Ах, я же сказал! Я сказал — бумажка, маленькая бумажка, сказал — бумажка пахнет городом, пахнет чужими руками, ах, пахнет железом, пахнет монетами, пахнет электричеством. Пахнет типографской краской, ах, дешевой краской. Я назвал. Ты обманываешь. Жалеешь плюшечку, — добавил он горестно и облизался.

Женщины хохотали; маленькая кудрявая Астра вытирала слезы от смеха. Гарик укоризненно вздохнул:

— Я учуял! Я же не читал, ах, нет, я же только нюхал! Я выиграл… а ты — жадина.

Лобелия слушала, поджав губы. Астра, запыхавшись от смеха, еле выговорила:

— Он прав, дорогуша. Он говорил. Отдай ему плюшку, проиграла — расплачивайся.

Лобелия достала из сумочки плюшку в целлофановом пакетике и с сердцем протянула облизывающемуся Гарику. Тот деловито разорвал целлофан, вынул плюшку и с наслаждением ее съел под хохот диспетчеров. Потом взглянул на Лилию, снова облизался и сказал:

— Ну пойдем, все.

Лилия выпустила его в дверь. Ей было сложновато себе представить, что этот обаятельный охламон, молодая веселая дворняга без признаков серьезности настоящей ищейки — действительно вундеркинд сыскной службы. Зато это моментально принял Локкер.

— Ты и есть Гарик? — спросил он, нагибаясь и давая суетливому щенку себя обнюхать. — Тогда у нас получится.

И вслед за Хольвином и псами пошел к автомобилю — нерадостно, но безропотно. Лилия посмотрела, как грузится опергруппа, и пошла наверх, к рысенку, который мог в любой момент проснуться в одиночестве.

Рысь

Никто из людей никогда не заподозрил бы Мэллу в интересе к судьбе какой-то собаки, а пуще того — в беспокойстве о судьбе собаки. Впрочем, люди, приносящие бойцам еду и убирающие нечистоты, дружно считали, что кот вообще существо безмятежное и недалекое. Опасное, но недалекое.

Люди, которые много общаются с собаками, почти всегда недооценивают кошачий разум.

Когда служитель принес еду последний раз за этот день, он решил, что Мэллу дремлет. И кот именно так и выглядел — его золотистые очи на миг приоткрылись, а потом закрылись снова. Для людей кот все время дремал.

Для себя он думал.

В свои еще весьма молодые лета бойцовый кот успел очень много повидать. Ему случалось выживать в лесу и в городе. Он очень рано научился полагаться только на себя. В бою он убивал кого угодно, легко, с кошачьей элегантностью. Он выглядел независимым и равнодушным — и действительно, за бурными событиями не знал любви. Не успел.

Зато знал дружбу. Люди не верят в кошачью дружбу, как, впрочем, и в кошачью любовь — в особенности если идет речь о дружбе с собакой. Но даже до тех пор, как в вольер по соседству швырнули молодого черного пса-ищейку, бесчувственного от наркотиков, у Мэллу был кое-какой опыт почти настоящего товарищества — старый бездомный пес по имени Тибальд.

Так что кота не впервой занимал пес, правда, другой пес. Дурной бобик, нелепое, взбалмошное, как все псы, существо. Рамон. Теплый крупный зверь, издающий смешной запах, распустеха, проливающий воду вокруг миски во время питья. Самоотверженный охламон с кодексами, как все собаки. И похоже, так же, как Тиб, испытывает при виде кошки что-то

вроде эстетического наслаждения.

Его не вернули в клетку после боя, но из-за приступа обоюдной симпатии, вошедшего внутрь и растворившегося в крови, Мэллу чувствовал, что пес не убит, что его сердце где-то бьется — так же, как в свое время чувствовал вдалеке жизнь Тиба. И это ощущение необорванной жизни камнем лежало у кота на душе.

Лучше бы убили сразу. Будет страшно встретиться на ринге с ним… переделанным. Мэллу не прикоснулся к еде, тасуя в иллюзорной дремоте мрачные мысли.

В этом месте делалось все хуже. В последний месяц стало нестерпимо плохо. Владелец этого места, Битер, был, когда сюда попал Мэллу, еще живым — за прошедшие четыре месяца его душа умерла окончательно. Раньше Мэллу ненавидел и боялся его; теперь ужас, вызываемый Битером, был так тяжел, что лишал рассудка и сил. Раньше, в начале боевой карьеры, Мэллу казалось, что хуже, чем в лаборатории по нейрофизиологии трансформов, ему не будет нигде; теперь стало очевидно: жалкая жизнь в неволе с выпусканием пара во время боев нестерпима и тут. Тем более если учесть Рамона…

Лучше бы убили сразу. Будет страшно встретиться на ринге с ним… переделанным. Мэллу не прикоснулся к еде, тасуя в иллюзорной дремоте мрачные мысли.

В этом месте делалось все хуже. В последний месяц стало нестерпимо плохо. Владелец этого места, Битер, был, когда сюда попал Мэллу, еще живым — за прошедшие четыре месяца его душа умерла окончательно. Раньше Мэллу ненавидел и боялся его; теперь ужас, вызываемый Битером, был так тяжел, что лишал рассудка и сил. Раньше, в начале боевой карьеры, Мэллу казалось, что хуже, чем в лаборатории по нейрофизиологии трансформов, ему не будет нигде; теперь стало очевидно: жалкая жизнь в неволе с выпусканием пара во время боев нестерпима и тут. Тем более если учесть Рамона…

О город, проклятый город… Нечего двоесущному делать в городе, жизнь у него ломается в городе — но рысь никто и не спрашивал…

Мэллу поймали и привезли в город, вернее, на чью-то пригородную виллу, безумные люди, которые называются «охотниками». Он, котенок-подросток, уже довольно давно ушедший от матери, чтобы учиться жить самостоятельно, и вполне способный выжить в лесу, гордый и отважный, был оскорблен, потрясен и перепуган, когда его впервые заперли в клетку. Целыми днями лежал и думал, как вырваться на волю, не мог ничего есть, беззвучно шипел, когда кто-то подходил близко к решетке — и удрал-таки, улучив момент, ударив человека лапой и оставив клочья шкуры на колючей проволоке забора. По улочкам городка сновали машины, это было мучительно страшно, хотелось спрятаться — и котенок не знал куда. Роскошный парк обманул его издали сходством с лесом — но оказался совершенно мертвым местом; там не на кого было охотиться, там люди, свистящие и вопящие, устроили облаву на него самого. Мэллу сбежал из парка, потом, преодолевая цепенящий ужас, бродил по городку, избегая людных мест, не понимая, как попасть обратно в лес, голодный и потерянный. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы громадный бродячий пес с обвисшими мышцами и изуродованной шрамами мордой, не вступил с ним в разговор и не поделился ворованной едой.

Пса звали Тибальд. Полуищейка, полудворняга, он бродяжничал всю сознательную жизнь, но был существом общительным и незлобивым. Охотничий инстинкт отсутствовал у Тибальда напрочь. Юные звери — даже желторотые воробьята — вызывали у него умиленное любопытство, разбавленное желанием помочь. Котенок старого бродягу очаровал — пес никогда не видел таких зверят, совсем не похожих на щенков. Расспросил, пожалел, приютил,

а потом постепенно привык считать своим детенышем — не без тайной гордости.

В обществе пса прошло много сравнительно благополучного времени. Мэллу жил на чердаке дома, предназначенного на снос, охотясь на голубей, ворон и крыс, выходя прогуляться глубокой ночью. Тиб приносил ему сосиски, куски колбасы, куриные ножки — человеческую еду, которую воровал или выпрашивал. Старому псу безмерно льстило общество независимого лесного котенка, он любил Мэллу, как любил бы собственного детеныша, без малейшей примеси эгоизма. Мэллу спал на старом матрасе, который пес раздобыл для себя, ел пищу Тиба, в холодные зимние ночи Тиб грел его своим телом, пес учил его выживать в городе и рассказывал забавные истории — а котенок, слишком юный, чтобы суметь быть благодарным, иногда надолго уходил, заставляя пса сходить с ума от тревоги и тоски, посмеивался и ехидничал. Удивительно, сколько собака может простить кошке…

Вспоминая Тиба, Мэллу невольно усмехался про себя. Добрый был барбос, но уморительный. Периодически пытался этот Идиотский Святой Принцип Собачьей Чести вдолбить котенку в голову. Когда накатывало, воспитывал, как щенка, зануда.

— Старших, — говорил, — следует уважать, почитать и слушаться. Тогда они будут тебя любить.

А Мэллу вскидывал наглые золотистые глаза и спрашивал якобы наивно:

— К чему?

Старик раскрывал рот и склонял голову набок:

— Как это «к чему»?! Ты хочешь, чтобы тебя любили? Кормили и все такое?

— Ты меня и так любишь и кормишь, — говорил Мэллу. — А до других мне дела нет. А слушаться глупо. И делать что скажут — глупо. Будешь слушаться — они велят из шкуры вылезти. Вот еще.

— Старшие умнее, — говорил этот дурень. — Они лучше жизнь знают.

Мэллу сладко зевал и тянул спинку.

— Тиб, мне спать хочется… Ты мне рыбки принесешь? Пожалуйста… — И бодал пса головой в плечо. — Я же маленький, Тибушка, я глупый, меня такие умные речи утомляют… почисти мне ушко, а? Чешется — и не достать…

До такой изысканной лести ни один щенок бы не додумался: пес таял, ухмылялся и был готов искать рыбу, чистить котенку уши, охранять и весь мир перевернуть ради его удовольствия. А Мэллу думал, что Тиб растяпистый, слабый от собственной предвзятости, и уважать его не за что. Как можно уважать того, кого можешь убить в любую минуту, а он даже не сообразит, что происходит? Тем более как можно такого почитать и слушаться? Ловкому умному котенку? Смешно.

Такого можно только любить. И из любви снисходить. А из снисхождения прощать занудство и грубость, позволять все эти восторги с заискиваниями и даже изображать привязанность детеныша. Или, скажем, привязанность Члена Стаи, если пес захочет.

Именно так Мэллу и решил в дальнейшем относиться к тем собакам, которые ведут себя достойно — в его кошачьем понимании. И вот Рамон повел себя достойно.

Рамон был вежлив, насколько псы вообще на это способны. Он сообразил, что к Мэллу надо прислушиваться — а это уже немало для скудных собачьих мозгов. И к тому же он продемонстрировал, что будет защищать Мэллу — а это совсем серьезно. Мэллу не желал теперь повторять ошибку, которую допустил, расставшись с Тибальдом.

Тогда Мэллу бросил Тиба без малейших колебаний. Он был еще слишком юн и слишком самоуверен, чтобы оценить преданность какого-то пса. Освоившись с миром людей, он решил наконец освободиться от докучливой опеки и нравоучений старого бродяги, выбраться из обжитой людьми местности, вернуться в лес и найти истинную любовь, ради которой кошки его породы и живут на свете.

Он был уже почти взрослый котенок.

Вспоминая то путешествие, Мэллу поджимал под себя лапы и прятал нос в мех. Лучше бы это забыть, совсем забыть. Одинокая дорога через поселки, провонявшие бензином и нечистотами, через автомобильные трассы и железнодорожные пути, по которым с ревом проносились человеческие механизмы, созданные на погибель живым существам, через пустые мертвые перелески, превращенные в помойки, бездушные и грязные — и чудовищное разочарование в конце пути.

Мэллу вышел к берегу реки, где жил раньше, и не узнал его. На месте его леса люди построили поселок городского типа и громадный комбинат по обработке древесины. Вода в реке умерла, и в ней больше не водилась рыба, которую Мэллу когда-то любил ловить. Трупы деревьев громоздились высокими штабелями. Лесопилка выла и гудела день и ночь, а бревна грузили в составы, воняющие мазутом, и увозили куда-то дальше, где тоже жили люди, а живого леса не было. И всюду отчетливо тянуло мертвечиной. Мэллу уже знал, что такое «мертвяки», знал, что это они убивают лес и уничтожают столько живого, сколько сумеют, — знал и ненавидел их. И боялся.

Мэллу вышел к берегу реки, где жил раньше, и не узнал его. На месте его леса люди построили поселок городского типа и громадный комбинат по обработке древесины. Вода в реке умерла, и в ней больше не водилась рыба, которую Мэллу когда-то любил ловить. Трупы деревьев громоздились высокими штабелями. Лесопилка выла и гудела день и ночь, а бревна грузили в составы, воняющие мазутом, и увозили куда-то дальше, где тоже жили люди, а живого леса не было. И всюду отчетливо тянуло мертвечиной. Мэллу уже знал, что такое «мертвяки», знал, что это они убивают лес и уничтожают столько живого, сколько сумеют, — знал и ненавидел их. И боялся.

Осознав, что настоящий дом потерян навсегда, Мэллу ощутил тогда такое отчаяние, что его сердце чуть не разорвалось на части. Он потерял надежду, смысл жизни и всякий намек на радость. Он, в Старшей Ипостаси, сидел на перроне сортировочной железнодорожной станции, в слезах и смертельной апатии, когда к нему подошли сельские жандармы и спросили документы. Увидев картинно красивого подростка, они не догадались, что имеют дело с двоесущным. Они были люди, они были холуи мертвяков, они были во всем виноваты — злоба выдернула из Мэллу зверя, это дало жандарму право выстрелить в него пулей со снотворным и вызвать спецкоманду по отлову и отстрелу опасных животных. Пса, вернее всего, просто пристрелили бы в аналогичной ситуации; такого экзотического зверя, как молодая рысь, пощадили. Мэллу все-таки был очень пушистый и обаятельный внешне.

Сначала Мэллу отвезли в пригородный приют для бродячих собак. Первое время он ничего не ел и все лежал в углу вольера, ожидая смерти, но потом подрался с каким-то дурным псом. Драка за свою жизнь и убийство врага его немного встряхнули, но персонал приюта,

убежденные собачники, стал считать его опасной и жестокой тварью. Поэтому, когда в приют за экспериментальным материалом обратились сотрудники Института Нейрофизиологии и Субмолекулярной Трансформации, Мэллу продали вместо пса, за гроши, с легким сердцем. Это было бы большим везением, если бы Институт курировала Лига, но он принадлежал некоему военному ведомству, не имеющему с Лигой никаких общих точек — посредников, как и прочих посторонних, не пускали на его закрытую территорию.

А людей с задатками Хозяев, по всей вероятности, не принимали на работу даже уборщиками. Впрочем, Хозяин и не выдержал бы порядков «почтового ящика», где проводились довольно жестокие исследования.

Сейчас шрамы от электродов на висках и за ушами Мэллу уже заросли шерстью, а все это мутное время бесконечной скуки, перемежаемой дикой болью, начало вылинивать, как старый подпушек, только мучили головные боли в дождливую погоду. Но тогда выносить человеческое отношение к себе было безмерно тяжело. Унизительно, мерзко и унизительно. Развлекали только стычки с людьми — если они удавались, а жизнь спас исключительно циничный разум.

— Диву даешься, какие кошки тупые, — говорил очкастый ассистент, когда ему очередной раз накладывали швы на руку. — Все тормозит, дубина, вообще не работает, совсем обучаться не может — зато агрессивности на десять собак хватит…

Так я тебе и обучился, думал Мэллу. *Вы сначала устанавливаете рефлекс, как вы думаете, а потом убиваете, чтобы мозг препарировать — думаете, я не понимаю, что значит «фатальная операция»?! Так я тебе и показал, как я мыслю, жди!*

— Трансформы, — говорил старый хрыч толпе молодых идиотов, показывая клетку, в которой лежал Мэллу в Старшей Ипостаси, — ни в коем случае не тождественны людям ни физически, ни психически. Эта субмолекулярная имитация внешнего вида человека у некоторых особей крупных млекопитающих играет роль мимикрии, являясь защитным механизмом, созданным эволюцией. Будучи по существу животными, трансформы имитируют внешний облик человека так же, как некоторые виды насекомых имитируют облик частей растений… Вы должны осознать, что между этой молодой рысью и юношей не больше общего, чем между палочником и сухой веточкой. То, что воспринимается нами как осмысленные действия, тоже имитация разума, цепочка сложных рефлексов…

— Трансформы были и продолжают являться оптимальным объектом исследований, — говорила сухая плоская человеческая самка парочке в форме с галунами. — Их организмы после трансформации представляют собой максимально достоверную модель человека, за исключением характерных для естественного вида трансформа физиологических частностей. Абстрактный гуманизм Лиги не только может лишить современную науку незаменимого полигона для изучения человеческих болезней и создания новых лекарственных препаратов… ваша организация тоже лишится идеальной возможности изучать действие… некоторых ваших новинок… Господин Курц, я надеюсь, вы напомните генералу Лингдому…

Мэллу тихо все ненавидел, иногда откликался на кличку Пушок, иногда — нет, и никогда не разговаривал и не спорил с людьми. Он не мог разговаривать с существами, пропитывавшими все вокруг тоской и болью. Разговаривать с большинством экспериментальных животных Мэллу тоже не мог: им было не до бесед. Изувеченные людьми калеки, в которых страдания выжгли разум Старшей Ипостаси, онемевшие, кусающие себе истерзанные лапы, только прибавляли Мэллу ненависти. Его потребность в общении отчасти удовлетворяла беленькая дворняжка, за которой длительное время только наблюдали, восторженная дурочка, обожающая людей, вывертывающаяся вон из кожи, чтобы им угодить, забавная бедолага,

жившая в соседнем вольере.

— Как можно быть таким неблагодарным? — говорила она, когда людей не было поблизости, а Мэллу проявлял некоторый интерес к беседе. — Они же тебя приютили! Кормят! Прививку сделали от чумы! Алик со мной даже гулять выходит…

— Пальмочка, — говорил Мэллу, — знаешь, зайцы очень вкусные. Особенно голова, мозг, пока он еще теплый… жареная курица тоже ничего, если без перца…

Ничего больше он не хотел с ней обсуждать.

— Сегодня на обед овсянка будет, — говорила Пальма.

А потом люди ее убили током в тот момент, когда она спала в Младшей Ипостаси, потому что им было интересно, как выглядит ее мозг, когда она зверь. А Мэллу искалечил очкастого ассистента — очень жалел, что не до смерти, но так получилось.

И ему не успели отомстить, засунув живьем под нож, потому что той же ночью сторож впустил в виварий троих неизвестных, и они усыпили Мэллу пулей с наркотиком, чтобы увезти его к владельцу собачьих боев с тотализатором.

Поначалу Мэллу почти понравилось это место. Некоторое время его кормили очень хорошо; рубцы на голове начали затягиваться, боль мало-помалу ушла. Первый же бой дал возможность наконец поработать затекшими, ослабевшими от вынужденного безделья мускулами, настоящее удовольствие. Мэллу вспомнил, как дрался с бродячими собаками, и показал класс. Ошалелый от наркотиков, дурной от немотивированной пьяной ярости пес не вызвал у Мэллу никаких эмоций, кроме чистого наслаждения убийством, собственным превосходством и силой. В зале, конечно, и тогда были мертвяки и полумертвяки, но на тот момент отвращение и страх вытеснило чувство иллюзорной свободы, катарсиса хищника во время боя…

На время.

Бои давно сделались рутиной. Отвратительный запах зверинца стал невыносим. Теперь ему все реже давали свежее мясо, от искусственного корма тошнило, а от присутствия поблизости мертвяков приходила та самая безнадежная апатия, которая навалилась, когда Мэллу пришел к своему лесу и увидел, что леса больше нет.

Если кошку никто не гладит, у нее отсыхает спина. У Мэллу отсыхала душа. В один прекрасный день он окончательно осознал, что умрет в клетке, так и не узнав любви и забыв о всех видах симпатий. И враги сдерут великолепную пятнистую шкуру с его окоченевшего тела.

Нестерпимую ярость можно было отчасти сорвать только в драках. Это сделало кота фаворитом боев — но что ему было за дело до этого! Между боями Мэллу все равно пребывал в постоянной апатии, в состоянии тоскливой безнадеги. И верить было не во что, и ждать было нечего. И жить, в сущности, было незачем. Единственным проблеском в бесконечной серости Мэллу считал свое ясное сознание: люди знали, что наркотики могут легко убить чувствительную к химии кошку при малейшей передозировке, поэтому не пользовались допингом. Впрочем, кот и без того уже давно стал фаворитом боев — эффектность его убийств люди ценили, за это ценилась и кошачья жизнь.

Правда, победы уже не радовали, гордость растворилась в депрессии.

Черный пес-ищейка, молодой, веселый, здоровый охламон, не похожий на озлобленных глупых

бродяг, отважный до глупости, бросившийся защищать кота, когда Битер крал его жизнь — вот чего Мэллу не хватало, чтобы выскрести со дна души остатки умирающей надежды. Нет, разумеется, кот не поверил в блажную собачью болтовню о Хозяине, который придет и спасет; Мэллу вообще не верил в Хозяев, он их никогда не видел. Просто забрезжило что-то.

Мэллу невольно представил себе, как можно было бы устроиться жить где-нибудь на чердаке или в старых гаражах с этим псом, как когда-то с Тибом. Иногда так славно с кем-нибудь поговорить… делиться едой… зимой спать бок о бок, поближе друг к другу… Пусть даже тыкается своим дурацким жестким носом, даже лижется, если не может иначе — все равно, товарищу можно простить.

На воле.

Любовь недостижима. Кошки — прекрасный мираж. Мэллу не мог строить иллюзий. Леса больше нет — и кошек больше нет. В прекрасных подруг, с которыми Мэллу пел бы под звездами, стреляли, на них ставили капканы, их убивали током, чтобы вырезать мозг… Песен не будет. И котят не будет. Но неужели Мэллу запрещена судьбой и такая крохотная малость, как дружба с собакой?

Но бобика забрали. Заперли куда-то в другое место. Не дали Мэллу возможности даже поболтать с живым существом между боями. Люди, сволочи, отрава! Как Мэллу ненавидел их, как ненавидел…

Но, что бы кот ни чувствовал, люди думали, что он просто безмятежно дремлет.

Наверное, там, за холодными стенами этой тюрьмы, стало совсем темно. Кончились бои, собак развезли по местам; Мэллу слышал, как выл раненый пес и как кого-то пристрелили. Сторожа погасили свет, осталась гореть только тусклая дежурная лампочка.

Вольеров с собаками Мэллу не видел, но чуял их больной запах и слышал, как они скулили и тявкали во сне. Сам он не мог спать в тоске — и первым из всех услышал шаги и скрип отворяемой двери. Сквозняк донес запах духов — отвратительную вонь, которую люди используют для сокрытия собственного запаха. Вместо того чтобы валяться на падали. Дело вкуса. Впрочем, Мэллу знал эту вонь и эти шаги. И точно знал, какой запах заглушают эти духи.

Между рядами вольеров шла жена сторожа Тима, толстая женщина лет тридцати. Она сделала что-то со своими волосами — они у нее теперь стали мертвенно-белесыми и завивались искусственными кудряшками, как ненастоящие, но душа ее осталась живой и странной.

Эта женщина любила Мэллу.

Когда ее муж сидел на вахте, она приходила к его вольеру, принося какую-нибудь еду, которую считала вкусной. Сидела поодаль на корточках, сюсюкала: «Кисонька, кисонька!» — уговаривала Мэллу, лежащего в углу, съесть кусочек. Кот не брал пищу, зато женщина пожирала его глазами. Сквозь вонь духов пробивался запах…

Когда-то в другой жизни Мэллу слышал, что в древние века люди убивали кошек и котов, сжигали их на кострах, потому что кошки казались им обольстительной нечистой силой. С человеческими женщинами и с человеческими мужчинами иногда случается странное помешательство — им начинает ужасно хотеться кошку в Старшей Ипостаси как существо

своей породы. Люди считают, что виной тому кошачья грязная магия — но у кошек на сей счет есть немало злых анекдотов, они-то знают, что дело только в человеческом безумии и похотливости. Люди не признают запретов крови, они их часто просто не слышат. Мэллу уже сталкивался с подобными вещами.

В первую неделю пребывания в этом зверинце Мэллу увидал в обществе Битера и пары служащих странного человека. Какую-то прилизанную мразь в очках, в джинсах, обтягивающих отвислый зад, слишком отвратительную даже для этого места. Этот человек источал, кроме душка мертвечины, запах гона, такой сильный, что даже дезодорант и мята его не приглушали, — и тоже засюсюкал: «Кисонька, ах, какая кисонька! Продайте мне его, Битер! Я хорошо заплачу… какой красавчик, какая лапочка…» Битер тогда тускло и громко рассмеялся, сказал: «Не дури. Он вам не кобель, трахать твоих шлюх даже под наркотой не станет. Бойцовый кот, дорогуша, тебе ни к чему — если, конечно, ты не хочешь, чтобы он порвал какую-нибудь твою актриску в клочья прямо перед камерами, а?» Мразь еще попыталась вякнуть: «Какая фактура, какой зверь роскошный… фильмец бы просто с руками рвали… киску так тяжело достать, а уж чтоб снять… ах, не фильм бы был, а сказка…», но Битер его оборвал: «Под твою ответственность. Убьет так убьет… А то сними, как жрать будет — мясо тоже хороших денег стоит, есть любители», — и хохотнул.

Подонок испугался, настаивать не стал. Оказал мертвяк коту услугу — избавил от унижения. Но эта женщина… Вряд ли сторожам, которые впускали ее «покормить котика», могло прийти в голову, что она в действительности чувствует. Если женщине удавалось застать Мэллу в Старшей Ипостаси, от нее исходил слишком недвусмысленный запах. Коту казалось, что она сейчас начнет кататься по полу и вопить любовные призывы, как кошка.

Мэллу понимал, что женщина и представить себе не может, какой отвратительной и злой пародией ее поведение выглядит с точки зрения рыси. Впрочем, она и не пыталась, вела себя непринужденно и самоуверенно. Ее право. Когда людей интересовало, что думают звери?

— Кисонька, кисонька, — позвала она, подходя. Она не знала, как зовут Мэллу, а у него ни разу не возникло ни малейшего желания с ней разговаривать. — Кисуля, творожка хочешь?

Мэллу понимал, что женщина и представить себе не может, какой отвратительной и злой пародией ее поведение выглядит с точки зрения рыси. Впрочем, она и не пыталась, вела себя непринужденно и самоуверенно. Ее право. Когда людей интересовало, что думают звери?

— Кисонька, кисонька, — позвала она, подходя. Она не знала, как зовут Мэллу, а у него ни разу не возникло ни малейшего желания с ней разговаривать. — Кисуля, творожка хочешь?

Мэллу приоткрыл глаза, взглянул на ее раскрасневшееся улыбающееся лицо, на миску с творогом, прикрытую куском полиэтилена. *А вдруг у нее есть ключ,* подумал он. *Если уж она надеется меня трогать… она, наверное, берет с собой ключ.* От неожиданной мысли внутри кота что-то очень ярко осветилось — может, полумертвая воля, — и впервые Мэллу перекинулся у этой женщины на глазах. Медленно потянулся, зевнул, взглянул снизу вверх.

Она таращилась на рысь в человеческом обличье, как загипнотизированная. Ее глаза замаслились, а улыбка как-то подтаяла. Мэллу почувствовал, что для женщины сейчас очень похож на человека. На дико желанного человеческого мужчину. Он снова потянулся и сел.

— Мое имя Мэллу, — сказал, урча, и потерся лицом о ржавые прутья. — Зови меня Мэллу.

Муж, вероятно, говорил ей, что к клетке с хищником нельзя подходить близко — но она забыла.

— Мэллу, кисонька, — проворковала грудным голосом, подошла на шаг, потянулась потрогать пушистую бакенбарду. — Хочешь кушать, маленький?

Я — твой котеночек, подумал Мэллу и улыбнулся. *Правда, я твой котеночек?*

— Дай мне поесть, — промурлыкал он и боднул ее потную руку. — Я такой голодный… погладь меня, мне так одиноко…

Ее запах был нестерпим, а прикосновения мучительны. От творога пахло неживым, как почти от любой пищи в городе, но Мэллу чуял, как надо действовать, а потому заставил себя слизнуть кусочек с ладони женщины, слыша, как сбивается ее дыхание. Лизнул ее еще между пальцами:

— Мне так неудобно… Поставь мне миску в клетку… поставь, мне так хочется… я поем…

Потерся скулой, щекой, подбородком, оставляя на ее руке свой запах. Унизительно, но не важно, все не важно.

— Привык ко мне, котеночек мой… Бедненький, обижают тут тебя, да? Лапушка, пусечка моя… Кусали тебя, да? Больно, маленький?

Больно, гадина, больно, когда ты хватаешь руками там, где едва зажило! Мэллу уже стало жарко от тихой ярости, но он до поры спрятал нарастающую злобу, зажмурился и снова потерся об отвратительную руку, потом — о грудь, которую женщина уже прижала к решетке. *Ну, открой, открой, открой!*

Женщина забыла о миске с творогом, о том, что шла покормить рысь и только. Ей самой начала мешать решетка, она забыла о дверце для кормления, она судорожно рылась в кармане куртки в поисках ключа, нашла, приложила к замку магнитный код — у нее вправду был ключ, потому что действительно была абсурдная неосознанная надежда…

Мэллу потребовалось неуловимо малое время для убийства. Он даже не стал перекидываться, чтобы не терять драгоценных секунд — руки человека неудобны для когтей, на руках когти не спрячешь в меховые чехлы, но когти не меняет трансформация. И когти Мэллу вошли в шею и затылок женщины с той же легкостью, с какой он рвал псов на ринге — даже легче. Мышцы женщины оказались мягкими, будто выродились в жир; она не успела не только крикнуть, но и захрипеть. Через несколько секунд она умерла.

Мэллу не презирал добычу. Но он безмерно презирал врагов, которые давали себя убить, так и не успев сообразить, что произошло. Надо быть набитым дураком, чтобы поверить в возможность прощения после таких унижений и обид.

Вот тебе за то, что не приняла меня всерьез.

Отпустив труп, Мэллу наскоро почистил когти. Он был привычно голоден, но пить кровь женщины и есть ее мясо не стал, по-кошачьи брезговал сомнительной пищей. Миска творога откатилась в сторону. Собаки тяжело спали; только самые здоровые стряхнули наркотическое забытье, учуяв смерть. Кто-то в глубине зверинца безумно, с прискуливанием завыл. Мэллу вздрогнул и прислушался — он вдруг осознал, что стал свободнее.

Что почти свободен тут, в пределах здания.

Он нагнулся к трупу и порылся в карманах куртки, цепляя когтями за синтетическую ткань и выдергивая нитки. Нашел несвежий носовой платок, скомканный чек из магазина и губную

помаду. Не ключи. У женщины был только один ключ — от его собственной клетки. Этого мало в любом случае — для бегства и для помощи одинаково мало.

Остальные ключи у сторожа, надо полагать. У кого же?

Мэллу, осторожно ступая, пошел вдоль вольеров.

Собаки игнорировали кота, он был им безразличен. Запах Мэллу давным-давно им надоел; он их даже не раздражал, так приелся за многие недели жизни в одном и том же пусть большом, но душном помещении — никто даже не поднял морду с лап, чтобы взглянуть. Только раненый истерик с визгом и лаем кинулся на решетку, захлебываясь слюной. Мэллу не удостоил его взглядом.

Его другой пес интересовал, крупный, черный, чистый, хорошей породы. Тот самый. Выйдя в проход между клетками, Мэллу начал чуять его запах. Вскоре увидел его самого — в одном из ближайших к дверям вольеров, спящего тяжелым наркотическим сном, в Старшей Ипостаси, врастяжку на бетонном полу. На шее и плече пса разглядел небрежно приклеенный пластырь, промокший от крови.

Не стал ничего предпринимать. Пока.

Дверь, ведущая из зверинца наружу, в довольно-таки обширное пространство, где раньше, вероятно, располагался подземный гараж и до сих пор стояли несколько автомобилей, оказалась всего лишь прикрыта. За женщиной ее не заперли. Хорошо. Мэллу чуть улыбнулся, перекинулся, проскользнул за дверь, прокрался по темному, освещенному только тусклой лампой в матовом колпаке, удобно пересеченному колоннами помещению бесшумно, как тень.

Младшая Ипостась подсказывала, что сторож бродит где-то здесь. Младшей Ипостаси хотелось забраться на дерево, следить и подкарауливать сверху. Деревьев в подземелье не было, зато нашлась высокая будка с металлическими дверцами — в ней тихо гудело электричество.

Мэллу махнул на нее длинным мягким прыжком, подобрался на узенькой площадке и принялся смотреть вниз. Он слышал вдалеке неспешные гулкие шаги Тима и чуял запах его сигарет — лапы сами собой аккуратно поджались и напряглись, а тело натянулось, как тетива перед выстрелом. Мэллу было очень весело.

Уже совсем рядом с будкой, на которой затаилась рысь, Тим остановился, чтобы закурить и посмотреть на светящийся экранчик мобильного телефона. Мэллу с любопытством прислушался к электронному писку мобильника.

Уже совсем рядом с будкой, на которой затаилась рысь, Тим остановился, чтобы закурить и посмотреть на светящийся экранчик мобильного телефона. Мэллу с любопытством прислушался к электронному писку мобильника.

— Время совсем не идет, блин, — пробормотал Тим, пряча телефон и зажигалку в карман. — Поужинать пойти…

Он сделал ровно полшага вперед, попав в зону досягаемости, — и внутренний прицел Младшей Ипостаси рыси сработал моментально и точно. Мэллу прыгнул на голову сторожу, сломав его шею одним стремительным движением, отточенным сотнями поколений его предков на оленях и лосях. Чихнул от запаха дымящейся сигареты. Перекинулся и обшарил карманы убитого врага.

У сторожа не было ключей. Зато у него был пистолет. Мэллу взял его в руки — увесистый кусок мертвого металла, заряженный чужими смертями, неудобное человеческое оружие — посмотрел и положил рядом с трупом. Куда деть такую вещь, если вдруг понадобится перекинуться быстро? И зачем она нужна, дрянная штуковина для бесчестных убийств?

Я и так убью, с удовольствием подумал Мэллу. *Вы, люди, придумали эту стрелялку, ты взял ее с собой, чтобы убить меня, а я убил тебя первый. Я умный, а ты жалкий. Я вижу вас насквозь и сейчас найду ключи.*

Вдалеке, в каморке сторожа горел слабый свет из полуприкрытой двери. Мэллу учуял запах кофе, пива и дешевой вареной колбасы — сторож приготовил себе ужин. Мэллу походя съел колбасу с бутербродов, оставленных на столе, — но уже после того, как снял со щита на стене ключ от клетки.

Мэллу не был особенно силен в грамоте, но умел наблюдать. Он вспомнил номер, написанный на белой табличке над дверцей, и сопоставил его с циферкой, нацарапанной карандашом над гвоздиком с ключом.

Он увидел и отметил тяжелую дверь, ведущую из каморки. В крохотное оконце, задернутое светлой занавеской, виднелся просторный холл, отделанный серым гранитом, — наверное, через него люди попадали в принадлежащий Битеру Центр Развлечений. На свободу вела дорога, перекрытая во многих местах, — но в тот момент это не только не разочаровало Мэллу, но даже не огорчило его.

Кот был слишком безмятежен по натуре, чтобы думать о будущем, у которого мало шансов. Все вопросы разрешаются по мере поступления. А вопрос, следующий на очереди, касался раненого пса, все еще спящего в вольере зверинца.

Касался бобика, принадлежащего Мэллу.

Кот вернулся в зверинец и отпер клетку, в которой спал пес. Потрогал спящего. Тот не проснулся, только скульнул во сне.

— Ты, как тебя… Мр-р-рамон! Проснись. — Мэллу присел рядом, тряхнул пса за плечо. — Бобик! Проснись, болван, выспишься, когда подохнешь…

Пес разлепил мутные глаза, облизался, чихнул и снова облизался.

— Кот, — пробормотал он сипло. — Ты что, снишься мне? Больно…

Мэллу чуть нажал когтями — глаза пса стали осмысленнее и, как видно, пробудился разум. Он мотнул головой и ухмыльнулся во все клыки:

— Кот! Ты как тут… — И тут дурень сообразил, что дверца клетки отперта.

Как всегда, как абсолютно любой зверь этой нелепой породы, пес не смог и даже не попытался справиться с собственной радостью. Он завопил едва ли не на весь зверинец:

— Киса! Мэллу! Ты клетку открыл, да?! — И кинулся лапиться.

Мэллу фыркал и шипел, пытаясь отбиваться: «Дурак, отстань, пусти, ненавижу, убери лапы, глаза выцарапаю», — но, как всегда, это слабо помогало. Пока пес не натыкал его носом в уши и в глаза и не затискал до полусмерти, начать разговаривать все равно не удалось. Как всем

собакам, этому тоже надо было выпустить пар перед тем, как начать слушать, поэтому Мэллу дождался первого здравого вопроса:

— А откуда у тебя ключи? — И только тогда ответил:

— Убил двоих из обслуги.

— Людей? — ужаснулся пес. — Живых людей?

— Да, да, живых людей, — фыркнул Мэллу раздраженно. — Лучше было бы дождаться, пока они нас убьют? Ты бы ждал, не сомневаюсь. Ты ведь дал какому-то идиоту себе шею прокусить?

— Это сука была, — сказал пес, смущенно опуская нос.

— А она бы тебя загрызла без зазрения совести, — сказал Мэллу. Он сердился. — Не смей мне мораль читать. Надо уходить отсюда, если жить хочешь.

— Я хочу, — сказал пес и снова ухмыльнулся. — Мы с тобой — Стая…

Опять он эту чушь, подумал Мэллу почти беззлобно. *Стая мы. Ну да.*

— Шевелись, — сказал он вслух.

— Голова кружится, — виновато сказал пес. — И пить очень хочется. Они меня опять, наверно, подстрелили…

— Нянька вам всем нужна, — проворчал Мэллу и неожиданно для себя боднул пса в плечо. — Кутенок… Пойдем, напою тебя.

Они пили из-под крана, где служители набирали воду для уборки, когда откуда-то издалека, из-за двери зверинца послышалось электронное чириканье мобильника мертвого сторожа.

Пес тут же насторожился и прислушался.

— Где-то телефон звонит.

— Подумаешь! — Мэллу пригладил бакенбарды и челку влажной ладонью. — Это у трупа. Он уже не ответит.

Пес отряхнул руки от воды и уставился на Мэллу дикими глазами:

— Ты что, телефон там бросил?!

— Ну да. А что? Зачем мне человеческие игрушки? У него было много всякого занятного барахла — пистолет, зажигалка… так что ж, все надо было забрать? Я не сорока…

Пес судорожно вздохнул:

— Ф-фух-х… штатский…

Мэллу нахмурился.

— А в чем дело, милый? — спросил он недовольно, но тут сам услыхал далекие быстрые шаги двоих или троих людей по гулкому подземелью.

Пес стремительно рванулся к дверям и запер их изнутри на железный засов. Мэллу наблюдал, скрестив руки на груди.

— Куда спешим? Тебе нужен телефон — так пошел бы и взял…

— Поздно! — гавкнул пес. — Теперь можно только бежать. Сам говоришь — у них пистолеты. С другой стороны зверинца тоже есть дверь, выход в зал для боев. Бежим, пока они стрелять не начали! Лишь бы там заперто не было!

С точки зрения здравого смысла пес, конечно, не имел права командовать. Но беготня и голоса за дверью опасно приблизились — Мэллу сам решил, что нужно удирать. Он кинулся за псом вдоль ряда вольеров, в которых проснулись и бесновались собаки, а за дверью уже грохотали чем-то и орали:

— Сенполия, открой! Открой, Сенполия, слышишь!

Пес неожиданно резко остановился возле вольера, в углу которого глухо рычала кудлатая рыжая гадина. Мэллу чуть не налетел на него:

— В чем дело, бобик?! У тебя столбняк?

Пес нервно облизнулся.

— У тебя только от моего вольера был ключ?

Рыжая заткнулась, потянулась мордой к решетке. Мэллу против воли показал клыки:

— В чем дело, бобик?! У тебя столбняк?

Пес нервно облизнулся.

— У тебя только от моего вольера был ключ?

Рыжая заткнулась, потянулась мордой к решетке. Мэллу против воли показал клыки:

— Собака, дурак, бежим же, бежим!

Пес порывисто вздохнул, взглянул на рыжую как-то виновато и жалко — но приступ прошел, здравый смысл, похоже, возобладал над собачьей дурью. Побежали дальше, добежали до двери, окованной железом, когда в другую дверь, за которой валялся убитый сторож, уже ломились не на шутку.

Дернули.

— Заперто, — сказал пес убито.

Мэллу обернулся на месте, огляделся, боднул пса в грудь:

— Ну что ж, умник, думай давай, думай!

— О чем думать, — буркнул пес хмуро. — Мы в ловушке. Если бы ты взял телефон, я бы сейчас позвонил Хозяину. Или в Управление Службы Безопасности. А теперь… ты что, можешь железо прогрызть?

Topreading.ru

Мэллу провел по двери пальцем, скрежетнув коготком, снова окинул все вокруг рассеянным взглядом. Кроме собачьих вольеров, ему на глаза попался обшарпанный письменный стол, прижатый к стене сбоку от двери. У стола — старый стул. На столе валяются тряпки, ошейник с шипами, пакет с собачьими галетами… Над столом — какие-то схемы, нарисованные от руки, списки…

Мэллу подошел ближе и открыл ящик стола.

— Что тебе там надо? — спросил пес безнадежно. — В чужих столах нельзя рыться.

— Смотри, какая штуковина. — Мэллу вытащил калькулятор, нажал когтем на несколько клавиш, но писка не услышал и разочаровался. — Не работает…

Пес вздохнул.

— Брось.

— Не-а… тут еще бумажки… Фотография… О, гляди, бобик, ключики. Не подойдут? — В тоне Мэллу совершенно бессознательно проскользнули насмешливые кошачьи нотки. Он подцепил связку ключей когтем за кольцо и покачивал в воздухе.

Пес выхватил ключи с неожиданной ловкостью. Его руки с короткими когтями, почти что человеческими ногтями, справлялись с тонкой работой куда легче кошачьих — замок подался с третьей попытки. Через миг оба пленника выскочили на лестницу.

В глубь здания вел тот коридор, по которому клетки доставляли в зал для боев. Лестница уходила вверх, оттуда тянуло запахом улицы. Пес и рысь, не сговариваясь и даже не обмениваясь мыслями, дружно рванули туда, к выходу — но далеко вверху застучали человеческие шаги.

— Охрана, — дохнул пес в самое ухо Мэллу. — Они нас застрелят. Надо спрятаться. Дождаться, пока они уйдут. За мной, кот!

Мэллу согласился, что надо спрятаться. Младшая Ипостась рвалась наружу, но пес почему-то предпочел Старшую, и Мэллу тоже сохранял Старшую. В этом виднелся смысл — в любой момент могло понадобиться срочно что-то сказать друг другу, а мысленный контакт еще только нарождался, был слаб и невнятен. Пес призывно мотнул головой, и Мэллу вслед за ним побежал в коридор к залу, стараясь ступать как можно тише. Впрочем, это выглядело чистым кошачьим ритуалом — пес все равно топал, как стадо оленей на марше.

Люди все время мерещились где-то в районе слышимости. Здание все состояло из бесконечных коридоров, переходов, лестниц — нелепый человеческий лабиринт, в котором пес ориентировался лучше Мэллу, поэтому кот перестал забегать вперед и следовал за ним. Они поднимались куда-то наверх и спускались вниз. Им попадалось множество дверей, запертых и незапертых, за которыми были пустые комнаты — пес заглядывал внутрь и не заходил, бежал дальше. Наконец он выбрал и комнату, и дверь.

Дверь была обита мягкой ненастоящей кожей, но под кожей пахла стальными листами. Она закрывалась очень плотно; Мэллу подумал, что она заперта, но ошибся. Пес заскочил внутрь, и кот вошел следом.

— Тут безопаснее, — сказал пес, запирая дверь на два замка. — Если в эту дверь будут стрелять, пули не пройдут насквозь. Тут есть телефон, видишь?

Мэллу видел. Комната показалась ему очень хорошей; кот даже удивился, что эту дверь не заперли — люди обычно запирают такие места, чтобы кто-нибудь посторонний не унес оттуда ценные вещи. На взгляд Мэллу, ценных вещей здесь было немало; правда, на всех остался слабый запах мертвяка, но кот уже притерпелся. Мэллу решил, что это комната Битера. Пес уселся в большое черное кожаное кресло за столом и принялся набирать телефонный номер; Мэллу разлегся на кожаном диване, тоже большом и черном, с удовольствием поточил когти о скрипящую кожу, потянулся и стал разглядывать обстановку.

Вокруг было столько забавных вещиц, от которых Мэллу отвык в своей тюрьме, столько всего, чтобы смотреть, слушать и трогать, что хотелось, ни на что не глядя, просто играть. Голос пса отвлек кота от отдирания со стены приятно шелестящего плаката:

— По этому телефону нельзя в город позвонить. Он к коммутатору подключен.

— Ну и что? — сказал Мэллу безмятежно. — Подумаешь…

Он встал с дивана, подошел к окну и сел на подоконник. Поглядел в окно на ночные небеса, в которых луна подсвечивала тяжелые облака зеленовато-серебряным неоновым светом, на горящие окна в соседнем доме и редкие автомобили, проезжающие по улице внизу. Очень захотелось ощущения высоты и свежего воздуха. Мэллу потянулся к шпингалету, чтобы открыть форточку.

— Не трогай, — сказал пес. — Из-под двери дуть будет. Люди пойдут мимо и почувствуют.

— Ничего они не почувствуют, — возразил Мэллу, но с подоконника слез. — Что это ты делаешь, а?

Пес включил компьютер. Мэллу устроился на краю стола и принялся следить, как на экране монитора меняется изображение. Системный блок негромко приятно урчал, на нем мигали огоньки; Мэллу придвинулся ближе и нажал когтем кнопочку на клавиатуре.

— Ты что?! Брысь! — гавкнул пес.

— Не будь занудой, — обиделся Мэллу. — Ты играешь с этой человеческой штукой, а мне нельзя?

Пес, вероятно, устыдился собственной грубости — толкнул Мэллу лбом в локоть, сказал примирительно:

— Я же не играю. Я думаю, надо тут электронную почту найти, дать знать…

— А… Хозяину… собачья блажь. — Мэллу стало скучно. — Ладно, играй, если хочешь, один. Мне уже спать охота.

Он зевнул и снова улегся на диван. Было так тепло и мягко, что не хотелось менять Ипостаси — даже человеческому телу было мягко. Мэллу устраивался, мурлыкал и тянулся, когда пес спросил:

— Ты можешь спать, когда кругом враги? Нас же ищут, убить хотят…

— Ну и что? — удивился Мэллу и еще раз сладко зевнул. — Ну ищут. Не нашли же.

Ему уже стало очень хорошо. За окном из облаков выглянула луна; несколько минут кот,

опершись на локти, задумчиво глядел вдаль, чувствуя, как постепенно воскресает душа. Потом положил голову на руки и заснул.

Сквозь сон он слышал, как за окном проезжают машины, и как пес тихонько щелкает клавишами — и во сне наслаждался тем полным и безмятежным кошачьим покоем, от которого уже давно отвык.

Посредник

Локкер ужасно устал за последние сорок минут.

Сколько же он уже успел увидеть этих бетонных стен, усеянных квадратами окон, рекламных щитов, вывесок, стендов, светофоров, трамвайных рельсов, чахлых деревьев, детских площадок, будок, разрисованных какими-то странными знаками… Все было одинаковое и абсолютно все было не то, что пришло в Локкера из Рамонова сна. Хольвин вел машину медленно; Локкер сидел на переднем сиденье и очень внимательно смотрел по сторонам: один дом сменялся другим, таким же; то недоставало деталей для сходства, то были лишние… А тусклое осеннее солнце, между тем, поднялось уже высоко. На улицах появились прохожие и автомобили, суета городского дня смущала Локкера и сбивала его с толку.

А Гарик, сидящий сзади, рядом с Шагратом, крутился, вертел ручку, опускающую стекло в окошке, то вверх, то вниз, скулил, тыкал Шаграта в бок и сетовал, что человеческий нос ловит запахи только спереди.

— Нужен круговой обзор, ах, нет, круговой обнюх! — бормотал он. — Пахнет бензином, ах, бензином, мылом, резиной… копченой рыбой — откуда? Ах да — магазин… вот еще — электричеством, тополем, мятной жвачкой, воробьями… так сложно в машине… отовсюду пахнет бензином…

— Заткнись, а? — буркнул Шаграт. Он тоже опустил стекло и нервно нюхал ветер. — След уже такой старый и слабый… и так вряд ли найдем, а тут еще ты скулишь под ухом!

А Локкер все всматривался — и вдруг его ударило озарение. Мысль, пришедшая извне, мысль Рамона, страх Рамона — вот что это было, хотя дом и все вокруг оказались вовсе не похожи на увиденные во сне. И дом был слишком громадный, непохожий на другие, с мигающей радугой у входа и размалеванными рожицами из цветных светящихся трубок в целых гирляндах надувных шаров. И акация вокруг не росла — или, может быть, росла во дворе. И будки нигде не было видно. Но так стало явственно…

Может быть, Рамон видел этот дом с другой стороны, куда не подъехать на машине. Но дом этот самый.

Рядом с входом на тротуаре стояли какие-то люди.

— Хольвин, — сказал Локкер, — останови тут. Рамон там, внутри.

— Тут, да, тут! — засуетился Гарик сзади. — Тут пахнет… ах, нехорошо пахнет! Неживым, страхом, болью… пивом, чипсами, злостью, ах, мертвым тоже пахнет! Ррр-р!

Хольвин затормозил и распахнул дверцы автомобиля — собаки тут же выскочили наружу, а за ними выбрался Локкер. Рядом с внедорожником Хольвина остановилась патрульная машина

Службы Безопасности, и Тео подскочил к Хольвину с собачьей скоростью.

— Здесь живодеры! — бросил он на ходу. — Этого еще не хватало…

Хольвин хлопнул дверцей. Из арки, ведущей во двор, выскочили люди в бронежилетах с красными надписями «Спецкоманда». У них в руках Локкер увидел пистолеты, стреляющие капсулами с наркотиком — Рамон, впрочем, говорил, что зарядить такой пулей тоже вполне возможно.

Еще один, пожилой, в бронежилете и желто-красном берете, подошел от машины, тоже желто-красной — фургона с маленьким окошком назади, схваченным решеткой. Он махнул Тео рукой:

— Ситуация под контролем, — сказал раньше, чем Тео успел что-то спросить. — В здании мои люди.

— В чем дело? — спросил Хольвин. Локкер почувствовал под словами раздражение и тревогу, хотя голос Хозяина казался спокойным.

— Спецкоманду вызвали час назад. В здании — дикая рысь, она убила нескольких человек и спряталась. Персонал вместе с бойцами ее разыскивают — умная бестия…

— Граждане! — загрохотал неживой голос от красно-желтой машины. — Отойдите от дома, проводится боевая операция…

И вдруг Гарик перекинулся и залился лаем, и Хольвин тут же, выхватив зеленое удостоверение с Золотой Бабочкой — знак Посредника, закричал: «Не сметь стрелять! Не сметь стрелять, опустите оружие!» — перекрикивая неживой голос, и еще кто-то завопил: «Не стрелять!», но тут же хлопнул выстрел, а ликвидатор, приехавший с Тео, ударил человека в бронежилете по руке и тоже закричал… А Гарик звонко гавкал и скакал, почти поднимаясь на задние лапы, задрав свою острую мордашку в рыжих веснушках куда-то высоко вверх, — и Шаграт посмотрел вверх, и Тео, как-то оцепенев, замер, глядя вверх, а Локкеру вдруг стало страшно туда смотреть, но он себя заставил…

Высоко вверху, на узком карнизе третьего этажа, утвердившись лапами на скользкой жести водостока, стояла крупная рысь. Она внимательно смотрела на фигурный козырек над панорамным окном бельэтажа и подбиралась, готовясь к прыжку. Декоративная черепица козырька влажно блестела.

Локкер в этот миг почему-то осознал, что рысь имеет непонятное отношение к Рамону.

— Ма-ать, смотри, Эд, — странным голосом, как-то протяжно, запинаясь, проговорил ближайший в бронежилете, с коротким ежиком волос на круглой голове. — Вот он… с-сука…

По разумению Локкера, слово «сука» не могло иметь никакого смысла применительно к рыси-самцу.

За его спиной Тео сказал ледяным тоном:

— Господин капрал, немедленно прикажите своим людям опустить оружие!

— Эта та самая, — сказал капрал в берете.

В толпе кто-то вскрикнул. Сзади, с дороги, послышался резкий гудок подъезжающего

автомобиля. Хольвин пошел вперед, жестом остановив собак — теперь Шаграт с Гариком стояли, приподняв передние лапы, вытянув носы по ветру, и ждали, что будет.

— Не стрелять! — сказал неживой голос.

В этот момент рысь прыгнула.

Все, стоящие внизу, отчетливо услышали, как ее когти скрежетнули по мокрой черепице. Будь поверхность сухой, удержаться, вероятно, оказалось бы больше шансов, но по мокрому лапы слишком сильно скользили. Рысь еле успела перегруппироваться для следующего прыжка и оттолкнулась от козырька задними лапами, уже почти падая.

Собаки отпрянули в разные стороны — рысь приземлилась на все четыре лапы, по-кошачьи, на мокрую траву окружающего подъезд газона и осталась стоять, ошеломленная рискованным полетом с высоты и ударом о землю. Локкер никак не мог отвести от нее взгляд.

За его спиной раздался резкий металлический щелчок — и тут же Хольвин рявкнул так, как никогда не кричал на собак:

— Не стрелять! — и загородил рысь собственной спиной, держа перед собой удостоверение, как щит от пуль. В толпе ахнули.

Почти тут же ликвидаторы Тео завопили вразноголосицу:

— Оружие на землю!

— Руки на капот! Стоять!

— Не рыпайся, сволочь!

— Руки, я сказал!

— Руки, я сказал!

Локкер слышал все звуки борьбы, все это хриплое дыхание, и металлический лязг, и нервное гавканье Гарика, и топот, и брань вполголоса — но не смотрел. Он все смотрел на рысь, стоящую на жухнущей траве, на ее шкуру в кровавых рубцах, на Хольвина, протянувшего к ней руку и излучающего спокойное тепло, и на Тео, который не руководил ликвидаторами, а так и стоял, задрав голову вверх.

Тео видел там, наверху, что-то, чего Локкеру было не видно. И в конце концов сказал:

— Там — мой пес. Там за окном — мой пес. И я выбью из вас, как он туда попал, подонки.

Двое ликвидаторов подтащили к машине СБ человека с багровым лицом и красной шеей, в пиджаке с оторванными пуговицами, потного и злого. Он дернулся вперед и выкрикнул Тео в лицо:

— Командир, какого беса?!

— Кто такой? — рявкнул Тео.

— Старший менеджер. — Краснолицый дернул плечом. — Я вызвал спецов! Эта бесова рысь задрала охранника с женой, ясно?! Вам ясно?!

— Что мой пес делает в вашем заведении? — спросил Тео, будто не слыша.

— Да понятия не имею!

— У вас есть разрешение на ношение оружия?

— Да он со снотворным… — Багровый скинул обороты.

— Дин, — сказал Тео шоферу патрульной машины, — связывайся с жандармами. У нас дохлый криминал со стрельбой. Вызывай подкрепление, жандармское. Надо здание обыскать.

— Командир! Эта тварь сейчас вашего сожрет!

Тео обернулся. Хольвин сидел рядом с рысью на корточках. Кот напрягся, взъерошился и беззвучно шипел, показывая страшные клыки, а Хольвин говорил вполголоса:

— Не волнуйся, дружище, все уже позади… отчаянный же вы народ, кошки. Как ты роскошно прыгнул, красота! Я никогда в жизни такого полета не видел. Так здорово прыгнуть никто бы не смог, только рысь…

— Осторожно, Хольвин, — сорвалось у Тео с языка само собой.

Рысь мгновенно занесла лапу с кривыми лезвиями когтей.

— Не болтай глупости, Тео, — сказал Хольвин, не сводя с рыси глаз. — Кот — парень очень разумный и замечательно владеет собой. Мы с ним сейчас поговорим немножко, и он поймет, что все беды уже позади…

Тогда Локкер подошел ближе. Рысь взглянула на него — и поразилась. Настолько удивилась, что удивление выбросило ее в Старшую Ипостась. Хольвин улыбнулся.

— Ты из леса, лось, — прошептал кот, глядя расширившимися золотистыми глазами. — Настоящий лось из леса… неужели где-то есть лес?

— Лес есть, — сказал Локкер. — А я — товарищ Рамона. И Хольвин — его Хозяин. Вернее, вообще Хозяин.

На бледном осунувшемся лице кота мелькнула еле заметная усмешка.

— Пес мне говорил про тебя, Локкер. Надо же, правда… Ты, человек… твой бобик там, наверху. Он всю ночь страдал, что не может тебе позвонить. Они такие дураки, собаки…

— Замечательный кот, — сказал Хольвин и погладил кота по голове. — Геройский кот. Мы с тобой его оттуда вытащим, мы все можем, правда?

Кот взглянул на Хольвина снизу вверх и потерся об его руку щекой и подбородком.

— У меня бок болит, — сказал он жалобно-кокетливо, как могут только кошки. — Я лапы отбил. Мы с Рамоном голодные, такие голодные… Ты нас покормишь?

— Конечно, — отвечал Хольвин, начесывая пышную кошачью бакенбарду.

В этот момент к подъезду подлетели жандармские автомобили. Люди в серебристо-голубых комбинезонах, в синих беретах, вооруженные, насколько Локкер мог судить, автоматами,

выскочили на тротуар, окружая дом, побежали под арку… Между тем простые люди, которые остановились полюбопытствовать, что это тут происходит с утра пораньше, собирались и собирались — и на улице стало очень многолюдно.

— Здорово, Тео! — сказал, подходя, жандарм с морщинистым обветренным лицом. — Опять твои звери что-то унюхали?.. Ну и зоопарк же у тебя тут…

— Привет, Урман, — сказал Тео, пожав протянутую руку. — На совещании говорилось, насколько помню, что в этом районе паршивая статистика, было дело?

Урман мрачно улыбнулся, кивнул.

— Восемьдесят пять процентов насильственных, — сообщил, смерив скованного подозрительным взглядом. — А тридцать один из них — немотивированных и особо тяжких. Плюс самоубийства… Еще какая паршивая. Предельно паршивая. По-твоему, мертвяк? И здесь?

— Да кто ж еще! — Тео кивнул на двери темного зеркального стекла. — Причем, думаю, не один. Не сомневаюсь, все твои клиенты сюда захаживали, шары погонять, пивка выпить… а может, он и еще что-нибудь предлагал, поинтереснее. Так что они очень тепло тут общались. Вот тебе и насильственные, вот и особо тяжкие. А самоубийцы — давно известный и вернейший признак мертвяка поблизости, школьная задачка. Какая вам еще нужна мотивация? Говорил же я: должны проводиться плановые рейды…

— Этот, что ли, мертвяка унюхал? — насмешливо сказал Урман, небрежно показав на Гарика, устроившегося рядом, развесив уши. — Ну и уморительная же дворняга!

— Не обижай сотрудников, — серьезно сказал Тео. — Они все понимают. Не только он — в здании мой лучший пес. Вели своим людям тут все перерыть; все внутри очень нечисто, нюхом чую. Пойдем, Гарик!

— Нюхом! — фыркнул молодой жандарм. — У своих псов научились, господин капитан?

Тео проигнорировал шпильку; уже перед самой дверью обернулся к Хольвину:

— А ты?

Хольвин на газоне угощал рысь, вернувшуюся в своего зверя, кусочками вяленой крольчатины — собачьим лакомством. Шаграт сидел рядом и тоже жевал кусочек.

— Бери собак, обыскивайте здание, — сказал Хольвин. — Я задержусь.

— Граждане, расходитесь! — снова загрохотал неживой голос. — Проводится операция, вы подвергаете свою жизнь и здоровье опасности!

Локкер так и не понял, к кому эти слова обращались: никто из простых граждан явно не собирался уходить, они только слегка подались назад. Скованного усадили в автомобиль жандармов; Тео, Урман и их люди втянулись в здание, Весна, Сапфир и Гарик ушли с ними. Капрал спецбригады вздохнул и сделал своим сотрудникам какой-то знак рукой. Локкеру это не понравилось.

— Господин Посредник, — хмуро сказал тот странный, стриженный ежиком, который назвал рысь «сукой», — отойдите от зверя, его надо обезвредить.

Хольвин обернулся и выпрямился.

— Вот как? — спросил он так, что стриженому, похоже, захотелось убежать и спрятаться. — Вы всерьез собираетесь стрелять по зверю, с которым общается Посредник? Не думаю, что это одобрит ваше руководство.

Кот перекинулся и привалился плечом к ноге Хольвина. Он брезгливо смотрел на спецов, вздрагивая верхней губой; у другой ноги Хольвина сидел Шаграт и морщился. Капрал спецов подошел поближе, снова вздохнул и сказал:

— Господин Посредник, я все понимаю, но у нас тоже приказ и отчетность. Кошка эта опасная, двоих загрызла как минимум. Лига Лигой, но ведь надо же и о людях подумать…

— Ну давайте подумаем о людях, господин капрал. — В голосе Хольвина проявилась кошачья насмешливая любезность. — Ваших людей, вероятно, больше всего волнует необходимость отчитаться перед начальством за этот вызов? Отчет из Лиги об опеке над рысью будет представлен в спецкоманду завтра утром. Если необходимо, запишите мой личный телефон.

Капрал обиделся.

— Вы не передергивайте, — сказал он, скривив рот. — Что в городе, проблем мало? Мы же должны все сделать по закону…

— Вам хочется пострелять, господин капрал? — спросил Хольвин. — Или вы отчитываетесь за использованные патроны? В таком случае вам лучше всего сходить в тир. Стрелять тут по живым существам я никому не разрешу.

— Бред это все, — сказал подошедший спец с квадратным лицом и маленькими глазами, спрятанными под брови. — Если в здании что нечисто, то СБ с жандармами без нас разберутся. А рысь тут ни при чем, просто бешеный зверь, да еще оборотень к тому же. Вы лучше отойдите, пока он вас не порвал, — и поднял пистолет.

— Пожалуйста, опустите оружие, — тихо сказал Хольвин, не двигаясь с места. — Наверное, не стоит создавать проблемы себе и своему командованию. Мне бы не хотелось упоминать в рапорте о профнепригодности и психической неустойчивости — это упоминание лишит вас не только лицензии, но и работы в спецкоманде вообще, даже шофером.

Толпа, собравшаяся широким кругом, между тем шелестела, как лес от сильного порыва ветра. Локкер расслышал отдельные голоса, и все выкрикивали разное:

— Убийцы сумасшедшие!

— Да оттащите же этого ненормального Посредника, пока рысь на людей не кинулась!

— Стреляйте, ребята, чего смотреть! Веселуха!

— Давай, мужик, держись! Мало эти гады убивали…

— Уберите этих сволочей, им вообще все равно, в кого стрелять!

— В топку Лигу!

— Посредник, скажи, куда позвонить! Их же надо на цепи держать, живодеров…

Все-таки слишком многие, судя по этим крикам, оказались на стороне Хольвина. Квадратный смутился и опустил пистолет.

— Да что ты с ним разговариваешь! — взорвался стриженый. — Что ты его слушаешь?! Это же фанатик, ему же эта кошка дороже собственной родни! Он же, как все эти чокнутые, зверье обожает, а людей ненавидит! Что ему эти убитые! Так, мусор! Ему кошечку жалко! Да я…

Он сделал шаг вперед — Шаграт ощетинился и зарычал, а Локкер перекинулся. Спецы попятились — лось теперь занимал очень много места, стоять рядом с ним кое-кому стало очень неуютно. В толпе восхищенно ахнули. Все звуки на миг покрыл звонкий детский голосок:

— Олень! Мамочка, гляди, олень!

— Ах, шик! — крикнули в толпе. — Держись, Посредник! Классный лосяра!

— Не смейте стрелять в лося, подонки!

— Смотрите, лось-перевертыш! Вот бесовщина…

Локкер высоко вскинул голову, которую венчали громадные рога, и заслонил Хольвина с рысью своим мощным корпусом. Он прекрасно понимал, какое производит впечатление — его Младшая Ипостась уже вошла в лучшую форму и весила не меньше полутонны. Он не боялся рыси и не боялся людей. Он принадлежал к Народу Бойцов за Честь и был всегда готов сражаться, когда товарищи в опасности. Хольвин ласково положил руку ему на холку:

— Не надо было, Локкер. Ты рискуешь, дружище.

Это не важно, подумал Локкер. *Важно, что спецы опустили оружие, отошли и шушукаются. Важно, что эти люди вокруг уже совсем не хотят, чтобы рысь убили. Этого кота нельзя убивать, он был вместе с Рамоном. Важно, что твои враги теперь не посмеют пытаться хватать тебя за руки и тащить в сторону. Я правильно поступил.*

Хольвин ощутил мысленную улыбку Локкера и погладил его по шее. Шаграт высунул язык и ухмылялся.

Из толпы выбрался молодой парень в брезентовых штанах и зеленой джинсовой куртке с Бабочкой Лиги. Он был не Посредник и не очень Хозяин, но он был приятный; Локкер не стал мешать ему подходить близко, пес настороженно принюхался и успокоился, а кот лизал собственную ладонь и испытывающе смотрел из-за локтя Хольвина.

— Может, вам помочь? — сказал парень. — Не могу смотреть, как они над вами издеваются…

— Можешь, — коротко ответил Хольвин. — Не уходи.

С другой стороны подошла толстая женщина в очках, с круглым лицом, которое, как показалось Локкеру, привыкло быть веселым. Сосредоточенная серьезность выглядела на этом лице странно.

— Я позвоню в городской офис Лиги? — спросила женщина.

— Не надо, — сказал Хольвин. — В Лиге всегда рук не хватает. Мы тут сами справимся. Уже почти справились.

— Господин Посредник, — подал голос капрал. — Хорошо. Давайте поступим компромиссно.

Давайте усыпим рысь и отвезем в приемник спецслужбы, а там зоопсихолог решит.

— Нет, — отрезал Хольвин.

— Но рысь опасна, а вы не даете даже как-нибудь ее изолировать…

Кот взял Хольвина за руку и потерся об нее щекой:

— Я не хочу за решетку. Я хочу уйти.

Хольвин обнял кота за плечи, как человека:

— Сейчас нельзя уходить. Они тебя убьют. Тут ты под моей защитой, все будет в порядке.

Кот сгреб когтями ватник у Хольвина на плече:

— Я больше не хочу в клетку. Я не могу жить в клетке. Мне плохо, — очень убедительно сказал он, заглядывая Хозяину в лицо. Толстая ткань ватника треснула под напором когтей, кто-то в толпе истерически взвизгнул. — Слушай, человек, ты же понимаешь, я не могу жить все время в клетке…

— А ко мне в машину пойдешь? — спросил Хольвин, гладя кота по голове. — Без всяких решеток, просто посидишь пока в машине, чтобы люди тебя не боялись? Не хочу, чтобы они наделали глупостей от страха…

Кот вздохнул и выпустил ватник, из которого уже лезла подкладка. Хольвин проводил его к машине — Локкер шел рядом, опустив рога и не спуская со спецов глаз. Кот с видом великомученика устроился на заднем сиденье.

— А ты не уходи, — сказал он Хольвину спокойнее, даже чуточку капризно. — Мне нравится с тобой. Погладь меня еще…

Хольвин улыбнулся, присел рядом, наискосок, поставив ступни на асфальт, гладил рысь, но смотрел на спецов. Парень в зеленой куртке и женщина остановились рядом и ждали распоряжений. Капрал сделал несколько шагов к машине Хольвина и остановился поодаль.

— Что же делать, по-вашему, а, господин Посредник? — спросил он раздраженно, но сдерживаясь.

— Вызовите зоопсихолога, — сказал Хольвин. — Сюда. В ваш приемник я кота не отдам. Я вам не верю.

— Так она же здесь, — брякнул стриженый. — Она бы вам объяснила…

— Так она же здесь, — брякнул стриженый. — Она бы вам объяснила…

Хольвин усмехнулся. Капрал в сердцах развернулся и пошел прочь. Его спецы остановились шагах в двадцати от машины, сделав вид, что «держат ситуацию под контролем». И тут из дверей здания выскочил Рамон — в Младшей Ипостаси, но кубарем перекинулся по дороге к машине. За ним, тоже кубарем, вылетел Гарик.

Хольвин едва успел встать и повернуться — Рамон чуть не сбил его с ног, кинувшись на шею:

— Хозяин! — гавкнул он, задыхаясь от восторга и волнения сразу, ткнув Хольвина носом в

щеку. — Хозяин, пойдем! Пойдем скорей! Там… внизу… убивают! Сейчас начнут убивать! Скорей!

— Бобик! — окликнул кот. — Ты живой?

— Мэллу, Мэллу, потом! — зачастил Рамон, положил руки на плечи Хольвину, сказал, заглядывая ему в лицо: — Иди скорей!

— Погоди, Рамон, — сказал Хольвин нарочито спокойно, поглаживая его по спине. — Стоять. Не рвись… Стоять, Гарик!

Собаки переглянулись, переминаясь с ноги на ногу. Рамон сообразил, что видит и чует Локкера, нервно дернулся, скульнул:

— Рогатый, скажи ему, скажи!

Хольвин огляделся. Локкер понял, что он просто разрывается на части: понимает, что нужно бежать за Рамоном, но боится оставить кота одного — людям не доверяет. Но псы от волнения не могли вникнуть в такие тонкости — каждый миг промедления казался им непростительным.

А Хольвину между тем для принятия решения хватило одной минуты.

Он отцепил рысьи когти от рукава и запер дверцу машины. Рысь тут же поскреблась изнутри; Хольвин громко сказал Шаграту, показывая на дверцу — и для самого Шаграта, и для людей:

— Охраняй, дружище. Не подпускай никого… Рамон! Охраняй и ты. Гарик! Пойдем со мной, покажешь, что случилось и где.

Локкер подошел на пару шагов и наклонился — Хольвин потрепал его по морде, улыбнулся:

— Чудесный ты мой лось… помоги псам, если сможешь. Мне надо идти.

Локкер на миг прислонился щекой к Хольвинову виску. Контакт ощущался абсолютно, страха не было и злости не было, только доверие и готовность прийти на помощь. Хольвин взглянул на людей.

— Не беспокойся, Посредник, — сказал парень в зеленой куртке. — Мы с лосем за ними присмотрим.

Рамон не выдержал и обнял Локкера за шею:

— Мы — Стая, да?

Локкер, пребывая в теле зверя, не мог ответить словами — он ответил дружеским мысленным посылом и королевским кивком. *Стадо мы, Стадо, я с тобой, не волнуйся…*

Ликвидатор

Обычно говорится, что радиация не имеет ни вкуса, ни запаха, а потому ее невозможно ощутить, но люди, которые часто имеют дело с радиацией — рентгенологи, к примеру, считают, что в действительности ощутить весьма возможно и даже просто. Поблизости от источника излучения стоит душное липкое тепло, отвратительно прикасающееся к коже… сам

воздух меняет свойства, превращается в тяжелое вязкое нечто. Привычный человек оценивает это моментально — как опасность, как угрозу. У человека вообще есть немало странных свойств, которые трудно объяснить даже ученым психологам и физиологам — паранормальщина. Одно из них — формирующийся опыт, позволяющий вычислить обычными органами чувств то, что не имеет цвета, запаха, вкуса, но опасно и угрожающе.

Как радиация и как присутствие мертвяка.

Тео стоило войти в элегантно полутемный холл с серыми гранитными колоннами, как это самое нечто тепло и липко коснулось лица, а к горлу подступил мгновенный приступ тошноты. Даже, кажется, повеяло тухлым мясом — хотя Тео знал, что это иллюзия, человек не может учуять запах распада души, для этого надо быть псом-трансформом. В СБ, правда, поговаривали, что люди с задатками Хозяев повышенно восприимчивы к таким вещам… Быть может, это действительно так. Не важно. Главное, подумал Тео, пес был прав и лось был прав. Мы тут не зря, совсем не зря.

— Спускайте собак, — приказал Тео. — Здесь все насквозь гнилое.

Феликс отпустил ошейник Сапфира — пес тут же махнул широким прыжком под переливающуюся цветными огоньками арку, за которой звякали и бренчали игровые автоматы. Проводник и двое жандармов кинулись за ним. Тео успел удивиться тому, что в зале игровых автоматов, несмотря на всю суету вокруг, торчат посетители, и успел сообразить, что на электронный покер, приправленный мертвечиной, люди садятся так же плотно, как на героин, — и услышал свирепое рычание Сапфира, человеческий вопль, выстрел и крик Феликса:

— Всем отойти от автоматов — и лицом к стене! Проводится операция по зачистке! Все, Сапфир, нюхай дальше…

— Хорошо, — сказал Тео. — Там справятся. Рон, Эд — за мной, наверх! Гарик, ищи.

Жандармы распространились по холлу, с пистолетами на изготовку, заглядывая за углы и колонны так, будто ожидали вооруженного сопротивления. Рядом с капралом Урманом стелилась Весна, пригибаясь к самому полу и внюхиваясь; жандарм походя потрепал ее по голове.

Тео, Рональд и Эдвин, тоже вынув пистолеты, побежали к лестнице. Гарик лихо заскочил на лестничный марш, но вверх почти пополз, вытирая стену боком и едва не касаясь животом ступенек. Его избыточные уши не умели настораживаться, как у кровной ищейки, висели вниз. Он мог поставить стоймя одно только левое ухо, когда прислушаться было очень важно, и теперь левое ухо торчало вверх, а морда выражала мучительное напряжение. На первой операции всем бывает страшно.

— Ничего, ничего, Гарик, — сказал Тео ласково, слегка подталкивая щенка. — Мы тебя прикроем, ищи, ищи…

На втором этаже стояла тишина. Тут располагался ресторан «Элизиум», но, судя по табличке на стеклянных дверях, открывалось это заведение с четырех часов пополудни. Через стекло ликвидаторы увидели роскошную композицию из искусственных растений, между которыми бил крохотный фонтан, и уходящий в некую даль громадный зал, полный круглых столиков и стульев с никелированными спинками.

— Здесь никого нет? — спросил Рональд.

Гарик робко вильнул хвостом, кивнул и так же по-пластунски вскарабкался на следующий марш. Ликвидаторы шли за ним, вынужденно подстраиваясь под его весьма невысокий темп.

— Лучше было бы Весну взять, — сказал Эдвин с досадой.

— Не надо, — сказал Тео. — Где-то там Рамон, он сейчас найдется и нам поможет, а Весна нужна жандармам.

Гарик быстро взглянул на него — и вдруг тявкнул, выпрямился и вихрем, через три ступеньки взлетел к дверям на третий этаж.

Ликвидаторы понеслись за ним, снимая пистолеты с предохранителей: теперь даже люди услышали шум. Миг спустя стук быстрых шагов заглушил яростный лай, вопли, выстрел — и ликвидаторы втроем ввалились в коридор.

Ошалевший человек, одетый, как клерк, с пистолетом в трясущейся руке, едва не сбил с ног Рональда — но уже в следующее мгновение был обезоружен и поставлен к стене с поднятыми руками. В коридоре чудовищно воняло тухлятиной. Мертвяк в хорошем костюме распластался на бордовой ковровой дорожке с растерзанным горлом, уже совершенно зеленый, в пятнах распада; рядом валялся пистолет, а вокруг растекалась гнилая черная кровь. Третий, выглядящий, скорее, не клерком, а подсобным рабочим, лежал шагах в шести от трупа — Рамон в человеческом виде, рыча, прижимал его к полу, заломив руку правильным захватом.

Рональд тут же закричал в рацию, что СБ просит жандармов срочно подняться на третий этаж, а Тео защелкнул наручники на запястьях у клерка, задержанного Рамоном. Гарик, возбужденно крутя хвостом, подбежал ближе и дал Рамону понюхать себя в нос. Это выглядело забавно: дружески обнюхались Гарик в виде зверя и Рамон в человеческом облике, стоя на четвереньках. Тео присел рядом — и Рамон привалился к его плечу и ткнул носом в щеку.

Нос показался слишком теплым для трансформа. На шее пса Тео увидел обеззараживающий пластырь, пропитанный засохшей кровью, над локтем в шкуре виднелась длинная прореха, будто прорванная гвоздем, с кровоточащим рубцом во всю длину дыры — след царапнувшей пули. Надо ветеринару показать…

— Замечательный пес, — сказал Тео, гладя Рамона по голове. Жандармы уже топали по лестнице; Гарик уселся рядом, стучал хвостом по перилам. — Отличный пес… Хочешь печенья, старина? Любимое твое… Шея сильно болит? Врача позвать?

— Нет, не очень. — Рамон взял печеньину губами, мигом проглотил, заглянул Тео в лицо. — Я так ждал, когда вы придете… устал немножечко и голодный… А почему вы здесь? Почему не внизу?

— Я видел тебя в окне третьего этажа, — сказал Тео. — Что там за помещение?

— Офис. — Рамон взглянул, как жандармы уводят арестованных, как рассредотачиваются по этажу, вздохнул. — Там компьютер, я его включал, но у меня не получилось подключиться к Сети. Пароль стоит.

— Компьютер? — слушавший разговор жандарм немедленно сделал стойку. — Ольгерт, — сказал он в рацию, — немедленно компьютерщика сюда. Кое-что интересное…

— Меня это тоже интересует, — сказал Тео. — Капрал, скажите компьютерщику, пусть дублирует данные для СБ. Особенно базы отдела кадров. Похоже, здешний персонал…

Рамон подергал его за рукав.

— Рамон, отстань на минутку. Я говорю, отошлите в СБ все адреса, телефоны, номера удостоверений личности, какие найдете…

Рамон подергал сильнее.

— Да в чем дело, Рамон? — Тео подавил раздражение. — Что за щенячьи выходки? Сидеть!

— Тео, вам надо вниз, — сказал Рамон. — Там у них собаки, которым дают наркотики и приказывают драться друг с другом. Они больные, отравленные. Там охрана полумертвая, а главный — совсем мертвяк. Битер. Господин Битер. Я его сейчас не чую, но хорошо запомнил.

— Вот как? Отлично, молодец. — Тео тут же перестал раздражаться и потрепал Рамона по спине. Клад, а не пес, никогда о службе не забывает, информация ценная. — Пошлите людей вниз, — сказал он жандарму. — В подвал. В подвале ведь держат собак, да, Рамон?

Рамон кивнул и принялся облизывать длинный рубец, оставленный пулей на его руке. Жандарм повторил в рацию указания о подвале.

— Подвал под контролем, — отозвались из рации сквозь шипение и треск: толстые стены подвала с трудом пропускали сигнал. — Тут наши и спецы, все в порядке. Сторожей и уборщика арестовали. Тут целый зверинец, шестнадцать собак, один, похоже, волк, все бешеные от допинга. Зоопсихолог спецов говорит, надо отстреливать…

— Как — отстреливать? — выдохнул Рамон и вскочил. — За что? Они же там как в плену!

Гарик перестал вилять хвостом. Оба пса уставились на Тео так, будто ждали немедленных действий. Тео рассеянно погладил Гарика между ушей и встал.

— Рамон… послушай. Их жаль, конечно, но ты же слышал — они бешеные. Тут, похоже, ничего не поделаешь…

Верхняя губа Рамона дернулась, обнажая клыки. Тео щелкнул его по носу:

— Ну что это? Рычишь?

— Хольвин приехал? — спросил пес хмуро, почти злобно.

— Да, на улице, с рысью возится…

— Пойду к Хозяину, — сказал Рамон, мотнул головой и ринулся вниз по лестнице, изменив облик чуть ли не в прыжке. Гарик поскакал за ним.

Жандарм инстинктивно шарахнулся с дороги — он, похоже, побаивался собак. Эдвин пробормотал:

— Вот зараза…

— Рамон, стоять! — крикнул Тео. — Стоять, я сказал! Куда?! Гарик, стоять!

Гарик на миг притормозил, оглянулся, но тут же помчался дальше. Рамон даже ухом не повел. Минуту спустя собак уже было не слышно.

Тео стукнул кулаком по перилам. Рональд засвистел в ультразвуковой свисток, вызывая служебных псов, но отозвалась только Весна — прибежала откуда-то снизу, ухмыляясь во всю пасть, и уселась у ног Рональда, изображая стопроцентную боевую готовность. Тео сердито сказал:

— Проверяйте этаж с Весной. Я спущусь… бес сумеречный… взгляну, что там такое…

Ликвидаторы переглянулись и кивнули. Тео сбежал по лестнице в холл. На душе у него снова было скверно, как вчера вечером, когда взгляд лося вызвал приступ стыда. *Дурею на этой работе,* думал он. *Становлюсь машиной для выслеживания. Там, внизу — семнадцать несчастных зверюг, их собираются убить, а я, похоже, этого почти не осознал. Я принял к сведению только, что подвал зачищен и мертвяков там нет. Хольвин бы так не сделал, вот поэтому Хольвин Рамону Хозяин, а я, хоть мы и работаем вместе уже четвертый год, только проводник. В лучшем случае — товарищ.*

Поэтому в критический момент можно меня не слушаться, несмотря на всю тщательно воспитанную дисциплину. Вот Хольвина не слушаться нельзя. Он никогда не забывает, что все вы — живые, что вам может быть больно и страшно, а я забываю…

Ну и дурак…

Холл выглядел пустынно. Сапфир сидел на выложенной на полу в центре холла звезде и морщился. Его роскошную голубовато-серую шкуру кровной ищейки почти сплошь покрывали брызги гнилой сукровицы; он брезговал чиститься — ждал конца операции, когда проводник его помоет, а пока Феликс обтирал его бумажными салфетками и бросал грязные в мраморную урну. Пара жандармов охраняла вход в здание, все остальные разбрелись по этажам. Тео послышались далекие хлопки выстрелов.

Стеклянные двери распахнулись, как только Тео на них взглянул. Хольвин вбежал в холл, сопровождаемый Гариком, и даже не остановился при виде Тео, только махнул рукой.

— Почему не слушаешь псов? — бросил на бегу. — Живые — самое главное, несмотря на ваш устав, Тео. Живые, а не мертвые.

— Почему не слушаешь псов? — бросил на бегу. — Живые — самое главное, несмотря на ваш устав, Тео. Живые, а не мертвые.

Тео кивнул и побежал за ним. Спорить было не о чем.

Гарик пересек холл наискосок, к запасной лестнице, поминутно оглядываясь, но люди и так поняли, куда нужно идти. Тео уже слышал истерический собачий лай и вой — глухую дверь, ведущую в зверинец, оставили приоткрытой. Жандармы обшаривали подсобные помещения в поисках улик; эксперт-медик и эксперт-парапсихик из Службы Безопасности возились с трупами охранника и белокурой женщины в джинсовом костюме. Медик обернулся, когда Тео подошел.

— Это те, кого рысь задрала. Мужик — из гаража, а тетку вроде в зверинце нашли. Оба живые были — характерных изменений в мышечных тканях не наблюдается… В лаборатории, конечно, кровь посмотрим, но…

Парапсихик ничего не сказал; штатные шаманы от хронической неуверенности в себе и в своих

магических способностях вообще предпочитали не излагать своего мнения, а быть у медиков на подхвате. Хольвин вполголоса выбранился и вошел в зверинец. Гарик прижался к ногам Тео, заложив уши и поджав хвост, — его шокировало увиденное.

Кроме пары жандармов в зверинце обнаружились бойцы из спецкоманды. Разложили на столе оборудование, распаковывали коробки с капсулами, обоймы: собирались расстрелять псов инъекциями яда, берегли патроны. Между делом курили и перебрасывались шуточками, имели вид людей, которым особенно некуда торопиться, поэтому работу можно сделать тщательно и без суеты. Жандармы наблюдали с отвращением и тоской, но не вмешивались. Запертые в клетках собаки, похоже, прекрасно понимали, что им готовится — некоторые с безнадежной яростью бросались на решетку, другие забились в углы и скулили… Тео замутило.

Вот-вот, подумал он. *Смотри, смотри, как тут сейчас устроят бойню. Интересно, ты сам-то человек или кто?* Приступ гадливости был так силен, что Тео стоило большого труда не врезать по физиономии ближайшему спецу — молодому полному парню с розовой физиономией раскормленного младенчика. В сторону вошедшего посредника живодеры даже не обернулись.

А Хольвин подошел не спеша и ударил ногой по открытому чемодану с ампулами, отшвырнув в сторону стул, на котором лежала коробка резиновых перчаток. Спецы от неожиданности резко дернулись и оглянулись. Ампулы с дребезгом полетели по полу.

— Ты что, обалдел?! — отшатнувшись, скорее пораженно и испуганно, чем злобно, спросил боец. — Я чуть иглу под ноготь не загнал…

— Мне очень жаль, — сказал Хольвин с вежливой иронией, предъявляя удостоверение. — Я просто подумал, что яд уже списан, и решил помочь вам его уничтожить, чтобы не было проблем с отчетностью. Надеюсь, вы понимаете, что никто не вправе убивать животных, если на месте происшествия Посредник?

— Да что вы, господин Посредник, — пробормотал второй спец, углядевший Бабочку Лиги, а оттого резко изменивший тон. — Жандармерия все зафиксировала и описала. Шестнадцать собак, один волк. Допинг применяли, конечно, звери невменяемые. Что ж делать-то еще? Трупы мы предоставим для вскрытия, так что все будет налицо.

— Трупы, значит. — Хольвин презрительно усмехнулся. — Трупы — это по вашей части, я понимаю. Только зачем вам тут нужен зоопсихолог? Понаблюдать за отстрелом? Или все-таки займется своими профессиональными обязанностями и попытается пообщаться с животными? Я бы хотел сказать пару слов этому человеку.

— Зоопсихолог ушла, а что? — подал голос первый, тот, что чуть не укололся иглой с цианидом. — Все животные под стимуляторами, почти все ранены… она сказала, что на контакт не выходят. Чего даром мучить-то?

— Дивно. — Улыбка Хольвина стала просто лучезарной. — Так она у вас барышня? Просто восхитительно. Думаю, она могла бы дать хороший совет вашему лечащему врачу, когда кто-нибудь из ваших людей придет на прием с похмелья и с симптомами «асфальтовой болезни». Ведь, по ее мнению, лучший способ лечения — инъекция яда, чтобы бедолага не мучился. Добрейшая барышня.

— Передергиваете, господин Посредник…

— Довольно глупостей на сегодня, — отрезал Хольвин, внезапно становясь серьезным и

жестким. — Запрещаю применять любое воздействие к животным, от имени Лиги. Позовите вашего психолога, а я пока поговорю с этими псами…

— Вот, — пробормотал едва не уколовшийся чуть слышно. — Вот, смотри, вся Лига в одном слове. С псами он поговорит…

— Значит, так, — совершенно помимо воли встрял Тео, — разговоры отставить! Хольвин, я в вашу контору звякну?

И раньше, чем Хольвин кивнул, вдруг с удивлением сообразил, что вокруг стало гораздо тише. Псы, которые только что казались совершенно невменяемыми, примолкли и прислушивались; яростного лая больше не было слышно, кое-кто только скулил и повизгивал.

Пожилой жандарм усмехнулся и покачал головой:

— Смотри-ка, поняли, что ли?

Хольвин пошел к клеткам, и собаки дружно восприняли это как сигнал перекинуться — все, кто мог это сделать. Прижимались лицами к решетке, тянулись к Хозяину руками… Тео горько подумал, что люди не заслуживают собачьего доверия в такой степени — ведь что только не пережили эти искалеченные бедолаги именно от людей…

Древняя собачья вера в Хозяина, однако…

А Хольвин уже отпер ближайший вольер и трепал по плечу громадного кудлатого пса сторожевой породы — Рамон в человеческом облике выглядел бы рядом с ним как танцор рядом с грузчиком — а пес прижимался к нему и бормотал:

— Я пить хочу, дай мне воды… у меня живот болит… возьми меня отсюда, а? — всхлипывал и лизал Хольвину руки, хотя трансформы обычно ведут себя, будучи людьми, более очеловеченно. — Ты меня возьми, я кого угодно убью за тебя, только возьми, ладно?..

Еще двое из соседних вольеров, сторожевых, совсем молодой кобелек, бурый, с лихой челкой и глубоким красным рубцом через все лицо, и плотная рыжая сука, цеплялись за решетку пальцами, скулили и причитали:

— Хозяин, Хозяин, сюда-то погляди!.. Хозяин, а я? А как же я?

Прекрасный пес настоящей бойцовой породы, молодой, гладкий и плотный, весь упругий, восхитительно красивый, украшение любой выставки, стоял на коленях, прижимая к ржавым прутьям осунувшееся круглое лицо с курносым носом и резкими морщинками у рта, плакал и то ли скулил, то ли взлаивал, как щенок:

— Хозяин, у меня все болит, так болит! Дай мне лекарство, дай, сделай, чтобы не болело, а, Хозяин!

Парнишка из жандармов, юный охламон с неприличной какой-то родинкой на щеке и еще детскими глазами, не выдержал, подошел — и задатки у него, вероятно, были совсем неплохие. Бойцовый пес спрятал мокрое лицо в его руки и умолк, только всхлипывал, а жандарм присел на корточки, оглаживал его и приговаривал:

— Сейчас доктор приедет… тебя доктор посмотрит. Подожди чуточку, сейчас принесут лекарство…

Эта сцена, похоже, подбодрила псов. Только волк не перекинулся, не заглядывал людям в лица и не звал Хольвина — он забился в угол клетки и мрачно смотрел оттуда холодными желтыми глазами.

Гарик тем временем прижался спиной к дверям; вся его поза — прижатые уши, влажный трагический взгляд, поджатый хвост — выражала такой явный ужас, что Тео не выдержал:

— Хольвин, — окликнул он, — ты тут справляйся, а я пойду наверх. Тут ни рация, ни мобильник не берут, а надо же в Лигу позвонить, чтобы ветеринара прислали… Гарик, фьють…

Хольвин, не оборачиваясь, кивнул. Гарик выскочил за дверь вслед за Тео с таким откровенным облегчением, что и самому Тео стало легче.

Осмотр здания подходил к концу. Жандармы и ликвидаторы дружно курили, несмотря на традиционный запрет, и обсуждали дневные перипетии в сером холле. Даже убогое человеческое обоняние еле выдерживало смесь сигаретной вони и вони гнилого мяса: у стены лежали шесть больших черных пакетов с яркими желтыми наклейками «Подлежит обязательной кремации». Трупы людей, убитых рысью, уже увезли в судебный морг, для мертвяков же ожидали специализированный транспорт. Эксперт-медик СБ, железной выдержки и с железным желудком человек, ухитрялся есть в этой обстановке сосиску в тесте; рядом с ним сидели Сапфир и Весна, жевали кусочки той же сосиски и преданно смотрели снизу вверх в надежде на вторую порцию. У Гарика эта троица вызвала живой интерес, он даже облизнулся, но не присоединился к приятелям, остался рядом с Тео.

Тео вывернул карман, нашел еще одну печеньину и отдал Гарику. Потом позвонил в Лигу.

Сразу после того, как он закончил разговор с ветеринаром и сунул мобильник в карман, его окликнул Урман:

— Тео, тебя база данных интересовала? Новость: ребята наверху, в бухгалтерии, накрыли троих, которые уничтожали бумаги. Еще пара должна была в кабинете их босса все уничтожить, но одного твой пес спугнул, а второго порвал, так что документация к нашим услугам.

— Хорошо, — сказал Тео. Он чувствовал себя страшно усталым. — Пришлите в управление, ладно?

— Психологиня спецов рвет и мечет, — сказал Феликс, подойдя. — Хочет с вами поговорить, господин капитан. Считает, что Хольвин ведет себя непрофессионально, но, по-моему, просто злится, что он вмешался… Красивая, блеск…

— С Хольвином ей лучше было не встречаться, — усмехнулся Тео через силу. — Красивые стервы его бесят.

— Не понимаю я, — сказал Урман, вытаскивая пачку сигарет и зажигалку. — Вот хоть убей, этих парней из Лиги не понимаю. Ну ладно, если у женщин здоровье, так сказать, не позволяет, всяко бывает… Но аскеза?! Ради чего? Ради чего себя урезать, да еще в таком деле?

— Лига девственников, — хихикнул Феликс.

— Или онанистов, — сказал Урман и скорчил гримасу.

— Да прекратите вы, — буркнул Тео. Ему не слишком хотелось общаться с красоткой из спецкоманды, и, хотя он-то отнюдь не разделял взглядов Хольвина и далеко не был аскетом, именно сейчас смешки на эту тему его почему-то взбесили. — Забавная же логика! Вроде бы можно трахать кого угодно, хоть резиновую куклу — никто слова не скажет, все понимают, но если человек не хочет во все тяжкие, это ненормально и смешно, да?

Эта тирада тоже вызвала смех.

— Просто глупо из себя святошу корчить, — сказал Урман, закуривая. — Ладно, если так, напоказ, но ведь они же на самом деле, говорят, как монахи в Средние века…

— Это очень вредно, кстати, — вставил жандарм средних лет, прислушивающийся к разговору.

— Где их психолог? — перебил Тео. Его раздражали насмешки над Хольвином, но он не мог придумать, что еще сказать в его защиту.

— Застегните верхнюю пуговицу, господин капитан, — сказал Феликс, улыбаясь до ушей. — Она в администраторской.

— Удачи, — хмыкнул Урман.

Тео пожал плечами и пошел к двери с табличкой «Кабинет администратора». Гарик потянулся за ним, но Тео остановил его и окликнул Феликса:

— Пусть щенок тут побудет, — а в администраторскую вошел один.

— Пошел покорять, — фыркнул вполголоса Феликс за его спиной, но Тео сделал вид, что не расслышал.

* * *

Зоопсихолог оказалась холеной золотистой блондинкой лет двадцати трех — двадцати пяти, в отличном деловом костюме с юбкой, чуть короче офисной нормы, приоткрывающей длинные ноги, и пиджаком, довольно удачно подчеркивающим роскошную грудь. Ее лицо дорисовывал отличный макияж, а неизмеримые ногти покрывал весьма затейливый орнамент, дополненный стразами. Дорогие духи благоухали на весь кабинет.

Тео любезно улыбнулся и поздоровался. Очаровательная девочка, подумал он. Просто удивительно, что она — зоопсихолог, а не менеджер или секретарь в какой-нибудь преуспевающей компании. Зоопсихологи женского пола в Лиге — плотные загорелые девчонки в ватниках или хэбэшках цвета хаки, с обломанными ногтями, без признаков косметики. Духи и дезодоранты раздражают животных, поэтому ими посредницы не пользуются, а их волосы обычно причесаны а-ля «не мешает — и ладно». Это понятно: люди работают. Ведь невозможно представить себе, чтобы дива в таких паутинных колготках и с ногтями такой длины вошла в реальный контакт с животным, более активным, чем плюшевый мишка. Любопытненько…

— Рада вас видеть, капитан, — сказала дива. — Мое имя Лаванда. Я представляю спецкоманду.

— Капитан СБ Тео. Лаванда, вы великолепно выглядите. Просто удивительно, как великолепно.

— Благодарю, капитан.

— Это не комплимент, госпожа. Это я потрясен… Впрочем, ближе к делу. Скажите,

пожалуйста, что там вышло со здешними собаками? Ваши люди уже собирались их усыплять, а ведь псы вполне… ну как сказать? Они все больны, но с ними можно общаться. Сейчас с ними работает Посредник, они вполне такие контактные зверюги…

Лаванда вздохнула.

— Капитан, я все понимаю. Мне тоже жаль этих бедных собак… но их же накачивали наркотиками, понимаете? И они уже, во-первых, наркозависимы, а во-вторых, очень агрессивны. Вы же видите — они уже привыкли убивать. Мне их тоже жаль, но ведь мы с вами не имеем права вот так решить оставить жить этих псов, после наркотиков и после боев. А если они кого-нибудь разорвут? На чьей это будет совести?

— Теперь за это отвечает Лига, — сказал Тео.

Он хотел добавить, что собаки вовсе не проявляли желания разорвать Хольвина и довольно легко общались даже с жандармами, стоило им понять, что убийства отменяются, но Лаванда его перебила:

— Ах, Лига… этот кошмарный дядька, который выглядит, как бродяга? У него в машине рысь сидит, которая уже убила двоих, и он еще псов хочет распустить? С ним вообще разговаривать нельзя… То есть я хотела вас попросить с ним поговорить.

Он хотел добавить, что собаки вовсе не проявляли желания разорвать Хольвина и довольно легко общались даже с жандармами, стоило им понять, что убийства отменяются, но Лаванда его перебила:

— Ах, Лига… этот кошмарный дядька, который выглядит, как бродяга? У него в машине рысь сидит, которая уже убила двоих, и он еще псов хочет распустить? С ним вообще разговаривать нельзя… То есть я хотела вас попросить с ним поговорить.

— О чем? — Тео улыбнулся со всей возможной обходительностью. После этой тирады он окончательно решил, как общаться с Лавандой, и был уверен на двести процентов, что это выйдет эффективно. — Какая вам разница, что Лига будет делать с этими зверюгами? Пусть делают что хотят — на то у них особые полномочия. А насчет отчета — положитесь на меня, красавица.

— Ну да. — Лаванда поджала губы. — А если этот тип в Лигу рапорт накатает? Представляете, посмотрел на меня, как на букашку какую-то, и говорит: «Если на зоопсихолога рычат собаки, то на его образование зря потратили деньги». Он что, гей?

— Хуже, госпожа. Он — аскет. Но Небеса с ним, я сам договорюсь о рапорте. С одним условием.

Лаванда наконец улыбнулась и потупилась. *Ждет, что на ужин приглашу*, подумал Тео. *Может, и вправду пригласить? Пожалуй, не откажется…*

— Итак, условие. Вы сообщаете своему начальству, что животные до выяснения частностей дела переданы в ветеринарную клинику Лиги. Мол, Посредник нашел возможным, то-сё… Ну сами понимаете, так, чтобы больше к этому делу не возвращаться, а?

Лаванда улыбнулась еще завлекательнее:

— Этот Посредник — ваш приятель?

— Он — мой коллега, мы уже давно работаем… ну, почти что вместе, так что я знаю его как облупленного. Если уступить ему зверье, то о всяких конфликтах с людьми он назавтра и не вспомнит. Фанатик.

— Вы уверены?

— Да абсолютно! Это же особая человеческая порода… Ну что, дорогая госпожа, по рукам?

Лаванда повела плечами и хихикнула:

— Ну если вы думаете, что так будет лучше… Хорошо. Меня только эта рысь беспокоит. Надеюсь, ее не выпустят? С Лиги станется. А она уже крови попробовала, может снова в город прийти… за легкой добычей.

— Что вы, красавица, как можно? В поликлинику, для опытов!

Когда Лаванда прыснула, Тео поставил окончательный диагноз. Девочка шикарная, к тому же ей явно жутко хочется пикантного свидания с инквизитором и охотником на ведьм, чтобы потом подружкам хвастаться… Как жаль, что это у нее в одностороннем порядке…

Бесовски тяжело отделываться от таких девочек, если им приспичит. И неприятности они организуют с небрежным изяществом и с легкостью чрезвычайной. Сексуальная кукла… но сочувствовать и жалеть не может в принципе, сам орган для этого атрофирован. Поэтому ей никого не жалко. Такие топят котят, не задумываясь, и говорят, что любят животных через час после убийства. Если зоопсихолог пошел работать не в какую-нибудь контору, курируемую Лигой, а в спецкоманду по отстрелу, такой выбор о многом говорит.

Кандидатка в мертвяки. Два-три удачных контакта с мертвяком — и конец девочке. И вряд ли с этим можно что-то сделать. Ужасно обидно. Действительно прелесть.

— Тяжелая у вас работа? — спросил Тео.

— Ой, не говорите, такие твари попадаются… Я вообще-то люблю животных, у меня дома собачка… не трансформ, конечно. Знаете, мама всегда говорила, что животные в доме — это для ребенка неплохо, если площадь позволяет, но разговаривать с собакой противоестественно. Не зря же наши предки боялись оборотней, они вообще были мудрые. А в институте говорили, что трансформам доверять нельзя, они опаснее, чем обычные животные.

— Вы думаете?

— Знаете, господин капитан, — нежно сказала Лаванда, — я понимаю прекрасно, что в вашей работе без трансформов не обойтись, куда денешься… Постоянно общаться с оборотнями — это так отважно, я восхищаюсь. Но вот когда найдут возбудителя альтернативной смерти…

— Думаете, найдут? — усмехнулся Тео. — А если найдут, то отменят СБ?

— Ну научились же люди лечить проказу там, рак… Психические болезни тоже худо-бедно лечат. Может, скоро найдут этот вирус или что, и начнут выявлять мертвяков на ранней стадии и лечить… Нет, я понимаю, сколько от них вреда, и что они… не совсем уже люди… но все равно стрелять как-то… негуманно, что ли… Если бы можно было вылечить…

О гуманности говорит, подумал Тео. *Здорово. Застрелить живого зверя — это нормально, а упокоить движущийся труп, провоцирующий вокруг любую дрянь, от депрессий до насилия*

и самоубийства — это негуманно. Логично.

— По-моему, это утопия, — не удержался он. — Во-первых, многие ученые считают, что альтернативная смерть — психосоматическое явление, люди не вирусами заражаются…

— Чем же еще?

— Сложно объяснить в двух словах… Это как групповой психоз… Передается на тонком каком-то уровне… К примеру, говорят, что у мертвяков аура гаснет… А во-вторых, есть гипотеза, что мертвяки — это нечто вроде ультиматума природы… Ведь лет триста назад их почти не было, а теперь дня без зачистки не проходит. Чем больше население в мире, тем больше альтернативно мертвых, особенно в больших городах…

— Ах, оставьте, пожалуйста! Это все Лига. Лига все так мило объясняет! Что бы ни случилось, ураган ли, маньяк ли, эпидемия ли — это оттого, что несчастненькая природа страдает, а люди виноваты…

— Ну не совсем…

— Нет, совсем! — Лаванда капризно нахмурилась, ее понесло всерьез. — Все зло, видите ли, от перенаселения! Да где оно, это перенаселение?! Ну, на юге, может быть, на востоке… Но не у нас же! Вон кругом сколько места! Впору говорить чуть ли не о вымирании, а они — перенаселение!

— Ладно, что ж…

— Нет уж, я ненавижу эти разговоры! Люди должны оставлять после себя потомство. Люди — хозяева мира, владыки. У людей же цивилизация, разум, культура, а звери, даже трансформы — только видимость разумных существ. Ну да, живые, конечно. Да мало ли кто живой! Вирусы тоже живые! И мухи — что ж теперь, будем мух охранять? Сокрушаться, если пришлепнешь? Глупо же!

— Оставим, Лаванда…

— Знаете, господин капитан… Я, конечно, напишу, что звери под опекой Лиги и все такое… Но по совести, просто по совести… эта рысь убила двух человек. Эта тварь убила людей. Какое Посредник имеет право ее прикрывать? Да взять рысь и взять человеческую жизнь — кто, по-вашему, ценнее для мира? Зверь или человек, личность?

Человек — это ты, подумал Тео. *Это ты себя считаешь ценнее любого зверя. Перл творения. Совершенство. Создание небес. Ты никогда не поверишь, что ты, перл, тоже животное. Несколько отличающееся от прочих, но и на тебя действуют законы природы, рядовые, банальные законы природы, а не некие Высшие Силы. Дело даже не в том, что ты до самозабвения любишь людей. Дело в том, что ты до самозабвения любишь себя.*

Эту несчастную рысь надо застрелить не потому, что она порвала двоих мерзавцев, которые над ней измывались, а потому, что она могла бы потенциально порвать и тебя. Трансформы отвратительны тебе, потому что они не понимают и не могут понять, что ты — перл…

— Конечно, человек ценнее, — сказал Тео, вставая. — Но простите, красавица, мне надо справиться, закончена ли зачистка. Мне так жаль… вы не могли бы оставить мне телефон? Он может понадобиться.

Лаванда просияла.

— Конечно, — сказала, протягивая визитку, стараясь держать руку так, чтобы легче было оценить маникюр. — У вас такая опасная, такая героическая профессия…

Тео взял визитку и поклонился, держа карточку двумя пальцами:

— Не забудьте отчет, драгоценная госпожа. И не в службу, а в дружбу — экземплярчик бы еще для СБ…

Лаванда кивнула и хотела еще что-то сказать, но Тео снова поклонился и вышел из кабинета. В холле он бросил визитку в урну, где валялись измазанные в гнилой крови бумажные салфетки. Окликнул Гарика:

— Ищи Хольвина. Надо ему сказать, что все в порядке…

Когда Тео вышел, на улице уже закончилось бесплатное шоу для городских зевак.

Уехали представители Лиги, увезли собак и волка в приют для беспризорных животных и ветеринарную клинику. Уехали жандармы и спецкоманда. Увезли арестованных по делу живых людей. Ликвидаторы грузили в служебный транспорт собранные улики и останки мертвяков; на двери Центра Развлечений накладывали печати.

Хольвин не остался в городе — забрал свое зверье и тоже уехал. Рамона пришлось отпустить с ним; псу хотелось домой, отдохнуть и пообщаться с лосем, он попросился в отпуск на несколько дней. Тео отпустил, но пообещал вызвать как только понадобится, показал псу на прощание, как его ценят в СБ и как он нужен. Из трансформов остались дожидаться финала лишь Сапфир, Весна и Гарик, штатные сотрудники. Они в своем собачьем виде сидели и лежали на тротуаре и смотрели, как сворачивает работу Служба Безопасности.

Когда возвращались в управление, Тео взял Гарика к себе на сиденье. Щенок так устал и переволновался за этот день, что подремывал на ходу, тыкался мордой Тео в колени.

Может, взять его себе, думал Тео, машинально поглаживая пса по холке. *Собаки без Стаи и без Хозяина плохо себя чувствуют… а ко мне бы он пошел. У меня, конечно, не хоромы, но и он не волкодав — разместились бы как-нибудь…*

Когда-то хотелось завести пса-чистокровку какой-нибудь редкой породы, чтоб на улице оборачивались и ахали… суета сует. Мелкий человеческий эгоизм. Если ты чего-то стоишь и претендуешь на то, чтобы побыть Хозяином хоть в малой части — возьми к себе бродяжку, вот, приюти своего коллегу. Или кого-нибудь из тех… из подвальных. Если хватит смелости и терпения.

В последнем, впрочем, Тео далеко не был уверен. Но окончательно решил предложить Гарику жить у себя в квартире, а для очистки человеческой совести перед калеками из подвала — найти мразь, которая затеяла эту… бойню.

Есть приметы. Есть досье. И Рамон его обонял. Господина Битера. Генерального директора Центра Развлечений. Мертвого. Ха, альтернативно…

Topreading.ru

Инна Живетьева

ГОРОД ДЛЯ ДРАКОНА[4]

Сжать когтями купол оперного театра, чтобы хрустнул, как яйцо, рассыпался крошевом. Вспороть мосты, точно нити, один за другим — освободить реку. Пыхнуть жаром на вонючие, громыхающие повозки. Разодрать асфальтовую чешую, грязную, в домах-бородавках, — пусть хлынет из порванных труб-артерий вонючая кровь…

Дракон запрокидывает голову к небу, натягивая жилы. Мускулистые лапы сводит судорогой от невозможности прикоснуться к мерзкой каменной нашлепке. Низкий, неслышный человеческому уху вой вырывается из глотки и захлестывает город. Отчаянный взмах крыльями. Вверх!

Драконья ненависть оседает невидимым пеплом, погребая под собой людей.

Лето. Время пива и сахарной ваты, липкой потной жары, сизого дыма над асфальтом, девочек в коротеньких юбочках и крохотных топиках.

Дракон сидит, развалившись, на скамейке, ест мороженое и разглядывает человеческую шушеру, собравшуюся в Первомайском сквере. Шелестит фонтан, ветер сдувает на дракона крохотные брызги. Течет по пальцам растаявшее мороженое.

На другой стороне площади вопит ребенок, желая прокатиться на лошади. Дракон морщится: какой противный писклявый голос. Мать наконец разрешает. Заморенная кобыла вяло переставляет ноги. Поравнявшись со скамейкой, взбрыкивает. Ребенок орет от восторга, мамаша — от ужаса. Дракон ухмыляется и вольнее раскидывает руки по изогнутой деревянной спинке. Подсесть на заманчиво-полупустую скамейку никто не решается. Человечки, конечно, тупее животных, но кое-какие инстинкты у них сохранились.

Жарко. Над фонтаном вспыхивают крохотные радуги. Ротовое отверстие подземного перехода изрыгает воняющую п***о***том людскую массу. Электронное табло на мэрии пугает небывалой температурой.

Еле слышная поступь кроссовок. На плечо дракону падает узкая тень. Он лениво поворачивает голову. Молоденькая дурочка, ошалевшая от внимания сексуально озабоченных сопляков. Было бы на что смотреть: короткие волосы цвета асфальта, узкое бледное личико, маленькая грудь, тощая попа. Ножки… ну, ножки ничего, хорошие. Девица переступает под его взглядом, сейчас уйдет.

Нет, дерзко щурится.

— Разрешите присесть, господин дракон?

Ведьма! Колет под лопатками — крылья рвутся на волю. Ноет челюсть. Дракон торопливо заглаживает языком прорезавшийся клык.

Девчонка, не дожидаясь приглашения, опускается на скамейку, кладет ногу на ногу. А ведь она не природная. Городская. Из тех, что гадают по трещинам на асфальте и ворожат на автомобильные номера.

— Пристав Лиза Горская, ковен Заельцовского района, горохрана.

Клык все-таки приподнимает губу. Дракон цыкает.

— И что же от меня понадобилось ковену?

Лиза постукивает ноготками по крашеной доске.

— Странное дело, господин дракон. Каждую неделю в ночь с четверга на пятницу мы фиксируем всплеск агрессии. Жестокие драки, убийства. Ссоры, несколько самоубийств.

Клыки заострились, ответ выходит шепелявым:

— Люди, что с них взять!

Пристав Лиза Горская смотрит сердито.

— У вас полный оборот, насколько нам известно, раз в семь дней. С четверга на пятницу. Вы ничего не хотите передать ковену?

Дракон зевает, демонстрируя набор зубов.

— Нет.

Кажется, ведьму такой ответ радует.

— У вас был шанс смягчить приговор, но вы от него отказались. — Она протягивает тонкую папку. — Здесь все доказательства. Ковен вправе наложить взыскание.

— Люди, что с них взять!

Пристав Лиза Горская смотрит сердито.

— У вас полный оборот, насколько нам известно, раз в семь дней. С четверга на пятницу. Вы ничего не хотите передать ковену?

Дракон зевает, демонстрируя набор зубов.

— Нет.

Кажется, ведьму такой ответ радует.

— У вас был шанс смягчить приговор, но вы от него отказались. — Она протягивает тонкую папку. — Здесь все доказательства. Ковен вправе наложить взыскание.

Дракон папку взял, но перебирать вложенные в мультифоры листочки поленился. Пусть подавятся своими взысканиями.

— И сколько же?

— Тридцать лет.

Чтоб оно им поперек глотки встало! Драконы живут долго, очень долго, но лишиться тридцати лет из-за каких-то людишек!..

— Это еще не все. — Ведьма старательно смотрит ему в лицо. — Месяц ареста истинной личины.

В горле запершило. Дракон кашляет, сплевывает сажу. Дрянь! Нечисть городская! Пальцы сгибаются, готовясь выпустить когти.

— Приговор начинает действовать с этой минуты.

На месте клыка ноет пусто место.

— В течение месяца вы будете находиться под наблюдением.

Лиза уходит, лавируя в толпе. Дракон трогает языком крохотный зуб, смотрит в спину девчонке. Ей очень хочется обернуться, очень… Ведьма передергивает лопатками.

Ольга Дмитриевна, гремя ключами, закрывает дверь. На лестничной площадке стоит огромная сумка на колесиках. Пахнет нафталином.

Дракон удивлен.

— Уезжаете?

— Да вот, подруга позвала. Она у меня в Кудряшах живет. Звонит, приезжай, дескать. Хоть на завалинке вместе посидим, молодежи косточки перемоем. — Соседка дребезжаще смеется.

— А Филимон как же?

Толстый рыжий кот, как и все прочее зверье, его не любит. Дракон же относится к нему с уважением. Не каждая псина решится гавкнуть, а кастрированный Филимон при встрече шипит и топорщится, точно ершик для унитаза.

— Племянница присмотрит. Не моя, Викторовны. Кошек, говорит, любит.

Странно, он не заметил ее сразу в полутемном углу лестничной клетки. Совсем нюх потерял.

— Здравствуйте, — говорит пристав Лиза Горская тоненьким благовоспитанным голоском. Примерная внучка, гордость любой бабушки.

— Вечер добрый, — иронично приветствует ее дракон. — Не знал, что вы любите животных.

— Так вы знакомы? — радуется Ольга Дмитриевна. — Вот хорошо!

Лиза решительно перебивает старушку:

— Пойдемте. Пробки, можем на электричку опоздать.

— Да, конечно. И кто их придумал, эти пробки? Вот раньше, помнится…

Дракон закрывает за собой дверь, отрезая голоса.

Комната — маленькая коробка. Давит потолок, сжимают стены.

На волю!

Утробный вой, слишком мощный для человеческого горла. Болят надсаженные связки.

Испуганно хрипят часы, отсчитывая удары. Всего лишь два. Мало! Ночь бесконечна.

Боль скручивает спину, ломает, но крыльев нет. Истинная личина под арестом.

Приступы следуют один за другим, заставляя выгибаться, упираться в пол затылком и пятками.

В небо! Нет крыльев…

Бетон, камень, цемент — дракон задыхается. Слабые человеческие пальцы царапают ковер. Тело покрыто липким п***о***том. Знобит.

Утро медленно поднимается, вытесняя темноту.

Дракон лежит на спине, смотрит в потолок. Нет сил отползти в ванную.

Так будет еще три раза. Каждый четверг месяца, запрещенного для полетов.

Он поворачивает голову и щерится в стену. Пристав Лиза Горская тоже не спала. Ведьма все слышала.

В офис он не идет, сказавшись больным. Лежит на диване, бездумно щелкая пультом от телевизора. Медленно отходят растянутые мышцы.

А ночью — любимый, вымечтанный сон.

Кружит в пустоте космоса теплый шарик-планета, весь в россыпях зеленых огней. Покрупнее — ведьмы, природные и новые. Сила их велика, огни пульсируют часто, тревожно. Но десяток ведьм туда, десяток сюда — картина не изменится.

Крохотными светлячками сбиваются в стайки домовые и лешие, мостовые и метрошные, болотные и водяные. Этих хоть сотнями гоняй с места на место.

Равновесие.

Дракон ухмыляется, глядя на яркие, режущие глаза огни. Их мало, по пять штук на континенте. Атланты магического мира, прикованные к своим постаментам. Место для каждого тщательно вымерено. Умереть, отдав себя земле, — пожалуйста, улететь — нельзя.

Дракон разминается, расправляет крылья — и поднимается в небо. Теплый вонючий воздух сменяется чистым, холодным. Выше, выше… Невидимые цепи натягиваются. Взмах крыла, рычание сквозь зубы. Еще! Ну же!

Хрустят кости, пластами сходит чешуя. Красные вспышки перед глазами. Выше!

Цепи лопаются. Дракон ревет во всю глотку, свечкой взмывает вверх. Потоки ветра хлещут город, срывают линии электропередачи и рекламные щиты. Лопаются стекла, железными лохмотьями топорщатся крыши. Вьются зеленые огни, но им, крохотным, не залатать дыру, не

Topreading.ru

удержать силу. Гибнут ведьмы, захлебнувшись пустотой. Пространство свивается воронкой, тянется за драконьим хвостом.

На месте города — черная перепаханная земля. Дышит, освобожденная…

Сон, как обычно, приводит в хорошее расположение духа. В выходные дракон валяется на пляже, грея в песке надсаженную спину.

В понедельник открывает глаза за пару минут до звонка будильника, быстро одевается и уезжает в офис. Сегодня босс будет стоять в дверях с часами в руке и горе тем, кто посмеет опоздать. Он ухмыляется. Смешно, но за глаза сотрудники называют его Драконом.

День, занятый делами — пятничными и сегодняшними, — проходит удивительно быстро. На лестничной площадке перед своей квартирой дракон останавливается, слушает. У соседки тихо. Наверное, пристав бдит только одну ночь в неделю.

Вторник и среду дракон работает как проклятый.

В четверг мимолетно жалеет, что у него не человеческий метаболизм. Можно было б напиться, но ведь не поможет.

Медленно гаснет день. Дракон сидит на кухне, сгорбившись, и тихо кряхтит. Болит живот, выламывает позвоночник. На лбу выступают крупные капли пота.

Дракон представляет, с каким удовольствием он долбанет хвостом по крыше мэрии, когда истечет срок. Там, под видом мелкого отдельчика, одного из многих в бюрократической свалке, обосновался городской ковен.

Чай кажется горьким, дракон срыгивает, и в этот момент в прихожей брякает звонок.

Жаль, нет клыков, хоть бы оскалился в свое удовольствие. Он знает, кто стоит за дверью.

— Что, пристав не дремлет?

Лиза отводит глаза.

— Я же все слышу.

— Не сомневаюсь. — Дракон вежливо наклоняет голову и разглядывает ведьму сверху вниз.

— Не сомневаюсь. — Дракон вежливо наклоняет голову и разглядывает ведьму сверху вниз.

— Я могу помочь. Снять боль. Я умею.

Искушение послать к черту — пусть мучается, слушая за стенкой! — слишком велико. Но дракон уже вышел из того возраста, когда красивый жест важнее собственного здоровья.

— Проходите, — сухо разрешает он.

На закате было лишь предвестие боли. Ломка начинается в полночь. Дракон ползает по ковру, шипит и судорожно выгибает спину. Лиза стоит на коленях и пытается его удержать, вцепившись в плечи.

Темно и тошно.

Дракон приходит в себя. Измученная спина прижата к ковру, голова лежит на чем-то теплом, не очень удобном, но приятном. Сильные пальцы разминают виски. Он открывает глаза. Ага, что-то теплое — Лизины колени. Ведьма вымученно улыбается.

— Уже утро.

— Я заметил. Но все равно продолжайте.

Пальцы выдавливают последнюю боль. Хочется мурлыкать, и чтобы почесали за ухом. Попросить? Дракон вздыхает. Ничего не выйдет.

— Скажите, Лиза, вы же ведьма. Что вам до людей, почему вы их защищаете?

Давно было любопытно, но все как-то не встречалась сотрудница ковена, готовая ответить.

— Я городская ведьма. А без людей город мертв.

Дракон поерзал лопатками по ковру.

— Продолжайте, что ж вы остановились? Хм… А разве мертвый город хуже? Мне кажется, совсем наоборот. Вы только представьте…

Ведьма вскакивает так быстро, что дракон стукается затылком об пол.

— А что я такого сказал? — лениво интересуется он. Боль ушла, и одним четвергом стало меньше.

Глаза у Лизы огромные. Смотрит, точно на первейшего преступника. Злодея всея веков.

— Вы… — Губы дрожат. Не понятно, то ли обругать хочет, то ли заплакать. — Вы… не смейте! Город, он такой… живой. Дышит, растет, говорит. Он… Пустой — это страшно! Это как…

Слов у нее не хватает. Ведьма убегает. Гулко хлопает дверь.

Снова четверг.

Дракон стучит в стенку. Говорит, чуть повысив голос:

— Соседка, пошли чай пить.

Из-за бетона сочится недоумение.

— А что, раз дракон, то водку глушить обязан? Или коньяк смаковать? Я чай люблю. С вареньем.

Не идет. Затаилась.

Окно заливает темнотой. Дракон пьет чай, постукивая зубами о край чашки. Снова знобит, и он накидывает плед. Любимое смородиновое варенье кажется кислым, точно в него натолкали лимон.

Звонок отдается вибрацией в висках и позвоночнике.

— Твою мать!

Неловко поставленная чашка падает. Разлитый чай капает со стола.

Звонок повторяется.

— Да иду я! — кричит дракон.

Болит гортань. С трудом сгибаются колени. Пока дотащился в прихожую, взмок.

На пороге — Лиза. Смотрит виновато. Губы шевелятся. Дракон сквозь гул в ушах разбирает:

— …сказала, можно пользоваться. Малиновое.

В руках у ведьмы — банка с вареньем.

— Проходи.

Дракон плетется обратно на кухню, волоча плед по полу, точно хвост. Он кажется себе очень старым. И облезлым.

Легкие шаги, сбивчивые извинения. Дракон смотрит через плечо. Пристав Заельцовского ковена напугана и смущена.

Смешно. Даже перестает крутить позвоночник. Как, оказывается, мало надо — всего лишь ополовинить боль.

— Спасибо, — говорит дракон и забирает у Лизы банку.

Стекло нагрелось в ее ладонях. Его пальцы, сведенные судорогой, оттаивают.

Дни нервные, суетливые, точно людишки в час пик. Зам робко интересуется, не желает ли босс сходить в отпуск, развеяться. Рявкнул на него.

Вечера длинные, резиновые. Тянутся, тянутся, еле переползают полночь.

Скоро четверг.

Что же вдруг меняется? Чего не хватало до того? Пятнышка варенья на губе? Слизнула, язык розовый, как у отважного Филимона. Почему не замечал раньше: серая радужка обведена рыжим? Не видел, как отводит с лица непокорную прядку волос. Что изменилось?

Вопросы, на которые не может ответить даже дракон, а ведь они живут очень долго.

Лиза испуганно смотрит ему в глаза. Встает, задевая коленом стол. Звякает чашка,

выплескивая на блюдце остывший чай.

— Я пойду, господин дракон. Мне еще писать отчет в ковен.

Дерзит. Намекает, мол, я — твой охранник.

Никто не знает, почему вдруг все меняется. Даже городская ведьма, которая умеет гадать по цвету светофора и видит будущее в радужных разливах бензина на поверхности лужи.

— Не провожайте меня, я помню дорогу.

Щелкает замок.

Дракон уходит в комнату, ложится на диван.

Бетонная стена. Ненадежная перегородка, извращение панельного строительства. Мечется за ней изумрудный огонек, не находит места.

— Лиза, — говорит дракон.

Огонек замирает.

— Ты же все поняла.

Исчез огонек. Скрылся в лабиринте комнат, отгородился дубовым шкафом. В шкафу — пожелтевшие от времени простыни, подписное издание Толстого и семь фарфоровых слоников, от большого к крохотному. Задрав хоботы, слоны идут за счастьем.

— Лиза.

Наивные слоны.

Болит десна, готовая выпустить клык. Сводит позвоночник зародышами крыльев. Дракон обводит взглядом офис, и сотрудники торопливо утыкаются в мониторы. Слышно пощелкивание клавиш. Наверняка обсуждают по аське, что это с боссом.

Дракон поднимается с кожаного кресла, небрежно бросает заместителю:

— Я уехал, сегодня уже не вернусь. Звонить, только если важное.

Машина заводится сразу. Низко гудя, выруливает со стоянки. Перед драконом асфальтовая река, перекрытая дамбами светофоров. Машина взревывает, разгоняясь. Иногда кажется, что это похоже на полет.

Но только не сегодня.

Дракон ухмыляется, глядя на себя в зеркало. Нелепо торчат клыки. Вот бы махнули полосатой палкой, заставляя прижаться к обочине. Хохочет во все горло, представляя картинку.

Срок наказания истек.

Topreading.ru

Лиза должна была уехать еще утром. Ей больше нечего делать в этом доме. Но в квартире кто-то есть. Наверное, Ольга Дмитриевна кормит Филимона свежей вырезкой и причитает, мол, похудел бедный котик.

Дракон замирает на лестничной клетке. За дверью из прессованных опилок мечется зеленый огонек.

Палец касается пупырышка звонка. Чуть сильнее надавить, и зальется истеричный сигнал. Дракон опускает руку. Каждый должен решать сам.

Долго достает ключи, звенит ими. Дверь за спиной остается неподвижной.

По-летнему медленно темнеет небо. Тусклыми звездами загораются фонари. Затихает рев механических повозок. Дракон, морщась, доедает варенье. Его подташнивает от приторной сладости.

Часы отбивают полночь. Все, можно лететь.

В доме напротив гаснут окна. Свистит ветер, запутавшись в проводах. Хлопает занавеска, пытаясь сорваться с гардины.

Предчувствием удара гудит корпус часов. Еще тридцать минут.

Ноют мышцы, тянет — пора. Дракон решительно встает, снимает рубашку.

В дверь коротко звонят.

Какой у него, оказывается, длинный коридор.

— Проходи… соседка.

Лиза перешагнула порог.

— Я зашла попрощаться.

Дракон поворачивает на кухню. Ей приходится идти следом.

Колышутся занавески, надуваются крыльями. Рубашка беспомощно раскинула рукава. Тоже, наверное, взлетать хотела.

— Срок наказания истек.

— Еще утром, — напоминает дракон.

Ведьма переминается у стола, не решаясь ни сесть, ни уйти.

— Пристав Лиза Горская, вы ничего не хотите мне сказать?

Драконы живут тысячу лет. Почему же конкретно этот старый дракон волнуется, словно вчера вылупился из яйца?

Девушка мотнула головой.

Topreading.ru

— Лиза.

— Нет. Я только попрощаться.

У дракона дергается губа, приоткрывая клык.

— До свидания. Процедуру затягивать не стоит, мы скоро увидимся.

Ведьма смотрит с надеждой.

— Почему?

— Думаю, ковену придется наложить на меня еще один штраф.

Дракон отворачивается к окну. Там ворочается монстр в асфальтово-бетонной шкуре. Пальцы заостряются когтями.

— Но зачем?!

Он пожимает плечами.

— Я — дракон.

— Тридцать лет…

— Драконы живут долго.

— Но они тоже умирают!

На спине дергаются мускулы, из последних сил удерживая крылья. Теплая ладонь ложится между лопаток.

— Я не хочу, чтобы ты умирал. Не хочу, чтобы тебе было больно.

Из-за клыков усмешка выходит кривоватой.

— Этого не изменить. Я не люблю город.

…рвануть когтями асфальтовую шкуру, выпустить наружу требуху канализации!

— А меня?

Дракон поворачивается. Лиза смотрит требовательно, словно и не она маялась весь день за дверью.

— Ведьма, ты же знаешь.

— Знаю. Но я — тоже город! Я — его порождение!

— Это забавно, — соглашается дракон.

— Возьми меня с собой в небо.

Дракон хохочет, звякает в шкафчике посуда.

Topreading.ru

— Я не верю в сказки.

— Зато верю я. Меняется все. Ты, я. Город. Неужели ты не чувствуешь?!

Когда смотрят такими глазами, отказать невозможно. Дракон наваливается на подоконник.

— Ляг ко мне на спину и держись за шею.

Как хорошо, что она легкая. Бросок — падают с девятого этажа. Проносятся окна — все больше черные, и только одно яркое, солнечное. Дракон раскидывает руки, ветер выкручивает их, рвет сухожилия, ломает кости — и расправляет крыльями. Пищит Лиза, оказавшись на широкой чешуйчатой спине. Став невидимым, дракон взлетает. Гудят провода, нечаянно зацепленные лапой. С истошным воплем удирает ворона. Дракон закладывает вираж и летит над проспектом.

— Смотри! — кричит Лиза.

Фонари, реклама, фары, окна, светофоры. Город переливается, уродливый, каменный, вытянувшийся вверх, проросший вглубь.

— Смотри же!

Гул работающих телевизоров и приемников, плееров и компьютеров. Голоса. Крики. Смех. Раздражают. Тысячи тысяч человечков в неуютных норках квартир, чего ж им не спится?

Мускулистые лапы напрягаются, выпуская когти.

— Ну смотри…

Сколько их выйдет завтра, чтобы заплатить дань городу? Погибнуть в автомобильных авариях, упасть на рельсы метро, сорваться со строительных лесов? Не жалко. Город породил, город и сожрет.

Дракон хихикает, низко, почти неслышно для человеческого уха. Какая ирония судьбы!

Теплая слезинка падает на бронированную чешуйчатую шкуру.

Еще одно мерзкое порождение — городская ведьма, плоть от плоти.

Его Лиза.

Моя, думает дракон, взмахивая крыльями. Поднимается выше. Уже можно охватить одним взглядом правый и левый берега, соединенные нитями мостов. Проступает сеть улиц, подсвеченная огнями. Крохотными жучками проносятся машины.

— Смотри! — рычит дракон.

Ведьма на его спине замирает.

Горячий воздух, поднимаясь от асфальта, надувает крылья. Забавно — город помогает дракону.

Выше!

Пульсируют артерии огнями, бежит по ним механическая кровь.

— Как красиво, — шепчет Лиза.

Смешно — городская ведьма никогда не видела свой город весь, разом. Никто другой не мог ей этого подарить.

Счастливый дракон летит над рекой. Под левым крылом — левый берег, под правым — правый.

— Смотри!

Впереди темные клубы туч. Дракон врывается в них, разбивая мглу крыльями. На город падает дождь. Блестит асфальтовая шкура, потоки смывают грязь. Дробятся, отражаясь, огни.

Хохочет мокрая Лиза.

На его руке доверчиво спит город. Дышит глубоко, ровно. Пахнет нагревшимся бетоном и духами, грозой и мокрыми крышами. У его города волосы цвета асфальта, они щекочут дракону подбородок. Веснушки — крохотные пятна ржавчины. Темные стрелки ресниц, похожие на провода. Узкие ключицы, изящные, точно старые улочки. Родинка на плече, как медная монетка, выброшенная в фонтан. Чтобы вернуться.

Дракон втягивает когти и осторожно накрывает теплое плечо ладонью. Спи, город. Пусть тебе приснится что-нибудь хорошее.

Наталья Колесова

ЛУННЫЕ ДНИ[5]

Глеб наклонился, разглядывая лежавший как на ладони город. Город жил, светился, мерцал и подмигивал. Манил. Шептал: ну давай, иди сюда, ночь примет тебя в теплые, обтянутые бархатными черными перчатками ладони. А потом тебя приму я. Приму, разобью на множество осколков, их потом не соберет и твоя всесильная Луна. Потому что я сильнее — Луны, человека, волшебства…

Глеб трезво подсчитывал варианты. Он упадет прямо на безлюдный тротуар. Мимо закрытых на ночь офисов народ старается не ходить — держится шумных сияющих магазинов и кафе. Наверное, его и найдут-то только утром. Вернее, то, что от него осталось. Жалеть его некому. Для клиентов он просто пропадет, исчезнет, Кристина его возненавидела. Мать… наверное, уже о нем забыла… Хорошо.

А у Луны появятся другие слуги.

Он взобрался на широкий парапет балкона — город и небо встали перед глазами вертикально, и не поймешь уже — то ли он упадет вниз, то ли взлетит к звездам. Последний раз втянул влажный ночной воздух и закрыл глаза. Всего шаг…

— Молодой человек, может, вы уже прыгнете? А то тут очередь.

* * *

На день раньше.

— Глеб!

Он вскинул голову, махнул рукой и спрыгнул с парапета. Пошел, слегка прихрамывая, навстречу Кристине. Та радостно бросилась в знакомые крепкие объятия. Когда обычного поцелуя не последовало, озабоченно откинула голову, вглядываясь в его лицо.

— Ты… как? Что сказал врач?

— Ты… как? Что сказал врач?

— Все нормально. Все на мне заживает, как на собаке, — отозвался Глеб и криво усмехнулся собственным словам. Знала бы она, насколько это сравнение верное!

— А выглядишь ты… — Она хотела сказать «больным», но передумала. Отряхнула его запыленный рукав, окинула одежду хозяйским взглядом. Серые, мешковатые, рваные на коленях джинсы (такие впору подростку, а не взрослому самостоятельному парню), серая невзрачная футболка. Кроссовки, правда, хорошие, дорогие — но для тех, кто в этом толк понимает. Русые волосы как всегда взлохмачены.

— Глеб! — сказала Кристина укоризненно. — Я же просила тебя подстричься!

Тот, поморщившись, придержал ее руку, пытавшуюся справиться с его волосами.

— Они растут быстрее, чем я успеваю стричься, на одной парикмахерской разоришься…

Кристина дала волю своему раздражению: пропадал где-то месяц (вроде как в больнице), ни ответа ни привета, позвонил пару дней назад, она планировала зазвать его сегодня в гости — познакомить с родителями наконец. Но не в таком же виде его вести! Как докажешь, что он успешный компьютерщик, правда, предпочитающий работать фрилансером? Это, конечно, изменится — наличие семьи предполагает *постоянный* заработок. Да и пропадание в командировку на целую неделю в месяц Кристиной не приветствовалось.

— Глеб, ну мы же договаривались — приходишь ко мне на свидание в приличном виде!

Он медленно оглядел себя. Вообще он сегодня какой-то заторможенный. Темные круги вокруг глаз, осунувшийся, бледный… Может, рано вышел из больницы? Да и вообще…

— Да и вообще, почему ты мне не позвонил, когда попал в больницу? Я бы тебе передачки носила.

— Передачки… — Он посмаковал это слово с какой-то издевкой даже. — Передачки. Да, они мне там были просто необходимы…

А если он… наркоман и лежал в клинике? На этой, как ее… реабилитации?

— А ты с чем… Глеб, что с тобой случилось?

— Я… подрался.

— Подрался? С кем?

— Их… было много.

Слишком много. Но он не считал. Он тогда не умел считать. Но зато умел рвать, грызть,

ломать… и даже то, что в некоторых противниках вообще не было крови, его не озадачивало и останавливало. Он дал себе волю впервые за многие-многие годы. И это было так…

— Больно!

Он слишком сильно сжал ее запястье. Кристя вырвала руку, на глазах ее показались слезы.

— Ты что, дурак?! Ненормальный?

Глеб кивнул, отступил и снова присел на парапет.

— Да, Кристь, уж извини — такой я есть. И дурак. И уж ненормальный — точно.

Наркоман? Или… что? Может, он правда псих, и регулярно лечится в клинике? Или сейчас скажет, что «голубой»? У нее полились слезы — самые натуральные, — хотя Кристина могла и сама вызывать их в нужный момент.

— Глебушка, ну ты что… что происходит, скажи! Ты… меня бросаешь?

Вот сейчас сгребет в охапку, прижмет, скажет: «Ты что, сдурела, Кристь, ну ладно, хватит дуться!»

Глеб помолчал. Сказал с тяжелой расстановкой — раньше она не замечала у него такой интонации:

— Я тебя не бросаю. Просто… не могу. Надо, чтобы ты меня бросила.

Псих. Или в драке… может, он кого-то убил в драке? И ему сейчас грозит тюрьма? Или он оттуда сбежал? Или… что?!

Кристина аккуратно вытерла нос. Попыталась улыбнуться.

— У тебя проблемы? Ну расскажи же мне, Глеб! Мы с тобой что-нибудь придумаем.

Только не тюрьма. И не псих. И не…

— Я за тебя боюсь. Понимаешь, бывают дни, когда я… себя не контролирую.

Точно — псих. Или наркоман?

— Почему? Может, надо какое-нибудь лекарство?..

— От моей болезни нет лекарств. — Глеб поднял глаза, отразившие голубое небо. — Их еще не придумали. Понимаешь, Кристь, я…

— Да?

…Глеб проводил взглядом всхлипывающую девушку. Иди-иди, целее будешь.

…Она кричала: «Ну хочешь бросить меня — так и говори! Столько времени на тебя потеряла, все девчонки уже замужем давно, а я вот… слушаю сказки придурка! Даже расстаться не можешь по-человечески!»

Он молча согласился. Не могу по-человечески. Как я могу, если я не… человек.

Topreading.ru

Хотелось выть, но когда Глеб вскинул голову, на него смотрело Солнце. Не Луна.

Но он все же повыл. Негромко. Чтобы не пугать гулявших по набережной людей.

— Молодой человек, может, вы уже прыгнете? А то тут очередь.

И Глеб чуть не свалился.

Качнулся, замахал руками (город и ночь слились перед глазами в одно мельтешащее светящееся колесо), ухватился за стенку, отделявшую балкон от других окон. Медленно присел, опершись ладонями о парапет, с закрытыми глазами переждал резкое головокружение. Так же осторожно спустил на пол ноги. И только потом оглянулся.

Женщина, вышедшая на балкон с бокалом вина в руке, смотрела на него с благожелательным любопытством.

— Передумали? — пожала плечами. — Ну, дело ваше.

Вечер обещал быть скучным. Мила давно уже не ценила многолюдные сборища и эти «здравствуйте-как-поживаете-век-бы-вас-не-видеть» светские беседы. Она сделала пятый круг по залу, прихватила третий бокал шампанского и решила укрыться на балконе. Поднеся к губам бокал, подняла глаза и поняла, что каким-каким, а скучным вечер уже точно не будет…

На парапете балкона спиной к ней стоял парень.

Миле приходилось иметь дело с самоубийцами. С самоубийцами-неудачниками, потому что заботу о более… хм, удачливых брал на себя городской морг. Но вот с самим *процессом* она сталкивалась впервые и теперь застыла, не зная, что предпринять: позвать на помощь, крикнуть «парень, одумайся», ухватить за ноги?

Или просто дать пинка под зад, чтобы одним несчастным на Земле стало меньше?

А язык — как часто бывает у нее в стрессовых ситуациях — сработал сам по себе:

— Молодой человек, прыгайте уже! А то тут очередь.

Длинное мгновение ей казалось, что она все-таки ускорила его падение. Но парень выровнялся — как заправский гимнаст, — отдышался и обернулся. О, если бы взглядом можно было убивать…

Мила безмятежно улыбнулась ему в лицо:

— Передумали? Ну как хотите.

Стресс только сейчас ударил ей в голову, затряслись пальцы. Пришлось сделать большой глоток шампанского.

Парень прислонился задом к парапету и так хмуро уставился на ее ноги, что Мила всерьез засомневалась в их привлекательности. Она не думала, что после ее ухода он немедленно повторит попытку, но следовало все-таки провести какую-нибудь душеспасительную беседу.

Мила подошла и поглядела вниз. Сказала с одобрением:

— Высота подходящая, отличный выбор!

Глеб ощутил абсурдное желание рассмеяться, но спросил грубо:

— Высота подходящая, отличный выбор!

Глеб ощутил абсурдное желание рассмеяться, но спросил грубо:

— Чего вам надо?

Женщина пощелкала пальцами по бокалу — хрусталь запел. Произнесла с легкой укоризной:

— Себя не жалко, пожалели бы…

Он приготовился к тому, что она скажет: «родителей» и заранее ощетинился, но женщина закончила неожиданно:

— …дворников.

— Кого?

— Дворников. Думаете, приятно соскребать с асфальта ваши ошметки? Вы не обдумывали более привлекательные способы самоубийства?

— Повеситься, что ли?

Она наморщила нос.

— Ф-фу… и распухший язык на плечо! Кстати, очень рекомендую заранее сделать клизму: сфинктеры расслабляются и…

— Да пошли вы!..

Глеб метнулся к двери — вернее, хотел метнуться — получилось лишь шагнуть на дрожащих ногах. Оглянулся. Ему показалось, что женщина затаенно улыбается. И потому он буркнул (как и сам понял) с дурацким детским упрямством:

— Думаете, что? Думаете, я теперь передумаю?!

— Да что вы, что вы! И в мыслях не держала. Но все-таки, может, обсудим еще способы, которые вы не опробовали? Вот, например, покажите-ка руки!

— Что?

— Вы решили сигануть с шестнадцатого этажа из-за того, что страдаете глухотой? Что вы меня переспрашиваете все время? — неожиданно сварливо спросила женщина. — Руки, говорю, покажите!

— Зачем?

Глеб нехотя, но все же развел в сторону руки. Женщина поставила бокал на парапет и шагнула поближе.

Сильные, загорелые, шрамов от порезов на запястьях и сгибах локтей нет — значит, по крайней мере не истероид… следов от иглы, «дорожек» тоже не видно… хотя это ничего не значит, наркоманы — они такие, хоть за уши сумеют поставить…

— Ну вот, — констатировала с сожалением, — вижу, вы не опробовали еще одну классику жанра!

— Какую?

— Не вскрывали вены. Кстати, а вы знаете, почему это делается в ванной, заполненной горячей водой?

Она вышла с балкона и пошла вдоль стены мимо медленно варившейся тусовки. Против воли увлеченный абсурдной и какой-то… больной темой разговора, Глеб плелся следом. Войдя в лифт, сказал угрюмо:

— Чтобы тело распарить? Ну, чтоб не больно было резать?

— Учите матчасть, дилетант! — презрительно заметила женщина. — Чтобы кровь не сворачивалась — то есть не остановилась прежде, чем клиент отдаст концы!

Они вышли в душную и влажную ночь. Грозило грозой. Женщина посмотрела в обе стороны пустынной улицы.

— Вам куда?

— Да мне… — сказал Глеб, запихивая кулаки в просторные карманы джинсов и пожимая плечами. Он как-то потерялся — словно все-таки спрыгнул и даже слегка разбился, и пока не мог собрать осколки себя прежнего.

— Ну раз вам все равно, проводите меня! — поняла и велела ему женщина. Не попросила, а именно велела. — Мы ведь не обсудили все неиспользованные вами способы!

Глеб фыркнул:

— А вы что, их все на себе опробовали? Или вы состоите в каком-нибудь… клубе самоубийц?

Женщина широко зевнула и прикрыла рот ладонью.

— Не-а. Я просто хирург и навидалась вашего брата. Да и вашей сестры — тоже.

Она почувствовала, как он вдруг ощетинился — чуть не отшатнулся, — и, покосившись, добавила:

— Если вы боитесь уколов или клизмы — даже не надейтесь, не поставлю. Да и вообще, я уже ушла из медицины.

Через пару десятков шагов парень спросил:

— А вы маг?

— Не-а. А вы?

Первый, второй, третий шаг…

— Нет.

Интересно, откуда вдруг этакая пауза? Сам в первый раз в жизни задумался, не маг ли он на самом деле?

— А кем вы работаете? — рассеянно спросила Мила. До дому было уже рукой подать, и она вдруг внезапно и резко устала. Сегодняшний план по спасению одной души и одного тела она уже выполнила, достаточно.

— Ремонтирую компьютеры.

Женщина остановилась, глаза ее хищно сверкнули.

— А мой можете посмотреть?

— А что с ним? Я больше по железу…

— А мне и надо по железу! Пойдемте, вы же никуда пока не торопитесь? Ну, на тот свет?

— Что, прямо сейчас? Первый час ночи!

Женщина нетерпеливо отмахнулась.

— Если опасаетесь, что я вас «снимаю», даже и не мечтайте! Мне сейчас еще работать, а там… ну идемте уже, идемте!

Она даже ухватила его за рукав, настойчиво увлекая за собой. Это прикосновение — первое за бесконечный день — вдруг включило все остальные органы его чувств. Не то чтобы включило — шарахнуло на все двести двадцать! Глеб почувствовал, какие тонкие и одновременно сильные у нее пальцы, ощутил под ароматами духов и дезодоранта ее собственный запах, разглядел в полумраке двора ее лицо — до самой последней веснушки на скулах…

— Если вы, — сказал он, непроизвольно напрягая руку, — меня отпустите, я погляжу ваш комп.

Она тут же разжала пальцы, продемонстрировала раскрытые ладони.

— Вот! Видите, не пристаю и не держу! Идете?

— Иду.

— Это вы вирус хапнули, — сказал Глеб час спустя, — вот он и глючит. Остальное вроде в норме. Счас полечим…

Скрестив по-турецки ноги, он сидел в кресле перед компьютером и допивал уже третью чашку сладкого чая, который хозяйка ему вместе с бутербродами подсовывала. Принял бы и яд, не заметил — весь в работе. Мила понимала, расспросами и беседами не донимала. Сидела потихоньку на диване, шелестела блокнотами: надо было записать мысль, пока не ускользнула. Да и не только мысль — блик луны на воде, далекое пение… настроение ускользало быстрее, чем сама идея. А без настроения текст становился просто набором слов и штампов.

— Что вы там пишете?

— Ой! — Мила аж подпрыгнула: так бесшумно он оказался рядом.

Парень тут же отступил на шаг. Кривовато улыбнулся.

— С компом все в порядке, можете работать.

— Да? Сколько я вам должна?

— Нисколько.

— Да? — рассеянно повторила она, хищно нависая над клавиатурой. — Ну спасибо!

Глеб помялся. Хозяйка, похоже, уже о нем забыла. Молотила по клавишам, изредка заглядывая в распахнутый блокнот. Длинная светлая челка то и дело падала ей на глаза, и женщина ее машинально поправляла.

— Ну, я пошел?

— Угу, — отозвалась она, не отрываясь от монитора. — До свидания. Дверью как следует хлопните.

Глеб добрел до двери. Постоял, разглядывая ее гладкую металлическую поверхность и представляя, что за ней ожидает. Ночь. Пустота. Сегодня утром он уже все для себя решил, но теперь утро казалось далеким-далеким, а впереди лежала жизнь, с которой Глеб не знал, что и делать.

Глеб опустился на диванчик, стоявший в коридоре, вытянул ноги и уставился в потолок.

…Она наткнулась на него через час, когда брела на кухню за допингом трудоголиков и студентов во время сессии — за кофе. Парень спал на кушетке, свернувшись, словно бродячая собака на холоде. Мила постояла над ним, задумчиво выпятив губы; решила не будить, не трогать. Лишь выключила свет и пледом укрыла.

…Она наткнулась на него через час, когда брела на кухню за допингом трудоголиков и студентов во время сессии — за кофе. Парень спал на кушетке, свернувшись, словно бродячая собака на холоде. Мила постояла над ним, задумчиво выпятив губы; решила не будить, не трогать. Лишь выключила свет и пледом укрыла.

Он не проснулся и когда началась гроза — Мила специально выглянула в коридор. Хотя она и сама прозевала начало: очнулась, лишь когда дом затрясся от особенно раскатистого близкого грома. Распахнув балконную дверь, полюбовалась ревущей ночью — брызги летели на лицо и открытую шею, словно дождь лил не только сверху, а еще и поперек. Мила вспомнила о своем нечаянном ночном постояльце: не сидит ли тот, обалдевший, в темноте, не понимая, что происходит и где он вообще находится?

Несостоявшийся самоубийца спал сном праведника — или младенца — она не знала, который крепче, ибо не была ни тем, ни другим. Все-таки в грозе есть нечто жутко-мистическое, потому что при вспышке молний Милиному богатому воображению чудилось то страшное, вытянутое, оскаленное лицо из фильмов ужасов, сменявшееся лицом мирно спящего молодого человека, то жуткая лапа с длинными когтями, превращавшаяся в расслабленно свесившуюся руку. А шевелящаяся черная шкура оказывалась сбившимся на пол пледом…

В нос лез раздражающий запах сигаретного дыма. Душил. Глеб сел, перхая, как старик. Огляделся, приучая себя к реальности — то есть к пробуждению в чужой квартире.

— С добрым утром! — донеслось из кухни.

Когда Глеб добрел до кухни, хозяйка полуобернулась от раскрытого окна.

— Кофе на плите. Мясо, сыр, хлеб — вон нарезано. Ешьте.

— Спасибо…

Он снова закашлялся — не нарочно, но женщина с иронией подняла брови.

— Мы не курим?

— Как можно дышать этой… гадостью! Вы же врач! Хоть и бывший.

Она пожала плечами.

— Ну, у каждого свой способ самоубийства… — все же затушила сигарету. Села напротив, без стеснения разглядывая его в упор. Подвела итог: — Сегодня выглядите лучше!

Про нее Глеб так бы не сказал. Вчера она показалась ему моложе: утренний свет подчеркнул морщинки на бледной коже и мешки под глазами, свободными от косметики. Женщина безошибочно истолковала его взгляд. Пожаловалась:

— Я обычно к полудню только просыпаюсь, встала исключительно из-за вас!

— Извините, — буркнул Глеб в чашку с кофе. — Уснул как-то. Не заметил.

Хорошо, что она не спросила, почему он не ушел домой. Глеб не смог бы объяснить. Маленький мальчик в здоровом двадцатишестилетнем парне очень боится темноты… прежде всего в самом себе.

Женщина, позевывая, лениво намазывала хлеб маслом, резала на маленькие кубики и кидала в рот.

— А вы кем теперь работаете, раз из медицины ушли? — спросил он, когда молчание сгустилось над столом, точно хмурое сонное облако.

— Не работаю я, — сообщила хозяйка. — Книжки пишу. Кто же это за работу считает?

— А, — сказал он вежливо. — Любовные романы?

— Угу, порнуху. Как звездолет трахается со сверхновой.

— Фантастику, что ли? А как ваша фамилия?

— Эл Тимошина. Читали что-нибудь?

— Вроде нет, — неуверенно сказал Глеб. Книжек он давно в руки не брал. — А Эл — это?..

— Людмила. Мила. Люся, — отчеканила хозяйка. — Кто уж как извратится.

— А я Глеб. А про… магов вы тоже пишете?

— Производственные романы, что ли? Где же ты тут фантастику видишь? Не-а. Неинтересно. А ты имеешь что рассказать?

Рассказать? Как он обратился за помощью к волшебникам, и те радостно и жадно вцепились в занятную новую игрушку, магический феномен, с какого-то перепугу свалившийся прямо к ним в руки? Помнится, он тогда еще собирался жениться на Кристине. А ведь жена не то что девушка, с которой встречаешься, — ее не устроит ежемесячное недельное отсутствие благоверного под семейной кровлей без каких-либо веских оснований. В принципе он мог бы ей врать, и достаточно убедительно (напрактиковался за половину жизни) — но долго продержался бы?

А ведь если подумать, ему в ИМФ, Институте магических феноменов, ничего не обещали. Обследуем. Сумеем понять — конечно, поможем! Ты не против, если к тебе будут применять умеренные меры воздействия? И сами же наворотили таких дел (наверное, меры воздействия кому-то из подопытных показались не слишком умеренными), что он сумел выбраться из запертой лаборатории и потом…

Глеба передернуло.

— Нет, — сказал он и залпом допил остывший кофе. — Нечего мне рассказывать.

Людмила смотрела на него вприщур из-под светлой челки. Не поверила, конечно, но привязываться не стала. Хорошая тетка. Понимающая.

— Ну, Глеб, и чем же вы намерены заняться сегодня?

Выпроваживает. Давно пора.

— Спасибо. Пошел я.

Хозяйка последовала за ним в коридор, встала, зацепив пальцы за хлястики мешковатых джинсов. Наблюдала, как он натягивает кроссовки.

— Какой способ самоубийства, говорю, выберете сегодня?

— Отвалите, а?

Людмила засмеялась.

— Ну пока! Спасибо за компьютер.

— До свидания.

Глеб почти прочел ее мысли: «Нет уж, лучше прощайте!» И то верно.

Она все же не удержалась, глянула из окна вслед. Глеб брел через двор медленно, слегка прихрамывая, засунув руки в карманы. То ли его никто нигде не ждал, то ли он просто не знал, куда идти. Парень обернулся, окидывая взглядом окна: похоже, почувствовал ее взгляд. Чувствительный какой: взгляды в спину чувствует, сигаретный дым его раздражает, а прикосновения выводят из себя… Невротик несчастный.

Мила, как обычно, запоздало обругала себя: да и она не лучше — привела в дом незнакомого, явно сдвинутого парня, он ведь вполне мог порешить ее для компании, а потом закончить начатое… Ладно, все окончилось благополучно, все живы, комп здоров, и она сейчас может с

чистой совестью залечь на часок-другой.

— Мне кажется, или я вас все-таки преследую?!

Глеб обернулся на этот веселый возглас. Перед ним стояла Людмила-писательница.

Стыдно сказать, но он забыл ее фамилию сразу. Тимофеева? Тимошенко? Вот встретил по пути книжный и зашел. Может, увидит знакомую фамилию, вспомнит… Полистает. Не верил Глеб, что женщина пишет про звездолеты и всякие там звездные войны. Наверняка в книжке розовые сопли про красавцев-капитанов и роковых красоток. С кучей ужасающих технических ляпов.

Людмила смотрела на него насмешливо. Глаза голубые, кругло-веселые. Челка стоит дыбом, как у Незнайки из старого мультика.

— Решили проверить, точно ли я писатель?

Глеб отдернул руку от стенда с фантастическими книгами, словно его уличили в чем-то неприличном. Неопределенно повел плечом.

— Ну…

Людмила кивнула. Челка и хохолок на ее голове кивнули еще пару раз.

— Не поверили, не поверили, неверующий вы Фома!

Протиснулась мимо Глеба к книгам (его ноздри шевельнулись, ощутив ее знакомый запах), вытянула одну и победно потрясла у него перед лицом.

— Вот, видите?!

Тимошина. Ну да. Теперь он вспомнил. На обложке — некто в военной форме, видимо, главный герой… во всех отношениях герой, вон и медали, и плечи, и профиль… и красотка тут же присутствует, а как же! И конечно, звезды и звездные корабли на заднем плане.

— Да я вовсе не вашу книжку искал! — попытался он оправдаться. Неловко, потому что авторша снова кивнула и, не глядя, кинула книгу обратно на полку.

— Да и на фиг вам всякую хрень читать!

Глеб торопливо всунул книжку между других томов, на всякий случай запоминая ее расположение (потом посмотрит), и выскочил из магазина вслед за Тимошиной.

Та стояла у дверей. Курила. Глебу не нравилось, когда женщины курят. Впрочем, как и мужчины. Не потому что он так уж за здоровый образ жизни, а потому что табачного дыма не переносит. *Нюх теряется*, уточнил зверь.

Глеб встал поодаль. Подумал и спросил:

— Как там ваш комп?

— Жив-здоров, шлет вам нежные приветы. — Мила покосилась. Глеб смотрел на нее

исподлобья. Глаза зеленоватого бутылочного цвета. Защитного. Гы. — А вы как, нашли какой-нибудь свеженький способ самоубийства? Нестандартненький?

Скривился — то ли она его достала, то ли дым… Мила сделала последнюю затяжку и помахала ладонью у парня перед носом, символически разгоняя сигаретный дымок.

— Не искал.

— Тоже правильно, куда торопиться? Все там будем.

Ну да. Время у него еще вагон и маленькая тележка — аж до следующего полнолуния.

— А хотите кофе? — неожиданно спросила писательница. Так неожиданно, что он даже малость протупил. Людмила рассмеялась: — «Молодой человек, танцевать — не целовать!» Я еще не завтракала, живот подвело.

Не завтракала? Уже третий час дня.

— Опять допоздна работали? — спросил Глеб, идя вместе с ней к кофейне через дорогу.

— Ага. Меня припирает как раз к ночи. Понимаю, что надо дисциплинировать ум и дрессировать вдохновение, но целыми днями болтаюсь туда-сюда, балду пинаю… Давайте сядем здесь, у окна.

Глеб сел. Огляделся. Коричневатые тона, мягкие подушки на диванах. Окно завешано дымчатой занавеской. Кристя любила шумные клубы: гремящая музыка, вспышки света, куча бестолково движущихся тел… Почему *любила*? И продолжает любить.

Людмила заказала, почти не глядя в меню: бывает здесь регулярно. Глеб выбрал кофе наугад. Он и знает-то только что бывает растворимый, а бывает тот, что варят. Остановил Тимошину, склонившую молочник над чашкой.

— Не лейте. Сливки прокисли.

— Да? — Людмила принюхалась к посудине и с сомнением взглянула на официантку. Девушка закатила глаза, но пререкаться не стала — видно, была о том в курсе. Безмолвно и быстро заменила молочник.

— Ого! — сказала женщина с восхищением. — Ну у тебя и нюх! Запросто можешь работать контролером-дегустатором продуктов. Или вообще в парфюмерной промышленности.

Глеб молча пил кофе. К полной Луне обоняние настолько обострялось, что он мог бы трудиться даже собакой-ищейкой. Если б кто сумел на него набросить поводок, понятно.

— А… можно спросить? — спросил он, ставя пустую чашку.

— Вопрос за вопрос! — мгновенно отреагировала женщина.

— Вы только космическую фантастику пишете?

— Пыталась и детективы, но закрутить сюжет пока не удается.

— А вот про… мифических существ? Типа там леших… домовых… оборотней? — Глеб надеялся, что интонация у него не изменилась — ну, типа сидим болтаем ни о чем…

— Сказочную фантастику? Подумывала как-то.

— И что?

— Надо все-таки определиться, какое существо сказочное, а какое просто очень редкое. Для большинства людей вампиры — миф. А вот был у меня знакомый вампир… — Женщина так улыбнулась, что стало понятно — *насколько* знакомый вампир. Глеб некстати подумал, что улыбка у нее красивая. — Как его веселит вся наша литературно-киношная мистика, ты бы только знал! Опять же домовой — я знаю, что он существует, он даже таскает меня за чуб ночью, когда дома грязно, а мне лень убираться — но ведь я его никогда не видела. Это точь-в-точь как с Богом… Ух, верующие меня бы сейчас за такое сравнение просто запинали!

— А оборотней вы тоже встречали?

— Не довелось, — с непонятным ему сожалением сообщила женщина (радоваться надо!). — И даже не знаю людей, которые бы с ними общались. Но тема интересная.

Глеб пожалел, что постеснялся и не заказал спиртного. Хотя хотелось. По этой «интересной» теме у него куча книг, фильмов и закладок в «Избранном». Он по молодости собирал инфу про оборотней, все надеялся, отыщет в этой белиберде хоть что-то, что поможет ему… излечиться. Теперь бросил. Перепевы одного и того же. Может, укусить ее, мрачно подумал он, чтобы она вплотную изучила тему? Так сказать, на личном опыте?

Или это уже не он, а его зверь веселился?

Людмила заглянула в счет и выложила несколько купюр.

— Сколько с меня? — спросил Глеб, вытаскивая кошелек.

Женщина беспечно отмахнулась.

— Да ладно, один кофе! Ты же наверняка студент, я тебя сама пригласила, сама и угощаю!

Она его что, совсем за пацана держит?

— Какой студент, мне уже двадцать шесть! И деньги у меня есть.

То есть на добрый десяток лет ее моложе. А деньги у него действительно есть — в раскрытом кошельке кроме крупных бумажных еще и пара карт. Значит, проблема не в деньгах…

— Ну раз не студент, может, перейдем на «ты»?

— Легко.

— А теперь — вопрос за вопрос! — напомнила Мила уже на улице.

— Ну?

— С чего ты решил сигануть с балкона? Из-за девушки?

Конечно, женщины уверены, что если и стоит кончать жизнь самоубийством, то только из-за несчастной любви. Нет, она его точно за придурочного подростка принимает!

— А из-за чего обычно сигают? Вы же нас… таких много повидали?

— Дурь. Алкоголь. Ссора с родителями. Несчастная любовь. Травля одноклассниками или учителями. Плохая оценка, да-да, и такое бывает, не смотри так на меня…

Мила рассказала ему про шестнадцатилетнюю девчонку, отравившуюся из-за несчастной любви. Едва откачали, девушка тут же прыгнула с моста. Пока собирали по костям, травматологи рекомендовали неудачливой самоубийце выбрать в следующий раз здание повыше — в столице таких много. Чтоб уже врачам не создавать лишнюю работу…

— И что она? Прыгнула?

— И что она? Прыгнула?

Мила пожала плечами:

— В реанимации мы с ней больше не встречались. Или девчонка все-таки передумала или в следующий раз попала прямиком в морг. А ты так и не ответил!

Глеб молчал. Мила поглядела на него сбоку. Между прочим, симпатичный парень, лобастый, глазастый, не очень высокий, крепкий. Жалко, если пропадет сдуру.

— Я… — начал симпатичный. — У меня… Ничего, если я ничего не скажу? — наконец выпалил Глеб.

Мила кивнула.

— Ничего. А я пришла.

И Глеб обнаружил, что они уже у знакомого подъезда. Он вдруг понял, что второй день кружит в этом районе, словно бездомная собака, которую раз подкормили и которая надеется на новую подачку. Сравнение с собакой зверю не понравилось. Тем более что дом у них есть.

— Заходи в гости как-нибудь.

— А сейчас можно? — выпалил он — сам для себя неожиданно. И даже на шаг отступил. И вправду дурак! Теперь она начнет отнекиваться и придумывать вежливые отговорки…

— Да пожалуйста, — просто сказала Людмила. — Но учти, у меня всего второй этаж, тебе не подойдет.

— Для чего не подойдет?

— Для сигания!

— Оба-на! — удивилась Мила.

Третий час ночи. Руки гудят и припухли подушечки пальцев. Перед глазами мерцают буквы. А на диване с подушкой в обнимку сидит Глеб и смотрит в наушниках телевизор.

Увидев, что Мила уставилась на него, стянул одно «ухо».

— Что ты сказала?

— «Оба-на» я сказала! Ты уверен, что я приглашала тебя ночевать?

Теперь стянул оба. Криво улыбнулся. Ух ты, ямочка на щеке!

— Не приглашала. Но когда я спросил, можно я еще посижу, сказала: «Сиди, пока не надоешь!»

Надоесть он ей действительно не успел, потому что она о нем практически забыла. Мила виновато развела руками:

— Ну, это меня Муз навестил!

Встав, потянулась (задралась майка, обнажив белый живот, солярий она, видать, не посещает), подрыгала занемевшими ногами.

— Пошли что-нибудь перекусим?

— Кто-кто тебя навестил? Муж? — спросил Глеб — уже у ее спины.

— У нормальных поэтов-писателей имеется Муза, а у меня — Муз! — крикнула Мила из коридора. — Гуляка, пьяница и лентяй. Но когда он меня наконец посещает — это все равно что пришел настоящий мужик, забываешь обо всем на свете! Знаешь, в моем холодильнике в точности, как в моей жизни — то пусто, то…

Мила распахнула дверцу и закончила через паузу:

— …густо.

— Я жрать… в смысле есть захотел, — объяснил он изобилие, от которого хозяйка дар речи потеряла. — Вот, сгонял в магазин.

— Это ты удачно сгонял! — восхитилась Людмила и принялась метать на стол баночки, сверточки и брикеты.

Похоже, никакой диеты она не соблюдает. Да и трудно соблюсти-то при таком странном режиме. Вгрызлась, не отрезая, в кусок ветчины, сверкнула глазами.

— Ух, вкуснотища!

Зверь заворчал. Зверю женщина нравилась. Она вкусно ела. Азартно работала. Весело оттаскивала Глеба от края балкона.

И пахла — тоже очень вкусно.

У-у-у, нет! Вот этого не надо. Она нам с тобой не по зубам. Во всех смыслах.

— Я… пойду, наверное, — пробормотал Глеб, уставившись на стол, заваленный продуктами, чтобы не смотреть на женщину голодными глазами. Опять же во всех смыслах голодными… Как много, оказывается, подтекста в обычных фразах!

Хозяйка перестала жевать. Удивилась.

— Куда это?

— Ну… домой.

— Ночь на дворе, куда ты пойдешь?

— Ничего страшного.

— Да за такой холодильник можешь и у меня на диване поспать! Ох, боже ты мой, красна девица, не бойся, не собираюсь я покушаться на твою невинность!

Кому тут еще кого надо бояться — это большо-ой вопрос.

Тяжелый час — с трех до четырех. Час Быка… Нет, Быка вроде раньше. Он сказал бы, скорее Волка. Глеб весь извертелся, то переворачивая подушку прохладной стороной, то подбивая ее выше, то уминая площе… Кончилось тем, что вообще зашвырнул куда-то и мрачно уселся на диване. За облаками — он чувствовал — плывет насмешливая Луна. Таится до поры до времени. Знает, сука, что никуда он от нее не денется.

В полнолуние ее власть была абсолютной. Но и сейчас временами — то ли в дремоте, то ли в кошмарах — ему казалось… или все же не казалось? — что он становится… А если это происходит на самом деле? Какого черта он здесь остался?!

Он знал — какого. Он зацепился. Он почти год цеплялся за Институт магических феноменов, за туманное обещание — может быть, получится, может быть, он вернется нормальным к нормальной жизни с Кристей. А теперь вот зацепился за эту женщину, одной фразой стянувшую его с перил балкона. Как будто она может что-то изменить!

Он просто боится умирать — вот и все.

Глеб все-таки заснул. И пожалел об этом.

…Руки и ноги выламывало, выкручивало. Само тело изгибалось под немыслимыми углами, словно стремилось вывернуться наизнанку, показать свое нутро, состоящее из клыков, когтей, черной шерсти… Зверь полувстал, полусполз с дивана, бесшумно скользнул к двери в спальню. Сомкнулись на круглой металлической ручке твердые когти, сжались, царапая филенку…

Дверь открылась беззвучно. Ветер из раскрытого окна полоскал легкую полупрозрачную занавеску. Женщина лежала на кровати на животе, уткнувшись лицом в подушку. Простыня сбилась ей в ноги. На женщине не было даже ночнушки — одни узкие трусики в веселенькую зеленую полоску. Зверь замер в проеме двери, жадно втягивая подвижными ноздрями запах комнаты и запах женщины. Так близко. Горячая. Вкусная. Живая.

Глеб задушенно вскрикнул и зверь, подстегнутый этим криком, бросился вперед…

Мила некоторое время тупо созерцала раскинувшееся на диване тело. Судя по некоторым анатомическим деталям, тело было мужским. Из ее заспанного сознания постепенно всплывало: забитый холодильник… ямочка на щеке…

А, Глеб.

Мила кивнула себе и направилась было в ванную, но опять приостановилась. Как и на

«постояльце», из одежды на ней наличествовали лишь трусы; наверное, следует все-таки одеться, не смущать мальчика. Он же, поди, не геронтофил…

Глеб сквозь ресницы наблюдал за задумчиво топчущейся на месте хозяйкой. Он, конечно, мог бы вообразить, что при виде его мужественного тела та впала в восхищенный ступор. Но Людмила наверняка просто забыла о его существовании. Как вчера: отвернулась к компу — и нет ее.

Зато из-за этой забывчивости он мог вдоволь ее сейчас рассматривать. Настолько вдоволь, что…

Что ему пришлось в конце концов перевернуться на живот. Вспугнутая его движением хозяйка упорхнула в спальню. И правильно. Целее будет.

Но… черт, на ней были трусики в зеленую веселую полоску!

Но… черт, на ней были трусики в зеленую веселую полоску!

Дежа-вю, подумала Мила. Они опять завтракают вместе. Правда, завтрак сегодня пообильнее — из глебовских продуктов. Да и она не пытает парня сигаретным дымом. Мила поднапряглась, соображая, когда же она завтракала с мужчиной последний раз. Да-а-а, даже если сделать скидку на ее плохую память — уже очень давно. Ее мужчины, даже холостые, предпочитали ночевать у себя дома. Будем надеяться не из-за того, что она так оглушительно храпит… Во времена ее молодости это называлось «кинуть палку»: прибежать, трахнуть, перекусить, выпить — и снова в бега. Интересно, как это теперь называется у них? Мила открыла рот — и закрыла. Напугаю парня, еще решит, что тетка его домогается…

— Как спала? — спросил Глеб, глядя в чашку с кофе.

— Как убитая!

Глеба аж передернуло. Входил он к ней в комнату или не входил? А если все-таки просто заглянул… как же этот длинный прыжок, укус в затылок, бьющееся под ним горячее гладкое тело? Глеб быстро заглотил кофе. Это был кошмар, просто кошмар… Простой кошмар — его жизнь.

Оба вздрогнули от длинного звонка в дверь.

— Ни свет ни заря несет же кого-то… — проворчала Людмила и пошлепала босыми ногами по коридору. Глеб машинально взглянул на часы, висевшие над плитой: первый час «ни света ни зари». Быстро он перенял ее режим!

— Привет! — донесся до него бодрый мужской голос.

…И вам здрасьте, кисло подумала Мила.

Олег. Вроде бы все уже обговорили пару месяцев назад, но вот он, как ни в чем не бывало: цветы, улыбка во весь рот, распахнутые руки. Мила отступила, чтобы избежать объятий, Олег принял это как приглашение войти.

— Знаю, что явился для тебя рановато, но вижу, ты уже встала…

— Зачем пришел?

— Соскучился, — просто объяснил Олег, помахивая у нее перед лицом букетом. — Может, возьмешь уже цветы? Завянут.

— Верни назад в цветочный, скажешь — девушка забраковала!

Он великодушно простил ей этот выпад.

— Ну, Люсь, иди сюда, я так по тебе соскучился… Ну хватит уже психовать! Подулась и будет. Я дал тебе время перебеситься. Понимаю, ты натура тонкая, творческая, но всему же есть предел…

— Олег, — устало сказала она, — мы давно все обсудили и обговорили. Не начинай снова.

Гость, как обычно, не слыша то, что он слышать не хочет, принюхался:

— Ох, как кофе-то пахнет! Напоишь?

— Нет.

— Почему? — удивился он, норовя разуться.

— Кофе кончился.

Оба обернулись на этот низкий голос.

Глеб стоял, упершись рукой в косяк кухонной двери. Мила мысленно ему зааплодировала: смотрелся парень агрессивно-хозяйски. Да и вообще… смотрелся. Рукава майки не скрывают крепких мышц, тело обманчиво расслаблено, взгляд исподлобья. Надо будет такую позу вставить куда-нибудь…

— Люся, это что еще за явление?!

— Мила, это кто?

Она оскалилась.

— Это Олег, мой бывший… хм… Бывший. А это — Глеб.

«Настоящий» не прозвучало, но подразумевалось. Мила не смогла расшифровать взгляды мужчин, но, похоже, те друг друга распрекрасно поняли. Олег демонстративно повернулся к предполагаемому сопернику спиной, сказал вполголоса:

— Люсь, у тебя явно ранний климакс. Только в определенном возрасте женщины начинают интересоваться мальчишками. Ну да бог тебе в помощь!

Мила молча и широко распахнула перед ним дверь — Олег перешагнул порог, повернулся, намереваясь напоследок добить чем-нибудь эдаким, Мила не дала:

— И тебе попутного ветра. И перышка — в зад!

И громко хлопнула дверью.

Topreading.ru

— Очень… поэтично, — оценил Глеб.

Мила злобно фыркнула:

— Пусть зайдет через пару часиков, сочиню целую поэму!

Подхватила забытый букет и пронеслась мимо него на кухню. Глеб едва успел посторониться. Думал, она эффектно выбросит цветы в окошко, но практичная Мила уже наливала воду в хрустальную вазу. И то верно, с паршивой овцы — то есть с паршивого любовника — хоть шерсти клок.

Зверь неудовлетворенно шевелился в нем: не дали разобраться с соперником, посягнувшим на его территорию! Хотя сам Глеб не сразу решился выйти в коридор — лишь когда услышал безнадежные нотки в голосе хозяйки. Так говорят, когда уже все сказано-пересказано и все впустую, и разговорами тут уже не поможешь…

Глеб посмотрел в ее независимо прямую спину. Думает, он будет ее расспрашивать. Еще чего не хватало! У него своих проблем выше крыши, подумал он и тут же спросил:

— Что, часто надоедает?

— Случается, — неопределенно отозвалась Мила. Воткнула цветы в вазу и повернулась к Глебу. — А ты женат? Нет? Девушка есть?

Ну начинается… хотя он сам же и начал.

— Была, — кратко сказал он. Мила молчала, склонив голову набок, — как-то поощрительно. Глеб добавил: — Мы расстались.

И заторопился:

— Но я вовсе не из-за этого собирался…

Заткнись! Ты не обязан ей ничего объяснять и оправдываться! Глеб заткнулся. Хозяйка кивнула, словно что-то поняла, хотя что она там могла понять?

— Цветы нравятся?

Глеб моргнул, озадаченный.

— Цветы? Ну… цветы как цветы. Нормальные.

Мила поправила толстые стебли.

— Каллы. А ведь прекрасно знает, что я их терпеть не могу!

— И поэтому вы разбежались? — спросил Глеб, тщетно пытаясь вспомнить, какие цветы не любит Кристя. — А какие тебе нравятся?

— Хризантемы, например. Да, в том числе и поэтому… А почему, говоришь, вы расстались?

— Ничего я не говорю, — пробормотал он, идя за ней следом в комнату. Взгляд скользнул по прикрытой двери в спальню и вернулся. Зацепился.

— Ну так скажи, — легко предложила Мила.

И увидела, что парень, остановившись, склонился к ручке двери. Потом еще и на корточки присел.

— Что там? — Мила подошла. Вокруг ручки лучами расходились глубокие царапины. — О, и когда я умудрилась дверь ободрать?

Глеб поднял на нее глаза — невидящие, обращенные в себя. Словно он пытался что-то вспомнить или понять. Он даже в лице изменился. Резко и легко поднялся.

— Мила, я пойду.

— Куда так внезапно?

— Я… мне надо. Извини.

Вылетел в коридор, словно боялся, что она в него вцепится и не отпустит. Резкий взмах на прощание.

— Пока!

— Пока, — кивнула Мила хлопнувшей двери. Покорябала ногтем царапины. Вот так всегда — одного мужика прогнала, другого тут же как ветром сдуло. Чего это он вдруг?

Видно, придется возвращаться к своему звездному капитану…

…Значит, так. Значит, он и от Луны уже не зависит. Вернее, зависит, но перекидывается теперь уже не только в полнолуние… ч-черт, как она уцелела-то? Вернее, почему он ее не… загрыз? Дверь в спальню он все-таки открывал. Как выяснилось. Но вторая половина сна была все же… сном? До чего же реальный сон: женщина бьется под ним, точно сильная гладкая рыбина; ее запах просто сводит с ума; зубы смыкаются на выгнутой белой шее…

Глеб тряхнул головой, с трудом вытягивая себя из водоворота повторяющегося кошмара. И почувствовал, как он возбужден. Это что же, убийцы-маньяки… тоже так?

Он не маньяк! Хоть и убийца.

И что ж ему теперь, запирать себя каждую ночь в своей квартире с металлической дверью и бронированными стеклами?

Или опять встать на перила шестнадцатого этажа?

Или — Глеб вдруг вспомнил рассказ Людмилы о девочке-самоубийце — прямо сейчас кинуться с моста? Он как раз стоит на Королевском мосту через Сень. Глеб даже перегнулся через широкие узорчатые чугунные перила, прикидывая, достаточно ли будет с такой высоты войти головой в воду. Если он не будет оглушен, то просто выплывет. Он отлично плавает. Просто на уровне рефлексов.

…Обернись-ка, посоветовал зверь, *только очень осторожно.* Глеб выпрямился, задумчиво поглядел вдаль, прислушиваясь к зверю и собственным ощущениям (те молчали), и только после этого неспешно повернулся.

Двое мужчин. Третий — чуть поодаль, у дороги. Все — настороженно-подобранные.

— Глеб Панфилов? — спросил тот, что постарше. Кряжистый, лысо-коротко стриженный.

Глеб молча кивнул. Ладони сжали нагретый солнцем чугун перил.

Мужчина небрежно взмахнул в воздухе удостоверением. Можно подумать, кто-то успеет хоть что-нибудь прочитать! Глеб успел. И фамилию и должность. И еще буквы, от которого все мышцы тела завязались в тугой звенящий узел. СКМ. Служба контроля над магией.

— Магическая полиция, — подтвердил лейтенант Рева. — Пройдемте с нами.

Глеб не стал спрашивать — зачем? За сны, кажется, еще никого не арестовывали, ну может, он будет первым? Мимолетно пожалев, что так и не спрыгнул с моста, Глеб оттолкнулся спиной от перил.

— Говорю вам, — повторил Глеб уже в который раз, — она здесь ни при чем. Она ведь даже не маг!

— Разберемся, — успокоил его Рева и нажал кнопку звонка.

Глеб представил, как Людмила шлепает по коридору, ворча: «Кого там черт принес ни свет ни заря в семь вечера!» И почти улыбнулся.

— Ну вот, теперь он еще и с друзьями явился!

Хозяйка обвела взглядом сопровождающих и перестала улыбаться. Приподняв брови, с холодным вопросом взглянула на Глеба.

— Мила… — начал он.

Рева перебил:

— Лейтенант Рева, магическая полиция. Извините, что мы без приглашения и предупреждения, Людмила! Добрый вечер.

— Был добрый, — сухо согласилась та. — Но раз вы все-таки пришли без приглашения, пусть ваши… бойцы подождут снаружи.

Рева смотрел на нее *особенным,* знакомым Глебу, взглядом: искал магию. Не нашел, успокоился и продолжил — уже другим тоном. Так говорят со слегка недоразвитым, но в общем-то безобидным ребенком.

— Извините, это для вашей же безопасности…

— Для моей безопасности в моей квартире должны находиться трое посторонних мужчин?! В таком случае лучше вызовите меня в ваше отделение: вот там я действительно буду в полной безопасности.

— Ну хорошо, хорошо. Подождете в подъезде!

Глеб по указанию полицейского сел на диван.

— Вы знаете этого человека?

— Глеб Панфилов, инженер-электронщик. Сотрудничает с издательством «Дом книги» по договору.

Глеб чуть не открыл рот. И откуда, интересно, она все это знает?

— Когда и где вы познакомились?

— Боже, как давно это было! Три дня назад, да, Глеб?.. На корпоративной вечеринке нашего издательства.

— И сразу привели его к себе домой?

Губы женщины изогнулись в насмешливой улыбке.

— Конечно, чего зря время терять?

— И все это время он находился у вас?

— Не все. Иногда ходил в магазин.

— А сегодняшние ночь и утро он провел здесь?

— Да.

— И с трех до четырех утра тоже?

Мила больше не улыбалась.

— К чему вы это?

— Отвечайте на вопрос.

— Да.

— Вы можете с уверенностью подтвердить, что, пока вы спали, у него не было возможности незаметно выйти из квартиры?

Мила округлила и без того круглые глаза.

— Кто вам сказал, что мы в это время спали? Мы занимались сексом.

Пауза. Глеб, все это время сидевший в напряженной позе, медленно отвалился на спинку дивана.

— Так поздно?

— Вернее — рано, — сладким голосом поправила Мила. — Я веду ночной образ жизни, так что… А почему вы вообще интересуетесь моей личной жизнью?

— Извините. — Лейтенант сокрушенно вздохнул. — Не вашей, а этого… молодого человека. С трех до четырех утра в вашем микрорайоне была убита женщина. Это в пяти минутах ходьбы от вашего дома, возле заброшенной стройки.

Topreading.ru

Мила внимательно поглядела на одного, потом на другого.

— И вы сразу решили, что это сделал именно мой бойфренд? Он что, этим регулярно занимается? Вместо утренней физзарядки?

— Нет, но вы понимаете, — лейтенант развел руками, — розыскные мероприятия… Ну что ж, Людмила, извините за беспокойство. Глеб, а вы всегда будьте в зоне доступа.

Тот молча кивнул.

— А что случилось… с женщиной? — поколебавшись, спросила Мила.

— Как именно ее убили? — легко подхватил Рева. — Ей разорвали горло.

Глеб видел, как рука Милы взметнулась к шее — словно пытаясь защитить.

— Чем?

— Возможно, клыками…

— Глебушка! — сдавленно позвала Мила. — Иди-ка предъяви дяде свои зубки!

Рева охотно посмеялся.

— …или другим острым предметом. Всего хорошего, Людмила.

— И вам не болеть.

Мила некоторое время смотрела на закрывшуюся дверь. Потом повернулась, сложив на груди руки, и уставилась на Глеба.

— Я сейчас уйду, — устало сказал он.

— Уйдешь-то ты уйдешь, конечно, только сначала ответишь на мои вопросы.

— Мил, я полдня пробыл в СКМ, из меня всю душу вымотали! Какие еще вопросы?!

— Там были эскаэмовские вопросы, а теперь будут мои. Очень простые и конкретные. Первый: ты поэтому спрашивал, как я спала ночью? Хотел проверить, не проснулась ли я, когда ты выходил?

— Я никуда не выходил. Мне приснился… кошмар, я кричал, возможно. Вот и подумал — может, тебе спать мешал…

— Допустим, — кивнула Мила. Вместе со своей челкой. — Ты говорил, что не маг. Почему же тебя задерживает именно *магическая* полиция? Ты уже имел с ними дело? Тебя привлекали?

— Просто я… у меня есть некоторые способности. В СКМ их и исследовали.

— И?

— И развели руками. — Глеб сам развел руками, словно демонстрируя, как это было.

— Они приехали к тебе домой?

— Я не ходил домой. По городу болтался.

— А как тогда тебя нашли, да еще так быстро?

— Я думаю, в ИМФ… ну в институте, где меня обследовали, замаркировали. Это маячок, вроде… электронного чипа. По нему можно определить мое местонахождение.

— И?

— И развели руками. — Глеб сам развел руками, словно демонстрируя, как это было.

— Они приехали к тебе домой?

— Я не ходил домой. По городу болтался.

— А как тогда тебя нашли, да еще так быстро?

— Я думаю, в ИМФ… ну в институте, где меня обследовали, замаркировали. Это маячок, вроде… электронного чипа. По нему можно определить мое местонахождение.

— А снять маркер…

— Может только маг. Я его даже обнаружить на себе не могу. А законопослушный маг обязан сообщить, если кто обратится к нему с такой просьбой.

— Думаешь, тебя за это привлекут? Но ведь тебя же не предупреждали о маркере! Это нарушение закона и ты вправе подать встречный иск или жалобу!

Да. Конечно. Легко!

— Остается последний и очень простой вопрос. Почему все-таки в убийстве женщины подозревают именно тебя?

Хороший вопросец. Про-остенький такой. И как он должен на него отвечать?

— Спроси у Ревы.

— Он мне не ответит.

— Я тоже.

Людмила смотрела на него вприщур: похоже, изыскивала способ добыть из него правду. Не нашла и с досадой мотнула головой.

— Нет, я теперь так и буду мучиться и строить всяческие версии?!

— Ну, на то ты и писательница. А зачем ты сказала Реве, что с трех до четырех мы… не спали?

Людмила пожала плечами.

— Давай уже и ты помучайся. Партизан.

— Так я пойду?

— Проваливай.

Глеб вышел в прихожую, поколебался и засунул голову в комнату.

— А можно, я тебе как-нибудь позвоню?

— Зачем это? — вредным голосом спросила Людмила, и он сразу стушевался.

— Да, извини, я тебе одни неприятности…

— Что ты, что ты, — тем же тоном продолжала Людмила. — Я ведь так скучно жила! А тут — и живого самоубийцу лицезрела, и симпатичный парняга у меня дома ночевал (давненько такого не случалось), да еще в первый раз в жизни столкнулась со Службой контроля над магией! Я тебя просто благодарить должна! Столько новых впечатлений!

— Извини, — пробормотал Глеб, — пока.

И — вылетел за дверь.

Ну не дурак ли?

Итак, что мы имеем для рассказа? Жил-был инженер-электронщик, симпатичный парень с серо-зелеными глазами. Не маг, но имеющий некоторые способности — видимо, довольно сильные или загадочные, раз их взялись исследовать в таком известном закрытом учреждении, как Институт магических феноменов. Исследовали, значит, исследовали — не доисследовали и руками развели: то ли не поняли, что это за способности, то ли не сообразили, куда и как их применить. Отпустили парня подобру-поздорову, впрочем, напоследок тайком прицепив к нему маячок. Для чего? Боялись, что он сбежит со своими недоизученными талантами… или что применит их не по назначению?

А потом однажды ночью убивают женщину, и полиция первым делом кидается к этому самому парню: а не ты ли, дружочек, разорвал или перерезал ей горло? Нет, что вы, как можно, отвечает парень, и его поддерживает некая излишне впечатлительная писательница. Алиби ему создает.

Мила, сложив за спиной руки, кружила по комнате. Она всегда бродит как сомнамбула, когда выстраивает сюжет. Да и для здоровья, говорят, полезно двигаться.

Ну ладно, маг он там или не маг, нам в принципе все равно, пусть в этом волшебники разбираются. А вот почему его подозревают в убийстве — вопрос. Поговорить, что ли, с Ревой, на самом-то деле?

Телефонный разговор с лейтенантом магической полиции был практически безрезультатным: нет, не судим, не привлекался, информация закрытая, но советую вам все-таки держаться от Панфилова подальше.

Уже-уже… Держусь. Или он от меня держится.

Продержался недолго.

Через день Мила увидела в окошко, что он сидит на качелях у ее дома. Лениво и медленно раскачивается, глядя в землю. Сразу вскинул глаза на ее окна — опять почувствовал взгляд.

Мила посмотрела-посмотрела на него сверху, подумала, оделась и вышла.

— Хочешь пригласить меня на чашечку кофе?

Глеб оттолкнулся в последний раз и спрыгнул с качелей. Взъерошил и без того взлохмаченные волосы. Кажется, или он за пару дней оброс еще больше? Такой шевелюре просто позавидуешь!

— А ты согласишься выпить со мной кофе?

— А то! Если ты угощаешь, конечно.

— Угощаю… Покажешь, где эта незаконченная стройка? Я тут прошелся — в вашем районе их просто навалом.

— Что, на место преступления потянуло?

— Ну вот, — пробурчал Глеб, отворачиваясь. — Я поэтому и к Реве обращаться не хочу. Тоже так же по мне… проедется.

— Да пошли прогуляемся, подозреваемый ты наш! Тут минут десять неспешным ходом…

Они остановились перед длинным бетонным забором.

— Вот оно.

Глеб подтянулся на руках, заглядывая за забор. Мила тоже приникла глазом к щели между плитой и штырем.

— Пацаны какие-то прыгают…

— Это трейсеры. Они всегда по развалинам шарятся.

— Эй, ты куда? А я?

— Тоже полезешь через забор? — не поверил Глеб.

— Ни фига себе! Я тебя сюда привела, а самое интересное ты себе оставляешь?

— Да нет тут ничего интересного, стройка и стройка… Ну, давай руку.

Мила воровато оглянулась, мимолетно посмеявшись над собой: взрослая тетка сигает через забор в центре города! Точь-в-точь как в детстве за яблоками. Упершись кроссовками в выступы плиты, вцепилась в протянутую руку Глеба. Статуэткой Мила не была, и потому оценила легкость, с которой парень ее поднял на забор. А ведь не скажешь, что особо мускулистый. Так же легко принял внизу, сразу отпустил. Пошел, не обращая никакого внимания на поглядывающих сверху трейсеров.

Глеб до сих пор успешно избегал прикасаться к ней — помнил, как тряхнуло его в ночь несостоявшегося самоубийства. Он даже невольно задержал дыхание, опасаясь вновь ощутить ее запах — и правильно, а то зверюга еще, чего доброго, проснется. Однако в этот раз обошлось. Наверно, просто тогда он был здорово наадреналиненный…

Мила наблюдала за головокружительными прыжками и кульбитами парней в куртках с

капюшонами: будь она чьей-нибудь родительницей, тут же слегла бы с сердечным приступом… вон, кое-кто уже и с гипсом на конечностях, а все равно неймется! Попыталась представить себя на их месте и не сумела: была она в детстве малоподвижным и послушным ребенком. Ага, зато сейчас наверстывает — шастает по заброшенным стройкам с парнем, подозреваемым в убийстве!

Подозреваемый меж тем шел вдоль забора, разглядывая фундаменты, открытые пролеты зданий, вознесенные вверх колонны с обвалившимися кое-где плитами перекрытия. Да уж, тут только фильмы про постядер снимать да боевики-детективы…

— И что она здесь делала ночью-то? — подумала Мила вслух.

— И что она здесь делала ночью-то? — подумала Мила вслух.

Глеб отозвался, не оборачиваясь:

— Не здесь. Она поссорилась с сожителем и пошла к матери — следующий за стройкой дом. Рева говорит, ее утащили с тротуара за забор…

И там разделали на куски. Хорошо, что Рева не дошел до того, чтобы показать эти снимки Людмиле…

— Все равно не понимаю, — упрямо сказала та ему в спину, — почему этим делом занимаются маги, а не обычная полиция?

— На месте преступления нашли следы магии, вот и передали дело в СКМ.

— То есть это какой-нибудь маньяк-волшебник?

— Почему сразу маньяк? Может, просто грабитель.

— Ага, и сидел грабитель всю ночь на стройке, ожидая, когда мимо кто-нибудь промарширует! Почему маньяк? Потому что убийца всегда ненормален, а значит — маньяк.

Много ты понимаешь в убийцах…

— Ее изнасиловали?

Глеб не выдержал:

— Нет, только разорвали в клочья!

Людмила вскинула руку к горлу знакомым движением — то ли защищаясь, то ли ужасаясь. Глеб глядел на нее, жалея, что сорвался.

— В клочья? — повторила она слабым голосом.

Глеб отвел глаза.

— Да.

— Но кто… кто это мог сделать? Зачем? Может, какое-нибудь животное из зоопарка сбежало или из частного зверинца?

Topreading.ru

— Может.

— Или у магов убежало какое-то чудовище… ну… из их лаборатории? Мало ли они чем у себя занимаются!

Одно чудовище из такой лаборатории уже шастает сейчас по этой стройке…

Людмила оглянулась озабоченно.

— А пацаны ведь здесь паркурят, и никто их взашей не гонит!

— Он не будет охотиться днем, — успокоил Глеб.

Женщина, наверное, незаметно для самой себя придвинулась к нему поближе. С опаской оглядела нависающее над ними распотрошенное здание. Спросила вполголоса:

— Думаешь, он где-то здесь? До сих пор?

— Стройку обыскали, — повторил Глеб слова Ревы. Полицейский уверял, очень тщательно, но Глебу почему-то казалось, что *тот* все еще здесь.

Вот теперь Миле стало страшно. А ведь поначалу было так… забавно, слегка боязно… точно они играют в игру под названием «осмотр места происшествия». Здание таращилось на них проемами с выбитыми кирпичами, наблюдало темными провалами фундаментов, множеством почти неразличимых в крошеве камней и плит ям. Поглядывая по сторонам, Мила старалась держаться поближе к Глебу и потому просто наткнулась на него, когда тот резко остановился.

— Ой! Ты что?

Глеб стоял неподвижно, смотрел себе под ноги: лицо напряженное, ноздри раздуваются. Сказал негромко:

— Здесь.

Мила поняла его сразу, окинула быстрым взглядом ничем не отличающийся от других пригорок, заросший упрямой жесткой травой, пробивавшейся сквозь цементный мусор. Взгляд упорно цеплялся за ржавые пятна — но с таким же успехом это могли быть искрошившиеся кирпичи.

— Ты уверен?

Глеб еле заметно кивнул. Запах. Запах ужаса и крови… После полиции здесь потолклось немало народу, да вон хотя б те же паркуровцы. Местная достопримечательность, а как же! А потом еще пару раз прошел дождь.

Но запах черного ужаса остался… И остался еще один. Глеб медленно повернул голову. Сквозь закрытые веки след горел редкими кляксами: словно пятна пролитых чернил. Нюхач взял его и потерял в развалинах. Интересно, получится ли у него самого? Глеб повернулся, шагнул с по-прежнему закрытыми глазами. И вздрогнул от прикосновения.

Людмила встревоженно заглядывала ему в лицо.

— Глеб, с тобой все в порядке?

Да, правильно, не сейчас. И уж точно не с ней. Глеб неопределенно повел рукой.

— Ее нашел бомж. Услышал за забором звонок сотового, полез… Он, кстати, говорил, что они сюда избегают ходить — уж больно место нехорошее. Почему, не смог объяснить.

Оба почти синхронно повернулись и смерили глазами забор. Здесь он был еще выше.

— Зверь — ну, или человек — должен быть очень сильным! Перетащить сопротивляющуюся женщину через такой заборище… — Мила качнула головой.

— Он мог ее оглушить.

Или убить сразу на тротуаре, а на стройке не спеша продолжить «разделку».

— Проведем следственный эксперимент? — предложила Мила. — Ну-ка, перекинь меня через забор.

— Сдурела?

— Ну, Гле-е-еб, что тебе, жалко, что ли? Гляди. Вот я валяюсь оглушенная… — Мила в самом деле, не выбирая места, улеглась на землю и раскинула руки. — Давай тащи.

— Мила, ну что за детский сад? Вставай!

Та приоткрыла один глаз, закрытый для убедительности.

— Только прошу — ак-ку-ратно!

И вновь сомкнула веки. Не зная, то ли плакать, то ли смеяться — вот угораздило же его! — Глеб присел рядом с ней на корточки. Вряд ли *тот* действительно швырял женщину через забор, как волейбольный мяч. Значит, либо на плечах, либо сначала перевесил через забор, потом сам подтянулся…

Женщина не сопротивлялась, но, полностью расслабленная, просто вытекала, выскальзывала у него из рук, как будто ее маслом намазали. Запыхавшийся Глеб, наплевав на все приличия, хватался уже за что ни попадя. В конце концов, уцепившись за пояс джинсов и за куртку, взгромоздил ее на забор. С этой стороны остались только ноги. Мила «очнулась» и поболтала ими. Глеб, не раздумывая, шлепнул ее по запыленной круглой попе.

— Довольна?

Людмила сверзилась с забора, измятая и чумазая: девчонка девчонкой! Отряхиваясь, заявила важно:

— Следственный эксперимент показал, что это может сделать и среднестатистический человек безо всякой магии!

Глеб криво усмехнулся.

— Вот и Рева так же считает.

А в полнолуние он бы действительно мог просто *перекинуть* ее через забор. Безо всякой магии.

Людмила повернулась, уперла руки в боки и уставилась на развалины таким хозяйским взглядом, что Глеб понял — пора ее уводить. А то ведь отправится немедленно на поиски *того.*

— Пошли, я тебе кофе обещал.

— А вообще странно, что такая большая территория в центре района пустует. Земля же в городе дорогая!

Мила ела пирожное и жмурилась от удовольствия: она себе их редко позволяла, боялась растолстеть со своим сидячим образом жизни. Но ведь столько переживаний, нужно же себя хоть как-то вознаградить?

— Начали строить еще до войны. А после… — Она пожала плечами и облизнула с губ крем. — Не знаю, почему участок до сих пор никто у муниципалитета не оттяпал. Так что там все время бомжи и молодежь ошивались, да еще собаки, когда у здания сторож имелся. Мимо идешь, а они так и норовят тебе каблуки оторвать вместе с ногами.

— Не видел собак.

— Я тоже давно что-то не вижу. Наверно, когда сторожа убрали, их перестали подкармливать, вот они и перебрались в другое место.

— Я тоже давно что-то не вижу. Наверно, когда сторожа убрали, их перестали подкармливать, вот они и перебрались в другое место.

Или попросту съели их самих, подумал Глеб. Где б найти статистику, не сократилась ли резко популяция бродячих собак в Майском районе — в санэпидстанции, что ли? А может, сократилась и популяция бомжей? Этих тоже искать никто не будет…

Мила ела и поглядывала на Глеба. К кофе даже не притронулся, смотрит в окно, хмурится. Интересно, как он обнаружил место… ну, то место? Может, он экстрасенс, и эти его способности и исследовали в институте? Хм, будто магам своих талантов не хватает! Самый простой способ узнать правду — задать вопрос. Мила и задала:

— Глеб, а что именно изучали у тебя в ИМФ?

Продолжая смотреть в окно, Глеб подобрался. Придумай что-нибудь! Ну, что ты, например, освоил левитацию… или телепортацию, какая, в жопу, разница! Он повернулся, раскрыл рот — и сказал не то, что собирался:

— Тебя это совершенно не касается!

Мила быстро улыбнулась и встала.

— Конечно! Ты же сегодня у нас платишь за кофе?

— Мила, я не имел в виду… я в том смысле, что…

Она уже не слушала.

— Конечно. Пока. Как-нибудь свидимся.

— Мила…

Она не обернулась. Вышла из кофейни и пожала плечами: самый простой способ оказался не самым действенным.

Хотя Глеб прав — ее это действительно не касается.

Глеб сидел на кровати — мокрый, тяжело дышащий, будто пробежал на время хорошую дистанцию. Он теперь знал, как *тот* утаскивает за забор свою жертву.

Как его зубы смыкаются на горле жертвы, как резким, отточенным движением он встряхивает и подбрасывает свою добычу — и тело летит через забор, точно невесомая тряпичная кукла.

Он только что это видел во сне…

Во сне?

Глеб повернул голову и встретился взглядом с Луной, наполовину выглядывающей из-за не до конца задернутой шторы. Или Луна просто уже доросла до половины? Что, развлечения ждешь, да? Будет тебе скоро…

Глеб поднялся и закружил по комнате. Отлично, теперь он знает, как выглядят зубы и какова силища *того.* И что? Реве это рассказать, что ли? Естественный вопрос — Глеб сам задал бы его в первую очередь: а откуда *ты* это знаешь? Да и на что оно Реве? Полицейский и сам представляет, каким смертоносными способностями обладает убийца…

Глеб наткнулся взглядом на свое отражение в зеркале: запавшие глаза с лихорадочным блеском, щеки тоже ввалились, щетина — хоть брейся каждые два часа, Кристя все отчитывала его, что он приходит на свидания небритым… через недельку будет выглядеть вообще как нарк со стажем. Неловко видеться с Милой…

Стоп! А зачем вообще ему с ней видеться?

Ни К Чему!

Мила рассудила иначе. Она позвонила ему на следующее же утро. Глеб еще валялся в постели, медленно выплывая из рваных сновидений — слава богу, кровь и всяческие зубы в них отсутствовали. Доложила деловито:

— Узнала по своим каналам: никаких милых лабораторных зверюшек маги не упускали. Из зоопарка и прочих офисно-домашних зверинцев зубастая тварюга тоже не сбегала: так, удав, какаду да парочка южноамериканских тараканов. Тараканы, правда, питаются сырым мясом, но клыков у них таких нет… да, кстати, а вообще есть у тараканов зубы, ты не знаешь?

— Мила, здравствуй, — перебил он.

— Что? А, привет! Хотя, конечно, существует вероятность, что владелец просто побоялся заявить о пропаже — а вдруг накажут за содержание в городе опасного животного?

— Я не думаю, что это…

— Вот и я все-таки склоняюсь к собаке. Ты в курсе, что городские бродячие собаки очень умные? Они теперь даже дорогу переходят по пешеходному переходу и на зеленый свет светофора! А если скрещиваются с каким-нибудь бойцовым псом, к их осторожности, хитрости, выносливости прибавляются агрессивность, стойкость к боли и бесстрашие. Смесь убийственная! И отловить их очень трудно. Таким метисам ничего не стоит разорвать человека, оказавшегося на их территории, или просто потому что они на тот момент очень-очень голодные. Собаки-людоеды, я думаю, вовсе не вымысел.

— Мила, спасибо, конечно…

— Не за что.

— …но лучше пусть всем этим занимается полиция.

— Она этим и занимается! Я просто сделала несколько звонков и собрала некоторые статистические данные. А мы не могли бы еще раз сходить на стройку?

Глеб придержал пальцем дергавшееся веко.

— Зачем?

— Ну как тебе сказать… писатель нуждается в новых впечатлениях.

— Задумала написать какой-нибудь триллер? Про собак-людоедов?

— Почему бы и нет? Но если тебе некогда или неохота, я могу сходить сама.

Глеб резко сел — аж пружины в диване крякнули. Рявкнул:

— Ни в коем случае!

Пауза.

— Это значит, ты пойдешь со мной? — невинным голосом осведомилась писательница.

Глеб сдержал рычание — хотя она бы приняла его просто за телефонные шумы. Выдавил:

— Пойду.

* * *

Глеб был мрачен. Брел по стройке — по случаю раннего утра охотники ломать себе шеи и конечности еще отсутствовали, — засунув руки в карманы, и даже не пытался поддержать под локоть, когда Мила теряла равновесие или оскальзывалась на россыпи битых кирпичей и плит. Выглядел он бледным и осунувшимся. Не выспался, наверное.

Мила нагулялась по стройке вдоволь, правда, избегая мест, казавшихся ей опасными — не в смысле наличия зверюги, а там, где попросту грозило обрушение. Присутствие за спиной молчащего спутника мало-помалу начало ее раздражать.

— Ну что, — спросил тот наконец, — насладилась прогулкой? Достаточно впечатлений?

— Достаточно — на сегодня, — с вызовом сказала Мила. Втайне она надеялась, что Глеб, как в прошлый раз, вдруг остановится и заявит: а вот здесь находится логово… Если уж у него такая

исключительная интуиция. Но нет.

Его интуиция не сработала и тогда, когда, оступившись, Мила судорожно взмахнула руками и съехала в какую-то расщелину между покосившихся и вставших на ребро плит. Глеб только смиренно вздохнул и наклонился, увидев ее макушку.

— Мила, ты как там?

— Нормально, — мрачно отозвалась та.

— Руку давай.

— Сама выберусь!

Глеб пожал плечами. Чем больше она испытает сегодня трудностей, тем дольше ее сюда не потянет.

А еще лучше было столкнуть ее откуда-нибудь, чтоб она сломала ногу! Или сразу две. Для надежности.

Снизу послышалось сопение и шорох трущихся о плиты одежды и кроссовок — Мила пыталась выбраться. Глеб философски ждал, когда его попросят о помощи. Вышло по-иному. Мила затихла, потом сказала:

— Погоди-ка…

Он вновь посмотрел на нее сверху. Скособочившись и вытянув шею, Мила заглядывала куда-то вниз.

— Тут дыра какая-то… между плитами.

— И что?

— Что-то вижу…

Его внезапно обдало ледяным п***о***том.

— Мила!

— Подожди…

Глеб сверзился вниз, но, изогнувшись, она уже влезала в проломленную в плите дыру.

— Стой!

— Ага, сейчас… да-а уж…

Глеб пригнулся, чтобы нырнуть за этой… самое мягкое было — идиоткой… Наружу появилась рука, сжимающая какой-то продолговатый предмет, потом вылезла и сама Мила. Протянула ему найденное двумя руками — словно меч или ключ от сдающегося города.

— Что это? — спросил Глеб. Хотя зрение и обоняние ему и сказали уже — что, разум пока признавать отказывался.

— Большая берцовая кость человека, — сказала Мила, серьезно глядя ему в глаза. — Там еще и малая есть. И других… много.

Привалившись к забору, Глеб наблюдал за снующими по стройке полицейскими. И на Милу поглядывал. Та сидела на плите и курила. Но не нервно, быстро заглатывая дым, или глубоко и прерывисто вдыхая, чтобы успокоиться, — так, как будто наслаждалась заслуженным перерывом в работе. Она даже некоторое время помогала эксперту в сортировке останков, пока прибывший Рева всех не построил: полицейских — на место происшествия, свидетелей — к стенке. Мила еще посмеялась: и расстрелять без суда и следствия! Рева буркнул, что обдумает ее предложение.

Наконец подошедший к ним лейтенант оглядел обоих с явным отвращением.

— Какого черта вы тут шлялись?!

— Вышли на прогулку. — Мила неспешно и красиво выдохнула дым. — Очень романтичное место, не находите?

— С нас уже сняли показания, — напомнил Глеб. — А много там… нашли?

— Пока я там работала, набрали троих, — сообщила ему Мила. — Но еще скелеты оставались, кажется, собак. Не свежие, похоже, где-то трехмесячной давности.

Рева, как и Глеб, смотрел на писательницу во все глаза. Спросил грубовато:

— А вы-то с чего это знаете?

— У меня имеется темное медицинское прошлое, — охотно пояснила Мила. — Помощь не нужна? Тогда мы пойдем?

— Идите. И держитесь от этого места подальше. И друг от друга — тоже.

— Вы уже предупреждали, но так и не сказали — а почему все-таки? — вкрадчиво поинтересовалась Мила.

Рева ткнул в Глеба пальцем — тот испытал резкое желание ухватить и сломать его.

— Вот он знает! А ты, Панфилов, за фазами-то, — он неопределенно повел рукой в воздухе, точно рисуя у себя над головой нимб, — следи, не забывай!

Глеб беззвучно оскалил зубы — все разом — и повернулся к нему спиной.

— Пошли отсюда!

— Ага. — Мила оттолкнулась от плиты, на которой сидела. Рука оставила отпечаток. Красный отпечаток.

— Что у тебя…

Мила проследила его взгляд и сморщилась:

— Ну, опять растревожила!

Показала перехваченную носовым платком ладонь — на платке проступало свежее пятно.

— Содрала, когда скатилась в его нору. Что ты так смотришь? Не беспокойся, я от столбняка прививалась… Глеб, ты куда?

Его остановили перед огороженной площадкой; двое полицейских трудились, раскладывая извлекаемые кости на расстеленный полиэтилен.

— Там моя девушка обронила… заколку, — пояснил Глеб, поглядывая на останки.

— Заколку? Не находили вроде.

— Дай я быстренько гляну, а? Заколка дорогущая!

— Но только быстро, пока начальство не видит!

Глеб оперся обеими руками о плиты, легко кидая тело вниз. Как он и думал, след остался четкий — точно от пятерни первобытного человека на стене пещеры. И вот еще один — смазанный, наверное, когда она пыталась отсюда выбраться. А может, накапала еще и в самой норе… Глеб едва не заскулил от отчаяния, пытаясь стереть следы подолом майки.

— Э, э, э! Ты что делаешь?!

Вынырнувший из норы человек уставился на него. На шевроне форменной эскаэмовской рубашки — красный треугольник. Нюхач. Поймет.

— Девушка, что нору нашла… тут… наследила.

Мужчина склонился к плите, ноздри его затрепетали. Заключением было:

— Да-а-а, хреново!

— А можно как-то… свести?

— Хлоркой, что ли? Нельзя, парень, здесь же все улики!

Глеб оскалился:

— Улики! Что ж вы эти улики сразу не нашли, еще Нюхачи называется!

Эскаэмовец развел руками.

— Тут в подвалах остаточная магия, она все перекрывает, зараза! Да и лежку он давно не навещал.

— И что, — Глеб вновь показал на отпечаток ладони, — теперь?

— Да ты и сам, похоже, все понимаешь, — медленно сказал Нюхач, все пристальнее вглядываясь в Глеба. — А ты не?..

Глеб не дал ему времени поставить себе диагноз — рывком выбрался наверх, бросив напоследок:

— Реве скажи!

— Нашел заколку?

— А, нет, не нашел, — ответил Глеб скучавшему полицейскому. — Наверное, в другом месте потерялась…

Хорошо, никто не вспомнил, что у Людмилы короткая стрижка.

Если с утра Глеб был просто мрачен, то теперь выглядел так, словно только что похоронил своего любимого дедушку. Людмила тоже помалкивала. Итак, зверюга часто бывает на стройке, хотя не обитает здесь постоянно (одна из дежурных нор? место охоты?). Его жертвами стали как минимум трое взрослых людей и несколько собак, возможно, кошек. Люди, наверное, из объявлений разряда «ушел из дома и не вернулся». Опять же бомж говорил, что место тут нехорошее: возможно, там пропадали и его приятели…

Да-а, никакой особой ценности и свежести ее умозаключения не представляют. Ни для кого.

Словно в ответ на ее мысли, заговорил Глеб. Он говорил, не глядя на нее, резко и неприязненно:

— Рева прав. Держись от стройки и от… всего подальше. Это не книжки и не кино. Дилетантам здесь делать нечего.

Мила в принципе была с ним согласна, просто в ней взыграл дух противоречия — как всегда, когда ей что-то необоснованно запрещали. Фыркнула:

— Только почему-то именно дилетанты, а не твои профессионалы нашли логово!

— Случайность.

— Удача!

Глеб сверкнул на нее злобным взглядом и отвернулся. Кончилась твоя удача! Он костерил себя на чем свет стоит: ведь можно было отговорить, предупредить полицию, самому не пустить! Ага, не пустишь ее, как же! Вон как… напружинилась, губы сжала, не пустишь днем, чего доброго ночью попрется! Что же с ней делать-то, а, что же делать теперь?

— Глеб, а что там Рева сказал про фазы… смотри на фазы? Это что значит?

— Ничего это не значит.

— У нас говорили «сдвиг по фазе», — задумчиво продолжала Мила, — когда у кого-то крыша поехала. Глеб, ты ненормальный, да?

— Конечно, — согласился он. — Что, разве не заметно?

— А почему от тебя нужно держаться подальше?

— Потому что от ненормальных нормальные люди подальше и держатся.

— А тебе тогда почему от меня нужно держаться подальше?

— Потому что… чтобы я тебе не причинил вреда.

Он уже причинил ей вред. Это из-за него она поперлась на стройку — и в первый раз, и сегодня. А не только из-за своего писательского любопытства. Если б она с ним не познакомилась, об убийстве скорее всего бы даже не узнала: мало ли в столице каждый день гибнет людей! Не обо всех же трубят в СМИ.

Глеб обнаружил, что они стоят в конечной — или начальной — точке их встреч. Возле ее дома. И Мила, сложив молитвенно руки, таращит на него свои голубые глазищи.

— Глеб, у меня к тебе очень большая просьба, просто огромная!

— Ну? — настороженно спросил он. Что ей надо? Чтобы он вместе с ней посидел в засаде возле логова? Чтобы рассказал ей про свои… фазы?

— Глебушка! — задушевно сказала писательница. — У меня в холодильнике кончились продукты!

Он моргнул, не сразу переключаясь.

— Что кончилось?

— Все кончилось! Не поверишь, я их все сожрала! Я ненавижу супермаркеты, Глеб! У меня на них идиосинкразия! Слушай, будь добр, сгоняй туда снова? Я тебе деньги все до копейки…

— Ну ты и жрать… в смысле, есть здоров***а***!

Мила истово закивала.

— Да-да-да! Мое счастье, что я магазины ненавижу, а то разнесло бы меня…

Глеб машинально окинул ее оценивающим взглядом: Мила была не худой и не толстой — справненькой. *Аппетитной,* подсказал зверь. О, заткнись!

Ну ладно, сейчас он накупит ей продуктов — чтобы она подольше не выходила из дому, проведет душе- и телоспасительную беседу — и уберется из ее жизни.

Навсегда.

Мила, мурлыча, разбирала пакеты. В этот раз Глеб запасся на целый полк: наверное, боялся, что она, голодная, вскорости вновь бросится к нему в ноги. Вынула бутылку красного вина, с интересом изучила этикетку. Крикнула:

— Глеб, у нас сегодня намечается вечер при свечах?

Глеб пришел из ванной, приглаживая мокрой пятерней волосы. Озадаченно взглянул на бутылку, на улыбавшуюся Милу. Пробормотал:

— При свечах? Не знаю, как хочешь. Это чтоб расслабиться, нервы поправить… после сегодняшнего.

Он явно считал ее чувствительной девушкой, забывая про закалку реанимацией. Она бы предпочла водку. Хотя, может, он говорит о *своих* нервах?

В эту фазу Глеб то ел безудержно, то испытывал к пище отвращение — до тошноты. Сегодня было как раз второе — в него лезло только вино. Он грел им рот и желудок, наблюдая, как Мила поглощает всякие вкусности из супермаркета.

— Как там твоя книга?

— Движется. Хотя не так быстро, как хотелось бы. — Мила улыбнулась. — Появились отвлекающие факторы!

Он молча показал бокалом на себя.

— Ну да, изменяю с тобой своему звездному капитану!

— Надеюсь, он тебя все-таки простит.

— А куда ему деваться? Авторша у него одна. Вот, блин! — Мила вытерла руку о кухонное полотенце и опять растревожила ссадины. Притащив аптечку, скомандовала: — Помогай давай! Буквально из-за тебя пострадала!

Вообще-то, строго говоря, она могла справиться с пластырями и с повязкой сама. Но хотелось кое-что проверить — кажется, или он специально избегает прикасаться к ней? Однако Глеб сосредоточенно и старательно делал все, что ему велели, точно ответственный медбрат на первой практике.

Он и не думал, что запах крови может быть таким притягательным. Он же не вампир, в конце-то концов! Но сейчас ему хотелось вдыхать и вдыхать, прижимать к лицу горячую ладонь, слушать, как пульсирует в ней хрупкая жизнь… Жизнь, которую он может так легко, так быстро остановить… Он чувствовал, как пульс женщины передается ему, становится громче, громче, заполняет голову колокольным звоном, *красным* колокольным звоном, а сознание ускользает, падает вниз, проваливается в темный колодец…

И зверь радостно идет ему навстречу.

— Глеб, что с тобой? Глеб?

Глеб обнаружил, что сидит на кухонном диванчике, низко склонив голову. Лицо мокрое от пота, в ушах затихающий звон… Напротив на корточки присела Мила, озабоченно вглядывается ему в лицо.

— Ты как? Нашатырь не нужен? Сказал бы, что боишься крови, что тут такого?

— Я не… — Глеб откинулся на спинку диван. — Не знал.

Не знал, что у него такие сложные отношения с кровью. Наверное, это появилось после прошлого полнолуния, когда зверь наконец-то вырвался на свободу…

— На-ка, выпей!

Глеб послушно выпил вина и сморщился, как от микстуры. Лицо и кончики пальцев у него покалывало — отходняк. Мила и сама осушила бокал, проворчала:

— Пугаешь меня!

Он усмехнулся. Ты меня еще страшным не видела! Поставил пустой бокал, сказал хрипло:

— Знаешь, Мил, у тебя теперь тоже проблемы. С кровью.

— Эффектное начало! — оценила писательница.

— Ты наследила рядом с… норой.

— Ну да. И ты тоже. И еще куча народу.

— Но только ты там оставила свою кровь.

Ее глаза сузились и в тени ресниц потемнели, стали почти синими.

— И что?

Она сразу все поняла. Только пока не верила. Глеб отвел взгляд и набулькал в бокал еще вина.

— Если это тот, о ком мы думаем… он будет тебя искать.

Пауза.

— По запаху? — уточнила Мила деловито. — Это возможно — найти в миллионном мегаполисе одного-единственного человека лишь по запаху крови?

Возможно. Если это твоя кровь. Она будет гореть на кончике языка жгучей каплей, покалывать компасной стрелкой, неизменно и верно выводящей на цель. На тебя.

— Да, — кратко ответил Глеб.

Она усмехнулась через силу:

— Медикам бы такую точность анализов! Что я должна делать?

— Ты можешь некоторое время просто не выходить из дома?

— Некоторое — это которое? Пока людоеда не поймают?

— Да.

— А когда его поймают?

— Не знаю.

— Миленько!

— Я мог бы приносить тебе продукты. — Он вспомнил, что с ним самим будет на следующей неделе, и выругался про себя: как все не вовремя!

— Работать с редакцией я, конечно, могу и по инету-телефону, — размышляла Мила. — Кое-какие встречи отложить… Но, Глеб, я же не могу неделями не выходить из дома! Я сама озверею!

— Давай думать о ближних перспективах. И еще не забывай запирать окна и балкон на ночь.

Мила смотрела на него, как на чокнутого.

— Это что же за собачка, которая может замахнуть ко мне на второй этаж? Или это вообще горилла какая-нибудь? Или со зверем поработали маги, крылышки ему приделали?

— Ну… магия там присутствует, Рева же говорил.

— И еще, — решительно заявила Мила. — Глеб, я боюсь оставаться одна!

Глеб пригляделся. Не похоже.

— Если Рева в курсе, он ведь может дать мне охрану — хотя бы на ночь?

Он помолчал, прикидывая. Полицейскому еще нужны люди в засаде, и возможно, даже не в одном месте. Навряд ли. Степень реальной опасности по-настоящему может оценить лишь Нюхач, сам Глеб… да еще вампиры, наверное.

— Давай попробуем, — сказал он все же, и Мила притащила на кухню телефон.

Рева выдал емкую и точную характеристику Глеба (тот согласился целиком и полностью), ситуации (Глеб и прислушивающаяся Мила опять не возражали), сообщил, что на всех идиотов столицы охраны не напасешься, но он подумает. И отключился не прощаясь.

Мила выглянула в окно — там цвел и таял закат, — вздохнула:

— Ну что, покурю, да пора запираться? Зря я Олега прогнала, сейчас бы пригодился.

— Много бы он тебе помог! — буркнул Глеб. Тут помогла бы только парочка боевых магов высшей категории. Или один оборотень.

Один необученный, не контролирующий себя оборотень…

— Мила, — сказал он, глядя в стол. — Я могу у тебя поночевать. Но только до конца этой недели. Потом мне надо… меня не будет в городе.

Насколько она помнила, Глеб обещал Реве никуда не уезжать… Не вынимая сигареты изо рта, Мила звонко похлопала в ладоши.

— Ну и отлично, спасибо! Я надеялась, что ты предложишь. Тебе не надо позвонить, предупредить, что ты не придешь?

— Нет. Сейчас смотаюсь за кое-какими шмотками. И, знаешь, не открывай дверь незнакомым людям.

Мила поперхнулась дымом.

— Меня этому еще мама в детстве научила!

— Повторяю — никому! Ни слесарям, ни полиции, ни курьерам из издательства. Мила, я серьезно!

— Вижу, что серьезно. А почему?

— Я быстро. — И Глеб умчался, как всегда не ответив.

Мила немедленно прикурила следующую сигарету — пока не вернулся ярый сторонник

здорового образа жизни и не пришла пора запирать окна. Курила, глядя, как садится солнце за супермаркет напротив: закат горел и плавился в многочисленных стеклах.

Если подумать, все происходящее с ней — большой штамп, давно растиражированный многочисленными фильмами и книгами. Юная девушка (в ее случае, зрелая тетка) выручает из беды симпатичного незнакомца (с перил балкона его стаскивает), за которым гонится мафия (госбезопасность, маньяк-убийца, теща с поварешкой), и самым естественным образом преследователи переключаются и открывают безжалостную охоту теперь уже на невинную овечку. Говорила же мама — никогда не разговаривай с незнакомцами! А, да, и симпатичный незнакомец считает своим долгом защитить овцу — ну хотя бы провести пару ночей в ее квартире.

Хм, последнее как раз звучит очень привлекательно!

Мила сидела, тупо пялясь на абзац, который она терзала уже пару часов. Ни туда, ни сюда… Намеченный сегодняшний объем уже явно не выполнит. Пойти, что ли, спать завалиться? Мила глянула через плечо. Вон, как ее… охранник.

Верный страж лежал на диване, закинув руку за голову, и тихонько похрапывал. В этот раз он спал не раздеваясь — то ли стеснялся, то ли готовился к военным действиям, в которых, как известно, участвовать в одних трусах не то чтоб неприлично — смешно. Между прочим, по всем канонам жанра защитнику сейчас следует заниматься утешением дрожащей овечки. Вплотную.

А, да, овечка забыла проблеять жалобно: «ОЙ, ОБНИМИ МЕНЯ, МНЕ ТАК СТРАШНО!»

…Мила проснулась от глухого вскрика в соседней комнате; впрочем, сразу вспомнила, кто у нее в гостях. Слышала, как Глеб вскочил и рыщет по комнате, потом — пиликанье телефонной трубки.

— Вы видели его?! Да какой четвертый час ночи! Ваши наблюдатели видели его? Что значит — не мое дело? Он был там, я знаю! Ну так позвоните им!.. Да, прямо сейчас позвоните! Или дайте мне их номер… ну сами! Так я перезвоню?

Мила закуталась в простыню и осторожно подошла к двери. В наступившей тишине было слышно, как громко и быстро Глеб дышит. Снова пиликанье клавиш:

— Ну? Как не видели? Что значит — не было? Говорю, он там был! Ну так вызовите Нюхача! Слушай, я знаю, что говорю! Это правда! Ну…

Собеседник, видимо, бросил трубку, потому что Глеб нецензурно выругался и со всей силы рухнул на диван. Между прочим, диван старенький, Мила все собиралась его сменить; если каждый псих будет так на него падать, ей все же придется скоро раскошелиться… Мила сунула нос в гостиную.

— Разбудил тебя? — спросил Глеб, не оглядываясь. — Извини.

Он сидел на диване спиной к ней и перекидывал из руки в руку телефонную трубку. Подошедшая Мила поймала трубку в воздухе — опять ее имущество в опасности! — и села рядом.

— Что случилось?

— Я звонил Реве.

— Зачем?

— Я знаю, что *тот* был на стройке. Только что.

— Откуда?

Глеб покосился на нее.

— Ты не поверишь.

— Ну не поверю и не поверю. Откуда?

— Я видел сон…

…как он проник в свою разграбленную нору — люди утащили всю его старую добычу, его игрушки, наследили так, что он не скоро сюда еще вернется, пока не пройдет их вонь… а вот этот запах — он даже заурчал от наслаждения — этот запах, эта кровь… он лизнул след на стене, ощутив вкус крови вместе со вкусом несъедобного цемента… и взвыл торжествующе и беззвучно…

— Ты ничего не слышал? — встрепенулся наблюдатель, залегший на втором этаже недостроя.

— Нет. — Напарник, привстав, закрутил головой. Зевнул. — Утро уже.

А прямо под ними, неслышный и невидимый, скользил тот…

— И часто ты видишь такие сны?

— Нет.

Только когда познакомился с тобой. Ведь *тот* убивал и прежде, но Глеб никогда не просыпался в поту от таких реальных сновидений. Что-то послужило катализатором…

Кажется, мысли у них текли параллельно, потому что Мила спросила:

— А когда ты у меня заночевал… э-э-э, кажется, во второй раз, со счету уже сбилась… ты говорил, у тебя кошмар; тоже снилось что-нибудь подобное?

— Да.

— Про… меня?

— Да.

И про него самого. Но эти ощущения — как трепещет и поддается под зубами горячая плоть — его, или *того,* терзавшего женщину?

— Как меня убивают? — уточнила дотошная Мила.

Глеб молча кивнул.

— Вот эти твои способности — видеть провидческие сны — и исследовали в ИМФ?

— Нет. Не эти.

— А какие?

Глеб дернул плечом:

— Не важно. Важнее, что *тот* обладает какими-то аномальными способностями. Раз его не смогли засечь опытные наблюдатели. Отводить глаз или… что еще?

Мила сидела рядом с ним — плечо к плечу — и сосредоточенно размышляла.

— Мимикрировать, — предположила она. — Сливаться с окружающей обстановкой. Как хамелеон, например. Глеб, это ведь не собака?

— Н-нет. Думаю, нет.

Мила кивнула, словно что-то поняла. Или правда поняла?

— А почему ты во сне видишь… его? У тебя есть догадки?

— Есть, — произнес он через паузу так, что Мила безошибочно перевела — но тебе не скажу.

Потому что *тот* наверняка оборотень. Как я. Первый оборотень, которого я вижу. Хотя бы во сне. И Рева тоже так считает, хотя на всякий случай думает, что все вытворяю я. Раз никого другого под рукой.

Глеб иногда подумывал: а если б он встретил *своих*? В подростковом возрасте ему очень этого хотелось. Чтобы было, наконец, с кем поговорить об *этом.* Сравнить, спросить, узнать — как они справляются? Представлял — вот кто-то подойдет однажды, тронет за плечо, скажет: «Привет, мы такие же!». Никто его не искал. Никому он не был нужен. И став взрослым, Глеб решил, что это и к лучшему. Ни к чему зверям сбиваться в стаю…

Но как оказалось, и один зверь может много чего натворить.

— Глебушка, — спросила Мила, заглядывая ему в лицо. — А *кто* это все-таки?

Интересно, она сразу поверит? Или начнет думать, как Кристя, что он ее обманывает? Или — того хуже — заподозрит, что он настоящий псих?

— Ну… — буркнул Глеб. — Ты же писатель. Фантаст. Придумай что-нибудь.

— А-атлично! — пропела писательница. — Придумай, детка, кто там в ночи рыщет и крови твоей ищет! Великолепный способ развеяться и спасти себе жизнь! Спасибо за помощь, добрый человек!

Встав, издевательски поклонилась ему в пояс (едва не уронив при этом намотанную простыню) и собралась гордо удалиться в спальню.

— Мил, извини, но я правда… я не могу сказать!

Зато он может теперь даже хватать ее за руку, отметила Мила. Забыл, что шарахаться надо. Пальцы сильные, горячие, по предплечью, плечу — темная поросль волос. Такие же на груди,

волосатый какой, а какой пресс, бли-и-ин…

Э-э-э, отвлеклась от сути разговора!

— Почему? — спросила Мила.

— Что — почему?

— Почему сказать не можешь? Что тебе мешает?

— Я… — Глеб разжал пальцы, засунул руки себе под мышки и пожал плечами. Широкими. — Просто…

Он может до бесконечности отделываться междометиями-многоточиями и пожиманием плеч, поняла Мила.

— Хорошо, а если я все-таки придумаю, ты хотя бы скажешь — права я или нет?

— Может быть.

Мила, потрясая воздетыми руками, послала потолку несколько энергичных слов. Ушла в спальню, от души хлопнув дверью.

Глеб проснулся раньше, побрел варить кофе — себе и не выспавшейся хозяйке.

Мила приближалась, точно маленький квартирный тайфун: хлопанье дверей, недовольное ворчание, шлепанье босых ног, шум воды. Явилась на кухню, уставилась на него неприязненно, пальцами укрощая вставшую дыбом челку.

— Привет, — пробормотал Глеб.

— Это не вампир! — с вызовом заявила Мила.

Глеб не ожидал, что она сразу возьмет быка за рога. Неужели вместо того чтобы спать, она еще и варианты прокручивала?

— Да? Почему?

Мила села на диванчик, привычно подбирая под себя ноги. Глеб пожалел, что халатик у нее не длиннее. Да и сверху тоже прикрыть не мешает. Чтоб откровенно на нее не пялиться, оставалось только отвернуться к плите.

— Хотя вампир, конечно, не… хм, *нечеловечески* силен, насколько я понимаю, специализация у них другая. Выпьют кровь, на фиг им еще косточки обгладывать? На закуску, что ли?

Глеб невольно фыркнул. Да уж.

— Хотя если у него поехала крыша… — рассуждала Мила.

— Крыша у него поехала определенно, — эхом откликнулся Глеб.

Мила прищурилась:

— Но это не вампир?

— Нет.

— Едем дальше! — азартно сказала Мила. Потерла руки. — Сыр будешь? Тогда режу.

Глеб перелил кофе в чашку и поставил варить себе. Джезвы у Милы баловство одно — крохотные, на одного человека. Сразу видно, не привыкла готовить завтраки еще кому-то. Вот у него дома нормальная кофеварка, сразу на литр. А он тут выделывается, кофе варит мизерными порциями… чтобы Мила побыстрее проснулась и со свежими силами насела на него с вопросами!

— Просто людей я отметаю. Не видела таких аномально развитых зубов, которые запросто бы дробили берцовую кость. Переходим к магам.

— Переходи, — пробормотал Глеб.

— Насколько мне удалось выяснить, процент магов, умеющих *превращаться,* ничтожно мал. Да и Рева наверняка их всех пробил. Некоторые еще способны создавать иллюзии превращения, но иллюзии все-таки не могут загрызть людей.

— А может, маги умеют отращивать себе такие зубки? — не удержался Глеб. — Если уж ты отталкиваешься от наличия-отсутствия зубов…

Мила взмахом руки отмела его реплику как внимания не заслуживающую.

— И тогда кто у нас остается?

— Кто? — отозвался Глеб, не спуская взгляда с кофе. Вот-вот снимать…

Услышал, как Мила хлопнула ладонями о стол.

— Оборотень!

Глеб остановившимся взглядом смотрел, как стекают по узорчатым металлическим бокам джезвы коричневые потоки. Очнулся, схватил за ручку, закрутился на месте, не соображая, что делать дальше. Мила выбралась из-за стола, выключила тумблер и принялась вытирать плиту, рассуждая при этом:

— Почему оборотень? Зубаст, силен, кровожаден — во всяком случае, по фольклору. Так что вполне может справиться с взрослым человеком. Далее. Опять же согласно фольклору оборотень не владеет собой лишь в полнолуние, а до полнолуния еще почти неделя. Все остальное время он такой же, как мы, плюс-минус всяческие способности и странности. Если оборотень… э-э-э… показывает зубы и в остальное время, значит, у него действительно, как ты говоришь, съехала крыша, или, — Мила обернулась к Глебу, торжествующе подняв палец, — или он вполне собой владеет и отдает отчет в своих действиях, а значит, контролирует и свои превращения! Тогда ты правильно предупреждал меня, чтоб я не открывала дверь незнакомцам! А я-то еще думала — при чем тут люди, не появился же у этой милой зверюшки помощник среди людей?

Глеб вспомнил о кофе. Надо налить себе. Хоть остаток.

— Ну как? — спросила Мила у его спины. — Я права? Это оборотень?

— Да, — сказал Глеб, не оборачиваясь. — Оборотень.

Довольная писательница вернулась на свое место. Подытожила:

— Ну вот так вот.

Завтракала (обедала?) с аппетитом, поглядывая на молчащего Глеба. Мог бы и похвалить ее за догадливость! Сидит, сгорбившись, глядит в чашку, вокруг глаз — темные круги, на ввалившихся щеках — щетина. Бритву забыл дома, наверное. Между прочим, несколько дней назад он выглядел куда здоровее: болеет или не выспался… Ой, кто бы говорил, на себя в зеркало посмотри!

Завтракала (обедала?) с аппетитом, поглядывая на молчащего Глеба. Мог бы и похвалить ее за догадливость! Сидит, сгорбившись, глядит в чашку, вокруг глаз — темные круги, на ввалившихся щеках — щетина. Бритву забыл дома, наверное. Между прочим, несколько дней назад он выглядел куда здоровее: болеет или не выспался… Ой, кто бы говорил, на себя в зеркало посмотри!

— Ну, что будем делать с оборотнем? — доев, спросила Мила.

С каким из, едва не переспросил он. Глянул исподлобья. Глаза Милы были по-прежнему насмешливо задорными. Развлекуха ей!

— Мила, *ты* ничего делать не будешь, — с нажимом сказал Глеб. — Хватит уже, влезла по самое не хочу! Сиди дома, книжки пиши.

— Кирхе, киндер, кюхе, бух! — продекламировала писательница. — А отважные мужчины в это время будут охотиться на оборотня? И что сделают, если поймают?

А что делают с бешеной собакой? Глеб потер лоб.

— Смотря в каком… обличье. Когда перекидываешься… уже не задерешь руки… лапы, если тебе прикажут их поднять. Или не захочешь, или просто не поймешь, что тебе говорят. Теоретические наработки, как справиться с оборотнем, у СКМ наверняка имеются. Практические… не уверен.

— Ты будешь им помогать?

— Нет. Если только… Навряд ли. И тебе не дам.

Мила засмеялась.

— Люблю решительных мужчин!

— Мила, я серьезно.

— А я-то как серьезно!

У Милы имелся один большой недостаток (кроме миллиона маленьких): она не выносила чувства страха и беспомощности и, стараясь быстрее от этих чувств избавиться, шла напролом. Глеб, как и позвонивший Рева, обеспечили ее этими эмоциями с избытком. Лейтенант СКМ сообщил, что охрану выделить не может, одобрил совет Глеба не выходить из дома и велел

передать ему трубку («Панфилов же все еще наверняка у вас отирается?»). Мила старательно подслушивала, но услышала от повернувшегося к ней спиной Глеба только: «Да. Нет. Помню… А то я без вас не знаю, что мне делать!»

Глеб вновь отшвырнул трубку — хорошо, в этот раз на мягкий диван, а не на пол. Прорычал:

— Ч-чертов Рева!

— Что он тебе такого сказал?

— Пойду прогуляюсь!

Да уж, подыши свежим воздухом, моя техника и мебель целее будут…

Как ни странно, Миле хорошо в этот день работалось. Она печатала практически не задумываясь, словно кто-то стоял у нее за спиной и надиктовывал в самое ухо. Наверное, пресловутый Муз нагулялся, усовестился-таки и решил наверстать упущенное за предыдущие странные дни. Больше всего она любила в писательстве вот это состояние — несущей волны. Потом и текст править практически не приходится…

Мила даже не заметила, как за окном стемнело.

О чем ее не замедлил оповестить явившийся Глеб. Она пошла открывать ему дверь — расслабленная, довольная, встряхивая на ходу гудящими запястьями. В самый последний момент даже вспомнила, что нужно заглянуть в «глазок».

— Ты что, совсем сдурела?! — рявкнул с порога Глеб.

Мила удивилась:

— Да нет, вроде не больше обычного…

— Ночь на дворе, а у тебя все нараспашку! Сколько можно говорить?

Пролетел мимо нее, Мила услышала, как он с лязгом и грохотом захлопывает окна и балконную дверь. Выскочил на кухню, блеснув по дороге злобным взглядом:

— Как можно быть такой… кретинкой!

Снова грохот оконных рам.

Мила подумала и пошла за ним следом. Глеб, запрокинув голову, громко и жадно пил воду прямо из чайника.

— А на каком основании ты так со мной разговариваешь?

— Да потому что ты элементарных вещей не понимаешь! — бросил через плечо Глеб и вновь припал к чайнику.

— Я много чего в жизни не понимаю, — холодно сказала Мила, — но самое главное не понимаю — почему я в *своем собственном* доме должна терпеть твои вопли?

Глеб грохнул чайником и круто повернулся к ней. Белки его глаз налились кровью.

— Потому что я хочу тебя защитить, идиотка! А ты… ты только лезешь, куда тебя не просят! И никогда не делаешь того, что тебе говорят!

Мила прижмурилась и сказала — еще отчетливей и выразительней:

— Молодой человек (точка, призыв к вниманию), я никогда (восклицательный знак) не просила вас (два восклицательных знака) меня защищать! Так что можете быть свободны! (пауза) И причем — немедленно!

Глеб смотрел на нее, странно ссутулившись, — точно подобрался перед прыжком. Глаза его стали просто бешеными.

— Что? — спросил отрывисто.

Мила поежилась — но мысленно.

— Я сказала: отправляйся к себе домой или… куда хочешь. Выживу и без тебя.

Глеб стоял неподвижно. Мила просто физически ощущала, как злость плавится в его теле, скручивая мышцы в тугой узел; почти видела, как она обволакивает его, струится, словно раскаленный воздух над нагретым пригорком…

Он так стремительно метнулся из кухни, что Миле на миг показалось — ее просто снесут с дороги. Разминулись на миллиметр. Через миг Глеб уже вылетел из комнаты со своей сумкой, наспех застегнутый ее замок прищемил торчащий край какой-то одежды. Резко повернул ручку и от души грохнул дверью. Металлический звон пошел по всему подъезду.

— Ну и проваливай, — напутствовала Мила негромко. Подумала и закрыла дверь еще на один замок. Потом проверила окна — слава богу, стекла этот псих не разбил.

Да, недолго же ее поохраняли!

Мила проснулась практически в тот же час, что и Глеб прошлой ночью. Собственно, она и задремала-то незадолго до этого — сегодня как никогда чувствовалось, что она в квартире совершенно одна: странные шорохи, стук тополиных веток по стеклу, рычание водопроводных труб (и какой сволочи приспичило принимать ванну перед рассветом!). Пожалуй, пора заводить какого-нибудь домашнего любимца, раз домашняя скотина в виде мужика у нее никак не приживается…

Нет, Миле не приснился кошмар, который преследовал Глеба. Или новая идея для книги — она специально держала возле кровати блокнот с ручкой для записи снов, пока те еще не растаяли в трезвом воздухе утра.

Просто в ее недолгом сне наконец сложился паззл, кусочек от которого никак не находился наяву. Встал на место, и картинка получилась яркая, полная. Понятная. Мила нашарила телефон, стоявший у кровати. Ей даже в голову не пришло, что Глеб может отсутствовать или просто элементарно спать.

Он не произнес ни слова, просто прервались длинные гудки, и Мила, ничтоже сумняшеся, выпалила:

— Глеб! Ты оборотень?

Пауза была длинной — ни шороха, ни дыхания, ни обычного потрескивания или гудения телефонной линии, сложной паутиной опутавшей город.

— Да, — тихо сказал Глеб.

— Придешь днем?

Хриплый выдох — казалось, Глеб хотел засмеяться, но запер смех в горле.

— Да.

Он сидел напротив: настороженный, сжатый, как пружина. Взгляд запавших глаз — как обычно, исподлобья, — напряженный. Казалось, он боялся ее. Мысль об этом Милу позабавила: это она должна его опасаться! Но вот не боялась, наоборот, неожиданный поворот знакомства, и так начавшегося достаточно необычно, заинтриговал и взбодрил ее.

— Есть хочешь?

— Я уже.

К полнолунию его все больше тянуло к полусырому, а то и вовсе сырому мясу. Хорош бы он был, жадно поглощая при ней сочащийся кровью кусок!

Мила нетерпеливо вздохнула. Он видел, что ее переполняют вопросы. Эти вопросы светились даже в ее поблескивающих глазах. Точно в детских комиксах. Но писательница, на удивление, придержала свой нетерпеливый язык. Сказала неожиданно:

— Глеб, если ты не хочешь говорить об этом…

То что? То она лопнет от любопытства, но честно не задаст ему ни единого вопроса? Глеб не верил этому — не мытьем, так катаньем, но Мила выдавит из него все, что ее интересует.

И тут он с удивлением понял, что хочет ей рассказать. Все.

…Мила прикончила уже пятую чашку кофе. Глеб пил только воду — жадными крупными глотками: от долгого рассказа у него постоянно пересыхало горло. Он говорил, говорил и говорил. Хозяйка не перебивала его уточняющими вопросами, не ахала, не охала, зачастую даже на него не смотрела. Зато Глеб неотрывно смотрел на нее — цеплялся взглядом, как якорем, точно боялся, что его унесет мутным потоком воспоминаний.

Часть из этого он рассказывал и раньше. В ИМФ. Но тогда он выкладывал факты. Отвечал на вопросы, как на анкету. Никого из «феноменщиков» не интересовало, что чувствовал тринадцатилетний пацан, впервые *обернувшись.* Как тогда смотрела на него мать… Из-за этого взгляда он надолго исчезал из дома. Но все же возвращался, потому что даже у зверя должен быть свой дом. Нора. А перед полнолунием уходил в подлесок за широкой трассой (они жили тогда на самой окраине города). Мало ли бродячих собак там обитает, пугая грибников и любителей пикников на природе!

Он почти перестал общаться со сверстниками, да и те его не задирали — Глеб вспыхивал мгновенно и дрался молча и беспощадно. Клеймо психа охлаждало даже самых безбашенных

во дворе. Компьютер стал его спасением и его заработком. В шестнадцать лет он предложил разменять матери квартиру. Та согласилась сразу и без вопросов. Он до сих пор живет в той первой купленной им квартире. И ни разу с тех пор не видел матери.

— Она сказала, не знает, кто мой отец — так, случайный кавалер. Поняла, что забеременела, и решила родить для себя. Возраст поджимал…

Мила качнула головой.

— Не верю.

Чуть ли не первый раз за время рассказа она подала голос.

— Чему?

— Не верю, что она так легко от тебя отказалась. Что она не хотела тебя видеть. Тем более, как ты говоришь, рожала для себя… Таким мамам, наоборот, присущи совершенно неадекватная любовь и некритичность к поздним детям.

— За эти десять лет она ни разу даже не попыталась встретиться со мной!

Мила обводила пальцем пустую кружку и просто кивнула на ярость, прозвучавшую в его голосе: детская обида на единственного родного человека в жизни, которому он доверял и который не захотел или не смог ничем помочь ему. В подростковом возрасте открытие, что взрослые тоже не всесильны, зачастую вызывает презрение или злобу к этим самым взрослым… Ей вдруг представилась картина, подходящая для слезодавильной мелодрамы: старенькая мать прячется, чтобы хоть украдкой увидеть своего взрослого, красивого, так и не простившего ее сына.

Да уж, профессиональная деформация налицо — в любой жизненной ситуации она пытается найти сюжетец для рассказа. Вот и теперь, слушая, Мила автоматически прикидывала, сумеет ли описать, как и что происходит в полнолуние с Глебом.

— Знаешь, все-таки я думаю, она знала — *кто* мой отец, — неожиданно сказал Глеб.

— Почему?

— По ее реакции. Это для меня был шок, а она… Как будто ожидала, понимаешь?

— Да. Жаль, что она не сказала. Если бы ты был… э-э-э… чистокровным оборотнем, наверное, перекидывался бы еще с самого младенчества, да и в семье бы тебя обучали, и не пришлось осваивать все методом проб и ошибок… Ты до сих пор уходишь в леса?

— Нет. — Глеб дернул уголком рта. — Прогресс. Сам придумал. Хорошая звукоизоляция квартиры, металлические жалюзи на окнах, запас мяса и воды. Пальцы оборотня, — как бы демонстрируя, он поднял широкую, совершенно обычную мужскую ладонь, — не такие ловкие, как у людей. Я не могу вставить ключ в замочную скважину, чтобы открыть дверь… Хотя все равно каждый раз пытаюсь.

Мила нахмурилась, неожиданно вспомнив царапины на собственной двери.

— Глеб! Ты что, *оборачивался* у меня?

Глеб уткнулся лбом в сжатые на столе кулаки, сказал невнятно, в пол:

— Не знаю. Кажется — да. А было ли это на самом деле… Мил, да это же просто смешно: оборотень внутри защищает от оборотня снаружи!

Судорога прошла по его напряженным плечам, по вздувшимся буграм мышц. Никогда до этого он не казался ей таким сильным…

Чтобы не испугаться, Мила задала вопрос суховато-любопытствующим тоном:

— Но ведь тогда еще было не полнолуние?

Ее интонация оказала требуемое действие: прекратила начинавшуюся истерику — ее или Глеба. Он выпрямился, потер лицо.

— Раньше я считал, что это возможно лишь в полнолуние. Потом… в ИМФ… они расшатали мой цикл. Теперь я могу перекинуться… в любое время.

— И этот процесс ты не можешь контролировать? — подсказала писательница.

Глеб отвел взгляд, но врать не стал.

— Наверное, нет.

— Миленько, — сухо констатировала хозяйка.

— Мне уйти?

— Успеешь еще. В кого ты превращаешься? Или термин неправильный? Оборачиваешься, перекидываешься?

Хоть горшком назови…

— Мне показывали записи. Вервольф. Волколак. От… — Глеб хрипло вздохнул. — Отвратительно.

На самом деле он смотрел на забившегося в угол или мечущегося по комнате зверя и не мог поверить до конца, что эта тварь…

Мила внимательно наблюдала за ним. В ее лице не было и тени сочувствия, когда она сказала:

— Это — тоже ты. Или твоя часть. Совсем немаленькая часть, давай-ка прикинем по времени: лунный цикл составляет, кажется, двадцать девять дней? Полнолуние длится один, ну, на наш невооруженный глаз — три… Девятая? Это все равно что ненавидеть свою собственную руку или ногу.

Глеб оскалился. Как она могла понять?!

— Рука или нога не убивает людей!

Мила взяла чашку, встала и прошла мимо него к плите. Глеб отшатнулся, словно боясь, что она к нему прикоснется. Налила пустого кипятка, забыв про кофе, и вернулась обратно. Спросила ровно:

Мила взяла чашку, встала и прошла мимо него к плите. Глеб отшатнулся, словно боясь, что она к нему прикоснется. Налила пустого кипятка, забыв про кофе, и вернулась обратно.

Спросила ровно:

— Ты убивал людей?

Глеб снова потер лицо — не чтобы взбодриться или потянуть время — прятался от ее прямого взгляда.

— Животных — в детстве. Насколько я помню, людей… (рука, заслоняющая разорванный живот, огромные глаза на белом лице) нет. Убивал… других. В ИМФ до… доэкспериментировались, а я случайно… в другом обличье выбрался на свободу. Мила, я не хочу… не буду об этом рассказывать.

Женщина отпила воды из своей чашки; поморщилась, не осознавая, почему так изменился привычный вкус кофе.

— Но ты боишься, что все-таки будешь охотиться на людей. То есть в том… облике ты себя никак не контролируешь? Ни проблеска разума, никаких воспоминаний?

Воспоминания были. Мощь. Скорость. Свобода. Хруст добычи на зубах — добыча сильна и увертлива, но он — сильнее! А человеческое отвращение отступает и отступает под напором растущей Луны…

— Глеб, а в обычное время ты чем-то отличаешься от нас?

А вот Милой правит не Луна, но сила не менее могущественная — любопытство.

— Слух. Зрение. Нюх. — Парень по очереди касался уха, глаз, носа, словно она была глухой и нуждалась в демонстрации, в дополнительных жестах. Мила мельком подумала, что, пожалуй, и впрямь глуховата — особенно в части предупреждений о возможной опасности со стороны Глеба.

— Особенно запахи достают. Ты не представляешь, какую роль для нас играют запахи! Некоторые к полнолунию меня просто с ума сводят. Или пугают, или… Я, например, могу издалека унюхать, каким одеколоном пользовался тот парень неделю назад, что у вот этой проходящей мимо женщины сейчас менструация, а вон у того старик ацидоз…

— А курящие тебя просто убивают, — пробормотала Мила. — Но если я сейчас не покурю, то сдохну сама. Иди, — она неопределенно помахала рукой, — посиди где-нибудь пока… со своим сверхчувствительным носом.

Он ушел в гостиную и, пока мерил комнату шагами, с удивлением понял, что готов говорить и говорить: точно сорвало вентиль у крана и слова, как вода, хлестали непрерывным потоком. Он, наверное, ее уже достал! Но вопросы у Милы не кончились и когда он вернулся на кухню.

— А ты можешь рассказать о своих ощущениях при перекидывании?

— Для тебя специально заведу дневник, — буркнул он. — Что, хочешь написать роман про оборотня?

— А ты против? Кстати, дневник — не такая уж плохая идея, можешь прославиться! «Дневники оборотня»! Звучит! Готова обеспечить литобработку!

Странно, но рядом с ней ему постоянно хочется смеяться. А Кристя говорила, что у него

совсем нет чувства юмора.

— Я вот хотел сказать: извини, что я вчера на тебя рявкнул… я перед полнолунием слегка не в себе…

Мила понимающе кивнула:

— Знакомо-знакомо! Ставлю тебе диагноз — ПОС!

— Что?

— Предоборотнический синдром! По аналогии с предменструальным.

У него дернулся рот — слабый отблеск его обычной кривоватой улыбки.

— Такого сравнения я еще не слыхал!

Мила пожала плечами.

— Ну видишь ли, мы, женщины, тоже во власти цикла. Во власти Луны, в некотором роде… Глеб, ну попробуй, опиши свои ощущения! Пожалуйста!

А перекинуться посередь кухни вам не нужно?

Обычно Глеб избегал воспоминаний об *этом.* Ничего приятного в них нет: дикая боль, ощущение, что тебя пропускают через гигантскую мясорубку, и ты, искалеченный, с перекрученными костями, измочаленными мышцами и ободранной кожей, пытаешься снова научиться дышать, двигаться. Жить. Но самое мерзкое — ты не можешь сопротивляться, не можешь остановить это… не можешь *не быть.*

— Я… попробую.

Он прикрыл глаза, тщательно, с хрустом в суставах и напряжением мышц потянулся. Снова полуприлег на стол, уткнулся лбом в скрещенные руки, пытаясь вспомнить, представить… Резко обострились слух и обоняние. Он услышал быстрый стук сердца женщины. Ни черта она не была такой спокойной и хладнокровной, какой казалась. Но вот запаха… запаха страха не было. Скверно. Она не принимает ни его, ни ситуацию всерьез. Наверное, не верит ему до конца. Просто играется в темные истории, рассказанные на ночь. А ведь он совсем не хочет ее пугать. Только не ее…

Глеб так мало спал сегодняшней ночью, что мгновенно провалился в черный колодец сна.

И очутился на стройке.

Он видел свои лапы — черные, сильные лапы, ступающие так неслышно… почти не оставляющие следов. Когти — мощные, жесткие, острые, он на пробу выпустил их, любуясь — почти такие же опасные, как его клыки. Он поднял взгляд, увидел человека напротив и радостно оскалил зубы…

Глеб так резко отпрянул-оттолкнулся от стола, что чуть не упал вместе с табуретом. Услышал испуганный возглас:

— Что такое?!

Он готов был поклясться, что его левая рука медленно, неохотно превращается, *возвращается* из мощной звериной лапы в обычную человеческую кисть. Глеб вскинул глаза на прижавшуюся к стене Милу. Она была испугана, но не потому, что *видела* — просто испугалась его неожиданного резкого движения.

Глеб мотнул головой и поднялся. Сказал хрипло:

— Плохая идея. Плохая… я чуть…

— Что случилось, Глеб?

— Когда я представил все… да я ведь могу запросто сейчас перекинуться, прямо сейчас!

Мила вглядывалась в его лицо с сочувствием. Кивнула понимающе.

— Это, наверное, как с сексом? Начинаешь вспоминать, представляешь, фантазируешь и обязательно возбуждаешься…

И Глеб наконец расхохотался.

Они решили, что спать будут по очереди. Глеб — днем. Оба как по договоренности не упоминали о том ближайшем времени, когда Луна возьмет над ним полную власть.

Волчок — так Мила теперь называла его про себя — уснул сразу. Рухнул как подкошенный на диван и только проворчал что-то, когда она укрывала его пледом.

Мила вымыла посуду: две каких-то жалких чашки, ни рукам занятия, ни уму отвлечения! Честно уселась за компьютер. Даже некоторое время посражалась с текстом, пока не поймала себя на том, что механически исправляет «е» на «и» и обратно. Сдалась, крутнулась на стуле и стала смотреть на спящего оборотня.

Парень как парень. Ну лохмат, волосат, кого это в мужчине удивляет… Как бы она смогла опознать в нем вервольфа? Может, точно такие же живут рядом с ней по соседству, каждый день здороваются… Мила от души повеселилась, представляя, в кого бы могли обратиться ее соседи по лестничной площадке. Склочница Анна Ивановна — точно в какую-нибудь гиену. Пятнистую и плешивую. Падалью питающуюся…

Итак, она попала в зону особого внимания двух оборотней. Один — вот он, собственной персоной продавливает ее диван. Пошел в добровольные охранники, считает себя виноватым в том, что другой хочет ее скушать. А почему, собственно, второго так на ней перемкнуло? В столице десяток миллионов человек, есть и поупитаннее. Поаппетитнее. Может, это все домыслы нервного оборотня и не менее нервного офицера магической полиции? Никто ей двери пока не выбивает, в окна не лезет, клыками над ее лилейной шеей не щелкает…

В кухне хлопнула форточка, Мила подпрыгнула от неожиданности и испуга. Глеб уже сидел, упершись обеими руками в диван, и тупо смотрел на нее мутными глазами. Мотнул головой, спросил хрипло:

— Что?..

— Ничего. Спи.

Точно ему требовалась только ее команда — рухнул обратно и засопел. Охр-р-ранничек…

Он проснулся сам, когда на небе появилась пока еще прозрачная Луна. Тело выламывало, выкручивало — как всегда перед обращением. Но сегодня он хотя бы выспался. Мила что-то готовила на кухне и напевала. Намеренно шлепая ногами, он пришел на кухню. Хозяйка, даже не повернув головы, тут же спросила:

— Глеб, а он запал на меня из-за запаха? Запаха моей крови?

Все это время она продолжала формулировать вопросы!

— Да.

Глеб оседлал табурет.

— И пока его… этого не поймают, он так и будет меня искать?

— Да. Это как… болезнь. Мания. В этом смысле можно нас считать… маньяками.

Мила отбросила ложку, повернулась к нему.

— Глеб, а ты?

— Что — я? — спросил он агрессивно.

Она что, хочет узнать, не околдован ли и он ее запахом? И как прикажете на такой вопрос отвечать? Скажешь «да» — испугается, скажешь «нет» — обидится. Женщины, они такие… неадекватные.

К счастью, Мила спрашивала про другое.

— Ты тоже можешь найти меня по запаху?

— Да.

— Везде?

— Ну, если ты не улетишь на самолете прямо из окна, думаю, да.

— Хорошо. — Мила вновь повернулась к плите. — Сейчас поужинаем, потом мне надо работать.

— Он вам и об этом рассказал? — задумчиво спросил Рева. — Ну и… как?

— Что — как? — не поняла Мила.

— Как вы к этому относитесь?

— Крайне нервно! Меня, например, очень волнует, как и когда вы собираетесь поймать того, со стройки?

— Вам рассказать все свои планы?

— А почему бы и нет? У дилетантов всегда можно услышать свежие советы.

Рева выразил гмыканьем все, что он думает о дилетантах и об их советах. Мила слушала его сопение. Если сразу не бросил трубку, значит, разговор — такой или сякой, — но состоится.

— Засада, это я понимаю! — Мила все-таки не выдержала первой. — А если он сюда не вернется, раз тут так наследили? Ну знаете, как птица не возвращается в гнездо, если трогали ее птенцов или яйца…

И тут же прикусила язык, вспомнив, как наследила сама.

— Вы обсуждали это с Панфиловым?

— Да. Он сказал, не уверен, что вы, маги, справитесь с оборотнем. Что тут справились бы оборотни… правда, не в период полнолуния.

— Хм… а свою помощь он вам не предлагал?

Какую помощь — биться за нее, чужого человека, с другим оборотнем? С чего бы это, он что, ненормальный?

Хотя разве нормальный?

— Нет, мне не предлагал. А вам?

— Нет.

Снова молчание.

— Мы тут подумали, не согласитесь ли вы…

Заминка во всегда уверенном голосе Ревы — есть отчего насторожиться.

— Не соглашусь — на что?

— Ну раз он все равно как бы… взял ваш след…

— Нет!

— Я же еще не досказал…

— Можете и не трудиться! Не собираюсь я быть вашей подсадной уткой! Я что, похожа на сумасшедшую?

— Да, — честно сказал Рева. — Очень.

Мила отмахнулась от выглянувшего на повышенный голос из ванной Глеба. Бритва в руках. А чего это он бреется на ночь? В гости собрался или… что?

— Ну, до такой степени мое сумасшествие еще не дошло! Так что придумывайте какой-нибудь другой способ! До свидания!

— Рева?

— Угадал.

— Предложил быть приманкой?

— Подслушиваешь?

Глеб нецензурно охарактеризовал магическую полицию и лейтенанта Реву в частности. Раздраженно стер пену с недобритой половины лица.

— Не вздумай!

— А то я без тебя не знаю! — огрызнулась Мила. Между прочим, почему этот парень разгуливает по ее квартире полуголым? Как бы он сам прореагировал, если б она прогарцевала перед ним топлес? Как на прямое приглашение! А мужчинам, значит, все можно?.. О господи, девушка, да вы сексуально озабочены! И это в то время, когда по уверениям офицера магической полиции и лояльно настроенного оборотня вашей жизни угрожает страшная опасность…

Ну, одно другому не помеха, философски решила Мила, созерцая крепкий торс Глеба. Что уж — и не помечтать теперь?

— А ты чего это бреешься? На свидание собрался?

— На свидание? — Глеб посмотрел на бритву в своей руке. — Кристя, моя девушка… бывшая… не любила, когда я небритый к ней вечером…

Брови — полумесяцами, в округлившихся глазах — веселый вопрос. Да она из его лепета решит еще, что он к ней…

— Ну, просто привычка! — буркнул Глеб, скрываясь в ванной.

Это похоже на игру алкоголика с самим собой. Дома стоит бутылка, и он вовсе не собирается… да он даже не вспоминает о ней! До поры до времени. Потом думает и одергивает себя — он же зарекался… еще вчера зарекался… он же помнит, он же сильный… Но мало-помалу все мысли начинают кружить вокруг вожделенной бутылки. Он уже знает, что не справится с собой, но все еще кокетничает, все еще пытается… А тело, а мысли, а чувства уже *там,* предвкушают, как он наливает, как торопливо проглатывает первую рюмку… а вторую можно и неторопливо, смакуя… и так далее, далее. Трусливую серую мысль — а что же будет завтра? — отодвигаем в сторону. Будущее — это будущее, когда оно еще наступит, самое главное — цветное кружащееся настоящее…

Это сравнение преследовало Глеба не первый год. После выхода из запоя (полнолуния) — озлобленность, отвращение к себе, серость, усталость, равнодушие… Потом мало-помалу возвращается интерес к жизни, радость, трудоспособность. Он и не вспоминает о своем зелье (оборотничестве), а если и вспоминает, то только с отвращением. А потом тяга-искушение начинают вновь являться: сны, воспоминания, картинки. О том коротком времени, когда запахи острее, цвета ярче, звуки — громче, а сам ты — сильнее, быстрее, страшнее всех этих слабых, мягких *одноликих* людей…

Или это больше похоже на наркоманию? Но вроде бы алкоголизм и наркоманию можно вылечить…

Однако теперь к предвкушению примешивалось еще одно чувство, сводившее на нет все

ожидание не единожды пр***о***клятой радости.

Однако теперь к предвкушению примешивалось еще одно чувство, сводившее на нет все ожидание не единожды пр***о***клятой радости.

Глеб принимал разумные меры обеспечения безопасности себя и окружающих от себя. Он всегда боялся только себя самого, поэтому даже не сразу смог понять, что его сейчас беспокоит.

Страх.

Страх за Милу.

Глеб заметил, что Мила тоже то и дело поглядывает на вечернее небо. Контролирует лунные фазы. Не доверяет ему!

Он снова и снова твердил, как она должна себя вести во время его… отсутствия. Писательница несколько раз по его требованию повторяла: не открывать, не выходить, не… Потом вспылила:

— Ну все, хватит, Глеб! Сколько можно! Тебя не будет-то всего дня три!

— Да ты и за три можешь что угодно натворить! — огрызнулся он и ушел на кухню от греха подальше. За последние дни у них не раз вспыхивали такие короткие перепалки, и Глеб все с большим усилием подавлял в себе ярость. Обычно перед полнолунием он вообще сводил свои контакты до минимума. Если это действительно то, что испытывают некоторые женщины… как они еще не перебили своих мужей и сотрудников! Да еще в такие периоды злость нередко перерастала у него в сексуальное возбуждение, Кристя иногда говорила, что он прямо зверь в постели…

Но то Кристя. А это — женщина, которой он должен свою жизнь и жизнь которой подставил. Оставалось еще только трахнуть ее — до кучи!

Решение пришло к нему в последний вечер, оставшийся до полнолуния. Такое простое, что он даже поразился, как сразу до него не додумался. Хотя эта мысль, наверное, постоянно маячила на периферии сознания, просто он от нее отмахивался. Он должен встретиться с оборотнем. Попробовать пообщаться или хотя бы просто посмотреть на него. Маги говорят, что оборотни ведут более скрытный образ жизни, чем вампиры. Их в столице просто наперечет. Не может же быть, чтобы *тот* не хотел встретиться со своим же!

Ему даже в голову не пришло, что может быть и такое. Что *тот* воспримет Глеба как соперника, посягнувшего на его охотничью территорию. Что, в конце концов, у *того* так сорвало крышу, что ему плевать — кто перед ним. Все казалось Глебу сейчас таким элементарным и разумным, просто провал логики и ощущения реальности. Точь-в-точь как у алкоголика, хитроумно обманывающего себя перед принятием вожделенного напитка.

А главное желание — встретиться, увидеть, пообщаться с таким же, как он, пусть и свихнувшимся — Глеб старательно прятал на самое дно… рюмки.

— Ты куда? — спросила Мила, выглядывая из комнаты. Глеб был таким взъерошенным и сосредоточенным, что было понятно — что-то задумал. Глеб смотрел сквозь нее. В последнее время в его глазах зелень стала куда ярче.

— Мне… пора.

— Как? Уже? Но ведь полнолуние же только завтра…

Он косо боднул лбом воздух, отбрасывая вместе с прядью волос все Милины вопросы и возражения.

— Мне лучше уйти сегодня.

— Ну раз лучше…

Ну почему бы ей не держаться от него подальше? Вот зачем она крепко обнимает его, говорит негромко:

— Береги себя.

Он не удержался — втянул ее запах.

Глеб не ответил на объятие, Мила почувствовала, как по его телу прошла судорога, и парень словно окаменел. Мила отстранилась, утешая себя тем, что прикосновение нужно прежде всего ей. Глеб повернулся, глядя в пол, сказал:

— Пока.

И сбежал вниз по лестнице.

Она провожала его традиционным взглядом из окна. Глеб шел быстро, чуть сутулясь, заложив руки в карманы. Торопился. Наверное, правда почувствовал близость перекидывания… Но свернул он не к себе домой, направо, — налево, наискось через двор. Мила сузила глаза, мысленно пролагая его дальнейший маршрут.

И сказала:

— Гадский волк!

…Мила медленно шла вдоль забора. Нельзя сказать, чтоб она так уж рисковала — время детское, лето в разгаре, народу на улице до фига…

И почти полная Луна на небосклоне.

Она вышла уже на второй круг почета; оглядевшись, нерешительно подергала цепи с замком на металлических воротах. Если здесь и были предупрежденные ею боевые маги, она их не видела. Наверняка сидят в засаде, ожидают, пока глупая жирная утка (или овца?) прокрякает (проблеет) свою предсмертную песню. Еще поди и посмеиваются, наблюдая, как она неловко преодолевает нехилый забор.

Между прочим, а с чего она решила, что Глеб все еще здесь? Может, он и был, да давно ушел домой — запираться от Луны, людей, оборотня и одной надоедливой писательницы. Ну, ничего не случится, если она еще немножко прогуляется по стройке. Променад перед сном, так сказать… Чтобы крепче спалось.

Или приснились кошмары, ага! Как она идет вдоль забора, замирая при каждом шорохе, и

Луна светит, точно ледяной прожектор, а тени жирные, густые, глубокие… А разговоров, звука шагов людей и шума проезжающих машин по ту сторону забора все меньше и меньше… Кажется, что этот самый проклятый забор являет собой непреодолимую преграду между ней и окружающим миром. Между мистикой и реальностью.

Между смертью и жизнью.

…Ну-ну, зачем так уж? В вас говорит неиссякаемая фантазия, госпожа писательница, в которую вы до того готовы поверить, что просто описаетесь от любого лишнего шороха со стороны четко обрисованного Луной недостроя. Кстати, почему в книгах не пишут и в фильмах не говорят о намоченных или обгаженных штанах главных героев? Или они само собой разумеются? Или у них, наоборот, попросту отсутствует эта физиологическая реакция, потому что они именно *герои*?

Так, подбадривая себя размышлениями на тему правды жизни в творчестве, Мила пошла на третий — законно окончательный круг. Во всех сказках (да и в религии, впрочем) говорится о том, что три — число священное. Завершающее. Домой, домой. В теплую безопасную постельку… под все замки и запоры…

Да. Три — число решающее, поняла Мила, медленно поворачивая голову навстречу выскользнувшей из тени глыбе мрака.

Этого запаха просто не могло здесь быть.

Он, конечно, сумасшедший, но не настолько же! И запахи его преследуют, да, перед полнолунием — особенно. Хотя на этот он запал *до* полнолуния… ну и запал, но это ж не повод, чтобы чувствовать его даже на стройке!

Глеб явился сюда уже второй раз. Первый — как только ушел от Милы. Тогда еще только начало смеркаться. Облазил почти всю стройку, все обнюхал. Теперь если появится новый запах — учует. Ни *того*, ни магов в засаде не обнаружил. Или их просто не было?

В ИМФ ему объясняли, что оборотни магическими способностями не обладают. Способность к «смене облика», которую люди издревле приравнивают к колдовству, таковым не является — это нечто вроде мутации. Последнее сравнение, помнится, вогнало Глеба в длительную депрессию — здра-асьте пожалуйста, он еще и выродок к тому же! С каким-нибудь нарушенным генетическим кодом…

Но как же тогда *тот* отвел глаза боевым магам, сидевшим в засаде? Глеб наблюдал таких магов в действии… и искренне желал себе не то чтобы с ними не сталкиваться, но даже никогда их больше не видеть. Или все-таки волшебники чего-то не договаривают?

Или попросту недопонимают?

Глеб вновь вернулся на стройку, когда совсем стемнело. Выбрал стратегически выгодную с его точки зрения позицию — верхний этаж, весь недострой как на ладони. Уселся и стал ждать. Не то чтоб он был уверен, что *тот* непременно сегодня сюда заявится. Просто это последняя ночь, когда Глеб себя мало-мальски контролировал. Последняя, когда он мог хоть что-то сделать. Он сидел на виду у ночи, полностью открытый лунному свету — тот жарил кожу сильнее южного полуденного солнца, быстрее гнал в венах кровь, ускорял, торопил время… Вдох-выдох… врешь, сука, сегодня я еще не твой… Вдох-выдох… Вдох…

И Глеб ощутил запах, которого просто не могло здесь быть.

А через несколько мгновений он увидел ее.

Еще пару минут Глеб мог только материть ее, себя, Луну и весь этот гребаный свет. Эта… она, значит, сказала, будет сидеть дома и ждать окончания полнолуния. Ждать… его! А сама… обходит дозором эту… стройку, выманивает этого… *того…* Рева… чтоб ты… сдох! Твоих… рук дело! Да чтоб вы… все… сдохли!.. …и!..

Глеб наверху медленно, как минутная стрелка, поворачивался, наблюдая за Милой. Та шла вдоль забора, ведя по нему рукой, иногда приостанавливалась, словно прислушиваясь. Глеб искусал себе все губы. Уже не обращая внимания, что зубы у него ненормально острые… для человека… и что руки его стремительно покрываются черной лоснящейся шерстью; что пальцы, сжимаясь-разжимаясь, оставляют глубокие царапины в плите перекрытия. Сейчас он спустится, схватит и утащит ее домой. И пошли они все — *тот,* Рева, боевые маги!..

Глеб бесшумно скользнул по полуобрушенному пролету лестницы. Двигался он уже практически на четвереньках.

Зверь был огромен, красив.

Ужасен.

Огромная тяжелая голова, опущенная к земле, из-за чего казалось, что он горбится. Мощные лапы с когтями как у кошки — зверь выпустил их, то ли демонстрируя, то ли… разминаясь? Черная шкура, казалось, усыпана инеем — так искрилась и переливалась она при свете Луны. Почти полной Луны…

С чего она взяла, что это именно *тот*?

А вдруг они с Глебом пропустили один день (одну ночь), просчитались? А вдруг Глеб сорвался — перекинулся раньше — и ушел-то сегодня, потому что этого и боялся. А она за ним поперлась… идиотка, как он и говорил…

Зверь смотрел на нее неотрывно, маленьких темных глаз почти не было видно под выпуклыми надбровьями. Гипнотизировал? Прикидывал, с какой части лучше начинать ее обгладывать?

Или ждал с ее стороны хоть каких-то действий — крика, бега, падения в обморок?

Мила стояла неподвижно. Только шевельнула сухими губами — или просто подумала:

— Глеб, ты?..

Зверь двинул прижатыми ушами. Поднял голову, точно собираясь выть на Луну. Но на вой это совершенно не походило — казалось, дунули в неслышные трубы, и звук, не улавливаемый слухом, пробрал все ее тело насквозь. Передернувшись, Мила обхватила себя за плечи, словно защищаясь. Да где же эти чертовы маги?!

Зверь качнул головой туда-сюда, точно маятником — чисто медведь в зоопарке, — и вдруг замер.

Второй появился так же бесшумно, выскользнул — тень из тени. Поменьше, полегче, но все

равно ростом с хорошего теленка. Тоже черный, но просто черный — безо всякой флуоресценции. Мила попятилась, переводя взгляд с одного на другого. Ну, по крайней мере Глеб теперь *точно* здесь…

И что, это тебя очень утешает?!

Оборотни не обращали на нее никакого внимания. Смотрели друг на друга. Осталось ли у них сейчас хоть что-то человеческое — от чувства, разума, памяти? Глеб так и не ответил ей тогда. И уж тем более не скажет теперь…

Звери медленно двинулись по кругу, бесшумно скаля зубы, пригибаясь — для прыжка? Мила оказалась внутри этого круга. Она старалась не шевелиться, лишь краем глаза наблюдая за исчезающей за ее спиной черной светящейся фигурой. Где же маги…

Рычание. Мила сгорбилась, всем своим недюжинным воображением представляя, что вот сейчас… Первый зверюга никакого рычания не издал — просто оскалил клыки — но Милу вновь пробрало до самых костей. Инфразвуки он издает, что ли? Кажется, и второй проникся — рычание сделалось громче. Ну пусть побеседуют между собой, может, так и про ужин забудут? «Ужин» очень медленно, очень осторожно начал опускаться на корточки.

И зря.

Глаза «светящегося» вновь сфокусировались на Миле.

Он взвился в гигантском прыжке, и время словно остановилось — Мила видела, как распрямляются мощные лапы, как шевелится шерсть на загривке и хвосте, как обнажаются острые белые зубы…

Второй успел быстрее. Сбитая с ног Мила выбросила вперед руку, услышала хруст в запястье, машинально поставила себе диагноз: перелом в типичном месте… Боль пришла позже — вместе с соприкосновением с твердой землей, выбитым из грудной клетки воздухом, то ли рычанием, то ли громом в ушах…

Кажется, она на миг потеряла сознание. Когда открыла глаза, увидела на фоне гигантской Луны черные мечущиеся тени. Звери взвивались в воздух так высоко, что казалось, они просто умеют летать. Гравий летел во все стороны. Рычание, визг, беззвучный, но яростный рык… Да они сшибаются с таким звуком, что из человека давно бы дух вон!

Меньший, видимо, понял, что с таким крупным противником в лобовой схватке ему не справиться, и поменял тактику — теперь он рвал и отскакивал, рвал и отскакивал, уворачиваясь от своего менее подвижного собрата. Кажется, так поступают волки, загоняя оленя…

…Один убивал другого. Навалился всей массой, душил и рвал. Визг умирающего все больше походил на плач человека. Ах ты ж… гад… Не понимая, кому сочувствует — то ли Глебу, то ли наоборот, — да и вообще плохо соображая, что делает, Мила нашарила здоровенный камень. Бросок получился неожиданно метким — камень прилетел в сияющую башку, зверь мотнул головой, на мгновение ослабляя хватку…

Этого было достаточно. Нижний полоснул его по горлу клыками и откатился в сторону.

Вопль был по-прежнему беззвучным, но Мила все же зажала уши руками — слабенькое препятствие против всепроникающего воя: тот, казалось, попросту дробит ее кости…

Зверь вертел высоко поднятой головой, нюхал воздух: кажется, он не видел ее, но чуял; продолжал двигаться к Миле, волоча задние лапы. То и дело принимался громко скулить, скуление прорастало в вой, зверь вздрагивал, точно сам пугался своего воя, и умолкал — до следующего преодоленного метра.

Зверь вертел высоко поднятой головой, нюхал воздух: кажется, он не видел ее, но чуял; продолжал двигаться к Миле, волоча задние лапы. То и дело принимался громко скулить, скуление прорастало в вой, зверь вздрагивал, точно сам пугался своего воя, и умолкал — до следующего преодоленного метра.

— Глеб… — выдохнула она, прижимая к животу сломанную руку.

Уши оборотня дрогнули, он на мгновение замер и вновь двинулся вперед — ничуть не быстрее, но все с той же ожесточенной целеустремленностью. Идти навстречу? Или надо уже улепетывать? Миле казалось, что у нее выдернули все кости, да и мышцы размякли, как кисель. Так вот почему эти идиотские героини-овечки бегут-бегут и никак не могут убежать от своего кошмара — их просто парализует от страха.

Вот только страха у Милы не было.

Она наблюдала со стороны, да чуть ли не сверху даже, как женщина, сидевшая на земле, зашевелилась; с трудом подбирая под себя ноги, опираясь на одну руку, поднялась на колени. Потом — старушка-старушкой — встала с кряхтеньем, качнулась, ударившись плечом о забор, и шагнула навстречу оборотню.

Ну шагнула — это сильно сказано. Если не паралич, то истерические парезы она себе сегодня точно заработала…

Со стороны, наверное, это смешно смотрится, почти полусонно думала Мила — по ночной стройке навстречу друг другу движутся два калеки… Из пункта А вышел пешеход со сломанной рукой… из пункта Б выполз оборотень с перебитым, кажется, позвоночником… Через какое время они встретятся, если скорость их движения…

Оборотень сдался первым. Каждый следующий сантиметр давался ему все труднее и настала минута, когда он мог только беспомощно скрести лапами по щебню. Заскулил, попробовал еще — и опустил голову на лапы, следя за женщиной.

— Сейчас, волчок, — бездумно бормотала Мила, пытаясь управлять своим собственным продвижением. — Сейчас… ты только не вздумай мне… у меня в отношении тебя эротические фантазии… а ты тут… лапы откидываешь…

Осталось совсем немного, когда, чтобы не упасть, ей пришлось быстренько осесть на колени… ну и подумаешь… мы и на коленках… ты давай не спи, волчок… я уже рядом…

Оборотень не заскулил — засвистел, — вытягивая шею навстречу ее протянутой руке. Коснулся. Ноздри черного носа жадно раздувались, трепетали… трепет пошел по морде, нарастающей волной судороги по шее, по туловищу…

Мила, отшатнувшись, осела на пятки. Черное тело зверя начало сотрясаться дрожью; его выкручивало, выламывало, изгибало под немыслимыми углами — точно прокручивало в невидимой гигантской мясорубке. Под черной шкурой мелькали белые пятна гладкой человеческой кожи, они сливались и сливались в единое пятно… тело… человеческое тело.

Мужчину, лежавшего на боку, било крупной дрожью, чуть ли не подкидывало, но рваные глубокие раны, ужасавшие Милу, когда тот был оборотнем, казались сейчас сглаженными, старыми. Зажившими.

Мила осторожно накрыла ладонью протянутую к ней руку — рука была влажной. Холодной. Пальцы сомкнулись с ее пальцами в прочный замок. Словно уцепившись, закрепившись за нее, как за якорь, Глеб постепенно успокаивался, утихал, проваливаясь то ли в сон, то ли в обморок. Мила, осторожно высвободив пальцы, гладила его по руке и все смотрела с ожиданием на второе тело, бесформенной грудой лежавшее поодаль.

Второй зверь так и не превратился.

— Собака?!

— Собака, — подтвердил Рева. — Мутировала от скопившейся в подвалах стройки магии. Поэтому строительство там и не продолжают — ждут, пока пройдет период распада. Дезактиваторы недоглядели, наша вина, конечно…

Расскажите это погибшей женщине. И тем, чьи останки все еще не установлены.

— И что, просто собака может обладать какими-то магическими способностями?

— Какими-то? Кроме размера, зубов и когтей? — Рева закряхтел, потирая затылок рукой. — Если б какими-то… Главная его способность — абсолютная мимикрия. Вполне возможно, он на стройке постоянно находился, за нами наблюдал. Мы ведь так и не видели, кто там из Панфилова душу вытрясает! Собака стала видимой, только когда умерла.

— А почему же тогда я…

— Ну, вы… — Рева отвел взгляд. — Вы — жертва. Чего вас опасаться? Он от вас и не прятался.

— То есть это все-таки не оборотень? — все же уточнила Мила. — Бедная собачка!

Рева покосился на нее с опаской.

— Да. Собачка. И мы вашего… приятеля уже успокоили на этот счет.

Ее пустили к Глебу сразу, как Луна пошла на спад.

Глеб метался по палате, как… зверь — по клетке. Банальное сравнение, но ему как нельзя кстати подходит. Остановился, уставившись на Милу исподлобья настороженным взглядом.

— Зачем пришла?

— Какое нежное приветствие! — безмятежно сказала Мила. — Передачку тебе принесла. Сейчас выложу и пойду себе.

Уселась на кровать (Глеб, забившись в угол, угрюмо следил за ней), приговаривая, как добрая бабушка, выкладывала свертки на тумбочку:

— Так, это пирожки, сама пекла, с печенью. Это гранаты — для восстановления крови полезно. Сок. Не в курсе, какой ты любишь, поэтому принесла три. Ветчина… знаю я, как в наших

больницах кормят, ешь.

— Больно? — перебил Глеб, показав на ее руку в лангете. Мила покрутила ею.

— Да нет. Эскаэмовцы сразу ее обезболили… когда соизволили заявиться, конечно. Да еще и добавили своей лечебной… как это у вас, магов, называется? Праны? Травматолог просто не нарадуется.

— Я не маг!

Мила кивнула, с удовольствием оглядывая продуктовый натюрморт на тумбочке.

— Ну все. Цветов тебе решила не вручать. Счастливо. Выздоравливай.

— Мила! — окликнул уже на пороге. Она и надеяться перестала.

Глеб смотрел в пол.

— Ты меня не… боишься?

Мила смерила его взглядом. Сказала с великолепным презрением:

— Если уж я *там* тебя не боялась, то теперь-то с какой стати? Ты же пока еле ноги волочишь. Извини, волчок, но нет.

— Я… помню… ты меня там так называла…

— Угу.

Глеб помолчал, провел рукой по шершавой крашеной больничной стене. Сказал неуверенно:

— А вот я еще помню…

— Ну-ну?

— Ты говорила про сексуальные фантазии… про меня… Да?

И отвернулся, разглядывая стену. Боже, какие мы стеснительные! А она-то думала, Глеб хочет обсудить случившееся на стройке… Да уж, основной инстинкт срабатывает у мужчин прежде всего!

Мила еще раз окинула его оценивающим взглядом.

— Ну это мы обсудим попозже, когда ты будешь поздоровей. И поприветливей.

И, посмеиваясь, шагнула за дверь.

Глеб так и не начал отличать магов от обычных людей — ни на взгляд, ни на запах. Разве что их кристаллизаторы научился распознавать. Если те их держали на виду, понятно.

И, посмеиваясь, шагнула за дверь.

Глеб так и не начал отличать магов от обычных людей — ни на взгляд, ни на запах. Разве что их кристаллизаторы научился распознавать. Если те их держали на виду, понятно.

Этот своего криса не прятал. Стоял, привалившись к косяку, барабаня по бедру пальцами с массивным — под старое серебро — кольцом. И разглядывал Глеба. Тот, который день валявшийся в прострации на больничной койке в одиночной палате, медленно сел; пригнулся, как бы готовясь прыгнуть на незваного посетителя.

— Чего тебе?

Его неожиданно затрясло. Пальцы на руках и ногах скрючились: вот-вот полезут, вспарывая кожу и мясо, черные изогнутые когти…

Парень шагнул вперед, взял стул, поставил напротив кровати и оседлал его. Сказал сухо:

— Тебе привет от Агаты.

— Чего?

— Меня послала Агата, — переиначил парень для понятности.

— Слушай, давай я тебя тоже пошлю? — безнадежно предложил Глеб. — И ты пойдешь и пойдешь…

Парень неожиданно усмехнулся.

— Ничего не помнишь, а?

Глеб помнил. Даже слишком много помнил. Без некоторых воспоминаний он вообще мог свободно обойтись.

— Девушка в коридоре, — подсказал наблюдавший за ним посетитель. — В ИМФ.

Глеб закрыл глаза. Тошнота подперла горло — вместе с воспоминанием. Красный широкий след на полу. Тонкие руки, прикрывающие разорванный живот. Крик: «Гле-е-еб!»

— Она что… жива? — спросил он, не открывая глаз.

— Конечно, — сказал парень с легким удивлением. — Жива и даже уже здорова. Шлет тебе привет и спасибо.

Глеб вздрогнул и распахнул глаза. Этот чертов маг что, пришел сюда издеваться над ним?

— Спасибо?! За… что?

— Ну, ты ее в некотором роде спас.

Глеб только молча смотрел на посетителя. Тот тоже помолчал и решил пояснить:

— Отвлек тех, кто прорвался за ней в ИМФ из Кобуци.

— Так… — Глеб сухо кашлянул, точно каркнул. — Так что… это не я… ее?..

Посетитель расширил серые глаза. Сказал медленно и зловеще:

— Та-ак…

Глеб втянул голову в плечи, точно боясь, что его сейчас ударят: не то чтоб он, понятно, позволил, но слова иной раз бьют куда больнее… и от них уже никак не защитишься.

— Узнаю свою родную Службу в действии! — Маг вцепился в спинку стула, подаваясь вперед. — Они тебе ничего не сказали? Ты что *вообще* помнишь?

— Помню: тряхнуло, привязь упала… ну, действовать перестала… Увидел щель — дверь с петель сорвало, перекосило… Я вышел, ослеп от ламп дневного света… Потом, — Глеб коротко вздохнул, — гляжу — уже сижу над окровавленной девчонкой… она кричит… А потом почуял этих и… забыл про нее. Так это правда не я?

Парень крепко зажмурился, без звука пошевелил губами. Очень похоже, что выматерился.

— Что?

Маг открыл глаза. Сказал почти спокойно:

— Глеб. Слушай сюда и запоминай. Ты ее спас. *Ты* спас Агату. Когда ты ее увидел в коридоре, она уже была тяжело ранена, а ты отвлек нападавших и продержался до нашего прихода. Уяснил?

Глеб сгорбился еще больше. В голове гудело. Его били и били сверху гигантским деревянным молотом — не чтобы размозжить голову, а чтобы вбить в землю. До конца. Но сейчас молот завис над ним в воздухе.

— Не знаю, почему тебе не сказали.

Зато он знал. Он просто не спрашивал — ему показали картинки, на которых были останки тех… и этого было больше чем достаточно. Девчонка точно умерла. Никто не выживает после таких ран. Он даже не мог представить, что это с ней сделал не он…

Глеб прижал руки к лицу — не разрыдаться от облегчения, нет, — почти впился пальцами в кожу, точно пытался сорвать лицо, как маску. Сказал себе в ладони:

— Ты… как будто я герой. Я их просто убивал. Просто потому что мне хотелось, понял? А не потому что я хотел кого-то там защитить!

— Понял, — спокойно ответил маг. — А мне плевать. Для меня главное, что ты не тронул Агату. А почему ты ее все-таки не тронул — подумай на досуге.

Глеб опустил руки и откинулся на стену. Сказал потолку:

— Мне говорит… одна: ты все ищешь в себе зверя. И забываешь, что в звере тоже есть человек.

— Хорошо сказано.

Глеб опустил глаза на звук сдвигаемого стула: маг поднялся.

— Ты только не дергайся, потерпи секунду.

— Что? — Глеб с большим трудом удержался, чтобы не отбить скользнувшую над его головой руку. Запахло озоном.

— Маячок с тебя убрал, — объяснил парень буднично. — Ты же, я так понимаю, согласия на наблюдение не давал? Ну, теперь могу с чистой совестью доложиться Агате, что тебя видел и все тебе передал. А то у моей девушки мания спасать всех больных и несчастных на своем пути.

— А я… я могу с ней поговорить?

— Зачем это? — жестко спросил маг.

Глеб и сам не знал — да не поговорить даже, взглянуть, убедиться, что ему опять не наврали… Но от тона и взгляда парня мгновенно ощетинился:

— А ты что, боишься?!

— Боюсь, — кивнул тот. — Думаешь, ты знаешь, что такое страх, Глеб? Вот когда начнешь бояться не себя и не за себя — поймешь… Но если договоришься со своим зверем — милости прошу. Только когда я буду рядом.

Странно, но признание, что его боятся, сейчас Глеба не резануло.

— Ну тогда что… привет ей?

— Добрый день.

Парень быстро обернулся.

— Здравствуйте.

— Я помешала? Не знала, что у тебя посетители.

— Нет-нет, я уже ухожу.

Глебу не понравился оценивающий взгляд парня. Как, впрочем, и чисто женский интерес в глазах Милы. Ну и что, что красавчик?! Наверно, поэтому, когда она наклонилась, чтобы быстро поцеловать Глеба в щеку, удержал и поцеловал ее крепко. По-настоящему.

— Ого, — сказала та весело, выпрямляясь, — какая теплая встреча!

Оба оглянулись. Посетитель задержался на пороге, теребя мочку уха и наблюдая за пальцами женщины, медленно поглаживающими локоть оборотня.

— Да, еще, — сказал неожиданно. — Когда немного отойдешь от общения с нами, с магами, могу предложить тебе работу Нюхача в полиции. У нас был один такой же, сейчас на пенсию собирается, познакомишься с ним, все обсудишь…

— Вы что, берете в полицию *оборотней*?!

Мила похлопала Глеба по руке.

— Ты чем слушаешь? Тебе только что предложили то, что ты давно должен был сделать — познакомиться с таким же, как ты!

Парень повел бровью, сверкнул улыбкой.

— Спасибо. Глеб, у тебя просто отличная девушка!

— А то я без тебя не знал… — проворчал тот. — Подумаю я.

— Ну, как надумаешь, спросишь в СКМ Келдыша. До встречи.

— И я не прощаюсь, — промурлыкала Мила.

Дверь закрылась, и они поглядели друг на друга.

Дверь закрылась, и они поглядели друг на друга.

— Какой хорошенький!

Глеб невразумительно пробормотал что-то. Ну да. Лощеный. Не то что он сам, валяющийся на больничной койке в дурацкой несвежей пижаме, хромоногий, заросший, как… оборотень.

— А я не знала, что ты водишь дружбу с магами!

— Это они со мной водятся, — буркнул Глеб. — Уже год.

Значит, оборотни служат в магической полиции! А в ИМФ эти… сволочи уклонялись от его вопросов — знают ли таких же, как он. Просто говорили, что оборотни предпочитают селиться не в городах, а в отдаленных поселках… Ну да, конечно, боялись, что он встретится с сородичами и уйдет из института — остальные-то не валяют дурака, пытаясь отделаться от своей сути, а уживаются с ней среди обычных людей!

— Выглядишь бодрее! То есть злее.

Ему стало досадно, что Мила убрала руку.

— А где мои пироги? — спросил он.

— Собиралась принести, но сказали, тебя завтра выписывают.

Мила стрельнула в него взглядом.

— Вот и подумала, сам придешь за ними, не развалишься.

Пауза. Глеб моргал: в ушах у него зашумело, горло сдавило… Значит, можно, значит, она правда не боится… Значит?..

— Ну? — В ее голосе — нетерпение пополам со смехом. И еще чуть заметная неуверенность.

Глеб кашлянул.

— Не… развалюсь.

Мила открыла дверь и уставилась на букет. Букет был великолепен. Особенно в первой части слова — велик.

И состоял он из одних калл.

— Оба-на! — только и сказала Мила.

Глеб с сомнением оглядел букет в своих руках.

— Я что-то не помню: они тебе нравятся или наоборот?

Еще чего доброго развернется сейчас и уйдет за новым букетом. Ищи его потом на всех… стройках.

— Да я от них просто с ума схожу! — быстро сказала Мила, нисколько не покривив при этом душой. — Заходи.

Он одним вздохом вобрал в себя строгий цветочный аромат, аппетитный дух пирогов, не обманула… И еще — собственный Милин запах. Оглушающий, оглупляющий; да ему просто по щенячьи хочется тыкаться лбом в ее ладонь и вилять хвостом.

Этот запах *вернул* его в самом начале полнолуния…

Глеб шагнул через порог, обхватывая ее вместе с букетом; цветы хрустнули между ними, женщина пискнула, но и не подумала вырываться, наоборот, прильнула к нему, горячо выдохнула ему в ухо — аж дрожь по спине:

— Волчо-ок…

Через некоторое время — невинное напоминание:

— Пироги стынут.

— К черту… пироги…

— Ага! — охотно согласилась Мила. — К черту!

Глеб ненавидел лунный свет и всегда задергивал плотные портьеры, чтобы ни один предательский луч не проскользнул в комнату. Сейчас он лежал, таращась на убывающую Луну — взгляд во взгляд, — и не испытывал ни малейшего желания встать и задвинуть штору. Или просто для этого у него не было никаких сил?

Но для только что вышедшего из больницы… и оборотня… он, кажется, справился. Женщина сонно и довольно мурлыкала ему в шею.

— А ведь никто не спросил и не объяснил — а *почему* я видел эти сны? — сказал Глеб, точно продолжал начатый разговор.

— Я со своей фантазией могу выдать тебе сотню и еще одну версий. Может быть, какая-то даже окажется правдой. Хочешь?

— Мил…

— М-м?

— А как ты поняла там, на стройке… кто из нас двоих я?

— Ну, это же элементарно, волчок!

— И как?

— Ты не хотел его убивать.

Он ел сырое мясо. Отрывал клыками, глотал, практически не жуя. Женщина, сидевшая у костра, тихо напевала, поворачивая свою нанизанную на шампуры порцию. Глеб принюхался. Жареное мясо тоже пахло… вкусно. Он подобрался поближе к костру. Странно, что огонь его не пугал. Никогда. Глеб уткнулся подбородком в плечо Милы, одним глазом присматривая за шипящим мясом, другим разглядывая близкое лицо женщины. Прикусил сережку, болтавшуюся в ухе. Вместе с мочкой уха. Мила легонько шлепнула его по лбу.

— Не балуйся!

Глеб тихо и влажно зарычал ей в ухо. Повалился спиной в траву, глядя на сосредоточенное, освещенное костром лицо женщины, темные силуэты деревьев, выхваченные из темноты искрами, летящими к небу. За деревьями поднималась Луна. Он чувствовал знакомое томление близкого перекидывания, но пока держался, пока еще держался…

— Нервничаешь? — спросила Мила, косясь на него.

Он едва не засмеялся. Нервничаешь? Это могла спросить только она. Его упрямая, безрассудно храбрая… любимая женщина.

— А… ты?

Получалось хрипло, но все еще внятно.

— Конечно, — просто сказала Мила.

— Может… уйдешь?

— Все у нас получится, ты что, зря учился? Да и поздно уже. — Она подняла глаза — их заливал свет медленно выкатывающейся на верхушки деревьев Луны.

Глеб рывком поднялся. Заметил движение Милы.

— Не ходи… за мной.

— Но я…

— Не хочу… чтоб видела. Не в этот… раз.

Она провожала глазами его бредущую в темноту фигуру. Глеб держался до последнего. И даже сейчас старался не показать ей, как ему больно и трудно: противный, упрямый, бестолковый… за что она его только любит? Мила вздохнула и уселась поудобнее, готовая ждать его возвращения. Женщина всегда дождется своего мужчину.

Даже если он волк.

Topreading.ru

Мила Коротич

ЖИЗНЬ НА ВКУС[6]

Vol. 3. Точка невозврата

Дверь в кабинет шефа, тяжелая, солидная дверь темного дерева, оказалась прикрыта не полностью. Отчетливо различалось бормотание телевизора: идет какой-то дневной сериал про честных современных сыщиков. И это — плохой признак. Значит, хозяин не в духе и что-то его сильно тревожит.

Весть моментально разлетелась по управленческому этажу: мейл-агент, аська и сарафанное радио сработали молниеносно. Все конторские с пятого этажа притихли и вжали головы в плечи. Каждый пожалел, что не в отпуске в данный момент. А в перерыве на обед весь офис ТД «Барокко» почему-то оказался в маленьком буфете на первом этаже. В том, который для торговых агентов и работников гаража и склада. В кондитерскую или пиццерию, что через Ленинградку, никто пойти не решился, словно уйти на полчаса из старого генеральского дома на «Соколе», где фирме принадлежал подъезд, означало добровольно выйти в море в грозу.

Нечастые гости с пятого этажа сидели, смурные, в местном буфете, оккупировав длинный стол у окна и ковыряясь пластиковыми вилками в дежурных блюдах из микроволновки. Радио хрипато напевало что-то попсовенькое, не чувствуя неуместность своих фальшиво-веселых напевов. Все пришлые посетители повернули головы в сторону окна. С удивлением, как туго спеленутые новорожденные младенцы в роддоме на лампу, глядели они на выбеленный солнцем пустоватый московский дворик, смотрели и потели. Кондиционера в буфете для простых смертных, разумеется, не было. Простые смертные тайком разглядывали «небожителей с пятого».

За нетонированным, обычным оконным стеклом солнце путалось в листве кленов и тополей, растворяя их краски в своих лучах. Оттого деревья, да и все, на что падал свет, выглядели полинявшими от жары, как от слишком тщательной стирки. Но большинство зрителей из импровизированного шоу «За стеклом буфета» заметили лишь, что что-то не так с картинкой у них в голове. Мимо их сознания проскакивали, не оставляя следа, те приятные вещи, за которые любили скромный буфет люди попроще: кипенно-белый кружевной тюль на чисто вымытых окнах и свежие хрустящие скатерти на столах, аромат сдобной домашней выпечки, такой вредной для хрупких офисных рыбок и так уважаемой женатыми водителями. Маленькие букетики из живых цветов пахли слишком нежно и ненавязчиво, чтоб привлечь внимание изысканной публики, привыкшей иметь дело как минимум с оранжерейными герберами. Зрение избирательно, и привыкшие к затененным окнам, солнцезащитным очкам и тонированным стеклам в авто, ребята с верхних этажей «Барокко» чувствовали, что что-то не так в мире, глядя на его реальное отражение. И связывали свой дискомфорт от яркого света скорее с настроением шефа, чем с отсутствием привычных статусных шор на глазах. Зато они слышали, или казалось, что слышали, шепотки работяг за спиной и издевательские разговорчики радио.

— Странная погода. — Кто-то решился произнести вслух несколько фраз. Никто не заметил, кто именно это был. Кажется, кто-то из бухгалтерии. — Все какое-то блеклое, пыльное. Даже тревожно как-то на душе.

— Жара и солнечная погода в столице продержится еще неделю, — веселился динамик, на два голоса вещая о погоде, — при таком раскладе совсем не нужно ехать в теплые страны.

Туроператоры, наверное, сейчас терпят убытки и молятся о холодах и непогоде. А еще врачи ожидают всплеска пищевых отравлений из-за такой жары. Будьте осторожны, дорогие радиослушатели, мойте руки перед едой. — Радиодиджеи где-то далеко, в своей радиореальности, залились раздражающе беззаботным смехом.

— Давай честно скажем. Тревожно тебе не в душе, а в желудке, от бурды на тарелке, — окрысился вдруг на все и сразу начотдела безопасности, одутловатый мент на пенсии по выслуге лет и с профзаболеванием: манией преследования в легкой форме. — Надо было в пиццерию пойти или в «Метромаркете», на худой конец, суши нажраться. А мы все решили далеко от любимой работы не уходить, чтоб как бы чего не вышло.

— Вы, Виктор, несмотря на всю смелость высказываний, тоже, тем не менее, здесь и с нами, — изысканно-ядовито заметила кадровичка, красивая дама, которой много лет уже сорок девять. Отработав когда-то администратором в театральной среде, она претендовала на изысканность, говоря с «французским прононсом», а втайне ненавидела все человечество. Данное качество было просто бесценно в кадровой работе. — Вы, как и мы, не хотите злить шефа, ведь так? Особенно сейчас, когда в стране кризис. — И она улыбнулась улыбкой мудрой змеи.

Офисный круг молчал, осознавая правоту слов главной персональной злыдни. Офисные пижоны с айфоном вылетают при сокращении штатов в первую очередь, стоит только шефу шевельнуть бровью.

— А сейчас — реклама, — бодренько объявило хрипатое радио и замурлыкало что-то о модных новинках сотовых телефонов и автомобилей.

— Вот за что я вас люблю, Зоя Пална, так за ваш ум и осторожность, — ответил ей безопасник, расчленяя золотистый сырник у себя на тарелке. — Никто не заметил, после чего у босса испортилось настроение? — Он обвел «сотрапезников» профессиональным взглядом пристрастного дознавателя.

— Кажется, после того, как назначил встречу дизайнеру, если я правильно заметила, — подала голос блондинистая секретарша из приемной. По длине ее ног любой посетитель офиса мог сразу же понять, что имеет дело с солидной фирмой. — Помните, такой крупный молодой человек в рубашке за двести баксов? Может быть, этот фотошопер запросил слишком большую цену за свои идеи?! Или схалтурил слишком откровенно… — Она еще и шутить пыталась. Ну, как умела.

— Дура ты, Лера, — честно сказал безопасник.

В радиоэфире пели что-то про IQ.

— Молодой мужчина в рубашке за двести баксов — самый востребованный сейчас креейтер в области рекламного дизайна. Пусть и дорогой, — объяснила вторая из офис-менеджеров. Она была старше, дурнее собой, сидела в темном углу приемной, зато являлась сильным делопроизводителем.

Ее глянцевидная коллега растерянно хлопала закрученными ресницами.

— Знаете, что странно, Лерочка, — вдруг подал голос Сергей, мужчина с землистым цветом лица. Как подчиненному, ему полагалось бы молчать в тряпочку, но он работал еще достаточно недавно и всех тонкостей местного офисного этикета еще не познал. «Или игнорировал, чурбан», как за глаза говорила королева отдела кадров. — Каждый раз, когда у шефа плохое настроение, в городе случается несчастье. — Он понизил голос, словно рассказывал страшную

сказку: — И всегда недалеко от нашей работы. Это я вам говорю, как бывший эмчэсовец.

Лерочка только поджала губки. Это можно были принять за улыбку при желании. А громко фыркнул начбезопасности. И Сергей замолчал.

— А теперь экстренное сообщение: только что произошла авария на Ленинградском шоссе. Из-за ремонтных работ часть асфальтового покрытия ушла под землю, обвалившись прямо в перегон метро между станциями «Войковская» и «Сокол». Как сообщает пресс-служба МЧС, есть жертвы, — заявило радио.

— Вот как сейчас. — Сергей сделал выразительную победную паузу.

Но поддержки у публики не нашел.

Офисные работники переглянулись и уставились каждый в свой салат. Большинство с презрительно-снисходительной гримаской, кто-то даже хмыкнул. Кажется, кто-то из отдела маркетинга. Ну что за глупости! Москва — слишком большой город, чтоб в нем все было спокойно. Да и кому есть дело до каких-то аварий, когда можно запросто вылететь с работы, если не так посмотришь на главу фирмы!

— Гораздо интереснее то, что сейчас в кабинете у шефа очень странный гость, — прошептала умело накрашенными, но все равно некрасивыми губами умная Лерина коллега из темного угла. — Он похож на нашего шефа как брат-близнец. Но только седой совсем. И смотришь на него и немеешь… И костюм немодный какой-то.

На эту фразу прыснула Лерочка. Уж не серой мыши Аньке разбираться в таких материях, как модные костюмы! Ей дыроколы должны больше нравиться.

— Так, может, это старший брат и есть! — блеснул интеллектом безопасник.

— Нет, Викт***о***р, я точно знаю, у нашего шефа нет братьев, — осадила его кадровичка. — Или вы сомневаетесь в моей компетентности?

— Так, может, это старший брат и есть! — блеснул интеллектом безопасник.

— Нет, Викт***о***р, я точно знаю, у нашего шефа нет братьев, — осадила его кадровичка. — Или вы сомневаетесь в моей компетентности?

«Как она похожа на змею, — подумал Викт***о***р, — рассвистелась, прям гадюка!» А вслух ответил:

— В вашей — не посмею! Как это он, интересно, прошел через все наши кордоны, Анна? И почему его, кроме вас, никто не видел? Недостойны, что ли?

— Откуда я знаю?! — огрызнулась та в ответ. — Вы у нас безопасностью заведуете!..

Виктор Семенович подавился сырником от такого выпада Аньки-крысы. Липкий ком творога в горле перекрыл ему и дыхание, и возможность разразиться матом сразу же. Безопасника скрутило пополам, и жуткий кашель заглушил даже веселившееся радио. Но желание жить и дать сдачи в бывшем силовике, и без того обостренное до идефикс, спасли его и на этот раз. Побагровевший, он втянул ртом воздух, как вгрызался во что-то, и вмазал девице промеж близоруких глаз.

Та рухнула на пол вместе с пластиковым стулом. Сотрясение мозга такого масштаба лечат обычно в стационаре.

В буфете на секунду притихло даже радио, а потом, как пена из бутылки теплой газировки, из людей полезла злоба. Все претензии, все недовольство, все страхи и раздражение, накопившиеся внутри каждого, засвистали и зашипели. Остроты, скабрезности и придирки по мелочам и по-крупному полились, обдавая желчью и слюной, из людей, которые еще минуту назад просто обедали бок о бок. Два сдвинутых столика превратились вдруг в банку с пауками. И эти пауки набросились друг на друга, забыв о приличиях человеческого общества. Кадровичка уже целилась пластиковой вилкой в глаз секретарше, а саму ее от разбитой головы уберегло исключительно то, что посуда в буфете была одноразовая. Даже солонок на столах не стояло. И самое отвратительное, что водоворот злобы закручивался все больше и шире, поглощая новых участников драки, собиравшихся было сначала разнять дерущихся. Истошно визжала Лера, ей подвывало радио и вторили сирены на улице. Скрежетала расшвырянная пластиковая мебель и звенели осыпающиеся пуговицы и монеты из рвущихся карманов. Потому крик Сергея: «Сигнализация! Пожар в офисе!» — никого не заинтересовал. Его даже никто и не услышал. В драке, в отвратительной бытовой драке срывает крышу не только у отморозков…

Шеф фирмы «Барокко» и его странный гость наблюдали за сценой в буфете. Анна была права: у них действительно было одно лицо на двоих. Только успешный бизнесмен не прятал своих морщин, а носил их как подобает носить боевые шрамы, а его гость просто не думал о возрасте. Оттого лицо его оставалось красивым, но далеким, не распаханным полосками времени, а затуманенным.

На большом плоском экране телевизора в кабинете все было отлично видно. И словно жар исходил из экрана.

— Модель человечества, — улыбался хозяин. — Дам сломать себе вторую ногу, если окажусь неправ: сейчас в любом месте мира, где больше четырех человек закрыто в четырех стенах, происходит то же самое. А где людей скопилось больше, там и рванет сильнее. — Он подмигнул гостю.

Собеседник молчал. Его оппонент и не ждал ответа.

— Ты все еще веришь в человека как в вид? — Он кружил по комнате, чуть подволакивая ногу. Жесткий ламинат на полу усиливал шум от нетвердых шагов до неприятного скрипа. — В этот прах земной, да еще и испорченный к тому же во всех мыслимых и немыслимых местах?

На лице второго ничего не изменилось. Оно словно было занавешено улыбкой.

— Ты еще веришь, что можно выиграть? — И второй вопрос не тронул собеседника. А шеф «Барокко» хрустнул суставами пальцев рук и, прихрамывая, дошел до дивана у противоположной стены. Комнатный кондиционер замахал на него своими крыльями-прорезями что есть мочи. — Все признаки проигрыша налицо: в них — ни капли доброго, в их жизнях — никакого смысла. А за место у меня на работе и горсть монеток раз в две недели они согласятся на все. Даже на татуировку на лбу. И кое-кто из них уже заметил изменение климата и прочее движение… Адское пекло на улице. Верно?

— А глады и моры великие ты уж сам подстроишь, верно? — не оборачиваясь к собеседнику, заговорил все же гость. Они говорили почти одинаковыми голосами.

— Мне помогают, — расплылся в улыбке хозяин. — И к тому же я не могу не жульничать, я же

сам всех этому научил. Как и вере в то, что меня на самом деле нет, и в «авось пронесет» и «каждый сам за себя».

— И встречи беглецов с теми, кого должно было охранять? С «их» людьми, — так же ровно продолжал гость. И так же улыбаясь, не смотрел на хозяина кабинета.

Тот был явно доволен возможностью поговорить о своих достижениях. Еще бы! Не каждый день встречаешь собеседника, который понимает тебя от и до. Ах, как это вдохновляет! Шеф не мог усидеть на месте, он ерзал на диване, поскребывал ногтями обшивку, подставлял под струю воздуха то одну, то другую щеку.

— А если наш беглец не выберет? С чего ты решил, что он обязательно сделает нужный тебе выбор и конец света наступит сегодня же?

В недвижимости фигуры гостя, в заломах ткани его льняного светлого костюма, в неподвижности взгляда, устремленного в экран, казалось, сейчас вошла вся незыблемость слова «сегодня». Но губы дрожали, отпуская на волю тихие звуки.

Неспокойный суетливый собеседник попружинил на диване, создавая еще шума:

— Классный у меня диван, наш дизайнер бы оценил и цвет, и выделку кожи, и форму. Вот та мышевидная особа в очках, которая сейчас с блондинкой лается, да-да, она выбирала! Я ей даже премию пообещал выписать. Обману, разумеется. Но это к слову. Твой беглец слишком любит этот мир, чтобы расстаться со всеми теми удовольствиями, которые достались людям и непозволительны нам. Даже люди слишком любят жизнь, хоть и половины не распробуют обычно, а уж он-то вошел во вкус! И ты же понимаешь, мой бывший брат, что он выберет. А когда он решится, то — бах!

И экран телевизора взорвался. Его осколки, разлетаясь, еще мгновение показывали исковерканные злобой лица посетителей буфета…

Все истории заканчиваются. И моя, похоже, тоже подходит к финалу. Осталось только поставить в конце последнего предложения финальный знак препинания. Что бы я ни поставил сейчас, Знак этот по иронии судьбы (судьбы ли?!) будет состоять из монет, которые принес в складках савана скучный тощий гость — Смерть.

— Послушай, Андрей Петров, провинциал из Ромашевска, гастарбайтер из Залягаевки, жертва несчастного случая в метро, — шепчу я в самое ухо своей коматозной копии. Человек с моим лицом лежит на дурацких простынях в мелкий цветочек, привязанный трубками к приборам выживания. — Если ты сейчас проснешься сам, то мы с тобой наставим всем им нос, сделаем козью морду и пошлем всех на… и я даже согласен поменяться с тобой местами. Вот давай, ты возьми себе мой образ жизни, а я свалю в твой Ромашевск. И что нам тогда конец света?! Мир рухнет или нам текилы вмазать?! Ну!..

Датчик сердечной активности Петрова даже не дернулся в ответ на мое предложение.

— Вот не сволочь ли ты после этого?! — Мой крик души прозвучал как-то слишком двусмысленно.

Я сам-то понимаю, к кому обращаюсь? Кто здесь сволочь и после чего? Кто он мне, этот молодой мужчина на больничной койке? Зачем я вообще вытащил его из той кучи обломков?!

Он мой крест, который я так не хотел брать.

Да, похоже, это будет короткая история. Совсем короткая, не такая, как предыдущие. Только то, что касается лично меня. И чего я лично касался. И это хорошо — кому интересны чужие долгие истории в такую невероятную жару?!

Сегодня жара ломилась в окна города с самого утра. Она рвалась во все щели его, во все углубления зданий — всюду, куда мог пройти воздух, даже если не проникал свет.

Солнце простреливало своими лучами каждый сантиметр пространства, держа город на мушке, как снайпер. А жар заливал улицы по самые крыши горячим воздухом, густым и тягучим, похожим на кисель. В этом липком вареве лениво двигались люди, машины. А внутри зданий кондиционеры — неуклюжие ящики дикой наружности — исправно нагоняли дистиллированную безвкусную прохладу внутрь комнат, помечая конденсатом прохожих, как голуби — памятники. Искусственный воздух искусственной температуры для тех, кто не живет, а спит. Хотя, если постараться, можно и в диком зное найти некую прелесть. Например, на ходу от жары не заснешь…

Я люблю жару. Или правильнее уже говорить «любил»? Лежать бы сейчас где-то на берегу, у воды, раздавленным горячим грузом из воздуха и солнца. Чтоб каждая клеточка тела им пропитывалась, словно наливалась соком. А потом ловить завистливые взгляды офисного планктона, мол, сумел же где-то так загореть за выходные. Не иначе как в Турцию смотался или из соляриев не вылазил, пижон. А загар-то московский, из Серебрянного бора.

Но вместо этого я нахожусь в компании почти трупа и под надзором самого нежеланного гостя в мире живых. Не любят люди умирать. Если же заглянет к ним вот такое чучело в саване, жить захочется еще сильнее. Как же я понимаю эту человеческую любовь к жизни во всех ее мелочах!

— Да. Ты любишь жару. А еще ты любишь мороз и солнце, дождь и ветер, снег, смог и грозу в начале мая, — примерно так сказала бы моя бывшая подружка. Она выгнула бы губки в тонкой усмешке и произнесла бы свои колючие слова, невинно хлопая глазками. Здесь, на земле, у нее были длинные черные ресницы и стрижка каре. — Я не знаю ни одной погоды, которую бы ты не любил. Ах да! У природы ж нет плохой погоды…

И она как обычно была бы права. Где она сейчас? Если пренебречь правилами, которым мы следуем, даже сбежав с небес, то можно найти мою подружку по земному пребыванию в два счета. Даже в один. На это не нужно много сил. Я смог бы это даже со своими обрубками крыльев: взмахнуть ими, как при полете, и шагнуть к ней прямо из стены ее комнаты, где бы та ни находилась. Сказать: «Привет, недотрога. Скучала по нашим спорам?» Но это было бы слишком нагло, слишком просто да и привлекло бы внимание небесной инспекции. Гораздо приятнее сесть на поезд, лучше даже, чтоб это был старый купейный вагон из состава дальнего следования. Чтоб без кондиционера и с рассохшимися окнами. И трястись до нужной станции как минимум сутки. Чтоб пошатывало, когда выходишь на полустанках прикупить сигарет и пива. Или когда выходишь затовариться зардевшимися от кипятка раками к пиву у шустрых вокзальных старушек, а они, глядя на твою нетвердую походку, поджимают губы и громко думают хором: «Во нажрался!». Чтоб потрепаться со случайными попутчиками, приударить за попутчицами. Не выспаться и с красными от усталости глазами выйти на станции с ничего не говорящем тебе названием Васильково какое-нибудь или Ромашевск. Пройтись по серенькому перрону, спровоцировав плохо скрываемый интерес и почти нескрываемое осуждение из-за столичного лоска в одежде. А потом все же разыскать свою подружку, вытащить ее в какое-нибудь местное пафосное заведение, нахохотаться и разругаться с ней всласть до следующего

Рождества. И уехать. Каждый из нас уже выбрал, как жить и что делать. И она не оставила мне ни нового имени, ни земного адреса. Надо же, как точно, как по-человечески у нее это получилось. Как у настоящей бывшей подруги. И все чаще я гоню прочь от себя мысли о своей пропавшей недотроге: уж больно они похожи на влюбленность, не свойственную нашей с ней материи.

Я пытаюсь не сорваться, но ловлю себя на том, что в дамах и девицах, что порхают вокруг (женского населения в городе больше, чем мужского, c'est la vie!), я ищу ее черты. Даже не черты, а черточки, следы и отголоски, послевкусия какие-то: то завиток волос, то поджатые капризные губки, то поворот головы. Пусть даже если это окажутся всего лишь тени в переходах метро. Как та рыженькая, что вышла на остановку раньше, чем я. У нее такие же пушистые ресницы. Или старушенция, что гневно сверкала глазами на юбку рыжеволосой особы — тот же до смешного строгий взгляд.

Я не могу сдержать улыбку при воспоминании об этом. Да и не буду сдерживать. Когда вспоминаешь маленькие радости, из которых соткана живая ткань земной жизни, тогда легче пережить серьезные гадости, что порой в ней встречаются. Вот как то, что я сейчас вижу.

Я вижу себя, свое тело, истыканное иглами и привязанное к медицинским аппаратам проводами капельниц. Я сижу у себя же в ногах и со стороны наблюдаю искореженную плоть, которую еще утром видел в зеркало — благодушную, довольную, смазливую. Я точно знаю, что я жив: могу потянуться, дотронуться рукой до носа, почесаться, наконец. И в то же самое время я лежу в состоянии комы на больничной кровати в МУЗ «Горбольница № 99» и дышат за меня искусственные легкие. И самое абсурдное: я сам себя нашел и привез в больницу!

— Вы ему кто? — подозрительно спросила врач в приемном покое. — Родственник? Нет? Тогда уходите, вы уже сделали все, что надо, не мешайте персоналу.

— Не злитесь, девушка: жизнь — прекрасна, — сказал я ей тогда. — Я это точно знаю. Сам попробовал.

— Верю. Я спасаю ее каждый день, — парировала она и отвернулась к своим регистрационным бумагам: в приемном ее внимания дожидались…

Я тут же перестал для нее существовать и собрался идти с чистой совестью.

Вдруг не стало места, куда уходить. Мир вокруг сгустился и застыл. Словно я оказался внутри ледяной глыбы. И двигаться можно только туда, куда кем-то проложен путь. Шаг вправо, шаг влево отзывается ледяным ожогом во всем теле. Бьешься плечом о прозрачные стены. Еще мгновение — и крылья вырвутся наружу прямо сквозь одежду: Долг зовет. Видишь, что не изменилось ничего вокруг, видишь, как движется жизнь вокруг тебя. Так близко и практически недостижимо: потому что она, жизнь — не твоя. Твое дело — идти по коридору из прозрачных ледяных стен выполнять свое предназначение. Меня все же нашли и призвали: я чувствую, как кровоточат мои обрезки крыльев…

Я тут же перестал для нее существовать и собрался идти с чистой совестью.

Вдруг не стало места, куда уходить. Мир вокруг сгустился и застыл. Словно я оказался внутри ледяной глыбы. И двигаться можно только туда, куда кем-то проложен путь. Шаг вправо, шаг влево отзывается ледяным ожогом во всем теле. Бьешься плечом о прозрачные стены. Еще мгновение — и крылья вырвутся наружу прямо сквозь одежду: Долг зовет. Видишь, что не изменилось ничего вокруг, видишь, как движется жизнь вокруг тебя. Так близко и практически недостижимо: потому что она, жизнь — не твоя. Твое дело — идти по коридору из

прозрачных ледяных стен выполнять свое предназначение. Меня все же нашли и призвали: я чувствую, как кровоточат мои обрезки крыльев…

— У вас кровь на спине! — голос врача из приемной. — Вам помощь нужна?

Я тогда ответил: «не мне». И, оказалось, ошибся…

Завизжала пожарная сигнализация. Осколки экрана со звоном осыпались на ламинат пола. Сам экран пошатнулся и тоже свалился, разбив вдребезги антикварную вазу династии Цин. Хрупкий китайский фарфор распластался веером. Его осколки с треском врезались в кожаную обшивку дивана. Обстрелянный стеклом и пластиком кабинет заполнялся дымом, шумом, зловонием горелых проводов. Хозяин кабинета, насквозь прошитый залпом осколков, довольно смеялся. Дыры на его теле зияли пустотой. Сквозь них была видна вспоротая кожа дивана. Дизайнерский шедевр оказался набит обычной желтоватой ватой. Она торчала по краям, как жировая прослойка, что еще больше забавляло шефа «Барокко».

— Халтурщики, — хохотал он, — экономы хреновы! Воры и шабашники! Подкалымили на всю недолгую жизнь! Жрите, насекомые!

И из рваного кармана пиджака он ковбойским движением достал пульт от кондиционера. Тут же кондиционер взревел и изверг из себя залп холодного воздуха. К потолку взлетели лежавшие на столе бумаги. А небо на улице пожелтело, загустело, как куриный бульон, и пошло пятнами. Они выступали из блеклой синевы, ставшей вдруг серо-желтой, разрежая ее белесыми струпьями. Заструился неживой неприятный свет, и все, кто мог видеть и смотреть, подняли глаза к небу. Но много ли людей сейчас видят небо днем?!

— Еще не время! — тихо сказал двойник. И треск разрывающейся ткани оказался громче визга хаоса. Осколки стекла и пластика скатились с крыльев с мелодичным шепотом. Про этот звук хотелось сказать «золотистый». — Еще ничего не произошло. Наш брат не сделал выбора пока.

— Да какой он нам брат?! Этот заигравшийся в материю недовоплощенец. Я уверен в юноше. Сегодня он поставит нужную точку и ничего нельзя будет вернуть: ангел, убивший человека добровольно, — конец миропорядку. А у него есть там из чего выбрать…

«Два вагона были вспороты упавшей бетонной балкой, как консервным ножом. Рухнул свод станции метро «Сокол» и повреждены пути. Ремонтные работы на Ленинградском шоссе привели к катастрофе в метрополитене. На месте работают специалисты МЧС. Количество человеческих жертв пока не установлено». — Лохмотья щеки оживленно дергались, когда нечеловек в черном бизнес-костюме издевательски четко выдал пассаж голосом известной отвязной радиоведущей. И захохотал. Зарокотал. Кондиционер, вторя ему, взвыл, и как по приказу, струпья на небе стали наливаться багрянцем. В окнах напротив зажгли свет.

— Охренеть! — вырвалось у Сергея. Он никак не ожидал увидеть в кабинете шефа вместо дымящейся урны или горящей проводки разодранный в клочья, но живой веселящийся труп и человека с большими белыми крыльями.

— Вон пошел! — гаркнул труп шефа, а крылатый взмахнул перьями — и ветер вынес Сергея в приемную. Уже там он тихо сполз по стене и понял, что плинтус под окном очень интересен для рассматривания. Потом он поднял глаза к окну и увидел багровое небо. Гадкий рыжий туман растворял антенны на крышах соседних домов. Куски самых старых антенн падали вниз на раскаленный асфальт.

А ведь как все классно было утром!.. На Страшном суде мы дадим ответ за каждое свое слово (уж кому это знать, как не мне!), и потому я должен признаться: день сегодня начинался просто преотлично. Как прошлый день, и позапрошлый… да и любой день здесь. Еще сегодня до моей поездки на метро почти все в этом мире меня устраивало…

Белая рубашка, кстати, почти за двести баксов, с утра приятно холодила спину. «Течет, словно масло по пальцам», — так я сказал бы о ее ткани в десять утра. А сейчас, в четыре часа пополудни она меня только раздражает, прилипая к спине. Все от жары, которая здесь, в палате муниципальной московской больницы, просто невыносима. Желтоватые стены, песочного цвета дешевый линолеум, изжелтевшие простыни на кроватях, где спинки тоже из желтого же ДВП. Никогда не пришел бы сюда добровольно. Здесь даже дышать нечем от желтизны, жары и больничных запахов. Воистину вот вместилище страданий и скорби. Особенно для дизайнера! Но я здесь, и не напрасно, а по делу, так сказать. По почти забытому мною делу. По долгу профессии. Так быстро все случилось… И неожиданно… неужели не нашлось никого другого, чтоб выполнить вполне банальную работу: сопроводить умирающего с этого света на тот?!

Вот и мой старый знакомец с косой. Как обычно, проходит сквозь стены. Весь в белом и даже больничная желтизна его не берет!

— Привет! Хорошее словечко, верно? Не скажешь же при встрече с тобой «здравствуй!» Нелогично как-то, да, если рассуждать с точки зрения формальной житейской человеческой логики… — говорю я, чтоб дать время еще на пару вздохов для бедолаги на больничной койке. Можно сказать, для себя стараюсь. Бледный гость же за ним пришел, как водится. А я должен помочь Смерти доставить очередной груз к точке назначения. Но как странно все же уводить на тот свет свою точную копию!

— Не нужно сегодня играть словами, — поморщился бы посетитель, но у него не получилось. Чтоб морщиться — нужен нос, а его на бледном черепе сегодня как-то не было видно. — Не нужно в этот день умничать и каламбурить. Ты же всегда был проще, больше, плотнее. Кстати, ты должен был приветствовать меня утром, в метро, согласно правилам. Почему не сделал?

Он что, обиделся?! А я-то думал, что мне показалось, что обознался на эскалаторе, померещилось после обильно отмеченной вчера презентации. Ан нет, не так много во мне алкоголя, оказывается.

— Я тебя не узнал…

— …не узнал без косы? — В его ледяном официальном тоне я хотел бы слышать шутку, но он оставался серьезен. Он слишком серьезен со мной сегодня. Это с его-то склонностью к театральным эффектам и несмотря на наше многолетнее знакомство! Что такое?

— Приступим же к делу. Ты готов? — это он мне. А сам полез костлявой рукой в складки своего плаща. Он косу свою сегодня в кармане носит, что ли?

— Приступим же к делу. Ты готов? — это он мне. А сам полез костлявой рукой в складки своего плаща. Он косу свою сегодня в кармане носит, что ли?

— Может, дадим ему еще пару вздохов, сверх нормы, так сказать, — да-да, я заговариваю бледному гостю зубы. Он их не прячет за призрачной плотью. Сегодня он просто белый скелет в белом плаще. Белое на желтом — веселенькое летнее сочетаньице…

На самом деле я храбрюсь: мне сейчас невероятно страшно. Ангелу неприятно видеть Смерть в

любом виде — в военной форме, в модном костюме, в пижонском пальто, в рабочей робе, в отрепьях голодного нищего. Я и все наши, когда видим эту неживую фигуру, закутанную в белую ткань, знаем — что-то особенное уходит из мира живых. Но больше всего сейчас коробит этот белый саван-балахон. Люди называют Смерть в белом «сакральным образом», «символом», но за всем прячется животный страх неизвестности. Белый саван как белый лист, и не знаешь, что для тебя будет написано на этом листе, куда тебе выпишут путевку — в ад или в рай, где проведешь вечность. От этого человеческий страх. И мне тоже страшно.

— Ему? А он тебе кто? — вдруг совершенно неожиданно спрашивает Смерть. Спрашивает у меня. Как ушат ледяной воды мне на голову этот вопрос. Что-то я не врубаюсь, в каком смысле… — Я не за ним в общем-то.

Из складок своего балахона скелет достает несколько старых медяков. Истертых, темно-коричневых. Они бряцают, ударяясь о его кости. Сыграв медяшками на костяшках замысловатый этюд, словно продемонстрировав мне еще раз свою неземную ловкость, он подкидывает их в воздух и, поймав, пристраивает один медяк на глаз пареньку на кровати, а другой — вставляет себе в глазницу как монокль. Не понимаю я его шуточек. Давно знаю, а все не могу понять.

— Ты знаешь обычай класть на глаза умершему монетки? Люди словно пытаются подружиться со мной, заискивают. Я мзды не беру, но обычай мне нравится. Он… забавный. Заставляет задуматься о ценности жизни, да так, чтоб можно было пощупать эту ценность. На зуб попробовать. Кто-то оценивает жизнь в пару медных пятаков, кто-то не жалеет серебра. Золото тоже бывает, но значительно реже. И всегда, всегда цена не верна. Одну суетливую тщеславную жизнь оплачивают щедро, другую оценивают в тридцать сребреников… Монет у меня накопилось много, и в особо важные моменты я их использую.

Нет, он все-таки пижон и философ! Я рад слушать его рассуждения: человек подышит еще, хоть перед Смертью не надышишься. Знаю точно, пока бледный гость красуется, можно не опасаться за его жизнь. Но потом вдруг, подкинув третью монетку повыше, точным взмахом костлявой руки скелет направляет ее мне в лоб. И припечатывает, для верности. Мы с ним вместе клацнули зубами: я от неожиданности, он, наверное, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Я, возможно, и не за ним, — еще раз повторяет Смерть. — Монеты, как знаки, понимаешь?

Не понимаю.

— За кем же ты тогда? — Почему он не скажет прямо, кому уходить с земли? Липкий пот выступает на лбу: медная метка Смерти прилипает еще больше. Мне даже кажется, что она врастает, разъедая кожу, прямо в кость.

— А вот это вопрос веры, — отвечает скелет и встает.

Я собрался было проводить его глазами и приготовился внутренне выдохнуть: сегодня мне не подниматься с очередной озадаченной душой в неземные сферы. Не прорываться сквозь присыпанную пылью и притушенную жарою листву каштанов к облакам и выше. Не придется объяснять свое отсутствие на рабочем месте апостолу у врат и коллегам, что отдувались за меня все эти годы. Пусть они забудут обо мне попрочнее.

Но мой бледный старый знакомец не уходит.

— Пойдем же, — говорит его взгляд. Если только могут «говорить» выразительный поворот

голого черепа и две черные дыры пустых глазниц. — Ступай за мной.

И он шагает по привычке сквозь стену в соседнюю палату. Я не могу не подчиниться долгу, хотя могу отлынивать как можно дольше. Я выхожу через дверь в пахнущий хлоркой и перекисью больничный коридор. В конце его у большого окна с открытой фрамугой на подоконнике сидят двое: Смерть и моя рыжеволосая попутчица из метро. Она болтает ногами как девчонка на качелях. На коленях у нее — зеленый больничный халат. Я помню: под ним круглые, гладкие, как галька, почти совершенной формы коленки. И кожа на лице женщины тоже гладкая, в каплях и блеске — жара, знаете ли. И слезы.

Подол савана Смерти колышется, превращаясь в белый туман. Сухой костяной палец его играет женским локоном. Белое на рыжем, ничего хорошего… И как же ярка живая зелень старого тополя за окном, когда на его фоне в клубах тумана восседает белесый мертвый силуэт!

Рыжеволосая незнакомка смотрит на меня в упор. И между рыжих завитков ее безумной копны волос я вижу черную метку: то ли один из медяков Костлявого, то ли родинку под мочкой уха. Но Смерть кивает моим мыслям: златовласку ожидают за чертой.

— А еще мальчик в соседнем боксе. Ее сын, — шепчет мне на ухо Смерть, обдав холодом благовоний старомодного савана, — и тот, кто сейчас появится из-за угла коридора…

Стоп! Если здесь так много работы, почему я здесь только один? Теперь и время застыло от моего вопроса…

Четвертый этаж

Застывшее время протаранила больничная каталка. Дребезжащий звук расшатанных колес может быть слаще музыки, уж поверьте. Из-за угла, пробивая загустевшее время-пространство, как в кино, медленно-медленно, выезжала больничная каталка. На ней головой вперед по ходу движения лежала окровавленная старуха. Я узнал ее, она следила за порядком у эскалатора. Левая половина ее тела была искорежена и неестественно вытянута. Старая женщина походила на неровно набитый мешок с капустой. Бурые пятна проступали через казенно-желтую больничную рубаху. Такие же бурые, как родинка у моей рыжей соседки у окна. Двое санитаров, барахтаясь в сгустке времени и не замечая этого, толкали каталку прямо на меня. Никто из них не видел, что везет еще и примостившегося Долговязого. Он мгновение подержал старуху за руку, и посреди рыжеватых возрастных плашек на ладони у той появилась темная круглая метка.

— Тоже с «Сокола», таких еще полно, эмчеэсовцы подвозят и «скорая», — объяснял один санитар другому. — Че встал на дороге? — это он уже мне.

Мое застывшее время-пространство с хрустом разлетелось, как разбитое стекло. И каталка с грохотом пронеслась мимо. Смерть стоял рядом со мной и молчал, скаля зубы из-под капюшона. А я озираюсь по сторонам: где же другие ангелы? Я не справлюсь один! Но вижу лишь как стена соседнего бокса становится прозрачной: за ней мальчишка лет шестнадцати, такой же рыжий, как его мама. С медной монетой в зубах…

— Выбирай, — говорит мне Смерть. — Ставь свою точку. В их жизнях.

— В каком смысле: «Выбирай»?

И снова он молчит. Надвинул капюшон еще глубже и стоит неподвижно. Белый саван перед моими глазами. Вот так, наверное, люди видят его в последний миг жизни. И он им тоже ничего не отвечает. Потом прихожу я или кто-то из моих коллег и человеку уже все равно, говорит ли с ним Смерть. Я всегда видел Смерть гораздо более живым, болтливым даже, а сегодня — сплошь загадки, знаки, недоговоренности и это тугое молчание.

Душно. Мне душно от его молчания. И темнеет в глазах: везде мерещатся черные метки Смерти. Куда бы ни повернул голову, везде взгляд цепляется за маленькое черное пятно на коже совсем незнакомого человека. Ангельское зрение подводит: я не вижу стен, я вижу только, кто за ними. И у каждого из чужих, незнакомых, не моих людей — черная метка.

Нет, не может быть! Никогда еще такого не было, чтоб ангел выбирал, кому из людей умирать. Так нельзя, запрещено. Это заговор! Заговор против… меня?

— И когда будут плавить мои перья на серной бане, когда я буду вдыхать смрад от своих сгорающих крыльев, когда ошметки этого мира будут топливом на огненном «курорте», когда я сяду в расплавленную лужу навсегда, без амнистии, перстом, охлаждающим язык, мне будет мысль, что я сам это сделал. Я! По моей воле! По моему сценарию! А не по программе воскресной школы для умственно отсталых… — Голос «шефа» не спутать ни с чем.

Сергей хотел бы все списать на отравление угарным газом. На то, что кто-то уронил окурок на пол, и тот тлел, выделяя химическую дрянь из импортного ламината. Он хотел бы верить в галлюцинации. Потому что так — проще. Потому что так — легче.

Потому что в жизни обычно не бывает чудес. Они в ней лишние.

Чудеса мешают жить по привычке и так, как ты себе представляешь. Не дают прозябать спокойно, напоминают, что совсем не просто ты коптишь небо. Что у неба на тебя планы. И не только у неба. И не только на тебя.

Куда легче самому по себе, когда хата с краю. Очень помогает жить осознание того, что любые твои действия — только твои, и никуда, ни к чему, ни на что… как вода на ламинате — просто катишься по поверхности или стоишь на месте. Никакой реакции с окружающей средой. Пока не придет кто-то с большой тряпкой и не сотрет каплю, словно ее и не было.

А еще Сергей хотел бы все свалить на бред, потому что очень обидно знать, что ты не прав. Что проморгал чудо или ошибся, не понял, что делать, зачем это все с тобой происходит. И потому чувствуешь себя настоящим ничтожеством.

Но самое плохое — уже иметь этот опыт. Встретить чудо и упустить. И жить с этим осознанием упущенного. Нет на земле наказания страшнее…

Сергей выстрадал это знание и — вот ведь подлая штука время! — почти научился жить с ним. Почти убедил себя в том, что ничего не происходило с ним в ночь перед Рождеством в кофейной кондитерской. Что не было ничего необыкновенного в его жизни. Потому что так легче.

Но сейчас, видя стекающие каплями крыши полупустой высотки на «Соколе», слыша хруст и хохот за дверью, чувствуя запах серы и ладана, Сергей хотел верить, что просто сошел с ума, получив по мозгам в буфете. Иначе ему пришлось бы чувствовать себя избранным. А они, как известно, долго не живут. И не жизнь у них, а подвиги и лишения. Совсем не хочется оставить

тепленькое место в фирме и пойти в рубище проповедовать о близком конце света. Сергей надеялся, что сейчас придут санитары и все закончится.

По стеклу снаружи окна потекла бурая жижа. Пластик рамы начал пузыриться. И сквозь него вместе с вонью смога вовнутрь прорывались грохот, скрежеты и визги сирен. Похоже, горела крыша дома. Конец света незаметно приближался.

И Сергей сделал то, что должен был сделать. Пусть сорокалетний неудачник по факту и паспорту, пусть напускной циник и выскочка по трудовой книжке, но не душегуб, Сергей Васильев рывком открыл дверь в кабинет шефа. Он должен был предупредить о пожаре и вывести людей из здания. Не зря же он в МЧС полгода отработал! Тяжелая солидная дверь отворилась с легкостью. Тихий и нежный звук объял вошедшего. Окутал как вата. И, не слыша себя, Сергей закричал:

— Выходите! В здании пожар! Спасайтесь! — и рухнул на жесткий ламинат пола.

В кабинете шефа нечем было дышать от жара из черного кондиционера. Окно в кабинете почти полностью было залито мерзкой горячей жижей с крыш.

Крылатый гость вмиг оказался у изголовья человека. Заглянул ему в лицо и улыбнулся.

— Он тебе кто? — спросил у расчесывающего рваную щеку хозяина кабинета. — Так, мясо? А ты — ему?

Тот брезгливо стряхивал ошметки собственной порванной плоти на пол. В планы хозяина совсем не вписывался решивший спасти его подчиненный. Он как-то портил впечатление от тщательно подобранной компании офисного планктона. Крылатый поднял прозрачные глаза на собеседника:

— Он тоже модель человечества. И ты сам его выбрал…

Его слова серебрились тихим и нежным звуком. Свет его крыльев боролся с тьмой, лезущей из окон. Васильев лежал в беспамятстве на границе света и тьмы.

— А что со светом? — спросила меня златовласка.

Я вспомнил ее. Она ж была совсем девчонкой, работала официанткой и мечтала о своей кондитерской! И звали ее Лена. Рыжая Леночка. Совсем недавно! А теперь у нее сетка морщин под глазами, руки в «гречке» и восемнадцатилетний сын при смерти! Сколько же лет я здесь маюсь похмельем от воплощения?!

— Вы не знаете? — Она с надеждой смотрит на меня. — Может быть, затмение сегодня? Так потемнело на улице. Страшно даже.

Здесь я должен бы выругаться. Потому что вижу то, что и она, но понимаю больше. Я вижу горящее небо, готовое плюнуть серой. Я вижу, как жухнут от жары адской листья на тополе за окном. И вижу, как плавятся облака, беременные огнем. И воззвать «О Боже!» Я не могу. Не имею права, ибо сбежал от Него сюда, в мир его творений. И Смерть рядом со мной. И ждет, что я укажу, кого забрать. А потом будет Апокалипсис.

— Ты выбрал? — спрашивает Смерть.

— Вы не знаете? — говорит рыжая Елена.

— Не знаю, — отвечаю я им.

Дышать становится все тяжелее. Пот заливает глаза. А медная монета на лбу жжет переносицу.

— Пришло время. Обратного пути нет, — подталкивает Смерть.

— Думаете, это не важно? — с надеждой спрашивает женщина.

Оба говорят одновременно. Я, как в юмористической репризе, должен отвечать сразу двоим. Создатель, тебе смешно?

— Не думаю, — отвечаю.

Снова удалось выкрутиться. Чтоб одна не заметила другого. Пока не заметила. Когда мироздание трещит по швам и тебе выпала сомнительная честь стать пусковой кнопкой, точкой невозврата, становишься чудовищно сенитентальным или предельно жестким. Зелень за желтым окном стала бурой, как водоросли. Дико болят обрубки на лопатках. Трещат. Отрастают?

— Делай то, что должен, — чеканит Смерть.

— Простите, что я лезу, — извиняется бывшая официантка. — У меня тут… сын при смерти.

Как точно сказала. И не только твой сын, Леночка. Я вижу, как балахон скелета рядом с тобой пухнет и раздувается жарким ветром с улицы. Растет в вышину и вширь, как и его хозяин. Он уже на голову выше тебя, бедная женщина.

— Я понимаю, — шепчу я, — я все понимаю.

И вдруг прозрачный коридор исчезает и как магнитом меня уже никуда не тянет. Но в моих объятиях — хрупкая рыжая женщина с меткой Смерти на шее за нежным ухом. Как дыхание вечности. Думаю. Она сама не поняла, как шагнула к незнакомцу.

Белый саван Смерти разливается по всему коридору. Скелет подпирает собой потолок, нависая над нами. Фалды плаща затянули желтые стены и шевелятся, как щупальца осьминога.

— Положишь на нее свою монетку, — скрежещет скелет, — будет пара и начнем… Или выберешь другого?

— Отпустите, — просит женщина. А я пьянею от запаха ее волос и не могу не подчиняться долгу. Долгу ангела, ведущего своего человека из жизни за черту. — Мне больно…

— Простите, — и моя рука уже срывает мою метку со лба. Через мгновение все будет кончено. Два черных пятна на нежной женской коже — и конец миру. А Смерть уже обнимает костлявыми ручищами весь коридор. Сквозь полотно савана просвечивает зарево на улице. Я ничего не слышу, кроме своего дыхания. Кто-то меня подставил. Я, как ангел, должен выполнить свой долг и отвести умирающего наверх. Но тогда я попаду в самые большие неприятности — как беглеца, меня больше не пустят на Землю. А если я не выполню долг и оставлю человека в живых, то перестану существовать сам. Ибо без долга нет ангела. Мы же суть служебные духи. А если отведу, но не того, тогда война на небесах — и я убийца. Конец

света.

Я так люблю жизнь. И ее часть сейчас бьется в моих объятиях, золотоволосой девой. И у меня, как у человека, свобода выбора — кому из присутствующих в этой точке времени и пространства исчезнуть. Для кого моя монетка — финальный знак препинания?

Стоп. Не ей, не рыжей Елене Прекрасной. Она же мне — никто. Она — не мой человек. Мой лежит в палате под капельницами и еле дышит. Мой двойник, почти труп Андрей Петров из Ромашевска. И на левом глазу его чернеет такая же метка, как у меня в руках. Я понял, как спасти мир!

— Вы неудачно двинулись, я хотел вас поддержать, — говорю я двум моим собеседницам. Женщина вырывает руки, и тут же спотыкается в складках невидимого ей савана.

Смерть громоподобно хохочет. Трескается штукатурка на потолке. Брыжжет искрами и дымится старая проводка. От нее расползаются бурые пятна по стенам, прожигая одежды Смерти. Лена бросается к своему сыну — ей уже не до меня. Я рвусь, прорываюсь через полотно савана к тому, кого недавно обзывал сволочью. Андрей не участвует в спасении мира: коматозникам это сложно. Но, отделенный от него нетканым полотном из последних вздохов, крепким, как время, я вижу: чернота из метки смерти на паучьих лапах расползается по его лицу. Но что-то другое не дает ей захватить парня полностью. Современные циники считают это банальностью, но каждый человек — поле битвы добра и зла. Каждый. Иначе зачем бы у нас было столько радости из-за какого-то там кающегося грешника.

Резанув отросшими крыльями плен мертвой ткани, я прорываюсь к своему человеку. Больно. Это очень больно — идти наперекор, против рамок. Но мне это сейчас, как мед на губах. Новорожденные крылья обжигает белизна, и крылья кровоточат, сжавшись, ослабев, увядая, как побитые морозом ростки. К больничной кровати я дохожу уже снова почти бескрылый: каждый шаг стоит тысячи золотых перьев. Золотое на больничном желтом.

И поймав свое отражение в потемневших днем окнах, я улыбаюсь ему: моя догадка верна. На лбу у меня, там, где монетка от Смерти, расцвел черный цветок. Такой же, как у полуживого человека. Благодарю тебя, Господи, за эту честь!

— Эй, — кричу я безобразной силе в белом. — Смерть — это же часть жизни, верно? Часть человеческой жизни!

И успеваю опередить костлявую руку с косой: на мои глаза я сам опускаю медные монеты. Свою и Андрея. Зеленая линия кардиографа резко дернулась вверх. Сложно и здорово быть че…

— А потом вдруг что-то изменилось и стало легко. Знаешь же. Бывает так: вроде все по-прежнему, а что-то изменилось. Незримо, неощутимо. Фу, пропасть! Как в книжках говорю! Но ведь правда: словно ветер дул всю неделю, противный, резкий, колючий, с севера, а потом раз, и стал западным, безо льда. — Сероглазый парень совсем забыл, что пора делать новый ход. Он вообще забыл, что, когда играешь в карты, надо держать их рубашкой к сопернику. Соперник же, Сергей Васильев, боролся с собой, стараясь не «палить карты» разболтавшегося прямо в середине партии Андрея. — Или вот как жара в этом году, была, была, к земле пригибала, а потом раз, и словно тумблер кто-то выключил на небе — нет жары. Вот так и у меня…

— Ты ходи давай! — Васильев уже знал, что еще раз выиграет у салажонка. Игра в подкидного

дурака — не то же самое, что любимый преферанс, но в нем бедняга Петров, увы, вообще ничего не соображал. Вот послал же Бог товарища! — Тумблер!

Андрей выложил на тумбочку между их кроватями две красные «шестерки», совсем с ума сошел, спихивать мелочь в конце игры! Но лучше уж играть с наивным Андрюхой, чем молча пялиться в стену и ожидать прихода медсестры или дежурного врача. Так время летит незаметнее…

— Да, тумблер! Или кондиционер. — Петров покорно сгреб битые карты. — Прикинь, вдруг где-то есть такой здоровый кондиционер, который делает жару. Стоит где-нибудь в кабинете у Господа Бога и дует!..

Стоит, стоит. Но не у Господа. А у совсем другого персонажа. И не дует уже, похоже. Выгорел вместе с офисным этажом. По крайней мере так сказала Сергею Лерочка, когда пришла навестить героя. Пришла, постреляла глазками, обдала модными духами, вручила приказ о выговоре за несоблюдение противопожарной безопасности и рассказала, что все сейчас в недоумении. Что тогда на них нашло, в день пожара?! Все во временном отпуске без содержания, так что выздоравливать он может не торопиться. Ну и прочие сплетни… Сергей и не торопился. А зачем? После того, что он видел, ему совсем не хотелось снова в «Барокко». Ему вообще больше ничего не хотелось. С таким настроением только в монастырь, и то не возьмут. Скажут: «Еретик!» Неканонически как-то видеть ангелов и демонов в партикулярном платье, как ему пришлось…

Сергей выложил козырного валета. Напарник грустно кивнул своей светлой головой и принял карту. Андрюха Петров, его товарищ по больничной палате, совсем не умел играть. Он рассказывал о своей части чудесной истории спасения в день, когда плавилось небо и корежило жизни. Постороннему могло бы показаться, что парень вышел из комы не без повреждений в мозге.

Сергей выложил козырного валета. Напарник грустно кивнул своей светлой головой и принял карту. Андрюха Петров, его товарищ по больничной палате, совсем не умел играть. Он рассказывал о своей части чудесной истории спасения в день, когда плавилось небо и корежило жизни. Постороннему могло бы показаться, что парень вышел из комы не без повреждений в мозге.

— Я теперь всех этих «дует» бояться буду! Потому что…

Удивительно, что он не пересыпал слова безнадежной бранью, как думал Серега. Вполне ожидаешь такого от человечка из Крыжополя, да еще с проломленной башкой. Повязка придавала соседу по палате вид то ли хулиганский, то ли героический. Заплывший глаз тоже не добавлял благородства. Васильев положил перед ним трефовую даму. Не столько ради себя, сколько ради продолжения игры. Благородства напарник не заметил и снова забрал картинку.

— …перед тем как все рухнуло, тоже подул ветер. Стою в метро, на переходе, под которым поезда проходят. У меня там встреча назначена была. Попросили подарочек передать какому-то знакомому знакомых…

Ну да обычное в принципе дело. Носки деревенской вязки и сало, наверное…

— …Стою жду его. В переходе хорошо, прохладно. На поезда любуюсь. Нравятся они мне. У меня в детстве железная дорога была игрушечная. Из Германии дед когда-то отцу привез. Мне по наследству досталась. Так там вот почти такой же паровозик был, как у вас в метро бегают. Мне потому метро и нравится…

Конечно, был бы ты коренной москвич — страдал бы метрофобией. Эскалаторов не боялся поначалу-то, интересно?

— …как в игру попадаю. Второй раз в жизни, кстати, у меня такое чувство. И оба раза нормально это не кончилось. — Парень потер расцарапанное ухо и произнес шепотом: — В первый раз я вообще Смерть видел. Как вас сейчас вижу.

Вот так сидишь, играешь в карты с незнакомым, в сущности, контуженном человеком, а он потом — раз! — и задел за живое. Сергей взмолился, чтоб сосед начал рассказывать про светлый тоннель и другие штампы. Ну, на худой конец, про всадника на бледном коне или тетку с косой. Но не тут-то было.

— …мужик такой, высокий и тощий… Ну это давно было, я еще студентом был. Не важно. — Он снова потер покалеченное ухо. Чешется — значит, заживает. — А тут стою и вижу, из вагона выхожу я сам. Ну вот, точно такой же, как я сам, только одет дороже раз так в тридцать. «Прикольно, — думаю, — в Москве у меня есть мажористый двойник!» Он на меня глаза поднял. Замер. И вроде как испугался. А потом вот оно и случилось: ветер сверху дунул! Даже не дунул — ударил резко. И что-то черное с потолка слетело, схватило меня и на двойника моего бросило. Или белое, не помню точно. Помню, больно мне стало еще до того, как башкой стукнулся. Потому что эта дрянь меня схватила и как в паутину замотала.

Послушать дальше, так точно уверишься, что Петров бредит после удара головой. И вроде бы все понятно — после пережитой аварии в метро и не такое привидится. Когда Сергея перевели из интенсивной терапии в обычную палату, Петров уже был там. Но очень слабый. Весь в ссадинах и синяках, ноги в гипсе, левая рука — тоже. На голове «шапка летчика». Одного глаза прочти не видно. Больной еще тот. Живые места есть, но мало. Медсестра шепнула тогда Васильеву, чтоб сильно к соседу не приставал с разговорами: молодого человека достали из-под завала на «Соколе», удивительно, как жив остался.

И надо бы его высмеять так, по-мужски. Типа вот шибануло тебя здорово, мерещится чертовщина всякая! Больной ты на голову теперь — в армию не возьмут и все такое. Надо бы. Да не смеется, после того, что сам умудрился увидеть.

— …А потом я плохо помню, даже почти не помню. Только то, что двойник мой тащит меня куда-то на спине, а мне в грудь что-то давит. Торчит из спины у него и давит. Жесткое такое, как две кости. Дышать от них тяжело и в глазах темнеет. Я тогда подумал, только не смейся, я подумал, что это мой ангел-хранитель, но без крыльев.

Сергей и не думал смеяться. Тем более что малахольный сосед выложил на тумбочку трио из валетов с хитрым козырным во главе. Васильев не расстроился. Игра, оказывается, продолжалась. И теперь, когда он сгребал к себе неожиданный прикуп, в голове у него собирались в стройную систему осколки картин и событий уже прошедшего убийственно-жаркого дня. А парень, напротив, все говорил и говорил. О том, что было больно, страшно. Непонятно, словно свет выключили и висишь в шевелящейся пустоте. И еще что-то про цветы, монеты, воздух, жару и еще что-то…

— А она меня спрашивает: «Он тебе кто?», а я даже и не знаю, что ответить! Бред, правда? — Андрей пытался сам над собой шутить. — Я вдруг понимаю, что даже не понимаю, о ком она меня спрашивает. И снова вопрос: «Кто ты ему?» А потом все закончилось. Как оборвалась кинолента… И стало легче. Врачи. Палата. «Вышел из комы». — На последних словах парень сам заскучал. Он уставился в вылинявшее от недавней жары небо.

Сергей проследил его взгляд: сизый голубь сидел на оплавленном шифере соседней крыши и удивленно круглоглазо вертел головой. Шифер, как подтаявшее и снова застывшее мороженое, свисал неровным бугром. Нет, не привиделись Сергею те плавящиеся небеса. Как не привиделась и встреча в заснеженном кафе в ночь перед Рождеством, и откровение о начальствующих в день, когда плавились судьбы, а облака и крыши корежило от близости адского пекла.

— И сейчас я понять хочу, кто тот самый «он» и почему это со мной происходит? Что во мне особенного? — прошептал пересохшими губами забинтованный человек на больничной койке. И выдал опешившему Васильеву четырех королей. Крыть было нечем.

— Да ничего, ничего в нас с тобой нет особенного! — рассмеялся Сергей. — Мы — и ты, и я — как все. Мы живем в таком мире. Где нет особенных и неособенных. Просто реши для себя, живешь ты или нет.

Сергею стало весело. Просто весело. От всего, что вокруг: от ладного, хоть и покалеченного, напарника по игре, от неожиданного проигрыша, от того, что все оказалось правдой. От того, что парнишка не понимает еще, но уже близок, чтоб понять. И от того, что кто-то где-то считает каждого из нас важным. До такой степени важным, что готов спалить самое прекрасное мироздание из-за наших ошибок или остановить Апокалипсис, если в городе найдется десять праведников. Ему не все равно. Сергей почувствовал себя не одиноким и не незначительным. Пусть еще не значимым, не важным, но уже не соломой в потоке вод. И счастливым от этого. Обожгла мысль, что сейчас что-то случится. И точно! Заверещал мобильный и на экране высветилось: «ЭКС».

— Сережа, мы с сыном придем тебя навестить, ты не против? — пыталась говорить «как чужая» бывшая супруга. Но она никогда не умела притворяться.

— Сережа, мы с сыном придем тебя навестить, ты не против? — пыталась говорить «как чужая» бывшая супруга. Но она никогда не умела притворяться.

В тот же, или почти тот же, миг к ним в палату ворвались шум и суета. В накинутых поверх футболок домашних халатах своих подруг или бабушек, в синих шуршащих целлофановых бахилах и с кучей пакетов с домашней едой вломились друзья и родственники Андрея. Как стая голубей, они облепили его кровать, а баржеобразная тетя присела, извинившись, на кровать Сергея. Та сдавленно крякнула, но выдержала. Все что-то щебетали, охали, сочувствовали, наперебой рассказывали новости, обещали помогать и приходить, доставали гостинцы: компоты, соленья, отварную картошку, конфеты, носки деревенской вязки и сало, разумеется.

А Сергей смотрел на этот птичий базар и представлял, как обнимет своего уже перегнавшего его в росте сынишку. Думал, что кто-то остановил Конец Света, и подозревал, что вернется к жене и на старую работу в МЧС. Не напрасно же кто-то на днях остановил Конец Света.

Его бывший начальник в этот момент, уперев руки в бока, подставлял свои черные крылья солнцу на одной из московских крыш. Он чувствовал себя обыгранным и преданным. Чувствовал злость и желание отомстить. Чувствовал и гордился этим. И убеждал себя в том, что на Смерть в следующем проекте рассчитывать не стоит: скелет в саване подыгрывал людям — молчал перед ангелом, как перед человеком! Что от него ждать?! Он не может принять чью-либо сторону — при Конце Света он вместе с падшими ангелами отправится в Огненное Озеро, а пока ему есть работа на Земле, он будет вечно ссылаться на занятость…

Над городом, в вылинявшем от жары небе висело огромное облако, похожее на гигантское перо. Чуть розовое у западного края. Возможно, кто-то выронил его из своего крыла.

На выходные обещали дождь.

Юпия Остапенко

КРЕСТЬЯНКА И ДРАКОН[7]

Началось все с того, что в Холлхалл заявился колдун.

Впрочем, на колдуна-то он как раз и походил меньше всего. С виду скорее рыцарь, только пеший, в ладном кафтане и сапогах, высоченных, из красной кожи — аж до бедра. Рубашка под кафтаном шелковой нитью шита, пояс богатый — сплошь серебро да янтарь, плащ зеленой саржи, подбитый белкой, а меч… Каков меч, никто не видал, но зато ножны-то, ножны! Чеканным узором увиты, мелкими зелеными кристалликами усыпаны, и дама Фринигонда, Холлхаллская хозяйка, как увидела, так и ахнула: изумруды! Да уж, знатного рыцаря крепкие ноги да пыльные дороги привели в захолустный, богами забытый Холлхалл. По всему видать — принц в изгнании. Не иначе!

Так шушукались слуги в замке, так вздыхали Холлхаллские дамы, так судачили мужики в поле, что раскинулось под замковой стеной. И никого-то не озадачивало и не смущало, что знатный рыцарь сей явился пеший, словно простой бродяга, и что в богато расшитом кошельке его не было ни монетки золотом. Никому не показались странными мутные речи, которые вел он с господином Эльдаком, Холлхаллским владетелем. Никому не почудились дерзкими взгляды, которые кидал он на даму Фринигонду, владетелеву жену. И никого не поразила наглость, с которой пришлый бродяга взял да и остался в Холлхалле жить. Все только дивились плавности его речи, умилялись благородству его жестов, млели от изысканности его манер, смелости мыслей и в конечном итоге сокрушительного обаяния!

И до того млели, что голову теряли напрочь.

— Чей это лес там на пригорке? — спрашивал незваный гость, щурясь на зеленеющую вдали рощицу, колышимую свежим ветром.

Лес был владетеля Ульрика, давнего недруга владетелей Холлхалла — лета не минет, как они за что-нибудь поцапаются: то за борзую собаку, то за тропинку через луг, то за разливистую лужу от последнего дождя.

— А славные, должно быть, косули в этом лесу, — задорно отвечал на то рыцарь. — Хозяин, давай поохотимся — ввечеру нам хозяйка твоя пир закатит!

Эльдак, кивая с радостным видом полного идиота, вспрыгивал в седло, и рыцарь тоже вспрыгивал в седло лучшей на здешней конюшне лошади, и неслись они со свистом и гиканьем в рощу — гонять чужих косуль.

Когда на следующий день Ульрик в отместку повесил на суку (на краю рощи, так, чтоб из Холлхалла видно было) Эльдакова крестьянина, рыцарь весело рассмеялся.

— Надо же, обидчивый какой, — и похлопал Эльдака по плечу, а Эльдак услужливо захихикал, будто так и надо.

А то еще выдумали по курам стрелять. Лето стояло в разгаре, полдень выдался знойный и сонный, так что лениво было выбираться из-под сени могучих, приятно холодящих замковых стен. Вот пришлый рыцарь и придумал забаву: сесть у бойниц и стрелять по курам, разгуливавшим по двору и поклевывавшим овес. Всякая курица, дожившая до этого лета, знала, что беда ей может грозить единственно от толстой кухарки, подступающей к ней бочком и вкрадчиво сюсюкающей: «Цыпа-цыпа!» — вот тут-то и надо призадуматься о грядущей вечности. Из замковых же бойниц ни одна курица предательского нападения не ждала. Посему очень скоро двор огласился паническим кудахтаньем, хлопаньем крыльев и шелестом перьев, взметавшихся над соломой.

Натешившись, послали дворового мальчишку считать очки. У владетеля Эльдака оперение стрел пометили нарочно синей краской, стрелы гостя его — желтой. Владетель настрелял восемь куриц, гость — одиннадцать. Вечером опять закатили пир, и даже толстая кухарка не бранилась, что чуть не весь курятник перебили и останутся теперь без яичницы, а, противу того, восхищалась зорким глазом и твердой рукой пришлого рыцаря.

— Ах, красавец, ну, удалец! Такого бы к нам в замковый гарнизон, и пес Ульрик на коленях приполз бы вымаливая пощады! — говорили во дворе.

А на пирах-то, на пирах… Дама Фринигонда, сладостно хохоча, запускала себе в вырез платья жареную селедку, и рыцарь, изящно нагнувшись, ловко выуживал ее из потаенного хранилища зубами за хвост. Дочь ее, дама Кендерика, с визгом задирала юбки, под которые закатывалось сочное яблоко, оборачивалась кругом себя шесть раз и падала, запыхавшись, в кресло. А пришлый рыцарь, будто видя сквозь пышные юбки, совал руку наугад и выуживал из мятых складок яблочко — с первой попытки! И даже почтенная матушка владетеля Эльдака, дама Бринельда, лет весьма преклонных и нрава более чем сурового, с мечтательным видом взирала на мозаику, которую гость сноровисто выложил на столе, пользуясь кусочками мяса, салата и абрикосов. Картинка вышла настолько фривольная, что страшно даже вымолвить, какую именно часть дамского тела изображала с великой точностью. Дама Бринельда бурно рукоплескала художественному таланту гостя, и вторили ей дама Кендерика, дама Фринигонда и сам владетель Эльдак, бывший от своего гостя в диком и незамутненном восторге.

— Каков, а! И охотник, и рыцарь, и угодник, и поэт! Каков! — ахали в замке, во дворе и в прилепившейся к замку деревеньке, изнывая от любви.

И лишь одному существу — за вычетом кур и косуль, осознавших размах бедствия слишком поздно, — было решительно непонятно, что же такого восхитительного и прелестного все находят в этом наглом, бесстыжем, совершенно бессовестном негодяе. Было сие существо Эльдаковой крестьянкой, девкой по имени Джаредина, единственной дочерью местного мельника. В то лето Джаредине исполнилось двадцать лет, и за двадцать лет горюшка она хлебнула немало, а начала хлебать, едва засопев носом в колыбели. Мать ее, будучи на сносях, имела неосторожность наслушаться менестреля, проезжавшего в ту пору Холлхалл и спевшего пару виршей за краюху хлеба и кружку кваса. Всего песен было три, и каждая из них воспевала прекрасную деву Джаредину, свет менестрелевых очей, усладу менестрелева сердца и огонь менестрелевых чресел. Мельникову жену звали, без затей, Молли, а сам мельник звался Гус, и дитя он свое собирался наречь, как водится у добрых людей, Лаской или же Таркой — чтоб окликать покороче. Но упрямей бабы на сносях — разве что бешеная ослица. Уперлась Молли — будет, говорит, девочка, так будет Джаредина.

— Да спасибо хоть не Фринигонда, — сказал на то мельник и сплюнул в сердцах, а больше ничем воспротивиться женке не сумел. Любил он ее, что уж тут.

И добро бы еще только от имени и материной блажи пострадала Мельникова дочь. С малых лет она была выше всех ребятишек в деревне — и не только девочек, но и мальчиков. Ноги у нее были длинные, руки сильные, плечи широкие — лет до десяти ее проезжие со спины за мальчика принимали, и все кликали: «Эй, парнишка, коня напои!» Ступив в отрочество, покруглела, сгладилась, да все равно как была, так и осталась нескладной дылдой. И не то чтоб собою была дурна — хоть и не красотка, прямо сказать, а очи лисьи, нос курносый, щеки нежные, ровно и впрямь не сельская девка, а дама благородных кровей, вскормленная на уксусе и кисляке. Да толку с того мало было, все одно — слишком велика она была, слишком сильна и слишком страшила деревенских парней. Они поначалу бегали за ней еще: девок в деревне не так-то и много водилось, кто покрасивше, тех сразу замуж хватали, и по кустам бегать было не с кем. А Джаредина в шестнадцать лет так и дышала крепким сельским здоровьем — статная, сочная, с пышной шапкой каштановых кудрей, рассыпанных по плечам. Нашелся смельчак, подкараулил ее, как по грибы пошла, корзинку в овраг забросил, девку поперек пояса обхватил — и в кусты. «Приласкай», — шепчет, в губы тычется, уже и руки шаловливые распустил… Приласкала его Джаредина — кулаком промеж глаз, так, что кувыркнулся хахаль ее в овраг следом за корзинкой. Тяжела рука была у мельниковой дочки, ох тяжела — недаром сызмальства отцу помогала на мельнице мешки с мукой таскать да жернова прилаживать. Женишок ее самозваный долго потом шишкой щеголял, и после никто уж Джаредину в лесу не подкарауливал.

— Эх ты, — пригорюнился мельник.

— А что — я? — не взяла в толк Джаредина, и отец ее, вздохнув, пояснил, стукнув дщерь для лучшего усвоения ложкой по лбу.

— Что, что… Дура!

Как знать, может, и прав был. Не оттого ли не водилось у Джаредины ни сердечного дружка, ни милых подруженек, а только и было, что коза, которой она в детстве поверяла свои горести, а после выросла и устыдилась. Козу на праздник Солнцестояния съели, и была с тех пор Джаредина спокойна и деловита, отцу в работе — помощница, с матерью покладиста, с односельчанами услужлива, а что людей сторонилась и в замок, поглазеть на платья тамошних дам, не особо рвалась — так оно, может, и к лучшему. Все равно ж ей таких нарядов не нашивать никогда, разве что укради — а хоть бы и украла, не налезет.

И все бы оно ничего, да только с появлением в Холлхалле гостя пиры стали слишком частыми, и веселящиеся в замке сожрали месячный замковый провиант менее чем за неделю. В великой спешке заготавливали еще мясо, вытряхивали из амбара запас овощей на зиму, пекли хлебы, булки, пироги и кренделя. Муки много надо было — загрузил Гус телегу пыльными белыми мешками, усадил дочку на козлы, сунул вожжи ей в руки — поехала. А мать, прослышавшая уже о нынешнем замковом веселье, напутствовала ее:

— Ты, доченька, сразу-то домой не возвращайся, побудь там, авось на что сгодишься.

Все мечтала бедная женщина нескладную свою оглоблю в горничные к даме Кендерике пристроить. Каждую седмицу бегала на капище богам тыкву с кукурузой на это благое дело жертвовать — не скупилась.

— Ладно, матушка, — сказала на то Джаредина, как всегда на все отвечала, вожжами хлестнула, да и поехала.

А как приехала, как увидала, что в замке делается — обомлела.

И более всего изумлялась тому, что никто, кроме нее, казалось, не видел истинной сущности дрянного этого гостюшки. Никто не видел, как он хозяйство разоряет своими пьянками да пострелялками, как в войну с соседом ввергает, как бесчестит женщин хозяйских на глазах у самого мужа, отца, сына — и хоть бы что! Ссыпая муку в большие мешки в амбаре, Джаредина прислушивалась, что люди говорят.

— А нынче-то вечером слыхали, что удумал? Маскарад! Всем мужикам бабами обрядиться, а бабам — мужиками! То-то смеху!

— И спать нынче мужикам в бабьих покоях, чтоб горничные им прислуживали, — радовались мужики.

— А бабам брагу пить до зари и песни похабные распевать, как мужикам! — ликовали бабы.

— Рожи-то тряпками обмотать не забудьте, — не выдержала Джаредина. — Раз уж все одно маскарад.

Галдящие люди примолкли. Удивленно посмотрели — кто, мол, такая.

— Это зачем?

— Затем, чтоб не узнали друг друга. Наутро же сраму не оберетесь, — ответила та и понесла пустые мешки назад к телеге. Матушкин завет она помнила, но очень уж домой поскорее хотелось.

У телеги догнал ее хозяйский паж, прыткий и наглый, как лягушонок. За рукав схватил, дернул:

— Стой, куда! Дама Кендерика велит всем девкам, кто делом не занят, к ней в горницу идти, рядиться помогать.

— Да я не умею, — нахмурилась Джаредина, а паж знай свое гнет:

— Иди, иди, дама Фринигонда говорит, нынче всем найдется работа.

Так Джаредина, мельникова дочь, в замке и осталась. Рядить господскую дочь в мужское платье ей, конечно, не дали, зато доверили воды натаскать, овцу для убоя связать и двор застелить свежей соломой. Джаредина никакой работы не чуралась, руки ее большие, крепкие, все были в мозолях, и замарать их она не боялась.

— Такой-то и рядиться не надо — готовый мужик! — сказал кто-то ей в спину, а она плечами только пожала — привыкла.

— Такой-то и рядиться не надо — готовый мужик! — сказал кто-то ей в спину, а она плечами только пожала — привыкла.

Ввечеру, думала, отпустят — да где там. На кухне дым стоял коромыслом, рук не хватало, особенно когда бабы в мужнино да сыновье тряпье рядиться побежали. Одна лишь толстая кухарка осталась (на такую ни одни штаны в замке на налезли бы), и Джаредина ей в помощь.

— Ах, дочка, тебя мне боги послали, — обрадовалась кухарка, и весь вечер провозились они вдвоем, делая работу за шестерых.

В ночь легла Джаредина на лавку прямо у печи и заснула, ног под собой не чуя. А наутро тоже

работа была — похмельных мужиков и баб до кроватей дотаскивать, а то большинство уснули там, где в последний раз легли.

Тогда-то Джаредина и увидела впервые рыцаря прекрасного, принца в изгнании, которым ей все уши прожужжали, равно как и его славными подвигами, вроде отстрела Холлхаллских кур.

Он стоял на крепостной стене, прохлаждался на свежем утреннем ветерку, который там, наверху, дул крепче. И по единому взгляду на него Джаредина сразу поняла, что не рядился он вчера в дамское платье, и не пил, а если и пил, не был пьян. Стан его был прям и жесток, губы крепко сжаты в издевательской полуулыбке, в глазах отливало позолотой солнце, и в отблеске этом были они тверды и холодны, будто камень. Он словно почуял, что Джаредина на него глядит, и посмотрел тоже — хитрым, прямым и недобрым взглядом. И тогда она поняла, что он колдун — подлая тварь, одурманившая простых людей и глумящаяся над ними, одурманенными, в свое удовольствие.

Будь Джаредина и впрямь добрым молодцем, стащила бы на кухне мясницкий нож и избавила Холлхалл от супостата. Но была Джаредина девицей и от увиденного оробела; да к тому же не ее крестьянского ума дело, как господа в замке развлекаться изволят. Стиснула зубы, глаза опустив, подумала: «Сегодня же ввечеру — домой», да так и не ушла.

Но ввечеру господа, от вчерашнего оклемавшись, снова затеяли гулянье, и снова были нужны рабочие руки. Правда, меньше, чем накануне, и до заката Джаредину отпустили передохнуть — но тут же на нее налетел давешний паж и поволок в замок, дескать, дама Фринигонда у себя в опочивальне перестановку затеяла, комод передвинуть надо, а мужики все у дел. Что ж, пошла Джаредина, передвинула комод, а там, поднатужившись, и диван, и стол дубовый одолела. Дама Фринигонда заахала и подарила ей платочек батистовый, а потом спросила, кто такая будет и откуда. Та ответила — Джаредина, мол, мельникова дочь, из ваших, госпожа моя, крестьян.

— Джаредина! — повторила Эльдакова жена и головой покачала. — Видать, большой оригинал батюшка твой. Слушай, — добавила, обмахиваясь веером и пристально глядя на крестьянку снизу вверх, — тайны хранить умеешь? Коли умеешь, я тебе потом малахитовый браслет подарю.

Браслет с тонкой ручки ее Джаредине едва бы на ладонь налез, но что тут ответишь? Поклонилась, сказала, что рада услужить госпоже.

— Ну а коли рада, — сверкнула глазами хозяйка, — то приходи сегодня в полночь ко мне. Как я знак дам, то вот этим комодом задвинешь ту дверь, а вот этим столом — эту, а потом через эту дверь сама выйдешь да и постоишь там, поглядишь, чтоб никто мимо не шастал. Сделаешь?

Что было ответить на это? Не спорить же с хозяйской женой. И даром что Джаредине совсем не хотелось еще одну ночь под замковой крышей проводить, а делать нечего.

В полночь, как обещала, была на месте. Собрались в опочивальне все три Холлхаллские дамы — Фринигонда, дочь ее Кендерика и свекровь ее Бринельда, досточтимая матушка владетеля. Все три — в пеньюарах, веерами обмахиваются, глазки друг дружке страшно строят, хихикают. Джаредина спросила: «Пора ли?», и дама Фринигонда ей отвечала: «Нет, еще не пора. Еще ждем. Я скажу…» С полчаса прождали, а потом отворилась дверь, и ступил в опочивальню в одной рубахе, да штанах, да сапогах своих красных не кто-нибудь, а проклятый хозяев гость…

— Ах! — сказала дама Фринигонда.

— Сэр Дженсен! — сказала дама Кендерика.

— Мы вас заждались, — сказала дама Бринельда и шаловливо прикрыла веером морщинистое лицо.

Рыцарь, звавшийся сэром Дженсеном (а верней, как твердо уверовала Джаредина, колдун, похитивший чужое имя и регалии), раскланялся всем трем, облобызал пальчики и лукаво скосил злые зеленые глаза на Джаредину, так и стоявшую столбом.

— Эта девица нам составит компанию в ночном нашем бдении? — и так ласково проворковал, так вкрадчиво, что на миг и у Джаредины земля под ногами поплыла, в голове распустился туман, руки-ноги потяжелели, в животе стало так тепло, так сладко…

Но как глянула в лица трех женщин, трех дам, рассевшихся кружком и ждущих ее решения, как поняла, что стоит ей лишь кивнуть — и ее закружит в той же дьявольской круговерти, — так стрелою вылетела вон. Дверь захлопнула, громыхнув ею на целый замок, привалилась спиной, задыхаясь, слыша язвительный смех за спиной. Отдышалась, опомнилась. «Да что это я?! Чуть не поддалась ему, окаянному». Эх, будь она бравым молодцем — ворвалась бы теперь назад, оттолкнула бы бесстыдника от околдованных женщин, ногами запинала! Да только кто ж ей поверит… Они-то все думают, что по собственной воле привечают его безобразия. Они скорей ее повесят на суку за оскорбление знатных, чем опомнятся и поймут, что творят…

За дверью меж тем притихло, и неудержимо захотелось вдруг Джаредине узнать, что ж там делается. Девкой она все же была, хоть и несуразной — а девкой. Тайны хранить умела и знала, что никому о случившемся не расскажет, как бы язык ни жгло. Так что безо всякой зазорной мысли прильнула ухом к двери, дыхание задержала, вслушалась…

Да так и отпрянула, к сердцу ладонь прижав. Потому как не услыхала слов, а одни только стоны, не услыхала вздохов, а одно только прерывистое дыхание — то стонали и дышали разом три женщины, бабка, мать и дочь, и не могло быть сомнений, чьими стараниями стоны эти из них вырываются!

«Да что же… да как же!..» — подумала Джаредина, и захотелось ей бежать, вот прямо повернуться и бежать куда глаза глядят, подальше от срама этого… Думала о том и стояла ни жива ни мертва, пока не раздался из опочивальни тонкий, пронзительный женский крик, столь высокий, что сразу ясно стало — то голосит дама Кендерика.

Джаредина от двери отпрянула, и вовремя. Распахнулась дверь, и выбежала из нее Эльдакова дочь, в одной нижней сорочке, батистовую шаль на плечах волоча. Шагала и бранилась, да так люто, как и сам мельник не бранился, когда прилаживал тугие жернова.

— Молода я ему! Молода! Недостаточно сноровиста! Ах ты, пес шелудивый! — и ну опять пошла браниться, ножкой босою топая с такой яростью, что шаль с плеча соскользнула и упала на каменный пол.

— Молода я ему! Молода! Недостаточно сноровиста! Ах ты, пес шелудивый! — и ну опять пошла браниться, ножкой босою топая с такой яростью, что шаль с плеча соскользнула и упала на каменный пол.

Джаредина, не зная, чем ее горю помочь, наклонилась, шаль подняла, протянула хозяйской дочери. Та только глянула ей в лицо — и закатила такую оплеуху, что Джаредину, крепкую девку, к стене шатнуло.

— Вон пошла! Дрянь! Все дряни! — заорала дама Кендерика и, отчаянно разрыдавшись, убежала по темной галерее прочь.

Джаредина постояла еще немного, потопталась, да и побрела восвояси, а руки ее большие, грубые, бездумно мяли мягонькую хозяйскую шаль.

До зари она так по замку и пробродила — сна ни в одном глазу. С рассветом только прикорнула на скамье у амбара, да от усталости и смятения и проспала до самого полудня. Вскинулась, когда солнце уже высоко стояло, собаки лаяли, махая хвостами, куры рыли клювами солому у амбара, выискивая просыпанные зернышки. Села Джаредина на скамье, потянулась сильно, сладко. Не сразу вспомнила вчерашнее, нынче оно все дурным сном казалось. Да только на скамье с нею рядом, смятая, лежала шелковая шаль дамы Кендерики. И едва взгляд на нее уронив, вздрогнула Джаредина, припомнив все разом.

Что делать-то теперь?

Потянулась, шаль нерешительно тронула. Красотищи тряпица была неописуемой — белая, легкая, точно пух тополиный, с тонкой кружевною каймой, да еще с большой золотой булавкой, приколотой с краю. Ох, и дорогая вещица — на одну только эту булавку целую козу выменять можно… Да только о том Джаредина и помыслить не могла. Ясно было, что накидку надо вернуть. Только как? Прямо не подойдешь, не скажешь — со вчерашней ночи еще горела от оплеухи щека. А передашь через кого, так ведь решат, что украла. И отдать нельзя, и оставить нельзя — ну, этого еще только не хватало!

Сгребя шаль, встала Джаредина со скамьи, огляделась. Людей что-то во дворе почти видно не было, одни собаки да куры. С другой стороны хозяйского донжона доносился гул, говор и смех — что-то там, кажется, происходило. Джаредина пошла на гомон, надеясь, что как-нибудь случай ей представится к даме Кендерике подобраться.

Перед входом в донжон собрался весь дворовый люд владетеля Эльдака. Сам владетель был тут же, и супруга его, и дочь (матери только не видать было — чай, умаялась накануне «ночным бдением»), Эльдак похохатывал чему-то и хлопал сэра Дженсена по плечу. Люди переговаривались, шептались, бабы ахали, девки хихикали — снова что-то непотребное затевалось. Джаредина в это вникать не стала, а только заработала локтями, придвигаясь поближе к даме Кендерике, хмуро стоявшей от отца с матерью поодаль. По тому, какие взгляды кидала она на гостя, видно было, что сердится, бесится сверх меры — а все равно обожает.

Джаредине подумалось, что, если подобраться к хозяйской дочке вплотную, можно будет тихонько шаль ей в руки сунуть и убраться поскорее, пока она оглянуться не успеет. И так мысль эта увлекла ее, что не заметила Джаредина, как рыцарь от хозяев отошел и направился прямо в народ. Волна трепета прошла по толпе, всколыхнув ряды, девки захихикали громче, заерзали. Джаредина пихнула одну девку, наступила на ногу другой, плечом оттолкнула третью — в двух шагах уже от дамы Кендерики была…

И тут мужская рука, твердая и горячая, сжала ей голое предплечье под рукавом.

— Снова ты, девица, — низко проговорил сэр Дженсен, и глаза его злющие, зеленющие, сверкнули на солнце золотом — как тогда, на стене.

Джаредина кинула на него взгляд. Ростом они были почти одинаковы, так что глядела она на него вровень.

— Пусти, — сказала она, тоже глухо, и рыцарь-колдун сощурил глаза.

— Нет, теперь уж не пущу. Давеча сбежала, больше не выйдет. Пойдем-ка, господину твоему Эльдаку угодно, чтобы ты кое-что сделала…

— И ничего не угодно моему господину Эльдаку! Не ему это угодно, а тебе! — выкрикнула Джаредина, дав наконец волю гневу. Дворовый люд заохал, а господа — все, даже дама Кендерика — сурово сдвинули брови.

— Вот строптивая девка! — рявкнул владетель Эльдак, а гость его улыбнулся по-змеиному и пальцы еще сильнее сжал, так, что Джаредине почудилось, будто острые когти рвут ей плоть.

— Пойдешь, — не сказал — прошипел, будто и впрямь змея подколодная. — Гляди на меня, ну…

Она и глянула, будто дура — и как накануне ночью, земля разом поплыла перед взором, ноги сделались ватными. Сделала шаг, другой, позволяя этой сильной руке себя потянуть…

А потом опомнилась. Стиснула было кулак — да тут же поняла, что, если благородного по лицу ударит, домой не возвратится жива. Потому не стала Джаредина бить, а вместо этого перехватила шаль дамы Кендерики, которую все еще держала в руках, вырвала из нее золотую булавку, раскрыла — да и вонзила в держащую ее мужскую руку, прямо в самое мясо, так глубоко, как сумела.

— Пусти!

И обомлела, когда он и впрямь отпустил.

Да не просто отпустил — отшатнулся. Золотая булавка торчала из вскинутой руки, не прикрытой ничем, кроме тонкой льняной сорочки. И из того места, где торчала она, хлестала кровь — да не красная, не добрая человеческая кровь, а жуткая, черная, с шипением и пеной брызжа наземь и на стоящих рядом людей. И там, где она капала на устилающую двор солому, солома начинала тлеть.

Все молчали, окаменев. Несколько мгновений ничего не было слышно, кроме шипения этой дьявольской крови. А потом дико, громко заверещала дама Кендерика — ей капелька крови на руку попала, и на месте капли уже дымился ожог. Тут разом заголосили все. «Хватай! Держи! Вали! Вяжи!» — неслось со всех сторон, и поверх этого гвалта, все перекрывая, несся визг дамы Кендерики, бессвязная брань владетеля Эльдака, и — неожиданно для всех — зычный голос, Джаредине вовсе незнакомый:

— Не убивать! Не убивать!

Джаредину оттолкнули в сторону, оттеснили. Она отступила, не противясь. Бабы с девками разбежались, дама Фринигонда лежала в обмороке, а владетель, страшно бранясь, с обнаженным мечом подступал к свалке из мужиков, навалившихся на дорогого гостя. Из свалки неслись вопли, хруст и шмяканье, но скоро все стихло, и когда Эльдак распинал мужиков, взгляду тех, кто остался еще во дворе, предстало бесчувственное тело, распластанное по земле. Градом ударов рыцаря оглушило, вот только крови было совсем немного — на руке, там, куда воткнула Джаредина золотую булавку.

Владетель Эльдак поднял меч. И снова донеслось из-за спины его:

— Не убивать!

— Да почто ж не убивать-то?! — в сердцах гаркнул Эльдак, оборачиваясь на зов. — Это ж нечисть поганая — сам видал. Демон или колдун!

— Колдун, колдун! — заголосили дворовые.

— Колдун, колдун! — заголосили дворовые.

— Колдун, — тихо повторила следом за всеми и Джаредина. Не считая владетелевых жены с дочкой и их прислужниц, она осталась единственной женщиной на дворе. Дама Фринигонда еще не очнулась, дама Кендерика, окруженная своими горничными, истошно рыдала.

И тут выступил на свет человек, которого Джаредина прежде не видела, но о котором была наслышана, как и всякий Эльдаков крестьянин. Человек этот был при хозяевах неотлучно, но держался всегда незаметно, одевался в серое, льнул к замковым камням, точно паук, и никто его не видел, пока он сам голос не подавал. Звался он Зверк и числился при Эльдаке звездочетом и лекарем. Хотя в деревне поговаривали, что он и сам-то не брезгует колдовством, и одни боги знают, какие зелья он варит в своей келье в подземелье Холлхалла.

Когда Зверк подошел, все разом умолкли, даже дама Кендерика перестала голосить. Зверк был низок ростом и так сутул, что почти горбат, а теперь еще ниже склонился, нагибаясь над распростертым рыцарем. Почесал свой крючковатый нос, потер родимое пятно на костлявом лбу, окинул взглядом подгоревшую солому, тронул пальцем черную кровь, разлитую по земле — она уже остыла и загустела, и теперь была похожа на древесную смолу. Зверк вынул из руки рыцаря золотую булавку, вымазанную в этой черной пакости, повернулся к владетелю Эльдаку и сказал:

— Убивать его, мой господин, не надо, потому что он великую славу тебе принесет. Это не демон и не колдун. Это дракон.

Прошло три дня.

Все эти дни замковый кузнец с кузнецом деревенским, собравшись вместе и позабыв на время былые раздоры, не покладая рук ковали цепи из чистого золота. Для этого пришлось бросить в плавильню все золото, нашедшееся в замке — не только кубки, блюда и монеты, но даже перстни, ожерелья и диадемы из фамильной сокровищницы владетелей Холлхалла. По правде, богатства эти были нажиты грабежом. Холлхалл стоял на перевале меж двух больших дорог, и в бурной юности владетель Эльдак, равно как и отец его, и дед, не раз баловался налетами на проезжавших мимо купцов и одиноких путников — а что поделать, край небогатый, скучный, разбоем и развлечься, и поживиться можно. С тяжелым сердцем расставался Эльдак с честно награбленным, но Зверк уверил его, что, как доставит Эльдаков посланец в столицу этакое дивное диво, светлый князь сразу столько золота Эльдаку отвалит, что на весь век хватит. Эльдак Зверка послушался. После того, как наваждение спало, был он немного отупевшим и соображал туго, моргал по-совиному, слушал Зверка, как прежде гостюшку своего распроклятого, и кивал. В сущности, для владетеля Эльдака мало что изменилось.

А вот люд Эльдаков оправился полностью и теперь охал, кряхтел, бранился. Джаредина оказалась права — всем стало стыдно, и оттого разговаривали мало, все больше в землю глядели. Страшно упомнить было, сколько сраму и беспутства учинили под чарами злобной твари. Но в том вины их не было. Зверк им все разъяснил.

— Все вы про драконов слыхали, — рассказывал он тем же вечером, когда все снова во дворе собрались и стали слушать. — Да никто их прежде в наших краях не видел. Гнездовье у них далеко на севере, за Льдистым морем, и редко-редко они покидают пещеры свои в ледяных скалах и прилетают в страну людей. Если это случается, беда великая ждет тот край, который дракон себе выберет. Поля огненным дыханием выжжет, коров, овец, а когда и девок когтями сграбастает, утащит на самое высокое дерево да сожрет. Но еще опасней он, если обернется человеком. Тогда чары его страшны и необоримы: всякий, лишь глянув на него, тут же его полюбит, и все за него сделает — хоть жену за руку приведет и скажет: «Твоя!», хоть ребятенка родного на жертвенный алтарь положит…

Люди слушали молча. Оно вроде как и полегче было — знать, что не сами они виноваты, а все проклятые драконьи чары, — и все равно стыдились, вспоминая.

— Есть на него только одна управа, — вещал Зверк, поглядывая кругом себя взглядом косым и суровым. — Никто не знает отчего, но не выносят драконы золота. Ранить их можно лишь золотым клинком или стрелой с золотым наконечником — сталь булатная даже не оцарапает. А когда ранен дракон, и кровь его черная, жгучая, из раны хлещет, сила чар его сразу слабнет. Беда одна — пока дракон невредим, никто на него меча не поднимет. Оттого-то они и губят души людские, сколько вздумается.

Сказав это, Зверк поднял голову и крикнул зычно, на целый двор:

— Выйди, девушка! Дай добрым людям посмотреть на тебя!

Джаредина, робея, вышла. Весь этот день она не знала, куда и девать-то себя — все на нее глазели, пальцами показывали и шептались. Думали небось, что она и сама ведьма. А как оно на деле было, разве же объяснишь? Она и сама не очень-то понимала как.

Зверк взял ее за руку костлявой лапой, к владетелю Эльдаку повел. Джаредина хозяину неловко поклонилась. Оглядел ее владетель, кусая ус.

— Как зовут тебя, девица? — спросил Зверк.

— Джаредина, Гуса-мельника дочь.

— Так знай, — громыхнул Зверк, — знай, Эльдак, владетель Холлхалла, что боги благословили тебя и землю твою, ибо здесь, в доме простого мельника, народилась дева Джаредина — драконоборица!

Народ ахнул. Джаредина только глазами захлопала. Эльдак переспросил:

— Чего?

— Раз в сотни лет рождается человек, способный противостоять драконьим чарам. Когда дракон в зверином своем обличье, всякий пред ним падет замертво от нестерпимого ужаса — и лишь драконоборец устоит и не дрогнет. Когда дракон обернется человеком, всякий, околдованный им, утратит волю — и лишь драконоборец разум сохранит и сможет подлую тварь изобличить. Правда, — добавил Зверк с некоторым колебанием, — нигде в легендах не говорится, что драконоборец может быть девой. Но тут уж как есть, перебирать нам не из чего.

— Да какая она дева? Ты глянь на нее! Готовый мужик! — крикнул кто-то из толпы, и все засмеялись, а Джаредина залилась пунцовой краской. Смеялись-то над ней частенько, но никогда не срамили при целом народе.

Дама Фринигонда, уже сполна оправившаяся от утренних потрясений, выгнула бровь.

— А как по мне, разницы никакой — дева, не дева. Главное, что благодаря этой девушке наш дом избавлен от проклятия. Она заслуживает за это великой награды.

— И получит ее, — кивнул Зверк. — Из рук самого светлого князя Григаля. Ибо хоть и удалось нам усмирить дракона прежде, чем он успел перекинуться зверем, но отправлять его в путь без присмотра, пусть бы даже и в цепях, никак нельзя.

— Я приставлю своих лучших рыцарей! — заявил Эльдак, но Зверк лишь руками замахал:

— Да стоит ему только глянуть на твоих рыцарей, господин мой Эльдак, и они тут же будут им заново околдованы! Нет, одна Джаредина, мельникова дочь, сможет доставить дракона к князю в целости и сохранности. А иначе не совладать.

— Да стоит ему только глянуть на твоих рыцарей, господин мой Эльдак, и они тут же будут им заново околдованы! Нет, одна Джаредина, мельникова дочь, сможет доставить дракона к князю в целости и сохранности. А иначе не совладать.

Джаредина слушала ни жива ни мертва. Так это что ж, ее в столицу отряжают? И не просто так, а сторожем при страшной, самой опасной на свете твари? Ее, глупую деревенскую девку? Да с ума они посходили, что ли?! Скажут тоже — драконоборица!

Да только робела она возмутиться, и возразить робела. А тут еще дама Фринигонда подозвала ее, приласкала, утешила и обещала, как вернется, взять к своей дочери в горничные. Стало быть, вот-вот исполнится мечта мельничихи Молли. Как же могла вернуться Джаредина домой и матери в глаза смотреть, зная, что так ее подвела? Что уж…

На том и порешили.

Недалеко от Холлхалла течет река Стременка. В десяти верстах от замка впадает она в Хвой — приток могучего Златовода, а по Златоводу уже ходят большие крутобокие суда, и за три дня, плывя по течению вверх, можно добраться до Клеменса — столицы славного княжества Семи Долин. Туда-то и лежал путь парусника, наскоро снаряженного владетелем Эльдаком (для чего пришлось ему взять немалый заем у владетеля Ульрика, страшно обрадовавшегося соседской беде и за помощь вытребовавшего у Эльдака дочь его Кендерику в жены).

Провожали парусник всем замком, всей деревней. Джаредина стояла на корме, смотрела, как машут ей и кричат — вон и матушка слезу отирает, вон и батюшка кулаком грозит: не дури, мол, девка, знаю я тебя: Джаредине и страшно было, и радостно. Впервые она за пределы родного края выбиралась, да не куда-нибудь, а в самый Клеменс. Не одна ехала, конечно. Кроме матросов, шли с ней на паруснике еще четверо бравых рыцарей, Эльдаковых вассалов — благородных господ, на которых Джаредина вчера еще глаза поднять не смела. Надлежало им охранять драгоценный груз, запертый в низком и темном трюме. Джаредина, глядя на удаляющийся берег, тронула ладонью грудь, где висел на шнурке ключ от золотых цепей, удерживающих дракона в смирении. Одной ей господин Эльдак этот ключ доверил, и одной ей дозволено было, при крайней надобности, спуститься к дракону в трюм и говорить с ним. Да только Джаредина твердо знала, что надобности такой до самого Клеменса не приключится. Насмотрелась она уже на тварюгу эту на весь свой век, больше не хотелось.

К закату вышли они в воды Хвоя, а оттуда за два дня доплыли до Златовода. Никогда в жизни

своей не видала Джаредина столько воды, да и помыслить не могла, что бывает ее так много в одном месте. От края до края неба тянулась серовато-зеленая гладь, сверкала на солнце рябь, гонимая ветром, вспенивалась белыми барашками, а в непроглядной дали то слева, то справа мелькал окутанный туманом призрак далеких берегов. Идти приходилось против течения, оттого трудно и тяжко полз корабль по реке: день и ночь слышно было, как стонут гребцы под палубой, налегая на весла. Джаредина поначалу боялась морской болезни, но ей и тут повезло — не брала ее эта общая хворь, и пока четверо славных Эльдаковых рыцарей стенали, перевесившись через борта, Джаредина стояла на корме, расправив плечи, так, что солнце и ветер лицо опаляли, и глядела на небо. И порой так долго глядела, прямо, не отводя глаз, что чудилось ей, будто нет больше шаткой деревянной палубы под ногами, и будто не плывет она на маленьком суденышке, а сама собой летит над пенящимися волнами. Матросы не цеплялись к ней — и рыцарей боялись, и, паче того, Джаредининой славы, быстро разлетевшейся по округе еще до того, как корабль был спущен на воду. Все знали, кого везут, и что одна только эта нескладная, нелюдимая девка, целыми днями простаивающая столбом на корме, может отвести от них беду.

Сама Джаредина о том почти не думала. Только проверяла трижды в день, на месте ли ключ от золотых цепей, и забывала снова. Так прошло три дня, когда одолели они уже половину пути. А после стало донимать ее странное беспокойство — словно о чем-то важном она позабыла. Да только как ни старалась, не могла уразуметь, что же именно это было. А тревога не слабела, напротив, крепла с каждым днем, а потом и с каждым часом, так что не могла уже Джаредина спокойно стоять на корме — все ее тянуло куда-то пойти да что-то сделать, то, о чем она позабыла. Да только знать бы еще о чем!

«Неужто чары его действуют?» — подумала она как-то, и мысль эта ее напугала до смерти. Хотя ведь говорил Зверк, что на драконоборца эта тварь страху не наведет, как ни старайся. Оттого, должно быть, и поступила Джаредина не так, как поступает человек во власти страха — тот бежит, а она пошла прямо к трюму, в котором с самого отбытия сидело плененное чудовище, и, присев перед люком на корточки, прислушалась.

Там было тихо.

Долго ли Джаредина так просидела, сама не знала. И пока сидела, росло в ней чувство, будто вот тут оно и есть — то важное, о чем она забыла. Это не походило на морок, который дважды опутывал ее в Холлхалле и который всякий раз она вовремя сбрасывала. Оттого в конце концов тряхнула Джаредина растрепанными кудрями, выпрямилась и окликнула сэра Дойлака, капитана над рыцарями. Тот подошел, и она попросила его отпереть трюм.

— Это еще с какого перепою? — рявкнул сэр Дойлак.

Джаредина растерялась, а потом вспомнила, как Зверк наставлял, и сказала — без вызова, но твердо:

— Чую недоброе. Больно тихо он сидит там уже пятый день. Проверить надобно.

— Да как же ты… да если ж он тебя…

— Я с ним слажу, — уверила она, а про себя подумала: «Да верно, слажу ли?» Но отступать было поздно.

— Эх! — Сэр Дойлак ругнулся в сердцах, но больше спорить не стал. Видать, велено ему было во всем, что дракона касается, Джаредину слушать.

Отперли трюм. Сэр Дойлак сказал, что будет рядом стоять, если чего. Джаредина сунула голову в люк. Там было темно, душно, сыро и мерзостно.

— Эй, — окликнула тише, чем собиралась. — Дракон! Ты жив ли?

И услыхала вздох — чуть слышный, прерывистый.

Что и как дальше было, сама не поняла. Знала только, что юбки подобрала да чуть не кубарем вниз скатилась — так спешила. Шмякнулась на мокрое, поскользнулась, ударилась плечом о склизкий бочонок, которыми тут почти все было заставлено — места совсем мало оставалось. Люк трюма Дойлак захлопнул, и солнечный свет, едва проникая сквозь щели в потолочных досках, высветлил тело, скрючившееся у дальней стены.

— Пришла, — прохрипел дракон, и от голоса его у Джаредины дрожь по спине прокатилась — не от ужаса, не от отвращения даже, а от того, что это был голос дышащего на ладан. — Я уж думал, не дозовусь, глухая ты колода.

Разве ж он ее звал? Она его голоса ни разу за эти дни не слышала. Или… или о чем это он толкует?

— Чего тебе? — спросила она нарочито грубо, чтоб он ненароком не почуял в ее голосе затаенную тревогу.

— Чего, чего… я тут с голоду подыхаю, вот чего! Крошки хлебной во рту не держал с того самого дня, как ваши мужики меня по башке огрели… сколько это уже, кстати?

Джаредина слушала в изумлении. А и правда, она что-то не слышала, чтобы дракона за все это время озаботились покормить. Сразу на цепь посадили да в подвал, а оттуда — в корабельный трюм, приковали к стенке борта, и весь разговор. То, что дьявольской твари тоже нужно есть и пить, никому в голову не пришло, даже Зверку.

— Десятый день пошел, — сказала Джаредина, и дракон хрипло застонал.

— Нет, вправду у вас, людишек, мозгов с воробьиный клюв. Ты вот сама бы смогла десять дней не жрать, а, красавица?

— Но ты же дракон!

— Я сейчас очень похож на дракона? — просипел тот, приподнимаясь. Звякнула золотая цепь — нежно, мягко. Скудный свет высветлил в полумраке осунувшееся лицо с запавшими глазами, с густой щетиной на ввалившихся щеках. И только взгляд сверкал по-прежнему — не золотом теперь, медью, бледной, потускневшей, а все равно жгучей.

— Так тебе… это… я принесу, — сказала Джаредина неловко и, кое-как вскарабкавшись по трапу, выбралась из трюма.

Капитан Дойлак, услыхав, что дракон изволит отобедать, заревел в гневе. Но Джаредина уперлась и в конце концов переспорила, убедив, что если за остаток пути чудище издохнет, то светлый князь Григаль вряд ли впечатлится даром владетеля Эльдака так, как было задумано. Бранясь, велел Дойлак приготовить солонины и сухарей — обычной матросской трапезы, — да поставить кружку чистой воды. Джаредина подумала, неужто он и без воды-то все это время обходился? А потом вспомнила, что в трюме как раз бочонки с пресной водой хранились. Вот отчего там на полу так мокро было — видать, дракон один из бочонков разломал, только на том

и продержался.

Назад она уже почти бежала, перепрыгивая через раскиданные по палубе снасти. В трюм спустилась проворно, словно с рождения это делала, к пленнику подошла без страха, опустилась на колени, расставила перед ним еду и питье. Тот зыркнул на нее разок, а потом так накинулся на мясо и хлеб, что ей вдруг стало жалко его. Не так давно ведь еще перепелиными яйцами да уточкой в яблочках угощался в Эльдаковом замке. А теперь сидит на цепи и простому сухарю рад.

Джаредина поняла, что глядит на его руки, разрывающие мясо — неотрывно глядит. И не в том дело, что пальцы его, пусть и грязные, были длинны и красивы, а в том, что, когда он двигал руками, захваты цепей тоже немного двигались, елозя по коже, и Джаредина увидела, что запястья его… не то чтобы стерлись, а как-то странно и жутко почернели, точно плоть под металлом заживо гниет.

— Больно? — вырвалось у нее, и она тут же устыдилась — эту-то тварь да жалеть? Он не пожалел чести хозяев Холлхалла, а как обернется зверем — так и жизни чужой не пожалеет!

Он посмотрел на нее исподлобья, широко двигая челюстью и с хрустом дробя зубами жесткие сухари.

— А ты представь, что тебя в раскаленное железо заковали, — сказал без гнева, без злобы — просто. — И оно не остывает. Все время жжет.

— Ох, — сказала Джаредина. И не удержалась опять: — Отчего ты не выносишь золота?

— А отчего вы, людишки, так сильно его любите? — ответил дракон и запихал в рот большой кусок солонины.

На это Джаредина дать ответ не могла, так что примолкла. Не обязательно ей было сидеть тут и смотреть, как он утоляет голод, но отчего-то сидела и смотрела.

— Ты сказал, — проговорила вдруг, — будто звал меня. Разве звал?

— Я ж говорю — глухая колода, — сказал дракон и удовлетворенно рыгнул, прикрыв ладонью рот. — Конечно, я тебя звал. Чуть всю глотку не содрал.

— Отчего же другие твоих криков не слышали?

— Да потому что я не кричал, глупая женщина. Закричи я, разве б кто из вас внимание обратил? Скорее бы уж рот заткнули, а мне тут и так сидеть мало приятного.

Это верно было — Зверк и рыцарям, и морякам строго-настрого велел драконьих речей не слушать, а любые буйства решительным образом пресекать.

— Как же ты… — начала Джаредина снова и осеклась. Вспомнила вдруг — и тревогу, снедавшую ее последние дни, и странное чувство, будто забылось что-то нестерпимо важное, и то, как тянуло ее к трюму…

— Поняла? — спросил дракон.

Она кивнула.

— Только чары твои на меня все равно не подействуют, — сказала не то чтобы гордо, скорее

предупреждающе, чтоб не удумал ненароком попробовать. Что она морок его сбросит, Джаредина не сомневалась, но и приятного в этом было мало, словно липкую паутину с лица отчищать.

— Я знаю, — улыбнулся дракон.

Совсем не так улыбнулся, как прежде, в замке. Не как змея, как… как человек. И сейчас, небритый, запущенный, измаявшийся тяготами плена, показался он ей вдруг куда милее, чем когда по двору в дорогих сапогах щеголял да за девками ухлестывал. И глаза у него были сейчас… незлые.

— Эх, девушка, — сказал мягко и ласково. — Славная ты. Хоть и дура.

Звякнула цепь на его изуродованных руках — так же тихо и нежно, как прежде. Джаредина охнуть не успела, когда руки эти, только что казавшиеся такими слабыми, обхватили ее поперек, прижимая руки к бокам, и рванули с такою силой, что лиф на платье затрещал. Джаредина не выдержала — закричала, более от изумления, чем от боли или же страха.

И запоздало поняла, что именно этого он от нее и хотел.

Крышка люка откинулась, громыхнув о палубу. Поверху уже грохотал топот — рыцари сбегались на клич своего командира. Сэр Дойлак спрыгнул внутрь с обнаженным мечом так, что корабль дрогнул под подошвами его кованых железом сапог.

— Добрый рыцарь сэр Дойлак! — радостно воскликнул дракон, словно увидев старого друга. — Помню тебя. Помню, как мы с тобой бражку пили и девок тискали на Эльдаковом дворе. Эх, славные были деньки!

— Славные, — промямлил Дойлак, пялясь на него во все глаза. Джаредина глазам своим не поверила — да что ж он стоит?! Рванулась всем телом, да куда там — хватка, удерживающая ее, была поистине звериной, чудовищной, и снова незримые когти впивались в предплечья, и не было от них спасу.

— Сэр Дойлак! Что ж ты! — выкрикнула отчаянно. — Он же голову тебе морочит. Помоги!

— И вправду, — сказал дракон, вставая и увлекая ее на ноги следом. Где-то внизу гулко стукнула и покатилась перевернутая кружка. — Что ж вы, доблестные воины, — он обвел взглядом рыцарей, тоже попрыгавших в трюм и теперь нерешительно топтавшихся у трапа. — Что ж вы слабую да глупую женщину пустили любезничать с драконом? Виданное ли это дело, чтоб здоровые мужики вперед себя бабу в спину толкали? Позор, господа.

Рыцари потупились, словно нашкодившие дети, а один даже нос кулаком утер. Джаредина застонала от бессилия — хоть и был у нее дар избегать драконьего наваждения, вот только снять чары с других она не могла. Дракон скользнул ей рукой по плечу — опять почти ласково, извиняясь будто. Ткнулся губами в запылавшее ухо, шепнул:

— Прости, милая, — и рванул со всей мочи сорочку у нее на груди, сдирая ключ от своих цепей. А потом толкнул задохнувшуюся девку вперед, прямо рыцарям в руки, и крикнул:

— Что вы стоите, остолопы? Расхристанная девка у вас под носом, вон уже и сорочку сняла. Развлекайтесь!

Рыцари повернулись к ней — все четверо. Наступили так, что шатнуло ее назад, вжав спиной в

покатую стенку трюма. Темные небритые лица кругом, ухмыляющиеся, будто пьяные… В бешенстве, забыв обо всем, залупила она кулаком по самой ближней роже. Хорошо залупила — у рыцаря голову мотнуло набок, кровь носом пошла. Что уж теперь!

— Да оглянитесь же! Оглянитесь! Он же освободится сейчас!

И как будто бы докричалась. У Дойлака взгляд дрогнул, похабная ухмылочка с морды сползла, а глаза озарились кошмарным осознанием происходящего. Заревел Дойлак, заново вскидывая меч, развернулся…

Да только дрогнули ступеньки вверху и грохотнула, захлопываясь, крышка люка.

Запереть их в трюме дракон, правда, не смог — ключ-то остался у Дойлака. Но к тому времени, когда рыцари, толкаясь, высыпали на палубу, было уже поздно. Матросы побросали свои дела и метались по палубе — кто в страхе, кто в полном безумии, а некоторые, замерев, разинув рты, в благоговении глядели куда-то вперед. Джаредина топталась позади всех и последней выбралась из трюма, тяжко дыша. Волосы лезли в глаза ей и липли к мокрой от пота коже, и она откинула их в самый раз, чтобы увидеть то, от чего все, стоящие на палубе, с криком попадали на колени, а кто и замертво.

И только одна Джаредина осталась стоять на ногах, и стоя смотрела, как вода за кормой вскипает свистящей пеной, поднявшейся над бортом и брызнувшей на палубу, словно битое стекло. А потом из этой пены, взрезав изнутри водную гладь, вздыбилось и выгнулось иссиня-черное тело — как у змеи, только каждая чешуйка, острая, словно нож, бешено сверкающая на солнце, была величиною с детский кулак. Тело изогнулось петлей и снова ушло под воду, а потом появилось опять, и поднималось выше, и выше, и выше, вздымая тьму брызг и ломая в щепки фальшборт. Джаредина вскинула руку, закрывая лицо, но не отвернулась, не спряталась, стояла и смотрела на зверя, поднимавшегося из воды и расправляющего над рекой огромные крылья. Тень от них легла на корабль, поселяя в сердце каждого смертельный холод. Но Джаредина не чуяла этого холода, а только смотрела, как дракон вскидывает голову на мощной гибкой шее, встряхивает гривой из длинных, тонких, как волос, зеленых игл, как бьет крыльями, надувая трепещущие паруса могучим порывом ветра, как разевает пасть и издает сотрясающий землю рык — клич торжества, радости и свободы.

«НЕ ПОМИНАЙ ЛИХОМ, ДЕВА-ДРАКОНОБОРИЦА!» — сильно, зычно и глубоко прогудело у Джаредины — не в ушах, не в голове, а где-то у самого нутра, где-то меж печенкой и сердцем. Она не выдержала, охнула, за грудь схватилась, там, где налетевший ветер трепал края разорванной сорочки. И услышала его смех — заливистый и счастливый, все звеневший и звеневший у нее внутри, пока дракон взмывал над водой, набирал высоту, загребая могучими крыльями, и улетал ввысь и вдаль, за облака: вот он стал величиною с птицу, вот — с комара, а там и совсем исчез.

Три дня спустя парусник владетеля Эльдака, еле волочась против несговорчивого течения Златовода, втащился в гавань Клеменса — ни дать ни взять побитая собака.

Владетель Эльдак, заранее упиваясь своей грядущей славой, послал в столицу голубя, сообщая князю о великом диве, которое вскоре прибудет в столицу, и о необходимых приготовлениях, кои надлежит сделать. Светлый князь Григаль был на все Семь Долин славен своим безудержным любопытством ко всему странному и чудаковатому, и всякого купца, привозившего ему из-за далеких морей пустые, но занимательные безделицы, одарял щедро. А

тут целый дракон! Да живой, усмиренный, на пару с не меньшим дивом — девой-драконоборицей! Немудрено, что слава о них далеко вперед убежала, и встречать Холлхаллский парусник высыпала не только вся столица, но и ее окрестности.

Тяжек, ох, тяжек оказался жребий сэра Дойлака, бывшего, по праву благородного рождения и высокого звания, в этом несчастливом путешествии за главного. Ему предстояло говорить с князем, и ежели в начале пути от мысли этой он ходил напыщенный, как индюк, то теперь чем ближе становился берег, тем сильней рыцарь Дойлак скисал.

А берег-то разукрасили шатрами, и яркими флажками, и цветами, и красным песком с Вольтебского побережья — не поскупились.

Ох, и черные же тучи сгущались над головами сэра Дойлака, владетеля Эльдака, а заодно и сельской девки Джаредины…

Путаясь, запинаясь и истово лупя себя по нагруднику кулаком, поведал Дойлак светлому князю, как было дело. Светлый князь глядел хмуро, слушал неблагосклонно, то и дело перебивал кряканьем и бранью. По всему видать было, как жестоко разочарован. Да и люд на пристани гомонил — где обещанное чудо, что за дела? Неужто обман? Ну и времена пошли — всюду, куда ни плюнь, сплошь плуты да мошенники! Не только честной сплетне, а и голубиной почте верить нельзя! Кстати, где этот голубь? Казнить голубя! А этих бестолочей злонамеренных, мямлящих тут бессмысленные оправдания, их… что бы им удумать такое в качестве страшной кары, чтобы хоть развлечение какое из всей этой нелепой истории вышло…

Вопрос сей был немалой сложности, и надлежало над ним подумать без спеху. Посему повелел князь Григаль засадить сэра Дойлака с его рыцарями и девкой в подземелье потемнее да понадежнее, а корабль их изъять в пользу княжеской казны — за душевный ущерб. Что сделать с дерзким владетелем Эльдаком, светлый князь пока еще не придумал…

Джаредина все эти горести сносила столь же стойко и смиренно, как прежде сносила славу и качку. Едва сойдя на берег, поняла она, до чего вымотали ее все эти злоключения, и даже рада была оказаться в темном и прохладном каземате, где соломенный тюфяк, брошенный прямо на пол, был всяко не тверже, чем скамья в господском замке или ее лежанка на батюшкиной мельнице. Выпила воды, съела хлеба, юбкой привычно обернулась вместо одеяла, да и уснула до утра.

Разбудил ее уличный шум. Княжий каземат низкими зарешеченными оконцами выходил прямиком на оживленную городскую площадь, и все, творившееся в городе, мигом долетало до толстых серых стен. Джаредина, никогда прежде не бывавшая в городе, да еще в таком большом, подумала было, что здесь всегда так — гул, гвалт и крики, точно на пожаре. И подивилась еще, как это люди тут целую жизнь живут и с ума не сходят. Но вскоре поняла, что ошиблась. Часу не прошло, как отворилась дверь ее темницы, и то не завтрак ей скудный принесли, а приказ от светлого князя немедленно явиться пред его ясны очи.

Разбудил ее уличный шум. Княжий каземат низкими зарешеченными оконцами выходил прямиком на оживленную городскую площадь, и все, творившееся в городе, мигом долетало до толстых серых стен. Джаредина, никогда прежде не бывавшая в городе, да еще в таком большом, подумала было, что здесь всегда так — гул, гвалт и крики, точно на пожаре. И подивилась еще, как это люди тут целую жизнь живут и с ума не сходят. Но вскоре поняла, что ошиблась. Часу не прошло, как отворилась дверь ее темницы, и то не завтрак ей скудный принесли, а приказ от светлого князя немедленно явиться пред его ясны очи.

Что поделать — явилась. Тут же были сэр Дойлак со своими рыцарями, помятые и небритые, мрачно глядящие на Джаредину с такой лютой неприязнью, словно это она одна была во всем виновата. Кругом княжьего двора собралась толпа — сотни людей, даже тысячи, Джаредина никогда столько народу разом не видела, и у нее голова закружилась от того, каким огромным, и ярким, и шумным, и беспокойным был этот прославленный Клеменс. И подумала снова: эх, домой бы, в родную деревню, под тень тихих крыльев родимой мельницы…

Вышли из толпы несколько человек, встали перед князем, принялись руками махать. Что кричали — не разобрать было, уж больно далеко они стояли и больно толпа гудела. Но передние ряды передавали задним, стоящие ближе — стоящим поодаль, и вскоре и до Джаредины докатилась волна народного смятения.

Донесли, что не далее как вчера над деревней Златоводкой, что в самом устье реки, видели дракона!

Свидетелей было множество: вся деревня. Да и пятеро гонцов, отряженных в столицу к князю с этой вестью, вряд ли стали бы слаженно врать — уж больно было напуганы. По пути им встречались другие люди, из других деревень и замков, тоже видевшие зверя, бороздившего ясное летнее небо. Некоторые из них пошли со златоводскими, чтобы князю подтвердить истинность происшествия. Бесчинств никаких этот зверь не чинил, только летал, раскинув над полями огромные крылья, и там, где тень от них падала на луга, вяли цветы и жухла трава, словно опаленная далеким огнем. При виде его кто замертво не упал, тот попрятался — может, оттого дракон и не стал нападать, что добыча разбегалась больно шустро. А один из свидетелей, живший в деревне всего в полудне езды от Клеменса, божился, что своими глазами видел, как дракон сграбастал когтями овцу из пасшегося на лугу стада, да с ней и был таков.

Все слушали эти рассказы в большом волнении, но пуще всех волновался князь. Да не страхом волнение это питалось, а заново проснувшимся любопытством. Как кончили гонцы охать и руками махать, завертел князь головой — где, мол, вчерашние пришлецы из Холлхалла? Вытолкнули вперед сэра Дойлака с его рыцарями, а с ними и Джаредину. Князь окинул их суровым взглядом.

— Это что ж выходит, — сказал громко, на целый двор, — выходит, что это вы, нерадивые, привезли в мои края этакое чудовище, да еще и освободиться ему позволили?

Сэр Дойлак бухнулся князю в ноги. Запинаясь и захлебываясь, твердил, что нет в том его вины, что он всего лишь слуга, связанный присягой с владетелем Эльдаком. И что владетель ему прикажет, то и делает, а как да почему — не его ума дело и, стало быть, никак не его вина.

— А что до того, кто тварь эту на волю выпустил, — закончил он, кидая на Джаредину лютый взгляд, — так то же, ей-богу, светлый князь, не мы! Все проклятая девка! Говорил я ей — чего полезла в трюм? Не полезла бы, ничего бы и не было!

Тут князь посмотрел на Джаредину в первый раз. Присмотрелся, пальцем поманил. Она подошла. После того, что у Эльдака в замке вытерпела, после вчерашнего позорного прибытия на пристань, ничего уже, кажется, не робела.

— Ты, стало быть, дева-драконоборица, про которую Эльдак писал? — Князь окинул ее взглядом, скептично поджав губы. Ответа ему явно не требовалось. — Ну, скажи, как тогда дракона упустила. И что с ним делать теперь.

Народ примолк, вслушиваясь. Всем любопытно было — что эта неказистая девка скажет, что

сделает. Джаредина пожала плечами, без страха глянула князю в лицо.

— Там, на корабле, он меня к себе призвал. Не голосом, а нутром, по-своему, по-драконьи. Я тогда не знала, что он так может, знала бы — не пошла. Но что толку теперь жалеть.

— И верно, — кивнул князь. Похоже, ему по душе пришлось, что девка, в отличие от здорового рыцаря, не лебезит и не пресмыкается, честно признавая свою вину. — Но теперь летает эта тварь над угодьями моими, будто над своими собственными. А ведь испокон веку не было такого, чтобы драконы покидали свои логова за Льдистым морем и долетали до Семи Долин. Ты драконоборица, ты и скажи — как с ним сладить?

— Знаю одно, — ответила та. — Все, сделанное из золота, — для него смерть лютая. Только так его и можно сразить. А еще — что никто не в силах оградиться от его чар, когда он дурман насылает.

— Но ты-то можешь.

— Вроде могу. Хотя, как видишь, светлый князь, он и меня обхитрить сумел.

— И мудрено ли? — ответил князь неожиданно тихо. — Если правда все, что говорят старые легенды о драконах, то нет на свете хитрей и коварней твари… особенно когда она обернется человеком. Так старики говорят, а старики, знаешь ли, врать не станут. — Сказав так, князь себя по коленям хлопнул, вскинул голову и улыбнулся почти весело. — Ну, полно горем убиваться. Значит, и вправду завелся у нас дракон — но завелась и драконоборица! Ты его сюда привезла, ты его выпустила — тебе его и заново усмирять. А не усмиришь, так хоть убей — и то прок.

Джаредина обомлела. Ей и провожать-то стреноженного дракона в плавании казалось непосильной задачей, не по ее умению, не по ее уму — а тут…

— Да как же я его убью, — выдавила она, — я ж острей мотыги ничего отродясь в руках не держала…

Усмехнулся князь. Коротко так, сухо. Недобро.

— А это уж не моя забота. Ты, сэр Дойлак! Да встань, будет уж бороду в пыли полоскать. Бери эту девку, и чтоб за месяц сделал мне из нее справного воина. Чтобы дьявола самого при случае за хвост оттаскала, не то что дракона. Справишься — помилую. А теперь пошел вон!

Так поселилась Джаредина, дочь Гуса-мельника, в столичном городе Клеменсе. Так начали ее лепить, обжигать и выковывать наново, чтобы вышел хоть какой-то толк. Да только сколько ни обтесывай гранитный камешек, алмазом ему вовек не заделаться. Хоть все точило затупи — не будет проку.

Нет, сама по себе мысль князя Григаля была не столь уж и вздорна. Хотя в Семи Долинах воинскую науку испокон веков постигали мужчины, оставляя женщинам поле, пеленки и кухонную печь, история знавала женщин, встававших с мужчинами вровень на ратной стезе. Были они обычно благородных кровей, сызмальства посвящали себя боевому искусству и к шестнадцати годам орудовали мечом столь же ловко, как их сверстницы в длинных платьях орудовали иглой и прялкой. Самой известной из них была, разумеется, несравненная дама Альменара, дева красоты неописуемой, изысканности сказочной и воинского мастерства столь преотменного, что справлялась с пятью полностью снаряженными рыцарями, а если снаряжения они были легкого — то даже и с восемью. Прославилась она тогда на все Семь

Долин как победами на турнирах, так и ратными подвигами в вечной войне с проклятой Вирьеррой, и, сказывали, лично поднесла князю на окровавленном мече корону вирьеррского короля. И хотя ни до, ни после нее никто из женщин себя подобной славой не покрыл, однако до сих пор оставалась дама Альменара примером того, что и из слабой девицы может выйти знатный толк.

На беду Джаредины, князь Григаль верил в это так же упорно, как и не верил сэр Дойлак.

Девка-то она была, спору нет, крепкая. Когда устроили ей обычное для новичков испытание — дали в руки круглый щит и велели им закрыться, держа удар булавой, — выдержала с честью. И храбрости ей оказалось не занимать: тоже по обычаю, втиснули в широко разведенные руки полено, а рыцарь на всем скаку по нему мечом рубанул — и напополам! Иные мужики, не выдержав, при одном виде занесенного над ними сверкающего клинка с воплем полено кидали и валились ничком. А Джаредина головы не уронила, только зажмурилась, а потом неловко вытряхнула из ладоней рассыпавшееся дерево. Сила и храбрость — что еще надо славному воину? А оказалось, что очень много всего, чему неоткуда было взяться у крестьянской девки.

Да, была она вынослива — не зря с отцом перетаскала тысячи мешков с мукой, — но от легчайшего доспеха пот по ней хлестал ручьями, так что задыхалась и падала еще до того, как ее тренировочной палкой поперек спины вытянут. Да, была ловка — но чутья бойцовского не было у ней напрочь, и откуда ждать удара, чтоб уклониться вовремя, она никогда не умела предугадать. А уж как меч в руки взяла — тут и вспомнились всем ее собственные слова про мотыгу, да как грянул хохот, так и гремел, не смолкая, долго-предолго. Один Дойлак не улыбался, смотрел на треклятую девку, набычившись, и желваки по скулам гонял. Разве ж сделаешь воина из этой тупой коровы? Да, в отличие от всех известных Дойлаку девок, она в состоянии поднять меч и удержать его — так что толку, если она скорее себе самой ногу оттяпает, чем к цели приблизится хоть на сажень? Безнадега! Будь у Дойлака годик, лучше два, он, может, научил бы бестолковую девку хотя бы нормально отражать удары и защищаться. Но она-то не обороняться была призвана — нападать. Найти, заманить и убить дракона, самого опасного в известном мире врага, какой только может повстречаться на пути рыцаря. Тут не то что руки — голова опускается, так и предчувствуя, что вот-вот запляшет по полу, скатившись с плеч долой. Ибо новой ошибки светлый князь уж точно не простит…

Промаялись так неделю. Джаредина уставала, но не жаловалась, только разок или два немножко поплакала в отведенной ей тесной комнатке, и то больше от обиды, чем от горя. Не она набивалась в рыцари, и тем паче — в драконоборицы. Так за что же все это ей?

Но на вторую неделю одному из рыцарей, помогавших Дойлаку в обучении нерадивой девки, снизошло озарение. Пусть, сказал, бросит меч, все равно не будет толку — а пусть-ка лучше попробует добрый лук. Ведь можно же дракона сразить стрелой с золотым наконечником? Вот и попробуем…

Дойлак не особенно этой мыслью вдохновился, а Джаредина невольно воспряла. Лет двенадцать назад, когда была она еще сопливой босячкой, был у нее дядька Шор — материн брат. В семье он считался за паршивую овцу и безнадежную бестолочь, а все оттого, что к двадцати годам так и не выбрал себе ни девицы по нраву, ни занятия по нутру. Только и было у него интереса, что взять на рассвете тисовый лук, собственноручно натянутый, и уйти до вечера в лес. И добро бы еще зайцев и перепелок к господскому столу настрелять — так нет! Вбил себе в голову блажь, что всякая тварь живая под теми же богами ходит, что и человек, и негоже у нее жизнь зазря отнимать. Он и мяса-то не ел, даже в праздники, все на бобах да тыкве перебивался. И вот пойдет он в лес и примется стрелять по пням. Всегда только по мертвым пням, оставшимся от вырубленной поляны — никогда по живому дереву стрелу не

пустит. Или вот по камням стрелял тоже. По утоптанной проезжей дороге, засев на дереве далеко в лесу, через луг. Меткость глаза и твердость руки оттачивал — а для чего, для кого? Никому не ясно было. Одна Джаредина его любила и, когда батюшка отпускал и у матушки дел по дому для нее не находилось, уходила с дядькой в лес. И там он давал ей иногда свой лук пострелять, учил, как руку класть, чтоб не дрожала, как глаз щурить, чтоб не подвел. И крепко-накрепко заказывал — никогда не стрелять по живому…

Где теперь тот дядька? Нет его — сгинул без следа, когда Джаредине едва десять годков минуло. Может, на разбойничье укрытие в лесу ненароком набрел, а может, лесные феи утащили да защекотали до смерти — мало ли что. Никто по нему особо не горевал, да и Джаредина недолго горевала — детская память коротка. А тело помнит дольше, и когда легла рука ее на туго звенящую тетиву, разом все дядькины заветы вспомнились. Как и то, что по живому не стрелять… Да только раскрашенная мишень на другой стороне тренировочного загона была не живая, а мертвая деревяшка. Пустила Джаредина стрелу недрогнувшей рукой. И самую только малость промазала мимо намалеванного в центре красного кружка.

— И-эх! — крякнул тот рыцарь, что предложил попробовать лук. Остальные наблюдавшие радостно загикали. И только Дойлак ни звука не издал, только протянул ей новую стрелу.

С тех пор учение пошло споро. И не только потому, что Дойлак изо всех сил старался к сроку поспеть, сделать из сельской рохли какого-никакого воина. Но и потому еще, что теперь чуть не каждый день приходили из разных краев вести о драконе. То тут он появлялся, то там — поля не жег, но скотину воровал самым бесстыжим образом, до полусмерти пугая детишек и баб, да и на мужиков наводя страху. А на исходе месяца, отпущенного князем Дойлаку, пришла и вовсе дурная весть. В дальней деревне, что на самом краю Семи Долин, дракон украл девицу, пошедшую в лес по грибы, и нашли ее лишь на третий день растерзанной и голой. Тут-то загудел народ, зашумел, и просьбы, сыпавшиеся отовсюду на князя Григаля, обратились требованиями. Сделай что-нибудь, светлый князь, а не то ведь мы сами за вилы возьмемся, и будь что будет!

Джаредина, ловя эти слухи, трудилась втрое усерднее — до седьмого пота. Вину за собой чуяла, ведь не послушайся тогда безмолвного зова из мрачных глубин трюма, так и не выпустила бы на волю подлую тварь. До сих пор бессильной жертвой рока себя полагала — а тут вдруг поняла, что и на ней лежит ответственность. И вину готова была искупить, как могла.

Кончился месяц сроку. Князь явился на смотр. Джаредина пустила одной за другую десять стрел в самое яблочко, и князь хмыкнул, не то довольно, не то удивленно. На коне девка тоже теперь держалась справно — не дама Альменара, прямо скажем, не образчик грации, но из седла, чай, не вывалится в полудреме. А большего и не надо было.

Еще через три дня снарядили ее в дорогу.

И как дома, в Холлхалле — всем миром вышли провожать. Кто шептался меж собой, кто сокрушался, многие посмеивались, но все с любопытством и надеждой глядели на странную девку, прямо и напряженно, видно, что с непривычки, державшуюся в седле славного боевого коня. По примеру девы Альменары в платье ее обрядили мужское: кафтан вместо лифа, штаны вместо юбки, высокие сапоги вместо привычных деревянных башмаков. Поверх всего этого кольчугу нацепить заставили — какой же рыцарь без кольчуги? А драконоборец — тем паче! Весила эта кольчуга, как половина самой Джаредины, но что делать? Терпела. За правым плечом добрый тисовый лук, за левым — колчан с драгоценными стрелами, выкованными в личной княжьей кузнице. Беречь эти стрелы, увенчанные острыми золотыми наконечниками, Джаредине было велено, как зеницу ока. Да что ж она, сама не понимала? Все понимала.

Только боялась, что вот, опять ей доверяют ценное. А ну как снова не убережет?

Джаредина, ловя эти слухи, трудилась втрое усерднее — до седьмого пота. Вину за собой чуяла, ведь не послушайся тогда безмолвного зова из мрачных глубин трюма, так и не выпустила бы на волю подлую тварь. До сих пор бессильной жертвой рока себя полагала — а тут вдруг поняла, что и на ней лежит ответственность. И вину готова была искупить, как могла.

Кончился месяц сроку. Князь явился на смотр. Джаредина пустила одной за другую десять стрел в самое яблочко, и князь хмыкнул, не то довольно, не то удивленно. На коне девка тоже теперь держалась справно — не дама Альменара, прямо скажем, не образчик грации, но из седла, чай, не вывалится в полудреме. А большего и не надо было.

Еще через три дня снарядили ее в дорогу.

И как дома, в Холлхалле — всем миром вышли провожать. Кто шептался меж собой, кто сокрушался, многие посмеивались, но все с любопытством и надеждой глядели на странную девку, прямо и напряженно, видно, что с непривычки, державшуюся в седле славного боевого коня. По примеру девы Альменары в платье ее обрядили мужское: кафтан вместо лифа, штаны вместо юбки, высокие сапоги вместо привычных деревянных башмаков. Поверх всего этого кольчугу нацепить заставили — какой же рыцарь без кольчуги? А драконоборец — тем паче! Весила эта кольчуга, как половина самой Джаредины, но что делать? Терпела. За правым плечом добрый тисовый лук, за левым — колчан с драгоценными стрелами, выкованными в личной княжьей кузнице. Беречь эти стрелы, увенчанные острыми золотыми наконечниками, Джаредине было велено, как зеницу ока. Да что ж она, сама не понимала? Все понимала. Только боялась, что вот, опять ей доверяют ценное. А ну как снова не убережет?

Путь ее из столицы нарочно проложили мимо городского капища. Там спешилась, вместе с князем и со всем честным людом на колени встала, лбом земли коснулась, пока жрецы, напевая молитвы, окуривали склонившихся сладким чадным дымом. Испросив благословения богов, снова взобралась Джаредина в седло. Тяжко на сердце было у ней. Не оттого, что не верила в успех путешествия, и не оттого, что, чуяла, и люди в нее не особо верят… а от чего-то другого, только чувство это было таким же мутным и неясным, как тот зов, что привел ее в корабельный трюм на реке.

Но дело ли простой крестьянской девки слушаться своего сердца? Простая крестьянская девка делает, что велят. Выслушала напутствие от князя, поклонилась ему и народу его в последний раз — да и поехала широкой торговой дорогой, к солнцу спиной.

— И без дракона, — крикнул ей вдогонку князь, — или без головы его — не возвращайся!

* * *

Первое время Джаредина ехала с миром. Весть о ней широко разнеслась вокруг Клеменса и далеко за его пределы: всюду, где люди слыхали о драконе или тем более видели его своими глазами, уповал народ на деву-драконоборицу, деву-избавительницу, деву-героиню. Джаредина ехала торговым трактом меж деревень и городков, и всюду, где останавливалась на отдых или ночлег, встречала гостеприимный прием. Но вскоре пришлось ей сойти с широкой дороги, ибо, слушая людей, выведала, что в последний раз дракона видели на севере, за Горбатым перевалом. Дорога туда была одна — и то не дорога, а больше тропа, через густой, черный, нехоженый лес, имевший в народе дурную славу из-за леших, фей, лесных ведьм и боги знают какой еще проказливой нечисти.

Но Джаредине, на диво, не было страшно. Она ехала сражаться с драконом. То, что дело это ей

не по плечу, она знала. Но знала еще и то, что другого пути и другой жизни у нее теперь нет. Несколько раз думала — сбежать, сбросить с себя дурацкую кольчугу, лук с колчаном далеко в кусты закинуть и попросить приюта в первой попавшейся деревеньке — коров пасти, дрова колоть… Да только значило это — умереть для всего мира, который прежде знала. Для отца с матерью, для князя, для всего честного люда, кто до капища ее провожал и благословлял именем всех богов. Хоть и была Джаредина простой крестьянкой, а одного в ней отродясь не было — малодушия. «Нет уж, — решила, — умру — так умру, значит, судьба моя такая». Все равно ей и жить-то особо было не для чего…

Лес на Горбатом перевале покрывал вздыбленный над землей кряжистый нарост, словно короста — больное тело. Нехороший был лес, к западу от него Разливная Топь начиналась, с востока чернели руины старого пожарища, на котором так и не возвели новое поселение, сочтя случившееся дурным знаком. Гиблое, словом, место. Доехав до тропы, убегавшей в хмурую чащу, Джаредина придержала коня. С гулко стучащим сердцем огляделась по сторонам. Поправила за плечом лук, потрогала оперение стрел в колчане, утерла со лба испарину. Да и поехала. Что ж было — не ехать?

Тропа оказалась на диво утоптанной, только кое-где присыпанной жухлой листвой и отсохшими ветками. Птицы щелкали клювами в гуще ветвей, вдалеке издевательски хохотали драчливые феи, и кто-то противно хихикал из-под самых конских копыт. Но Джаредина не слушала. Если ее драконьи чары не брали, что было ей бояться мелкой лесной пакости? И вскоре утих смех, бормотание прекратилось, только птицы как щелкали клювами над самым ухом, так и продолжали, наглые, неровен час — куснут и отхватят.

Перевал был невелик, за час-другой тихого ходу его можно было одолеть и оставить позади. И уже мерцала вдали долгожданная светлая брешь, когда снова щелкнуло что-то у Джаредины над самым ухом — да так, что она замерла в седле, потому что не птица это была, а самая что ни на есть стрела.

Вмиг окружили ее. Она видела пятерых, но их, должно быть, было еще больше. Краем глаза Джаредина заметила лучника, ухмылявшегося ей с ветки дерева впереди, остальные обнажили кто короткие мечи, кто длинные ножи и, скалясь щербатыми ртами, подступали все ближе.

— А что, парень, — сказал самый щербатый из них с самым длинным ножом, зло и радостно улыбаясь, — жизнь-то тебе дорога, или как?

Вот тут у Джаредины и вправду сердце в пятки ушло. Но был еще шанс заставить их себя слушать.

— Пропустите меня, добрые люди, — сказала так спокойно, как могла. — Я еду по важному и спешному делу господина нашего светлого князя, и будет для всех благо, если успею вовремя.

— Ты гляди! Девка! — воскликнул другой разбойник, и все пятеро, на миг опешив, тут же радостно заулюлюкали. Она крикнула, перекрывая их ор:

— Я Джаредина, княжья драконоборица! Еду на север, чтоб отыскать ту тварь, что жжет наши поля и убивает людей! Неужто вы про это не слышали?

Разбойники переглянулись. Ухмылки не сползли с их немытых рож, но стали как будто бы понимающими.

— Еще б о тебе не слышать, девица. Только и разговору, что у нас, чай, новая дама Альменара объявилась, всех спасать. Да только для дамы Альменары ты, голубушка, мордой не вышла. А

ну, слезай!

Джаредина в порыве отчаяния натянула поводья. Да только, что уж — больше знала, как со смирной отцовской лошадкой ладить, а не с норовистым боевым конем. Конь свечку сделал, ногами взбрыкнул, да и понес. А Джаредина, точно мешок с мукой, повалилась наземь — хорошо хоть ноги из стремян выдернуть успела, а то бы он ее так и протащил по земле.

И тут только поняла, до чего глупо попалась. Что дракон! Поди еще доедь до этого дракона! Обо всем позаботился светлый князь, снаряжая свою драконоборицу — только о том, чтоб защитить ее от обычных лесных разбойников, и думать забыл. Хоть бы Дойлаковых рыцарей с нею послал, чтоб проводили…

Да что толку думать задним умом?

Джаредина уже решила, что тут и конец ей. Разложат, как у их брата принято, потом по горлу чиркнут — и прощай, дева-драконоборица. Но разбойники не так глупы оказались. Вмиг сорвали они со своей пленницы и длинный плащ, и добрую кольчугу, и высокие сапоги. Рассердились, не найдя толстого кошелька, но тут же приободрились, увидев колчан с золотыми стрелами. На каждый наконечник ушло не меньше пяти червонцев золотом! Славная была добыча. Повеселев, закинули разбойники Джаредину поперек седла и помчались галопом вперед, через перевал. Как раз в ту сторону, куда ей и надо было.

Не так-то просты были эти разбойнички. Не просто беглый сброд из окрестных деревень, а личные воины местного владетеля, звавшегося Рубелем-Изувером и имевшего в округе славу не менее дурную, чем лес, который он «сторожил». Отчего Джаредину никто не предупредил о нем, оставалось только гадать — быть может, оттого, что таких Рубелей-Изуверов в Семи Долинах, стоило отъехать от столицы, сидело по пяток на сажень, и все давно их принимали как должное. Сам владетель Эльдак дорожным разбоем в молодости баловался, а чем этот Рубель хуже? Ну, ровным счетом ничем.

Притащили к нему его молодчики Джаредину, кинули к ногам, рассказали, кто такая. Рубель долго смотрел на нее, и взгляда его Джаредине понимать не хотелось, до того он был темен. Видела только, что борется в Рубеле пресловутый Изувер с рачительным и деловитым хозяином. И хозяин в конце концов одолел.

— Вот что, — сказал Рубель голосом, сиплым и почти неразборчивым от многих лет беспробудных пьянок и прочего невоздержания. — Наслышан я о тебе, девка, хоть и никогда не видал ни тебя, ни твоего дракона. Люди вовсю языками чешут. Только тут-то у нас, за Горбатым, драконов если и видали, то разве с сильного перепою. Но коли наш светлый князь себе блажь такую в голову забрал — для меня же лучше. Отошлю депешу светлому князю. Захочет он назад свою драконоборицу, так пущай золота отвалит столько, сколько ты весишь… вот в этой кольчуге, — и зыркнул на своего главного пса, уже примерившего обновку — да только она на нем болталась и свисала чуть не до колен. — Ты, я вижу, девка статная, пудов пять за тебя стребовать получится. И вот что! Чтоб не жаловался потом князь, будто я товар подпорченным продаю. Никогда не продавал никому Рубель подпорченного товара! Не обижали тебя? — Джаредина только молча качнула головой. — И не обидят. Слыхали, изуверы мои славные? Чтобы пальцем — ни-ни! Да тут и зариться-то особо не на что, много не потеряете. И не горюйте. Как отсыплет нам князь золотишка, лучшие шлюхи Семи Долин будут ваши. Ура!

— Ураааа! — согласно завопили изуверы, радуясь мудрости своего повелителя.

— А чтоб от искушения моих воинов удержать, — продолжал Рубель, — запру-ка я тебя хорошенько… Эй, Шук! Свободно ли подземелье нынче?

— Да никак нет, господин мой, там же с минувшей седмицы сидит хлыщик этот, сыночек владетеля Курбика. И еще парочка тех, кого раньше прихватили…

— А. Ну пусть тогда сидят. Ступай-ка ты, милая, в башню, как и положено красной девице. А ключ я себе заберу. Чтоб никому не досталась. И одежонку тебе дадут бабью, а то ж совсем срамота. Гляди, какой я добрый. Ну, пошла!

Башней оказалась пристройка к донжону, высившаяся над стеной развалюхи, которую владетель Рубель гордо именовал своим родовым замком. Когда-то давно тут, должно быть, располагалась келья местного звездочета, а может быть, голубятня. Клетушка была круглая, с покатыми стенами, сходившимися конусом под потолком, так, что лишь на небольшом пятачке Джаредина могла выпрямиться в полный рост. Дощатый пол застелили гнилой соломой, хорошо хоть, что ветер, дувший со всех щелей и с единственного окна, выдувал смрад и делал воздух хоть и холодным, но чистым. Джаредине кинули на пол тюфяк, дали кувшин с водой и еще один, для нужды, кинули сбитое в охапку женское платье. Очень кстати оно пришлось, потому что мужской костюм ее был весь измазан в грязи и изодран, да и чувствовала она себя в нем неловко. Как обрядилась в чистую сорочку, зашнуровала лиф, натянула юбку, сунула ноги в сабо — так сразу ей полегчало. Даром что все это было латаное и тесное, а все равно.

Переодевшись, Джаредина села на тюфяк и немного поплакала над своей злой и глупой судьбой. Потом утерла слезы ладонью, размазав по грязным щекам, и выглянула в окно. Земля была внизу, бесконечно далеко — так казалось еще и оттого, что под крепостной стеной простирался ров, а сразу за рвом начинался перевал и лес, топорщивший в сизое небо черные деревья. Погода испортилась, небо затянуло тучами, стал накрапывать мелкий кусачий дождь. Тяжко-тяжко вздохнула Джаредина, поежилась, руками обхватила зябнущие плечи, прикорнула в углу на тюфяке и от усталости, потрясения и слез задремала…

Долго ли спать ей пришлось — не знала. Снилось ей что-то, а что — не помнила, только тревожило оно ее, тяготило, тянуло куда-то, точно забыла что-то очень важное… И сквозь дрему слушала, как кто-то зовет ее, тихим, настойчивым голосом: «Девушка… эй, девушка… довольно спать, просыпайся…» Не понять было, то ли это тоже сон, то ли вправду кто-то ее разбудить пытается. Но только бормотание это дрему отогнало. Вздохнула Джаредина, приоткрыла глаза…

Да так и подскочила, едва не закричав в полный голос — аж зубами клацнула, только б удержать рванувшийся крик!

Потому что из узкого башенного оконца, заслоняя собою серое небо, на нее глядела драконья морда.

Это был он — она сразу его узнала. По иссиня-черной чешуе, мутно переливавшейся на дневном свету, по игре игольчатой зеленой гривы вокруг ушей, по глазам — круглым, золотым, с длинным зрачком, глядящим прямо ей в самое нутро, внимательно и с насмешкой. «Никак, я все еще сплю», — подумала Джаредина и ущипнула себя за кисть на всякий случай. В глазах прояснилось, только видение так и не пропало. Знай торчало себе в оконном проеме и ухмылялось недобро.

А потом сказало:

— Ну, здравствуй, девица! Спишь, как здоровый мужик, — не добудиться тебя.

А потом сказало:

— Ну, здравствуй, девица! Спишь, как здоровый мужик, — не добудиться тебя.

Держась за стену, Джаредина встала на ноги. От близости драконьей морды тянуло жаром и странным терпким запахом — не звериным смрадом, а духом чего-то чуждого и непонятного, такого, что человеку знать не дано, да и незачем. Джаредина попятилась было, но тут же ткнулась спиной в холодные камни. Хотя бояться ей было нечего — оконце чересчур узкое, драконьей морде в него не протиснуться. Хотя пламенем дохнуть на нее он все равно бы смог…

Надо было спросить, чего ему надо, но вместо этого она услыхала собственный голос, охрипший со сна и оторопи:

— Уходи. Уходи, а не то как закричу!

Дракон засмеялся. Она уже слышала прежде его смех — звонкий и ясный, ну ровно счастливый мальчишка, бегущий домой с удачной рыбалки. Что-то могуче хлопнуло за стеною башни, ветер поднялся волной — это дракон махнул крыльями, удерживаясь в полете. Он парил у окна, заглядывая в темные недра башни, и, казалось, искренне забавлялся Джаредининым замешательством.

— Еще как закричишь. Все здешние людишки на стены повыбегают. А уж какой тогда-то крик подымется! Любо будет послушать. Так что давай, девушка, голоси. Да погромче!

И чего ему все-таки надобно? Джаредина, все еще прижимаясь спиной и руками к холодной стене, невольно подалась вперед. «Вот уж не чаяла тебя снова увидеть, еще и так…» — подумалось ей, и была эта мысль до странного мирной, тихой даже. Но удивляться ей было некогда.

— Ну, не хочешь голосить? — спросил дракон почти что разочарованно и шумно выдохнул через нос две струйки сизого дыма. — Воля твоя. Я и сам могу!

И, отпрянув от окна и вскинув огромную голову, заревел.

Рев этот трубный обрушился на спящий замок, точно удар кулака на склоненную в дреме голову. Снова хлопнули крылья. Дракон взмыл ввысь, а Джаредина, все позабыв, кинулась к окну. Во двор уже высыпали люди — кричали, бранились, задирали головы — да так и столбенели. Кое-кто за луки хватался, иные за мечи, бегали суетливо, а дракон знай хохотал над ними, кружа вокруг покосившихся башен и с силой сминая огромными крыльями влажный воздух. Небрежно, будто играючи, дохнул на деревянный амбар у стены — амбар вмиг занялся пламенем. Крик поднялся еще выше, а дракон, ударив воздух хвостом, с фырканьем поднялся снова к башне, из окна которой, свесившись вниз, с разинутым ртом на все это взирала дева-драконоборица.

— На башню, на башню давайте! — донесся снизу раскатистый рык Рубеля-Изувера. — Там он, у башни крутится, возле девки — там его легче достать! Да стрелы ейные тащите, те, что с позолотой! Живо!

— Надо же, храбрец какой, — вздохнул дракон, вновь поднявшись к башенному оконцу. — Любо тебе у него под замком сидеть? Что молчишь?

— Не знаю, что сказать тебе, — выдавила та.

— А я знаю. Слышишь топот — это твой добрый хозяин сюда несется. Я-то с ним совладаю, а вот тебя он, как думаешь, поблагодарит, что дракона к его владениям приманила? Прыгай!

— Что?!

Она опешила было, но он уже развернулся, подставляя крыло так, что оно трепетало теперь у самого карниза — протяни руку и схватись.

— Прыгай, говорю! — повторил дракон, смеясь, и смех этот гудел у нее внутри, в голове, в сердце, в печенке — всюду, где только она саму себя могла ощутить. Джаредина задохнулась, обернулась на дверь, за которой и впрямь гремели по лестнице тяжеленные шаги. Еще миг — дверь дрогнула, распахнулась, сметая с полу тюфяк…

Джаредина отвернулась, зажмурилась и прыгнула.

Ждала, по правде, что шевельнется под ней распростертое крыло, дразня, и позволит рухнуть вниз, на жестокие камни. Но нет, на месте оно было, скользкое и горячее, играющее буграми могучих мышц. Джаредина на миг застыла, впившись ногтями в острые чешуйки, не дыша и не слыша больше своего сердца — но тут сзади заревели, потянулись, схватили за ногу. Она опомнилась, гневно вскрикнула, дернула ногой, оставив у мужчины в руке сабо, — и резво поползла по вздрагивающей черной плоти, хватаясь руками и стараясь не соскользнуть. Тут крыло наконец шевельнулось — несильно, но Джаредине казалось — со всей мочи дракон им взмахнул, так, что кубарем она скатилась прямиком ему на спину. Кое-как перевернулась, судорожно цепляясь за все, что попадалось под руку, распласталась, чувствуя под животом и ногами жаркую, сильно вздымающуюся плоть, перевела кое-как дух и вдруг, сама не чая от себя такой смелости и сноровки, села прямо, схватившись за что-то густое и твердое перед собой… Глянула — и обомлела: одеревеневшие руки ее сжимали буйную драконью гриву, стальные волосинки которой извивались в ее стиснутых кулаках, точно каждая из них сама по себе была живым существом. Джаредина с силой развела их, ухватываясь покрепче, сжала колени, точно седлая норовистого коня. Под коленями у нее двигалось, поднималось и опускалось — то работали сильные мускулы, поднимая и опуская распростертые по ветру крылья…

Дракон летел.

Джаредина обернулась, ловя ветер, ударивший ей в лицо. Замок Рубеля-Изувера остался далеко позади — крошечным серым пятнышком, грязненьким и невзрачным. Черный лес лежал внизу размытой кляксой, не более устрашающей, чем вонючая лужа посреди скотного двора. Потом и лес отдалился, поблек, исчез перевал, и ветер громче засвистел в ушах — они поднимались выше. Все кругом померкло и затянулось туманом, и не сразу поняла Джаредина, что это никакой не туман, а самое настоящее облако. Она мгновенно промокла до нитки, хотя не было никакого дождя — сам воздух вокруг нее был мокрым и таким пронзительно чистым, каким ни одному человеку по сей день не доводилось дышать.

Но Джаредина не позволила этому воздуху вскружить ей голову. Пригнулась, стискивая драконью гриву в руках как можно крепче, да и натянула, словно пару добрых вожжей.

— А ну, — рявкнула что было мочи, перекрывая гул ветра, — неси меня вниз, пакостная зверюга! Немедля!

Сама не знала — где взялись силы для этакого крика и где взялось столько смелости? Дракон не ответил, только спину выгнул дугой, точно озлившийся кот — ни дать ни взять и впрямь попытался сбросить! Но Джаредина уже поняла, нутром учуяла, что, заграбастав его гриву,

обрела над ним власть. Тонкие зеленые иглы казались опасным оружием — как знать, не таилось ли на их кончиках смертоносного яда? — но в то же время они были уязвимым местом чудовища, несшего ее на спине. Джаредина перехватила их покрепче и в порыве внезапного вдохновения намотала на запястья так, что руки по локти утонули в шевелящейся зеленой чаще.

И снова рванула, будто поднимая коня на дыбы.

— Ты оглох? Вниз, кому сказано!

И снова рванула, будто поднимая коня на дыбы.

— Ты оглох? Вниз, кому сказано!

И тут дракон заревел.

Прежде она никогда не слышала его рева. Тот, у башни, и месяц назад, на реке, — это все было так, безобидное фырканье. Вот теперь он взбесился по-настоящему. Взбрыкнул всем своим длинным телом, извернулся петлей — и помчался вперед! Крыльями он теперь почти не шевелил, они стали будто ножи, рассекали тучи, словно те были мягким маслом — а потом резко завернул и камнем понесся вниз, с ужасающей быстротой приближая маячившую вдалеке землю. Джаредина припала к нему всем телом, грудью вжалась в жесткую чешую на спине, чуть лицом не зарываясь в подергивающиеся зеленые волоски. Уж как гневно они шевелились под ней — а из рук не рвались, не обжигали, не кололи, и прикосновение их было как шелк… ласковое…

Дракон выдохнул, и из пасти его рванулась струя настоящего пламени, поджигая верхушки деревьев. Только тогда Джаредина поняла, как низко они опустились — еще миг, и впрямь расшибутся насмерть. Рванулась всем телом, снова натягивая гриву, — и дракон, трубно гудя, устремился ввысь, против ветра, пуская ноздрями дым и гневно взмахивая крылами.

— Сама же хотела вниз! — прорычал он, и она возразила:

— Сам знаешь, что хотела не так. Нечего тут дурачка валять!

Он зло зарычал и опять потащил ее в небо…

Долго ли они так сражались? Джаредине казалось — не было больше времени, как не было и земли. Та лоскутная серо-зелено-коричневая твердь, что тянулась когда под ними, а когда и над головой — это было все то же самое небо, только другая его сторона. И то существо под нею, что дрожало, гудело, ревело и рвалось сквозь кружащий вихрь ветра и красок — оно больше не было страшным зверем, а было каким-то непостижимым образом ею самой. И это она сама сильно взмахивала могучими крыльями, она сама пускала огонь изо рта и дым из ноздрей, она сама рассекала собственным телом небо, принадлежащее ей одной… ей одной — и ему. Ему, кто бы он ни был.

Кто из них в конце концов сдался, Джаредина не знала. Быть может, оба, измотанные до предела этой бешеной схваткой, а может — ни один, и не было тут победивших и проигравших. Но как бы там ни было, в конечном итоге дракон стал спускаться. И не падать мертвым камнем, а плавно, будто птица, спикировал вниз, прошел меж высоченных столетних сосен и бережно сел на опушку леса, сложил крылья, поджал лапы и, вздохнув, опустил длинную морду на мягкий, сотканный из палых сосновых иголок лесной ковер.

Джаредина разжала руки, сжимающие зеленую гриву, и шелковистые иглы мягко вывернулись из ее пальцев, свиваясь кольцами и опадая дракону на холку. Джаредина осторожно скользнула вниз, да только неловко вышло — грязная, мокрая юбка с налипшей на подол соломой путалась в ногах, сковывая движение. Так что Джаредина не соскочила даже — упала, приложившись боком о землю.

— Ох, — пожаловалась, хватаясь за ребра. — Если ты, окаянный, решил меня до смерти уморить, надо было просто дохнуть огнем там в башне, и всех делов. Хотя бы быстро…

— Боги драконьи, девушка, — низко и тяжело произнес дракон, не отрывая морды от лап. — Помолчи…

Она ждала от него новой издевки и так удивилась, что и впрямь замолчала. Он лежал недвижимо, прикрыв глаза чешуйчатыми веками, только хребет тяжело вздымался и опускался, показывая, что он дышит. Джаредина присмотрелась — и увидела вдруг, что у него есть ресницы. Длинные, густые и жесткие, из такого же точно блестящего зеленого волоса, что и заросли игл за загривке.

Джаредина села на землю и привалилась к чернеющей средь опушки драконьей туше. Была эта туша горячая, будто печка, а Джаредина до смерти вымокла и продрогла, носясь с ним в небе. Вжалась она в него покрепче, обхватила руками, чтобы ни капли драгоценного тепла не упустить, и в то же мгновение уснула, не почувствовав, как он шевельнул в полудреме хвостом, обвивая и укрывая ее босые ноги — второе сабо она где-то там, в вышине, потеряла.

Проснулись на рассвете следующего дня, когда первые солнечные лучи позолотили верхушки сосен. Джаредина вздохнула во сне, потянулась, потираясь о печные изразцы, сладко пригревавшие ее ноющие бока — ох, и натрудилась вчера с батюшкой на мельнице, до сих пор поясницу ломит… Глаза открыла — да так и замерла.

Дракон сидел, выгнув гибкую шею, и смотрел на нее неподвижными золотыми глазами в оперении зеленых игольчатых ресниц. Его длинная черная морда (каждая ноздря — с Джарединин кулак) была совсем близко, руку вытяни — и коснешься чешуек на носу, более мелких, чем на крыльях и на спине, сверкающих в солнечном свете переливчатым разноцветным узором. Джаредина тихонечко, словно он спал, и она могла еще тайком от него избавиться, отползла в сторонку. Дракон не шевельнулся, только следил за ней немигающими золотыми глазами.

А потом вдруг сонно моргнул и рыкнул мягко, раскатисто — ни дать ни взять мурлыкнул:

— Хорошо ли отдохнула?

Джаредина кое-как встала на ноги. Руки у нее были все исцарапаны острыми краями чешуек, за которые она хваталась, пока карабкалась по драконьим крыльям. Лиф развязался, волосы растрепались и лезли в глаза нечесаными лохмами, полными сосновых иголок. Всякий, глянув на нее, со смеху бы покатился. А она — хоть бы что! — уперла руки в бока и сказала:

— Чего тебе от меня надо? На что я тебе?

Дракон снова мурлыкнул — ох и странно же было слышать этакий звук, выкатывающийся пушистым катышком из горла страхолюдной громадины! — и лениво шевельнул кончиком хвоста, искрящимся на солнце.

— А я тебе, — шепнул, — на что?

Джаредина обомлела. Потом в сердцах топнула ногой.

— Ну, знаешь! Не я к тебе в окошко заглядывала, а потом на собственной спине утаскивала незнамо куда!

— Так-то оно так. Вот только я тебя разве силком тащил? Ты со своими была, с сородичами, даром что одно только зло от них видела. А я тебя просто спросил, хочешь ли с ними остаться или нет. Какой еще человек, когда дракон его такое спрашивает, в окошко выпрыгнет да дракону на спину заберется?

Он снова смеялся над ней. Смеялся в открытую, нагло скаля белоснежные зубы — такие же ровные и крепкие, какими они у него были в человечьем обличье.

— Обернись человеком, — потребовала Джаредина.

Дракон фыркнул и прикрыл нос кончиком шипастого хвоста, словно ему и смотреть-то на это несчастье было совестно.

— И не подумаю.

— Обернись! Чтоб тебя черти в преисподнюю затащили! — пожелала в сердцах, но дракон только улыбнулся всей пастью. У кого другого от этой улыбки кровь бы льдом обратилась. Но Джаредина поняла уже, что не была для него «кем-то другим». А кем была?

— И откуда взялся ты на мою голову, — сказала горько. — Жила себе, беды никакой не знала. И тут ты — явился, стал добрым людям подгаживать, жизнь отравлять…

— Добрым? — громыхнул дракон, и хвост его взмел ввысь, поднимая тучу сосновых иголок. — Это кто добрый — твой владетель Эльдак, грабящий соседей средь бела дня? Жена и дочка его, знатные потаскушки? Мужики его, пьяницы и лодыри? Звездочет-мошенник? Добрые, как же!

— Средь них были и добрые, — стояла на своем Джаредина. — И уж точно они были среди тех людей, которых ты до смерти весь последний месяц пугал! И с чего они тебе сдались? Летел бы назад в свое гнездовище, родичи твои, гады ползучие, чай, заждались тебя!

— И полечу, — кивнул он. — Если ты полетишь со мной.

Джаредина умолкла. Так и стояла, уперев кулаки в бока, глядя на дракона во все глаза.

Тот вздохнул, шевельнулся наконец всем своим телом, словно потягиваясь после долгого, сладкого сна. И от этого движения волна жара, шедшая от его огромного тела, колыхнулась возле ее лица.

— Уездила ты меня, — пробормотал дракон, вонзая когти в твердую землю. Каждый коготь прятался в черном кожистом мешочке и был длиною с добрый кинжал. — Я уж и не думал, что так бывает… что оно правда… Ну, что смотришь? — добавил мягко, поддразнивая, но уже без прежней злобы. — Я ведь тоже не из железа сплавлен. И у тебя, думается, каждая косточка болит. Знаешь, сколько мы с тобой пролетели? Тысячу двести верст. Не думал я, что удержишься…

— Так ты что, — вернув наконец дар речи, сказала Джаредина недоверчиво, — нарочно уморить меня хотел? Ждал, пока устану и сама свалюсь?

Дракон шумно вздохнул, вздыбив водоворотом палую листву под своими ноздрями.

— Ты кто, девушка? Драконоборица? Так тебя ваши человеческие мудрецы научили? А меня наши, драконьи, по-своему учат. Мало кому из нас случается на своем веку встретить таких, как ты — а коли уж встретились, то…

Он замолчал, и Джаредина повторила с ей самой непонятным внутренним трепетом:

— То?

— То испытать вас надобно. — Дракон скосил на нее золотистый глаз, мигнул, словно опять изучая. — Что ты меня и человеком — не полюбишь, и драконом — не испугаешься, то уже само по себе любопытно было. Я не мог домой возвратиться, не повидавшись с тобой еще раз, не уверившись… Морок тебя не берет — это ладно. А сможешь ли ступить на мое крыло, когда под ногами — тридцать саженей пустоты? А удержишься ли, когда к самой туче тебя подниму? И достанет ли силы направить… — Он опять глубоко вздохнул, так, что загудело у него в утробе, словно в раскаленной печи. — Вы, люди, таких, как ты, зовете драконоборцами. Но у нас, у драконов, есть другое для вас имя. Мы вас зовем наездниками. И уже много веков не рождалось дракона, у которого был бы наездник.

Последние слова он проронил не то с грустью, не то с гордостью — словно ему большая удача пришла. Джаредина слушала и в толк взять не могла, как этакая животина, способная ей хребет переломить одним ударом, радуется и гордится, что она, крестьянская девушка Джаредина, сумела его одолеть. Да не просто так одолеть, а в небе — в его, дракона, собственной вотчине, где он единственный князь, владыка солнца, дождя и туч.

Много чего хотела она у него спросить, много о чем поспорить, но вместо этого сказала то, что душу ей грызло уже много недель:

— Мне все равно, как ты станешь меня звать. Ты, безжалостная зверюга, поля жег, людей пугал, скотину воровал, да еще и невинную девицу жизни лишил. После такого ни слушать тебя, ни идти с тобой я не стану.

И руки на груди сложила крестом — отгородилась. Теперь пусть хоть убьет, все равно.

Но дракон только мордой помотал, словно сил уже не было вталдычивать глупой девке очевидные истины.

— Ты, — рыкнул сердито, — всему веришь, что люди болтают? Про тебя, что ли, мало сплетничали в родной деревне? Да, поля жег — чтоб поверили, что вправду меня видали, чтобы весть до вашей столицы долетела! Да, пугал — а на что вы, людишки, еще сдались? И овец воровал — а жрать мне что прикажешь, любезная? Вот только девок не таскал, бабьего визгу не люблю. Да и смрадная она, человечина. А кроме того, я же и сам наполовину своей сущности — такой, как вы. Что ж ты, за совсем дикую тварь меня держишь, чтобы я себе подобных поедал? Хотя, — добавил он тише, — вы, люди, частенько так и делаете.

Джаредина не знала, что на это и сказать.

— Если так, — проговорила она наконец, — если правда ты понимаешь, что такое мы, люди, — зачем же ты с нами так бессердечен? Зачем владетеля моего позорил… и за мной увязался…

Он чуть повернул черную морду, словно позволяя ей лучше увидеть себя, всмотреться внимательней. И она вдруг увидела его — всего… длинного гибкого зверя, свернувшегося на

поляне среди стройных спокойных сосен. Зеленая грива колыхнулась вокруг лба волной, точно волосы, взлохмаченные ветром.

— Полетишь со мной, — сказал дракон хрипловато, — расскажу. Все расскажу. Ну… полетишь?

Он не дразнил ее больше и не высмеивал. Он просил.

Джаредина тяжко-тяжко вздохнула и пожала плечами.

В путь тронулись не сразу. Сперва надо было подкрепить силы, обоими потраченные на недавнюю битву в небе. Дракон взмахнул крыльями, оторвался от поляны и скрылся за деревьями, а Джаредина, пользуясь предоставленным одиночеством, собрала хворост, развела костер, разделась и высушила мокрое до нитки платье. Как раз когда назад облачалась, в верхушках сосен зашумело, и тень упала на поляну, обдавая холодком. Дракон приземлился и шмякнул перед ней задушенную курицу, которую принес в когтях.

— Морду хоть оближи, — сказала Джаредина, глядя на него с укоризной. — А то вся пасть в овечьей шерсти.

Дракон ухмыльнулся и провел по носу огромным красным языком, раздвоенным на конце.

Джаредина ощипала драконью добычу, не спрашивая, где тот ее взял, целиком поджарила на костре (ножа, чтобы тушку разделать, у нее не было), подкрепилась, потом отряхнула руки и сказала:

— Ну? Теперь-то что?

И он молча протянул ей крыло.

На сей раз они летели куда ниже, тише и медленней, чем прежде. С земли летящего дракона, верно, можно было принять за большую хищную птицу, неторопливо реющую в своих охотничьих угодьях. Джаредина сидела прямо, подогнув ноги и сжав коленями мускулистые лоснящиеся бока, и руки ее, державшие драконью гриву, лежали спокойно, не пытаясь им править, точно ослом упрямым. Дракон летел, куда хотел, и она знала теперь, что по первому ее приказу он спустится наземь, а оттого и не торопила его. Любопытно ей было, что ж это такое он вознамерился ей показать.

Джаредина, дочь мельника Гуса, мира никогда не видала. Для нее и путешествие по реке до столицы Семи Долин было немыслимо громадным приключением, которого она не так чтобы сильно жаждала. Но Семь Долин, как видела она теперь, были лишь крошечной частью мира, лежавшего вокруг — и под ней. Родной край давно остался позади, и теперь они летели над равниной, покрытой густым, непролазным лесом — куда там черной чаще над Горбатым перевалом! Лишь кое-где виднелись проплешины вырубленного леса, на которых ютились деревушки, выстроенные из деревянных домиков, и от одной деревушки к другой тоненькой полосочкой тянулись дороги: ни дать ни взять — бусины, нанизанные на нитку и увенчавшие чью-то волосатую голову. Потом лес стал редеть, а там и вовсе кончился; дальше лежала бурая степь, точно голый лист теста, заготовленный для печи, и изредка вспенивало ее то стадо диких коней, галопом несущихся вместе с ветром, то созвездие красных огоньков, в которых угадывались скученные костры. А еще дальше долетели они до края, утыканного скалистыми холмами, точно ежиная спинка — иголками. Ни людей, ни зверья здесь видно не было, зато слышно было, даже на такой высоте, как грохочут водопады речушек, перекатывающихся через камни и разлетающихся брызгами в бесчисленных озерцах.

Джаредина, дочь мельника Гуса, мира никогда не видала. Для нее и путешествие по реке до столицы Семи Долин было немыслимо громадным приключением, которого она не так чтобы сильно жаждала. Но Семь Долин, как видела она теперь, были лишь крошечной частью мира, лежавшего вокруг — и под ней. Родной край давно остался позади, и теперь они летели над равниной, покрытой густым, непролазным лесом — куда там черной чаще над Горбатым перевалом! Лишь кое-где виднелись проплешины вырубленного леса, на которых ютились деревушки, выстроенные из деревянных домиков, и от одной деревушки к другой тоненькой полосочкой тянулись дороги: ни дать ни взять — бусины, нанизанные на нитку и увенчавшие чью-то волосатую голову. Потом лес стал редеть, а там и вовсе кончился; дальше лежала бурая степь, точно голый лист теста, заготовленный для печи, и изредка вспенивало ее то стадо диких коней, галопом несущихся вместе с ветром, то созвездие красных огоньков, в которых угадывались скученные костры. А еще дальше долетели они до края, утыканного скалистыми холмами, точно ежиная спинка — иголками. Ни людей, ни зверья здесь видно не было, зато слышно было, даже на такой высоте, как грохочут водопады речушек, перекатывающихся через камни и разлетающихся брызгами в бесчисленных озерцах.

Дракон рассказывал Джаредине обо всех этих местах. Она не расспрашивала — он сам.

— Вон там, — говорил, указывая головой, словно Джаредина сама не видела, — Щетинистая Падь, самый лесистый край по эту стороны от Льдистого моря. Еще лет сто назад люди там жили на деревьях, точно белки, а потом повадились рубить лес и продавать его южнее, в ваше княжество. И трон твоего князя, и скамья в самом захудалом трактире, и детские игрушки-неваляшки — все выстругано из этого дерева. Нет в этом краю ни пахарей, ни скотоводов, ни певцов, ни продажных девок — одни только лесорубы с плотниками. И чаща вокруг них — как стена. И никто не знает всей правды, что происходит там, за стеной этой, в их запертом мире…

А это — Раскатанная Пустошь. Прозвана так оттого, что когда-то стояло тут могучее царство, сильней и славней которого не было на земле. А потом пришла страшная засуха, выжгла людям нутро, выпалила землю, кору с деревьев пообдирала, опустошила каждый колодец… Все живое здесь умерло, а что не умерло — бежало прочь. За долгие века ветра сровняли город с землей, намели праха, нарастили сухой травы. И ходят теперь тут только дикие кони, потомки тех, на ком когда-то господа этих мест разъезжали, и бродят дикие племена, потомки тех, кто некогда был господами. И есть легенда, что однажды они отроют свой город и снова станут самыми великими на земле.

А там, гляди, — Долина Сотни Ручьев. Вода там такая быстрая и холодная, что даже рыба в ней не живет. Но если кому удастся нырнуть и зачерпнуть пригоршню камня со дна, то будут в этой пригоршне алмазы, обкатанные водным потоком до гладких шариков. И еще — вами, людьми, столь любимое золото…

Он рассказывал и рассказывал, и голос его гудел у нее в голове, и внутри, подле самого сердца. Джаредина не сразу поняла, что он говорит с ней не голосом, не хриплым своим звериным рыканьем, а как тогда, на корабле — прямо в душу ей шепчет своей душой. Она вдруг испугалась — не верила все-таки ему, уж больно добреньким стал сказываться. Да к тому же и послана она была за ним не для того, чтобы выслушивать побасенки…

— А дальше, — все пел и пел он ей в душу, — далеко, за морем, есть такие края, о каких ты даже в былинах не слышала. Там есть озера цветов, что колышутся на ветру, набегая волнами на берег, и если спустить на это озеро лодку, то она побежит так же споро, как если бы плавала по воде. Есть города в глубоких пещерах, выстроенные из чистого серебра, и стены дворцов отполированы так, что глядеться в них можно, как в зеркало. Я тебе все это покажу… весь мир…

— Ну хватит! — сказала вдруг Джаредина и, привычным уже движением намотав его гриву на запястья, потянула изо всех сил. — Довольно голову мне морочить! Садись!

Дракон не стал артачиться и тотчас покорно спикировал вниз, на вершину невысокого холмика, поросшего мягкой золотистой травой. В траве, перепархивая с одного громадного цветка на другой, играли ярко-синие бабочки.

— Тебе что-то надобно от меня, — теперь она не спрашивала, а требовательно утверждала. — Для того ты крутился вокруг Клеменса, поджигая поля, для того вызволил меня из Рубелевой башни. Для того мед мне тут в уши льешь, точно заправский менестрель. Да только я не дура! На что соблазнить меня хочешь, ты, пакостливая и хитрая скотина? Пока не скажешь всю правду, как есть — вот ни с места отсюда не двинусь!

Дракон выдохнул, и пламя, рванувшись коротко из приоткрывшейся пасти, выжгло в траве длинную черную плешь, обугленные бабочки попадали на траву невесомыми хлопьями пепла.

— И нечего меня стращать, — предупредила Джаредина и для пущей острастки еще раз посильнее дернула его за гриву. — Не из пугливых!

— Вижу, — прогудел дракон. — Вижу, что не из пугливых, девушка. Оттого и подумал, что они тебя примут.

— Да кто примет-то?

— Сородичи мои… драконье племя на Ржавом Острове.

Хорошо, что Джаредина все еще верхом на нем сидела — так он хоть не увидел, как она рот разинула.

— Да как же… — выдавила она. — Ты что же, решил, что я с тобой в твое логово отправляюсь? Зверушкой твоей на привязи буду до скончания веков? Знаю я, как вы, драконы, к нам, людям, относитесь!

— И ничего ты не знаешь, — раздраженно ответил тот и тряхнулся весь, точно мокрый пес, выбравшийся из воды. — Слезь! Я человеком обернусь.

Джаредина вмиг оказалась на земле. Крутанулась на месте — а он уже и стоит перед ней, высокий, ладный, с русыми волосами, небрежно взъерошенными надолбом, с затаенной хитрецой болотно-зеленых глаз, с бледными пятнышками веснушек на носу. И одетый! Вот боги знают отчего, а тут Джаредина сильней всего удивилась.

— Что, — скаля свои ровные белые зубы, ухмыльнулся тот, — красавчик?

Она только фыркнула.

— На меня твои чары не действуют, забыл, что ли?

— Да я и без чар вроде бы ничего, — обиделся дракон. — Мы ведь, драконы, в людском облике страсть как собой хороши. Нечеловеческая красота — слыхивала про такое?

— Губы у тебя больно пухлые, — заявила Джаредина. — Как у девки. Глянуть противно.

Дракон снова вздохнул и безнадежно покачал головой.

— Мне иногда чудится, ты на меня так ощериваешься из-за того только, что считаешь себя драконоборицей. А помнишь, что я тебе сказал? Люди не все знают.

— Люди, по-твоему, вообще сошки гнилые. Почему я тебе верить должна?

— А тебе разве не понравилось со мною летать? — спросил он вдруг, и Джаредина нахмурилась.

— Люди, по-твоему, вообще сошки гнилые. Почему я тебе верить должна?

— А тебе разве не понравилось со мною летать? — спросил он вдруг, и Джаредина нахмурилась.

— Это ты к чему? И при чем тут это вообще?!

Он сел на землю, рядом с полоской им же выжженной травы, подцепил пальцем клок пепла, зависший на уцелевшем стебле.

— Есть легенда, — сказал, разглядывая этот клок, — у нас, у драконов. Вскоре после сотворения мира Драгобарр, главный драконий бог, надумал избрать себе возлюбленную из созданий, им порожденных. Долго выбирал он, долго присматривался, пока не остались самые лучшие. Было их трое: змея, птица и человеческая женщина. С каждой из них Драгобарр разделил ложе, и от союзов этих родилось три новых племени. От змеи родились ящерицы, в ваших краях они теперь все сплошь выродились и стали не длиннее ладони, но на востоке есть острова, где живут еще прямые потомки тех ящериц, и так они велики, что ни один дом на твоей родине такую бы не вместил. От союза с птицей родились крылатые фурии, их никогда не бывало в этих местах, они обосновались на севере, и нет в тех краях тварей сильнее и злее. А от союза с женщиной на свет родились драконы. Единственные из прямых наследников Драгобарра, наделенные разумом.

— Сказки, — сказала Джаредина, но не очень-то уверенно это прозвучало. Ибо что, как не сказочное диво, сидело перед ней в траве, рассеянно теребя пепел костра, разожженного его же дыханием?

— Для вас, людей, может, и сказки. Только даже вы знаете, что каждый дракон умеет оборачиваться человеком. Некоторые из нас людьми рождаются — если матерью его станет не драконица, а человеческая женщина. Мы же и в истинном своем облике, и в оборотном к соитию способны…

И лукаво глянул на нее, но Джаредина только зубы покрепче сжала. Не проймет!

— Так ты, стало быть, ненавидишь своих собственных кровных родичей. Хорош, нечего сказать!

— Да было бы за что любить вас. Было время, незапамятное, но было, когда мы жили с вами в мире. Хотели вместе вознести оба наши племени к великому процветанию! Да только людям оно не надо. Людям надо одно только золото. А мы его, как на зло, на дух не выносим. Так Драгобарр решил, для того, чтобы мы не забывали, что несмотря на все наше родство и способность становиться, как вы, — мы все же иные. И всякий дракон, который, польстившись на суетные блага человеческого существования, решал навек остаться в облике человека, обречен был жить в нищете, потому что не мог тронуть золота. А без золота человечишке не протянуть, и уж всяко — не насладиться людским бытием.

И так вот оно пошло… раззнакомились мы с вами совсем. А потом и вовсе вы про нас стали

байки слагать, дескать, мы звери лютые, у которых одна забота — только б вашего брата побольше сожрать. Да и наш брат не лыком шит! На каждое ваше копье у нас ряд острых зубов сыщется. Так и стали мы врагами, и кто теперь из людей дракона в небе увидит — сразу ор поднимает и в колокол бежит звонить, точно на пожаре. Боятся… и тем смешны. А стоит оборотиться человеком, примерить вашу собственную шкуру — и как шелковые делаетесь! Враз все обиды забываете, так и стелетесь, в друзья набиваетесь по гроб жизни… до тех пор только, пока не узнаете, кто ваш новый дружочек взаправду есть.

И такая обида прозвучала в его приглушенном голосе, что Джаредине на миг стало жалко его. Но потом вспомнила, как он бесчинствовал в Холлхалле, и перестала жалеть.

— Если ты хочешь, — сказала она, — чтоб тебя по-людски привечали, то и вести себя тоже надобно по-людски.

Дракон зло посмотрел на нее, сверкнул глазищами. Джаредина только теперь увидела, что зрачки у него так и остались змеиными, длинными. Словно он хоть и обернулся, а не до конца — того и гляди, жаром на траву снова дыхнет.

— Я вот стараюсь с тобой по-людски. А толку?! Так на меня окрысилась, словно это я тебя в цепях вез, в вонючем трюме гноил и с голоду чуть подохнуть не дал! Ладно, хотела правду, слушай: у нас в гнездовище говорят, что людишки суть дерьмо, какое и лапами противно месить. Да только я не верил. Решил сам убедиться, так ли вы вправду плохи. И улетел из гнездовища на юг, туда, где ваше племя укоренилось. Сперва еще на что-то надеялся… а потом, как походил меж вас, посмотрел, послушал… да и на своей шкуре кой-чего испытал…

— Кто же тебя мог обидеть, если в тебя всякий, только раз глянув, влюбляется без памяти?

— Да в том-то и дело. Влюбляясь без памяти, вы, люди, на любую подлость становитесь способны. Это ж уму непостижимо, что вы творить начинаете, когда не чуете за собой никакого ответа, никакой вины. А стоит разум ваш отпустить, чуть только стряхнете морок — тут же голосите: ах, колдун, мерзкий злодей, во что втравил, душу загубил! А что души-то там и было на грош, оттого и загубить себя дала так легко… это ни одному на ум не придет.

Джаредина смолчала. Правду сказать, владетель Эльдак с его женщинами и до прихода колдуна был не ахти каким подарком — и для крестьян своих, и для домочадцев, и для соседей… Но все же не могла Джаредина верить тому, что лживые драконьи уста говорили. Не могла и не хотела.

— Ты, должно быть, мало летал, — заговорила она после неловкого молчания. — Мало летал еще и видел мало…

— Где я летал, я тебе показал. Верней, только начал показывать — ты и сотой части еще не видела. А долго ли… По вашему человечьему времени выйдет — лет пятьдесят. И хоть ваш век короток, а на многое успеешь насмотреться.

Джаредина лишь головой покачала, не в силах справиться с изумлением. Молодой мужчина, сидевший перед ней, был лет двадцати пяти от силы, и в глазах его, когда он был в добром духе, искрилось почти мальчишеское озорство. А когда не в духе — столько злобы горело, сколько и впрямь за полвека не накопишь…

— Я уж думал, что пора мне домой возвращаться. К своим… Покаяться перед старейшинами, сказать — правы вы были во всем, а я дурак. Но тут откуда ни возьмись — ты объявилась! Такие рождаются средь людей раз в драконье поколение, и встретить вас — большая удача. Такие,

как ты, наездники — это крупицы человеческой памяти о тех временах, когда мы с вами были родней и жили как родня. В вас нет страха и нет раболепия — вы нам равные, ибо так же, как мы, созданы Драгобарром. И уж коли средь вас он выбрал себе жену, стало быть, что-то в вас доброе все же есть…

Он примолк, сжал руку, с сухим треском кроша прах в кулаке. И Джаредина вдруг поняла, что ухо ее, обычное человеческое ухо, никак не могло бы разобрать этот хруст — слишком тонок он был, слишком тих.

Она просто слышала то же, что он.

— И вот я хочу, чтобы ты полетела со мной, — сказал дракон и поглядел ей прямо в глаза. — Чтобы они тебя тоже увидели и… тоже вспомнили, какими мы все были когда-то. Что мы были ровней. И как знать…

Он не договорил, но было за этим «как знать», оброненным вскользь, что-то такое огромное и великое, что у Джаредины дух захватило. Нет, она вообразить себе не могла, о чем он толкует, — куда ей, необразованной сельской девке, у нее и воображения-то не было ни на грош. Но он знал, и она нутром чуяла то, *что* он знает, во что верит.

— Как зовут тебя? — спросила она. Странно, и на что бы ей это? До сей поры именовала его про себя «драконом», а вслух — «зверюгой», того и довольно было.

Дракон усмехнулся.

— Ты не выговоришь. У вас, у людей, языки больно коротки — чтоб драконье имя вымолвить, его пришлось бы в три узла завязать. Но когда я средь вас хожу, вы меня зовете Дженсеном. Оно отчасти созвучно.

— А я Джаредина, Гуса-мельника дочь.

Он поглядел на нее серьезно и кивнул:

— Я знаю.

И она уже тогда поняла, что ему не откажет.

Путь от Долины Сотни Ручьев, где они сделали этот привал, до Ржавого Острова, на котором гнездилось драконье племя, был долог. Дракон сразу так и сказал Джаредине — не стал врать и юлить, мол, дивная прогулочка предстоит, на солнышке с ветерком.

— Одежонку тебе потеплей надо, — сказал, окинув ее с головы до ног строгим взглядом. Отчего-то, когда он вот так на нее смотрел, будучи в своем драконьем обличье, ей это нипочем было. Но когда глаза его становились из золотистых зелеными, и мягкая белая кожа сменяла черную чешую, и грива гибких игл превращалась в короткие русые локоны — тогда его пристальный взгляд ей было ох как непросто снести. Может, оттого, что вспоминала, как бесчинствовал он в Холлхалле. Тем его поступкам Джаредина до сих пор не видела оправдания.

Однако насчет одежонки он был прав. Предложил ей помощь, но Джаредина уперлась, чтобы и думать не смел. Они за час долетели до обжитого края, сплошь усыпанного разбросанными

хуторами. На один из этих хуторов Джаредина и направилась, крепко-накрепко приказав дракону дожидаться ее в лесу, носа из-за деревьев не совать. На хуторе поклонилась хозяевам в ноги и, хоть местного языка и не знала, сумела как-то объяснить, что ей нужно и что она готова за это работать. На уединенных хозяйствах рабочие руки всегда пригодятся, а тут как раз подоспела жатва, так что всю следующую седмицу Джаредина срезала с поля тугие колосья и увязывала их плотными тюками, которые потом сама же и волокла в амбар. Хозяева остались ею довольны, и Джаредина получила в награду овечий тулуп с хозяинова плеча — старенький, проеденный молью, но крепкий и теплый. Джаредина ушла, как и пришла, с поклоном и учтивыми словами благодарности. Идя к лесу, в душе тревожилась, не сбежала ли без нее непутевая зверюга, не натворила ли в окрестностях каких бед. Но ничуть не бывало — дракон валялся кверху брюхом у лесного озерца, вылизывал себе шею, жмурился на солнышке и изнывал от безделья.

— Явилась! — громыхнул он, едва завидев свою наездницу. — Я уж думал, понравилось тебе батрачить, насовсем тут остаться задумала.

Джаредина в ответ распахнула руки, показывая ему надетый тулупчик. Дракон глянул без одобрения.

— Да я бы только рыкнул над ухом у хозяина твоего, он бы мигом к ногам твоим все свои богатства свалил, только б живу быть.

— Это потому что ты дикий зверь, — огрызнулась Джаредина, ни дать ни взять — сама прорычала. Уж больно озлилась под его ленивым и сонным взглядом — мало того что бездельничал, так еще и ей пеняет! — А я отродясь не грабила и не воровала. И впредь не желаю. Ну, полетели, что ль?

Дракон перевалился с боку на лапы, ворча, а она уже вскарабкалась на него по крылу, уселась привычно, уцепилась. И полетели.

Прежде чем они достигли границ обитаемого мира, не раз еще приземлялись. На земле расставались на время: дракон охотился (Джаредина заставила его пообещать, что жрать станет только лесное зверье, а людям на глаза постарается не показываться и уж тем паче не воровать у них скот), а Джаредина шла в ближнюю деревню или поместье и брала любую работу, какую ей предлагали и с которой могли управиться ее сильные крестьянские руки. За это получала еду и кров, иногда и с собой что-то давали, и вскоре обзавелась она, кроме овечьего тулупчика, парой крепких башмаков, шерстяными чулками, теплым плащом и небольшим кухонным ножом. Нож ей был особенно надобен — дракон без труда поймал бы для нее в лесу кролика или дикую утку, да только не со шкуркой же и с перьями их жевать. С тех пор как раздобыла нож, спускаться в людных местах стали реже. Джаредина запасала мяса и лесных ягод впрок и иногда ела прямо в небе, «в седле», безо всякого страха отпуская драконью гриву и держась за него только крепко сжатыми коленями. Она отчего-то знала, что, даже если порыв коварного ветра толкнет в спину и она соскользнет, ее дракон не даст ей упасть.

Хотя когда это она стала о нем думать как о *своем* драконе?.. Джаредина по-прежнему не очень-то ему верила и с большим подозрением слушала его сладкие речи, на которые он и впрямь был большой мастер. Порой вечерами, когда они спускались на ночлег, дракон (чаще в зверином своем обличье, чем в человечьем; оборачиваться человеком он, как она уже поняла, не очень любил) укладывался возле уютно полыхающего костерка, разожженного его собственным дыханием, свивал кольцами хвост и вылизывал чешую красным раздвоенным языком, счищая с нее пыль и грязь долгого дня пути — ну ни дать ни взять огромный кот,

разомлевший после сытного ужина. Джаредина сидела по другую сторону костра и глядела на него, и чем больше глядела, тем сильнее дивилась, отчего он так долго казался ей черным. Его чешуя на самом деле более всего напоминала зеркало — и не понять было, то ли от рождения такова, то ли это верткий язык дракона отполировал ее до слепящего блеска. Каждая чешуйка в сумерках казалась матово блестящим камешком, но когда на нее падали солнечные лучи, или пламя костра, или свет, отраженный озерной водой, то она переливалась всеми цветами радуги, вспыхивая то алым, то бирюзовым, то оранжевым, то лиловым… А стоило дракону шевельнуться, и целое море разноцветных огней заревом проходило по его удивительной плоти. Огоньки вспыхивали один за другим, точно сполохи праздничного фейерверка — Джаредина однажды такой видала, когда в Холлхалле Эльдак выдавал замуж старшую дочь, и в тот вечер сияние небесных огней было видно даже в деревне… А когда костер гас и дракон, вытянувшись, засыпал, то в лунную ночь его чешуя покрывалась тонким налетом серебряного сияния, а в крупных пластинах на широкой гладкой спине отчетливо отражались звезды.

Джаредина глядела на него, и чем больше глядела, тем трудней ей было оторвать от него взгляд. Он был… она и сама не знала, каким он был. Только с каждой ночью ей все меньшего труда стоило подползти к нему под широкое горячее крыло, прижаться к тихо вздымающемуся боку и уснуть в окружении силы, тепла, тишины и покоя, какого она отродясь не ведала.

Джаредина глядела на него, и чем больше глядела, тем трудней ей было оторвать от него взгляд. Он был… она и сама не знала, каким он был. Только с каждой ночью ей все меньшего труда стоило подползти к нему под широкое горячее крыло, прижаться к тихо вздымающемуся боку и уснуть в окружении силы, тепла, тишины и покоя, какого она отродясь не ведала.

Наконец они достигли большой воды. То, что земляки Джаредины звали Льдистым морем, было, по словам дракона, куда больше, чем морем. Оно не было заполненным котлованом в бескрайней суше, напротив, это суша была всего только островом среди бесконечного царства воды. День еще им встречались отмели и островки, кое-где населенные горными козами, морскими котиками и большими хищными чайками. На одном островке Джаредина углядела даже крохотный домик — хижину отшельника, заброшенного сюда жестокой судьбой. Попросила Дженсена спуститься ниже — как знать, может, помощь нужна бедняге? Но бородатый мужик, точивший гарпун у порога хижины, вскочил на ноги и погрозил им, гневно крича, так что с тем они и улетели. Ночевать сели на отвесной скале, в которой обнаружился крохотный грот — как раз такой, чтобы оба могли в нем укрыться, тесно вжавшись друг в друга. А наутро дракон сказал:

— Это последняя обитаемая земля отсюда и до Ржавого Острова. Через двести верст к северу начинаются владения фурий, туда даже старые драконы летают с опаской. Так что мы с тобой заберем восточнее, обогнем их край. Выйдет крюк, и, как знать, может, даже отмели никакой на этом пути не найдется. Я могу долго лететь без отдыха и без сна, неделю, две. Ты так сможешь?

Неделю, две… Над бушующими серыми волнами, под низким угрюмым небом, сквозь тучи и дождь, сквозь ревущую стихию, способную в один миг завертеть и поглотить могучий корабль… На драконе верхом.

Джаредина пожала плечами.

— Еды у меня вдоволь, — сказала она, показав ему туго набитую котомку, перекинутую через плечо. — А если я усну, ты ведь почуешь и не дашь мне упасть.

Он посмотрел на нее, выгнув шею — долгим, бесконечным взглядом немигающих золотых глаз.

И вдруг, высунув самый кончик раздвоенного языка, осторожно лизнул ей запястье.

Путь был труден. Ох, до чего ж труден — знать бы заранее… а и знала бы — разве бы отказалась? Дождь (а когда поднимались повыше, спасаясь от бушующего на море шторма, то и мокрый снег) заливал за шиворот, мерзко скапливаясь в башмаках, так что Джаредина в конце концов их стащила и запихнула в котомку, а пятки грела, крепко прижимая их к теплому телу дракона. Чахлый тулупчик с плащом едва защищали от пронизывающего ветра и холода, иней скапливался на ресницах, так что большую часть полета Джаредина лежала, распластавшись на спине у дракона и всем телом жадно впитывая его внутренний жар. Мясо в ее котомке до того смерзлось, что она не могла откусить его и, отковырнув полоску ножом, сосала, как в детстве — сосульку, отломанную украдкой со стрехи. Дракон тревожился за нее, то и дело изгибался, силясь заглянуть себе на загривок, кричал, перекрывая бурю: «Как ты там?», и она отвечала: «Жива!», хотя не знала, по правде, долго ли так еще выдержит — окоченевшая, задеревеневшая, мокрая, полумертвая от усталости. Они летели и летели, буря выла и выла, так что порой казалось, что дракон сбился с пути и завел их таки в логово страшных фурий, и это они воют, предвкушая расправу с легкой добычей.

А потом они взяли да и прилетели домой.

Это Дженсен так подумал: «Домой», и мысль эта, дрожью прокатившая по всему его телу от ноздрей до хвоста, колоколом ударила у Джаредины в голове. Оттого ли, что тело его было для нее все эти дни и прибежищем, и щитом, оттого ли, что, держась на нем крепко даже во сне, она почти начала ощущать себя его естественной частью — как бы там ни было, но она словно сроднилась с ним, и его радостная дрожь отозвалась в ее теле такой же бездумной радостью, согревающей и оживляющей занемевшие члены. Внизу и впрямь была земля — бурые камни, умываемые безжалостным прибоем высотою с вековой дуб. Но то была земля, и Джаредина на миг перестала дышать от радости.

— Добрались, — хрипло сказал дракон, и тут она поняла, что и ему этот путь дался не так уж легко. Недаром драконы редко покидали свое гнездовище, пусть даже из любопытства.

Они приземлились на скалистом пригорке, над которым нависал высокий утес. Больше Джаредина разглядеть ничего не успела. Дракон сложил крылья и, судорожно вытянув шею, принялся жадно лакать из большой лужи, растекавшейся под пригорком. С трудом двигая одеревеневшими конечностями, Джаредина кое-как слезла с него и тоже наконец почувствовала под собой твердую землю. И уж такую твердую… Кажется, тут вовсе не было земли — один только камень, словно весь остров был огромной скалой, обломанным зубом торчавшей средь бушующих волн Льдистого моря.

К луже, однако, подошла, потому что запасы воды закончились много часов назад. Опустилась на колени, зачерпнула ладонями… Вкус у воды был странный, с густым привкусом то ли металла, то ли крови, но Джаредине он показался приятным, точно терпкое вино раннего сбора. Она искоса глянула, как жадно пьет Дженсен рядом с ней. Казалось, он не просто воду вбирал в свою утробу, но и нечто еще, разом придавшее ему сил. Он похудел за время полета, живот стал поджарым и плоским, и на нем четко проступили очертания ребер, так же, как и хрящи на прижатых к бокам крыльях. Грива поблекла и свисала на морду спутанными прядями, и он отфыркивался, сбрасывая ее, словно взмыленный конь. Джаредина невольно ощутила, как губы раздвигает улыбка. Его ли когда-то она боялась? Его ли ненавидела…

— Дженсенерратейль, ты вернулся!

Рев, пронесшийся над долиной, наполнил ее гудящим грохотом, от которого задрожали

вековые скалы. Несколько камней со стуком обсыпались с вершины утеса. Джаредина вскинула голову.

И только тогда увидела их.

Лужа, у которой они стояли, оказалась вовсе не лужей, а одним из множества прудов, усеивающих каменистую равнину и соединенных быстрыми пенистыми ручьями. Меж прудов, а местами и прямо из них вырывались всплески бурлящей воды, одни совсем маленькие, другие — в три человеческих роста. Вода в них кипела взаправду, ошпаривая камни, поросшие бурым мхом. Воздух был тяжел и жарок, словно летним днем накануне страшной грозы. Джаредина поняла, что ей совсем не холодно — напротив, лоб и спина у нее взмокли, и она нетвердой рукой распустила завязки плаща, врезавшиеся в горло. Сделала она это, не отрывая глаз от скалы, что высилась прямо перед ней. И от существа — верней, одного из многих существ, сидевших там и глядевших прямиком на нее.

Их были десятки. Черные, белые, красные, словно кровь, зеленые, как первая листва, лазурно-синие, как море у берегов теплых морей, желтые, как липовый мед. У всех были гривы, отличные цветом от чешуи, и хвосты — некоторые длиною равнялись всему драконьему телу. Звери стояли, склонив шеи, вытянувшись и вперив в Джаредину взгляды блестящих глаз — всегда золотых, независимо от того, какой была чешуя. Многие смотрели, ощерившись, кто-то утробно порыкивал, суча когтистыми лапами по краю обрыва — от того, видать, мелкие камни и осыпались, не выдержав острого драконьего когтя. И это значит, поняла Джаредина, что и над ними, прямо над головой, за спиной, тоже стоят драконы.

Их были десятки. Черные, белые, красные, словно кровь, зеленые, как первая листва, лазурно-синие, как море у берегов теплых морей, желтые, как липовый мед. У всех были гривы, отличные цветом от чешуи, и хвосты — некоторые длиною равнялись всему драконьему телу. Звери стояли, склонив шеи, вытянувшись и вперив в Джаредину взгляды блестящих глаз — всегда золотых, независимо от того, какой была чешуя. Многие смотрели, ощерившись, кто-то утробно порыкивал, суча когтистыми лапами по краю обрыва — от того, видать, мелкие камни и осыпались, не выдержав острого драконьего когтя. И это значит, поняла Джаредина, что и над ними, прямо над головой, за спиной, тоже стоят драконы.

Совсем не похоже было, что они рады возвращению родича.

Дженсен вскинул голову и тряхнул гривой, все еще поникшей и вялой, но уже понемногу возвращавшей привычный цвет. Ступил вперед и оказался с Джарединой плечом к плечу.

— Да, Гедерьенопарр, я вернулся! А ты, вижу, по-прежнему верховодишь, и все так же меня не любишь. Где старейшины?

— Когда старейшинам будет угодно дать тебе отчет, они тебя немедля оповестят! — рыкнул синий дракон, тот самый, который окликнул их. Он был крупнее Дженсена, и крупнее большинства остальных драконов, иглы у него были золотисто-красные, как закатное зарево. Джаредина умела теперь видеть драконью красоту и знала, что этот дракон красив. Но, пока она смотрела на него, в сердце ей заползал холод.

В ответ на окрик Гедерьенопарра Дженсен зарычал, нагнув шею, и разразился ревом, в котором было куда больше от звериного воя, чем от разумной речи. Крик немедленно подхватили остальные драконы — долина наполнилась рычанием, хлопаньем крыльев и грохотом осыпающихся камней. Один из них больно ударил Джаредину в плечо, и она едва не упала. Это вывело ее из оцепенения, и она схватила Дженсена за игольчатую прядь,

болтающуюся возле глаза.

— Что ты словно дикий зверь! Опомнись! Ты ведь говорить с ними хотел!

Дженсен выдохнул, превратив затянувшийся рык в долгий тягучий вздох. Мотнул головой, словно пытаясь оттолкнуть Джаредину, но его задранная губа опустилась, пряча обнажившиеся было клыки.

— Хорошо, — низко прогудел он. — Тогда я скажу тебе, а ты передашь старейшинам. Скажи им, что я вернулся, и со мной пришел человек.

— Человек? — воскликнул синий дракон неожиданно высоким голосом. Джаредина удивленно глянула на него — и тут он расхохотался, пуская ноздрями дым и нагнув шею еще ниже, словно пытаясь ее рассмотреть. — Вправду, маленький беленький человечишка? И этим ты хвастаешься перед всем своим родом, Дженсенерратейль? Да его нам с тобой на ужин не хватит, так, на один зубок!

— Скажи старейшинам, — расправляя зеленые иглы гривы, прошипел тот, — что Дженсенерратейль вернулся, и вместе с ним прилетела наездница.

На миг над долиной повисла полная тишина. Нет, конечно, оглушительный гул ручьев и гейзеров не утих, и гремел прибой совсем близкого моря, и стучали, изредка осыпаясь, камни. Но драконы молчали. Вой, рев, насмешки и оскорбления стихли. Все подались вперед, и на миг Джаредине почудилось, что вся эта стая гигантских тварей сейчас бросится на нее и растерзает прежде, чем она успеет сказать хоть слово молитвы богам. Но они лишь смотрели, жадно блестя золотыми глазами. И это не было голодом ненасытившейся плоти.

Джаредина взглянула на синего. Волоски его гривы встопорщились и подрагивали за ушами. Быть может, это просто стало садиться солнце, золотившее их, но Джаредине почудилось, будто блеск гривы синего в самом деле померк.

— Лжешь, — прошипел дракон. — Ты просто схватил какого-то жалкого человечка и притащил сюда в когтях, чтобы заставить нас признать твою правоту…

— Ты слишком долго не был в земле людей, Гедерьенопарр. Ты забыл, на что они способны, а на что нет. Ни один человек не пережил бы пути через Льдистое море в моих когтях. А она жива. Она летела на мне верхом!

Было в голосе Дженсена столько гордости, восторга, столько нескрываемого торжества, что и Джаредине вдруг передалась толика его отчаянной смелости. Она уже видела, что он не был желанным гостем в своем родном краю — никому не было до него дела, никто не верил ему и не хотел слушать, пока он воочию не представил им доказательства… И до того это напомнило Джаредине замок Холлхалл и тамошних дворовых, и то, как они смеялись ей в спину, когда она говорила правду — до того знакомо, обидно и гневно ей стало, что она ступила вперед и вскинула голову, заглядывая синему дракону прямо в его золотые глаза.

— Он правду сказал! — крикнула изо всех сил, зная, что голос ее рядом с драконьим — точно комариный писк, но надеясь, что его эхом отобьют и подхватят скалы. — А если не веришь, дай-ка мне взобраться тебе на спину да за патлы тебя половчей ухватить. И поглядим, наездница я или нет!

Драконы снова загомонили. Некоторые сорвались с мест и, описав пару беспокойных кругов, уселись снова, на сей раз поближе. Все они были в страшном волнении. Джаредина стояла, изо

всех сил стараясь не дрогнуть, и вдруг ощутила теплый нос Дженсена, ткнувшийся в ее шею. Она невольно вскинула руку и пригладила его взъерошенные иглы, мягко и послушно улегшиеся под ее рукой.

— Все будет хорошо, — сказала вполголоса, — они тебя послушают.

— Надеюсь, — отозвался тот устало. — А то пожрать бы уже. И поспать бы.

У Джаредины в котомке оставалось еще кроличье бедрышко, и, порывшись, она виновато протянула его дракону — знаю, мол, для тебя это что маковая росинка, но все равно… Тот расплылся в ухмылке.

— Себе оставь. Я-то уж как-нибудь дотерплю.

За разговором они что-то упустили, потому что когда Джаредина вновь подняла голову, шум снова улегся. Синий дракон исчез, а остальные, нависшие над долиной, точно стервятники над местом побоища, пугливо сторонились, по-собачьи поджимая хвосты. В вышине громыхнуло, точно вот-вот разразится ливень — но это была скала, вздрогнувшая под весом существ, взбирающихся по ней…

Старейшин драконьего племени было трое — или по крайней мере трое из них почтили собой нежданное сборище. Уж почто синий дракон казался Джаредине большим — но он был словно синица рядом с орлом по сравнению с существами, выползшими на отвесную скалу. Глаза их подслеповато щурились, видимо, не привычные к дневному свету. Крылья были свернуты и прижаты к бокам, и казались дряблыми, словно уже много столетий не доводилось им распрямляться и нести дракона по ветру. Чешуя их так потускнела, что нельзя было разобрать ее цвет — драконы казались бурыми, точно мох, покрывавший камни, служившие им домом. На миг Джаредине подумалось, что, быть может, весь этот остров — одно огромное кладбище, и эти скалы — останки тех, что умерли здесь от старости много веков назад.

Драконы пятились перед старейшинами, преклоняли передние ноги, упираясь лбами в землю. Так поступил и Дженсен, не торопясь, но учтиво. Джаредина в нерешительности глянула на него — и осталась стоять прямо.

Тот из драконов, что был в самом центре, поднял покачивающуюся голову на дряблой шее. Была она так велика, что запросто проглотила бы одним махом весь Холлхалл, может, даже и с деревенькой в придачу.

— Правду ли говорит Гедерьенопарр? Маленький птенец вернулся из Большого Полета? И привез наследника предков?

Видимо, то было позволение говорить, потому что Дженсен оторвал лоб от земли, хотя и не поднимаясь с колен, и ответил:

— Правду, старейшина. Я обещал, что докажу вам, и сделал, как обещал.

Могучий хвост рванулся в сторону, сметя с насиженных мест разом трех драконов. Те заполошно сорвались, хлопая крыльями, точно стая потревоженных ворон, но тут же нашли новый насест и притихли там.

— Не хвались! Ты ничуть не переменился, хотя тебя и не было два полных Обращения. Ты должен был вырасти, повзрослеть — только потому мы и отпустили тебя. Но теперь мы видим, что птенец остался птенцом. Большой Полет ничему не научил тебя.

— Но, быть может, он чему-то научит вас! — дерзко возразил Дженсен, и по примолкшей стае пронесся пугливый ропот. Видать, не принято у них было старшим дерзить. — Вы уверяли меня, что человеческий род выродился много Обращений назад. Что связь, созданная между нами Драгобарром, давно мертва, а потому и память о ней должна быть предана тьме. Вы уверяли меня, что эти скалы и мох — весь мир, достойный нашего взгляда, а за его пределами ничего нет. И теперь мне приходится признать, что вы либо лгали мне, либо сами обманывались. И мне равно трудно поверить и в одно, и в другое…

— Да что он себе позволяет, этот червь! — зарычал кто-то сверху, и Джаредина уже без труда узнала голос Гедерьенопарра — по холоду, сковавшему ее сердце при звуках его рычания. Вот только холод этот не был страхом. Он был гневом.

— Нет, это что ты себе позволяешь, наглая тварь! — выкрикнула она. — Вы сидите здесь, на обломках скал, слишком надменные, чтобы признать, сколь необъятен мир вокруг вас. Вы почитаете себя самыми великими из живущих существ — а поглядите на себя, кто вы есть? Дикое зверье, погрязшее в своем животном естестве. Вы разумны, вы наделены речью, вы живете веками и накапливаете знания — отчего же вы не создали здесь ничего, хоть отдаленно похожего на отвергнутый вами мир? Вы живете среди камней, пьете из луж, вы не думаете ни о ком, кроме самих себя. К чему жить на свете тысячу лет, если каждый день в этом тысячелетии наполнен только звериной тягой к самому низменному, чего только может желать живое существо?

— Ишь, как заговорила! — громыхнул синий, ощериваясь. — Будто людишки не для того живут, чтобы брюхо набивать!

— И для этого тоже, — не стала она отпираться. — Но и для того, чтобы оставить что-то после себя. Люди строят города, в которых будут жить их потомки, слагают песни, которые другие споют, когда их кости истлеют, каждый день делают шаг для того, чтоб лучше и краше стала жизнь тех, кто придет после. Да, мы мало живем, и наши дни скоротечны, но каждый из них оставляет след в нашей общей памяти.

— У нас тоже есть общая память, — протрубил синий.

— Да? И что же такого ценного в ней хранится? Только скалы, мясо да мох. У вас есть крылья, а вы так давно расправляли их, что забыли, зачем они вам даны.

Последние ее слова не были обращены к старейшинам, но те, словно приняв их на себя, низко склонили головы. Все, кроме того, что стоял в центре, без единого звука и вздоха слушая голос крохотной человеческой женщины, что была ровно букашка рядом с его необъятной лапой. Джаредина задохнулась и смолкла. Дженсен потрясенно молчал рядом с нею — видать, не ждал от нее такого. Да она, по правде, сама не ждала. Даже и не знала, откуда все эти слова в ней вдруг взялись…

— Старейшина, — заискивающе сказал Гедерьенопарр, — разреши мне разорвать этого ничтожного человечишку и усладить твой язык его кровью.

— Нет, — сказал тот.

Гедерьенопарр отпрянул. Другие драконы сидели не шевелясь, словно статуи из разноцветного камня.

Старейшина вздохнул. Двое других вздохнули тоже. Джаредина вдруг поняла, что он был единственный из них, у кого осталась еще способность говорить — двое других были, видимо,

слишком стары, но, бесспорно, обменивались мыслями столь же легко, как Дженсен обменивался с нею в полете.

— Устами этой женщины, — сказал дракон, — говорит древняя кровь. Та общая древняя кровь, что течет и в ее жилах, и в наших. Такая, как она, стала нашей матерью в те времена, когда еще не был начат счет Обращениям. Мы отринули эту память. Она казалась нам утерянной. И мы не скорбели о потере, потому что забыли, что потеряли.

Дракон тяжело вздохнул. Что-то зашуршало, зашелестело, словно вощеная бумага, пожираемая огнем, и старый дракон медленно расправил крылья.

На долину упала тень, накрыв ее целиком. Все драконы, как один, вновь ткнулись лбами в землю. Старый дракон медленно, бесконечно медленно и тяжело взмахнул гигантским хвостом и оторвался от скалы — хотя казалось, это сама скала ожила и движется теперь в жарком воздухе. Там, где дракон пролетал, столбы гейзеров сбивались и уходили в землю, затухая.

Он приземлился прямо перед Дженсеном с Джарединой. От его лап вздыбилась рыжая пыль, зашипели, разлетаясь, горячие брызги. Джаредина невольно склонила голову, тоже опускаясь на колени. Слишком велик он был. Слишком велик и слишком стар.

— Тысячи лет назад, — сказал дракон низко и тихо, — еще до того, как твой народ зародился на той земле, откуда ты пришла, я тоже летал в мир людей. И у меня был наездник. — Гигантский хвост дернулся из стороны в сторону, словно сбрасывая налипший морок. — Я забыл. А увидев тебя, услышав тебя, я вспомнил. Спасибо тебе, человеческая женщина. То было мое лучшее воспоминание за множество множеств Обращений.

Он наклонился совсем низко и тронул мордой склоненную голову Дженсена. Грива вокруг его головы — совсем выцветшая, как будто седая — мягко колыхнулась, укрывая голову Дженсена целиком.

— И тебе спасибо, маленький птенец, за то, что привез ее к нам. Мы рады, что ты вернулся домой.

Дженсен вздрогнул всем телом, и старший дракон слегка толкнул его мордой, словно веля подняться.

«Но не здесь его дом, — внезапно услышала Джаредина прямо у себя в голове — так, как бывало уже с ней когда-то, на Златоводной реке. Она вскинулась — и увидела немигающие золотые глаза, пристально глядящие ей прямо в сердце. — То, что я скажу тебе, будешь знать ты одна. В мире людей ты не единственная наездница. Четверть Обращения назад одна из нас покинула дом, так же, как этот маленький птенец, в поисках лучшего мира. Она не вернулась, но другие птенцы, летавшие и возвратившиеся, сказали, что ее оседлал наездник из земли, называемой Вирьерра».

— Вирьерра, — ахнула Джаредина вслух. То была страна, издревле смертно враждовавшая с княжеством Семи Долин.

«Мы подумали, что это только слухи. Когда забываешь, труднее верить. Но теперь я вижу, что и впрямь человеческий род вновь стал рождать носителей древней крови. И это не во благо ни твоему роду, ни моему. Если те слухи и впрямь не слухи, а истина, то вскоре земля твоего народа будет гореть в пламени драконьего дыхания. — Джаредина слушала, остолбенев, а дракон нагнулся и слегка дохнул на нее резким, пряным дыханием, неотрывно глядя в глаза. — Помни об этом, как я теперь помню. Память за память. Мы квиты».

Он вновь тяжело поднялся, в три взмаха крыльев достиг верхнего утеса и, развернувшись, уполз вместе с остальными старейшинами — туда, откуда прибыл. За ними потянулись и остальные.

Дженсен пустил ноздрями дым и коротко рыгнул столбиком багряного пламени.

— Ну наконец-то. Давай теперь поедим, а?

* * *

Драконы гнездились поодиночке — в гротах, пещерах, расселинах и скальных тоннелях, которыми Ржавый Остров был испещрен, точно оспинами. В одной из таких пещер они и расположились на отдых — после полета и схватки с негостеприимными сородичами у обоих совсем не осталось сил. Много часов спустя Джаредина сидела на земле у края пещеры и смотрела на солнце, всходящее над криво повисшей скалой. Сидеть было не жестко — пол и стены пещеры покрывал все тот же бурый мох, которым здесь порос чуть ли не каждый камень. К удивлению Джаредины, Дженсен отдирал этот мох от камней когтями и ел его так жадно, как ел бы свежее сочное мясо. Потом она поняла, что мох этот был столь же необычен, как и вода из подземного источника, затопившая остров множеством ручьев. Кажется, он не только насыщал гигантскую драконью утробу, но и оказывал целительное воздействие, придавая сил. Джаредина тоже робко попробовала его — вкус был как у травы, только более сладковатый и с тем же тяжелым налетом металла, что и у здешней воды. Ближе к рассвету Джаредина увидела, как из расщелин выходят целые стада странных зверей размером с большую овцу, с гладкой упругой кожей, обтягивающей мускулистое тело, и копытами такого же бурого цвета, как и весь здешний мир. Звери щипали мох и пили из прудиков, и время от времени то один, то другой дракон, отделяясь от скалы, лениво проносились над ними и выхватывали из стада зверя, а потом уносился назад, и было слышно, как там хрустят кости и рвутся жилы под натиском беспощадных клыков. Копытные зверьки, однако, не разбегались, только сжимались и припадали к земле, словно силясь слиться с камнями. Некоторым это удавалось, а неосторожные оканчивали водопой в драконьей пасти.

Косточки одного такого зверя были свалены в кучу в их пещере, рядом с Дженсеном, широко развалившимся и сладко похрапывающим во сне.

Джаредина подползла к нему и укрылась под его расслабленным крылом. Сколько ночей оно служило ей и одеялом, и укрытием от дождя и ветра. И даже теперь, в далеком диком краю, где не ступала человечья нога, было ей под этим крылом спокойно и хорошо. «А ведь я послана была убить его», — вспомнилось ей — запоздало, ничего не скажешь. Убить или пленить и приволочь назад в Клеменс в золотых цепях… да только полно, в этой ли жизни оно было?

«Я — Джаредина, Гуса-мельника дочь», — сказала она себе и нахмурилась. Вчера, отстаивая перед драконами свой род, она говорила слова, шедшие из самого нутра ее, из глубин, о которых она никогда не ведала, — но в то же время никогда еще она не была столь далека от своего рода и от своей земли… И что ей делать теперь?

Дженсен шевельнулся над ней, зевнул, клацнув зубастой пастью. Джаредина коснулась ладонью его груди, слушая, как сильно и медленно — в десять раз медленней, чем у человека — бьется под зеркально-черными чешуями его могучее сердце.

— Вы здесь, в своем гнездовище, — тихо спросила она, не отнимая ладонь, — никогда не оборачиваетесь людьми?

Он приоткрыл золотистый глаз и покосился на нее из-под своих дивных зеленых ресниц. Потом

вздохнул. Она поняла, что он уже какое-то время не спит и просто лежит с нею рядом, позволяя ей слушать его сердце.

— Это не принято, — сказал наконец неохотно. — Ну вроде как у вас — опорожняться посреди двора. Нам стыдно…

— И тебе?

Он тяжело задышал, отворачивая от нее морду. Джаредина выбралась из-под крыла, обошла, встала прямо. Он тоже нехотя приподнялся. Дивно, но вот так, когда он сидел, подогнув задние лапы, они были росту почти одного — он едва на голову ее превосходил. Ей некстати вспомнилось, как называл его старейшина — птенец… маленький птенец.

И тут ее осенило:

— Да ты ведь дитя! По драконьим меркам — несмышленое дитя!

— Не такое уж несмышленое, — огрызнулся тот. — Отрок, по-вашему. Но повидал поболе ваших старцев, можешь быть уверена.

— Да я верю, — сказала Джаредина и вдруг нестерпимо захотела до него дотронуться, приласкать сердито встопорщившуюся гриву. — Просто, может, оттого-то ты и был полон веры и исканий, что еще молод. А мне порой кажется — я за то время, что с тобой провела, сама на полвека состарилась…

— И вовсе нет.

— Да так… чувство у меня такое.

Джаредина глянула на горку костей, сваленных у края пещеры. Рассветное солнце переливалось на них нежной желтизной, и было это чисто и жутко, и лишено какого бы то ни было разумного смысла.

— Для них слишком поздно, — тихо сказала она. — Для тех твоих родичей… не только для старейшин, для всех. Вы слишком погрязли в зверином. В вас теплится разум так же, как в нас, людях, поныне живет животное естество. Но вы давно утратили знание о том, к чему ваш разум применить. И мы, люди, не меньше вашего в том виноваты… — Он в тревоге поглядел на нее, забил хвостом, собираясь что-то сказать, но Джаредина только головой мотнула. — Я не могу тут остаться, Дженсен. Не мой это мир. Отвези меня назад.

Он склонил голову, удивленно мигнул золотыми глазами.

— Конечно, отвезу. А ты думала, я тут тебя держать буду в заточении до тех пор, пока тебя какой-нибудь принц не явится избавлять? Тоже мне, принцесса нашлась.

Теперь он говорил, как прежде — дразня ее и щекоча ей кожу хитрым взглядом. Джаредина протянула руку и погладила его по чешуйчатой морде. Он нырнул ей носом в ладонь, не в первый раз уже напомнив гигантского пса.

— Я теперь туда, куда и ты, — сказал Дженсен утробно и густо, так, что Джаредина вздрогнула, но не пожелала отстраниться. — Ты ведь моя наездница. Куда направишь, туда полетим. Ты тогда сказала, — добавил он, немного помолчав, — что, дескать, мы, драконы, даром что на свете веками живем, а ничего не создали. Так ведь не всегда было. В те времена,

когда наш род с человечьим жил в согласии, мы вам дарили знания, копившиеся тысячелетиями, а вы воплощали их в прекрасном мире вокруг себя. Помнишь разрушенный город в Раскатанной Пустоши? Его ведь люди с драконами вместе строили. Но то давно было… У нас есть сила, память и мощь, но только вы нам даете цель. — Он помрачнел и поник мордой. — Я просто думал… хотел, чтобы они взглянули на тебя, и тогда, может… Но ты правду сейчас сказала. Слишком много времени, видать, прошло. Даже если и вспомнят, даже если доказать им — не захотят.

— Я теперь туда, куда и ты, — сказал Дженсен утробно и густо, так, что Джаредина вздрогнула, но не пожелала отстраниться. — Ты ведь моя наездница. Куда направишь, туда полетим. Ты тогда сказала, — добавил он, немного помолчав, — что, дескать, мы, драконы, даром что на свете веками живем, а ничего не создали. Так ведь не всегда было. В те времена, когда наш род с человечьим жил в согласии, мы вам дарили знания, копившиеся тысячелетиями, а вы воплощали их в прекрасном мире вокруг себя. Помнишь разрушенный город в Раскатанной Пустоши? Его ведь люди с драконами вместе строили. Но то давно было… У нас есть сила, память и мощь, но только вы нам даете цель. — Он помрачнел и поник мордой. — Я просто думал… хотел, чтобы они взглянули на тебя, и тогда, может… Но ты правду сейчас сказала. Слишком много времени, видать, прошло. Даже если и вспомнят, даже если доказать им — не захотят.

— А ведь ты такой не один, — проговорила она.

Он снова глянул на нее, не понимая, и тогда она вздохнула и поведала то, что передал ей старейшина в том мысленном разговоре. Что есть еще один наездник. И что он из Вирьерры.

Дженсен, выслушав, нахмурился.

— Как так? В одно драконье поколение только один наездник рождается. Слухи, должно быть…

— А ты, когда отправлялся в свой Большой Полет, разве не за слухами полетел?

Он неохотно кивнул.

— Если он вправду из Вирьерры, то, Дженсен, Семи Долинам несдобровать. Тамошний король только и думает, как на Клеменс руку наложить. Я когда маленькая была, прошла последняя война, аж до наших краев докатилась. Батюшка вилы взял и в ополчение пошел, а мы с матушкой месяц в лесу прожили, только дым от пожарищ видели. Потом долго заново отстраивались… А если теперь у них есть дракон, никакого спасу не станет.

— И ты хочешь, — сказал он медленно, — чтобы я летел туда и вступился за твоих людей? За тех, кто меня в цепях держал и вез, как диковину, к князю на потеху?

— Я и сама тебя везла, — храбро ответила Джаредина. — А ты теперь все равно со мной. Ты меня простил, так и их прости. Ради того, что ты хотел доказать твоему народу. Что люди стоят памяти о вашей общей крови, и стоят прощения.

Он фыркнул, загреб землю лапой, сцарапывая пушистый мох. Сказал:

— Надери-ка шерреры побольше. А я пойду поймаю пару гевешек. Нож и соль-то у тебя остались? Путь назад неблизкий. И воды набери.

Джаредина посторонилась и глядела, как он, ступая мимо нее, распрямляется и взмывает над скалистой долиной, как загребают воздух его огромные черные крылья.

Обратно летели короткой дорогой, в опасной близости от земли фурий. Дженсен хотел обогнуть, но Джаредина настояла на риске — на душе у нее было тревожно, неспокойно, словно чуяла нутром, что срок уже на исходе. Дженсен неохотно послушался, и боги (равно драконьи и человечьи) их миловали: только раз вдали вырисовалось угрожающе шевелящееся облако, а потом пропало.

Так скостили немалую часть пути, да и обратная дорога всегда легче, тем более что летели они теперь на юг, и с каждым часом воздух теплел, а море становилось тише. Вот им попался первый корабль-китобой, а следом еще и еще, вот пузатые торговые коги поползли по невысоким волнам — берег был совсем близко. Дженсен сказал, что на сей раз полетит не над сушей, а вдоль береговой черты, по пути, выстланному фьордами и бухточками — так, мол, быстрее, даром что скучно. Про «скучно» он сказал едва не обиженно, и Джаредина вновь напомнила себе то, что узнала о нем на Ржавом Острове: он — дитя. И его жажда познания мира, огромного и полного волшебных чудес, которые он чаял с ней разделить, давила в ней забитую крестьянку, будило в ней что-то дикое, радостное, понуждающее выпрямиться и, выпустив его гриву, выдохнуть полной грудью победный торжествующий клич.

Впрочем, в конце концов им пришлось сесть на берег — еда с водой подошли к концу, да и отдохнуть не мешало. Дженсен выбрал бухточку, в глубине которой, за низким редким лесом, виднелась деревушка. Ох, давно Джаредине не доводилось встречаться со своими сородичами… Эта мысль встревожила ее, и она неверной рукой провела по волосам, многие дни не знавшим ни пресной воды, ни гребня, огладила замызганную, загрубелую от морской соли одежду… попыталась припомнить, когда в последний раз на ногах ее бывали башмаки…

— Что тревожишься? — спросил дракон.

— Да так, — пробормотала Джаредина. — Давно людей не видала. А как выйду к ним… такая… чучело гороховое…

И тогда дракон засмеялся — низко, тихо и очень ласково. И Джаредина в который раз изумилась тому, сколь человеческим был его смех.

— Глупая девушка. Ты разве не знаешь, что никогда еще не была так красива, как теперь?

И круто спикировал к воде, которая здесь, в заливе, была такой чистой и светлой, что видно было, как у морского дна мечутся косяки беспокойных рыбешек.

Джаредина с сомнением глянула вниз, ожидая воочию увидеть подтверждение его жестокой насмешки… да так и обомлела.

Из воды на нее смотрела женщина, сидящая верхом на драконе. Темные ее волосы реяли на ветру, мешаясь с зеленой драконьей гривой, длинные ноги уверенно держали округлые драконьи бока, юбка реяла под коленями, точно пущенное по ветру знамя. И лицо этой женщины не было лицом Джаредины, Гуса-мельника дочери. Не было оно и лицом Джаредины-драконоборицы, нелепой чудачки, сидевшей в седле боевого коня, точно шут на корове, скособочившейся под тяжестью бесполезной кольчуги. Чье это было лицо, Джаредина не знала, но видела, что резкость и прямота его черт, так же, как рост и сила некогда нескладного тела, дивно гармонировали с мощной красой зверя под ней, и оттого сама она была чудо как хороша. «Да кто это? — подумала Джаредина в несказанном удивлении. — Да разве же я ее знаю?» И изумление это отразилось на лице той женщины, что смотрела на нее из воды, и тогда Джаредина поняла: «И впрямь, это я».

«Ты на своем месте, — подумал ей в душу дракон. — Всяк, кто на своем месте, светится

изнутри».

И припустил вперед, так, что отражение на воде мелькнуло и пропало из виду.

На берегу он обернулся человеком — как всегда, мгновенно и незаметно глазу, да еще и с иголочки одетый. Джаредина насупилась, глянув на свое запачканное и рваное платье. Они заспорили о том, как быть дальше — она хотела, как прежде, честным трудом заработать на хлеб и кров, а он настаивал, что времени на это у них нет. В конце концов она уступила, хотя и не по нутру ей пришлось то, чего было теперь не миновать.

Как и ожидалось, в деревенской таверне их встретили с распростертыми объятиями. Господину странствующему рыцарю с сестрицей (сестрицей! да сплошь в обносках! ну, кто бы поверил в такое, если б не проклятые драконьи чары?) тут же предоставили лучшие комнаты, лучший харч и лучшие одежды, какие нашлись в небогатом хозяйстве деревенского старосты. Безо всяких вопросов и подозрений преподнесли прекрасному рыцарю, по его ласковой просьбе, добрый охотничий лук с колчаном острых стрел. Все, разумеется, в бессрочную ссуду. Джаредина ворчала и хмурилась, влезая в слишком тесные для нее наряды Старостиной жены, а Дженсен знай посмеивался, потягивая местное кисленькое винцо:

Как и ожидалось, в деревенской таверне их встретили с распростертыми объятиями. Господину странствующему рыцарю с сестрицей (сестрицей! да сплошь в обносках! ну, кто бы поверил в такое, если б не проклятые драконьи чары?) тут же предоставили лучшие комнаты, лучший харч и лучшие одежды, какие нашлись в небогатом хозяйстве деревенского старосты. Безо всяких вопросов и подозрений преподнесли прекрасному рыцарю, по его ласковой просьбе, добрый охотничий лук с колчаном острых стрел. Все, разумеется, в бессрочную ссуду. Джаредина ворчала и хмурилась, влезая в слишком тесные для нее наряды Старостиной жены, а Дженсен знай посмеивался, потягивая местное кисленькое винцо:

— Ничего, милая, ничего. Если все пойдет, как задумано, мы им жизни спасем, и это самое малое, чем они могут нам отплатить.

Джаредина же про себя все равно решила, что, коли все сбудется и останется жива, вернется потом в эту деревню и отработает старосте и хозяину таверны все до последнего грошика.

Чтобы не привлекать к себе лишних взглядов, днем они ехали по низу, и только на ночь Дженсен оборачивался драконом и нес ее на спине быстрей летящей стрелы. И так ей в те минуты хотелось, чтоб никогда не кончалась ночь, никогда не занимался рассвет. Но бессердечное солнце в конце концов все равно всходило над горизонтом, озаряя горящие и дымящиеся поля.

Драконий старейшина говорил правду. Эти поджоги были учинены не людьми — так и Дженсен сказал, едва их увидев и принюхавшись к густому вонючему дыму. Дракон летал здесь, выжигая своим огненосным дыханием все, что встречалось ему на пути, не щадя ни тварь лесную, ни человечью жизнь. Чем ближе они подлетали к Клеменсу, тем больше становилось следов разрушения — видать, поначалу дракон баловался только, примерялся, но чем дальше, тем больше начинал изуверствовать. Дженсен злобно рычал, проносясь над обугленными долинами — даже в дни своих бесчинств он не позволял себе заходить столь далеко. Джаредина же глядела на все в молчаливом ужасе, благодаря богов, что родной Холлхалл был в другой стороне, далеко от границ с Вирьеррой. Впрочем, в прошлый раз война добралась и туда. Так что если не остановить ее сейчас, все Семь Долин обернутся свалкой обугленных головешек.

— Опоздали, — прошептала она, ничего более не в силах выдавить из себя. Ее дракон лишь свирепо пустил ноздрями дым и помчался быстрее, даром что солнце уже поднялось и вовсю осветило небо. Обоим было ясно, что таиться теперь нечего: в этих краях никого уже не напугаешь драконом.

Однако когда подлетели они к Клеменсу, ясно стало, что ошиблись. Может, и не было уже в людях изумления при виде дракона, режущего крыльями хмурое небо, но еще было довольно страху. На подлете к деревне Златоводке Джаредина увидела, как люди разбегаются, схватив детей и кто какие успел пожитки, спотыкаются, падают, и упавших никто не силится поднять, никто не возвращается за ними. Столько ужаса было в этом паническом бегстве и столько чужого горя стояло за ним, что Джаредина так и застонала сквозь зубы, не чуя, как стискивает в кулаках гриву зверя, который нес ее над враз опустевшей деревней.

— Жалко тебе их? — тихо спросил ее Дженсен.

Она ничего не сказала, но он вроде бы и не ждал ответа.

Земли кругом столицы лежали нетронутыми — тень страха довлела над ними, но страх этот покамест не оправдал себя. Стены Клеменса показались вдали, такие же белые и статные, как когда Джаредина проезжала их, отправляясь в свое путешествие. Стало быть, все же не до конца опоздали. Дженсен вдруг вскинул голову, выгнул шею, задирая морду вверх, с силой втянул воздух раздувшимися ноздрями.

— Она здесь, — пробормотал. — Здесь! Близко совсем…

И, повернувшись так круто, что Джаредина едва на нем удержалась, понесся вдоль реки, прочь от столицы.

Сердце у Джаредины забилось чаще, и она сняла с плеча лук, поправила колчан, проверяя, легко ли выходит из него стрела. Стрелы обычные были, с железными наконечниками. Но иных и не требовалось. Дженсен сразу сказал, что вражеского дракона берет на себя, а ей, Джаредине, предстояло управляться с наездником. Она про себя решила, что не станет его убивать, только постарается помешать править. Да и, по правде, слабо верила, что сможет попасть в цель, стремительно пронзающую небо, да к тому же еще и сама сидя на вертком и быстром звере.

А все равно, не сидеть же сложа руки? Не попробовать не могла.

Ей казалось, они долго летели, а может, прошла всего только одна минуточка. Но вот потянуло дымом, тухлой гарью, вонью жженой плоти. Где-то под ними было совсем свежее пожарище, еще полыхавшее, и в нем продолжало гибнуть все живое. А над чудовищным этим кострищем кругами, словно ворон над умирающим, парил дракон. Верней, не дракон — драконица, вспомнилось Джаредине; хотя с виду было не отличить. Ее тело было таким же большим и сильным, как и у Дженсена, а может, даже и покрупнее — видать, она была старше. Чешуя отливала холодной бронзой, ярко-алая грива яростно реяла кругом оскаленной морды. Пламя пожарища внизу кидало кровавые отблески на ее чешую, солнечный свет путался в иглах гривы, наполняя облик драконицы страшной, жестокой красой.

И она тоже была не одна. С ней был ее наездник.

— Даниэлланейла! — крикнул вдруг Дженсен, и в крике его было столько горечи, изумления и тоски, что Джаредина вздрогнула, остро ощутив, как рвется возникшая между ними связь, словно он вдруг отпустил Джарединин разум и устремился к той, другой.

Похоже, он ее знал…

Драконица обернулась на крик. С ее оскаленных зубов капала пена, золотые глаза полыхали такой звериной яростью, что Джаредина отшатнулась, на миг ощутив весь тот ужас, который и положено смертному человечку, столкнувшемуся с неистовством охотящегося дракона. Но страх разом прошел, уступив место глубокой, застывшей скорби. Джаредина не сразу поняла, от чего это чувство, а потом осознала, что Дженсен вернулся к ней разумом. Он скорбел, и она скорбела вместе с ним.

— Боги драконьи, — прохрипел он, подаваясь назад и растерянно взбивая крыльями задымленный воздух. — Даниэлланейла… как же так…

Джаредина впилась ему в гриву у самых корней, обдирая ногти о чешую.

— Опомнись! Она убивает! Ты обещал!

Он содрогнулся так, словно она золотым мечом отрубила ему крыло. Горестно заревел, взмывая ввысь, над драконицей, которая сжалась пружиной и оскалилась на него снизу вверх, но пока что не нападала. От нее исходило столько злобы и тьмы, сколько Джаредина не чуяла даже на Ржавом Острове, среди целого полчища обозленных тварей. Но эта тьма не вызывала в ней ненависти… только ужас и жалость.

— Ты не понимаешь, — простонал Дженсен, и, если бы драконы могли плакать, Джаредина подумала бы, что он всхлипнул. — Этот человек на ней… она не нашла своего наездника… она не часть его… она его рабыня!

— Ты не понимаешь, — простонал Дженсен, и, если бы драконы могли плакать, Джаредина подумала бы, что он всхлипнул. — Этот человек на ней… она не нашла своего наездника… она не часть его… она его рабыня!

Драконица вдруг распластала крылья и с ревом выдохнула на них столб пламени.

Дженсен бросил свое огромное тело в сторону, и Джаредину мотнуло, на миг оторвав от него, так что она зависла в небе сама по себе, маленькая и беззащитная, как червячок в птичьем клюве. Но потом ухватилась за реявшие перед лицом зеленые иглы, стиснула колени, заставила себя выровнять дыхание. Драконица неслась за ними, стреляя огненными потоками, а Дженсен убегал, выделывая в небе безумные петли, стараясь на попасть под струю смертоносного дыхания и ничего не предпринимая в ответ. Джаредина чувствовала, как он дрожит под ней, отяжелев всем телом, и понимала, что он действительно плачет.

На какой-то миг он взмыл выше, вне пределов досягаемости дыхания драконицы, и Джаредина улучила миг, чтобы разглядеть ее наездника.

Это был мужчина. Лица его Джаредина разглядеть не могла, видела только, что, как принято у свирепых вирьеррцев, оно сплошь покрыто синими боевыми татуировками. Черные волосы были собраны в хвост за спиной и полоскались по ветру, задевая гребень на драконицыном хвосте. В руке у человека был меч, отливавший золотом.

Но наиболее поразило и испугало Джаредину не это. Мужчина сидел на драконице верхом, но не держался коленями, как Джаредина. Он сидел в *седле.* Огромное, оно было притянуто к туловищу драконицы множеством широких ремней, туго затянутых на ее поджаром брюхе. Пряжки блестели на солнце, как и лезвие меча — они тоже были выплавлены из золота. Ноги наездника были забраны в глубокие стремена и крепко к ним привязаны, спину подпирала

высокая лука, на которую он мог опереться. На стременах виднелись гигантские шипастые шпоры. Левая рука его, свободная от меча, сжимала вожжи, прикрепленные к гриве — не иначе как они держались на золотых крючьях, вонзенных драконице под кожу. Джаредина вспомнила, как страдал Дженсен, даже в человечьем обличье, от своих золотых оков, и поняла, что драконица должна претерпевать ужасную, непреходящую муку. И судя по тому, как уверенно и твердо держался в седле ее наездник, мука эта длилась уже долгое-долгое время.

Вот откуда эта неистощимая злоба, вот откуда эта ненависть, силу которой могла оправдать только столь же ужасная боль. Должно быть, она доверилась этому человеку, а он обманул ее и принудил служить своим целям. Не ведая, что единением и любовью от дракона получить можно куда больше, чем силой.

Дженсен по-прежнему дрожал, глядя вниз, на давнюю свою подругу, корчившуюся от боли и бешенства. Но бешенство это не было направлено на ее наездника. Его она не имела сил ненавидеть больше, так что теперь обращала свою ярость туда, куда он ей велел.

— Она мертва, — прошептала Джаредина, кладя ладонь на блестящую чешую своего дракона и чувствуя, что и ее глаза наполняются жгучими слезами. Его горе было слишком сильно, чтоб она не прониклась им. — Она уже мертва, в ней не осталось ее, ты же сам знаешь… Она теперь просто зверь. Она забыла себя и уже никогда не вспомнит, даже если мы ее освободим. Так давай хоть дадим ей покой.

Это были не ее мысли, а его — то, что он знал, но о чем запрещал себе думать. И когда Джаредина сказала это, ее дракон заревел и, сложив крылья, камнем понесся вниз, выдыхая столб смертоносного пламени.

Джаредине приходилось и прежде худо в полете — поначалу, в их первой схватке, и позже, над Льдистым морем. Но так туго не бывало никогда. Ибо в первом полете ей только и требовалось, что покрепче держаться за гриву и не позволить себя испугать. А теперь ей нужны были руки, чтобы освободить стрелу из колчана, приладить к тетиве, натянуть, выстрелить… Ни седла, ни стремян (хотя одна мысль о них повергала ее в холодный ужас), так что удерживаться на драконьей спине она могла одними только ногами. Хорошо, что они так много летали прежде, она здорово окрепла за эти полеты, бедра ее стали тверды, как кремень, и держали скользкие драконьи бока надежней любых ремней. «Он не позволит мне упасть», — как прежде, подумала она и вздохнула, позволяя этой вере проникнуть в кровь и разнестись по всему телу, прогоняя из него предательское онемение. Ей полегчало, и, вспомнив наказ Дженсена — сосредоточиться на всаднике, а драконицу оставить ему, — вскинула лук и стала искать глазами цель.

А два дракона тем временем отплясывали в небе смертельный танец. Поле внизу затянуло дымом, оставленным сполохами из их разинутых пастей, трава и деревья горели от огненных брызг, долетевших до земли, страшный рев стоял над устьем Златовода, сотрясая берег и вздыбливая огромные волны на всегда спокойной реке. Что думали люди, видевшие их с земли, доводилось только гадать — но верно то, что долина замерла в ужасе, глядя на жестокую схватку двух огромных чудовищ, оседланных людьми. Вирьеррец туго натягивал вожжи, выкрикивал что-то на своем каркающем языке, и драконица шла на новый виток, кидалась в новую атаку, и видно было, что желание жить в ней куда слабее желания убивать. У Дженсена же было все иначе: он хотел жить, и ее смерти не хотел, хоть и знал, что только так принесет ей долгожданное избавление. Порой они сталкивались в небе, обхватывали друг друга лапами, скрежетали когтями по чешуе, рычали, вцепляясь зубами в податливые сухожилия крыльев, — и камнем падали вниз, сцепившись, а потом, когда смерть для обоих казалась неминуемой, разлеплялись и снова уносились к облакам, и все начиналось сызнова. В эти мгновения

Джаредина чуяла вирьеррского всадника совсем рядом с собой, казалось — руку протяни, и коснешься. Она отчаянно целилась, пускала впустую стрелу за стрелой, а он будто не видел ее и рубил своим золотым мечом Дженсеново брюхо, бешено хохоча и выкрикивая победные кличи своей страны.

— Как ты? Больно тебе? — то и дело спрашивала Джаредина, когда они отлетали в сторону, но Дженсен не отвечал, только дышал тяжело, заливая ей ноги густой черной кровью. От драконьей крови у людей остаются ожоги, и Джаредина чувствовала, как идет волдырями кожа у нее на лодыжках и икрах. Но боли не было никакой — быть может, оттого что она слишком остро ощущала его страдание, чтобы за этой бескрайней лавиной различить еще и свое собственное.

Еще одна стрела отскочила от бронзовой чешуи и упала вниз. Джаредина немеющей рукой нащупала колчан. Стрел осталось всего ничего. Вирьеррец хохотал, размахивая мечом над головой, что-то кричал ей, и она знать не хотела что.

— Я не могу в него попасть, пока мы так вертимся, — сказала она на удивление ровным голосом. — Надо, чтобы ты подлетел к ней вровень и хотя бы пять ударов сердца подержал нас так. Сможешь?

— Я не могу в него попасть, пока мы так вертимся, — сказала она на удивление ровным голосом. — Надо, чтобы ты подлетел к ней вровень и хотя бы пять ударов сердца подержал нас так. Сможешь?

— Пять твоих ударов или моих? — прохрипел Дженсен, и с каждым словом из пасти у него брызгала пена, прикрашенная кровью.

— Моих.

— Попробую. Только крепче держись!

Он набрал в грудь воздуху — и пошел на такой вираж, что у Джаредины только ветер завыл в ушах и мир посыпался перед глазами разноцветным битым стеклом. А потом они вдруг вынырнули — и она увидела прямо перед собой драконицын хвост, яростно бьющий по ветру. Пять ударов сердца Джаредины — ровно столько у них и было, пока драконица поймет, что ее обошли с тыла. Дженсен впился зубами ей в хвост, сдавил так, что захрустели, дробясь, позвонки. Драконица издала рвущий уши вопль и, вывернув шею, излила поток пламени прямо на Джаредину.

Джарединин дракон вскинул крыло и заслонил свою наездницу от смертельного жара, принимая все пламя на себя. И тут же стрела, пущенная ею, вошла вирьеррскому наезднику прямехонько в шею.

Наездник схватился за древко, пачкая руки в собственной крови, очумело попытался вырвать стрелу, только сильней раздирая себе жилы. И меч, и поводья он выпустил, и на миг драконица остановилась, словно растерявшись и не зная, что ей делать теперь, когда нежную кожу на ее загривке перестали терзать золотые крючья. Вирьеррец, булькая, завалился на бок, да так и остался криво свисать из седла — ременная упряжь, крепившая его ноги к телу драконицы, и в смерти скрепляя их противоестественные узы. Дженсен не видел ничего этого — он улетал, медленно взмахивая крылами. Левое, обожженное, двигалось тяжело, рывками, от чего плавный прежде полет превратился в неуклюжую тряску.

— Не могу, — прохрипел он. — Не… могу… Джаредина…

— Ну пожалуйста! — взмолилась она, бросая лук в пропасть под ними и обхватывая его шею руками. — Пожалуйста, еще самую малость!

Он тяжко, надрывно вздохнул. И полетел вниз, к земле. Драконица, оставшаяся без наездника, глядела на них сверху, хлопая крыльями и рыча.

— Пожалуйста, пожалуйста, — твердила Джаредина.

Дракон сел на землю, сплошь черную и покрытую толстым слоем пепла, и вильнул задом, небрежно, лениво даже. Джаредина, вконец ослабевшая и измученная, кулем повалилась наземь.

— Уездила ты меня, девушка, — тихо сказал ей дракон и, улыбнувшись вспененным ртом, вновь взмахнул крыльями и с места поднялся в небо.

Джаредина кое-как поднялась на четвереньки — руки-ноги не держали, земля так и прыгала под ней, словно тоже была зверем, норовившим сбросить, — и, задыхаясь от дыма и пыли, вскинула лицо к небу. Оно было черным, мутным, в нем ничего нельзя было разглядеть, только слышно было, что драконы возобновили битву. Но на сей раз она не продлилась долго. Джаредина услышала рык, полный суровой печали — то Дженсен говорил со своей соплеменницей, тем языком, который она только и могла теперь понимать. А вслед за тем — плач, горестный, страшный драконий плач, и Джаредина так и не поняла, кто из двух драконов его изверг, прежде чем все закончилось.

Тело драконицы с гулом пронеслось сквозь воздух и рухнуло в реку, подняв столб воды до самых туч. Джаредина задохнулась, ожидая, что вот сейчас она вынырнет и продолжит борьбу. Но пена улеглась, волны утихли, круги на воде стали сходиться и в конце концов пропали совсем. Златовод поглотил несчастную тварь — отмучилась, бедная.

Джаредина оторвала взгляд от реки и стала искать глазами Дженсена.

Не сразу, но она нашла его. Он летел вниз, медленно, неуклюже — ни дать ни взять крылатая корова. Джаредина засмеялась от радости и побежала по выжженной земле ему навстречу, туда, где он должен был приземлиться.

Но он не приземлился.

Он упал.

Почти до самой земли несли его искалеченные крылья, но потом, видать, совсем отказали. Он сложил их, словно был уже на земле, и врезался камнем, вздыбив тучу грязи, клочьев травы и пепла. Джаредина подхватила мешающую юбку и припустила еще быстрее, так быстро, как только могли ее обожженные ноги. Когда добежала наконец, он уже закрыл глаза и не дышал — огромная, неподвижная туша в яме, выдолбленной ее собственным весом. Джаредина упала на колени перед ним, схватила обеими руками его морду, залитую пеной, с мертво задравшейся верхней губой. С трудом подняла неподвижное веко — глаз под ним совсем потускнел, стал мутным, словно яичный желток. Побледневшая, цвета плесени грива падала ему на шею, точно мокрая пакля, чешуя утратила зеркальный блеск и стала просто черной.

— Не надо, — просила Джаредина, теребя его оскаленную морду двумя руками. — Не надо, что ж ты… зачем же ты…

Наплакавшись, она обмякла, осела на земле, и сидела так, обхватив застывшую морду и

ткнувшись в нее лицом.

Сидела до тех пор, пока за ней не пришли рыцари светлого князя Григаля.

Две седмицы спустя Джаредина, дева-драконоборица, стояла у окна своей горницы в княжьем дворце и смотрела на радостный город Клеменс.

Весела была столица, празднична, увита цветами, пестра от многолюдной толпы, стянувшейся со всех Семи Долин. Большой затевался праздник — праздник окончания войны с Вирьеррой, которую успели уже прозвать Драконьей войной — стремительной и страшной, прокатившейся по цветущему княжеству и оставившей везде, где прошла, пепел и смерть. Почитай, полвека не случалось в Семи Долинах такой беды — а все равно радовались, ибо знали, что, не явись дева-драконоборица и не спаси их всех, не было бы больше Семи Долин, а только одни обугленные руины.

Потому те, кто лишился всего, горевали, а до кого война не успела добраться, те ликовали и радовались. Менестрели наперебой слагали песни о Битве над Златоводом, толпы людей волновались у княжьего дворца, выкрикивая здравицы, а в самом дворце что ни день — то пир горой. Столицу уберегли, и до плодородных полей на востоке вирьеррская тварь добраться не успела, стало быть, не будет голода — а что еще надо?

И все — благодаря ей, дивной, отважной, прекрасной деве-драконоборице.

Джаредина не помнила, как рыцари князя подняли ее с земли и отвезли во дворец. Вроде она просила их, кричала, чтоб не оставляли там Дженсена, чтоб помогли ему, он ведь был еще жив. Но ее не послушали. Она ждала, что по прибытии в город вновь в каземат заточат, как уже было прежде, но вместо этого отнесли ее в просторные палаты, уложили на огромное ложе, созвали к ней суетливых и хмурых лекарей. Дальше совсем не помнила. А когда сполна очнулась — была уже не крестьянской девкой, мельниковой дочерью, а знатной дамой, коей пожаловано дворянство, рыцарство и все мыслимые и немыслимые почести.

Народ говорил: «Ты глянь — ни дать ни взять объявилась у нас еще одна дама Альменара!»

Как только смогла говорить, спросила о Дженсене. Ее не понимали сперва, думали, бредит — она и вправду бредила долго, пропустила все празднества и пиры в свою честь, только от девок, ходивших за нею, узнала потом, какими наградами пожалована. Кое-как добилась от них ответа: что сталось с ее драконом? Оказалось — жив. Она разрыдалась от облегчения и вновь отдалась забытью, не проходившему долгие дни.

Только на исходе второй седмицы смогла наконец, вопреки увещеваниям лекарей, встать и подойти к распахнутому окну.

Из ее горницы была видна площадь перед дворцом, а еще — котлован, вырытый, судя по комьям свежей земли, в считанные дни. Котлован этот был невелик, поменьше обеденной палаты, где пировал князь. И на дне этого котлована Джаредина увидела Дженсена. Он лежал, вытянувшись на влажной земле, раскинув лапы и прикрыв хвостом нос. Крылья лежали не сложенные даже, а распластанные по земле, насколько хватало места — котлован был тесен ему, он едва умещался там, вытянувшись во всю длину. Левое крыло было буровато-сизым — с него слезла почти вся чешуя, и под нещадно палящим солнцем поблескивало голое мясо, прикрытое склизкой темной пленкой. Джаредина подумала бы, что он мертв, и мертв уже давно, если бы не широкий золотой ошейник, охватывающий его исхудавшую шею, и не

толстая золотая цепь, вмурованная в огромный камень, валявшийся рядом на земле. Должно быть, много золотых блюд и иных драгоценных безделиц ушло на то, чтобы выковать эти оковы.

Джаредина схватилась за подоконник, обдирая ногти о жесткое дерево, и свесилась вниз, не веря своим глазам. Да что же это… как же? Будь он при полной силе, да что там, хоть при четверти былой своей мощи — взлетел бы ввысь даже с этим ярмом на шее, разметал бы всех, кто попытался бы его задержать, освободился бы… или просто обернулся человеком — обруч на шее его, даже исхудавшей, был бы слишком широк для человеческой талии. Но он не мог обернуться, разрушительная сила золота сдерживала его, ослабляя еще сильнее, а он и так был едва живой. Вдобавок, словно всего прочего было мало, в края котлована вбили деревянные колья с позолоченными остриями. Острия были изъедены, словно черви точили их многие годы, измазаны черной слизью — видать, дракон все-таки рвался вверх, пытаясь взлететь, но эта последняя преграда окончательно его сломила.

Он снова был в плену у людей — у тех самых людей, которых, рискуя жизнью, спас от страшной беды и полного порабощения извечным врагом. Тех самых людей, в которых разуверился и веру в которых ему вернула его наездница, прекрасная дева-драконоборица, дама Джаредина.

Девушки-служанки, охая, подбежали к ней, вытащили обратно в горницу. Счастье их, что Джаредина была слаба, не то бы пораскидывала к стенкам, не поглядела бы, что девки. Но она еще едва дышала, так что без труда они скрутили ее и водворили назад на постель. Силой заставили выпить какое-то гадкое снадобье, и почти тотчас Джаредину сморило в сон, тяжкий, липкий сон, затягивавший, словно трясина. Ей снился дракон, и полет над стеклянной гладью Льдистого моря, рев волн и ветра в ушах, холод вокруг и обжигающий жар надежного тела под нею. Во сне они летели на Ржавый Остров, и это наполнило ее такой радостью, таким облегчением, что она поддалась мареву сна целиком и наконец-то крепко уснула.

И всей душой мечтала не просыпаться.

Дженсен пострадал ужасно, но и Джаредина — немногим меньше. Руки и ноги ее, а кое-где и остальное тело было сильно обожжено драконьей кровью, и от этих ожогов ее долго и мучительно лихорадило. Но потом она начала поправляться. Позже узнала, что, как только стало известно о нападении Вирьерры на Семь Долин, князь Григаль созвал к себе всех лекарей, ведунов и звездочетов, от придворного магистра до последней лесной знахарки, и повелел им придумать средство борьбы с драконом. Заготовлено было множество золотого оружия — только упиралось все лбом в то, что любой человек при виде дракона в ужасе падал ниц или бежал, а поднять оружие на него не смел. Каким образом от этого глубинного ужаса смог себя оградить вирьеррский всадник, так и осталось тайной — хотя некоторые говорили, это оттого, что вирьеррские колдуны вынули у него сердце и зашили ему в грудь камень, оттого нечему там было сжиматься в ужасе или вздрагивать от жалости. Но как бы там ни было, нынче при княжьем дворе собралось множество сведущих людей, немало знавших о драконах. И когда стало ясно, что дракон, который победил вирьеррскую тварь — это тот самый дракон, который уже был пойман недавно и за которым отрядили деву-драконоборицу, решено было этой зверюге жизнь сохранить. Князь Григаль так и раздувался от гордости — еще бы, единственным стал владетелем на земле, заполучившим себе в зверинец этакую тварь. Кое-как дракона выходили, но порешили держать на привязи, чтобы снова не ополчился на добрых людей. Кто ее знает, эту бешеную зверюгу!

Все это Джаредине, весело щебеча, рассказали ее служанки. А еще сказали, что она, Джаредина, теперь не только народная, но и княжья любимица. Что князю не терпится свидеться с нею и ласковым словом согреть, что подарил он ей уже пять сундуков дорогих

тканей, три соболиные шубы и кедровую шкатулку, полную драгоценностей. И что уже присматривают даме Джаредине достойного жениха из числа самых знатных, богатых и славных мужей во всех Семи Долинах.

Ей говорили, а она не слышала. Она не думала даже о своих отце и матери, оставшихся где-то в иной жизни, так далеко, что и не докричишься туда уже. Ей не надо было ни почестей, ни драгоценностей, ни тем паче знатного мужа. Но то, что ей было надо, никто ей не собирался давать.

Джаредина окончательно поняла это, повстречавшись со светлым князем.

— Да что ты, милая? — удивился тот, когда она рухнула ему в ноги и излила свою сердечную мольбу. — Полно, полно, встань! Это нам всем впору на колени перед тобой падать. Ты слаба еще… да послушай, что говоришь. Как это — отпустить? Ты разве забыла, зачем мы тебя за ним отрядили? Он ведь поля жег и людей воровал — точно как та вирьеррская тварь. Никак хочешь, отведя одну беду, сразу новую накликать?

— Он не станет, — твердила Джаредина. — Не станет вредить, он улетит, и я с ним улечу, никогда больше нас не увидите, только пустите его…

— Ну полно, — сказал князь, самую малость сердясь. — Вижу, не оправилась ты еще сполна от своей тяжкой хвори. Лекари говорят, тут только время излечит. Иди-ка лучше сюда вот, сядь по правую руку от меня, угостись да познакомься со славным рыцарем Ладдеком. Говорит вот, любит тебя без памяти… да и не он один…

И улыбался князь лукаво, и смеялся, и говорил, говорил что-то еще, а вместе с ним — княгиня и весь их двор, так что у Джаредины голова шла кругом от их суетливости, их никчемности, их глупости и их страшного жестокосердия. Но она, как и Дженсен, слишком слаба была, чтобы рвануться с места ввысь, порвать золотые оковы, продраться сквозь заостренные колья. И тогда она наконец поняла, что страшная слабость ее дракона была не столько от ран, сколько от человеческой неблагодарности.

И никакого спасения тут не было.

Дни шли. Празднества кончились, лето сменилось осенью. Дракон в яме у дворцовой площади перестал быть великолепным трофеем и стал просто диковинкой, на которую люди стягивались поглазеть не только со всех Семи Долин, но и из сопредельных княжеств. И впрямь, где еще вблизи увидишь живого дракона? Раны его затянулись, хотя левое крыло так и висело косо, и чешуя на нем нарастала уж больно медленно, точно оно было сожрано лишаем. Но кормили его исправно, сочным кровавым мясом, да и люд, хохоча, частенько кидался в яму овощами и фруктами — не всегда даже гнилыми. Дракон утробно рычал, когда этакий снаряд шмякался и прилипал к его чешуе, а потом слизывал мякоть и обводил пасть раздвоенным языком. Он не мог больше навести на людей страху своими чарами, не мог полыхнуть из пасти горячим пламенем. И не пытался вырваться, даже глаз к небу не поднимал. Если не ел, то просто лежал в яме, вытянув морду, и на веки его прикрытых, тусклых глаз лениво садились жирные осенние мухи.

Джаредина ходила к нему по ночам — днем не пробиться было сквозь толпу. Да и не пустили бы ее. Приставили к ней девок-соглядатаек, и чуть что им не нравилось — кричали, что у девы-драконоборицы опять лихорадка, хватали, в постель волокли, будто для ее же блага… Со временем она научилась их обхитрять, и ночью, когда ее стражницы дружно похрапывали, тихонько спускалась из окна по свитой из простыней веревке и подбиралась к краю котлована.

Когда она подошла туда в первый раз, ее ужаснула адская вонь, несущаяся из ямы. Но еще больше ужаснул вид дракона вблизи. Даже издали ясно было, что плохо дело, но как плохо — она только тогда поняла, когда вдохнула запах его болезни и его отчаяния. Чешуя, там, где сохранилась, так и осталась черной, луна и звезды больше не отражали в ней свое серебристое сияние. Грива совсем помертвела, ни одна иголочка не шевелилась. А хуже всего был запах — тот самый, который чуяла Джаредина от драконицы, когда Дженсен сцеплялся с нею в небе. Запах боли и гнева, столь сильных, что от них меркнет разум.

— Дженсен, — окликнула его Джаредина, сперва мысленно, потом вслух, потом еще погромче.

Он не сразу, но отозвался — шевельнулся, двинув ухом, дернул хвостом, медленно приоткрыл глаза. И когда Джаредина заглянула в них, пытаясь возобновить с ним душевную связь, то чуть не отшатнулась, едва удержав горестный крик. Глаза у ее дракона стали мутными, и на душе у него было так же мутно: в его взгляде не было больше той ясной, отчетливо человеческой мысли, которая так пугала в нем обычных людей и которая заворожила и привязала к нему когда-то его наездницу. Разум еще теплился в нем, еле-еле, точно остывающие угли на пепелище, и Джаредине удалось зацепиться за него краешком своего разума — уцепиться и закричать, завопить изо всех душевных сил:

«Не уходи! Останься со мной! ОСТАНЬСЯ СО МНОЙ!»

Он ответил ей. Она услышала мысли, человеческие мысли — о боли, о страхе, о непреходящем голоде (ему очень мало было того, что ему бросали), о ненависти к жалким червякам, засадившим его в эту тесную, вонючую яму, и о желании смерти — для них и для себя, но прежде для них. Как хорошо было бы вонзить в них зубы, откусить половину тела, так, чтобы кровь хлестала прямо в глотку, вечно сухую от жажды, напиться всласть, а там вырваться и жечь, жечь, жечь, рвать, убивать и есть, спать, летать и опять убивать и есть, и снова летать…

Джаредина слушала, леденея всем телом, так, что немели ноги, покрытые шрамами от волдырей. Это были мысли-слова, мысли человека, обладающего рассудком — но почти полностью утратившего человеческий облик. Так, должно быть, происходило это с драконицей Даниэлланейлой? Сперва обида и изумление, потом — боль, потом — желание мести, потом жажда свободы и крови, потом только крови… И далек ли тот час, когда это желание не сможет более облечь себя в слова, а станет просто животной тягой, неотличимой от той тяги, которая движет волком, медведем, стервятником? Долго ли до того, как дракон окончательно утратит то, что делало его наполовину человеком, и станет просто зверем?

Она опять позвала его по имени, пытаясь напомнить ему этим, удержать его. Он оторвал морду от лап, посмотрел на Джаредину снизу вверх и зарычал, тихо и утробно. И тогда она поняла, что, хотя в мыслях его еще сохранились проблески разума, говорить, как человек, он уже не может.

Но она не собиралась столь легко его отпускать.

На вторую ночь раздобыла топор, спрыгнула в яму, оцарапав бока о торчащие колья, стала рубить золотую цепь… Да только цепь оказалась выкована на совесть — кузнецы переплавили золото с булатной сталью, чтоб понадежней и чтобы не разрушило ее драконье огненное дыхание. Дженсен лежал и безучастно смотрел, как она тщетно бьется над его оковами, точно муха в стекло. А Джаредина дорого заплатила за неудавшуюся попытку — услышали ее, тотчас схватили, вытащили из ямы, да чуть не запроторили в приют для умалишенных, так всех напугала. Спаслась только тем, что тут же, не сходя с места, пообещала выйти за рыцаря Ладдека. Хоть и знала, и все знали, что любит он совсем не ее, а ее славу да богатое приданое,

обещанное за ней князем.

Но до свадьбы жила еще во дворце Григаля и каждую ночь бегала к яме — не затем теперь, чтоб попытаться освободить дракона, а только чтобы не дать ему окончательно утратить человеческое в себе. Она говорила с ним шепотом, пела ему песни, которыми во младенчестве ее баюкала мать, рассказывала о местах, в которых успели они побывать и в которые он обещал отнести ее на спине, как выполнит она свой долг перед родным краем. И еще говорила, как он красив, как свет играет на его сверкающей чешуе, и как блестят его золотые глаза, и как расправляются могучие крылья, и как ямочки вырисовываются на щеках от улыбки, и как солнце золотит веснушки у него на носу, и русые его волосы треплет ветер. Дженсен слушал ее, не отрывая морды от лап, и редко-редко вздрагивали его кустистые зеленые ресницы, словно он хотел проснуться и не мог.

Время шло к зиме. По ночам края котлована сковывала изморозь, и Джаредина, вставая над ямой на колени, царапала об нее руки. Она знала, что близится конец всему, что скоро она уже не сможет сюда приходить. И отчаяние придавало ей новых сил, для последнего, самого последнего рывка.

— Как бы хотела я снова оказаться с тобою на твоем острове, среди бурых камней и мха, меж твоих нелюбезных сородичей. Они бы нас сторонились, но ничего, мы бы с тобой ту пещерку обжили и славно бы там дни коротали вдвоем. Я бы выложила из камней печь, из мха и шкур выстелила постель, жарила бы тебе мясо на крытом огне… А на рассвете, когда все твои сородичи спят, ты бы оборачивался человеком и обнимал меня. Мы бы тихонько сидели, никто бы из твоих ничего не заметил. А ты бы помнил, я бы помнила, и мы бы прикинулись, будто в мире и нет людей, кроме нас с тобой, вот этих всех, кто тебя погубил — их вовсе нет и не было никогда… только я да ты…

— Шер… рер… рррра, — прохрипел вдруг дракон и открыл глаза.

Джаредина вскинулась. Что это, что он сказал?! Хотя походило это больше на невнятное драконье рычание, чем на людскую речь, но… может, то был не ее язык, а какой-то другой?

— Шерррреррррраааа, — рыкнул он снова и, сердито выпустив ноздрями пар, глянул на нее снизу вверх — поняла, мол, нет? Ну до чего же глупая, бестолковая девка!

Шеррера!

Бурый мох, покрывающий каждый камень на Ржавом Острове, тот самый мох, о котором Джаредина сейчас, точно полоумная, всякие бредни твердила, заговаривая и Дженсена, и себя. Когда они прилетели на Ржавый Остров, дракон только пару клочков этого мха глотнул — и мигом силы к нему вернулись! А когда обратно летели, Джаредина мха полную котомку надрала. И кормила им Дженсена весь полет — меньше, чем мясом, только когда видела, что он устал, а отмели, чтобы присесть и дух перевести, до самого горизонта видно не было. Когда они прилетели в Семь Долин, мох еще оставался на дне котомки, немного, но на раз сил подкрепить точно хватит… Раны у Дженсена уже совсем затянулись, все, чего ему недоставало сейчас — это сил. Сил и воли вырваться из своей проклятой тюрьмы.

Да где, всеблагие боги, где теперь те клочки бурого мха? Где та котомка?

— Сейчас, — сказала Джаредина и, задыхаясь, вскочила на ноги. — Я сейчас… ты только… я мигом.

Девка-соглядатайка мирно посапывала в опочивальне — и обомлела, когда Джаредина сжала

ее цыплячью шейку да тряхнула как следует, знаком веля молчать и слушаться. Сил у Джаредины теперь тоже прибавилось: пожалуй, что стало, как прежде, когда жернова на мельнице с отцом ворочала. Вытрясла она из перепуганной девки правду — мол, ту котомку, что при Джаредине была, когда ее во дворец принесли, забрал какой-то лекарь. А какой? Длинный такой, сутулый, нос крючком, глазки недобрые, и пятно родимое на лбу, словно отметина самого черта.

Джаредина вмиг узнала Зверка, звездочета Холлхаллского владетеля Эльдака. И верно — раз все, кто хоть что-то смыслил в драконах, были созваны в Клеменс, не диво, что и он явился на зов.

А дальше было легко. Люд во дворце так привык, что дева-драконоборица решительным шагом по галереям ходит, что только взглядами ее провожали, не чиня препятствий. Так и добралась до башенки, где жили пришлые лекари — молилась только, чтобы Зверк еще не успел домой в Холлхалл убраться. Не успел. Шейка у него была хоть и пожилистей, чем у девки-соглядатайки, а такая же щуплая. Крепкие руки наездницы на драконах быстро заставили его говорить — и указать, где лежали остатки чудесного мха, которые он позаботился извлечь из потертой котомки.

— Им золотуху лечить можно! И рыбий глаз! И проказу! — кудахтал Зверк, но Джаредина его отшвырнула в угол, точно котенка, и вытряхнула себе в подол из глиняного горшочка остатки сухого мха. Совсем крохи там остались, но она надеялась, что этого хватит. Показала Зверку кулак — мол, пикни только, — и под его испуганным взглядом вышла прочь.

И пока шла, не сознавала, что люди, прежде считавшие ее полоумной, нынче от нее пятятся и глядят раболепно, словно она и сама — дракон.

Уже занимался рассвет, на площади перед дворцом становилось людно. Джаредина подбежала к краю ямы и нагнулась над ней, протягивая в сложенных ладонях драгоценное снадобье. Дракон поднял голову на раскачивающейся шее, посмотрел на нее полуслепыми, закисшими желтыми глазами. И разинул пасть.

Сушеный мох просыпался на его бледный язык — тихо-тихо, точно песок в часах.

Дракон закрыл пасть и глотнул. Потом вздохнул оглушительно, так, что в утробе его низко зарокотало. И медленно, медленно поднялся на все четыре лапы — впервые за эти долгие, полные страданий месяцы.

Джаредина ухватилась за кол, вбитый в край ямы. Держался он только на сбитой земле, разрыхлившейся и размякшей за время осенних дождей. Поднатужилась, потянула, клочья грязи посыпались в яму, а следом за ними рухнул и кол, утонув позолоченным наконечником в нечистотах. Джаредина схватилась за другой — и он продержался не дольше первого.

— Ну давай же. Сейчас они заметят. Улетай. Улетай!

И кинулась на другую сторону ямы, хватаясь за третий кол…

Дженсен, шатаясь, попытался расправить крылья. Простора на это у него толком не было, и крылья скребли по стенам его темницы, но в конце концов он распрямился, а к тому времени вниз рухнул и третий кол. Джаредина не рассчитала сил и упала следом, съезжая в яму по мокрой земле. И успела увидеть, как отталкиваются от дна когтистые лапы, унося за собой и дракона, и грязный камень на золотой цепи.

Над площадью поднялся крик. Он нарастал, ширился, и с ним вместе расширялись круги, которыми дракон поднимался к небу. Где-то тревожно забухал колокол, затопали десятки ног, но Джаредине до них не было дела. Она откинулась на спину в яме, где люди, которых она спасла, так долго гноили ее любимого. И, лежа, смотрела в серое небо, на черное создание, выписывающее петли под сизым навесом туч, режущее небеса раскинутыми во всю ширь огромными крыльями.

Когда он наконец сгинул, скрылся из виду, она вздохнула и закрыла глаза. А когда на лицо ей посыпалась земля, подумала: и славно, и хорошо, так и останусь тут — больше-то идти все равно мне некуда. И земля тут еще нагрета жаром его большого сильного тела.

— Эй, девушка…

Хриплый голос, еще не такой раскатистый, как прежде, но снова вполне человечий, заставил ее распахнуть глаза. Длинная черная морда заглядывала в яму и улыбалась сверху вниз, даром что кругом топало, громыхало, кричало, бесилось злое и никчемное людское море…

— Ну? Полетишь со мной? Или как?

Джаредина улыбнулась в ответ и протянула к нему свои грязные, обожженные руки.

Говорят, что на самом краю обжитого мира, ровно посередине между княжеством Семи Долин и Ржавым Островом, на южном берегу Льдистого моря стоит домик, сложенный из известняка и обломков скал. В домике этом живет пожилая женщина, и как давно она там живет — о том никто точно не скажет, только деды говорят, что, когда были они мальчишками, она уже там жила и выглядела немногим моложе нынешнего. Домик стоит на утесе, отделенном от суши глубокой расщелиной, неприступный и с моря, и с берега. Но порой эту женщину видят в деревне, стоящей верст за сто от сурового берега. Она берет у селян шерсть для пряжи, муку, овощи и молоко, а взамен дает порошок из дивной травы, излечивающей любую хворь. А где растет та трава — никто, кроме нее, не знает.

Говорят, что на самом краю обжитого мира, ровно посередине между княжеством Семи Долин и Ржавым Островом, на южном берегу Льдистого моря стоит домик, сложенный из известняка и обломков скал. В домике этом живет пожилая женщина, и как давно она там живет — о том никто точно не скажет, только деды говорят, что, когда были они мальчишками, она уже там жила и выглядела немногим моложе нынешнего. Домик стоит на утесе, отделенном от суши глубокой расщелиной, неприступный и с моря, и с берега. Но порой эту женщину видят в деревне, стоящей верст за сто от сурового берега. Она берет у селян шерсть для пряжи, муку, овощи и молоко, а взамен дает порошок из дивной травы, излечивающей любую хворь. А где растет та трава — никто, кроме нее, не знает.

И никто не знает, что у этой женщины трое детей — двое мальчишек и девочка. То не первые ее дети, многие уже выросли и покинули отчий дом, но бабье дело известное — знай нарожала новых. На рассвете все трое выходят на край утеса, над беснующимся внизу прибоем, и оборачиваются драконами. Они делают это медленно, будто нехотя, совсем не так, как их отец — он говорит, это оттого, что они были зачаты человеческой женщиной и родились людьми. Но когда тела их обретают древнюю, с кровью в них запечатленную память, пропадает из них и неуклюжесть, и лень. У мальчиков, близнецов, темно-синяя чешуя, у младшей девочки — молочно-белая, и дивно играет на ней по ночам лунный свет. Молодые драконы резвятся, крутясь и играя над неспокойным заливом, и мать их хмурится, наблюдая за опасной

игрой — такой, какая достойна их жгучей крови. Отец их летает рядом, следит за сорванцами, не допуская беды. А когда притомится — годы берут свое, — то опускается на утес и, как прежде, в мановение ока оборачивается высоким статным красавцем с побитыми проседью русыми волосами. Его наездница кладет ему на плечо курчавую голову, и они сидят на крыльце, глядя, как расцветает у них на глазах новый день драконьего племени. Их младшие дети долго еще не узнают, что там, совсем рядом, таится огромный мир, что он враждебен, прекрасен, зол и достоин жизни, ибо дал жизнь и им тоже. Это трудная и болезненная истина, и не пришел еще день, когда их отец и мать поведают им ее: поведают о людях и драконах, о человеческом в драконе и о зверином в человеке. То будет позже, много, много позже, а пока крестьянка и дракон сидят рядом и смотрят на юные беспечные создания, что вьются и смеются над бушующими волнами, и солнце отливает радугой в их зеркальной сияющей чешуе.

Александр Сивинских

КУЧУМ[8]

Цеппелин на вершине причального шеста переливался как елочная игрушка. В серебряном боку отражалось облако, похожее на истощавшего до последней степени крокодила, а в брюхе — мама и дядя Матвей. Мама и там была красавица, а дядя Матвей — гигант и атлет. Я тоже отражалась, но неудачно. Большая часть отражения приходилась на алый, светящийся изнутри плавник, отчего зеркальная Виктория была кособокой, будто полиомиелитный негритенок из деревни Наших Новых Соседей. Сцевола, разглядевший это первым, до сих пор не мог успокоиться, хохотал и катался по траве. Былинки проходили сквозь полупрозрачное тельце, даже не колыхнувшись. Только пушистые головки одуванчиков едва заметно шевелились. Но, может, это от ветерка — Сцевола, как-никак, абсолютно бесплотный. Какой при этом ухитряется издавать звуки, часто препротивные, ума не приложу.

Я украдкой (нужно было изображать пай-девочку, которую не страшно оставить на недельку одну) показала дымкролу кулак. Погоди, скоро разочтемся.

Дядя Матвей мой жест заметил, но виду не подал. Мы были с ним сейчас заодно. Ему в свадебном путешествии вряд ли нужны спутники помимо молодой жены. Да и мне вовсе не улыбалось отправиться с ними. Постоянно наблюдать, как они лижутся, и чувствовать себя третьей лишней — спасибочки! Хотя суточный полет на цеппелине, в конце которого — Курилы, приключение, конечно, высший класс. Вулканы, гейзеры, седой грозный океан… и ни одного Нашего Нового Соседа. Чернокожие почему-то не желали там селиться — ни при каких условиях. Наверное, лава, пепел и серный чад чересчур живо напоминали им о пепелищах родимой Африки.

— Виктория, — сказала мама таким непривычно мягким тоном, что у меня запершило в носу и защипало в уголках глаз. Я моргнула и насколько могла непринужденно улыбнулась. — Виктория, мы с папой последний раз предлагаем тебе лететь с нами.

— Мамочка! — начала я так, словно сейчас закачу получасовую прощальную речь со слезами, но тут же отрезала: — Нет.

— Хорошо. — Показалось мне, или мама в самом деле облегченно выдохнула? — Стало быть, наказы остаются прежними. Во всем, что касается распорядка дня и учебы, ты беспрекословно слушаешься Глашу и Трофима Денисовича. За пределы усадьбы выходишь только в сопровождении Кучума. Особенно когда захочешь прогуляться в направлении негритянской деревни.

Мама упрямо не желает говорить Наши Новые Соседи. Предпочитает платить ежемесячный штраф за нетолерантность, но называть негров неграми, китайцев китайцами, а евреев евреями. По-моему, зря. Лучше бы эти средства на что-нибудь полезное истратила. Например, на подружку для моего Сцеволы. Очень хочется посмотреть, как у дымкролов обстоят дела с любовью.

— Ну и все, пожалуй. Иди, я тебя поцелую.

— Счастливого пути, мамочка, — пролепетала я, подставляя маминым губам щечку. — Счастливого пути, папочка!

У дяди Матвея порозовели от удовольствия мочки ушей. Он неловко чмокнул меня в макушку, а через секунду уже подсаживал маму на первую ступеньку трапа. Потом запрыгнул сам. Трап, хоть и выглядел хрупким, принял его, не скрипнув, не покачнувшись. А ведь дядя Матвей — самый большой человек, какого я встречала в жизни. Мама рядом с этим исследователем приполярных болот выглядит прямо-таки Дюймовочкой.

Трап пополз вверх, из гондолы полилась торжественная и одновременно веселая музыка. В бортах открылись люки, оттуда выдвинулись жерла крошечных пушечек и начали палить во все стороны, разбрасывая конфетти. Похожее на тощего крокодила облако напугалось канонады и превратилось в стайку пушистых обрывков. Впечатлительный Сцевола зарыдал.

Дирижабль оторвался от причального шеста и, продолжая сорить разноцветными, быстро тающими в воздухе кружочками, поплыл на восток.

Наши домашние буратины, Глаша и Трофим Денисович, прощально замахали деревянными ладошками, а дяди Матвеев Кучум издал возглас, напоминающий рев сирены и застучал друг о друга кончиками рогов. Сейчас на них были надеты толстые, ярко-желтые резиновые пробки, поэтому звук получился чудной — как будто кто-то изо всей силы аплодирует маминому и папиному отбытию.

Я поймала себя на мысли, что впервые назвала дядю Матвея папой — не для маминого или его собственного удовольствия! — и хмыкнула. Это следовало серьезно обдумать, а где лучше всего думается, как не в маленькой уютненькой лесной избушечке, построенной собственными руками?

Спутники в путешествии мне были решительно не нужны, поэтому я сделала вид, что расплакалась и помчалась в свою комнату. С мамой такой трюк не прошел бы, но буратины — другое дело. Глаша прижала ладошки к щекам и закачала головой, жалея ребенка. Могу поспорить на любое ухо или глаз Сцеволы, что как минимум час она не решится потревожить мое грустное уединение. Трофим Денисович, глядя на нее, тоже закряхтел в великом расстройстве, а Кучум… Разве что-то разберешь на деревянной морде чужого буратино — будь она даже размером с кабину автобуса?

В комнате я первым делом заперлась, после чего вытащила из-под софы лопатку. Лопатка у меня замечательная, с титановым, хорошо отточенным штыком (сейчас зачехленным) и крепким черенком. Ею можно не только копать, но и рубить нетолстые ветки, крапиву и колючие головы репейникам. А также гвоздики забивать — если приноровиться. Можно сказать, что избушечку свою я построила исключительно ею. Спасибо Трофиму Денисовичу, из чьего хозяйственного сарайчика я ее крайне ловко стянула в начале весны.

Потом я уложила в рюкзачок бутылку воды, пакет крекеров, монтажный скотч и рулон пленки анизотропной прозрачности, чтоб соорудить в крыше окошечко. Сцевола, проскользнувший в

щелку под дверью, скакал вокруг меня, так откровенно радуясь предстоящему походу, что я передумала наказывать его. В конце концов, отражение на боку цеппеллина было и в самом деле потешное.

С домиком было что-то неладно — я поняла это сразу, едва его увидела. И пусть внешне все было нормально, однако острые коготочки тревоги царапнули под мышками, проехали по спине и чувствительно вонзились в попу. Я в один миг сбросила рюкзачок и, перехватив поудобнее лопатку, двинулась разбираться. Через несколько шагов стало ясно, что меня насторожило — от избушки явственно тянуло табачным дымом. Затем послышались голоса. Два мальчишеских голоса. Потом я увидела разорванную пленку на окне, а через дыру — невозможную картину. Маленькая мерзкая тощая обезьяна спускала штаны и пристраивалась в углу под гамаком с вполне определенной целью.

Я ворвалась в домик, точно демон возмездия. Близнецы Олубару завизжали в диком страхе. Тот, что без штанов, опрокинулся назад и закрыл лицо руками. Второй попытался прорваться мимо меня наружу, но налетел ухом на черенок лопаты и, вращаясь волчком, укатился назад.

А после я их лупила. Любо-дорого вспомнить, как я их лупила. Все тем же черенком лопатки. Тощий успел-таки навалить под гамак, и это взбесило меня просто нечеловечески. Я метелила их так, будто хотела убить. Да что там! — я в самом деле хотела убить этих маленьких черномазых засранцев; Наших, ни дна им ни покрышки, Новых Соседей; погорельцев, сердобольно принятых в уютный домик и начавших в нем признательно делать кучи по углам.

Наконец я выдохлась. Близнецы Олубару скулили, растоптанная мерзость смердела, на обрывке оконной пленки раскачивался Сцевола и смотрел на меня огромными испуганными глазами. Еще бы — маленькая миленькая девочка в роли истязательницы негритят повергнет в ужас кого угодно.

Отведя взгляд от дымкрола, я приказала близнецам навести порядок. И пусть мне это было уже не нужно, возвращаться в изгаженный домик я не собиралась больше никогда, но… дело принципа. Напачкал — убери.

Тихонько подвывая и поминутно величая меня доброй белой госпожой, побитые Олубару стали заниматься тем, что, по их мнению, должно считаться уборкой. Смотреть на это было тошно, я плюнула и ушла.

Позабыв про рюкзачок, я брела в сторону дома. Ноги дрожали. На сердце было гадко. Куда гаже, чем в избушечке. Слезы потекли сами собой. Мне вовсе не хотелось плакать, а они текли и текли, превращая мир во влажную хлюпающую муть. Поэтому Кучума я разглядела, только упершись в него носом.

— Отвела душу? — пророкотал он и соорудил из пальцев подобие насеста с лесенкой. — Присаживайся.

Я вскарабкалась по «ступенькам» и уселась, пригорюнившись. Против ожиданий сидеть оказалось довольно удобно. Поверхность насеста была теплой и слегка пружинистой.

— Что прикажешь с тобой делать?

— Отшлепай, — обреченно предложила я.

Скосила глаза на его пальцы. Страшенные когти, которыми в экспедициях дяди Матвея Кучум роет бывшую вечную мерзлоту и отбивается от белых медведей, были защищены такими же пробками, как рога. Интересно, мелькнула мысль, зачем ему рога? С кем сражаться? Неужели Глашина болтовня о том, что вместе с мерзлотой оттаяли гигантские доисторические чудовища, правда? Или прав Трофим Денисович, утверждающий, что из Ледовитого океана на сушу полезли звери, каким нет названия? Да нет, чепуха. Скорее всего это антенны. Или место для багажа.

— Отшлепать — слишком просто, — возразил буратино. — Дело-то вырисовывается нешуточное. Расизм с отягчающими обстоятельствами.

— Какими еще отягчающими?

— Ну, ты же приказала им называть тебя белой госпожой.

— Вранье! — возмутилась я. — Они сами начали.

— Так ведь ты не возражала.

Я шепотом выругалась. Совсем не по-детски. Обвинение в расизме — очень, очень плохо. Штрафами как за нетолерантность не отделаешься. Если расизм доказан, провинившихся взрослых лишают части гражданских прав. А подростков, между прочим, невинности. Что, по сути, то же самое. Заключить брак почти невозможно, к избирательным урнам не допускают. А ведь каждое пропущенное голосование — отрицательные баллы в социальной карте. Худшее медицинское обслуживание, ущербное образование и так далее. По телику о таких случаях постоянно рассказывают.

Правда, двенадцати мне еще нет, так что, глядишь, обойдется…

— Придется сообщить родителям, — прервал Кучум мои горестные размышления.

— Только попробуй! — окрысилась я.

— А что произойдет? — заинтересовался он.

— Посажу в ухо жука-дровосека, — мрачно пообещала я. — Он прогрызет ушную мембрану, проберется в голову и отложит яички в твой деревянный мозг. Вскоре из них выведутся личинки и начнут жрать все подряд. Сдохнешь в страшных мучениях!

На наших домашних буратин такая угроза оказывает самое ошеломительное действие. Помню, когда я первый раз пообещала Глаше посадить в ухо короеда, она так перепугалась, что полмесяца тайком от мамы таскала мне шоколад, ореховую пасту, зефир и чипсы. А потом у меня высыпала аллергия, и счастье чревоугодия кончилось.

— Пф! — пренебрежительно выдохнул Кучум.

Поток воздуха из его пасти сдул Сцеволу, задремавшего у меня на плече, и пощекотал волосы на шее. Дыхание буратины пахло свежими опилками.

— Что фыркаешь, как конь? — Я подставила кувыркающемуся в воздухе дымкролику ладошку. — Испугался?

— Вот еще. Чего бояться-то? Далеко твой жук не уползет.

— А кто его задержит? Может, у тебя в башке дятел живет?

— Дятла нету, а человечек есть. Мальчик-с-пальчик. С мухобойкой. Как раз на такой случай.

— Во ты врать здоров! — восхитилась я. — Думаешь, если с ребенком беседуешь, так можно всякие небылицы плести? Да мне точно известно, что внутри у буратин. Никаких человечков, одни шестерни, тяги и ремни. И чуточку целлюлозных мозгов.

— Не хочешь, не верь. — Кучум пожал глыбообразным плечом и мечтательно добавил: — А вот как раз ремень сейчас не помешал бы. Хар-роший такой солдатский ремешок. Ну ладно, это дело мы отложим на недельку, до возвращения родителей. — Он поднялся на ноги, да так плавно, что я даже не покачнулась. — Будем надеяться, что мальчики постесняются рассказать, как их поколотила белая девчонка. Идем домой, пока Глаша не забеспокоилась.

— Идем, — согласилась я.

Дома я до самого вечера вела себя тише воды, ниже травы. Покорно кушала что дадут, занималась уроками, сколько полагается, телик выключила по первому требованию Трофима Денисовича. В постель легла ровно без четверти десять! Сцевола, как водится, начал скакать по кровати, но я его не поддержала. Он от изумления полиловел и спрятался среди игрушек.

Мне не спалось. Я лежала и фантазировала. Представляла то серебристый свадебный цеппеллин, торжественно проплывающий над цветущими мандариновыми плантациями Приамурья — внутри гондолы повзрослевшая Виктория и какой-то высокий и стройный юноша с развевающимися черными волосами. То себя теперешнюю с альпенштоком, мужественно заглядывающую в самое жерло Толбачека. То спускающуюся с неба гигантскую летучую тарелку, в которую садятся Наши Новые Соседи, чтобы навсегда улететь в другую галактику.

Около половины одиннадцатого в окне нарисовалась гигантская морда Кучума. В уголке рта была зажата кувшинка, с рогов свешивались пряди водорослей. Сначала буратино вел себя тихо, но, разглядев, что я не сплю, запыхтел.

— Это тебе, Виктория, — пробормотал он, не разжимая похожих на толстенные доски губ. Получилось что-то вроде «эо ее иоия».

Я прыснула, соскочила с кровати, взяла кувшинку и неожиданно для себя чмокнула его в пахнущий влажным деревом нос. Кучум со стуком моргнул зелеными глазами и пожелал мне покойных снов.

Разбудил меня шум. Очень неприятный шум. Как будто во дворе что-то рубили, ломали. Потом зазвенело бьющееся стекло, и скрипучий голос Трофима Денисовича умоляюще воскликнул:

— Прекратите!

Ответом ему был дикий визг множества глоток. Снова зазвенело стекло, и почти сразу по потолку спальни загуляли отсветы пламени. Я соскочила с кровати, на цыпочках подбежала к окну и осторожно выглянула. По двору метались полуголые, блестящие от пота люди. Черные. В руках у некоторых были факелы, у других — большущие ножи-мачете. Двое обладателей мачете с хохотом рубили застывшего в нелепой позе Трофима Денисовича. Садовник был буратино старой конструкции, полностью дубовый, и работа у них продвигалась медленно.

Меня затрясло. Больше от ярости, чем от страха. Добраться до маминой комнаты и вскрыть оружейный шкаф было делом одной минуты. Когда я выскочила в коридор, волоча тяжеленную двустволку, туда же вывалились из кухни два заливисто ржущих Наших Новых Соседа. Тумаками и пинками они гнали перед собой Глашу. Левая рука у нее была сильно обуглена, правая болталась на какой-то веревочке.

— А ну, отойдите от нее, — приказала я.

— Ай-ай-ай, какайя плёхайя ребенк'а! — заверещал худой как скелет негр с непропорционально огромной головой. — Сначала биля палком маленьких Олубару, чичас хочешь стреляйть больших Олубару? Олубару будет наказывать плохайя белайя расистк'а. — Он, вихляясь, двинулся ко мне.

— Наказалку подрасти, — процедила я и потянула спусковые крючки. Оба враз.

Отдача выворотила ружье из рук.

Большеголовый Олубару молчком рухнул на пол. Одной ноги ниже колена у него попросту не стало. Другой Наш Новый Сосед исчез так стремительно, что я не успела заметить, в каком направлении. Да мне и не до того было — мозжащими пальцами я перезаряжала двустволку.

— Виктория, — проговорила вдруг строгим голосом Глаша. — А ну-ка, немедленно отнеси ружье на место. Тебе нельзя…

Обогнув бормочущую деревянную дуру, я выскочила во двор. Изрубленного Трофима Денисовича как раз закончили поливать какой-то маслянистой жидкостью. Мелкий негр, наверно, мальчишка, ткнул в него факелом. Садовник вспыхнул — сразу весь. Я с натугой подняла тяжелые ружейные стволы, положила на перила лестницы, прицелилась.

Тут-то мне и засветили по затылку.

Самым лучшим было бы, если б я от удара потеряла сознание и не видела всего ужаса превращения нашей прекрасной столетней усадьбы в хлам и головешки. Но голова моя оказалась чересчур крепкой, поэтому я лежала, завернутая в портьеру, и видела такие ужасы, о которых нельзя даже помыслить одиннадцатилетней девочке, любящей свой дом. А еще я думала о Кучуме. Думала нехорошо. Куда девался он, такой огромный и сильный, умеющий сражаться с дикими зверями и ворочать неподъемные тяжести, в то время когда нужен больше всего? Я знала, конечно, что ни один буратино не способен причинить вред человеку, но ведь расшвырять-то черных громил, прогнать прочь — хотя бы оглушительным ревом — он мог бы? А он струсил. Удрал.

Устав ломать, жечь и плясать, Наши Новые Соседи собрались вокруг меня. Их оказалось не так и много, всего-то шестеро. Пятеро мужчин и тетка. Тот коротышка, поджегший Трофима Денисовича, был вовсе не мальчиком. Не то карликом, не то пигмеем и вдобавок, похоже, главным. Во всяком случае, у него единственного был при себе пистолет.

— Ну что, маленькая негодница, — сказал он очень чисто и растянул не по-негритянски тонкие губы в зловещей улыбочке. — Видишь, как мы наказываем белую мразь за причиненное унижение? А ты, небось, думала, что мы побежим ябедничать в комиссию по правам переселенцев, будем год ждать решения и удовлетворимся мизерным штрафом или информацией о том, что вам запретили кушать свежую осетрину? Не-ет, нас такой ход вещей

не устраивает. Мы пришли сюда не гостями и не соседями. Хозяевами, розовая пышечка, хозяевами. — Пигмей что-то каркнул по-своему, негры торжествующе завыли. Он присел на корточки и провел пальцем по моему лицу. Палец был сухим и горячим. — Жалко, что здесь нет твоей мамочки. Молодая здоровая белая женщина кое-где ценится буквально на вес золота. Но и здоровая девочка сойдет. Ведь ты здоровенькая, да? Наш колдун будет безмерно рад такому отменному материалу.

— Ты правильно жалеешь о мамином отсутствии, — прошипела я. — Будь она здесь, вы бы все уже валялись на леднике с полными животами картечи. Но она вернется.

— Мне стало страшно, розовая пышечка, — сказал коротышка и, кривляясь, вытаращил глаза.

— Будет еще страшней, — пообещала я. — Намного страшней. Прямо сейчас.

В этот момент закричал первый негр.

Наградив меня кувшинкой, Кучум двинулся в деревню Наших Новых Соседей (или теперь уже врагов?) улаживать конфликт. На собственный дар убеждения он не слишком рассчитывал, поэтому прихватил с собой несколько драгоценных камушков из геологической коллекции дяди Матвея. В конце концов, решил буратино, добрососедские отношения дороже любых алмазов и изумрудов.

Встретили его радушно, от подарка долго отказывались, но после обещания принести еще столько же приняли. Затем повели показывать местные достопримечательности — раз уж отведать угощений и выпить примирительную чашу он не способен. Куда вели на самом деле, Кучум понял лишь тогда, когда провожатые шустренько разбежались в стороны, а из стоящей на отшибе хижины выдвинулся ствол безоткатного орудия.

Быстрая реакция (насколько определение «быстрая» применимо к деревянной туше почти три тонны весом) уберегла его от попадания в голову, но не спасла совсем. Снаряд раздробил задние конечности и повредил вестибулярный механизм. К счастью, заряд для орудия был только один. А может, Наши Новые Соседи, видя, что передвигаться Кучум все равно не способен, решили сэкономить дорогие выстрелы. Издалека забросали бутылками с маслом, подожгли и оставили догорать.

Будь он обычной деревянной куклой вроде Глаши, тут бы ему и пришел конец. Однако для приполярных экспедиций выращивают эксклюзивных буратино. С возможностью самовосстановления в полевых условиях. Быстро починить раздробленные задние ноги он, конечно, не мог, но наскоро отремонтировать гироскопы — вполне. Потом было важно только одно — успеть. Он зубами сорвал пробки с когтей и пополз. Сначала к речке, чтоб загасить пламя, а затем к усадьбе. Ползать при нужде он способен очень и очень проворно. Даже сквозь лес.

Свежая просека подтверждала его слова лучше всего. Если я не ошибаюсь с направлением, то изгаженную мою избушечку уже не восстановить.

— Но как же ты смог… этих?.. — Я мотнула головой, стараясь не глядеть в сторону, где аккуратно, рядком лежали шесть черных тел. Большеголовый, которого подстрелила я, видимо, так и остался в сгоревшем доме. — Ведь буратины не могут причинить вред человеку?

— Конечно, не могут. И я не могу. Но понимаешь… в самый напряженный момент управление

перехватил мальчик, который сидит внутри меня. Помнишь, я рассказывал? Охотник на короедов. А для него прихлопнуть вредителя — милое дело.

Я внимательно посмотрела на Кучума. Может, какой-нибудь осколок попал-таки ему в голову, бедняжке?

— Не веришь? — Он истолковал мой взгляд совершенно правильно.

Я покачала головой.

— Ну так забирайся внутрь да посмотри. Дыра сзади приличная, пролезешь без труда. Кстати, там можешь и отдохнуть. И подкрепиться. Мальчонка у меня гостеприимный. Зовут Ванечка.

Сумасшедшим лучше не возражать — что людям, что деревяшкам. Соорудив на лице подобие улыбки, я попятилась к обширной корме Кучума.

Дыра и впрямь была здоровая. От задних ног остались одни щепки, торчащие из закопченных бронзовых шарниров. Осторожно, чтобы не пораниться об острые сколы, я протиснулась в отверстие. Впереди меня скакал беспечный Сцевола, легко минуя шестерни, похожие на тележные колеса с зубцами, могучие цепи, широкие зубчатые же ремни, сложно изогнутые рычаги, напоминающие корневища, и прочие механизмы, названий которых я просто не знала. Сейчас все агрегаты были неподвижны. Пахло горячим растительным маслом, немного гарью и, конечно же, древесиной. Впереди виднелся огонек. Я обогнула шарообразное переплетение колючих веток и оказалась на хорошенькой маленькой мшистой полянке. Очень захотелось ойкнуть.

Возле разливающего зеленоватый свет фонарика сидел, вытянув босые ноги, мальчик. Росточка в нем было сантиметров двадцать. Он кушал пирожок и запивал молоком из крошечной бутылочки.

Рядом лежала мухобойка.

Юлия Чернова, Лариса Рябова

НЕВЕСТА ДРАКОНА[9]

— Кто это?! — вскрикнула Тэсси, отпрянув от зеркала. Арнек поднял голову и дружелюбно заметил:

— Не смею утверждать наверняка, но, полагаю, это моя родная сестрица.

Тэсси продолжала изумленно таращиться в отливавшее бирюзой стекло, и он прибавил:

— Ну, сестренка, стоит ли так пугаться? Не дракона же ты увидела. К себе могла бы и попривыкнуть. Тем более что некоторые подслеповатые горожане находят тебя хорошенькой.

Тэсси вновь приблизилась к обрамленному серебром зеркалу.

— Это не я, — прошептала она. — Это вообще кто-то чужой…

— Болотная ведьма, — подшутил брат.

— Это мужчина. — Тэсси вглядывалась в отражение. — И одет не по-нашему. — Она сделала жест, словно пыталась помахать кому-то рукой. — Он меня не видит.

Арнек захлопнул книгу, неторопливо обошел стол и встал у Тэсси за плечом.

— Ну? — выдохнула она, не отрывая взгляда от зеркала.

— Замечательно, — отметил брат. — Очень хорошо сыграла. Я *почти* поверил.

Тэсси изумилась:

— Но… разве ты не видишь?.. Вот же он, смотри! Поворачивается, отбрасывает волосы со лба… Идет сюда… Снова поворачивается и уходит назад. У него расшитый серебром плащ… Думаю, что серебром, нити блестят…

Тэсси обернулась и обнаружила, что даром тратит красноречие: брат сидел у стола, уткнувшись в книгу. «Как же так? Почему он ничего не разглядел? Ведь я-то ясно вижу…»

Она зажмурилась и через несколько мгновений вновь открыла глаза. В комнате царил зеленоватый полумрак — окно сплошь затянули побеги дикого винограда. Только в одном месте листья расходились и пышущие жаром солнечные лучи врывались в комнату, озаряя стол и раскрытую книгу. В этом ярком свете темно-русые волосы Арнека отливали золотом, а зеленоватые глаза становились прозрачными. (Цветом глаз и волос брат пошел в отцовскую родню, Тэсси же унаследовала темные глаза и волосы от матери.)

Арнек, казалось, с нарочитой отстраненностью перелистнул страницу. Но через минуту Тэсси заключила, что брат зачитался всерьез. Взгляд его неотрывно скользил по строчкам, вдобавок Арнек несколько раз взъерошил волосы — верный признак, что книга захватила его целиком.

Тэсси повернулась к двум тяжелым кованым сундукам, хранившим главное богатство этого дома — книги с потемневшими от времени страницами, в кожаных и бархатных переплетах. Затем оглядела толстые потолочные балки. Вырезанные на них птицы — алые, зеленые, синие — казались живыми, Арнек недаром славился мастерством. Такие же птицы украшали занавеси у дверей и окон, только теперь Тэсси любовалась своей работой (точнее, находила в ней сплошные недостатки, считая, что даром слывет искусной вышивальщицей).

Арнек, казалось, с нарочитой отстраненностью перелистнул страницу. Но через минуту Тэсси заключила, что брат зачитался всерьез. Взгляд его неотрывно скользил по строчкам, вдобавок Арнек несколько раз взъерошил волосы — верный признак, что книга захватила его целиком.

Тэсси повернулась к двум тяжелым кованым сундукам, хранившим главное богатство этого дома — книги с потемневшими от времени страницами, в кожаных и бархатных переплетах. Затем оглядела толстые потолочные балки. Вырезанные на них птицы — алые, зеленые, синие — казались живыми, Арнек недаром славился мастерством. Такие же птицы украшали занавеси у дверей и окон, только теперь Тэсси любовалась своей работой (точнее, находила в ней сплошные недостатки, считая, что даром слывет искусной вышивальщицей).

Словом, комната ничем не удивила и не озадачила Тэсси. Удостоверившись в собственном здравом рассудке, Тэсси с опаской обернулась к зеркалу.

Сквозь легкую дымку вырисовывалась чужая комната: голые каменные стены и узкое стрельчатое окно. Льющийся из окна свет то и дело заслоняла темная фигура. Высокий худощавый мужчина расхаживал из угла в угол. Тэсси не могла различить черты лица

незнакомца, видела только, что он светловолос и, похоже, молод. Временами он нетерпеливо встряхивал головой, откидывая со лба волосы. Серый плащ ниспадал с его плеч до самого пола. Во всей округе плащей такой длины и покроя отродясь не носили.

— Арнек! — жалобно позвала Тэсси. — Неужели ты его не видишь?

— Ты бы лучше садилась работать.

Тэсси покорно возвратилась к столу. Со своего места она не могла заглянуть в зеркало, а потому постоянно вскакивала: взять ножницы, поднять упавший моток ниток (мотки прямо разбегались!). Каждый раз спешила украдкой поглазеть на незнакомца. В конце концов Арнек, выразительно кашлянув, пообещал перенести зеркало в мастерскую. Тэсси угомонилась и продолжала шить, изнывая от удивления и любопытства.

Ни о чем другом в ближайшие дни думать она не могла. Украдкой наблюдая за братом, подметила, как Арнек поправляет перед зеркалом ворот рубахи. «Значит, и впрямь видит только свое отражение!»

Не желая вызвать насмешек, Тэсси заглядывала в зеркало, лишь оставаясь в одиночестве. Она все отчетливее видела комнату — стены из серого с искрой камня (во всей округе не добывали подобного), возле оконной рамы камень выщерблен. За окном неизменно синело ясное небо, хотя бы над городом Тэсси и бушевала гроза.

Лицо незнакомца она тоже теперь различала ясно. Он и впрямь оказался очень молод, вряд ли старше самой Тэсси. Светло-серые глаза, прямые брови, над левой — красное пятно, будто след ожога. Красивые, четкого рисунка губы. «Он бы мне очень понравился — не будь так надменен и замкнут». Гримасу высокомерия не мог согнать с его лица даже мгновенный, искажавший черты гнев или столь же мгновенная и холодная улыбка.

Постепенно Тэсси уверилась, что незнакомец — узник, ведь сколько она ни смотрела, ни разу не заметила, чтобы он покидал комнату или к нему кто-то приходил. День за днем он метался по комнате. Несколько раз в ярости ударял кулаком по стенам, точно желая их сокрушить.

Тэсси все больше изнывала от неизвестности. «Почему зеркало стало окном? Почему — для меня одной? Кто этот человек?» Казалось, утолить ее любопытство мог только сам незнакомец. «Если бы он меня увидел! Заговорил!»

Спустя неделю Тэсси задумчиво распарывала узор, обнаружив, что в рассеянности вышила лиловые листья. «Брат прав, я глупею с каждым днем. Нельзя больше глядеть в зеркало. Уже не замечаю, что делаю».

В дверь стукнули, и легкие шаги возвестили о появлении гостя.

— Здравствуй, Чарк, — поприветствовала Тэсси, не успев поднять головы.

Отлично знала манеру дяди: постучать и тотчас входить, не дожидаясь ответа. Вскинула глаза, улыбнулась. Разумеется, порог переступил именно дядя. Иссиня-черные волосы обрамляли узкое бледное лицо, а глаза были такими темными, что казались одним сплошным зрачком.

— Брат дома? — отрывисто спросил Чарк, привычно обходясь без поклонов и приветствий.

Тэсси тихонько вздохнула: манеры дяди оставляли желать лучшего. Впрочем, она-то с Чарком всегда ладила, наверное, потому, что была младше только пятью годами и могла простить

кромку грязи под ногтями и обойтись без лишнего: «День добрый, как поживаете?»

— Дома. — Арнек переступил порог следом за гостем, неприязненно осведомился: — С чем пожаловал?

Он не предложил гостю сесть, но Чарк тут же показал, как мало нуждается в приглашении. Опустился на скамью, устало привалился к стене, вытянул ноги в забрызганных грязью сапогах. Залатанный плащ его тоже был невероятно грязен, заношенная рубаха просвечивала на локтях. Тэсси вновь украдкой вздохнула. Оборванцев в городе не любили, однозначно почитая бездельниками. За Чарком вдобавок водилась слава чернокнижника.

— Что тебе нужно? — нетерпеливо проговорил Арнек. — Зачем явился?

— О, разумеется, не за родственным или дружеским участием. Этого-то добра на мою долю всегда выпадало с избытком, — тихо и ядовито отозвался Чарк.

Тэсси отложила шитье и направилась в кухню, предоставив родичам переругиваться в собственное удовольствие. Когда она возвратилась с миской бульона, здоровенным куском мяса и краюхой хлеба, мужчины уже не ссорились.

— Дракон летит. — Чарк, не глядя, протянул руку и уверенно перехватил миску с бульоном. — Он все ближе. Дремотный город и Старое полесье захвачены.

Арнек сильно встревожился. Даже позабыл подчеркнуть, что Чарк, видно, боится поперхнуться словами благодарности.

— Откуда ты знаешь?

— Сам видел.

— Может, ты и дракона видел?

— Нет, — невнятно откликнулся Чарк, впиваясь зубами в мясо. — Никто его не видел. Беглецы твердят одно и то же: над городом проносится багровая тень, и следом нападают чужеземцы. Дракон за их спинами дышит пламенем. Самые стойкие горожане пугаются и бегут.

— Может, чужеземцы севером пройдут, — подала голос Тэсси. — К северу города богаче.

— Вот-вот, — буркнул Чарк, — городские старшины, похоже, этой же надежды преисполнились.

— Спасибо за новости. — Арнек явно не желал затягивать разговор и, так как усталый гость и не подумал встать, направился к двери, бросив сестре: — Буду в мастерской.

Тэсси поспешно схватила иголку — все утро потеряно, а собиралась закончить работу к вечеру. Она расправила ткань, разглядывая пламенеющие цветы. Странно, день назад рисунок казался таким нарядным, а сейчас будил тревогу. Слишком похожи лепестки цветов на языки пламени. «Страшно подумать, дракон сжег два города!»

Тэсси поежилась, покосилась на дядю и неожиданно для себя промолвила:

— Приноси завтра твою одежду. Починю и постираю. — Она неуверенно умолкла, ожидая ледяной отповеди.

Он криво улыбнулся.

— Спасибо. Увы, эта одежда — единственная. Другой нет, а шествовать через весь город голым…

Тэсси задохнулась. Только одну зиму они с Арнеком перебивались с хлеба на воду, когда брат тяжело заболел, а она была слишком мала, чтобы работать. В тот черный, неурожайный год дальние родичи, обремененные собственными многочисленными чадами, не могли им помочь. Только одну зиму они с Арнеком голодали. Что же такое — постоянная нищета?

— Говорят, раз в год дракон требует девушку на съедение, — неожиданно промолвил Чарк.

— Кто говорит? — переспросила Тэсси. — Беглецы? Или ты где-нибудь вычитал?

Еще не договорив, она поняла: если кто и может посвятить ее в тайну зеркала, то один Чарк.

— Послушай, — решилась Тэсси. — Со мной что-то творится…

— Влюбилась? — перебил дядя, метнув на нее быстрый косой взгляд.

— Нет, — отмахнулась она, — совсем другое. Колдовство, что ли.

Теперь он повернул к ней лицо. Решив, что дядя проявляет крайнее внимание, Тэсси поспешно выпалила:

— Я перестала видеть себя в зеркале. В том, большом. — Она махнула рукой. — А вижу… чужую комнату, мужчину — он все мечется от окна к двери. Меня не замечает. Не знаю, кто этот человек. Я никогда с ним не встречалась. По-моему, он очень далеко отсюда.

— Надеюсь, он симпатичный? — ухмыльнулся Чарк.

— Красивый, — с вызовом промолвила Тэсси. — Только недобрый. Глаза холодные… даже когда улыбается.

— О, так он еще и улыбался? А подмигивать тебе не пробовал?

— Я же сказала, он меня не видит! — Тэсси чуточку повысила голос, всеобщее недоверие выводило из себя. — Вид у него надменный, улыбается редко. Похоже, сидит в заточении.

— Почему так решила?

Чарк явно не верил, но разговор продолжал — то ли ради забавы, то ли из склонности к племяннице.

— Он богато одет, но одежда грязная. — Тэсси густо покраснела и отвернулась, чтобы не видеть дядиных обносков. — С чего бы ему не сменить наряд?

— В самом деле, — спокойно согласился Чарк.

Радуясь, что дядя хотя бы не обиделся, она продолжала:

— Он все время ходит из угла в угол, не останавливаясь. Странно, что выбрал для прогулок небольшую комнату.

Чарк слегка кивнул, кажется, впервые начав вслушиваться в ее слова.

— Одет по-чужеземному. Да, а над левой бровью у него шрам… очень странный, похож на раковину улитки.

Едва договорив, Тэсси задохнулась, потому что задохнулся Чарк. Дядя уставился на нее с таким напряжением, с каким она все последние дни глядела в зеркало.

— Клеймо в форме улитки?

Тэсси с трудом осознала, что ей наконец-то поверили. До этой минуты она не верила самой себе. Выходит, не грезила, не обезумела. Она и впрямь видела знатного чужеземца, и Чарк этого чужеземца знал. Недаром от потрясения проговорился: не шрам — клеймо.

— Опиши-ка мне своего незнакомца.

— Узник высок. Вернее, я так думаю. Он почти заслоняет окно. Худой… нет, скорее очень подтянутый, поджарый. Светлые волосы до плеч… Ну, и клеймо. — Она намеренно повторила дядину оговорку.

Чарк сохранял вид спокойный и непроницаемый.

— Ты его знаешь? — спросила Тэсси напрямик.

Не ответив, дядя поднялся на ноги и молча двинулся прочь. Тэсси терпеть не могла его манеру — уходить без объяснений, но сейчас просто пришла в ярость. Забыв об уважении к старшему, рванулась следом, ухватила Чарка за рукав.

— Кто это был? Скажи…

Дядя стремительно обернулся. Рявкнул:

— Скажу одно: к зеркалу близко не подходи! И не смотри в него, ясно?!

Тэсси охватил такой гнев, что затряслись руки, и вторично за утро пришлось отложить работу. «Иначе на вышитых цветах вырастут настоящие шипы». Аккуратно собрав мотки ниток, иголки и ножницы, Тэсси отправилась в мастерскую к брату.

В глаза ударил солнечный свет. Арнек трудился над деревянным сундуком. Казалось, едва касался янтарно-желтой поверхности, стружки снимались не толще лепестка, но все яснее выступала мощная львиная лапа, придавившая к земле солнечный диск.

Увидев сестру, Арнек отложил резец и яростно промолвил:

— Я не знаю, как назвать городского главу! Почему не выслал дружину в подмогу воинам Дремотного города и Старого полесья? Если дракон повернет на юг, наша участь будет плачевна. Если же устремится на север… Тогда здесь укроются беглецы со всей округи. А это всегда — теснота, воровство, болезни.

— Верно, — шепнула Тэсси, думая о давнем моровом поветрии, оставившем их с Арнеком сиротами. — Верно… Только…

— Как повлиять на главу? Не знаю. Разве что Чарк хитрость присоветует? Он тебе больше ничего не рассказывал?

— Нет. — Тэсси смутилась, припомнив, чем были заняты ее мысли и какими вопросами донимала Чарка. — Подожди! Сказал: раз в год дракон требует девушку на съедение.

— Боюсь, если дракон нападет, одной девушкой не откупимся, — угрюмо пробормотал Арнек. — Жертв будет много больше.

Тэсси уныло кивнула и двинулась к двери, но брат жестом ее остановил.

— Вот что, Тэсси. Наш дядя ничего не делает без умысла. О старшинах заговорил не случайно, зря я его осадил. Сходи завтра к нему… Я бы и сам сходил, но, боюсь, дело кончится раздором. Ты же с ним ладишь. Попробуй, расспроси…

— Схожу, — пообещала Тэсси, надеясь, что брат усмотрит в ее поспешном согласии лишь обычную покладистость и миролюбие.

Арнек одобрительно кивнул, и Тэсси на цыпочках удалилась.

…На рассвете она загасила оплывшую свечу и устало потерла глаза. Пол устилали обрезки и лоскутки, зато на скамью были брошены штаны, рубаха и даже плотный короткий плащ. Правда, у рубахи оказался синий ворот, коричневая спина и серые рукава, а плащу не хватало капюшона, но в целом это была добротная одежда, и Тэсси осталась довольна.

Всю ночь она просидела спиной к зеркалу, но сейчас, передвигаясь по комнате, уже не могла избегать взглядом его бирюзовой глади. Каждый раз, как взор ее касался зачарованного стекла, по зеркалу растекалась легкая дымка. Тэсси подступила ближе и уперлась взглядом в стекло.

Никогда еще она не видела незнакомую комнату так ясно. За окном разгорался розовато-жемчужный восход. Узник стоял, опершись о раму окна, и смотрел вниз. Тэсси в тысячный раз попыталась его окликнуть, и в тысячный раз узник ее не услышал. Отступил от окна, расправил край плаща и взял в руки серебряную застежку с крупным черным, зеркально блестевшим камнем. Лицо его отразилось в камне, и Тэсси вдруг встретилась с незнакомцем взглядом.

Он увидел ее! Вскрикнул от изумления и выронил застежку. Перепуганная Тэсси отскочила от зеркала. Сердце билось где-то в горле, в ушах гремел дядин голос: «К зеркалу близко не подходи!» Но Тэсси знала, что снова посмотрит в зеркало — и прямо сейчас.

Узник ждал, поднеся застежку близко к глазам. Мог бы ждать день, два, месяц — не теряя терпения, это Тэсси поняла сразу. Нелепо было рассчитывать, что он сочтет увиденное пустой грезой. Прежде чем она успела шевельнуть губами, он выпалил:

— Выпусти меня отсюда!

— Что? — опешила Тэсси.

— Открой дверь! Скорее!

— Но я не могу, — пролепетала она, чувствуя себя безумно виноватой: из пустой прихоти заронила несбыточную надежду.

— Умоляю тебя! — закричал он. — Я здесь полгода. Я сойду с ума или брошусь вниз с башни!

Тэсси внезапно почувствовала, что узник говорит правду, в которой до этой минуты не признавался даже самому себе — он был близок к безумию. Его лицо уже не было ни гордым, ни высокомерным. Он внушал только сострадание — не страх.

— Я не могу. — Тэсси чуть не плакала. — Я не знаю как.

— Да сможешь, клянусь кровью дракона! — воскликнул он с такой страстью, что Тэсси на мгновение поверила в собственные неведомые силы. — Ты же хозяйка дверей! Сунь руку сквозь стекло!

— Что?!

— Скорее, дай руку!

Тэсси медлила. Ей совсем некстати вспомнился наказ дяди. От какой опасности Чарк хотел ее оградить?

— Помоги мне! — В голосе узника слышалась истерическая мольба. — Я отблагодарю, клянусь кровью дракона!

Он на мгновение прижал ладонь к клейму над левой бровью.

Тэсси подняла руку, но так и не коснулась дрожащими пальцами стекла. «Вдруг не он выберется сюда, а я провалюсь к нему?!»

— Решайся, трусиха! — крикнул он в отчаянии.

Тэсси оскорбилась — особенно сильно потому, что и впрямь изрядно трусила. И, не раздумывая, сунула пальцы сквозь стекло.

В первый миг она ничего не ощутила. Только бессмысленно смотрела, как бегут по зеркальной глади круги, точно от брошенного в воду камня. Затем руку ее до хруста стиснула другая рука. Совсем близко Тэсси увидела серые глаза, полнившиеся сумасшедшим весельем и такой же неистовой дерзостью. Вместе с незнакомцем она неслась куда-то. Вниз? Вперед? Ветер свистел в ушах, пенились белые буруны на гребнях волн. Волны мчались мимо — или Тэсси с узником летели над волнами? На горизонте вставал город. Меж зелени висячих садов белели остроконечные башни. Мелькнули золоченые купола, развернулись светлые зеленые долины и темно-зеленые дубравы предгорий, а вот и белые шапки гор, за ними — расплавленное серебро реки, новые луга и пашни, новые леса. Затем — высокие стены очередного города.

— Я твой должник!

Узник разжал ладонь. Тэсси откачнулась назад и упала на спину. Затем приподнялась и уставилась в зеркало, отражавшее ее собственное покрасневшее и донельзя глупое лицо. Правая ладонь онемела. Тэсси попыталась шевельнуть пальцами. Что-то мешало, что-то тонкое и холодное.

Поднеся руку к глазам, она обнаружила серебряную цепочку, опутавшую пальцы. На цепочке покачивалась единственная бусина. Темно-красная, как показалось вначале, но почти сразу Тэсси обнаружила, что сама бусина хрустально прозрачная, однако заполнена вязкой, густой, рубиново-алой жидкостью.

Никогда раньше Тэсси не навещала дядю, но не сомневалась, что легко отыщет его жилище. Чарк как-то обмолвился, что живет возле Ведьминого омута, а там много десятилетий никто не селился.

Тропинка круто сбегала вниз, Тэсси издалека увидела извилистую ленту ручья, прозванного Ведьминым омутом. Воде полагалось бы блестеть и сверкать под солнцем, но солнечные лучи словно тонули в ручье. Поверхность воды оставалась маслянисто-черной. Тэсси слышала, что ни один зверь никогда не выпил черной воды, а примеру зверей следовали и люди.

Дом, прятавшийся в тени плакучих ив, открылся внезапно. К изумлению Тэсси, в доме имелось и крыльцо, и крыша, и даже ставни на окнах были целы, а не висели наполовину оторванные, издавая под ветром жуткий скрип. «Как можно было бы предположить по виду хозяина».

Тэсси не была уверена, что застанет дядю, скорее даже наоборот, но ей повезло. Чарк занимался делом самым прозаическим — колол дрова. Увидев племянницу, вместо приветствия спросил:

— Тебя прислал Арнек?

— Я и сама хотела прийти, — начала Тэсси, стараясь по возможности не лукавить. — Вот, — торопясь, она достала из мешка подарок, — это тебе.

На солнечном свету одежда показалась невероятно жалкой. Ткань вылиняла, пестрели заплатки. Чарк молчал, изогнув смоляную бровь, и Тэсси пала духом, понимая, что он скажет: «Я хожу в лохмотьях, но в собственных, и не намерен донашивать обноски племянника».

Чарк потрогал рубаху, вывернул наизнанку и рассмотрел швы.

— Твоя работа?

Тэсси знала, что ее шитье горожане отличают не только по «лицу», но и по изнанке. Почему-то ее стежки славились, хотя у многих мастериц были столь же мелкими и ровными.

— Что ж, возьму. — Чарк решительно сгреб в охапку и плащ, и штаны, и рубаху.

Тэсси поняла, что этим жестом награждена превыше всех швей в мире.

— Подожди, — велел Чарк, — я, пожалуй, тоже сделаю тебе подарок, да такой, какого от других не получишь. Пойдем.

Он поманил племянницу за собой. Поспешая следом, Тэсси выпалила:

— Дядя! Кто такой «хозяин дверей»?

Чарк остановился так внезапно, что Тэсси с разгону на него налетела. Обернувшись, он схватил племянницу за локоть.

— От кого ты услышала про «хозяина дверей»?

— Я прочла, — пискнула Тэсси испуганно, ибо в голосе Чарка ей почудились угрожающие нотки.

— Лжешь! Я знаю наперечет все книги, что у вас хранятся. О «хозяевах дверей» там нет ни слова.

Он сжимал ее локоть все больнее.

— Я нашла книгу у Лоры.

— В их семействе хранят книги? — поразился Чарк. — Ну, если только на растопку…

— Ты не ответил. — Тэсси решила проявить настойчивость.

— Ладно, отвечу, — неожиданно смилостивился Чарк. — Хозяин дверей умеет… м-м…

— Что?!

— Умеет открыть дверь из одного города в другой, хотя бы их разделяли моря и горы. Только не вздумай, — он встряхнул Тэсси — легонько, но у нее чуть голова не оторвалась, — не вздумай пробовать. Неровен час, угодишь за тридевять земель и не выберешься.

— Хорошо, — согласилась Тэсси.

Чарка не насторожила подобная сговорчивость — все-таки он редко общался с племянницей и плохо изучил ее нрав.

Они миновали три некошеных поля, два перелеска и оказались у мелкого озерца. На берегу до самой земли склонила ветви плакучая ива.

— Хорошо, — согласилась Тэсси.

Чарка не насторожила подобная сговорчивость — все-таки он редко общался с племянницей и плохо изучил ее нрав.

Они миновали три некошеных поля, два перелеска и оказались у мелкого озерца. На берегу до самой земли склонила ветви плакучая ива.

— Смотри. — Чарк отвел серебристо-зеленую листву в сторону.

По берегу озерца была расстелена скатерть. То есть, конечно, не скатерть — просто Тэсси увидела готовый узор для скатерти в Большой трапезной, заказанной ей два месяца назад городскими старшинами. Два месяца она впустую билась над этой работой: никак не могла придумать достойный орнамент. Все сюжеты казались обыденными, скучными.

А тут ей открылся готовый рисунок: огромные золотисто-красные цветы, точно отражения солнечного диска. Между цветами сновали ящерки — но не обычные, изумрудно-зеленые, а красно-бурые, словно вышедшие из горнила. В воображении Тэсси они мгновенно преобразились в златоглазых саламандр.

Да, Чарк недаром хвалился: никто не подарит подобного!

— Угадал? — спросил он. — Угодил?

Тэсси повисла у него на шее и пылко расцеловала, затем, смутившись, отскочила. Чарк, не привыкший к столь бурному проявлению родственных чувств, насмешливо хмыкнул:

— Я вовсе не против. Продолжай, пожалуйста. — Видно было, что он очень доволен. — Хочешь сорвать цветок? — спросил он с таким видом, будто предлагал бриллиант из своей короны.

— Нет, что ты, — испугалась кощунства Тэсси. — Вышью по памяти.

Они повернули назад. В траве звенели кузнечики, горячий ветер доносил запах пыли и свежескошенного сена.

— Да, с чем прислал тебя Арнек? — напомнил Чарк миролюбиво.

Тэсси устыдилась собственного равнодушия: дракон спалил два города, того и гляди к их родной Арлесте повернет, а она о чем думает? О сероглазом узнике? Гадает, как он хотел ее отблагодарить? Тэсси невольно потрогала цепочку, висевшую на шее. «Любопытно, где он сейчас? Надеюсь, не угодил в пасть дракону?»

— Как повлиять на старшин, чтобы очнулись от бездействия и защитили город? Брат говорит: если кто и сумеет их пробудить — ты один.

Чарк высокомерно усмехнулся, до ужаса вдруг напомнив Тэсси незнакомца из зеркала.

— Попробуй намекнуть главе города, что именно его дочь пойдет на съедение.

— Как я могу? — всполошилась Тэсси. — Он и слушать не станет, да и не поверит, да и…

— Разумеется, бестолковое ты создание. — Самодовольство Чарка сменилось раздражением. — Ты встретишься с дочкой главы — невзначай, в лавке или у колодца — и мимоходом расскажешь душераздирающую историю. Мол, в Белом взгорье… Это дальний город, но, думаю, старшины о нем знают… Так вот, в Белом взгорье водворился дракон. Жители исправно платили ему дань, хотя и жили впроголодь. Увы, покорность чудовищу их не спасла. Дракон потребовал в жертву девушку. Жители поплакали и уступили, от несчастной только горстка пепла осталась. А под конец прибавь, что изверг выбрал не какую-нибудь прачку, а дочку городского главы, как и в других городах — в минувшие года.

— Это неправда! — взмолилась Тэсси. — Ты все выдумал.

— Правда! Глава пришлет за тобой, — продолжал Чарк, глаза его лихорадочно блестели. — Повторишь рассказ: только коротко, без подробностей. Спросит: откуда узнала. Беглецы рассказали, сейчас на всех дорогах полно вестников.

— Неправда, — одними губами повторила Тэсси.

Он вывел ее на дорогу, ведшую к городу. Развернулся и ушел не прощаясь, а Тэсси побрела домой.

…Недаром Чарка окрестили чернокнижником! В этой истине Тэсси убедилась, едва вступив в город. Из первой же лавки, мимо которой она проходила, появилась в окружении подруг Майра, дочка городского главы, премиленькая девушка, ласковая и приветливая, хоть не блиставшая ученостью или особыми дарованиями.

Ее подруги трещали громче сорок и прижимали к груди разноцветные букеты. Щебечущие девицы обступили Тэсси, принялись обирать репьи с ее платья и допытываться, далеко ли она забрела и с кем гуляла по полям?

— Узор для скатерти искала, — отмахнулась Тэсси.

Она нередко выбиралась за городскую стену и приносила домой охапки трав, но сейчас ее руки

были пусты, и болтушки тотчас это подметили, веселясь от души.

Тэсси едва их слушала, не зная, на что решиться. Удобнее случая — последовать наставлениям дяди — не будет. «Можно подумать, Чарк наколдовал удачу». Только сердце Тэсси отяжелело. Майра безмятежно улыбалась и шутила вместе со всеми.

«И с Арнеком не посоветоваться! Пока добегу до дома, Майра уйдет, а другая встреча может выпасть не скоро».

— Что случилось? На тебе лица нет, — проницательно заметила Майра.

— Встретила беглеца из-за гор, — буркнула Тэсси, понимая, что сообщить новость «между прочим», как советовал Чарк, не удастся.

— Красивого? — хором спросили подружки и засмеялись.

— Старого и хромого.

Девушки разочарованно фыркнули.

— Он рассказал… жуткую историю. — Тэсси спотыкалась на каждом слове, но девушки сразу притихли и не перебивали. — Дракон водворился в Белом взгорье. Горожан обложил непосильной данью. Все мастеровые должны были четыре дня в неделю на чужаков трудиться, да еще серебром отплачивать.

Дочки ремесленников дружно охнули.

— Горожане думали — пока откупятся, а потом с силами соберутся и чудище поразят. А у главы города была дочь-невеста, славная, добрая, и на свою беду — красивая. — Тэсси старательно отводила взгляд от лица Майры. — И… хоть горожане исправно вносили подать, дракон потребовал девушку на съедение.

Мельком она заметила, как побледнела Майра.

— И? — беззвучно выдохнул кто-то.

— От несчастной даже угольков не осталось.

Тэсси не в силах была расписывать скорбь отца и матери, подруг, жениха. Да это и не требовалось. Подруги растерянно переглядывались, то и дело испуганно косясь на Майру.

— Я пойду, брат ждет, — неуклюже простилась Тэсси и побрела прочь, терзаясь угрызениями совести.

На углу оглянулась: девушки удалялись молча, подавленные и расстроенные.

Тэсси едва добралась до дому, огорченная больше других, сомневаясь, такой ли мудрый совет подал Чарк. Сразу бросилась к брату в мастерскую.

Арнек негромко насвистывал, а это означало, что он доволен работой. При виде его улыбающегося лица у Тэсси полегчало на сердце.

— Чарк сказал мне… — начала Тэсси с порога.

Она подробно передала дядин совет и все, случившееся после.

— Я просто не успела опомниться. Может, не следовало стращать Майру?

Арнек внимательно выслушал. Когда сестра умолкла, заметил:

Арнек внимательно выслушал. Когда сестра умолкла, заметил:

— Сделанного не воротишь. Чарк прав, эта история должна пробудить нашего главу. Если уж он теперь не встревожится… Чарк мудро рассчитал. Белое взгорье далеко, известия оттуда редки. Уверен, никто не узнает, что у главы Белого взгорья отродясь не было дочерей.

— Не было дочерей?! Чарк солгал?! Но зачем ему было обманывать меня?!

— Вероятно, чтобы ты убедительнее запугивала несчастную Майру.

— Но ты откуда… ты наверняка?..

Арнек кивнул.

— Случайно знаю. Мастер, обучавший меня, полжизни провел в Белом взгорье, мы недавно говорили с ним, он как раз получил весточку от друга.

— Все равно! Чарк не должен был… — негодовала Тэсси.

Арнек положил руку поверх ее ладони. Тэсси ощутила жесткую корку мозолей — сколько помнила, руки брата всегда были покрыты мозолями. Она тотчас успокоилась, как успокаивалась, когда что-либо напоминало ей детство.

— Чему ты удивляешься, Тэсси? Чарк совсем не «добрый дядюшка» и ничего не делает без умысла, я же предупреждал. Сегодня ты стала его оружием, всего лишь оружием, пусть и направленным к нужной нам самим цели.

Тэсси поежилась, сознавая, сколь легко дядя подчинил ее волю. Арнек задумчиво промолвил:

— Даже не знаю, почему Чарк озаботился судьбой города. Так ли наш дядя любит Арлесту? Я бы скорее предположил, что он ненавидит дракона.

* * *

Три дня работы сказались на Тэссе благотворно. Она успела нанести рисунок на ткань и теперь кропотливо подбирала нитки. Около десяти оттенков должно было пойти на ящериц и около шестнадцати — на цветы. Чтобы принять окончательное решение, Тэсси захотела еще раз увидеть огненный вихрь лепестков. И вновь отправилась к дяде.

Чарк милостиво согласился проводить ее к озерцу. Как бы между прочим осведомился:

— Говорила с Майрой?

— Еще бы! — вскинулась Тэсси. — Отравила настроение — и ей, и себе, и еще многим! Зачем ты меня обманул? Близкие люди не лгут друг другу!

— В самом деле? Было бы любопытно узнать пределы твоей откровенности, племянница, — с тихой насмешкой протянул Чарк.

— Рискни, — взволнованно предложила Тэсси. — Задай вопрос, я отвечу, но потом я задам — и тебе придется ответить.

Чарк хмыкнул, то ли отказываясь, то ли соглашаясь. Некоторое время они шли в молчании. Ноги утопали в белой мягкой пыли, ветер клонил высокие травы. Чарк поманил племянницу в сторону от дороги и повел совершенно другим путем, по берегу узкого ручья. Вода, отражавшая поток солнечных лучей, слепила глаза.

— Со времени нашей последней встречи ты хоть раз подходила к зеркалу? — неожиданно спросил Чарк.

— Нет, — совершенно искренне ответила Тэсси.

Она даже расчесывалась перед блестящим тазом в кухне, настолько пустой теперь казалась зеркальная гладь. Смотреть в зеркало изо дня в день и не видеть ничего, кроме собственного отражения, — что могло быть скучнее?

Дядя покосился на нее, но врать Тэсси не умела, и он только бросил:

— Какое послушание!

Тэсси почудилось, что произнес он это с оттенком разочарования. Сгорая от любопытства, она выпалила:

— Что это за клеймо? В форме улитки?

Чарк присел на корточки и начал выдирать из земли какое-то малосимпатичное растение с плоскими зеленоватосерыми листьями, усыпанными по краю мелкими колючками. Растение поддавалось плохо, наконец стебель оборвался, Чарк отбросил его в сторону и стал ногтями выкапывать корень. Не глядя на Тэсси, спокойно ответил:

— Такой след оставляет капля драконьей крови.

Тэсси ждала продолжения: кого и за что клеймят драконьей кровью, но Чарк не стал объяснять. Вместо этого сам спросил:

— Арнек знает?

— А… О чем? — не поняла Тэсси. — О Майре? Конечно, я…

— О зеркале, — оборвал Чарк сердито.

— Нет! Как бы я могла… Он ни за что не поверит!

Чарк добыл из-под земли беловато-розовый корешок, похожий на крупную личинку, и с гордостью показал племяннице:

— Помогает кровь останавливать. Пригодится — к появлению дракона.

Он принялся сражаться с новым растением, еще более колючим и неприглядным, чем первое. Тэсси раскрыла рот, чтобы спросить: «Кто был тот узник?», но произнесла совсем иное:

— Странное облако.

Чарк вскочил на ноги и вскинул руку, загораживаясь от солнца. Уже не облако, но туча надвигалась на них, глотая солнечный свет. Дохнуло холодом, а потом нахлынула волна иссушающего жара. Высокие травы пожухли и упали.

Туча спустилась ниже — рыхлая, ноздреватая, буро-бордовая с алыми проблесками. Длинные струи черного дыма выхлестнули вперед, и Тэсси отчетливо различила три головы на мощных шеях, а внизу, под брюхом, поджатые когтистые лапы.

— Дракон! — взвизгнула она. — Дракон летит!

Метнулась прочь, не разбирая дороги, как мчалась однажды от лесного пожара.

— Стой! — Чарк рванулся следом. — Это тень!

Он настиг ее в три прыжка, сгреб в охапку и прижал к себе. Обезумевшая Тэсси продолжала вырываться.

— От дракона не убежишь! — проревел Чарк ей в ухо.

И тут их накрыла багровая тьма. Запахло гарью, в воздухе закружились хлопья пепла, запершило в горле. В двух шагах ничего не стало видно — только пламенело небо над головой. Свистел ветер, и сквозь свист слышалась поступь сотен, а может, и тысяч людей, звон доспехов, перестук копыт.

Огромное войско надвигалось на город, скрытое тьмой и пламенем.

Тянулись минуты, дни… столетия? Войско текло и текло мимо. Потом вдруг перестук копыт участился, стал громче, в красном сумраке обозначились совсем уж черные пятна. Стало ясно, что несколько всадников отделились от остальных и скачут к ним.

Чарк швырнул Тэсси головой вперед в куст шиповника, сверху бросил обтрепанный плащ. Она замерла, скорчившись, не смея отвести от лица колючие ветки, едва дыша от ужаса.

Перестук копыт смолк, звякнула сбруя, и низкий хриплый голос спросил, коверкая слова:

— В какой стороне город?

— Да кто ж его разберет, в такой тьме, где город? — ответил Чарк дребезжащим, неузнаваемо плаксивым голосом. — С утра на юге был, но солнце вспять повернуло, и козы мои разбежались.

Тэсси отважилась чуть повернуть голову. Вместо высокой, жилистой фигуры дяди она увидела зыбкую, колеблющуюся тень — воплощение старости. Рваные движения, трясущиеся колени, дрожащие руки.

— Солнце погасло. Кто скажет, где день, где ночь? — причитал во тьме всхлипывающий голос.

И понес такую околесицу про умершую жену, старых коз, затмение солнца, что чужеземцы подхлестнули коней и поскакали прочь. Один обернулся. Свистнул хлыст. Таким ударом из старика можно было выбить дух, а молодого, сильного мужчину — искалечить. Чарк упал. Тэсси закусила кулак, чтобы не закричать.

Шорох бесчисленных шагов замер вдали, схлынул удушливый мрак. Чарк поднялся и вытащил Тэсси из куста.

— Миновало, — тихо сказал он, глядя в ее перепуганное лицо. — Пойдем.

— Ты не ранен?

— Нет, — отмахнулся Чарк, — упал прежде, чем хлыст меня коснулся.

— Тогда бежим!

Они припустили со всех ног. Точнее, со всех ног бежала Тэсси, а Чарк только сбавлял шаг, оглядываясь. Тэсси казалось, что они прилипли к склону холма — две мухи на капле варенья. Залитый солнцем взгорок никак не желал отдаляться, а клубы пыли на горизонте уже рассеялись, значит, войско прошло там давно.

— Кто они? — спросила Тэсси, вытирая лицо рукавом. — Откуда?..

— Из Ратеи — это город за перевалом.

Они одолели холм и нырнули в чахлую осиновую рощицу. Тэсси задыхалась. В боку кололо, пот заливал глаза, платье прилипло к спине, перед глазами плавали разноцветные круги.

Наконец они выбрались на пыльную дорогу, истоптанную сотнями подошв и копыт. Потные лица мгновенно покрылись слоем пыли, песок скрипел на зубах, струйки пота прокладывали грязевые дорожки на щеках.

— Не успеем, — простонала Тэсси, завидев наконец городские башни.

— Успеем. — Чарк спихнул ее с дороги под откос.

Тэсси потеряла равновесие, проехала на спине и сразу пожалела, что эта часть путешествия так быстро закончилась. Ноги решительно отказывались служить.

— Куда… мы идем? Ворота…

— У ворот все войско дракона. — Чарк снова обозлился на тупость племянницы. — Проберемся потайным ходом.

Чарк столкнул ее в межевую канаву, соскочил следом, и они побрели по щиколотку в воде. Земляные стены становились все выше, смыкались теснее, пока не сошлись вплотную. Вниз под стену уводил узкий черный лаз.

— Полезай, — велел Чарк.

— За тобой, — взмолилась Тэсси, до смерти испугавшись мрака и тесноты. «Я задохнусь там!»

— Нет. — Чарк безжалостно сбил ее с ног. — Если ход засыпан, я сумею тебя вытащить. А ты и сама застрянешь, и меня погубишь. Живее!

Вспомнив о драконе и Арнеке, Тэсси перевернулась на живот, просунула руки и голову в темную дыру и поползла, опираясь на локти. Поначалу она крепко зажмурилась от страха, но, открыв глаза, никакой перемены не обнаружила. Все вокруг было черным-черно, пахло плесенью, холодная влажная земля липла к пальцам, под локти и колени то и дело подворачивались острые камешки. Платье затрещало и порвалось, но кроме этого треска и звука собственного дыхания Тэсси не слышала ничего. Над головой нависала неимоверная тяжесть земли и камня. Одна мысль об этом обессиливала.

— Тэсси, не бойся. Мы одолели больше половины. Скоро посветлеет.

Впереди и в самом деле забрезжил свет. Тэсси рванулась — откуда силы взялись? Ногти скребли землю, из-под ног летела земля и мелкие камни — Чарк сзади охнул и принялся отплевываться.

Свежий ветерок коснулся лица Тэсси, она последний раз подтянулась на руках и, извиваясь ужом, выползла из-под стены в сухую канаву. Чарк вынырнул из черного зева, отер перепачканное землей лицо и промокнул кровь, сочившуюся из разбитой губы.

— Извини, — пробормотала Тэсси.

Он не ответил. Выбравшись из канавы, быстро зашагал вперед. Тэсси рысила следом. Они миновали две улицы и три переулка — совершенно безлюдных — и достигли дома. Тэсси вцепилась в дверной молоток, будто собиралась разнести дом в щепы. Чарк попросту толкнул дверь.

— Не заперто.

Проносясь по коридору, Тэсси слышала, как дядя аккуратно задвинул засов изнутри. В кухне никого не было, очаг давно остыл. Мастерская тоже пустовала.

— Арнек! — вместо отчаянного зова Тэсси издала слабый писк. — Арнек!

Ворвалась в комнату. Брат сидел за столом, праздно вытянув руки. Это было так на него не похоже, что Тэсси застыла на пороге. Заледенела — в мокром от пота платье.

— Тэсси! — Арнек вскочил, сгреб сестру в охапку.

— Мы пробрались в город потайным лазом, — зачастила Тэсси. — Дракон…

— Была тень? — перебил Чарк, входя в комнату.

— Да. Ворота заперли и выставили на стены часовых.

— Спохватились! — вскипел Чарк. — Это надо было месяц назад сделать! А чужеземцы?

— Разбивают лагерь близ городских ворот.

Узкое худое лицо Чарка как будто исхудало еще больше. Он подозрительно спросил:

— Не напали? Что, не все отряды подтянулись?

Арнек минуту смотрел в сторону. Потом с трудом — губы отказывались произносить — вымолвил:

— Наш глава сдал город без боя… Сказал: «У них блистательный полководец, ни разу не потерпел поражения. Сопротивляться бесполезно».

Арнек не смотрел на сестру, но Тэсси знала, о чем он думает. Сама думала о том же. «Глава боялся за Майру. Чужеземцы пообещали, что Майра дракону не достанется. Потому он и распахнул ворота. Выходит, мы с Чарком, желая спасти город, сдали Арлесту врагам!»

Ратушная площадь была заполнена народом. Не пытаясь пробиться в первые ряды, дядя с племянниками взобрались на крыльцо пирожника. Тэсси уселась на перила, придерживаясь рукой за крендель вывески.

Резкие, крикливые голоса труб объявили о владычестве дракона. Следом за трубачами эту новость сообщил глашатай ратейцев.

— Отныне и навеки Арлеста объявляется вассалом доблестной Ратеи, а посему верховным правителем становится князь. Жителям Арлесты надлежит оказывать ему подобающие знаки почета и титуловать «Повелитель дракона».

По толпе прокатился ропот изумления.

— Как «повелитель»? Разве он не слуга дракона? — изумилась Тэсси.

— Молодые мужчины, те, кто пожелает и будет признан достойным, поступят в войско дракона! — продолжал надсаживаться глашатай. — Остальные обязаны выплатить…

Поднялся глухой ропот, и дальнейшего Тэсси не услышала. Снова запели трубы, утихомиривая горожан, и снова разнесся клич глашатая.

— Все, кто не способен воевать, должны трудиться для войска нашего господина, внося подати. Кузнецам полагается… Каменотесам полагается… Кожевникам полагается… Чеканщикам полагается… Сапожникам… Портным… Красильщикам…

Наконец глашатай умолк, свернул свиток и удалился, и тотчас воины принялись оттеснять толпу, расчищая путь князю.

Гнусаво взвыли трубы, послышался перестук копыт, и появились телохранители князя — сотня отборных воинов на вороных конях, в черненых доспехах.

Следом за телохранителями на изящных белых лошадках проследовали юные пажи, полные сознания собственной важности и недетского презрения к побежденным.

Только потом — по рядам пробежал невнятный шепот — показался сам повелитель дракона в темном дорожном плаще и забрызганных грязью сапогах. Казалось, он смотрел между ушами своего коня, но явно успел охватить вниманием всю площадь. Недаром у роптавших горожан жалобы замирали на губах и проклятия застревали в горле — так тяжел был немигающий взгляд князя.

Только потом — по рядам пробежал невнятный шепот — показался сам повелитель дракона в темном дорожном плаще и забрызганных грязью сапогах. Казалось, он смотрел между ушами своего коня, но явно успел охватить вниманием всю площадь. Недаром у роптавших горожан жалобы замирали на губах и проклятия застревали в горле — так тяжел был немигающий взгляд князя.

Тэсси пристально разглядывала повелителя дракона и не сразу удостоила вниманием его спутников. Только когда по толпе зашелестело: «Ладрек, Ладрек!» — она встрепенулась и обратила взгляд к рыцарю, ехавшему по левую руку князя. Полководец дракона воображался ей свирепым чудовищем — в залитых кровью доспехах, с мечом, каждым ударом отсекающим десятки голов.

Доспехи Ладрека и впрямь были багровы, да только не от крови, а от закатных лучей. Тяжелый

двуручный меч он отдал оруженосцу, шагавшему у стремени. Также отдал шлем и ехал с открытым лицом. Вместо яростной гримасы юное лицо освещала холодная улыбка. Прозрачные глаза отражали вечерний свет. Полководец тряхнул головой, отбрасывая со лба светлые волосы.

Тэсси не завопила на всю площадь лишь потому, что ладонь Чарка плотно зажала ей рот.

— Значит, Ладрек? — шепнул Чарк на ухо племяннице. — Из Гур-Гурана бежать невозможно. Ты его выпустила.

Арнек не заметил странного поведения родичей, ибо во все глаза рассматривал кого-то из свиты князя. Чарк отвел руку от губ Тэсси. Девушка, до конца не опомнившись, уперлась взглядом во всадницу, сопровождавшую Ладрека. На нее смотрела вся площадь, и неудивительно. Переливчато-зеленое платье облегало ее фигуру не так, как одежда облегает тело, но как листва охватывает ветви. В длинные волосы вместо драгоценностей были вплетены травы, травы же заменяли пояс и браслеты. Она ехала без седла и стремян, слегка опершись рукой на шею лошади, и видно было, как животное гордится своей ношей.

— Кто это? — спросил Арнек.

— Кто это? — повторила Тэсси.

— Кто это? Кто? — пронеслось по толпе.

— Судя по сходству, — тихо заметил Чарк, — сестра Ладрека.

Тэсси вновь уставилась на незнакомку и удивилась собственной слепоте. Брат с сестрой были похожи на диво: те же светлые волосы, светлые глаза, точеные черты лица.

Князь натянул поводья и поднял руку в знак того, что намерен говорить. Мгновенно воцарилась тишина.

— Мы сохраним привилегии городских старшин. — Князь не кричал, но его без труда слышали в самых отдаленных уголках площади. — А также устроим изысканный и веселый двор. Достойнейшие из вас примкнут к моей свите.

Судя по оживлению среди горожан, многие решили удостоиться.

— Все подданные при нашем милостивом правлении будут чувствовать себя легко и вольготно.

Горожане единодушно выразили желание чувствовать себя легко и вольготно.

— Конечно, если будут покорны, — уточнил князь. — Бунтовщикам не дадим пощады.

Горожане не собирались бунтовать.

— В начале осени мы выберем невесту дракона и с подобающими почестями справим свадьбу.

Ледяное молчание повисло над площадью, а потом заголосили женщины, имевшие взрослых дочерей.

Тэсси продолжала сидеть на перилах и цепляться за вывеску. Судя по долетавшему до нее

шепотку, настроение большинства горожан выражалось словами: «Поживем, может, все окажется не так страшно…»

Но вот подле крыльца остановились трое молодых кузнецов — их юная сестра вполне годилась в невесты дракону. Подошла вдова угольщика с двумя дочерьми на выданье. Замер старый кондитер с дочерью и племянницей, и тут же как из-под земли выросли женихи обеих девушек — пекарь и скрипач. Подскочили двое молодых купцов, готовых защищать если не сестер и невест, то дома и лавки. А потом стали собираться другие — многие и многие. И все почему-то смотрели на Арнека. Верно, вспомнили те дни, когда Арнек (подобно всем юношам города) обучался воинскому ремеслу в городской дружине и так отличился, что его прочили в начальники стражи. Только в тот раз он предпочел мечу — резец. Теперь предстоял иной выбор.

Тэсси тоже перевела взгляд на брата. Она вдруг подумала, что не меч и не броня делают воина — воином. С внезапной дрожью она подметила в лице брата спокойную решимость, какой не хватало даже Ладреку. Тэсси усомнилась, готов ли Ладрек — за почести, богатство и дракона — сражаться так, как Арнек — за родичей, друзей и Арлесту?

— Не здесь, — тихо сказал Арнек, обращаясь к столпившимся у крыльца горожанам, — и не сейчас. Ступайте по домам.

— Браво, — насмешливо одобрил Чарк, — хорошо начинаешь. Не надейся только, что их гнева и отваги хватит надолго. Как только дракон сожрет одну из девушек, родичи остальных сразу успокоятся. Так что поторопись.

Губы Арнека гневно дрогнули, но он молча проглотил совет и спустился с крыльца.

Вернувшись домой, Тэсси не раздеваясь села на постель. Устала беспредельно, но хуже усталости донимала грызущая тоска.

В дверь стукнули, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел Чарк. Только теперь Тэсси заметила, до какой степени дядя утомлен: щеки провалились, а кожа совсем обесцветилась, будто не ел неделю. Впрочем, колючего тона он не оставил.

— Будь любезна ответить: зачем ты освободила Ладрека? Сам он из Морской крепости не вырвался бы.

— Он попросил… — беспомощно призналась Тэсси.

Чарк усмехнулся.

— Представляю, как был настойчив! Против Ладрека устоять трудно. Какую-нибудь горбатую старуху ты бы не выпустила столь опрометчиво, верно?

Тэсси чувствовала себя слишком несчастной, чтобы смутиться.

— Мне следовало остеречься, — пробормотала она со слезами. — Что теперь делать?

— Я остался не для того, чтобы слушать твое покаянное нытье, — перебил Чарк. — Хочешь получить совет — помогай.

Он развернулся и вышел. Тэсси, забыв об усталости, побежала следом за дядей на кухню.

— Разожги огонь, — велел Чарк.

Пока она возилась у очага, Чарк, хозяйничая, будто у себя дома, налил воды в чистую плошку (выбрал ту, куда Тэсси обычно снимала сливки), прополоскал один из найденных днем корешков и принялся нарезать его тонкими дольками.

— Вскипяти воды, — распорядился он, когда блики пламени и веселый треск горящего дерева оповестили: первый приказ исполнен.

Тэсси послушно повесила котелок над огнем и тут же услышала:

— Раствори ложку соли, — и, не меняя тона, Чарк продолжил: — Ладрек самый опасный человек в войске ратейцев, не считая, может быть, повелителя дракона.

Тэсси снова удивил странный титул.

— Почему «повелитель»? Они ведь служат дракону?

Чарк чистым полотенцем тщательно вытер руки, испачканные липким соком.

Тэсси снова удивил странный титул.

— Почему «повелитель»? Они ведь служат дракону?

Чарк чистым полотенцем тщательно вытер руки, испачканные липким соком.

— Ратейцы служат не дракону, а…

Он умолк — на пороге явился Арнек и сухо промолвил:

— Полагаю, хозяин дома может проявить любопытство?

— Разумеется, — небрежно обронил Чарк, снимая с полки очередную миску и сбрасывая туда наструганные корешки, — ратейцы служат не дракону, а своему повелителю, а тот властвует и над драконом.

— Неужто кто-то из людей распоряжается чудовищем? — не поверил Арнек. — Откуда это известно *тебе*?

— Есть польза в том, чтобы не сидеть дома сиднем, — злорадно оскалился Чарк, — хоть и рискуешь прослыть бродягой.

Арнек не вступил в пререкания. Спросил:

— Повелитель дракона может натравить на нас чудище?

— Именно.

— С помощью дракона держит в страхе и собственных слуг? Того же Ладрека?

— Ладрек… насколько мне ведомо, — Чарк допустил крохотную паузу, — нанялся к дракону добровольно… Тэсси, вода вскипела. Наливай. — Он подпихнул ей миску с корешками.

Тэсси плеснула кипятка и закашлялась, такой густой и насыщенный пар повалил от корешков.

Topreading.ru

— А этот повелитель… — начал было Арнек, плохо скрывая нетерпение, но тут раздался осторожный стук во входную дверь.

Арнек вышел, и Чарк воспользовался этим, чтобы спросить:

— Ладрек обещал тебе что-нибудь? В благодарность за спасение?

— Сказал только: остается моим должником. Подожди! Он дал мне вот это.

Тэсси сняла с шеи цепочку с багровой бусиной.

Чарк поймал бусину на ладонь и отозвался долгим свистом. Из коридора донеслись шаги Арнека, спровадившего поздних гостей. Чарк быстро вложил цепочку в руку Тэсси. Та едва успела сжать пальцы, как возвратился брат.

— Кто это был? — спросила она, но Арнек не ответил. Сам задал вопрос:

— Как князь повелевает драконом?

— Не знаю, — тихо отозвался Чарк. — Говорят, есть особые заклинания…

— Но тебе они не известны?

— Нет.

Во входную дверь опять постучали, и Арнеку снова пришлось уйти. Тэсси быстро шепнула:

— Ты много знаешь о Ладреке. Со слов других? Или встречался с ним?

— Встречался. — Чарк заговорил медленно, взвешивая каждое слово. — Я жил в Вердиане, когда город захватили ратейцы. Ладрек тогда и перешел к ним на службу.

— Так он не ратеец? — поразилась Тэсси.

— Нет, вердианец. Он стал «когтем дракона» — вступил в войско победителей, как вступят вскоре юноши Арлесты.

Тэсси чуть было не вспылила, отстаивая достоинство горожан, но тут же вспомнила их угрюмую покорность.

— Значит, Ладрек…

— Клеймен кровью дракона, — договорил за нее Чарк.

— Шрам над бровью?

— Именно. Дракон метит своих сторонников. И награждает. Каждый получает у него то, что попросит.

— Что же попросил Ладрек?

— Угадай.

— Выигрывать все битвы? — выпалила Тэсси.

Вместо подтверждения Чарк скупо улыбнулся.

— Он с шестнадцати лет водит войска. За семь лет — двенадцать битв. Двенадцать блистательных побед. Дракон награждает щедро.

— Да? — разозлилась Тэсси. — А это при чем?

Она подняла руку с зажатой цепочкой. Отблеск пламени упал на бусину, та потемнела и выпустила в ответ багровый луч, озаривший комнату ярче затухающего очага.

— Тут, — Чарк вытянутым пальцем коснулся бусины, — капля раскаленной драконьей крови.

Девушка испуганно отдернула цепочку.

— Не бойся. Бусина не разобьется, разве только ты сама захочешь ее разбить.

— Зачем?

— Как понимаю, Ладрек поклялся кровью дракона, — Чарк помешал настой и накрыл миску, — исполнить любое твое желание (какое в его силах, разумеется). Если нарушит клятву… ты разобьешь бусину.

— И?

— Тогда он умрет.

В кухне наступила тишина, такая, что до Тэсси донеслись приглушенные голоса из прихожей:

— Все, что есть, припрячем…

— Не сомневайся, мечей хватит…

— В темнице он обезумел, — пробормотала Тэсси.

— Он никогда разумнее и не был. В этой клятве — весь Ладрек. Он жаждал тебя отблагодарить — всей душой, и не в его обычаях скупиться.

Тэсси поглядела на Чарка так, словно он отвечал за сумасбродство Ладрека. Воскликнула негодующе:

— Вручить свою жизнь незнакомому человеку?! Он даже лица моего рассмотреть не успел!

Чарк криво улыбнулся, и Тэсси разошлась:

— Прекрасно! Вот моя просьба. Пусть уведет войско прочь!

— Не так это просто. Прежде чем поклясться тебе, он стал «когтем дракона», присягнул дракону. Если вздумает изменить — умрет. Клеймо выжжено навечно.

Не вполне сознавая, что делает, Тэсси наклонилась к сидевшему Чарку и быстро отвела волосы с его лба. Чарк отпрянул, затем выдохнул:

— Я не ношу клейма.

Тэсси пристыженно опустила руку, не понимая, что ей почудилось. Она вновь ощутила

обессиливающую усталость — до дрожи. Чарк в упор смотрел на нее, в его взгляде сквозила откровенная насмешка, но было и что-то еще, и это «что-то» заставляло Тэсси чувствовать себя очень неуютно.

Арнек переступил порог. Только это и успел — дверь снова атаковали. Чарк проводил племянника взглядом, достал из-за пазухи грязный холщовый мешочек, бросил в настой щепотку серебристого порошка. Настой полиловел, забил ключом, а потом застыл густой массой медового цвета.

— Ступай спать, племянница. Завтра, ручаюсь, получишь приглашение на свадьбу. Свадьбы теперь будут часты. Уверен, до конца лета в городе не останется ни одной незамужней девицы.

Тэсси задремала лишь под утро и проснулась с мыслью, что открыла врагам ворота Арлесты. От этой мысли стало совсем тяжко. Тэсси знала, что следует делать. Разбить бусину, пролить драконью кровь и убить Ладрека. Так, и только так, она исправит зло, причиненное Арлесте.

Но она не могла! Она спасла Ладрека от безумия не для того, чтобы убить. Он-то не был виноват в ее опрометчивости! Он ее не обманывал, он вовсе не знал, что приведет войско именно в ее город!

Она продолжала бы изводить себя попреками, но, к счастью, явилась Лора — зеленоглазая Лора, не боявшаяся ни мышей, ни змей, ни пауков, обожавшая бешеную скачку верхом и прыжки в воду с крутого обрыва. Отважная, всегда веселая Лора — но этим утром даже на ее губах не было улыбки.

— Не так полагалось бы все делать, — сказала она сердито, словно положив конец долгому спору. — Но я не могу ослушаться родителей. Они настаивали чуть не со слезами. Все ведь давно решено, промедление ничего не изменит.

Тэсси молча хлопала глазами, не понимая, о чем речь.

— Возьми. — Лора сунула руку в карман и протянула Тэсси ромашку с наполовину оборванными лепестками.

«Зовет на свадьбу!» — осенило Тэсси. Цветок, сохранивший только половину лепестков, означал конец беспечной незамужней жизни.

— Конечно, я приду, Лора, милая. Очень хорошо, что вы с Генриком поженитесь сейчас. Столько печалей навалилось, пусть хоть одна радость поспешит!

— Спешить заставляет дракон. — Лора мужественно отвергла утешение. — Это очень противно, но упрямиться и пугать родителей я не хочу. Они вчера чуть рассудка не лишились, как услышали про «выбор невесты». — Она помолчала и осторожно промолвила: — Тэсси, а у тебя… никого нет на примете? Ни к кому не склоняешься сердцем?

Тэсси впервые сообразила, что опасность может грозить и ей. «Нет. Мне-то как раз бояться нечего». Она вспомнила о бусине Ладрека, крохотном прозрачном сосуде, полном кипящей драконьей крови.

Вот, оказывается, как надлежит распорядиться даром полководца. Не город спасти — себя, ненаглядную. Ладрек избавит ее от страшной участи — отдав в жертву дракону ее соседку или

подругу: ведь все горожане — соседи или друзья!

— Сын мельника давно на тебя заглядывается, — осторожно подсказала Лора. — Он славный юноша, прямодушный и бесхитростный, не чета отцу.

— Не волнуйся, — отмахнулась Тэсси, — мной дракон побрезгует.

Зеленые глаза Лоры подернулись дымкой тревоги.

— Может и не побрезговать, — она невольно понизила голос, — если не из кого будет выбирать. К осени в городе почти не останется незамужних.

«Про это и Чарк толковал», — вспомнила Тэсси.

Лора неожиданно спросила:

— Говорят, ты сдружилась с дядей?

— Кто говорит? — удивилась Тэсси. Вряд ли их с Чарком редкие встречи, полные язвительных перепалок и упорных попыток выведать секреты друг друга, можно было назвать «большой дружбой». — Горожане болтают? Еще бы! Они Чарка терпеть не могут!

Лора чуть ниже склонила голову и заметила:

— Он не рассказывает о своих делах и не интересуется чужими. Кому из соседей он помог, кого из родичей поддержал? Тебе не кажется, что в родном городе он — чужак?

Тэсси смолчала, припомнив реплику Арнека: «Думаю, Чарк скорее ненавидит дракона, чем любит Арлесту».

Едва Лора откланялась, как в дверь постучали новые гостьи, три юные соседки — Тильда, Листа и Маргарита. Все три, к удивлению Тэсси, ожидавшей от горожан глубокой скорби и, соответственно, траурных одежд, были пышно разряжены. Маргарита, купеческая дочка, облачилась в красный бархат, отделанный мелким речным жемчугом. Тильда — сестра одного из городских старшин — явилась не в столь пышном, но в гораздо более изысканном платье из серого атласа, по вороту и подолу расшитом бирюзой. И даже Листа, сирота, племянница бедного сапожника, накинула на плечи новую изумрудно-зеленую косынку, подчеркнувшую ее восхитительный румянец.

Тэсси провела соседок на кухню. Прежде чем успела усадить и предложить угощение, все три в один голос воскликнули:

— Будь гостьей на свадьбе!

Тильда вложила ей в руку общипанный клевер, Маргарита — половинку тысячелистника, а Листа — растерявшую лепестки гвоздику.

Тэсси захлопала глазами. Если Тильда еще улыбалась молодому кузнецу нежнее, чем прочим, и охотно плясала с ним на всех праздниках, то у остальных сердца бились ровнехонько.

— За кого ты выходишь? — полюбопытствовала Тэсси у Маргариты и прислонилась к стене, услышав:

— Еще не знаю.

Маргарита любовно оглядела собственное отражение — в сверкающем тазу и блестящем кувшине, расправила украшенный жемчугом ворот и похвасталась:

— Отец рассказал одной сплетнице, какое дает за мной приданое. К утру отбоя от женихов не будет.

Листа неожиданно разрыдалась, уронив голову на скрещенные руки.

— А я бесприданница, — объяснила она между всхлипываниями. — Ко мне никто, кроме пропойцы-конюха, посвататься не захотел.

— Но… — растерялась Тэсси, — как же ты станешь жить с постылым мужем?..

— Все лучше, чем с драконом, — рассудительно заметила Маргарита.

— Подожди со свадьбой! — не унималась Тэсси. — Может, дракона истребят…

— Справятся с ним, как же, — тоскливо протянула Листа. — У дракона и огонь, и броня, а воинов сколько… Полководец знаменитый… (Тэсси вздрогнула.) Не нашим мастеровым да обезоруженным дружинникам его одолеть.

Тильда грустно покивала головой, соглашаясь, и обе ушли. Маргарита еще повертелась перед начищенным тазом и как бы между прочим осведомилась:

— Когда же твой черед?

— Мой… что? — переспросила Тэсси.

— Твоя свадьба, — почти пропела Маргарита.

— Н-не знаю, — заикнулась Тэсси, сразу перестав осуждать бедную Листу. «Держалась бы я так смело, не надейся — в крайнем случае — на заступничество Ладрека?»

— Наверное, скоро, — понимающе улыбнулась Маргарита. — Утром я встретила Арнека, он на мельницу спешил. Так что быть тебе за сыном мельника, подружка. Он и собой пригож, и нравом недурен.

— Что?! — вспыхнула Тэсси.

Соседка хихикнула и упорхнула, в дверях столкнувшись с Арнеком и еще раз громко хихикнув.

— Где ты был?! — накинулась на брата Тэсси, уязвленная в своей женской гордости.

Арнек устало опустился на скамью.

— Тэсси, давай условимся. С этого дня ты не задаешь мне вопросов.

— Хорошо, только учти. Если прочишь меня за сына мельника — то напрасно. Ради этого на мельницу ходить не стоит.

Арнек миролюбиво засмеялся.

— Тэсси, Тэсси! До того ли мне сейчас?.. Все спешат сбыть дочерей с рук. Лучше бы за мечи взялись! Неужто думают — жизнью единственной девушки откупятся от дракона? Ничего

другого он не потребует?!

Громовой раскат заглушил восклицания Арнека. Дождевые струи забарабанили по окнам, словно пытались высадить ставни.

Брат с сестрой пообедали, наслаждаясь теплом очага и горячей кашей, а за окном дождь хлестал все исступленней. Вспыхивали зарницы, грохот разрывал уши.

— Давно таких гроз не бывало, — заметил Арнек.

— Стучат, — сказала Тэсси, заглянув в крынку с молоком и обнаружив там простоквашу. «Раззява, не вскипятила вовремя! Почему во время грозы молоко всегда скисает?» — Стучат в дверь.

— Не слышу. — Арнек лениво и блаженно вытянул ноги.

Но тут дверь начала сотрясаться от ударов, и Арнеку пришлось-таки идти отворять. Возвратился он с промокшим до нитки и страшно злым Чарком.

— Вы что, оглохли? — приветствовал их дядя с обычной любезностью. — Или затаились? Очень умно! Ратейцы на моем месте давно бы высадили дверь.

Тэсси кинулась разогревать оставленную на ужин кашу.

Тэсси кинулась разогревать оставленную на ужин кашу.

— Извини, больше ничего нет. Завтра схожу на рынок…

— Сходи, — недобро засмеялся Чарк, — хочу посмотреть, с каким ты лицом вернешься и что принесешь в корзинке.

— А… — недоуменно начала Тэсси, но Чарк и сам пояснил:

— Лавочники поживу за милю чуют. У чужеземцев денег поболее, чем у вас. Так что за хлеб нынче серебром платят.

Тэсси прикинула в уме их скудные сбережения и приуныла. Последнее время она мало трудилась, скатерть для Большой трапезной только начала. Да и городским старшинам нынче не до скатерти.

Дождь иссяк быстро, быстрее, нежели Чарк успел обсушиться у огня. В распахнутое окно пахнуло влагой и свежестью, солнечные лучи заблистали с прежней яростью, стремясь уничтожить всякие следы отбушевавшего ливня.

— Нам с Тэсси нужно уйти, — неожиданно объявил Арнек, удивив и огорчив сестру, надеявшуюся вызнать у Чарка новые подробности о ратейцах и Ладреке. — Надеюсь, не соскучишься?

— А иначе бы ты остался? — огрызнулся Чарк.

Арнек, взяв сестру за локоть, увел прочь.

По улице еще бежали ручьи, правда, уже не бурные и пенистые, а плавные, прозрачные. Тэсси осторожно выбирала дорогу, сберегая единственные туфли.

— Любопытно, зачем Чарк пожаловал? — спросила она, не слишком надеясь получить ответ.

— За книгами, разумеется, — фыркнул Арнек. — Надеюсь, не воображаешь, будто он стосковался по родичам?

Городские ворота охраняли рослые стражи дракона, одетые в буро-вишневые плащи. Они хмуро оглядели Тэсси с Арнеком, заставили вывернуть карманы и, не найдя ничего, отпустили. Всех же, входивших в город, обыскивали много тщательнее.

Тэсси впервые увидела лагерь ратейцев, раскинувшийся за крепостной стеной. Высоченный частокол протянулся чуть не до самого горизонта. Над частоколом возвышались башни и маячили дозорные. Ворота — в отличие от городских — были наглухо заперты.

Картина так удручила Тэсси, что девушка не размыкала губ, пока ненавистный частокол не скрылся за склоном очередного холма. Лишь тогда спросила:

— Куда мы идем?

— К мельнице.

Тэсси подозрительно взглянула на брата, но допытываться не решилась. Заговорила о другом:

— Как думаешь, что Чарк ищет в книге?

— По-моему, заклинание против дракона. Надеюсь, найдет.

Попетляв между деревьями, тропа вынырнула на открытое место. Невдалеке виднелась мельница, стоявшая на вершине пологого холма. Ветра не было, и крылья мельницы застыли неподвижно: два бессильно опущены, а два в немой жалобе воздеты к небу.

Арнек свернул с тропы, направившись к узкому, глубокому оврагу. На самой крутизне притулились две сосны, впившиеся корнями в кромку обрыва. Вниз по откосу тянулись заросли молоденьких рябин и кленов. На дне, невидимый, звенел ручей.

— Останься здесь, — распорядился Арнек. — Если кто появится — начинай петь или сбрось камень.

Ничего больше не прибавив, он ринулся вниз по песчаному откосу и вскоре исчез среди зелени.

Тэсси вздохнула, потом рассудила, что стоять наверху не стоит: отовсюду видно. Она устроилась в песчаной впадине у корней старой сосны. Вокруг не было ни души. Тихо звенел ручей, и сонно жужжали мухи. Тэсси прислонилась к разогретому сосновому стволу. Бежали минуты, припекало солнце, Арнек не возвращался.

Она задремала и проснулась от резкого металлического звука. Несколько мгновений ушло, пока она очнулась и вспомнила, где находится. «Лошадь задела подковой о камень».

Тэсси вскочила, и в тот же миг из-за дубов выехал всадник. «Проворонила!» Она глотнула воздуха, намереваясь запеть, но лишь плотнее сжала губы. «Поздно!» Начни она горланить песню — только подозрения разбудит.

Носком ноги она ковырнула песок. С тихим шорохом вниз посыпались мелкие камешки. Всадник натянул поводья. Точнее, всадница.

Тэсси чуть успокоилась, увидев женщину, к тому же одну. Испуг сменился удивлением, когда Тэсси узнала сестру Ладрека. Она ехала без седла и стремян, даже без уздечки, окутавшись плющом… нет, зеленым покрывалом. Вдобавок знатная дама была босоногой и, судя по загрубевшим подошвам, разгуливала так не первый день.

Всадница смотрела против солнца, и Тэсси не заметила. Боясь дышать, девушка опустилась на колени, сжавшись между корнями сосны. Сестра Ладрека спешилась, подошла к самому краю обрыва и поглядела вниз, чудом не обнаружив Тэсси, забившуюся в углубление под корнями. Потом отступила назад и замерла, рассматривая мельницу. Смотрела так, как смотрит странник, возвращаясь в знакомые, но забытые места. В лице ее проступило странное, нетерпеливое выражение. Теперь она отчаянно напоминала брата — с подобной жаждой во взоре Ладрек умолял отворить двери темницы.

Внезапно она вскочила на коня и повернула вспять, к городу. Тэсси некоторое время оставалась неподвижна, затем сбросила вниз очередной камень. Вскоре зашелестели листья и заскрипел песок — кто-то карабкался по обрыву. Тэсси бросило в жар, когда она узнала сына мельника.

— День добрый, Мартин, — шепнула она.

Юркий черноглазый паренек выбрался наверх.

— Кто это был? — спросил он, едва ответив на приветствие.

— Сестра Ладрека. Одна.

Мартин достал из-за пояса пастушью свирель, поднес к губам, и над обрывам поплыла ясная, переливчатая трель.

— Арнек велел нам обоим караулить. Застанут парочку — не удивятся. Ясно, зачем уединились.

Он произнес это самым оживленным тоном, хотя влюбленному полагалось бы смущаться. Тэсси сразу уяснила, что намеки Лоры, Маргариты и прочих — пустые. Однако решила попытать счастья. Может, не в увлечении, но — по чистосердечию — он проговорится? Она небрежно заметила:

— Место для сбора неплохое выбрано. Только от города далековато.

— Ничего. — Свирель запела звонко и горделиво, будя всех уснувших и собирая заблудившихся. — Надеюсь, недолго нам по оврагам да канавам прятаться.

— Хорошо бы — недолго. А то все девушки в городе без любви замуж повыскакивают. Вон — Маргарита, Тильда и Листа уже обручились.

Свирель издала невнятный вопль и умолкла.

— С кем? — воскликнул Мартин. — Впрочем, почему без любви? Тильда своего кузнеца очень любит…

Свирель подтвердила это долгим вздохом и нежным щебетанием.

— Маргарита своего жениха еще не знает, выйдет за любого, — продолжала Тэсси, — а к Листе

только конюх и посватался, так что быть ей за пьяницей.

Мартин нахмурился. Свирель зарыдала избранницей дракона, потом заплакала невестой конюха. То угрожала, то проклинала, но уже не радовалась и не радовала. Тэсси мгновенно устала от бессвязных трелей.

— Хоть бы дракон сгинул поскорее. — Она упорно возвращалась к прежней теме.

— Прежде должен сгинуть князь, — рассеянно отвечал Мартин и снова дунул в свирель.

— Если убить князя, дракон спалит город.

— Зачем же убивать? — возразил Мартин. — Пусть живет и натравит свое чудище на ратейцев.

Руки Тэсси стали холодными и липкими. «Они решили захватить князя! Держать в плену. Угрозами заставить повиноваться, спалить драконовым огнем войско ратейцев… Да разве это возможно?!»

— В кузнице у Трех ключей кипит работа, никто без мечей не останется, — прибавил Мартин, уверенный, что Арнек посвятил сестру во все замыслы. — Главное, пронести оружие в город. Арнек сказал, ты знаешь лаз?

Тэсси кивнула. Опять запела свирель, рассказывая о мягких сочных травах, нежной листве деревьев, цветах и птицах — обо всем, что погибает от дыхания дракона.

Внизу свистнули, Мартин простился и сбежал с обрыва. Вскоре Арнек возвратился к сестре. В молчании они направились к городу, и Арнек остался очень доволен тем, что Тэсси не задавала вопросов.

Золотистый закат сменился лиловыми сумерками, когда брат с сестрой возвратились домой. На Тэсси сразу навалилась забота, насущнее всех заговоров вместе взятых: чем кормить двух голодных мужчин и себя в придачу?

Тут она ощутила невероятный аромат жареного мяса и, не веря себе, двинулась на кухню. Арнек — следом.

В очаге полыхал огонь, золотя медь тазов и мисок, расцвечивая беленые стены. Перед очагом на корточках сидел Чарк и поворачивал вертел с откормленным гусем, поливая птицу стекавшим с нее жиром. На столе высилась золотисто-розовая громада окорока, горшок свежего масла и кусок желтого, ноздреватого сыра — не считая двух пышных караваев. И — в довершение изобилия — две запыленных пузатых бутыли темного стекла.

Тэсси потянулась было к окороку, но, поймав взгляд брата, отдернула руку и даже отскочила от стола.

— Откуда все это? — спросил Арнек жестко.

— А если я не отвечу? — не поворачивая головы, осведомился Чарк.

— Тогда твоей племяннице придется уснуть голодной.

Тэсси громко сглотнула.

— Подрядился врачевать ратейцев? — с неумолимой настойчивостью продолжал Арнек. — У кого еще мог разжиться подобной снедью? — Он брезгливо махнул рукой в сторону окорока, и Тэсси поспешно отскочила от стола еще на шаг.

— Не угадал, — небрежно откликнулся Чарк. — Все это получено у городского главы.

Воцарилась тишина, только капли жира с шипением падали в очаг. Сбитый с толку Арнек не разжимал губ, Тэсси и подавно молчала.

— Понимаю, что ты ставишь нашего главу не выше ратейцев, — Чарк выпустил ручку вертела и выпрямился, — но я не вижу, почему он должен объедаться, а мы — сидеть голодными.

Признавая эту истину, Арнек ополоснул руки и занял место во главе стола, Тэсси достала праздничное блюдо, Чарк снял гуся с вертела. Приглашающе махнул рукой, и все трое накинулись на еду.

— С чего это глава расщедрился? — Арнек утолил первый голод и вернулся к прежним подозрениям.

Чарк увлеченно намазывал хлеб маслом, всем своим видом показывая, что ответит — когда соблаговолит. Затем он счистил сургуч с горлышка бутылки и разлил по кубкам густое вино цвета драконьей крови. Тэсси глотнула — и сразу горячая волна прошла по телу, захотелось беспричинно смеяться и петь. Арнек не спеша потягивал вино, дожидаясь ответа.

— Я продал ему горшок сонного зелья.

Тэсси вспомнила густой медово-золотистый отвар. «Вот что это было! Сонное зелье!»

— У него что, бессонница? — не поверил Арнек.

— Зелье не для людей сварено, — сквозь зубы процедил Чарк. — Плеснешь в глаза дракону — и он уснет. Городской глава до сих пор дрожит за Майру.

Арнек отодвинул кубок и уставился на дядю.

— Ты сварил подобное зелье? И отдал его главе? Не дружинникам, не кузнецам, не…

— Никому другому оно не понадобится, — оборвал Чарк. — Да и Майре тоже…

— Ты что, главу обманул?

— Я продал ему сонное зелье, — зло ответствовал Чарк. — Если плеснуть в глаза дракону, он уснет. К чему задавать вопросы, если ты не слушаешь ответов, племянник!

Тэсси беспокойно переводила взгляд с одного на другого. У Арнека явно пропал аппетит, он через силу дожевал кусок и поднялся из-за стола.

— Доброй ночи.

Чарк, напротив, остался за столом; не столько ел, сколько крошил хлеб, напряженно размышляя о чем-то. Тэсси вскипятила воды и начала прибираться в кухне. До блеска отмыла пол, думая, что сейчас заснет с открытыми глазами. «Только бы до постели добраться». В это время дядя поманил ее пальцем и указал на скамью рядом с собой.

— Подожди-ка, племянница. Где это вы пропадали полдня?

С Тэсси мгновенно слетел сон, сменившись тоскливым ужасом. «Арнек погибнет. Непременно погибнет, если рискнет сразиться…»

— Ну? — Чарк не собирался терпеливо сносить ее молчание. — Ты что, считаешь меня деревенским дурачком, племянница? Уверен, твой брат намерен перебить телохранителей князя и городскую стражу, запереть ворота и вынудить ратейцев штурмовать Арлесту. Только он, случаем, не позабыл о драконе? Впрочем… — Чарк раскрошил очередной ломоть хлеба, — …драконом повелевает князь. Если удастся сразить князя в самом начале боя, дракон не прилетит… Я угадал?

— Почти, — созналась Тэсси в надежде, что Чарк развеет ее страхи. — Они заманят князя в ловушку. Тот прикажет дракону, и чудище прогонит ратейцев за горы.

— Захватят князя-а, — протянул Чарк. — Как? Ведь пока горожане сцепятся с телохранителями, князь сотню раз успеет позвать дракона… Надо выманить повелителя дракона из ратуши, да еще без охраны… Какую приманку подсунет твой брат? Вердианцы пытались сыграть на алчности князя. Поведали о казне, якобы спрятанной в горах…

— Вердианцы пытались?.. Ладрек? — вырвалось у Тэсси.

На лице Чарка отразилось искреннее любопытство.

— Почему ты подумала о Ладреке?

— Н-не знаю, — заикнулась Тэсси, затрудняясь объяснить. «Прирожденный полководец, он наверняка возглавил заговор. Должен был рискнуть жизнью (и не только своей) — если не ради высокой цели, то ради самого риска».

— Да, Ладрек, — подтвердил дядя, не дождавшись ответа. — Но заговор провалился, и он нанялся на службу к дракону.

— Не сделав новой попытки? — спросила Тэсси, гадая, сколько несчастных расплатились головой за промах Ладрека. Вряд ли он берег собственную жизнь и уж тем более не щадил чужие.

— У него не было времени. — Чарк понял недоумение Тэсси и пояснил: — Сестра. Незамужняя сестра Ладрека наверняка досталась бы дракону.

Тэсси подумала, что Арнек даже ради нее не стал бы «когтем дракона».

— Не знаю, хватит ли твоему брату ума — перехитрить князя, — в тоне Чарка звучала уверенность: ума не хватит.

Утром Тэсси вспомнила, что звана на свадьбу, а подарка не приготовила. Поспешила за советом к брату — Арнек с утра пораньше трудился в мастерской. Выслушал сестру и, продолжая вытачивать завиток львиной гривы, распорядился:

— Сходи к ювелиру и закажи браслеты или ожерелья — по своему вкусу.

Тэсси отправилась в ювелирную лавку. Ювелиры в Арлесте процветали, и хозяин отвел под

лавку весь первый этаж дома. Сейчас в просторном зале царил сумрак — свечи явно берегли. Смутно вырисовывались очертания высоких удобных кресел, где посетители могли бы дождаться хозяина. Впрочем, посетителей было только двое. Они стояли у прилавка в круге света — мужчина и женщина. Оба высокие, светловолосые, в богатых одеждах. На плаще мужчины поблескивал герб, вышитый серебряной нитью: сокол, ринувшийся на добычу. Платье женщины окутывало ее клубами тумана, вечернего сумрака — легкого, но непроницаемого для глаз. Вероятно, знатная дама наступила в лужу, потому что на дубовом полу поблескивал мокрый отпечаток босой ноги.

Перед чужеземцами, бледный до желтизны, стоял хозяин, явно дрожавший за свою жизнь и достояние.

Никто из троих даже и не заметил Тэсси.

— Моя сестра желает взглянуть на ваше искусство, — тоном ледяной любезности промолвил Ладрек.

Ювелир принялся трясущимися руками отпирать кованый сундук. Он бережно разложил на прилавке броши и кольца, цепочки и ожерелья, серьги и браслеты.

— Лючия, выбирай, — предложил Ладрек, подкинув на ладони упитанный кошель. — Мой обычный дар в честь победы.

Тэсси улыбнулась: Ладрек не преминул по-мальчишески щегольнуть тем, как щедро одаривает сестру.

Звон монет заметно успокоил ювелира. Даже вдохновил — если полководец с сестрой что-нибудь купят, их примеру последуют все придворные.

— Выбери ты, — промолвила Лючия.

— Примерь. — Ладрек взял диадему, судя по сверканию — усыпанную сапфирами и бриллиантами, бесспорно, самую дорогую вещь.

Лючия послушно надела, оставаясь по-прежнему безучастной. Она повернулась к Тэсси боком, и девушка не подметила в лице чужеземки ни румянца, ни проблеска улыбки — ни малейшего знака оживления. От блестящих камней упал синеватый отсвет, еще больше высветлив и совершенно оледенив глаза. Выбор Ладрека был неудачен.

Ювелир начал подавать изумруды и рубины, опалы и горный хрусталь. Но стоило чужеземке примерить серьги или ожерелья, он в досаде качал головой, бормоча:

— Мертвые, мертвые камни.

Совершенно отчаявшись, оперся о прилавок и закрыл глаза, перебирая в памяти собственные изделия. Потом хлопнул себя ладонью по лбу.

— Знаю! Как сразу не подумал! Жемчуг!

Он в увлечении обежал прилавок и обвил ожерельем шею чужеземки. Она не отстранилась, зато Ладрек издал гневное восклицание. Насмерть перепуганный ювелир отскочил, бормоча извинения. Лючия взглянула на брата с холодным упреком. Ладрек в ответ сжал губы, не желая этого замечать.

— Чудесно, — промолвил он, и Тэсси мысленно согласилась — ожерелье шло Лючии необыкновенно. — Сколько?

Пока Ладрек расплачивался, его сестра сняла украшение. Ювелир спрятал жемчуг в футляр розового дерева и с поклоном передал чужеземке.

— Может, наденешь сразу? — нарочито небрежным тоном предложил брат.

Лючия покачала головой. Ожерелью предстояло — наряду с другими подарками Ладрека — упокоиться в каком-нибудь ларце.

Тэсси, пригнувшись, спряталась за высокой спинкой кресла. Ладрек с сестрой вышли из лавки, и она выскочила следом, не зная хорошенько, зачем это делает. Шла за чужеземцами как привязанная, приотстав шагов на пять, и прекрасно слышала каждое слово.

— По такому холоду ходить босоногой — только простудиться, — выговаривал Ладрек сестре. — Но я готов считать твою прихоть нерушимым обетом. Считайся же и ты с моей гордостью. Не для того побежденные платят нам дань, чтобы держаться на равных. Не позволяй черни дотрагиваться до тебя. Терпеть их прикосновения — себя унижать.

Тэсси затрясло от бешенства. Она не часто осмеливалась возражать брату или дяде, перед князем и вовсе бы онемела, но этого заносчивого мальчишку не боялась.

— Вот как!

Ладрек обернулся в надменном удивлении. Тэсси он не узнал, не мог узнать, видев лишь раз, мельком.

— Что ж вы меня не предупредили? — звенящим голосом продолжала она. — Я бы не осквернила вас своим прикосновением!

Она расстегнула ворот и вытянула цепочку с бусиной, полной кипящей драконьей крови.

Высокомерная улыбка погасла на губах Ладрека. Он начал бледнеть, и с каждым мгновением бледнел все страшнее, даже губы выцвели.

Лючия глянула на бусину в руках Тэсси. Поняла, что неприметная горожанка держит в руках жизнь ее брата. Смотрела на Тэсси, не отрываясь. В серых глазах Лючии, так похожих на глаза ее брата, промелькнуло непонятное выражение — мгновенный испуг сменился удивлением, потом — нетерпеливой надеждой.

— Хозяйка дверей… — Ладрек попытался взять себя в руки, даже улыбнуться, только губы не повиновались. — К тебе мои слова не относятся.

— Чудесно! — Тэсси чувствовала, что в ее голосе прорываются непрошеные слезы. — Зато относятся к моим родичам, друзьям и соседям!

Тэсси развернулась и бросилась прочь. Ладрек был слишком ошеломлен, чтобы ее удержать.

Вернувшись в ювелирную лавку, Тэсси обнаружила, что у хозяина разительно переменилось настроение. Он весь сиял, и сияли десятки свечей, озаряя прилавок. Ювелир ждал нашествия посетителей. «Вот кто искренне огорчится, если дракона изгонят».

Тэсси быстро выбрала для Лоры с Генриком пару кубков черненого серебра и поспешила домой. Войдя, нос к носу столкнулась с дядей.

— Ты звана к Лоре на свадьбу? — спросил он с ходу. — Ну конечно, звана. Пойдем вместе.

— А подарком запасся? — в коридоре возник Арнек, распространяя сильный запах лака.

— Успокойся, явлюсь не с пустыми руками, — ухмыльнулся Чарк.

Тэсси быстренько надела лучшее платье — умелая вышивка превратила белое полотно в поле цветущих маков — и нагнала мужчин уже на крыльце.

Свадьбу справляли в доме жениха, увитом цветами от фундамента до флюгера. Тэсси раскланялась с родителями подруги и устремилась к сияющей невесте и лучившемуся от радости жениху. Следом подошел Арнек, а потом и Чарк. Пожелав счастья молодым, он спокойно встал в стороне, стоически перенося любопытные взгляды и шушуканье гостей.

Знакомые и родные шли чередой. Добрые пожелания произносили горячо, но как-то растерянно. Да и что можно было пожелать подданным дракона?

Пела в день свадьбы одна невеста, а танцевали только самые юные и беспечные. Тэсси увлекли в круг танцующих. Каблуки выбивали лихорадочную дробь, колоколами надувались юбки, деревянные полы скрипели и стонали. Кружась под руку с очередным кавалером, Тэсси поглядела на дядю. Он все так же подпирал стену, терпеливо выжидая… чего?

Затем музыканты промокали лбы и крупными глотками осушали кубки, а гостей позвали за стол. В прежние времена столы бы ломились от угощений, а нынче пришлось довольствоваться скромной трапезой.

Вскоре гости поднялись из-за стола и обступили молодых, вручая подарки. Когда к молодым приблизился Чарк, разговоры смолкли. Всем любопытно было поглядеть, что припас этот чернокнижник.

Чарк откинул край плаща и поднял на ладони невиданную птицу. Золотистая головка, жемчужно-розовый клюв, длинные, оранжево-алые перья — такой огнекрылой красавицы в их краях не водилось. По кругу гостей пробежал ропот изумления.

— Это огневка, — тихо сказал Чарк, — с предгорий.

Сидя на распахнутой ладони, огневка снисходительно чирикнула и залилась звонкой, переливчатой трелью. На гостей пахнуло полуденной жарой, зноем, палящими солнечными лучами, дотла выжигающими всякую нечисть. Песня была окрашена огнем, подобно самой маленькой певунье.

Гости слушали, их глаза зажигались ответным пламенем. Что дракон — всего лишь ящер, ползучая гадина! Неужто возьмет верх над целым городом? Нет, найдутся храбрецы, готовые дать ему отпор! Мужчины приосанились, женщины гордо вскинули головы. Листа стянула с пальца дешевое оловянное колечко, подаренное конюхом.

Огневка умолкла и скрылась под плащом Чарка. Еще мгновение в воздухе сиял отсвет песни, затем погас. Ошеломленные гости медленно приходили в себя. Переглядывались, не решаясь даже перешептываться. Не довели бы такие песни до беды, чернокнижник и есть чернокнижник. Только Лора с Генриком сияли, считая, что получили волшебный подарок.

Ничто остальное не шло в сравнение.

Постепенно веселье возобновилось — запели скрипки, зазвенели бубны, молодежь пустилась в пляс. Тэсси оглянулась на дядю. Тот разговаривал с Генриком, точнее, о чем-то спрашивал. Генрик приветливо кивнул и подвел Чарка к сундуку, откинул крышку, извлек — Тэсси даже улыбнулась, так проста оказалась разгадка, — огромную книгу в кованом переплете.

Чарк тотчас расположился на скамье, возложил книгу на захлопнувшийся сундук и принялся нетерпеливо перелистывать страницы, начисто забыв о молодых. Истекала воском свеча, прилепленная на крышку сундука. Трепетный огонек освещал бледное лицо Чарка и его длинные, худые пальцы. Он внимательно пробегал глазами и переворачивал страницу за страницей.

Тэсси присела рядом и заглянула в книгу. В глаза бросилась картинка: дракон и расползавшиеся во все стороны змееныши. Чарк перелистнул страницу. На новом развороте рисунков не было — только мелкие, убористые буквы. С трудом разбирая старинную вязь, Тэсси прочла: «Драконы взрослеют за год, а живут многие столетия. Взрослый дракон никогда не нападет на детеныша. Молодой дракон пожирает старого».

Чарк, читавший много быстрее племянницы, снова перелистнул страницу. Теперь разворот занимал летящий дракон. Крылья его были расправлены, ноздри выдыхали пар, из поджатых, напружиненных лап высовывались кривые лезвия когтей.

— Где бы такая громадина могла прятаться? — задумчиво промолвил Чарк.

— Да где угодно. — Тэсси все еще не могла отвести взгляда от чешуйчатой твари.

— И до сих пор никто не обнаружил логова дракона?

— Разве искали?.. — начала Тэсси.

Дядя тотчас перебил:

— Искали, и весьма усердно. Или не слышала преданий о сказочных драконовых кладах?

«Неужели алчность погонит горожан в драконье логово?!»

— Может, он улетел за горы?

— Да? А случись бунт, князь станет дракона два месяца дожидаться?

К ним подошла Лора, остановилась, серьезно взирая на Чарка. Тот не потрудился оторвать взгляд от страницы.

— Ты ведь хотел купить эту книгу у тетушки Митриль? — спросила Лора.

— Митриль отказалась ее продать. — Чарк с нескрываемой досадой вступил в разговор. — Боялась, верно, навлечь проклятие на свой род, связавшись с чернокнижником. Теперь и ты станешь ждать бури или урагана?

— Надеюсь, книга оправдает твои надежды, — улыбнулась Лора. — Арнек изучил ее весьма усердно и, по-моему, остался доволен.

Лора отошла, а Тэсси осталась сидеть, перепуганная донельзя. «Взрослый дракон никогда не

нападет на детеныша. Молодой дракон пожирает старого». Вот что Арнек замыслил! Выманить князя из ратуши. Сказать, что поблизости вылупился дракон. Конечно, князь не позволит никому завладеть детенышем — ни воинам, ни Ладреку. Иначе молодой дракон сожрет старого, и власть князя окончится.

Она уже не могла плясать и веселиться. К счастью, время было позднее, гости торопились домой — худо, если стражники заметят свет, пробивающийся из окон. Придут дознаваться — кто не спит и почему; а если уж нагрянут — жди беды.

Еще раз пожелав счастья молодым, Тэсси вместе с братом и дядей вышла на улицу и задрожала под порывом ледяного ветра.

— Чарк, ступай домой, мы с Тэсси немного прогуляемся, — распорядился Арнек.

Против ожидания, Чарк не огрызнулся, а спокойно повернул к дому.

— Быстрее! — Арнек потянул сестру за собой.

Они нырнули в лабиринт узких кривых переулков, тянувшийся до самого Горелого пустыря. Дома здесь стояли так тесно, что балконы почти смыкались. Остановившись подле небольшого особняка, Арнек просунул нож сквозь ставни, поддел защелку и отворил окно. Быстро приподнял сестру и пропихнул внутрь, а в следующий миг вскарабкался в окно сам.

— Где мы? — спросила Тэсси, едва отваживаясь дышать.

— В лавке Шамизы.

Перепуганная Тэсси с трудом вспомнила старого купца, раскидывавшего свои ковры на десяти прилавках.

В доме было тихо, только в трубе завывал ветер. В кромешной тьме Тэсси не видела брата, но слышала спокойный негромкий голос:

— Тэсси, этот дом смотрит одними окнами в Хмурый проулок, а другими — на улицу Молчания. Вскоре в проулке начнется потасовка. Несколько горожан нападут на стражей князя.

У Тэсси от страха звенело в ушах, она едва различала голос брата.

— Важно, чтобы никто из драконовых слуг не ускользнул. Если кто-то из них вырвется и поднимет тревогу, нам конец. Поняла?

Она хотела ответить, но только лязгнула зубами.

— Важно, чтобы никто из драконовых слуг не ускользнул. Если кто-то из них вырвется и поднимет тревогу, нам конец. Поняла?

Она хотела ответить, но только лязгнула зубами.

— Ступай на второй этаж и выйди на балкон. В проулке темно, тебя не заметят. Ты же смотри во все глаза. Если кто-то прорвется — мчись к другому окну. Там, на улице Молчания, наша застава. Крикнешь — беглеца перехватят.

Он шагнул в сторону. Тэсси хотела пожелать брату удачи, а вместо этого истерически всхлипнула. Арнек вернулся и положил руки ей на плечи.

— Мужайся, сестренка. Уж такое время выпало, что и женщинам надобно мужество.

Услышав эти ободряющие слова, Тэсси расплакалась еще горше. Брат отстранил ее, отворил ставни, прислушался и выпрыгнул в окно.

Тэсси нашарила ступени лестницы и медленно двинулась наверх. На втором этаже ставни были открыты, лунный свет проникал в комнату. Тэсси выбралась на балкон. В расселину между домами луна не заглядывала. Проулок тонул в кромешной тьме.

На стены домов упал багровый отсвет. Тэсси сползла вниз, пытаясь укрыться за решетчатыми перилами. Появились двое факельщиков, за ними — четверо рослых телохранителей князя.

Последним шагал человек в темном плаще с капюшоном; шагал неспешно и грузно — быстрее и легче не давали ступить годы.

«Князь!»

Факельщики вдруг повалились под ноги телохранителям. Из спин упавших торчали острые наконечники — стреляли с нескольких шагов.

Обученные воины мгновенно развернулись для боя, прикрывая господина. «Дракон! — Тэсси вскочила и свесилась с балкона. — Он призовет дракона!» Лязгнули мечи, но еще прежде свистнула веревка, и петля захлестнула шею князя. Тот рванулся, петля затянулась еще туже. Князь выхватил из сапога нож и полоснул по веревке. Нож соскользнул, и Тэсси поняла, что горло князя охвачено тонкой цепью. Он не мог выкрикнуть заклинание! Не мог позвать дракона!

В тот же миг князь, не разворачиваясь, метнул нож за спину. Целил в человека, державшего цепь. Целил на звук — и попал. Раздался крик, цепь провисла. Князь сдернул ее.

— Это не князь! — взревел кто-то, и Тэсси едва узнала голос брата. — Убейте его!

Свистнула стрела, но лишь сбила с мнимого князя капюшон, открыв светлые волосы и юное лицо. Ладрек! Он рванулся к ближайшему окну — тому самому, через которое Тэсси с Арнеком проникли в лавку Шамизы. Незапертые ставни распахнулись, и Ладрек запрыгнул внутрь.

Тэсси влетела в комнату, со всего маху стукнулась коленом о кровать и, хромая, побежала к противоположному окну. Она успеет! Пока Ладрек мечется внизу впотьмах, она поднимет тревогу! Ему не уйти!

Она подскочила к окну, раскрыла рот, но не издала ни звука. Чья-то рука сдавила ей горло, другая — плотно зажала рот. Тэсси слышала, как внизу Ладрек пронесся по комнатам. «Миг, другой, и он уйдет! Поднимет тревогу!»

Она боролась изо всех сил, но не могла вырваться. Хлопнула дверь. Ладрек одним прыжком соскочил с высокого крыльца. Бросился прочь. Раздался свист и кто-то кинулся следом. «Поздно! Не догонят!»

Тиски, сжимавшие горло Тэсси, разжались. Она отскочила, развернулась. И в полутьме увидела бледное лицо Чарка.

Еще секунду он прислушивался. Дальние крики означали, что Ладрек сумел ускользнуть.

— Бежим! — скомандовал Чарк. — Сейчас появятся стражи дракона!

Он схватил ее за руку, но Тэсси шарахнулась в сторону, оставив в пальцах дяди кусок рукава.

— Живее, дурочка! — крикнул он и ринулся вниз по лестнице.

— Бегите! — взвизгнула Тэсси, выскакивая на балкон. — Ладрек удрал! Он поднимет тревогу!

Она скатилась по лестнице и чуть не сбила с ног одного из неудачливых заговорщиков, вбежавших в дом. Кто-то сдавил ее локоть, повлек за собой. Они вылетели на улицу, повторяя путь Ладрека, и бросились врассыпную.

Тэсси обнаружила, что за руку ее тянет Арнек. Задыхаясь, они скатились под горку, миновали старое кладбище, сделали петлю и снова нырнули в лабиринт переулков, откуда выскочили к дому Генрика. И уже не бегом, а слегка суетливо, как и полагается припозднившимся гостям, двинулись домой.

Никто их не остановил. Войдя в дом, Арнек немедля задвинул засов, а Тэсси уставилась на висевший в углу потрепанный плащ. Чарк возвратился первым.

Оглянувшись на брата, Тэсси ахнула:

— У тебя рука в крови! И рубаха кровью запачкана, а может, и плащ! Снимай, постираю.

Арнек покорно сбросил рубаху и поплелся в мастерскую. Тэсси не поленилась сходить за водой к колодцу — лишь бы не заглядывать в кухню и не встречаться с Чарком. Заперлась в комнате, опустила в ледяную воду одежду и принялась тереть, время от времени дуя на застывшие пальцы.

«Чарк пошел за нами… а ходит он беззвучно… Следом за нами пробрался в дом… Брат думал захватить князя. Выманивал его байкой о вылупившемся драконе. А тот… поверить — поверил, да решил остеречься. Отправил вместо себя Ладрека. Значит, Ладрек оказался на месте повелителя дракона совершенно случайно. Никто не мог этого предвидеть, даже Чарк. Но тогда… Тогда, получается, Чарк хотел спасти князя?!»

Тэсси снова уронила скомканную рубаху в ведро, так что ледяная вода выплеснулась ей на колени. Девушка едва это заметила.

Зачем было Чарку спасать князя или Ладрека? Сам же ненавидел проклятых чужеземцев. Загодя предупреждал: город в опасности, летит дракон. Предупреждал о трусости городского главы…

Тэсси медленно разогнулась, забыв о стирке. Предупреждал о трусости… А может, на трусость и рассчитывал?! Ведь это Чарк, именно Чарк, уговорил напугать городского главу — мол, Майра станет невестой дракона. И глава сдал город без боя!

Она ведь ничего не знает о дяде! Не знает, в каких краях он странствовал, каких людей встречал. Последние годы он жил близ Арлесты, но друзей не завел, даже с собственными родичами ладил плохо. С чего бы ему трепетать за судьбу города и горожан?

По щекам ее текли слезы, срываясь в ведро с водой. «Я рассказала Чарку про заговор… Выходит, дважды навлекла беду на родной город, на друзей и родичей. Первый раз — по неведению освободив врага. Второй… по недомыслию приняв врага за друга».

Утром Тэсси проснулась поздно. Ушибленное колено распухло и болело, а на душе было хуже, чем в день нападения дракона. Вставать не хотелось, и она заставила себя открыть глаза, только когда в комнату заглянул Арнек.

— Что с тобой? Заболела?

— Не знаю. Как-то нехорошо, — пожаловалась Тэсси.

— Вставай, — велел брат. — Не годится падать духом после первой же неудачи.

Тэсси продолжала лежать, уныло глядя в потолок. Арнек присел на край постели.

— Да, хотелось одним ударом срубить все три драконьи головы. Что поделать, не вышло. Вставай, Тэсси. Чем больше думаешь, как силен дракон, тем слабее становишься.

«Я встану, — говорила себе Тэсси. — Только полежу еще немного».

— Понимаешь, когда налетает дракон, приходится выбирать. — Арнек потянул ее за руку, заставляя сесть. — Либо сражаться, либо самому стать драконом. Власть дракона потому и крепка: каждый, кто живет смирившись, обрастает чешуей.

Тэсси кое-как сползла с кровати. Поднялась только ради брата, живи одна — скорее бы умерла, чем встала. Она отлично понимала: мучается не потому, что заговор провалился. Главное, Арнек жив, да и остальные уцелели. Убивало другое: она больше не могла доверять дяде. А прежде надеялась — именно Чарк отыщет нужное заклинание, избавит Арлесту от дракона.

— Пойдем завтракать.

Тэсси медленно зашнуровала платье. Она должна рассказать Арнеку о предательстве дяди. Обязана рассказать. Что, если Чарк, поощряемый ее молчанием, предаст снова? Кто поплатится головой?

Она вошла на кухню, села за стол. На дядю не смотрела, но чувствовала, что он за ней наблюдает.

— Как нога? — спросил Арнек. — Ты вчера сильно хромала. Посиди-ка денек дома.

«Дома?! С Чарком?!»

— Хочу навестить Майру.

— Что ж, навести, — позволил брат и внезапно спросил: — Как случилось, что Ладрек сбежал?

Тэсси краем глаза подметила, как рука Чарка замерла над куском хлеба. Опустила голову, мучимая одновременно и жалостью, и стыдом. За дядю стыдилась еще больше, чем за себя. Но рассказать правду не могла! «Предателям нет прощения. Чарка убьют».

Она представила его лежащим на дороге: черные волосы посерели от пыли, окостеневшие пальцы стискивают пучок придорожной травы. А потом — еще ярче — вообразила багровую тьму, черные тени ратейцев. Вспомнила голос Чарка, задрожавший по-стариковски, неверные старческие жесты, бредовые речи. Дядя защитил ее от воинов князя. Чем же она отплатит?

— Ладрек… Он опередил меня.

Арнек кивнул, решив, будто открыл причину ее отчаяния.

— Тэсси, не кори себя. Ничего удивительного в том, что бывалый воин оказался проворнее девчонки. Да, было бы удачей — покончить с полководцем дракона. Но западню мы готовили не ему.

Тэсси отвернулась. Брат ее утешает. Значит, думает: она оцепенела от страха или загляделась на схватку, напрочь забыв о поручении. Потому и промедлила, потому и не подняла тревогу.

Чарк резко встал и, отшвырнув табурет, вышел из кухни.

— Как понимаю, он пожелал нам приятной трапезы? — осведомился Арнек, не понижая голоса.

Тэсси едва удержалась, чтобы не запустить вдогон дяде кружку с молоком.

— Чарк, не спеши! — окликнул Арнек. — Тэсси вчера ногу повредила. Взгляни.

— У меня не болит! — Тэсси рванулась к двери, но Чарк, мгновенно возвратившись в кухню, преградил ей дорогу.

— Хочешь на всю жизнь охрометь? — тихо спросил он, и Арнек согласно кивнул.

— Оставьте меня в покое! Сколько можно опекать и допекать?!

— Покажи ногу, — сквозь зубы процедил Чарк.

Тэсси не шевельнулась, и он грубо толкнул ее на скамью, прибавив:

— Не бойся! Арнек проследит, чтобы я тебя не обидел!

Тэсси задохнулась от гнева, но Чарк злился еще сильнее.

Ощупывал ее колено трясущимися от бешенства руками.

Затем велел Арнеку принести из чулана кувшин с какой-то настойкой, хранившейся еще с незапамятных времен. Наложил тугую повязку и вышел, слова не прибавив.

— Заходи, заходи, — городской глава прямо лучился от радости.

Помог гостье снять плащ и проводил наверх. Никогда прежде он не одарял Тэсси вниманием, и теперь она догадывалась, чем вызван сердечный прием — после сдачи города Майра лишилась всех подруг. Горожане понимали, почему глава распахнул перед врагами ворота Арлесты. Любимую дочку от дракона спасал!

На верхней площадке лестницы хозяин приостановился и сказал:

— Это ведь ты нас предупредила. Мы бы и не узнали о трагедии в Белом взгорье. О том, как скормили дракону дочку главы…

Тэсси мало порадовало напоминание о том, что она — по наущению Чарка — помогла сдать город. Ничего не ответив любезному хозяину, она вошла в комнату и застала Майру, грустно глядевшую в окно. Видимо, в последние дни это было ее единственной отрадой.

Сейчас Майра просто не знала, чем ублажить дорогую гостью.

— Хочешь медовых пряников? Есть пироги с вишней и земляникой, варенье — тоже вишневое, земляничное, а еще смородиновое, из крыжовника… да, чуть не забыла: из розовых лепестков!

В комнату потянулась целая процессия с пирогами и прочими сластями. Тэсси беспомощно дергала Майру за рукав:

— Не надо. Хватит. Довольно.

Глава улыбался и потирал руки, приговаривая:

— Отведай, отведай. Уверен, дома вы досыта не едите.

«Благодаря кому это мы перестали есть досыта?» — вопрос вертелся на языке Тэсси, но она смолчала, щадя Майру, и без того покрасневшую от неразумной похвальбы отца.

Наконец хозяин ушел и донельзя смущенная Майра с крайне расстроенной Тэсси попытались завязать беседу. Почти сразу они обнаружили, что любая тема только усиливает их смятение и огорчение. Тэсси начала было рассказывать про узор для скатерти, но тут же сообразила, что нынче в Большой трапезной пируют чужеземцы, и осеклась. А Майра вспомнила, кто пустил чужеземцев в Арлесту, и не посмела продолжать разговор.

— Вчера плясала на свадьбе, даже ногу расшибла… — Тэсси умолкла, сообразив, что Майра на свадьбу звана не была.

— Где и плясать, как не на свадьбе, — мужественно поддержала Майра. — Наверное, веселились от души? Лора с Генриком давно любят друг друга.

— Да, они счастливы. Надеюсь, Маргарите тоже повезет. Про Листу и думать боюсь… Увы, многие девицы впопыхах свою жизнь загубят.

Майра возвела на нее мученический взгляд, и Тэсси зажала рот ладонью. Любое, просто любое ее слово ранило хозяйку. В растерянности она зачерпнула варенья из розовых лепестков и сунула в рот полную ложку — пусть теперь Майра поддерживает беседу!

— Я не просила отца сговариваться с князем, — дрожащим голосом вымолвила Майра, — он просто не верил, что мы отобьем штурм или выдержим осаду…

Тэсси замотала головой, мол, ни в чем хозяйку не обвиняет, незачем ей оправдываться! Ничего более внятного произнести не могла: варенье из лепестков роз плотно склеило губы. Оно было густым и душистым — Тэсси словно духов глотнула. От приторной сладости запершило в горле.

В довершение всего дверь распахнулась и, пятясь, вошел хозяин.

— Позвольте, господин, познакомить вас с моей дочерью. Майра, поклонись, — зашипел он, оборачиваясь, и с прежней лучистой улыбкой продолжал: — А это подруга моей дочери. Лучшая вышивальщица в городе, — прибавил он, словно извиняясь за то, что девушка в бедной одежде сидит за его столом, рядом с его дочерью.

— Позвольте, господин, познакомить вас с моей дочерью. Майра, поклонись, — зашипел он, оборачиваясь, и с прежней лучистой улыбкой продолжал: — А это подруга моей дочери. Лучшая вышивальщица в городе, — прибавил он, словно извиняясь за то, что девушка в бедной

одежде сидит за его столом, рядом с его дочерью.

Глава отступил в сторону, и Тэсси увидела гостя. Но еще прежде догадалась, кого увидит: только этой встречи и не хватало — в придачу ко всем бедам. Ей почудился жар раскаленного металла, дыхание пламени — словно от чешуи дракона. Даже бусина на шее стала как будто горячее.

Майра растерянно поднялась, приветствуя гостя. Тэсси тоже встала, но тотчас снова села. Продолжала уписывать варенье, уже не чувствуя приторной сладости.

В глазах Ладрека зажглось удовольствие. Бесспорно, он полагал себя любимцем судьбы. Вчера, хвала дракону, в какой схватке уцелел! Сегодня повстречал хозяйку дверей.

Тэсси внезапно удивилась — как легко прочла эти мысли по его лицу. По лицу Чарка она никогда ничего не могла угадать.

«Дядя зажал мне рот… Иначе Ладрек не стоял бы здесь и не улыбался. Выскочил бы из лавки — и налетел сразу на несколько ножей». Представив Ладрека, захлебнувшегося кровью, она поежилась. Напрасно твердила себе: «Он враг. Полководец, приведший чужеземцев в мой город». Видела перед собой беспечного, жизнерадостного мальчишку, чудом уцелевшего в смертельной схватке. Мальчишку, доверившего ей свою жизнь.

Вероятно, он что-то подметил в ее взгляде, потому что в ответ настороженно сузил глаза. Тэсси опустила голову и обнаружила, что наворачивает варенье из розовых лепестков. Поперхнулась.

Ладрек окончательно развеселился.

— Я тоже люблю сладкое, — непринужденно заявил он, перешагивая через скамью и усаживаясь за стол против Тэсси.

Хозяин аж затрясся от восторга — никак не ожидал, что гость снизойдет до угощения. Жаль только, трапеза скудна! Бедняга затоптался на месте.

— Если позволите… — лепетал он, — лучший повар в Арлесте… я распоряжусь…

Тэсси полагала, что Ладрек откажется, но он неожиданно кивнул:

— Да, я проголодался.

Окрыленный хозяин скатился по лестнице, окликая слуг. Ладрек тотчас обратился к Майре:

— Хозяйка, не затруднись… У нас не принято являться к трапезе с пустыми руками. Сойди вниз, отправь моего слугу в лавку.

Майра послушно — и даже охотно — выскользнула из комнаты.

Ладрек несколько мгновений смотрел на Тэсси без улыбки. Она же удивлялась нахлынувшему спокойствию.

— Вот мы и встретились, госпожа… — тихо проговорил он.

— Не стоит величать «госпожой» простолюдинку.

Он не смутился — за прошедшие дни успел смириться с досадным откровением. Просто ответил:

— Изволь, Тэйза-вышивальщица. Вижу, твоя гордость побольше моей…

Тэсси впервые назвали полным именем, и она испытала странное удовольствие. Враг принимал ее всерьез, без снисходительной насмешки.

— Видишь, мне известно твое имя, известно, где ты живешь. Позволь прийти к тебе в дом. Нам нужно поговорить…

— Не нужно, — оборвала она. — Ты поклялся кровью дракона — исполнить любое мое желание. Не так ли? Иначе умрешь.

Подобных слов он не ожидал. Спросил он с вызовом:

— Чего же ты хочешь?

Тэсси сдернула с шеи цепочку. Пыталась сделать это легко и проворно — так Ладрек минувшей ночью смахнул душившую его цепь. Не получилось: цепочка запуталась в волосах и выдрала целую прядь.

— Хочу, чтобы ты взял ее обратно.

Он спрятал руки за спину.

— Я никогда еще не брал назад данного слова.

В ответе было много мальчишеской удали, но еще больше — подлинной гордости воина, готового рисковать жизнью.

За дверью послышались торопливые шаги хозяина. С порога он принялся извиняться перед гостем за то, что оставил его в одиночестве.

— Понадеялся на дочь, а она…

Посыпались упреки в адрес Майры. Тэсси затаенно улыбалась. Хозяин не суетился бы так, знай, как раздосадован Ладрек его скорым возвращением.

Она поднялась и направилась к двери. Хозяин чуть только не подталкивал гостью в спину: давно пора уйти, наконец-то сообразила!

Ладрек встал, намереваясь с ней попрощаться.

— Моя сестра наслышана о тебе, Тэйза-мастерица, и хочет заказать вышивку. Когда тебя можно застать дома?

Хозяин онемел от изумления — спрашивать у ничтожной девчонки?! Вместо того, чтобы приказать: «Сиди и жди!»

— Сегодня на закате.

— Хорошо, мы с Лючией пришлем за тобой.

Topreading.ru

Тэсси небрежно кивнула и вышла из комнаты, не поклонившись ни гостю, ни хозяину. Сознавала: подобной грубостью навсегда закрывает для себя двери этого дома. «Ну и пусть!»

Ладрек с сестрой водворились в роскошном особняке. Лючия сидела в окружении двух или трех дам. Бледно-голубое платье струями водопада обтекало ее фигуру. Вероятно, Лючия куда-то выезжала в холод и дождь и вернулась совсем недавно — пятна грязи на подоле не успели просохнуть. «Опять кружила по окрестностям? Любопытно, что она ищет?»

Пялиться на хозяйку во все глаза было неудобно, поэтому Тэсси уделила внимание большой картине в пышной золоченой раме. Вместо красок рисунок создавали цветные нити. Картина была соткана!

— Это гобелен, — объяснила Лючия. — Разве у вас не ткут гобелены? Потрогай, если хочешь.

Тэсси осторожно прикоснулась к плотной шероховатой ткани, пытаясь сообразить, сколько же нитей — и как? — должны переплетаться в рисунке. Отступила назад, стремясь оглядеть картину в целом.

Гобелен запечатлел какое-то торжество. Десятки факелов озаряли просторный зал. Дамы и кавалеры — нарядные, в сверкании драгоценностей и золотого шитья — двигались парами в танце. Три первые пары можно было разглядеть совершенно отчетливо. Слева, ближе всех к раме, Ладрек вел за руку рыженькую девушку. Лицо его — совсем еще юное, беззаботное — лучилось весельем. Не было ни надменной улыбки, ни исступленного нетерпения, ни такой же неистовой дерзости. Верно, дракон еще не пришел в Вердиану, и шестнадцатилетний мальчишка только мечтал о ратных подвигах, а пока наслаждался танцем, пением скрипок, улыбками своей дамы.

В центре полотна двигалась Лючия, тоже совсем молоденькая. Она беспечно опиралась на руку кавалера и веселилась от души. Глаза блестели, в движениях чудилась искрящаяся радость. Тэсси подумала, что за минувшие семь лет Лючия переменилась не меньше Ладрека. Недаром походила на… маленькую огневку. Птицу, своими трелями пробуждающую в сердцах отвагу и гордость.

Тэсси долго разглядывала брата с сестрой, а потом поглядела на третью пару. Дама стояла боком, показывая очаровательный профиль — вздернутый носик и лукавый глаз. Кавалер развернулся лицом к зрителям.

Тэсси безмолвно созерцала черные блестящие волосы, бледное лицо, чуть впалые щеки, темные глаза, кажущиеся одним сплошным зрачком. Не узнать своего дядю Чарка она не могла. С плеч его ниспадал плащ, расшитый серебром и жемчугом, рукава и ворот куртки были отделаны кружевами. Подобно Ладреку и Лючии, Чарк тоже улыбался со всем ликованием восемнадцати лет, и он ничуть не напоминал себя нынешнего — язвительного оборванца, «чужака в родном городе».

Больше всего Тэсси потрясло не то, что Чарк веселился в кругу Ладрека, Лючии и прочих вердианцев, а его богатый наряд. Наряд знатного вельможи.

— Не думала, что мастериц Арлесты можно чем-то удивить.

Обернувшись, Тэсси обнаружила, что подруги хозяйки удалились, Лючия осталась одна. Глядела на гостью с отчаянной надеждой — как в первую встречу. Прошло мгновение, другое…

Лючия опустила глаза и ровным голосом промолвила:

— Позволь подарить тебе… — и она развернула маленький гобелен, изображавший играющих котят.

Тэсси начала совершенно искренне отнекиваться. Лючия настаивала. После единоборства воль, победа осталась за хозяйкой: Тэсси приняла подарок.

— Хорошо, тогда возьми это. — Она протянула Лючии маленькую салфеточку (уголок от скатерти, заказанной городскими старшинами; только этот уголок и успела вышить). Багрово-алая саламандра пылала на загадочном цветке, разбрасывая вокруг солнечные брызги.

Крохотная салфетка ошеломила сестру Ладрека не меньше, чем Тэсси — огромный гобелен. Губы Лючии складывались и никак не могли сложиться в улыбку, кончиками пальцев она водила по вышивке, словно разглаживая смятые лепестки. Не поднимая головы, спросила:

— Где ты видела эти цветы?

— Я их придумала. — Тэсси соврала, мгновения не промедлив.

«Рассказать правду? Тогда придется упомянуть о Чарке. Выдать его ратейцам? Именно выдать. Он давно мог открыться Ладреку и его сестре. Не пожелал».

— Придумала? И как точно угадала. — В голосе Лючии зазвенело нетерпение. — Цветами лирты полнились сады Вердианы. И ящерицы… Мы их называем «турведьен» — танцующие саламандры.

— А это саламандры и есть, — бесстыдно отпиралась Тэсси.

Тень сомнения скользнула по лицу Лючии, но тотчас сменилась яростной уверенностью.

— Цветы лирты и ящерицы турведьен! — настаивала она.

Тэсси не успела в очередной раз возразить. Скрипнула дверь, пропуская Ладрека. Лючия умолкла и неуловимым движением спрятала салфетку в рукав. Поднялась и направилась к двери.

Дождавшись, пока сестра уйдет, Ладрек подошел к Тэсси. С небрежным изяществом указал на кресло. Она молча села, предоставляя хозяину начинать разговор. Он остался стоять. Похоже, близок был к тому, чтобы кружить по комнате, как некогда в Гур-Гуране, Морской крепости.

— Сегодня утром не в меру радушный глава, — по губам Ладрека скользнула тонкая улыбка, — нам помешал.

— Помешал, — согласилась Тэсси. — Я хотела вернуть бусину.

— Думаешь, не сумею тебя отблагодарить? — Улыбка его стала шире и снисходительнее. — Вообрази, чего бы тебе хотелось. Я могу многое.

«Но не можешь увести войска из Арлесты, а ничего другого мне не нужно». Вслух она этого не сказала, начиная испытывать к могущественному вельможе странную жалость. Ответила иначе:

— Хочу поглядеть, как ткут гобелен. Вызови в Арлесту мастеров…

— Тэйза! — Он схватил ее за руки и выдернул из кресла движением, далеким от всякого изящества. Подобная грубость живо напомнила Тэсси манеры Чарка — точнее, полное их отсутствие. — Пойми наконец! Ты спасла меня от безумия… Я готов сделать для тебя все, что в моих силах, хотя бы и жизнь пришлось потерять! Проси настоящей службы!

Ладрек оставался верен себе — горяч, вспыльчив и безрассуден. «Таким он пребудет до конца своих дней. Только… много ли дней ему выпадет? Дракон обещал ему победы, но разве обещал, что за одну из побед полководец не заплатит головой?»

— Хорошо, скажу, когда мне понадобится твоя помощь, — пообещала она. И, даже не стараясь разжечь в себе ненависть к полководцу ратейцев, спросила: — Почему ты служишь дракону?

— Я родом из Вердианы. Ратейцы обложили наш город данью и объявили союзником Ратеи.

Тэсси отметила, что скрытность Чарка ему чужда. Удивительно! Она понимала этого чужеземца много лучше, чем собственного дядю. С Ладреком ей было несравнимо легче.

— Нашим юношам пришлось служить под знаменами дракона.

— Наверное, не всем? — уточнила Тэсси. — Только беднякам. Богатые могли откупиться.

— Да, верно. — Он улыбнулся ее проницательности. — Я пошел добровольно, хотя мог внести выкуп. Понимаешь, если у тебя начали отбирать вольности, то не успокоятся, пока не отберут все. Дальше придется платить за право жить в собственном доме, за право жениться, иметь детей, в конце концов — за право дышать!

«Таково будущее Арлесты?» Тэсси проглотила вопрос. Она внимательно вслушивалась в гневные речи Ладрека и думала, что гнев его обращен против дракона и князя, которым полководец верно служит.

— Тогда я взял меч и пошел сражаться. Против дракона мне было не выстоять в одиночку, оставался другой путь. Над драконом властвует только один человек, и когда-нибудь я сам стану повелителем дракона. Тогда и посмотрим, чей город возьмет верх над другими городами, перед чьими знаменами склонятся самые гордые головы.

Все это он произнес быстро, тихо, лихорадочно, но с таким напором, что Тэсси показалось: ставни распахнутся, и слова Ладрека колоколами прогремят над городом.

«Вот оно что… Вот почему он угодил в западню вместо повелителя дракона! Услышал, что близ города вылупился змееныш — и не стал докладывать господину. Сам кинулся сломя голову. Потому и хромал, подражая князю: от собственных воинов таился. Потому и тревоги не поднял, дал заговорщикам уйти — чтобы не учинять расследования. Прослышь князь, какой байкой выманили Ладрека — живо разгадал бы его замыслы».

На мгновение она пожалела, что Ладрек не повелевает драконом. А затем представила, как падают знамена князя на ратушной башне и взвиваются другие… с теми же драконьими мордами. «Ты этого хочешь, Ладрек? Чтобы в руинах лежали все города, кроме Вердианы? Дракон вечно голоден, ты должен будешь вечно воевать, чтобы его насытить».

И сразу она поняла другое. Не бывать Ладреку повелителем дракона. «Чтобы с драконом управиться, не одна только сила нужна, мало отваги. Нужна лисья хитрость, готовность предавать всех и вся, волчья жажда власти. Где Ладреку тягаться с князем! Ладрек готов жизнью рискнуть, чтобы оплатить долг благодарности. Не годится он в повелители дракона».

За окнами совершенно стемнело, в комнате ярко горели свечи. Отсвет пламени падал на лицо Ладрека — отблеском вдохновения, веры в блистательную судьбу.

«Думаешь, князь не догадывается, как ты ненавидишь его знамя? Не подозревает, что ты сам жаждешь повелевать драконом?» Она не произнесла этого вслух, только подумала, но Ладрек прочел ее мысли. Засмеялся.

— Может, и догадывается, но пока я ему нужен. А там… нанесу удар первым.

— По-моему, он тебя опередил. Или в Гур-Гуране ты оказался случайно? Князь, кажется, не спешил тебя вызволить. — Тэсси удивилась собственным словам, но тут же поняла: угадала верно, князь выдал своего полководца врагам.

— В Гур-Гуране? Я угодил в западню… — Ладрек на мгновение умолк, затем произнес нарочито спокойно: — Этого не может быть. Я одерживал для князя победу за победой.

— Ты от кого ждешь благодарности? От повелителя ящера? Он что, никогда не был безжалостным и вероломным?

— Не в том дело. Он не может без меня обойтись. Повелитель дракона сказал, что я… что этот город…

— Сдался при одном звуке твоего грозного имени? Он солгал. Наш глава распахнул ворота города при условии, что дракону достанется любая девушка, только не его дочь.

Лицо Ладрека больше не пылало азартом будущих побед, стало серьезно, почти мрачно.

— Уверена? — спросил он тихо.

— Еще бы! Ладрек, чтобы держать город в повиновении, ты не нужен. Достаточно дракона. Остерегись.

— Думаешь, я испугался? — вспылил он.

— А следовало бы, — заметила Тэсси. — Ты ведь не один. Рядом Лючия.

Ладрек начал бледнеть так же страшно, как в тот день, когда увидел свою цепочку на шее Тэсси.

— Как наказать тебя за дерзкие планы? — продолжала она. — Ты воин, смерти не боишься. Остается одно: скормить дракону твою сестру. Она ведь незамужняя, да? И однажды чуть было не досталась дракону? Тогда ты и поспешил наняться к ратейцам на службу, верно? — Тут ей изменила выдержка, и Тэсси закричала: — Не лучше ли было сбежать из Вердианы, чем клясться в верности дракону?! Но тебе ведь хотелось одерживать одну победу за другой!

И уже выпалив это, Тэсси сообразила, что проговорилась.

— Та-ак, — протянул он, подходя ближе. — Кто же мог рассказать тебе о моем сговоре с драконом? Об этом известно немногим, и расспрашивала ты, конечно, не князя. Кто же…

Он вдруг бесцеремонно подтянул ее к себе, внимательно вглядываясь в ее лицо. Затем хлопнул в ладоши, призывая слугу.

— Лючию сюда.

Сестра явилась мгновенно, и Ладрек, подтолкнув к ней Тэсси, негромко процедил:

— Лючия, она тебе никого не напоминает?

— Нет, — равнодушно обронила та, не глядя на Тэсси.

— Правда, у него не было младшей сестры. А в дочери Тэйза ему никак не годится!

Лючия, не поднимая головы, задумчиво накручивала на пальцы концы пояса. «Она подметила сходство гораздо раньше Ладрека!» Глазами и цветом волос Тэсси пошла в мать, а между матерью и ее младшим братом сходство было сильное. «Вот почему так смотрела на меня! Я напомнила ей Чарка! Она хочет… мечтает его увидеть!»

— Так или иначе, — сказал Ладрек, — но договор с драконом я заключил и должен повиноваться. Тэйза… никому из своих воинов я не могу довериться. А помощь будет нужна. Согласишься помочь — против князя? Захочешь?

— Да, чем только смогу.

— Отлично. Помни, ты обещала.

— А нельзя ли… — Она запнулась, но заставила себя договорить: — Нельзя ли избавиться от клейма?

Ответ получила нескоро. Молчали оба — и сестра, и брат. «Как будто не знают ответа? Или, напротив, знают чересчур хорошо?»

— Нет, — выговорил наконец Ладрек, — клеймо стереть нельзя.

При этом у непобедимого полководца был вид разнесчастного мальчишки, побитого в первой же драке.

— Можно, — возразила Лючия.

Снова повисло молчание. Ладрек отвернулся, избегая взгляда сестры. Тэсси гадала, что же такое натворил Ладрек, чтобы родная сестра глядела на него с гневом и жалостью, а он притворялся, будто этого не замечает.

— Древняя легенда гласит, — тихо произнесла Лючия, — если женщина полюбит мужчину и согласится пожертвовать ради него чем-то особенно дорогим, то клеймо исчезнет.

Тэсси вернулась домой глубоко за полночь. «Брат, верно, извелся от беспокойства».

— Арнек!

Не найдя брата ни в кухне, ни в комнатах, Тэсси кинулась в мастерскую. И с разгону налетела на Чарка. Метнулась прочь.

— Тэйза!

То, что Чарк назвал ее полным именем, заставило ее бежать еще быстрее. Он обращался к ней подобно Ладреку, подобно врагу!

Тэсси влетела в кухню, наступила на подол и упала, больно ударившись о скамью. Поднялась на колени, стискивая руками голову, наливавшуюся пламенем. «Зачем он здесь?! Опять вынюхивает и выслеживает? И Арнека, на беду, нет дома».

Она все крепче сжимала ладонями голову, превратившуюся в расплавленный шар. Огонь стекал ниже, иссушал горло, пресекал дыхание. Перед глазами поплыли огненные круги.

— Тэйза!

Чарк ворвался в кухню, рухнул на колени против Тэсси, схватил ее за плечи и принялся трясти изо всех сил.

— Тэйза!

Он крепко прижал ее к себе. Тэсси почувствовала, что его бьет мелкая дрожь.

— Я не предатель!

Тэсси с силой отпихнула его.

— Да?! Зачем ты хотел спасти князя?

— Не болтай чепухи!

— Ты не мог знать, что на его месте окажется Ладрек! Зачем ты прокрался туда, в переулок?

— За тобой пошел, дурочка! — заорал он в ответ. — И за твоим безмозглым братцем! Я за вас боялся!

Тэсси сидела на полу, молча хлопая глазами. Никак не ожидала такого признания. Услышать, что Чарк ими дорожит… Чарк! Открыто презиравший всех родичей. Боится их потерять… Значит, он устал, давно устал от всеобщего равнодушия и злобы.

Она приподнялась и осторожно переместилась на скамью. Чарк имел полное право злиться. Рисковал жизнью, желая уберечь племянников от опасности. Хорошо же она отблагодарила.

Чарк тоже поднялся с колен и сел на скамью против Тэсси.

— Обещал же себе — ни к кому больше не привыкать!

Она пристально глянула на него и только теперь заметила повязку, измазанную кровью. Задохнулась.

— Ч-чарк! Ты ранен?

Он с досадой одернул рукав.

— Пустяки.

— Кто тебя?

— Часовой в лагере. Могло быть хуже, но он не видел меня, стрелял на звук.

— Ты пробрался в лагерь?! Как сумел? Зачем?

— Как? Знаешь же, я умею отводить глаза. Зачем? Думал отыскать логово дракона. — Он отрицательно мотнул головой, отвечая на невысказанный вопрос. — Нет, дракона там нет.

— Ты упорно ищешь дракона… — Тэсси вдруг вспомнила Ладрека. — Желаешь стать повелителем?..

— Ты упорно ищешь дракона… — Тэсси вдруг вспомнила Ладрека. — Желаешь стать повелителем?..

— Что?!

— Я не знаю, чего от тебя ждать, Чарк.

— Разумеется, ножа в спину, — разозлился он, вставая.

Вскочив со скамьи, Тэсси проворно загородила собой дверь.

— Я видела гобелен. Непревзойденные мастера ткали. Лучше знаменитых живописцев передали сходство. Тотчас узнала — Ладрека, Лючию и… тебя. Как ты оказался среди знатных вердианцев?

Чарк смерил ее взглядом, усмехнулся.

— Всегда восхищался тем, как постыдно мало тебе известно о нашей семье. Да что тебе, Арнек сведущ не больше!

Тэсси не стала оправдываться, хоть и могла: она была совсем маленькой, когда родители умерли. А у дальней родни всегда находились дела поважнее, чем пересказ семейных хроник.

— Ты что, не знала, что твоя бабушка — моя мама — была замужем дважды? Здесь, в Арлесте, ее сосватали совсем юной, а муж вскоре умер. Мама отчаянно его любила и, забрав дочь, навсегда уехала из Арлесты. Побывала во многих землях, выучила множество языков. Собирала книги… Потом — ей было уже к сорока — попала в Вердиану и там снова вышла замуж. За вдовца, растившего двоих сыновей. Моя сестра — уже совсем взрослая — не пожелала жить с отчимом. Возвратилась в Арлесту и сразу нашла свою судьбу, родила сына. В тот же год родился и я. Так и получилось, что мы с Арнеком ровесники…

— Так твой отец был знатным вельможей?!

— Был. — Губы его искривились.

— Что же случилось?

Чарк посмотрел на нее и невесело засмеялся.

— Все проще простого, Тэсси. Просто — до смешного. Мои сводные братья не простили отцу вторичной женитьбы. Оба смертельно меня ненавидели. Когда отец умер, все имущество унаследовал старший сын. Так что из родительских богатств мне осталась одна книжная мудрость. Братец вышвырнул меня из дому, часа не промедлив.

Тэсси обхватила руками колени. Чарк, похоже, рассказывал правду.

— А дракон…

— Что — дракон? — вскинулся он. — От дракона мне пришлось бежать.

«Понятно, — заключила Тэсси. — Служить дракону — не захотел. А откупиться — не было денег».

— И ты отправился искать счастья на родине матери?

— Так, — с внезапной усталостью и безразличием подтвердил он. — Да и вообще исходил много земель.

— А Ладрек нанялся к дракону, — задумчиво протянула она.

— Да, — настороженно подтвердил Чарк.

— Дракон исполняет любое желание, — пробормотала она.

И увидела, как на виске у Чарка быстро-быстро забилась жилка.

Очутившись в кровати, Тэсси почувствовала себя почти счастливой. Чарк вовсе не был предателем, а Ладрек ненавидел повелителя дракона.

«Правда, он не может бунтовать против дракона и князя. И все же… Ясно, что Ладрек не станет ждать, пока Лючию скормят дракону».

Она резко села, мгновенно стряхнув набегающий сон. «Ему нужно выиграть время. Как? Очень просто — подсунув дракону другую жертву».

Чувствуя, что не сможет уснуть, она поднялась, оделась, взяла огарок свечи и поплелась на кухню. Чарк спал, отвернувшись лицом к стене. Тэсси прислушалась к тихому, чуть хрипловатому дыханию спящего. «Чарк сказал: мол, обещал себе ни к кому больше не привязываться… Выходит, к кому-то уже привязывался, и очень сильно, если на всю жизнь зарекся…»

Недаром Чарк захватил из Вердианы семена цветов лирты, пару ящериц да птицу-огневку — то, что напоминало о Лючии. Не случайно Лючия возит с собой гобелен с их общим портретом.

Чарк сбежал от власти дракона… Ясно, что при этом не мог породниться с полководцем дракона, повести под венец его сестру. Взять Лючию с собой? Тоже не мог — не имея ни гроша за душой. Лючия наверняка не побоялась бы бедности, но Чарк не желал обрекать жену на скитания.

И все же… За прошедшие годы он стал умелым лекарем. Давно мог осесть в Арлесте, снискав уважение и — если не богатство, то достаток. Ему под силу было бы прокормить семью. Почему же продолжал скитаться из города в город, не находя покоя. Почему даже сейчас не поспешил встретиться с Лючией?

Свеча догорела. Сидя в кромешной тьме, Тэсси вытирала слезы. Плакала молча, стараясь не всхлипывать. Жалела не только Чарка с Лючией. Горевала о себе и Арнеке, о несчастных невестах, выходящих замуж без любви, о рано умерших родителях, о городах, погубленных драконом, о воинах, павших в битвах, о животных, подстреленных охотниками. Обо всей скорби и несправедливости мира.

Topreading.ru

Когда начало светать, слезы ее иссякли. Тэсси умылась и, поднявшись в комнату, открыла потайной ящик буфета. Раздумывая, хватит ли денег хотя бы на неделю — она не представляла, сколько нынче стоит каравай, — достала шкатулку и уставилась на пустое дно. Деньги исчезли вместе с Арнеком.

Только теперь, отвлекшись от мыслей о Чарке и Лючии, Тэсси встревожилась: «Куда запропал брат?» Набросила плащ и поспешила к Лоре. «Наверняка ее муж в числе бунтовщиков. И наверняка ничего от жены скрыть не может. Если так, Лоре известно, где Арнек».

День был солнечный, жаркий. Тэсси едва успела улыбнуться солнцу и расправить плечи, как тут же испуганно съежилась. Навстречу ей шагали пятеро стражей дракона в буро-вишневых плащах. Угрюмо оглядели, но пропустили беспрепятственно.

Тэсси невольно ускорила шаги, порхнула за угол и заметила в конце проулка очередных стражей. Подскочила к сестрам-прачкам, вносившим в дом корзины белья. Шепотом спросила:

— Почему на улицах так много драконовых слуг?

— Бунтовщиков ловят, — так же тихо откликнулась старшая сестра.

— Бунтовщиков?

Прачки захлопнули дверь прежде, чем она успела задать новый вопрос. Тэсси сорвалась с места. «Арнек! Что с Арнеком?! Лора наверняка знает!» Она бежала со всех ног. Прежде казалось, что до Лориного дома рукой подать. Тэсси выскочила на площадь, но тут кто-то схватил ее за плащ и с силой дернул.

— Арнек!

Брат уже обнимал ее за плечи.

— Тише, успокойся. Видишь, я цел и невредим.

Он умолк, потому что из ближайшей харчевни показались стражи дракона. Тэсси уцепилась за брата, но воины не обратили на них внимания — подталкивали в спину полумертвого от ужаса хозяина харчевни.

Тэсси приросла к мостовой.

— Арнек, за что его?!

— У кого-то из горожан нашли оружие, — шепнул брат. — Теперь хватают всех подряд. Лора тоже в темнице.

— Лора?!

Все так же обнимая и поддерживая сестру, Арнек повел ее назад, домой. От ужаса Тэсси не раскрывала рта всю дорогу. С порога кинулась к Чарку, склонившемуся над очередной книгой.

— Лора в темнице! Что делать?

— Подкупить тюремщиков.

Арнек досадливо отмахнулся.

— Лора в темнице! Что делать?

— Подкупить тюремщиков.

Арнек досадливо отмахнулся.

— Всех наших сбережений не хватило!

— Много ей известно? — спросил Чарк, не поднимая глаз на Арнека.

Тот ограничился неопределенным жестом. Потом прибавил:

— Не слишком, но и этого достаточно.

— Лору надо вызволять, — жестко произнес Чарк. — Иначе Генрик наделает глупостей.

— Попробую еще денег раздобыть… — начал Арнек и умолк, привлеченный донесшимся с улицы шумом. Поглядел в дверное окошечко, присвистнул. — Только полюбуйтесь.

К дому направлялась целая процессия. Ладрек с сестрой — верхом. За братом с сестрой — дамы и кавалеры из свиты князя: в ярких одеждах и блеске драгоценностей. Пажи с букетами цветов, слуги с корзинами фруктов.

— Обо мне ни слова, — распорядился Чарк и нырнул в чулан.

Всадники спешивались, бросали поводья слугам. В соседних домах распахивались окна, горожане с нескрываемым любопытством глазели на разряженных гостей, явившихся в скромный дом резчика и вышивальщицы.

И вот Ладрек с Лючией уже входили в комнату. Знатная дама, по-видимому, наступила на гвоздь, потому что на полу остались следы крови. Следом пожаловала свита. Вбежали пажи и, по знаку Ладрека, опустились на одно колено перед Тэсси, протягивая ей букеты.

В комнате мгновенно воцарилась тишина — придворные застыли, не понимая, с чего это бедная вышивальщица удостоилась таких почестей. Слышались только шаги слуг, расставлявших корзины с фруктами.

Лючия с приветствием подошла к хозяйке.

— Вчера я убедилась, сколь искусная ты мастерица, и хочу заказать вышивку.

Дамы облегченно вздохнули и вновь принялись оживленно болтать. Заказать вышивку, конечно! Значит, цветы и прочие приношения — не более чем шутка, прихоть блистательного вельможи.

— Госпоже угодно выбрать мой орнамент или самой предложить рисунок?

— Еще не знаю. Могу ли взглянуть на твои узоры?

Тэсси достала ворох лоскутков, на которых углем намечала будущие вышивки.

— А мы полюбуемся работами резчика, — скомандовал Ладрек.

Арнек, безмолвно наблюдавший за гостями, так же безмолвно распахнул дверь и увел всех в

мастерскую.

Тэсси чуть дрожащими пальцами перебирала лоскутки и все ниже склоняла голову, не решаясь посмотреть на гостью. Боялась, что сейчас, вот сейчас Лючия напрямую спросит о Чарке. Но сестра полководца молчала.

Возвратился Ладрек, с порога бросил сестре:

— Задержи их.

Лючия безропотно направилась в мастерскую, откуда доносился гул восторженных голосов. Ладрек быстро проговорил:

— Ты вчера обещала заключить со мной союз против князя. Не отступишься от своего слова?

— Нет.

Дверь распахнулась, и в комнату влетел Арнек, запыхавшийся так, будто промчался бегом от самой ратуши. Ладрека нимало не огорчило его появление.

— Правильно ли я понял: ты брат Тэйзы и глава семьи?

— Да.

— Прекрасно. Тогда я обращаюсь к тебе. Я, Ладрек из Вердианы, слуга князя и полководец дракона, прошу у тебя руки Тэйзы. Я намерен взять ее в жены по велению сердца, чтобы стать ей отныне поддержкой и защитой, делить с ней радость и горе во все дни нашей жизни. — Ладрек явно повторял пышные фразы, обязательные в сей торжественный миг у вердианцев. — Клянусь в том кровью дракона. — Он приложил руку к багровой отметине над бровью.

Арнек, бесспорно, был готов ко многому. Но сейчас лишь молча прислонился к стене. Тэсси едва удержалась, чтобы с громким воплем не хлопнуть себя по лбу. «Как же я сразу не догадалась?! Именно это он и должен был сделать!»

— Решайте. Через три дня приду за ответом. — Ладрек сияюще улыбнулся. — Если Тэйза удостоит меня согласием, тотчас справим помолвку.

Он любезнейшим образом поклонился Арнеку и еще ниже — Тэсси, и вышел за дверь.

Зацокали копыта, и пышная процессия потянулась вверх по улице. Затем Тэсси услышала звук задвигаемого засова, и в комнату вошел Чарк.

— Что это вы окаменели?

Арнек не проронил ни слова. Тэсси пришлось объяснять самой:

— Ладрек просил моей руки.

— Вот как? Я думал, в первый же день посватается.

Арнек издал невнятное восклицание. Чарк даже внимания не обратил.

— Что в том удивительного? Мог ли Ладрек влюбиться в одну из придворных дам? Нет, конечно! Это было бы слишком пресно, скучно, обыденно.

Он ухмыльнулся, и даже на губах Арнека явилось подобие усмешки.

Тэсси негромко сказала:

— Ладрек хочет, чтобы дракон сожрал меня, а не его сестру.

Наступила тишина. Брат с дядей уже не смеялись.

— Ладрек отмечен кровью дракона, — принялась объяснять Тэсси, вспоминая, как втолковывал ей это Чарк. — Он не может выступить против князя. Зато может другое: не мешать заговорщикам. Он недавно угодил в засаду и понимает: рано или поздно горожане доберутся до князя. Избавят Ладрека от господина. Только что проку, если прежде Лючию отдадут дракону?

— С какой стати? — яростно перебил Чарк. — С какой стати сестру полководца скормят дракону?!

— Князь боится Ладрека. Поэтому хочет вызвать его на открытый бунт. Чтобы полководец в гневе позабыл о клятве, данной дракону, — и погиб. Как этого добиться? Нужно уничтожить самого дорогого, самого близкого ему человека.

Чарк едва шевельнул губами, обронив:

— Сестру. Кто ближе и роднее сестры?

— Только невеста. Безрассудный Ладрек все прекрасно рассчитал.

— Вот мерзавец, — с чувством выдохнул Арнек. — Любопытно, что станет делать, когда ты ему откажешь?!

— Даже если откажу — ничего не изменится. Думаешь, зря Ладрек пожаловал с пышной свитой? Хочет, чтобы о его сватовстве узнал весь город, чтобы дошла весть и до князя. Не важно, скажу я «да» или «нет». Князь уверится: я дорога Ладреку.

— И поспешит нанести удар, — договорил за нее Чарк.

— Ты как будто этому рад! — накинулся на дядю Арнек.

Тэсси знала, почему Чарк в ответ не вспылил. Он и в самом деле радовался. Радовался, что в жертву не принесут Лючию.

— Вот что, — Арнек заставил себя успокоиться, — уходите-ка вы оба прочь из города.

— Послушай, — Тэсси ласково взяла брата за руку, — дракон все равно потребует жертву. Не меня, так Лючию, не Лючию, так кого-нибудь из моих подруг. Отыщет незамужнюю бедняжку. Арнек! Лишь ты один можешь постоять за всех. И я хочу тебе помочь.

— Скормив себя дракону? — безрадостно улыбнулся брат.

— Тэсси. — Чарк ледяными пальцами сжал ее локоть. — Я буду защищать тебя.

— Сваришь еще одну порцию сонного зелья? — хмыкнул Арнек, бросил сестре: — К ночи не жди! — И вылетел из комнаты.

— Сваришь еще одну порцию сонного зелья? — хмыкнул Арнек, бросил сестре: — К ночи не жди! — И вылетел из комнаты.

Обернувшись к дяде, Тэсси обнаружила, что Чарк изучает собственную руку. Повязка была наложена туго, рана не кровоточила.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он, уставившись на заляпанный кровью пол.

— Это Лючия поранилась, — объяснила Тэсси. — Ходит босоногой.

Чарк застыл, прижимая раненую руку к груди.

— Босон-ног-гой? — Он дважды заикнулся на одном слове. — Не может быть.

В другой раз Тэсси изошла бы от любопытства, но тотчас вспомнила о Лоре и ни о чем другом думать уже не могла.

— Чарк, что же делать? Попробуй отвести стражникам глаза.

Он с заметным усилием отвлекся от собственных мыслей.

— Ну да, а двери сами отомкнутся, засовы спадут, стены расступятся… — Он внезапно умолк.

— Чарк? — Тэсси боялась дышать.

— Дракон… — пробормотал он. — Как же мы раньше не догадались? Ты укажешь мне путь к дракону. Подойди к зеркалу и постарайся его увидеть.

— Дракона?! — изумилась Тэсси. — Разве я смогу?..

— Собственно, можно обойтись и без зеркала. Подойдет таз с водой или начищенный медный котел… — бормотал Чарк. — Ты можешь увидеть свое отражение даже в моих зрачках. Но, думаю, с зеркалом получится легче…

— А как же Лора?..

— Потом, — отрезал Чарк. — Если сумеешь, вызволим и Лору.

Тэсси поняла, что спорить бесполезно. Несколько минут прилежно таращилась в зеркало и хлопала глазами. Постепенно, несмотря на весь страх за Лору, несмотря на ужас перед драконом, ее начал разбирать смех. Это было так глупо — неотрывно глядеть в зеркало и любоваться собой!

— Я тебе помогу. — Чарк встал у нее за спиной. — Не оборачивайся! Смотри на мое отражение в зеркале!

Тэсси послушно уставилась в зеркало на Чарка. Он тихо заговорил:

— Вспомни. Мы стояли на пригорке… Горизонт внезапно заволокло…

Тэсси попыталась отстраниться, но Чарк, взяв ее за плечи, неумолимо подталкивал вперед, к самому стеклу, к дракону.

— Стало нечем дышать, травы почернели…

У Тэсси перед глазами зароились черные точки. Или взметнулись хлопья пепла?

— В небо выхлестнул огонь и нахлынул багровый сумрак…

Тэсси уже не знала, внимает ли она рассказу Чарка или мечется в дымном мареве.

По глади зеркала пошла рябь, черные волны сменялись багровыми. А потом в жарком сумраке что-то шевельнулось. Огромная туша, хрипло вздыхая, выкашливала клочья дыма. Дракон спал, свернувшись в логове. Кривые сабли когтей почернели от копоти и запекшейся крови. Под чешуйчатой лапой виднелись оплавленные доспехи и обуглившиеся кости. Две драконьих головы спали крепко, третья — только дремала. Правое веко дернулось и начало приподниматься, открывая полоску желтоватого белка.

— Не смотри ему в глаза!

Узкая полоска ширилась — желтая, испещренная красными прожилками. Тэсси ждала — сейчас, вот сейчас откроется огненная воронка зрачка. Пламенеющий капкан, из которого не вырваться.

Дернулась когтистая лапа, обращая в крошево черные кости. Волна тошноты подкатила к горлу, свет начал гаснуть, и Тэсси ощутила, как ее грубо рванули назад. Потом наступила тьма.

— Если будешь падать в обморок всякий раз, как увидишь дракона, мы ничего не добьемся!

Чарк сердито встряхнул ее за плечи и потянул вверх, заставляя сесть. Тэсси приподнялась, оперлась спиной о стену. Горло иссушала вековая жажда. По комнате плыл запах раскаленного металла.

— Чарк, это безумие, — пролепетала она. — Как ты надеешься с ним справиться? От его дыхания плавятся доспехи и мечи!

Чарк метнул на нее уничтожающий взгляд.

— Я, конечно, совершенный тупица и не понимаю, что дракон сожжет веревки и расплавит цепи! Поверишь ли, — продолжал он язвительно, — я иногда заглядываю в книги и временами способен усвоить прочитанное!

«И как Лючия умудрилась в него влюбиться? Или у Чарка характер испортился с годами?»

— Есть зелья… Конечно, действуют они недолго, но… Важно задержать дракона, чтобы не явился на зов князя.

— А потом?..

— Потом можно избавиться от князя, перебить его телохранителей и запереть ворота. Вряд ли ратейцы отважатся штурмовать Арлесту без дракона.

— Дракон лежал на костях, на целой горе костей, — пробормотала Тэсси; ее затрясло.

— Не может быть! Горы костей — значит, логово старое. А он совсем недавно в наших краях. Ты не ошиблась?

— Нет. — Тэсси все отчетливее видела ящера, взгромоздившегося на изувеченные останки. — Логово близ вершины горы. И… Чарк, там лежал снег!

Они молча уставились друг на друга. Летом в их краях о снеге и не слыхивали. До ближайшей горной гряды было много дней пути. Чарк первым обрел голос:

— Уверена?

— Да! Выходит, дракон отсюда за сотни миль? И на зов князя не явится? Он помогает завоевывать, а в плену нас держит только страх?

— Тэсси, мы должны отправиться туда и убедиться. Открой дверь.

— Не сейчас, — взмолилась Тэсси. — Я сойду с ума, если снова увижу дракона. Давай сначала поможем Лоре.

— Ладно, — согласился он не без досады. — Да и глупо лезть дракону в пасть. Дождемся, пока он вылетит на охоту.

Тэсси рванулась к зеркалу. «Если вообразить темницу, можно открыть дверь и…» Чарк оттянул ее прочь от зеркала.

— Не сейчас. Дождись ночи.

— Да ты что?! Лора там… совсем беззащитная… и…

— Не понимаешь, что ли? — разозлился Чарк. — Она не одна в темнице. Попытаешься ее вывести — остальные узники крик поднимут. Придется всех выпускать. А если все сбегут — князь в гневе половину горожан перевешает. Ясно? Освободишь Лору ночью, когда все уснут, потихоньку…

— А другие?.. — Тэсси запнулась.

— Чтобы всех спасти — надо избавиться от дракона.

Желая скоротать часы до темноты, Тэсси собралась к Лориным родителям — в призрачной надежде поддержать их и утешить. Выйдя из дома, нос к носу столкнулась с женой булочника, столь же пышной и сдобной, как прославленные караваи ее мужа. Булочница не ответила на приветствие, да еще и шарахнулась от Тэсси, словно от зачумленной. Изумленная и обеспокоенная девушка двинулась дальше. Старая торговка рыбой с ней поздоровалась, но как-то странно ухмыльнулась и долго смотрела вслед. Продавец масла толкнул локтем зеленщика, и оба, небрежно кивнув Тэсси, принялись о чем-то шушукаться.

Тэсси внимательно оглядела собственное платье — нет ли где дыры, пригладила волосы. И чуть не бегом припустилась к дому Лориных родителей, ловя отовсюду недобрые взгляды и слыша перешептывания за спиной.

На ее нетерпеливый стук отворил сам хозяин. Заступил дорогу, явно не собираясь приглашать гостью в дом. Спросил неприязненно:

— Чего тебе?

Растерявшись от нелюбезного приема, Тэсси молча застыла на пороге.

— Кто там? — в прихожую выглянула худенькая бледная женщина с заплаканными глазами —

мать Лоры. — Тэсси? Входи же, входи!

Девушка переступила порог, всей кожей ощущая недовольство хозяина.

— Я только хотела… — Слова замерли на губах. — Лучше я в другой раз…

— Подожди! — Хозяйка схватила ее за руку, с какой-то странной жадностью вглядываясь в ее лицо. — Скажи… как поживаешь?

Эта попытка завязать беседу была настолько нелепа и неуклюжа, что расстроенная Тэсси почти испугалась.

— Поживаю? Как все…

— Да неужели? — взорвался отец Лоры и грубо спросил: — Правда, что ты невеста Ладрека?

«Вот оно что!» Ладрек точно рассчитал: новости в Арлесте разносились стремительно. Прежде Тэсси пугала лишь встреча с драконом, о встречах с соседями и друзьями она не думала. «Их гнев будет пострашнее драконовой ярости».

— Ладрек ко мне посватался, — ответила Тэсси, боясь открыто признаться.

— Полагаю, ты не оскорбишь его отказом? — с вкрадчивой злобой осведомился хозяин.

— Н-не знаю, — выдавила она.

— Ах, не знаешь?! — заорал Лорин отец, взбешенный уклончивым ответом больше, чем откровенным признанием. — Поглядите на нее! Она не знает, породниться ли ей с драконом! Не знает, осчастливить ли ей кровопийцу! Пусть ее подруга сгниет в темнице, она будет пировать в ратуше!

Он выскочил из передней, хлопнув дверью так, что стены затряслись.

— Прости, — прошептала хозяйка, — отец не в себе с тех пор, как… — Она умолкла, глотая слезы. — Ладрек, что же, пусть будет Ладрек…

Тэсси удивленно подняла на нее глаза. Склонившись к самому ее уху, хозяйка лихорадочно шептала:

— Ладрек, он ведь правая рука князя… Он защитит и тебя, и Арнека. Он тебя любит, раз сватается… Попроси его… Попроси за Лору…

В переднюю ворвался разъяренный хозяин. Рванул жену за локоть, оттягивая от гостьи. Взревел:

— Не смей ее ни о чем умолять!

— Попроси за Лору! — кричала хозяйка.

Тэсси бросилась к дверям, вслед неслись мольбы хозяйки и ругань хозяина. Выскочив из дома, Тэсси помчалась со всех ног, не разбирая дороги. На перекрестке к ней подскочил кто-то из соседей:

— Ты выходишь замуж за Ладрека, а наш сын в тюрьме! Похлопочи за него!

— Попроси, чтобы мою сестру не отдали дракону!

— С меня дважды налог взяли! Попроси рассудить!

— Коней со двора увели, пусть накажут вора!

Просителей становилось все больше, кто-то схватил Тэсси за руку и потянул вперед. Она слепо повиновалась, не соображая, куда бежит.

Стук захлопнувшейся двери, полумрак и тишина были спасением. Тэсси попыталась отдышаться. Глаза постепенно привыкли к темноте, и в двух шагах от себя она увидела Майру.

— Прости, — мягко сказала дочка главы. — Мне показалось, тебе лучше спрятаться.

Тэсси кивнула — язык не ворочался. Она привалилась к стене рядом с нечаянной спасительницей.

— Отца нет дома… — начала Майра.

Входная дверь распахнулась, и в потоке солнечных лучей явился глава дома и города.

— Дорогая гостья! Заходи же, заходи! — Он увлек ее в парадную комнату. — Какая честь для меня — принимать невесту непобедимого полководца. Помни, это я вас познакомил! Хитрец, он сразу пожелал беседовать с тобой наедине! Те минуты и решили дело?

Тэсси устало кивнула.

— Не забудь, кому обязана нынешним счастьем.

Глава прямо-таки лучился от удовольствия. Тэсси усмехнулась, представив, как заявит: «Я вовсе не собираюсь замуж». Бедняга онемеет от огорчения!

— Майра, угощай гостью! — закричал глава.

— Подожди, — остановила его Тэсси. — Пожалуйста, пошли за Ладреком.

— Послать? — Хозяин опешил так, будто она предложила остановить солнце в небе. — Послать за полководцем дракона?

— Пошли, — настаивала Тэсси, — от моего имени.

Хозяин уставился на нее с благоговением. Прошептал:

— Понимаю… Повинуюсь, госпожа.

Он поклонился и вышел из комнаты. Тэсси неуверенно повернулась к Майре, ожидая пренебрежительного взгляда.

— А мне нравится Ладрек, — неожиданно объявила Майра. — Он ничуть не похож на своего господина… Арнек, наверное, страшно рассержен этим сватовством?

— Да.

— Тогда тебе лучше жить у нас… до свадьбы. Если, конечно, ты пойдешь замуж.

— Спасибо, — откликнулась Тэсси, растроганная неожиданным приглашением. — Только… Майра, важнее спрятать Лору. Если она… ну, если вдруг удастся ее освободить. Ты смогла бы? Только твой отец не должен знать.

— Конечно. Можно спрятать в чулане. Никто не догадается.

— Чудесно, Майра, чудесно!

Майра, глядя в сторону, нерешительно спросила:

— Побег Лоры… Это цена твоего согласия?

— Нет, что ты! — вспыхнула Тэсси. — Ладрек никогда бы… Он не торгаш!

В уголках губ Майры обозначилась улыбка.

— Я рада, что жених тебе по душе.

— Ну… — запнулась Тэсси, сраженная этим нежданным выводом. «Конечно, мне он не противен, только… Замуж я не выйду. Да Ладреку это и не нужно. Одним сватовством он объявил на весь город о своих чувствах. Повелитель дракона предпочтет меня Лючии».

На улице зацокали копыта, и Тэсси подскочила к окну, чтобы увидеть дражайшего жениха собственной персоной. Догадливая Майра беззвучно удалилась, и спустя пару минут перед Тэсси предстал Ладрек, отвергший все попытки хозяина его сопроводить.

— Что случилось? — тихо и обеспокоенно спросил он.

— Я обещала помочь тебе против дракона, — начала она, желая объяснить: «Твой план удался. Невестой дракона выберут меня, а не Лючию. Однако помолвки не будет — я хочу без стыда смотреть в глаза соседей». — Только…

Этого «только» он не расслышал, порывисто шагнул к ней и схватил за руку.

— Ты не пожалеешь, Тэйза! Не пожалеешь, клянусь…

— Не нужно клясться кровью дракона! — перебила она, сердясь на поспешность, с какой были истолкованы ее слова.

— Чем же мне поклясться? — спросил он с лучезарной улыбкой. — Какую клятву ты захочешь услышать — в день свадьбы?

— Свадьба будет, если доживу! — выпалила она. — Если дракон не сожрет меня раньше! Ты ведь хочешь защитить сестру, не так ли?

Ладрек смотрел на нее в совершенном замешательстве.

— Ты поняла это? — запинаясь, проговорил он. — Так почему согласилась?

Тэсси помедлила с ответом. Поздно было объявлять, что соглашаться она не собиралась. В глазах Ладрека зажглась сумасшедшая, невероятная надежда, как тогда, в темнице. Все-таки он был очень юн и хотел, чтобы его любили. Любили отчаянно, беззаветно, страстно желали отдать за него жизнь, если потребуется. Любила именно она, потому что ей не было дела до его знатного имени и богатства. Напротив, она бы любила его вопреки всему этому.

Может, с этой любовью была связана и другая потаенная мечта его сердца — освободиться от клейма, от власти дракона. Похоже, он верил, что именно Тэсси, избавившая его от плена, может избавить и от клейма.

Она попыталась отшутиться:

— Ты не признавался мне в любви, почему я должна?..

Он тотчас рухнул к ее ногам. Не опустился изящно на одно колено, как можно было ожидать от вельможи, а свалился на оба, точно тяжело раненный.

— Скажи «да», Тэйза. Ты ведь любишь меня, правда?

Ладрек в исступленном напряжении ждал ответа. Она видела глубокую отметину, багровевшую меж прядей светлых волос. Клеймо становилось то темнее, то светлее, словно пульсировало жаром, кровью, болью.

И снова, как это уже было, ее охватила пронзительная жалость к неразумному мальчишке, жалость, однажды заставившая броситься ему на помощь. Сейчас Тэсси вновь должна была его утешить, успокоить немедленно, иначе ей самой было не знать покоя.

— Да, Ладрек, — сказала она, — конечно же, да.

Она протянула руку и осторожно дотронулась до багровой отметины над его бровью, словно надеясь прикосновением облегчить страдание.

В ладонь словно раскаленный штырь вонзили. Боль была такая, что Тэсси мгновенно ослепла и оглохла, не могла даже вскрикнуть, губы слиплись, одеревенели, ноги подломились. Тэсси рухнула бы на пол, но Ладрек подхватил ее в объятия.

Это был первый поцелуй в ее жизни, но Тэсси не ощутила ничего — кроме дикой боли. Руку терзали раскаленными зубами.

Ладрек снова ее поцеловал, и снова она не ощутила ничего, кроме ошеломляющей боли в руке. Затем рука стала бессильно-ватной.

— Прошло, — тихо сказал Ладрек, и она подумала было, что он говорит о ее руке, но тотчас поняла, что ошиблась. — Он давно болел. С первого промаха.

Тэсси хотела спросить, как же он промахнулся, служа дракону — не хватило сил. Она разомкнула веки, перед глазами плавали багровые пятна. Постепенно зрение прояснилось, и Тэсси увидела склонившегося к ней Ладрека. Подняла левую руку и отвела волосы с его лба. Клейма не было. Кожа над левой бровью стала чистой и ровной.

— Князь увидит, — прошептала она, с трудом обретая голос.

Он выхватил уголек из очага и прижал ко лбу. Тэсси зажмурилась. Запахло паленым мясом.

— Вот и все, — промолвил он беспечно. — Разве это боль? В сравнении-то с вечно палящим драконовым огнем? Ты избавила меня от такой пытки…

Он засмеялся. Тэсси вновь видела перед собой Ладрека с гобелена Лючии — беспечного, неунывающего, счастливого.

— Я убью дракона!

Тэсси попробовала пошевелить пальцами правой руки. Они не повиновались. «Женщина может стереть клеймо, если пожертвует самым дорогим». Что принадлежало ей, чем она дорожила и что могла отдать — кроме своего мастерства?

Ладрек, сняв с пальца гладкое, без камней, кольцо, тихо сказал:

— Дай руку, Тэйза.

Она беспомощно на него поглядела, не в силах шевельнуть правой рукой.

— Ты ведь не думаешь, что я хотел тебя убить? — промолвил Ладрек еще тише. — Ты хозяйка дверей и можешь скрыться в любой миг, даже увидев свое отражение в зрачках дракона. А Лючия была бы обречена…

Он сам взял Тэсси за руку и надел ей на безымянный палец кольцо. «Соскользнет», — подумала девушка, но кольцо сжалось, плотно обхватив палец.

— Это обручальное кольцо моей матери, — сказал Ладрек. — В нашем роду оно передается с незапамятных времен. Оно всегда по размеру тому, кому подарено. А надпись меняется. Кольцо не солжет, откроет чувства дарителя. Мой дед отдал его моей бабушке со словами: «И в горе, и в радости — вместе». Моему отцу оно досталось с наставлением: «Сыновнее послушание — превыше всего». Когда мой отец надел его моей матери, она прочла: «Ты — мое бессмертие». Когда мама отдала его мне, проступило: «Долг и доблесть». А теперь…

Тэсси вгляделась в изгибы тонких линий. Надпись была короткой, всего три слова. *«Все для тебя».*

В следующее мгновение Ладрек сказал:

— Открой мне дверь к логову дракона.

Тэсси прижала ладонь к губам, задушив крик. Представила, как Ладрек войдет в логово ящера. Дракон спалит дерзкого огнем, разорвет когтями.

— Сначала найди меч и доспехи, не боящиеся драконова огня. Иначе упадешь черным пеплом в его логове.

— Тэйза! Когда я присягнул дракону, князь даровал меч и доспехи, закаленные в крови дракона. Эти доспехи не боятся ни огня, ни железа.

— Ладрек, не спеши, — взмолилась она. — Князь связан с драконом заклятием. Наверняка узнает… почувствует… что ящер убит. Он не оставит от Арлесты камня на камне! Дай горожанам время — приготовиться к битве. Тогда они сразят ратейцев, а ты — дракона.

Она видела, как трудно Ладреку смирить нетерпение, так же трудно, как ей — смирить страх.

— Хорошо, — с усилием промолвил он. — Это твой город, Тэйза. Ради тебя я подожду.

Стемнело. Тэсси осталась в доме главы, Майра уступила ей свою комнату. Тэсси просто не смела вернуться домой, обрушить на Арнека груз всеобщего презрения и отвращения.

«Горожане решат, что брат меня поощряет». К тому же правая рука по-прежнему висела плетью, и Тэсси не хотела тревожить брата внезапной хворью.

Накинув крючок на дверь, она взяла свечу и устремилась к окну, разглядывая свое отражение в стекле. Затем вместо собственного лица представила лицо подруги. Густые пепельные волосы, аккуратно заплетенные в толстые косы, внимательные, чуть насмешливые зеленые глаза, высокий лоб, острый маленький подбородок…

В первую минуту Тэсси даже не поняла, видит подругу наяву или только воображает. Затем ощутила исходившее от зеркала тепло, услышала треск дров в очаге и поняла — свершилось, дверь открыта.

Лора сидела на низком табурете, устало привалившись к стене. Руки ее были связаны за спиной, на разбитых губах запеклись капли крови.

— Лора! — закричала Тэсси, забыв, что подруга не может ее ни видеть, ни слышать.

И тут раздался хриплый, грубый голос:

— Девчонка неразговорчива.

— Жаль, жаль, — откликнулся другой голос, низкий и бархатистый. — Такая молодая… Обидно доживать жизнь калекой.

Теперь Тэсси разглядела клетушку, залитую светом очага. У стены, скрестив руки на груди, стоял палач в красном капюшоне. Плотная занавесь разгораживала клетушку надвое, и за этой занавесью прятался князь. Он притворно вздохнул и заговорил вновь:

— Кого ты защищаешь? Своего мужа? Поверь, он на тебя и не взглянет больше, мой палач дело знает.

Тэсси беззвучно ловила губами воздух, не зная, что делать. Нельзя же вытащить Лору у них на глазах! Князь до смерти перепугается, призовет дракона — раньше, чем горожане подготовятся к битве!

— Кого ты защищаешь? Своего мужа? Поверь, он на тебя и не взглянет больше, мой палач дело знает.

Тэсси беззвучно ловила губами воздух, не зная, что делать. Нельзя же вытащить Лору у них на глазах! Князь до смерти перепугается, призовет дракона — раньше, чем горожане подготовятся к битве!

Князь натянул на голову капюшон и отдернул занавесь. Подошел к пленнице вплотную.

— А если сюда приведут твоих родителей?

Лора не открывала глаза и не отвечала. Тэсси внимательнее пригляделась к подруге и похолодела. Никогда не видела у Лоры такого лица — отрешенного, пустого, безжизненного.

Князь отступил к двери, приоткрыл ее, и в щель протиснулся невысокий, худенький человечек в засаленном плаще. Склонившись к самому уху владыки, зашептал:

— Обыскали весь дом… стариков нет, кто-то их прячет.

— Ну, сбежали, так сбежали, — небрежно откликнулся князь, возвращаясь к узнице. — Придется нам серьезнее поговорить с этой очаровательной горожанкой.

Он опустился на скамью, поспешно придвинутую палачом.

— Я тебе в отцы гожусь, девочка. — Голос его скользил утюгом по атласу. — Что проку запираться? Не затрудняй палача. Тайну ты выдашь — только со здоровьем и красотой распрощаешься.

Лора широко распахнула глаза — круглые, остекленевшие.

— Пожалейте меня, я ни в чем не виновата.

— Верю, — тихо и доброжелательно рокотал князь. — Когда в доме твоего мужа собирались друзья и соседи, муж отсылал тебя в кухню, так?

Лора лязгнула зубами.

— Н-нет, господин. У нас никого не бывало… со дня моей свадьбы.

Прежде чем князь с поскучневшим видом поднялся, она прибавила:

— Генрик сам часто уходил. Я даже… подумала, что у него зазноба на стороне.

Князь одобрительно кивнул.

— Надеюсь, твой муж тебя разуверил?

— Да, господин. Сказал, что мы скоро разбогатеем… Повелитель дракона нас наградит.

— За что же? — Презрение в голосе князя мешалось с удивлением.

— Генрик бродил по округе и нашел… — Лора понизила голос, и князю пришлось к ней нагнуться, — нашел кладку яиц. Змееныши вот-вот вылупятся. Он сказал об этом твоему полководцу, Ладреку.

Тэсси беззвучно вскрикнула и отшатнулась от окна. Знала ведь — Лору не так-то легко сломить! Подруга даже в темнице продолжала сражаться. Старалась выгородить мужа и уничтожить вражеского полководца. Расчет был верен. Ладрек обречен… Только горожан это не спасет. Стражи дракона нашли спрятанное оружие. Князь захочет примерно наказать Арлесту. Спалит город дотла.

— Где змееныши? — с деланным спокойствием спросил повелитель дракона.

— Еще не вылупились.

— Где кладка, ну?

Забыв о достоинстве, князь схватил Лору за плечи и встряхнул.

— Не знаю, — пискнула она в мнимом страхе. — Генрик не сказал.

Капюшон свалился с головы князя, открыв дышавшее злобой лицо. Обернувшись к палачу, он приказал:

— Огня.

Палач услужливо склонился над очагом. Затем шагнул к Лоре, сжимая докрасна раскаленные щипцы.

Тэсси сунула здоровую руку сквозь стекло и рванула подругу за растрепанную косу.

Они будто взмыли вверх. Промелькнули каменные ступени, мощеный двор, канава, полная нечистот, открылось звездное небо. Внизу понеслись черепичные крыши, замелькали огни в окнах. Одно из окон приблизилось — озаренное теплым, уютным огнем свечей. Ковер больно ударил по пяткам. Тэсси выпустила Лорину косу и с размаху села на пол. Подруга повалилась на кровать.

По глади окна побежала рябь, и донесся истошный вопль. Кричал насмерть перепуганный палач. Лора сидела на кровати, тревожно озираясь.

— Тэсси, Тэсси, — прошептала она. — Где мы? Что случилось?

— Некогда объяснять. Ты знаешь, где они собираются — Арнек, Генрик и прочие? Конечно, знаешь. Беги туда. Расскажи Арнеку, что случилось…

— Но я не знаю, что случилось, — возразила Лора с присущим ей хладнокровием. — Я была…

— В темнице, — перебила Тэсси. — Не трудись, орудия пытки я тоже видела. Ты должна рассказать Арнеку, о чем тебя спрашивали — и что ты ответила. Он поймет. Выберись из города потайным ходом…

— Хорошо, — ответила Лора после секундного раздумья. — Будь добра, развяжи меня.

Некоторое время ушло на то, чтобы отыскать ножницы — Тэсси бесцеремонно вывернула на пол Майрины вещи. Ей трудно было управиться левой рукой, и чем больше она спешила, тем хуже получалось, пока Лора резким движением не разорвала надрезанные веревки.

Они тихонько выскользнули за дверь, прокрались по лестнице, отодвинули засов. Лора благодарно сжала локоть подруги и безмолвно растаяла во тьме. А на смену ей, чуть не до смерти напугав Тэсси, шагнул мужчина.

— Чарк! — ахнула Тэсси. — Что случилось? Почему ты здесь?

— А где мне быть? — огрызнулся он. — Дома, стражей дожидаться?

— Каких стражей?

— Тех, что пошлют за Лорой. Сейчас всех начнут хватать без разбора. А я еще и ранен.

— Слушай, Чарк. Лору допрашивали. Она заявила, будто горожане нашли драконье гнездо, змееныши вот-вот вылупятся… Мол, Ладреку об этом известно.

Чарк присвистнул.

— Князь поверил?..

— Да, сразу. Надо предупредить Ладрека.

— Подожди! — Дядя поймал ее за руку. — Что проку, он не может защищаться. Должен повиноваться дракону или умрет. — Чарк внезапно умолк и принялся ощупывать ладонь Тэсси. — Согни-ка пальцы…

— Не могу, — нетерпеливо оборвала Тэсси. — Оставь, Чарк, твое врачебное искусство здесь бессильно. Рука отнялась, когда я стерла клеймо со лба Ладрека.

— Стерла клеймо? Тэсси, ты бредишь!

— Почему? — глупо спросила она. — Он мне дорог и…

— Ладрек — удачливый полководец! — оборвал Чарк с холодным презрением, взбесившим Тэсси. — Об этом даре молил дракона!

— А о чем молил ты?

Тэсси сама испугалась того, что сказала. Испугалась потому, что Чарк отпустил ее и обхватил собственное предплечье. Все крепче сжимал пальцы, но Тэсси видела, как сквозь повязку проступает кровь. Рана снова открылась.

Значит, она угадала. Недаром ей однажды примерещилась багровая отметина над его левой бровью. Тэсси вспомнила, как тогда откинула волосы со лба дяди. Никакой отметины не было. Но Чарк посмотрел так странно: с насмешкой, хотя ясно было, что ему совсем не смешно.

— Лючия сказала? — тихо спросил он.

— Так это Лючия стерла клеймо, — осознала Тэсси.

Чарк промолчал. Тэсси глядела на его белое, неподвижное лицо, на кровь, сочившуюся меж пальцев, без малейшей жалости. Если кому и сочувствовала, так Лючии.

— Ты хотел ее любви, правда? Ради этого присягнул дракону?

— Ты хотел ее любви, правда? Ради этого присягнул дракону?

Она не спрашивала — утверждала. И даже не ждала ответа.

— Дурак, — злобно сказала Тэсси. — Ты и впрямь думаешь, что Ладрек сделался непобедимым полководцем, а Лючия полюбила тебя — по велению дракона? Не потому, что он был рожден и воспитан воином, а она и без того… И теперь воображаешь, что — раз изменил дракону — он отнял свой дар? Лючия тебя разлюбила? Дурак, — повторила она с еще большим чувством. — Поэтому ты и не показываешься ей на глаза?

— Не твое дело, Тэсси! Замолчи!

— Бегите с Лючией из города, — сказала Тэсси. — Бегите, пока князь на ней не отыгрался.

Больше медлить она не могла и, взбежав наверх, в комнату Майры, приникла к оконному стеклу. Желала попасть к Ладреку. И шагнула… в палатку полководца.

Ладрек, сидя за походным столом, просматривал какие-то письма. Одни откладывал, другие бросал в жаровню с углями. Вскинув голову, увидел Тэсси. Окаменел. Затем счастливо засмеялся.

— Забыл, что женюсь на волшебнице!

— Ладрек, слушай…

Торопясь, она поведала о Лориной хитрости. Ладреку не требовалось растолковывать. Он проворно облачился в доспехи и, достав из походного сундука плащ, подбитый мехом, набросил на плечи Тэсси.

— Ночью холодно. Отведи меня к дракону. — Он подал ей зеркало. — Смелее, хозяйка дверей! Я должен убить ящера. Иного выхода нет.

Тэсси прерывисто вздохнула. Всей ее любви не хватило бы, чтобы его удержать. Она не могла показать, как мало в него верит. Безмолвно поднесла зеркало к глазам.

Вспоминать о драконе было слишком страшно, и Тэсси представила черный зев логова. Из маленького зеркала потянуло свежестью. Ладрек нетерпеливо схватил Тэсси за руку, и они вышли на крутой, голый склон.

С первого взгляда стало ясно, что логово пусто. Черный провал дышал холодом, ветер трепал клочья овечьей шерсти, зацепившиеся за камни, в воздух то и дело взметались редкие хлопья пепла.

— Опоздали. — Ладрек с досадой вогнал в ножны наполовину вытащенный меч.

Тэсси не решилась утверждать, что глубоко опечалена. Ладрек, запрокинув голову, смотрел на льдистые пики гор, розовевшие в утренних лучах. С каждой минутой они становились все светлее, все ослепительнее. Внизу, в долине, утренний мрак понемногу рассеивался.

— Князь нас опередил, — заметил Ладрек. — Успел позвать ящера. Дракон несется к Арлесте, и в воздухе он неуязвим. Ты, конечно, можешь его найти… — Он не столько обращался к Тэсси, сколько размышлял вслух. — Только что проку? Предположим, откроешь дверь где-нибудь под облаками. У дракона есть крылья, у меня — нет.

Тэсси молчала — не ей было обдумывать план битвы. Внизу, у подножия горы, сумрак понемногу таял, и открывалась долина, расцвеченная алыми, желтыми, оранжевыми пятнами кленов. Здесь, на севере, осень подступила раньше.

— Тэйза, — позвал Ладрек. — Взгляни. Там, за холмами — Вердиана.

Напрягая глаза, она пыталась рассмотреть шпили и башни далекого города, но все тонуло в сероватой дымке.

— Когда все закончится, — оживленно заговорил он, — отправимся в Вердиану. Я покажу тебе мой город.

«Когда все закончится…» Тэсси пришлось низко наклонить голову, чтобы он не догадался, как мало она верит в счастливый конец.

Тэсси мечтала прикорнуть хотя бы на два часа. Казалось, только смежила веки, как тут же раздался требовательный стук в дверь. Тэсси вскочила, спросонья не понимая, где находится.

— Да, Арнек!

— Это я, — донесся из-за двери встревоженный голос Майры.

Тэсси, опомнившись, поспешила открыть.

— Извини, я тебя разбудила, — принялась оправдываться дочка главы, — но время давно за полдень. Отец позвал портних… сшить свадебное платье.

— Что?! — ахнула Тэсси.

Глава города изо всех сил стремился угодить ей, а через нее — Ладреку.

Майра ушла, и Тэсси поторопилась одеться. Обнаружила, что одной рукой затянуть шнуровку не так-то просто. Сражаясь с платьем, Тэсси размышляла: «Чем расплатилась Лючия, стерев клеймо Чарка? Где они сейчас? Сумели бежать из города?»

Вновь прибежала Майра, провела Тэсси на залитую солнцем южную веранду и отдала на растерзание сразу трем швеям. Лица у них были такие, словно Тэсси у каждой отбила жениха. Старшая из портних не разжимала губ, работала молча и быстро, всем своим видом выражая презрение. Вторая безостановочно лила слезы — оплакивала бедного Арнека, пригревшего на груди гадюку. Третья болтала без устали, рассказывая, как сладостен, должно быть, брак с чужеземцем, готовым рубить головы твоим землякам, соседям и друзьям.

Затем Тэсси позвали к обеду. Служанки, накрывавшие столы, не преминули доложить: уже весь город судачит о том, что у вышивальщицы отсохла правая рука — та самая, на которую чужеземный полководец надел обручальное кольцо.

Тэсси, будто не слыша, хладнокровно вгрызалась в яблоко. А Майра очень расстроилась. Перегнувшись через стол, шепнула:

— Неужели?..

— Не верь, — перебила Тэсси вполголоса, — рука отнялась раньше.

— Ты отправишься под венец прямо из моего дома! Майра будет подружкой невесты! — возликовал глава и умолк, заслышав шум в передней.

Загрохотали шаги, послышались негодующие вопли слуг, пытавшихся задержать незваного гостя, дверь в трапезную распахнулась, и влетел красный, запыхавшийся торговец коврами.

— Смотрите скорее! — крикнул он, смахивая пот со лба.

— Что случилось? — вознегодовал хозяин, прерванный на полуслове.

— Сами поглядите. — Торговец указал в сторону двери. — Мне еще булочника предупредить надо. Он меня убьет, если пропустит такое!

Он развернулся и унесся прочь. Глава негодующе пожал плечами, поднялся и, стараясь не терять достоинства, величаво направился к двери.

— Пойдем. — Майра потянула Тэсси за руку. — Сверху лучше видно.

Они поднялись в комнату Майры и распахнули окно.

С горожанами творилось что-то неладное. Одни выстраивались шпалерами вдоль улицы, другие

мчались вперед, барабанили соседям в двери и ставни. Две горожанки от удивления выронили корзинки, а еще две — опрокинули кувшины. Старик, ехавший на осле, перевернулся в седле задом наперед, чтобы лучше видеть. Молодой прохожий так выворачивал шею, оглядываясь, что в конце концов споткнулся и повалился ничком.

По улице двигались Чарк с Лючией. Ехали верхом, рядом, касаясь друг друга коленями. Чарк — на великолепном вороном коне, Лючия — на ослепительно-белой долгогривой лошадке. Хвосты и гривы лошадей оплетали серебряные нити, не менее богато была украшена упряжь.

Черный, расшитый жемчугом плащ укрывал плечи Чарка. Из-под плаща выглядывал край бархатной куртки, рукава, отделанные тончайшим кружевом. На сапогах позванивали золотые шпоры.

Черный, расшитый жемчугом плащ укрывал плечи Чарка. Из-под плаща выглядывал край бархатной куртки, рукава, отделанные тончайшим кружевом. На сапогах позванивали золотые шпоры.

Наряд Лючии мерцал и переливался: нынче на ней было столько же драгоценностей, сколько обычно — цветов. Из-под длинного одеяния всадницы виднелся кончик атласной туфельки, расшитой серебром.

Даже явление дракона не потрясло бы горожан сильнее.

У дома городского главы Чарк соскочил наземь и помог спешиться Лючии. Сунул поводья одному из слуг, истуканом застывшему у дверей. С изысканной любезностью приветствовал одеревенелого хозяина.

Тот ответил пространной речью, сделавшей бы честь любому обитателю водоемов, — долго и прилежно открывал и закрывал рот.

— Полагаю, вы знакомы с Лючией… Однако, — продолжал Чарк, — сегодня я хочу представить Лючию снова. Познакомьтесь: моя жена.

Глава, перешедший уже к осмысленным междометиям, снова онемел и оцепенел.

Майра проворно сбежала по лестнице, впустила гостей в дом и сразу проводила наверх, к Тэсси. Сама хотела уйти, но Тэсси удержала:

— Довольно секретов. Майра, не удивляйся. Чарк родился и вырос в Вердиане.

— Покидая город, забрал луковицы лирты и птенцов огневки, — подхватила Лючия. — Я знала: в тех краях, где зацветут эти цветы и запоют эти птицы, его и нужно будет искать.

«Потому она и выезжала из города, день за днем, в любую погоду. Искала Чарка».

— Луковицы померзли, — признался Чарк. — Цветов взошло всего несколько. Ты ведь их не нашла?

— Почему же. — Лючия вытащила из рукава салфетку, встряхнула, разворачивая.

Заалели вышитые лепестки, в огненном вихре закружилась саламандра. Чарк повернулся к племяннице и тут же досадливо поморщился.

— Тэсси, что ты так на меня уставилась? Неужели не понимаешь?

Он прищелкнул пальцами. Тэсси будто водой в лицо плеснули; Майра тоже растерянно хлопала глазами. На Чарке оказалась простая рубаха — да еще с синим воротом и серыми рукавами (Тэсси узнала собственную работу), такие же добротные, хоть и невзрачные, штаны да потрепанные сапоги. Драгоценности Лючии тоже растаяли. Вместо золотых запястий — браслеты из травы, вместо рубинового ожерелья — гроздья рябины, вместо диадемы — венок из кленовых листьев. Тэсси перевела взгляд на ее ноги.

— Босая!

— Ни к чему это, — поддержал Чарк.

Лючия положила руку ему на грудь.

— Сказала же: пока ходишь в рубище, и мне ходить босоногой.

Тэсси смущенно отвела взгляд и тут же воскликнула:

— Чарк, жемчуг на твоем плаще настоящий!

— Мой свадебный подарок, — пояснила Лючия (плащ точно повторял прежний, с гобелена). — А мне Чарк подарил восход на Ведьмином омуте. Волшебное место…

Тэсси озадаченно молчала: она помнила черную маслянистую воду и запах болота. «Если это и волшебство, то какое-то гадкое».

— Раньше Ведьмин омут назывался Чарующим, — неохотно пояснил Чарк. — Если верить книгам, в него можно было заглянуть раз в жизни. Да на всю жизнь запомнить…

— Что? — шепнула Тэсси.

Он качнул головой:

— Не знаю. Каждый видел свою мечту. А потом… Горожане пожелали заглядывать и дважды, и трижды, и каждый день. Позвали ведьму, она и намудрила. Вода сгустилась, почернела, будто уснула. И только порой можно… — он поискал слово, — разбудить воду.

Тэсси глядела на дядю во все глаза. Она-то гадала, почему он поселился в таком скверном месте! «Чтобы день за днем будить спящую воду. Вновь превратить Ведьмин омут в Чарующий».

— Солнце поднялось не где-то вдали, а прямо у наших ног, из черной воды, — говорила Лючия. — Огромное, пурпурное, оно росло и росло. Поглотило нас, и всю пустошь, и дальний лес. А потом начало подниматься — и мы вместе с ним. Мы видели шпили и флюгера города. Птицы пролетали под нами, а ледяные пики гор стали плоскими корочками льда. А потом… Нет, не умею рассказать.

Лючия умолкла, но глаза еще отражали сверкание льдов и солнечный пламень.

— Зачем вы вернулись в город? — чуть не простонала Тэсси, вспомнив о грозящих опасностях.

Чарк холодно промолвил:

— Однажды я убежал — из Вердианы в Арлесту. Дракон настиг меня и здесь. Что дальше? Так и метаться по всему свету?

Чарк говорил, а Тэсси понимала недосказанное: что бы ни случилось, князь до Лючии уже не доберется. Она замужем. Невестой дракона ей не бывать.

— Больше я не позволю выгнать меня из дома, — продолжал Чарк. — Не позволю никому, ни дракону, ни его слуге!

Тэсси вдруг вспомнила обвиняющий взгляд, брошенный Лючией на брата. Внезапно ее осенило, за какой «промах» наказывал полководца дракон.

— Ладрек пытался тебя убить? Князь приказал? Едва Лючия стерла твое клеймо? Вы с Ладреком сражались?

— Ну, это громко сказано, — ухмыльнулся Чарк. — Скрестить с ним клинок с моей стороны было бы глу… неосторожно. Он выхватил меч, и я выскочил в окно.

— Он пытался тебя убить!

— Он — коготь дракона, — вступился было Чарк, но Тэсси перебила:

— А ты взамен спас ему жизнь.

Она смотрела на дядю, будто заново с ним знакомясь. Прежде, памятуя о скверном характере Чарка, удивлялась выбору Лючии. Плохо же знала собственного родича.

Майра вдруг отскочила от окна:

— Князь!

В следующий миг Тэсси сделала то, чего никак от себя не ожидала. В глазах Майры увидела свое отражение. Затем собственное лицо сменилось желтым песком оврага, бронзовыми стволами сосен. Не медля, Тэсси толкнула Чарка с Лючией в распахнутую дверь. Сама не поняла: как ухитрилась одной рукой схватить сразу обоих. Чарк с Лючией, не удержавшись на кромке обрыва, покатились по откосу вниз. А Тэсси качнулась назад, в душную комнату, и оказалась лицом к лицу с Майрой, прижимавшей ладони к побелевшим щекам.

Князь вступил в дом, но не удостоил главу города долгой беседы. Заскрипели ступеньки. Поднимались двое или трое. Повелитель дракона вошел первым, за ним — Ладрек и хозяин дома.

Князь был не то чтобы высок и не очень широк в плечах, но в просторной комнате сразу стало тесно. От него веяло всесокрушающей силой, чем-то безжалостным и холодным, словно от древнего истукана.

Тэсси отступила в дальний угол. Не могла избавиться от ощущения, что ее раздавят. Не только ее — весь город, десятки городов. Ладрек рядом с князем выглядел совершенным мальчишкой.

Повелитель дракона медленно поднял тяжелые веки и произнес голосом, напоминавшим гул камнепада:

— Познакомь со своей невестой.

Ладрек встал так, чтобы оказаться между князем и Тэсси.

— Тэйза. Повелитель дракона оказал нам честь…

— Тэйза. Повелитель дракона оказал нам честь…

Тэсси склонила голову и тут же упрекнула себя за столь приниженное и малодушное поведение. Казалось, от мрачной фигуры по комнате растекается сумрак. Ладрек по-прежнему загораживал Тэсси, но князь заговорил так, будто его не было:

— Нехорошо. В городе играют свадьбу за свадьбой, а сам великий хозяин судеб, подлинный владыка — дракон — остался без невесты.

Глава города спешно вытолкал за дверь Майру и выскочил сам.

Тэсси мелко дрожала. Боялась не дракона — князя. Он ни разу не повысил голос, не разгневался, даже ногой не топнул. Именно это спокойствие и страшило.

— Дракону наскучило ждать. Он желает избрать невесту. Конечно, владыка достоин лучшей из горожанок. Думаю, ее нетрудно отыскать. Не так ли, Ладрек? Твоя невеста — лучшая девушка в городе?

Тэсси поняла: князь уготовил строптивому полководцу особую пытку. Не сотри она клеймо… Ладрек умер бы, едва подняв меч против дракона. Умер, зная, что его невеста достанется ящеру. Только сейчас она сполна осознала, от какой муки избавила жениха.

Спросила как можно спокойнее:

— Когда же свадьба?

— Свадьба? Немедленно. С согласия Ладрека. — Князь рассмеялся с угрюмой свирепостью.

— Без жениха? — кротко осведомилась Тэсси, прекрасно зная, сколь долгий путь предстоит дракону.

— Зачем же без жениха?..

В голосе князя прорвалось злобное торжество, когтем дракона зацепившее сердце Тэсси. Одолевая новую волну страха, она шагнула к столу и взяла огниво.

— Нет, не зажигай свечей. Хочу, чтобы ты увидела дракона во всем великолепии.

В руке князя что-то блеснуло, лишь спустя минуту Тэсси поняла, что он глянул в зеркало. Она закричала, когда часть стены начала проваливаться, открывая черный, закопченный лаз, обрамленный клочьями овечьей шерсти. В глубине шевельнулась огромная туша. Дракон возвратился в логово, откуда вылетал на краткий миг охоты.

— Хозяин дверей!

Князь с ошеломляющей быстротой подступил к ней вплотную.

— А ты хозяйка, верно? Когда из темницы пропала узница, я один понял, как это случилось. Заодно вспомнил, что мой полководец всех озадачил, вырвавшись из Морской крепости. А потом озадачил вдвойне, посватавшись к простолюдинке.

Клубы раскаленного пара ворвались в комнату, и Тэсси отскочила, ошпаренная. Огромные ноздри дышали пламенем, из приоткрытой пасти вылетали снопы искр. Уродливая, рогатая голова на чешуйчатой шее медленно надвигалась на нее из темноты. Только одна голова и

могла поместиться в комнате. Клыки медленно обнажались. Огненные зрачки нацелились на добычу.

— Тэйза, беги! — гаркнул Ладрек.

— Беги, если хочешь, — гремел князь. — Ты мне не опасна. Твой город я предам пламени, полководца — казню за измену.

Тэсси не шевелилась, не зная, чьи глаза завораживают больше — дракона или князя.

— Тэйза! Беги!

— Хочешь, чтобы твой город уцелел — останься. Скорми себя дракону.

Раскаленная щель пасти раскрывалась все шире.

Бац!

Стеклянная бутыль разбилась о чешуйчатую морду. Замерев, князь с Тэсси — равно ошарашенные — смотрели, как густая золотистая масса стекает меж глаз ящера. Веки его мгновенно набрякли и опустились.

На пороге стояла запыхавшаяся Майра, недоверчиво глядя на дело своих рук. «Зелье, сваренное Чарком, все-таки пригодилось!» Следом за Майрой по лестнице взлетел отец, замычал от ужаса и, схватив дочь в охапку, попытался увести вниз, но та намертво вцепилась в дверной косяк.

Серебряная молния рассекла полумрак комнаты. Тяжелый двуручный меч обрушился вниз, разрубив длинную шею. Дикий рев сотряс жилище, черная кровь хлынула на ковер.

— Ты! — Князь рывком обернулся к Ладреку; в бешеном вопле равно слились ярость и изумление. — Ты же раб дракона!

Бесподобная улыбка осветила лицо юного полководца.

— Был когда-то.

Князь схватился за меч. Теперь закричала Тэсси — князь казался несокрушим.

Ладрек позволил ему обнажить клинок.

— Это все, что я могу для тебя сделать, — с сожалением промолвил он, мягко и беззвучно двинувшись навстречу.

Клинки скрестились, высекая искры. В следующий миг все было кончено. Князь повалился на пол. Меч, звякнув, выпал из ослабевших пальцев. Глава в ужасе смотрел, как пышный ковер легко впитывает кровь.

По лестнице уже гремели шаги телохранителей князя. Их задержал глава, наконец оторвавший Майру от косяка. Швырнул дочь на головы бегущим. Кто-то споткнулся, сбился с ноги, бежавшие сзади налетели на первых. Началась сумятица.

Тэсси внезапно обнаружила, что летит — следом за Майрой, в объятия к тем же ратейцам. Встретили ее отборной бранью, но на ноги поставили. Ладрек, сбросивший ее, уже и сам

выскочил на площадку.

— Дракон! — заорал он во всю мощь легких. — Дракон убил повелителя!

Стражи мало усомнились в его словах, а если бы и усомнились — длинный язык пламени, лизнувший противоположную стену, послужил лучшим доказательством.

Дверь к логову осталась открытой. Круша стены, изувеченный ящер выползал в город.

— К оружию!

Вопль Ладрека подхватили ратейцы, а в городе уже гремели колокола — стражи заметили горящий дом.

Майра схватила Тэсси за руку и потащила на улицу.

Огромная когтистая лапа высунулась в окно. Истерически закричала женщина в окне напротив, и дракон плюнул в ту сторону огнем. Вспыхнули ставни, алые язычки потянулись вверх, и через несколько мгновений пламя выхлестнуло из чердачных окошек.

Теперь раздался вопль уже доброй сотни голосов. Пожар переметнулся через дорогу.

Крыша в доме главы просела, над ней взметнулся фонтан пламени и показалась драконья морда на длинной шее, за ней — вторая.

Дракон подслеповато оглядывался и пламенем дышал как-то неуверенно — не прицеливаясь в метавшихся по улицам людей. Воины сомкнулись возле Ладрека, внимая коротким приказам.

— Поднять лагерь. Лучников на стены. Огню дороги не давать. Мародеров убивать на месте.

Телохранители рассыпались в разные стороны.

— Он взлетит и ударит сверху!

Тэсси не разобрала, кто это крикнул, но увидела кожистое крыло, мелькавшее среди горящих бревен. Дракон топтался среди охваченных огнем развалин, пытаясь расправить крылья. Меч Ладрека описал огненный круг, и в черном крыле образовалась прореха.

Дракон взревел и забился, бревна пылающими снарядами полетели во все стороны. Кого-то из воинов придавило, Ладрека сбило с ног. Он что-то кричал, но Тэсси уже не разбирала слов — оглохла от истошных воплей горожан, грохота рушившегося дома, гула пламени. Ладрек перехватил у слуги, державшего коня, повод и взлетел в седло.

Конь хрипел от ужаса, приседал на задние ноги и прижимал уши, но всадника слушался. Дракон, разметав обломки, выполз на улицу. Вероятно, лишившись третьей головы, он стал хуже видеть, потому что бестолково озирался. Ладрек спокойно ждал. Он даже вложил меч в ножны. «Хочет увести дракона из города!» Тэсси поразилась холодному расчету. В самом деле, сумей он сразить дракона — что бы стали делать горожане с огромной тушей?

Она обернулась, измеряя взглядом путь до ворот. И завопила от ярости и ужаса. Соседи из ближайших домов спешно выволакивали на улицу скарб, отрезая путь не только Ладреку, но и себе самим.

— Бросайте! Бросайте все! — закричали Тэсси с Майрой наперебой, бросаясь к горожанам,

более жалевшим свое добро, чем себя.

Глава поспешал следом, осыпая бранью тупиц, обрекавших на гибель весь город.

— Болваны! Дайте ему увести дракона! Арлеста уцелеет!

Двое — торговец пряностями и его жена — оглянулись на дракона. Кинулись прочь, бросив посреди улицы раззолоченный комод и широкую кровать. Слуги, не подумав спасать хозяйское добро, припустили следом. Тугая струя огня смела и комод, и кровать, и сундук. Ящер склонил шею еще ниже, дыша огнем. Ладрек приподнялся на стременах и молниеносным движением отрубил вторую голову.

Тэсси прижала ладони кушам, но дикий рев пронзил насквозь, разрывая не только уши — все тело. Дракон заметался, круша соседние дома. «Растопчет!»

Ладрек одним рывком вздернул ее на седло. Бросил поводья. Конь затанцевал, избегая гигантских лап и брызг раскаленной крови. Тэсси попеременно видела то небо, то землю. Ящер повалился на бок, и какое-то время лежал, не шевелясь. Ладрек спихнул Тэсси на землю.

— Отсидись в подполе!

Вороной уносил Ладрека к воротам. По пятам, тяжело переваливаясь, гнался дракон. Он был как князь — нетороплив и стремителен одновременно.

Тэсси метнулась было вдогон, но Майра удержала.

— Ворота запрут. На стену!

Тэсси не помнила, как поднялась на стену. Кажется, взбиралась по узким крутым ступеням, цепляясь за руку Майры, а Майра, в свою очередь, цеплялась за отца.

Только благодаря главе им позволили остаться среди воинов. Тэсси оперлась на каменный зубец. У ее ног темнели крыши, облепленные людьми. Те, чьи дома остались в стороне от пожарища, торопились поглазеть на схватку. В охваченных огнем проулках метались черные тени.

Лагерный частокол тоже пылал, горели и палатки, но воины, поднятые по тревоге, успели вооружиться. Ратейцы поспешно отступали от Арлесты. Ветер донес крики и звон мечей: на отступающих напали бунтовщики-горожане, собранные Арнеком. К ним примкнули вердианцы, служившие дракону по принуждению, и колошматили бывших союзников что есть силы.

«Сколько Ладрек продержится?!» Тэсси, стиснув зубы, наблюдала за безумной пляской человека и коня. В городе дракону мешали дома. На пустоши он мог развернуться. «Зачем Ладрек привел его сюда?» Тэсси догадывалась: Ладрек предусмотрел и свое поражение. Укрывшись за крепостной стеной, горожане смогут отогнать раненого ящера.

Огненные нити завились вокруг лошадиных ног. Конь вздыбился и с жалобным ржанием начал падать. Ладрек соскочил на землю.

Тэсси закричала, но ее голос был заглушен голосами воинов. Дракон обернулся к городу, извергая клубы огня. Тэсси укрылась за каменным зубцом, закрыла лицо от ослепительного света. Кое-как отдышавшись, поднялась на колени.

Вместо одного меча на пустоши мелькали уже три. Словно три золотых иглы вышивали затейливый узор. Растерянный ящер бросался из стороны в сторону.

На мгновение три человека сошлись вместе — и снова разъединились, но теперь каждый сидел в седле. Кто подвел коней, Тэсси рассмотреть не успела. Миг — и три всадника неслись галопом, подгоняемые жарким дыханием дракона.

— Уводят дракона к болоту! — закричала Майра.

Вспышки огня отдалялись. Тэсси побежала вниз со стены. Скорее, скорее, выбраться из толпы. Она поможет. Отнимет у дракона добычу. Только бы не опоздать!

Она свернула в переулок и заметалась от дома к дому, желая увидеть свое отражение в окне. Как назло, все ставни были крепко заперты. Наконец открылся темный проем окна, стекла были выбиты, лишь в углу рамы уцелел жалкий осколок. Тэсси поднялась на цыпочки, до рези в глазах вглядываясь в смутное отражение.

Дом растаял, сменившись взгорком с чахлыми деревцами. У подножия холма горела трава, огонь сползал к самому болоту и там угасал, сочась желтоватым дымом.

Три человека, озаренные драконовым огнем, перепрыгивали с кочки на кочку, продолжая непрерывный танец атак и отступлений. Они заметно устали, но и раненый дракон ослабел. Он провалился по грудь и неуклюже барахтался, выплевывая сгустки огня. Целил в Ладрека, не давая подобраться ближе.

— Отвлеките эту тварь на себя! — крикнул Ладрек.

Два его отражения начали подступать к дракону. Не просто подступать — дразнить.

— Сюда! Ко мне, гадина! Иди сюда! — надрывался Чарк, размахивая мечом.

— Дохни огнем! Что, не можешь?! — вторил ему Арнек.

Дракон исполнил его просьбу и кашлянул пламенем. Промахнулся, над водой взметнулось облако пара. Ладрек бежал по пружинящим кочкам к ящеру, но Тэсси понимала — ему не успеть. Дракон сожжет ее родичей прежде, чем Ладрек до него доберется. А потом спалит и Ладрека.

Увидеть собственное отражение в воде, блестевшей между кочками, было не трудно.

Ладрек даже не отшатнулся, когда она возникла перед ним из пустоты. Их пальцы переплелись — мгновенно, намертво, словно в день побега из Гур-Гурана. Вместе они шагнули во вторую дверь, к дракону. Тэсси промахнулась мимо кочки и угодила в воду. Зато Ладрек встал твердо. Свистнул меч, и последняя голова упала, подняв фонтан воды и пара.

Ладрек вытащил Тэсси из болота прежде, чем она наглоталась мутной воды. Брызги кипящей драконьей крови прожгли рукав платья и опалили руку, но Тэсси не чувствовала боли. Слушала свистящее дыхание Ладрека, смотрела на струйки крови, бегущие по его щеке. И лишь потом обнаружила, что обнимает жениха обеими руками.

Юстина Южная

МЕЧ, ГЕРОЙ И НЕМНОГО ЦИРКА[10]

Приобретением я был очень доволен. Именно приобретением, не покупкой. Все остальное — наручи, кольчужку и пару мелочей — бывший наемник продал мне по сходной цене. А его почему-то отдал даром.

— Сколько? — спросил я, рассматривая хитрый узор.

Наемник скосил глаза и мрачно буркнул:

— Так бери.

— Почему? — насторожился я. Нет ли какого скрытого изъяна у этой интересной штучки? Сталь плохая или еще чего.

— Так бери.

— Почему? — насторожился я. Нет ли какого скрытого изъяна у этой интересной штучки? Сталь плохая или еще чего.

— Это… это в подарок. К кольчуге. Мне его тоже подарили, так что пользуйся, не стесняйся.

— Да вроде вещь неплохая, но как-то…

— Бери, бери, — вдруг заволновался продавец. — Не понравится — оставишь… где-нибудь.

— Ну ладно. — Я еще раз оглядел настойчиво предлагаемый предмет и решился: — Спасибо, коли так.

Наемник выдохнул облегченно, как мне показалось.

Сейчас приобретение лежало на столе, чуть скрытое миской с вареной картошкой. Картошечка была сварена в кожуре, разрезана на половинки и посыпана крупной солью. Сверху на каждом ломтике таял желтый кусок нежнейшего сливочного масла. Не имея причин ждать, я потянулся к миске, попутно схватив ломоть хлеба.

С аппетитом чавкая, разглядывал «покупку». Добротный, я бы сказал, не лишенный изящества, одноруч, лезвие длиной дюймов тридцать. Уже упомянутый узор вьется по верхней части клинка. Удобная рукоять и гарда, посеребренные ножны… И чего наемник с ним расстался? Да, понимаю, завязал с ремеслом, хочет на покой, хлеб выращивать, женой обзавестись, детишек прижить, но зачем хорошую вещь отдавать первому встречному?

Я мысленно пожал плечами — что ж, мне как раз требовался такой взамен сломанного — и сосредоточился на обеде.

Три минуты. Ровно три минуты продолжалась моя идиллия. А потом ОН заговорил.

— Здравствуй, о, путник, утомленный дорогою жизни!

Я поперхнулся.

Усилием воли проглотив кусок, повел глазами по сторонам. Никого. Подошел к двери, распахнул настежь. Никого. Пустой коридор второго этажа придорожной гостиницы. Выглянул в окошко — под окнами, вопреки обыкновению, никто не шлялся, не орал песни пьяным голосом, не ругался и уж тем более не выражался столь высокопарно.

Послышалось.

— О, путник, ты не туда смотришь, — вежливо подсказал голос. — Обрати внимание свое сюда.

Я обратил. Голос действительно исходил от меча. Подозревая колдовство, черную магию и проклятие до третьего рода, я осторожно шагнул к столу. Может, все-таки померещилось?

— Не бойся, путник, ибо наступил для тебя день благодати…

— Это ты говоришь? — спросил я. — Ты? Мой меч?

— Да я, я! Глухой, что ли? — неожиданно раздраженным тоном ответил тот. — Глаза разуй, олух. Счастье тебе привалило — я то есть. Говорящий меч, несравненное творение забытого в веках мастера.

— Чур меня… — пробормотал я, перекрестился и бросился к окну с намерением расстаться если не с жизнью, то с проклятым местом уж точно.

— Куда, болван?! Стоять! — заорал меч, и я застыл с ногой, занесенной над рамой.

Кто его знает, колданет вдогонку.

— Да не бойся ты, трусливое семя осла, не сделаю я тебе ничего плохого. И почему все вечно сбежать норовят… или сломать меня?

— А тебя можно сломать? — поинтересовался я, не опуская ноги.

— Нет, — отрезал он. — Я волшебный, типа. То есть волшебного типа. Мне нельзя повредить.

Видя мое тактично выраженное опасение, клинок смягчился.

— Успокойся, никакой черной магии. Исключительно чудодейственное мастерство оружейника. Просто сейчас таких не делают, вот и все.

Услышав в его голосе «человеческие» нотки, я немного расслабился и даже вернул ногу на пол. Меч лежал спокойно, не делал попыток вырастить гигантские щупальца и схватить меня. Я рискнул подойти.

— Так ты волшебный?

— Именно. Позволь представиться, Гладио Спада Эпи Свордиус Первый. Меч. — Тут он чуть засмущался. — Можно просто Свордиус.

— Бриан Шверк, бывший ремесленник, можно просто Бриан, — непроизвольно отозвался я. И добавил: — А тебя можно потрогать?

— Валяй, — милостиво разрешил меч. — Для того и выковали — быть, так сказать, полезным людям.

Я аккуратно коснулся пальцами рукояти, затем, осмелев, зажал ее в ладони. И дернулся от едва ощутимой дрожи, пробежавшей через клинок, когда он снова заговорил:

— Так что будем делать, Бриан? Какие у тебя были планы на будущее?

Я возвратил меч на стол, от греха подальше. Уселся на табурет и задумался.

— Планы… вообще на будущее или на ближайшее? Вообще. Ага, ясно. Ну, я собирался в наемники податься. Сам видишь… ты ведь видишь?

— Вижу, — подтвердил Свордиус.

Час от часу не легче.

— Так вот, видишь, здоровый мужик, чего мне в мастерской штаны просиживать да на хозяина спину гнуть. Оружием владеть кое-как обучен, пойду в воины, денег заработаю.

— А потом? — с подозрением спросил меч.

— Потом? Ну… потом домишко себе куплю, наверное. Осяду. Может, дело свое открою, торговлю.

— Никуда не годится, — резюмировал Свордиус.

— Чего это?! — возмутился я подобной бесцеремонности. — Чего это не годится?

— Ничего не годится. Что за профессия, наемник? — В этот момент он явственно скривил гарду. — А торговец?! Фу, еще хуже. Нет, ты у меня станешь рыцарем. Без страха и упрека, разумеется.

— К-кем? — В тот момент я как раз отхлебнул воды и, естественно, расплескал ее по всему столу.

— Рыцарем, — повторил он. — Без страха и упрека. Не меньше.

— А… если я не хочу? — кинул я робкий пробный шар.

— Гнев мой будет страшен, — буднично ответил меч.

— Ага… поня-я-ятно.

Решив, что с этим разберусь позже, я на какое-то время замолчал. Меч, по-видимому, удовлетворенный, проворчал что-то неразборчивое, затем поинтересовался:

— Ты уже доел? Тогда давай собирайся. Посмотрим, на что ты способен.

— Я? Зачем?.. Куда? За что?!

— Собирайся!

Голос прозвучал сердито, и я не решился противоречить. Накинув жакет и опоясавшись, не без опаски пристегнул ножны. Вопреки мрачным предчувствиям, ножны не превратились в извивающегося питона и не задушили меня, Свордиус также не проявлял враждебности. Я вышел из дверей гостиницы и, не придумав ничего лучшего, направился в город. Меч молчал, и я подумал, что мой выбор его устроил.

Город не представлял собой ничего особенного, те же серые каменные стены, тот же барбакан, тот же огромный базар, такой же замок с непременным донжоном, как и во всех остальных поселениях, что я видел за месяцы своего путешествия. Разве только чуть крупнее, чем

обычно.

Еще накануне я узнал, где находятся казармы, и собирался попытать счастья у капитана местной дружины. Возможно, здесь нужны вольнонаемные солдаты. Из предыдущих попыток ничего не вышло, так как эти скопидомы-владетели не желали тратить ни одной лишней монеты на оплату моих услуг. Конечно! У них же есть крестьяне, обязал всех воинской повинностью, вот тебе и армия. И платить не надо, корми да учи. А те гроши, которые мне предлагались, не стоили ни капли моих усилий, я считаю.

Сейчас ноги невольно несли меня к возвышающейся громаде замка. Может, этот — как там его, барон Вильский — окажется щедрее? Направление, видимо, угадал и мой меч.

— Эй, ты куда?

— Туда, — пробормотал я и для верности указал рукой.

— Нечего тебе там делать, — безапелляционно заявил Свордиус. — Ты не будешь тратить свое время, воюя за какого-то неизвестного тебе лендлорда.

— Почему это? — вскинулся я. Нет, ну согласитесь, до какой степени унижения нужно дойти, если твой собственный меч диктует, куда тебе идти и чем заниматься. Не собираюсь же я стать рыцарем, в конце концов. — Чем тебе плох барон? И почему я не могу делать то, что хочу?! Вот возьму и пойду, что ты на это скажешь?

— Скажу, что… скажу… — Меч замялся. — Скажу, что мы с тобой должны помочь вон тому человеку. Немедленно!

И он поволок меня в темный проулок между двумя домами. С трудом удержавшись на ногах, я предпочел топать своими двумя, а не валяться в пыли, волочась за железякой, которая тащила мой левый бок вперед с неведомо откуда взявшейся силой.

Мы пробежали по узкому проходу, загаженному до невозможности — именно там протекало одно из ответвлений клоаки, — завернули за угол и оказались в крохотном дворике, образованном глухими стенами нескольких домов. Свордиус затормозил, и я влетел носом в каменную кладку.

После того как белое пятно перед глазами исчезло, я смог оглядеться. Во дворике обнаружилась компания из трех субъектов. Один, щуплый пожилой человечек, судя по одежде, из гильдии торговцев, привалился к стене с поднятыми руками. Двое других, амбал с красной рожей самого свирепого вида и молодой, но бравый задохлик с ножами в руках, стояли в позах, исключающих двойное толкование. Они беззастенчиво и бессовестно грабили бедолагу.

Но, ради святого Антониуса, я-то здесь при чем?! Одним ограбленным больше, одним меньше… Попался какой-то разиня этим молодцам — се ля ви, как сказал бы мой прежний хозяин (он родом был не из наших мест). Однако Свордиус имел на этот счет противоположное мнение.

— Это твой шанс, — раздался его горячий шепот. — Ты видишь творимое здесь зло, так искорени его!

— Я… но я… я не хочу!

Нет, я и в самом деле не хотел связываться с двумя разбойниками, особенно с тем краснорожим амбалом. Чего ради? Но мой меч решил, что я не имею права упустить столь

соблазнительный шанс, и с ревом кинулся на противника. Ничего не оставалось, как выхватить его из ножен, заорать и побежать навстречу собственной безвременной кончине.

Наверное, мы с мечом орали очень громко, а топал я за двоих, иначе как объяснить, что амбал лишь мельком зыркнул в мою сторону, подхватил напарника за локоть и нырнул в соседнюю щель, еще более узкую, чем та, по которой мы пришли. Я остановился и даже успел подхватить старика, падающего в совершенно неуместный обморок.

— Сэр, эй, сэр, не время разлеживаться. Бежать надо!

Торговец, кажется, немного ожил и приоткрыл один глаз.

— Так вы не собираетесь убивать меня? — спросил он.

— С какой стати, — возмутился я. — Да я вас спас, между прочим. И если хотите остаться в живых да при своих деньгах, советую вам скорее убраться отсюда. Те два молодчика могут вернуться.

— Да-да, вы правы, дорогой сэр. Огромное вам спасибо, дорогой сэр. Поспешим же.

И мы поспешили.

Выбравшись обратно на людную улицу и избавившись от старичка (все равно вознаграждать он меня ничем, кроме славословий, не собирался), я отошел в сторону и зашипел на меч:

— Что ты вытворяешь?! Зачем ты потащил меня в этот вонючий переулок?

Свордиус радостно захихикал.

— Ты рожден быть героем, мой храбрый Бриан, защищать слабых и покровительствовать бедным. И я из тебя его сделаю, хочешь ты того или нет.

— Кто герой? Я герой? Да что ты себе позволяешь?! Рехнулся ибо, воистину. Какой из меня герой? Это все ты. Поволок невесть куда. А если бы меня убили? Ты хоть подумал, а? Подумал? Чтоб я еще раз взял тебя с собой!

— Проклятие, Бриан, проклятие… — зловеще прошептал меч.

Я запнулся на полуслове.

— Какое проклятие?

— Страшное колдовское проклятие постигнет тебя, ежели ты вздумаешь ослушаться меня или посметь не взять с собой.

— Да?

Моя ярость слегка приутихла. А ну как и правда. Кто ж их, волшебные мечи, знает. Так и хотелось дать его самодовольному навершию в морду. Что бы у него ни было мордой.

— Не сомневайся.

После сего досадного происшествия пришлось возвращаться в гостиницу несолоно хлебавши. Совсем не жаждалось, чтобы этот негодяй втравил меня в очередную историю. В комнатушке я

нарочито резко отстегнул ножны и водворил их в угол. Пусть знает, я сердит, я очень сердит.

Ленч прошел в молчании. Только когда я обсосал последнее голубиное крыло и в наступающем сытом благодушии уже начало казаться, что все произошедшее было дурным сном, меч снова принялся болтать.

— И все-таки, мой друг, ты отлично сегодня поработал. Я весьма доволен. Теперь подумаем, чем займемся завтра.

— Завтра? — Внутри меня что-то рухнуло вниз. — Послушай, Свордиус, почему ты не хочешь, чтобы я нанялся в дружину и заработал немного денег? Честным путем, заметь. Разбойничать и обирать неосторожных путников я не собираюсь.

Свордиус отмахнулся от меня, как от назойливого комара.

— Это не для тебя, я же сказал. Завтра мы совершим с тобой что-нибудь великое. Да-да, непременно великое.

— Святой Стефаний, вступись за раба Божия грешного, — пробормотал я.

И тут меня осенило.

Если уж мой меч вознамерился сделать из меня героя, почему бы не провернуть дельце с выгодой для себя.

— Хорошо. Согласен. Завтра мы совершим подвиг. Мы… мы спасем принцессу!

Меч возликовал:

— Восхитительно! Просто замечательно! Потрясаю… Погоди, а где ты здесь возьмешь принцессу?

— А ты не слышал? Ее Королевское Высочество, наследная принцесса Агата-Мария завтра вечером прибывает в город с визитом.

— И что, кто-то задумал совершить покушение на сию августейшую особу?

Я вздохнул. Это была самая слабая часть моей задумки.

— Вообще-то нет. По крайней мере я о подобном заговоре ничего не знаю.

— Тогда я не понял, — после некоторого раздумья сказал меч.

Посвящать Свордиуса во все подробности плана я не решился. Не был уверен, что тот не воспротивится мероприятию.

— Но допустим, кто-то собирается завтра напасть на принцессу, ведь наш долг — спасти ее, не так ли?

— Совершенно верно.

— Значит, мы будем наготове. Станем незаметно сопровождать карету Ее Высочества на въезде в город и, если случится то, чего мы боимся, смело бросимся на врагов.

— Совершенно верно.

— Значит, мы будем наготове. Станем незаметно сопровождать карету Ее Высочества на въезде в город и, если случится то, чего мы боимся, смело бросимся на врагов.

— Непременно.

— А когда мы ее выручим, ты ведь не будешь против, если она щедро одарит своих спасителей? В конце концов я — не ты. Я живой, и мне нужно что-то жра… кушать то есть. А если я в ближайшее время не поступлю на службу (чего ты так не желаешь) или не найду другой работы, мне придется голодать. Много ли ты навоюешь с падающим от истощения героем?

— Хм…

Меч замолчал, очевидно, решая для себя непростую дилемму. Не добившись больше от него ни слова, я сообщил, что собираюсь пойти прогуляться. И поскольку на прогулке могу ограничиться легким кинжалом, не будет ли он столь любезен остаться дома. Свордиус буркнул, что разрешает прогулку, если я не направлюсь снова в замок или не осяду в каком-либо местном трактире. «Учти, я это почувствую, и гнев мой возгорится незамедлительно», — предупредил он. Я заверил его, что вовсе не собираюсь нарушать запретов, и выскользнул за дверь.

Времени было в обрез, и я рванул на базар. Там, расспросив пару-тройку торговцев, я непременно должен выйти на нужных мне людей.

План был прост, как морковка на грядке.

Как назло, никто не объявлял войну местному владетелю или всей стране и никто не собирался вредить короне и похищать Ее Высочество принцессу. Но! Допустим, я точно знаю, когда произойдет нападение…

А что? Славные лесные братья окружают карету, чуть-чуть не доехавшую до города. Охрана перебита или… ладно, обезоружена, все в панике, принцесса без чувств. И тут появляюсь я. С мечом, разумеется, туда его за ногу. Хотел геройства — получит. Раз-раз, вжих-вжих, и вот уже свирепые разбойники в ужасе разбегаются от могучего воина в сверкающих… ах ты, проклятие, доспех-то еще не весь собрал, ну пусть будет кольчуга, хорошо. Итак, в сверкающей кольчуге. Солдаты с благодарностью поднимаются с земли, фрейлины визжат от восторга, принцесса спасена. И очень, очень благодарна своему спасителю.

Золотые слитки с кулак величиной проплыли перед мысленным взором и, отрастив алмазные крылья, упорхнули в страну надежд и желаний. Пора приниматься за работу.

Походив по базару и путем осторожных расспросов выяснив, кто мне нужен, я бегом ринулся в трактир (надеюсь, Свордиус ничего не имеет против того, что я загляну туда одним глазком, нагружаться-то не стану, ни-ни; кто ж хлещет накануне такой кампании). Там я в самом деле обнаружил искомое лицо. Сделав глубокий вздох, подсел за столик и попросил трактирщика налить соседу за мой счет…

К ночи, пьяные в дрова, мы обо всем договорились. Денег пришлось выложить немало. Точнее — почти все. И пообещать заплатить из своей награды, если дело выгорит. Но я намеревался отхватить большой куш, стоит ли жалеть о малом.

На следующее утро я проснулся. Да-да, поверьте, это нехитрое действо потребовало отдельной

фразы. Ибо по понятным причинам лишилось обычной легкости и жизнерадостности. Тем не менее я проснулся, встал и даже умылся.

Свордиус все еще молчал. Вчера он попытался вразумить меня благочестивыми наставлениями, и я, кажется, вежливо попросил его заткнуться. Меч обиделся. Почему я остался жив и здоров, не знаю. Возможно, он меня пожалел и не стал насылать черную оспу, болотную лихорадку или бубонную чуму. Хотя… судя по тому, что сегодня одна только мысль об эле вызывала жестокую головную боль, мерзавец мог применить особо изощренное заклятие отвращения от выпивки. Проверять я на всякий случай не стал, ограничившись двумя кружками ледяной колодезной воды.

До вечера — времени, когда прибывала принцесса — надо было многое успеть. В частности, подготовить место моей засады. Предложенное вчера сообщником укрытие не годилось. К своему неудовольствию я увидел, что неподалеку расположился бродячий цирк. Барон, очевидно, не пожелал такого соседства и выставил циркачей вместе с их зверинцем за пределы городских стен. Впрочем, это никак не повлияло на количество благодарных зрителей. Даже теперь, когда цирк только разворачивался, на зрелище сбежалось поглазеть десятка три оборванных пацанов и еще большее число праздных зевак из взрослых.

В общем, мне пришлось поискать уголок поукромней. И вскоре я его нашел. Свордиус следил за приготовлениями в безмолвии, я не знал, подозревать его в осуждении или одобрении моих действий. Только раз он поинтересовался, почему я так уверен, что на принцессу нападут, и нападут именно здесь. Я что-то соврал.

Наконец солнце начало клониться к закату. Я плотно засел в убежище близ лесной дороги, слушая, не раздастся ли стук копыт и грохот колес. Гул голосов, доносящийся со стороны цирка, приумолк — народ расходился. На окрестности опускалась тишина. Одной заботой меньше.

Ждать пришлось долго. Чуть не уснул, но Свордиус время от времени пихал меня в бок. Когда все вокруг погрузилось в сумерки, на дороге послышался далекий шум. Спустя несколько минут из-за поворота показались четыре верховых гвардейца, а следом — две богатых кареты. Замыкали кавалькаду еще один, два, три… проклятие! Слишком много солдат.

Все же я надеялся, что мои бравые ребята не подведут и дадут мне шанс хотя бы красиво появиться, прежде чем сбегут от погони.

Цокот копыт приближался, приближался… Вот уже… вот-вот… Да!

Раздвигая пышные придорожные кусты, наперерез каретам выскочили мужики в черных масках. Лошади заржали, вставая на дыбы, гвардейцы на секунду замешкались. Я, полный азарта, привстал, готовясь сорваться в любой подходящий момент. Сейчас-сейчас, дадим лесным братьям каплю времени… ага, вот так… ну… пора!

Я вскочил и храбро кинулся вперед, выхватывая на ходу меч. И… провернулся вокруг его рукояти, как дохлая крыса на веревочке.

— Нет, так нельзя, — раздался строгий голос Свордиуса.

— Чего? Чего нельзя?! — Тело рвалось к дороге, туда, где меня ждала законная награда. Я уставился на меч довольно свирепо, потрясая им перед собственным носом. — Чего нельзя, глупая ты железка! Скорее бежим, не видишь, что ли, принцесса в опасности.

— Нельзя спасать Ее Высочество ради гнусной корысти, — ответил он. — Это ведь ты все сам устроил, не отпирайся.

Я воздел свободную руку к небу. О святой Бонифаций!

— Ну я, ну и что? Давай соображай скорее, с секунды на секунду они…

— Нет, Бриан, мы не будем спасать принцессу, так как она совершенно не нуждается в спасении.

Я взвыл.

— А вот кого мы будем спасать, так это…

И он рванул влево, прямо по зарослям крапивы.

— Куда-да-да-да… — завопил я, прыгая по кочкам.

— Выполнять твое предназначение!

Надо было его зашвырнуть в ближайшие кусты. Но, наверное, я все еще боялся. И именно поэтому пропрыгал ярдов сто, лавируя меж деревьев и спотыкаясь о корни, пока не вылетел на крохотную полянку.

Полянка, погруженная в сумрак, сначала показалась пустой, но затем я различил возню на дальнем ее крае. И тут же тишину разрезал женский визг, от которого у меня почти лопнули оба уха. Женщину сжимал в объятиях здоровый, коренастый мужик. Уже понимая, что мне предстоит, я вяло прокричал: «Оставь ее, грязный виллан!» — и повлекся за Свордиусом. Согласитесь, драться с громилой, которому не было заплачено, чтобы упасть от малейшего прикосновения, это совсем другая история.

Мужика наш грозный вид не напугал, и мне пришлось немало повозиться, прежде чем уложить его на землю, порезав мечом бедро. Я предоставил его самому себе и собрался вернуться к дороге — а вдруг? Но путь нам заступила пострадавшая дама.

— Боже мой, прекрасный сэр, как я вам благодарна. О, как я вам благодарна! Вы вмешались столь вовремя. Если бы не вы, то…

— Не стоит благодарности. Я вовсе не…

— Как вы скромны, как великодушны. Нет, я непременно должна вас отблагодарить. Ах, но я не знаю даже вашего имени, отважный воин.

Кинув последний взгляд на просвет в чаще, я покорился. Наверное, мои «сообщники» уже разбежались и укрылись в лесу, как и было договорено на случай непредвиденных обстоятельств. Теперь соваться к принцессе бесполезно.

Почему?! Ну, почему так?!

— Какая разница? — в сердцах воскликнул я. — Идите домой и постарайтесь не попадаться больше никаким злодеям.

— О, мне непременно нужно знать ваше имя, храбрый сэр. Вы не представляете, я мечтала… это такое, знаете ли, тайное желание… я давно мечтала оставить свою постылую работенку и

стать спутником какого-нибудь благородного рыцаря. Спасать несчастных, помогать невинным, творить добро. Меня зовут Нисана, сэр, Нисана Миндель. Я клоунесса, с вашего позволения. Видели цирк у городской стены?

— У-у-у!

Я застонал. Только клоунов мне не хватало!

— Это все ты виноват! — заорал я на меч. — Если бы не полез не в свои дела, сейчас ехали бы в замок, пялились на фрейлин и купались бы в золоте. Всю жизнь мне исковеркал, изверг!

— Вовсе не коверкал. Всего лишь направил по дороге твоей судьбы, — проворчал Свордиус.

— Ты хоть понимаешь, что натворил? Я же отдал на это дело все мои деньги! Завтра нам будет нечем заплатить за гостиницу и меня выкинут на улицу. На что я буду, по-твоему, жить?! В наемники ты мне пойти не даешь.

— Не беспокойся о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем, — наставительно произнес меч.

Нисана, открыв рот и замерев, наблюдала за нашим диалогом. Я ожидал от клоунессы потери чувств, но на ее лице светилось отчетливое благоговейное восхищение.

— О-о, прелестно, прелестно. Говорящий меч?.. Никогда таких не видела. А можно его потрогать?

— Можно, — обреченно согласился я и переспросил: — Можно ведь?

— Разумеется, — с достоинством ответил тот. — Разрешите представиться, Гладио Спада Эпи Свордиус Первый. Для вас просто Свордиус. Приятно встретить человека, не убегающего с криками при обнаружении мной способности разговаривать.

Могу поклясться, он показал мне язык. Гардой!

— Что вы, что вы. Для меня это честь. Вы позволите?

Клоунесса двумя пальчиками приняла меч и, едва не уронив, перехватила поудобнее.

— Как получилось, что столь прекрасная дама оказалась в одиночестве в лесу? — галантно поинтересовался Свордиус.

— Ах, это все Ливарий, управляющий. Я сказала ему, что не выйду завтра на представление. Мне опротивел рыжий парик и пестрые тряпки. Я чувствую в себе другое призвание, я ведь сказала вам, да? Ну конечно, сказала. Мой контракт закончился вчерашним числом, управляющий не мог ничего сделать. Я ушла от Ливария, но он взялся преследовать меня и шел до самого леса. А там попытался снова уговорить. Я отказалась, и тогда он… он… Ох, я так благодарна вам за избавление. О, если бы сэр рыцарь благоволил все-таки назвать свое имя…

Пришлось оглянуться и убедиться, что раненый мужик уполз.

— Бриан Шверк, — процедил я. — И я не рыцарь.

— Нет? Удивительно. Впрочем, я уверена, что с такими задатками вы скоро им станете. Да-да, непременно станете. Извините, что осмеливаюсь тревожить, однако я невольно услышала о

затруднительном положении, в котором вы оказались. Если позволите, у меня в этом городе есть подруга, Агнесса, я собиралась остаться жить у нее. У Агнессы найдется вторая комнатка для моих спасителей. Вы пока могли бы пожить безо всякой платы…

Я наконец пристально взглянул на Нисану. Невысокая пышечка, крепкая и ладная. Темные волосы, маленький курносый нос, мушка на щеке. На вид лет двадцать семь или около того. Не в моем вкусе. Но дареному коню, как известно…

Это понимал даже Свордиус.

— Благодарю вас, обворожительнейшая Нисана, мы с благодарностью принимаем ваше предложение, — пропел он.

— Спасибо, — присоединился я.

Хоть какая-то компенсация упущенным возможностям.

— Ах, сэры, я буду очень рада. Только… — Она пронзила меня неожиданно суровым взглядом. — Только смотрите, без фокусов, господин Шверк, я честная женщина!

Я заверил Нисану, что ни в коем случае не собирался претендовать… нет, я не имел в виду… то есть я был бы счастлив, но все понимаю и не смею…

Наконец она удовлетворенно кивнула.

— Не будем терять времени.

И мы поселились у Агнессы. Я бездельничал, Нисана стряпала и латала мне одежду. За эту услугу она требовала обучать ее воинской премудрости, так что приходилось показывать ей те приемы владения мечом, какие знал сам. Свордиус собирал нас по вечерам и заставлял вкушать духовную пищу. Нисана внимала с восторгом, а я посвящал те же часы размышлениям о том, как бы избавиться от назойливого приобретения. От двух назойливых приобретений, если уж быть честным. Эти двое не давали мне никакого проходу. И не позволяли сидеть в трактирах!

Агнессу мы встречали редко, она трудилась в замке и часто задерживалась на сутки. Бывшая клоунесса иногда ей помогала — тогда у нас появлялись деньги.

Раз в три дня Свордиус выгонял меня «совершать подвиги». Единственная польза от них состояла лишь в том, что после нас ждал чуть более богатый, чем обычно, ужин, приготовленный восхищенной Нисаной. Пару раз меня вознаграждали несколькими монетами, хоть какое-то приятное разнообразие.

Однажды, вернувшись из очередного похода за славой, я сидел за столом и мрачно жевал кусок холодной баранины; в углу примостился Свордиус.

— Слушай, зачем тебе все это? — спросил я его, не надеясь на ответ. — Можешь ты хоть месяц пожить без приключений и спасения первых встречных и поперечных?

— Не могу. — Он все-таки ответил, и в голосе клинка прозвучала грустинка. — Я так устроен. Как только вижу какую-нибудь несправедливость, мигом кидаюсь исправлять.

— Так не смотри и не увидишь!

— Вот дурень, так я тоже не могу. Иначе потеряю цель и зачахну. Мне нужно действовать.

— Хм… А ты правда в силах наслать на человека проклятие?

— Да я как-то пробовал, но… — Свордиус резко замолчал. — Конечно, могу, и горе тому, кто усомнится!

Пробовал, значит… Ага.

Я перевел разговор на иные темы.

Через два месяца подобного существования нам сказочно повезло. Я спас баронского отпрыска. Бастарда, но любимого отцом. Вышло это случайно. Пацан игрался в реке и пошел ко дну от случившейся судороги. А река в том месте изрядно глубока и бурлива. Ребятня вместо того, чтобы помочь, рванула на берег с воплями о страшном духе-водяном. А я, как на грех, проходил рядом. Нужно ли говорить, что Свордиус потянул меня в воду, едва заслышал отчаянный крик мальчишки. Хорошо, разрешил себя отстегнуть, а то представляю, как бы я греб с эдакой тяжестью, и было бы в тот день двое свежих утопленничков.

Мальчишку я вытащил, что стало известно в замке. И наконец-то я получил достойное вознаграждение за свои труды (вкупе с лекцией Свордиуса о добрых делах, за которые рано или поздно воздается сторицей).

На дарованные деньги купил коня, после чего сообщил мечу, что намерен покинуть опротивевший город. Свордиус подозрительно легко согласился. Промашку я допустил лишь в одном: в тот же вечер напился и проболтался о намерении Нисане. Естественно, клоунесса возопила, что жаждет отправиться вместе со мной, делить тяготы походной жизни, готовить обеды, а по пути спасать, защищать, помогать…

Святой Франциск!

Но выбора не оставалось. Я купил ей низенькую лошаденку, и через три дня мы оставили городские стены далеко позади. Путешествие текло легко и приятно. Пели птички, шуршали деревья, по небу плыли белые облака, сияло солнце, меч и Нисана развлекались беседой о преимуществе фламбергов над прямыми клинками. Позже по пути встретилась кибитка то ли с бродячими актерами, то ли шарлатанами-целителями в количестве двух человек, и дальнейшие пару десятков миль мы проехали в их обществе. Свордиус немедленно умолк, даря мне несколько часов блаженного спокойствия, но это обстоятельство успешно скомпенсировала Нисана… К вечеру на горизонте возник очередной лес, его опушка единогласно была избрана местом ночлега.

В общем, день бы завершился как нельзя лучше, если бы стаду диких свиней не взбрело в голову промчаться через наш крошечный лагерь по своим поросячьим делам. Что уж у них там произошло, может, местечковый пожар случился, может, «охотник» какой выбрался пострелять в ночи из арбалета и таки подстрелил кого, но на опушку свинки примчались в отвратительном настроении. А их предводитель, здоровенный кабан с черной шерстью на загривке, пылал жаждой мести. Он-то и повел себя совершенно по-свински, принявшись раскидывать наши пожитки и ломать колеса у повозки.

От такого напора мы, как бы это сказать, растерялись. Нисана шмыгнула в кусты и оттуда зачем-то завопила (наверное, попала в крапиву). Один из актеров рванул в чащу. Второй, молодой парнишка, вывалился из кибитки и замер ногами вверх прямо перед носом у кабана. Я собрался уже залезть на дерево, облюбовал веточку. Но тут… Надо ли упоминать, о ком я

посмел забыть? Конечно, доблестный клинок Гладио Спада Как-Там-Его Свордиус не смог оставить артиста в столь незавидном положении и кинулся на выручку. Прямо со мной.

Руки, уже вцепившиеся в вожделенную ветку, соскользнули, ноги понесли к черногривому чудовищу…

И чего бы парнишке не погибнуть тихо-мирно, без душераздирающих воплей и призывов о помощи? Сидел бы я сейчас на дереве и горя не знал.

Ни разу не видел, чтобы на кабана охотились с мечом, посему пришлось осваивать данное искусство на ходу. К моему удивлению, все остались живы. Кроме предводителя поросячьего стада — его мы сожрали на ужин в назидание потомкам. Но дело не в том. Я наконец-то узнал, что мои бродячие актеры вовсе никакие не актеры и даже не шарлатаны-целители. Они… менестрели.

Нет, вы понимаете?! Менестрели!

Уже через полчаса у костра раздавалась не очень трезвая песнь о храбреце с мечом, в одиночку победившем могучего вепря-оборотня и спасшего двух таинственных незнакомцев. Также в песне выяснялось, что таинственные незнакомцы на самом деле наследные принцы дальних держав, а могучий вепрь — родственник страшного мага, посланного, чтобы… тра-ля-ля, в общем. Было там что-то и о Нисане, «юной деве прекрасной, ликом подобной луне, с устами, что ярче кораллов».

Вот. Теперь представляете масштабы бедствия? Да уже завтра, едва мы въедем в ближайший город, песня зазвучит на всех углах…

Ночью я не спал. Ближе к рассвету поднялся, накрыл Свордиуса одеялом от навершия до кончика клинка, осторожно, дабы не разбудить бывшую клоунессу, собрал вещи и отошел в сторонку. Якобы по нужде. Там отвязал коня и повел по мягкой траве подальше от стоянки на дорогу. Через несколько минут вскочил в седло, двинувшись вперед.

Розовеющее небо, пробуждающиеся малиновки и свежие запахи раннего утра…

Свободен! Наконец-то свободен!

Больше никаких подвигов, спасений и «Од всеславному рыцарю Бриану». Спокойная трудовая жизнь, маленький домик, семья, детишки, ароматный хлебушек по утрам, добрый крепкий эль по вечерам. Тишина и благоденствие.

А меч мне ничего не сделает. Мало ли куда я пропал. Пошел погулять на заре и упал в овраг. Медведи утащили, волки задрали. И мерина моего заодно. Всякое бывает.

Часа через два я заскучал.

Ну, знаете, как-то непривычно, никто над ухом не зудит, дифирамбы не поет, лекции не читает. Женского голоска опять-таки не слышно. Нет, хвала святой Екатерине, конечно. Но… будто не хватает чего. А затем конь принялся сбавлять темп. Устал, бедняжка, ему бы передохнуть. Да и мне кушать хочется, не в седле же — неудобно. По мелочи то да сё, как не задержаться.

Спустя полчаса сзади раздался глухой топот, пока еще далекий и еле слышный. Неужто лошадка Нисаны грохочет? Я чуть откинулся назад, поддергивая повод, коняга перешел на шаг. Сердце часто забилось…

О нет! Святой Бернард, да что я делаю! Мне ж бежать отсюда надо. Драпать! Они же меня вдвоем… они же со мной такое… Я наддал пятками, послал скакуна вперед. Скакун, однако, двинулся не слишком резво, явно в расчете подождать свою каурую подружку, вдруг нагонит. Ну та и нагнала. С наездницей вместе.

— Господин Бриан, господин Бриан! Стойте! Господин Бриан, подождите нас! Да остановитесь же, вы забыли свой меч!

Забыл, ага. Именно.

— Стоять, ослиное отродье, как ты посмел меня оставить?! Нет тебе прощения ни в сем веке, ни в будущем! Да если ты сейчас же не обернешься, тебя постигнет кара. Страшная!

Я вздохнул, натягивая поводья.

— Ну как же вы так, господин Шверк, — задыхаясь от скачки, пропыхтела Нисана в попытках одновременно сдержать лошадь и поправить прическу. — Ушли, ничего не сказали. А мы… а вы… а… ой!

Тут она врезалась носом в конскую шею и ненадолго замолчала. Зато не промолчал Свордиус. Ох, он не промолчал. Но пересказывать здесь его речь я не стану, по понятным причинам.

Короче, мы опять поехали всей компанией. Менестрели нас не догнали, и на том Провидению спасибо. Снова грело солнышко, жужжали шмели, носились среди лугов зеленокрылые стрекозы. Снова деревья качали кронами и укрывали путников своей благодатной тенью. Снова дикий лес окружил нас со всех сторон. И снова все было хорошо.

А потом Свордиус углядел в переплетении ветвей какую-то компанию.

— Вертеп разбойников! Логово злодеев! — возликовал он. — Разрушим сию обитель зла!

— Свордиус, стой! — вскричал я. — Их же семеро!

— Что такое семеро для столь храброго героя, как ты. Вперед, Бриан Бесстрашный! Зададим врагам хорошую трепку!

И я сам не заметил, как понесся вперед с мечом наголо, а рядом скакала, все норовя сползти с лошади, Нисана; ее воинственные вопли сотрясали окрестности и лишали нас шанса на внезапность.

Все, плевать на проклятие! Клянусь, я продам эту говорящую железяку первому подвернувшемуся олуху в ближайшем городе. Нет! Отдам! Даром!

Примечания

1

© Л. Андронова, 2011

2

© А. Белоглазов, 2011

3

© М. Далин, 2011

4

© И. Живетьева, 2011

5

© Н. Колесова, 2011

6

© М. Коротич, 2011

7

© Ю. Остапенко, 2011

8

© А. Сивинских, 2011

9

© Ю. Чернова, Л. Рябова, 2011

10

© Ю. Южная, 2011

Topreading.ru